

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПО КУРСУ
«СТАРΟΣЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК»**

**СТАРΟΣЛАВЯНСКИЙ
ЯЗЫК**

*Учебник для высших учебных заведений
Российской Федерации*

ФГАУ «Федеральный институт развития образования»

Рекомендовано уполномоченным учреждением ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена» к использованию в образовательных учреждениях, реализующих образовательные программы высшего профессионального образования по направлению подготовки 032700 «Филология» по дисциплине «Старославянский язык»

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
2013

УДК 811.163.1
ББК 81.2Рус-2-923
С77

Регистрационный номер рецензии
ФГАУ «Федеральный институт развития образования»
№ 073 от 2011 г.

Авторы:

С. А. Аверина, Л. М. Навтанович,
М. Б. Попов, О. А. Старовойтова

С77 **Старославянский язык: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / С. А. Аверина, Л. М. Навтанович, М. Б. Попов и др. / Учебно-методический комплекс по курсу «Старославянский язык».** — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. — 448 с.

ISBN 978-5-903549-11-5

Учебник содержит теоретический материал курса «Старославянский язык». В нем представлены все основные разделы данной дисциплины: фонетика, лексика, словообразование, морфология и синтаксис. В конце каждой главы даны контрольные вопросы и практические задания по основным темам курса.

Учебник предназначен для студентов филологических факультетов высших учебных заведений, магистров и аспирантов, изучающих проблемы палеославистики, а также специалистов в области лингвистики и всех интересующихся славянским сравнительно-историческим языкознанием.

УДК 811.163.1
ББК 81.2Рус-2-923

*Учебно-методический комплекс
создан и издан за счет пожертвования
Фонда «Русский мир»*

ISBN 978-5-903549-11-5

© Санкт-Петербургский государственный университет,
2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый учебник подготовлен коллективом сотрудников кафедры русского языка филологического факультета СПбГУ, в течение многих лет читавших курс старославянского языка. Учебник предназначается в первую очередь для студентов бакалавриата, изучающих старославянский язык на филологических факультетах университетов, но может быть полезен и для студентов и аспирантов других гуманитарных специальностей, а также для всех интересующихся вопросами палеославистики.

Учебник задуман как часть учебно-методического комплекса по курсу «Старославянский язык» и представляет собой сжатое, но вместе с тем и достаточно полное описание старославянского языка на различных уровнях — фонетическом, лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом. Кроме того, в соответствии с принятой в отечественных университетах традицией авторы включили в учебник сведения об общих тенденциях и конкретных языковых изменениях, которые определили развитие позднего праславянского языка и возникших на базе его диалектов самостоятельных славянских языков. Эта информация призвана не только усилить объяснительный аппарат при описании собственно старославянского языка, но и создать базу для изучения истории славянских языков, прежде всего исторической грамматики русского языка.

Синхронический аспект описания старославянского языка превалирует в учебнике над диахроническим. В данном случае это сознательная методическая установка авторов. Последовательно провести синхронический или диахронический подход при описании старославянского материала довольно трудно: так, например, в учебниках старославянского языка глагол обычно подается «более синхронно», а существительное — «более диахронно». Это устоявшаяся научная традиция, и для нее есть серьезные методические основания, этой традиции авторы в целом и следуют. Генезис той или иной особенности старославянского языка подается в учебнике в виде исторического комментария. Авторы считают, что, хотя, объем такого комментария (в том числе углубление в праславянскую реконструкцию) и может быть различным в зависимости от целей, которые ставятся в каждом конкретном случае, он, конечно, не достигает того объема, который необходим в учебнике по сравнительно-исторической грамматике славянских языков. Авторский коллектив исходил из принципиальной установки, что курс старославянского языка не может и не должен подменять курс истории праславянского языка.

Авторы пытались представить описание старославянского языка не только с учетом достижений классической филологической науки, но и в соответствии с современным уровнем развития палеославистики, в ряде случаев по-новому освещая дискуссионные проблемы. Вместе с тем, учитывая, что данный учебник рассчитан прежде всего на студентов-первокурсников, авторы вынуждены были приводить указанные выше принципы изложения в соответствии с этим обстоятельством. Так, несмотря на то, что в практике университетского преподавания курс старославянского языка справедливо рассматривается как историко-лингвистическое введение в изучение славянских языков, авторы осознанно свели к минимуму обсуждение и объяснение причин рассматриваемых языковых изменений. На начальном этапе обучения историко-лингвистическим дисциплинам студенту в первую очередь необходимо ознакомиться с собственно фактическим материалом (с условиями того или иного изменения, с типичными случаями и исключениями и т. п.) и только после прочного усвоения этих знаний — на более поздних этапах обучения (в следующих курсах и спецкурсах) — целесообразно переходить к обсуждению причин языковых изменений.

С учетом того, что главным адресатом учебника является начинающий филолог, в данном учебнике иногда более подробно, чем это принято в пособиях по старославянскому языку, освещаются общелингвистические и общеграмматические вопросы и объясняется соответствующая терминология. По этой же причине (с целью облегчить студенту восприятие нового материала) большинство старославянских текстов, приводимых в учебнике, переводятся на современный русский язык. Один из сознательных методических приемов, используемых в учебнике, — сравнение с современными славянскими языками (и прежде всего с современным русским). Данное сопоставление не имеет своей целью показать прямую зависимость одного от другого, а, наоборот, призвано, основываясь на сходстве древнего языка и современного (т. е. на материале, уже известном студенту), продемонстрировать особенности (т. е. отличия) старославянского языка и тем самым облегчить их запоминание.

Еще одной принципиальной установкой являлось то, что университетский учебник должен учитывать разные точки зрения на то или иное явление, а в ряде случаев может оставлять проблему открытой, если доступный материал не позволяет склониться к той или иной позиции. В некоторых случаях, по мнению авторов, это не только допустимо, но и единственно возможно. У студента не должно создаваться впечатление, что все вопросы палеославистики решены и ему нужно лишь заучить «правильные» положения.

В конце каждой главы даны вопросы и практические задания, необходимые для контроля за усвоением курса, а также список литературы, куда вошли основные классические труды, сохранившие свою актуальность, и важнейшие современные исследования, имеющие непосредственное отношение к научной проблематике данной главы. Кроме того, в конце книги имеется библиографический список, не дублирующий библиографию по главам, включающий классические труды по палеославистике и базовые учебники по старославянскому языку. Цель библиографических дополнений состоит в том, чтобы дать студенту необходимый минимум информации, позволяющий ориентироваться в историографии вопроса и в нынешней научной проблематике палеославистики.

Авторы пользуются возможностью, чтобы выразить глубокую признательность первым рецензентам, прочитавшим книгу в рукописи и сделавшим ценные замечания: коллегам по кафедре русского языка СПбГУ проф. В. В. Колесову, проф. Т. В. Рождественской, проф. О. А. Черепановой, а также многим коллегам по филологическому факультету СПбГУ и из других университетов, знакомившимся с текстом учебника на разных этапах нашей работы над ним. Считаю своим приятным долгом поблагодарить официальных рецензентов книги проф. А. М. Камчатнова и проф. Б. И. Осипова. С чувством особой признательности мы вспоминаем нашего дорогого учителя и коллегу Татьяну Аполлоновну Иванову, которая вдохновила нас на написание этого учебника и была одним из первых его рецензентов.

СОКРАЩЕНИЯ

Языки, диалекты, алфавиты

- англ. — английский
арм. — армянский
ат. — аттический диалект
балт. — прабалтийский
балт.-слав. — балто-славянский
бел. — белорусский
болг. — болгарский
венг. — венгерский
в.-луж. — верхнелужицкий
в.-слав. — восточнославянский
герм. — прагерманский
глаг. — глаголический
гот. — готский
греч. — (древне)греческий
др.-англ. — древнеанглийский
др.-болг. — древнеболгарский
др.-венг. — древневенгерский
др.-в.-н. — древневверхненемецкий
др.-инд. — древнеиндийский
др.-иран. — древнеиранский
др.-ирл. — древнеирландский
др.-исл. — древнеисландский
др.-лат. — древнелатинский
др.-лит. — древнелитовский
др.-н. — древненемецкий
др.-перс. — древнеперсидский
др.-прус. — древнепруссский
др.-рус. — древнерусский
др.-тюрк. — древнетюркский
з.-слав. — западнославянский
и.-е. — индоевропейский
индоир. — индоиранский
ирл. — ирландский
исп. — испанский
кашуб. — кашубский
кир. — кириллический
лат. — латинский
латыш. — латышский
лит. — литовский
мак. — македонский
нар.-греч. — народно-разговорный греческий

нар.-лат. — народная латынь
 нем. — немецкий
 н.-луж. — нижнелужицкий
 осет. — осетинский
 панн.-слав. — панноославянский
 пол. — польский
 полаб. — полабский
 псл. — праславянский
 рум. — румынский
 рус. — русский
 серб. — сербский
 скр. — санскрит
 слав. — славянский

слвн. — словенский
 словц. — словацкий
 ст.-сл. — старославянский
 с.-х. — сербохорватский
 турецк. — турецкий
 тюрк. — тюркский
 укр. — украинский
 фин. — финский
 франц. — французский
 хорв. — хорватский
 ц.-сл. — церковнославянский
 чеш. — чешский
 ю.-слав. — южнославянский

Лингвистические термины

альвео-} — альвео-палатальные
 палат.} (согласные)
 аор. — аорист
 В. — винительный (падеж)
 велярн. — велярные (согласные)
 вопр. — вопросительный
 вр. — время
 гл. — глагол
 губн. — губные (согласные)
 Д. — дательный (падеж)
 дв. — двойственное (число)
 действ. — действительный (залог)
 диал. — диалектный
 ед. — единственное (число)
 ж. — женский (род)
 заднеяз. — заднеязычные согласные
 Зв. — звательный (падеж)
 звательная (форма)
 зубн. — зубные (согласные)
 И. — именительный (падеж)
 имп. — имперфект
 инф. — инфинитив
 кл. — класс (глагола)
 кратк. — краткая (форма)
 л. — лицо
 литер. — литературный
 личн. — личный
 м. — мужской (род)

М. — местный (падеж)
 мест. — местоимение
 мн. — множественное (число)
 накл. — наклонение
 нар. — наречие
 наст. — настоящее (время)
 нескл. — несклоняемое (существительное или прилагательное)
 НСВ — несовершенный вид
 относит. — относительный
 п. — падеж
 палат. — палатальные (согласные)
 переднеяз. — переднеязычные (согласные)
 перен. — переносное (значение)
 пов. — повелительное (наклонение)
 полн. — полная форма
 предл. — предлог
 прил. — прилагательное
 притяж. — притяжательный
 прич. — причастие
 прост. — просторечный
 р. — род
 Р. — родительный (падеж)

с. — средний (род)	сравн. — сравнительная степень
СВ — совершенный вид	среднеяз. — среднеязычные (согласные)
сигм. — сигматический (аорист)	страд. — страдательный (залог)
собир. — собирательное	сущ. — существительное
совр. — современный	Т. — творительный (падеж)
согл. — согласный	ч. — число
ср. — сравни	

Старославянские памятники

Асс. — Ассеманиево евангелие
ев. — евангелие
Евх. — Синайский требник
Ен. — Енинский апостол
Зогр. — Зографское евангелие
Ин. — Евангелие от Иоанна
Киев. — Киевский миссал
Клоц. — Сборник Клоца
Лк. — Евангелие от Луки
Мар. — Мариинское евангелие
Мк. — Евангелие от Марка
Мф. — Евангелие от Матфея
Надп. Сам. — Надпись царя Самуила
Остр. — Остромирово евангелие
Сав. — Саввина книга
Син. — Синайская псалтырь
Супр. — Супрасльская рукопись
Унд. — Листки Ундольского
Хил. — Хиландарские листки
1 Пет. — 1-е соборное послание св. апостола Петра

Глава I

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА И СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

§ 1. «Старославянский язык» как историко-лингвистическая дисциплина

Старославянский язык — древнейший славянский литературно-письменный язык. Он появился во 2-й половине IX в. в процессе переводческой деятельности славянских просветителей Кирилла и Мефодия и их ближайших учеников. С возникновением старославянского языка связано начало развития постоянной письменной традиции у славян. Поскольку до появления старославянского языка славяне не имели письменности, памятники, написанные на этом языке, фактически являются первой фиксацией славянской речи. Можно без преувеличения сказать, что создание старославянской письменности — главное событие в культурной истории славянства. Особенно велико значение старославянского языка для русских, так как старославянский язык и его продолжение — церковнославянский язык русской редакции — во многом определили облик современного русского литературного языка.

Традиционное понимание старославянского языка как языка первых славянских переводов греческих богослужебных книг, выполненных в середине IX столетия, несомненно, требует комментариев. Во-первых, оно является не единственным: точки зрения на данное понятие разнятся в зависимости от круга текстов, древних рукописей, включаемых в его состав. Во-вторых, следует различать «старославянский язык» как некую языковую систему, реализованную в текстах и являющуюся предметом лингвистического исследования, и содержание учебного курса «Старославянский язык», с которого в отечественных классических университетах начинают изучать историю русского и других славянских языков.

Старославянский язык как языковая система, которая реализована в текстах и о которой мы узнаем, изучая дошедшие до нас древние рукописи, — это и язык первых славянских переводов, и общеславянский литературный язык, и древнейшая письменная фиксация славянской речи. Освоение старославянского языка важно для студентов-русистов не только в лингвистическом, но — шире — в историко-филологическом отношении. Изучение старославянского языка формирует взгляд на язык как культурное достояние, дает начальные представления о языковых изменениях,

столь важных для понимания языка как системы, а также позволяет освоить целый ряд необходимых будущему филологу конкретных сведений о русском и других славянских языках.

Курс старославянского языка, как он сложился в отечественной университетской традиции, не предполагает лишь изложения сведений о старославянском языке как таковом. Этот курс прочно занял место *историко-лингвистического введения* в научное изучение славянских языков, а знакомство с ним позволяет ставить и решать важные вопросы причинно-следственных отношений в историческом развитии славянских языков. Таким образом, основы сравнительно-исторического метода также находят свое место в курсе старославянского языка. Соответственно этот курс не ограничивается рамками IX—XI вв., временем появления старославянского языка и создания древнейших дошедших до нас старославянских памятников. Он включает в себя элементы *сравнительно-исторической грамматики славянских языков*, т. е. сведения по истории праславянского языка. Представление о структуре праславянского языка и изменениях, пережитых этим языком (например, об особенностях строения праславянского слога, о возникновении носовых гласных, о палатализации заднеязычных, монофтонгизации дифтонгов, судьбе сочетаний согласных с йотом, типах основ существительных, способах глагольного действия и формировании категории вида, возникновении полных прилагательных и некоторых других), необходимо студентам-русистам для понимания многих явлений как в самом старославянском языке, так и при изучении истории русского языка.

Сохранившиеся рукописи позволяют достаточно надежно реконструировать исходную систему и нормы старославянского языка. Эволюция этих норм, которая проявляется в сохранившихся старославянских и церковнославянских памятниках X—XI вв. и даже более поздних рукописях, дает материал по истории общеславянского литературного-письменного языка на разных территориях распространения старославянской письменности.

§ 2. Славянские языки

Как видно уже из названия, старославянский язык относится к группе славянских языков, которые, в свою очередь, входят в индоевропейскую языковую семью. К современным славянским языкам относятся белорусский, болгарский, македонский, польский, русский, серболужицкие (верхнелужицкий и нижнелужицкий), сербохорватский, словацкий, словенский, украинский и чешский.

Славяне компактно проживают главным образом в Европе, в таких странах, как Австрия, Белоруссия, Болгария, Босния и Герцеговина, Германия, Македония, Польша, Россия, Сербия, Словакия, Словения, Украина, Хорватия, Черногория, Чехия. Общее число говорящих на славянских языках, по данным на начало XXI в., составляет более 300 млн человек, а с учетом тех, кто пользуется русским языком как вторым, — более 400 млн.¹

Славянскими языками пользуются следующие народы²:

русским языком — **русские** (самоназвание — русский, -ие);

украинским (українська мова) — **украинцы** (українець, -нці);

белорусским (беларуская мова) — **белорусы** (беларус, -ы);

польским (język polski) — **поляки** (polak, -cy);

чешским (český jazyk, čeština) — **чехи** (čech, -si);

словацким (slovenský jazyk) — **словаки** (slovák, -áci);

верхнелужицким (hornjoserbska rěč) и **нижнелужицким** (dolnoserb-
ska rěč, dolnoserbški jězik) — **лужицкие сербы**, или **(сербо)лужичане**
(serbja, serby);

болгарским (български език) — **болгары** (българин, българин);

македонским (македонски јазик) — **македонцы** (македонец,
-нци);

словенским (slovenski jezik) — **словенцы** (slovenec, -nci);

сербохорватским (српскохрватски језик, hrvatskosrpski jezik)³ — **сербы** (србин/срб, -и), **черногорцы** (црногорац, -рци), **хорваты** (hrvat, -и) и **муслимане**, или **боснийцы-мусульмане** (muslìman, -i; bosanac, -nci).

Перечисленные языки выполняют разнообразные функции и являются литературными языками, а большинство из них (за исключением лужицких⁴) являются государственными языками. Кроме того, существуют так называемые *микроязыки*, т. е. языки узкого распространения. Таков, например, **руси́нский** (*паннонско-русинский*, или *югославорусинский*) язык на территории Сербии и Хорватии (около 30 тыс. носителей, предки которых в XVIII в. переселились сюда из смешанных украинско-словацких сел). Язык **русинов** имеет литературно-письменную форму.

Славянские языки, кроме того, имеют диалекты, причем в ряде случаев трудно решить, что перед нами — самостоятельный язык

¹ По данным: Brunner B. (ed.) Time World Almanach 2002 with Information please. Des Mines: Learning Network, 2001. P. 474.

² При чтении примеров из славянских языков пользуйтесь Приложением 1.

³ Имеются два варианта сербохорватского литературного языка: **сербский** (восточный) и **хорватский** (западный).

⁴ Письменность на серболужицких языках возникла в XVI в. В течение XVII в. постепенно формируются литературные языки. Первые литературные произведения появляются в конце XVIII в.

или диалект. Данная проблема осложняется тем, что некоторые диалекты имеют литературно-письменную форму. К литературным микроязыкам относятся, в частности, **кашубский**, который иногда рассматривают как диалект польского языка (кашубы — около 300 тыс. носителей — проживают на севере Польши; культурный центр — Гданьск), и возникшие на основе диалектов сербохорватского — **чакавский** (культурные центры — Сплит и Риека) и **кайкавский** (культурный центр — Загреб¹).

Носители этих микроязыков пытаются сохранить свое культурно-этническое своеобразие².

Самый молодой славянский литературный язык — **македонский**: первая его официальная кодификация была проведена после Второй мировой войны. Долгое время македонский язык рассматривался как диалект болгарского языка, с которым у него наблюдается много общего (например, отсутствие склонения и наличие постпозитивного артикля).

Отвлекаясь от современности, следует упомянуть мертвый славянский язык — **полабский**, на котором говорили до XVIII в.³ и который не получил литературной обработки. Когда говорят о полабском языке, то имеют в виду язык полабских славян, дошедший до нас в виде сделанных в конце XVII — начале XVIII в. записей слов и отдельных текстов.

Современные славянские литературные языки используют алфавиты, основанные на кириллице или на латинице⁴. Кириллица принята в тех славянских странах, где распространено православие: Белоруссии, Болгарии, Македонии, России, Сербии, Украине и Черногории. Соответственно белорусский, болгарский, македонский, русский, сербский вариант сербохорватского языка и украинский языки имеют алфавиты на основе кириллицы. В других, прежде всего католических, славянских странах — Польше, Чехии, Словакии, Хорватии, Словении — пользуются алфавитами на латинской основе с разными диакритическими знаками для передачи специфических звуков каждого языка. Таковы польский, чешский, словацкий, верхне- и нижнелужицкий, хорватский вариант сер-

¹ В основу сербохорватского литературного языка был положен штокавский диалект.

² Подробнее о славянских микроязыках см.: Дуличенко А. Д. Малые славянские литературные языки (микроязыки) // Языки мира: славянские языки. М., 2005.

³ Последний носитель полабской речи скончался в 1756 г.

⁴ Кроме того, в католическом богослужении в Черногории и в нескольких прибрежных районах Хорватии до 1969 г. использовалась глаголица — первый (по общепринятому мнению) славянский алфавит, созданный Кириллом (см. § 9), а в Боснии в течение некоторого времени параллельно с кириллицей и латиницей использовался также арабский алфавит.

бохорватского¹ и словенский языки. Славяне-мусульмане, проживающие в Боснии и Герцоговине и говорящие на сербохорватском языке, также используют латиницу.

Различают три группы славянских языков: *восточнославянскую* (русский, украинский, белорусский); *западнославянскую* (польский с кашубским, чешский, словацкий, верхнелужицкий, нижнелужицкий, мертвый полабский); *южнославянскую* (болгарский, македонский, сербохорватский, словенский). Эта классификация, конечно, носит не только географический характер, она указывает на степень близости славянских языков друг к другу и во многом отражает процесс распада праславянского языка на самостоятельные славянские языки.

По диалектной основе (см. § 8) **старославянский** язык обычно относят к последней группе, однако он занимает среди славянских языков особое место. К нему плохо применимо определение «мертвый» в том смысле, как, например, к латинскому или — из славянских — к полабскому, так как он никогда не был «живым», разговорным языком. С самого своего возникновения старославянский был языком письменно-литературным, причем он появился не в результате спонтанного, естественного преобразования одного из южнославянских диалектов, а в процессе целенаправленной языкотворческой деятельности конкретных исторических лиц (Кирилла и Мефодия), которые переводили на понятный славянам язык греческие богослужебные тексты. Греческий язык византийской эпохи явился непосредственной моделью при создании старославянского языка, который тем самым получил в готовом виде достижения эллинской культуры, а через посредство греческого также и богатства древних языков Востока. Органичность же слияния греческой и славянской языковых стихий является заслугой создателей старославянского языка и первого славянского алфавита. Этот язык стал первым славянским литературным языком, который, как уже говорилось, одно время был языком общим («своим») почти для всех славян.

Славянские языки характеризуются значительной близостью. Русские и болгары, сербы и поляки, украинцы и словенцы часто могут объясниться друг с другом без переводчика. В языках данной группы наблюдаются регулярные фонетические соответствия, общность инвентаря морфем и словообразовательных типов, а также некоторых лексико-семантических групп.

¹ Кроме графики, между сербским и хорватским вариантами сербохорватского языка имеются различия в произношении и лексические различия: ср. серб. *недеља* — хорв. *sedmica* 'неделя', *позориште* — *kazalište* 'театр' и т. п.

Факт значительного сходства между славянскими языками, сохраняющегося до настоящего времени, иллюстрирует таблица 1.

В ней приведено несколько слов со значениями ‘звезда’, ‘месяц’, ‘снег’, ‘белый’, ‘песок’, ‘семя’ из так называемого 100-словного списка наиболее устойчивой (базовой) лексики, составленного М. Сводешем (см. § 4). Применительно к приведенным примерам можно говорить не только об этимологической, но и о семантической эквивалентности, так как данные слова имеют практически одинаковые значения в славянских языках.

Таблица 1

Сходство слов с одинаковым значением в славянских языках

	‘звезда’	‘месяц’	‘снег’	‘белый’	‘песок’	‘семя’
Рус.	звезда	месяц	снег	белый	песок	семя
Укр.	звізда ¹	місяць	сніг	білий	пісок	сім’я
Бел.	звездá ²	мэсяц	снег	бэлы	пясок	сэмя
Чеш.	hvězda	měsíc	sněh	bílý	písek	sémě / símě ³
Слвц.	hviezda	mesiac	sneh	biely	piesok	semeno ⁴
Пол.	gwiazda	miesiąc	śnieg	biały	piasek	siemię
В.-луж.	hwězda	měsac	sněh	běły	pěsk	symjo
Н.-луж.	gvězda	mjasec	sněg	běły	pěsk	semje
Болг.	звездá	мэсец	сняг	бял	пясък	сэме
Мак.	свезда	месец	снег	бел	песок	семе
С.-х.	звэзда	мэсэц	снэг	бёо, бйо	пэсак	сэме
Слвн.	zvězda	měsec	snég	bél	pések	séme
Ст.-сл.	звѣзда	мѣсѣць	снѣгъ	бѣлъ	пѣсѣкъ	сѣма
Псл.	*gvězda	*měšecь	*sněgь	*bělь	*pěsěkь	*sěmę

Примечания:

¹ Диалектная форма; лит. *žirka, zоря*.

² Диалектная форма; лит. *zорачка*.

³ Книжные формы; обычно — *seteno*.

⁴ Имеется поэтическая форма — *setū*.

Так бывает, разумеется, далеко не всегда. Даже если отвлечься от обычной многозначности подавляющего большинства лексем, эквивалентные с этимологической точки зрения слова часто не совпадают семантически: например, рус. *рано* и пол. *rano* ‘утро’; рус. *добрый* и с.-х. *dobar* ‘хороший’, чеш. *dobrý* ‘хороший’; рус. *плохой*, укр. *плохий* ‘смирный, тихий, кроткий’, бел. *plóxi* ‘болезненный,

плохой’, чеш. *plochý* ‘плоский’, пол. *plóchy* ‘пугливый; ветренный; суетный’; рус. *беспечность* и чеш. *bezpečnost* ‘безопасность’; рус. *запоминать* и чеш. *zapomínat* ‘забывать’. С другой стороны, даже очень употребительные слова не являются этимологически эквивалентными: ср. рус. *говорить*, укр. *мовити*, *казати*, с.-х. *казати*, *говорити*, пол. *tówić*, чеш. *mluviti*. При этом славяне, контактируя с другим славянским языком, воспринимают с некоторым семантическим сдвигом этимологически эквивалентные, но семантически разошедшиеся слова: например, чешское словосочетание *čas lasky* ‘пора любви’ русский воспримет как ‘час ласки’, а *národná bezpečnost* ‘национальная безопасность’ — как ‘беспечность, свойственная народу’.

В таблице 2 показано, как на разные славянские языки переводится, например, 3-й стих XIII главы Евангелия от Матфея¹.

Таблица 2

Перевод Евангелия на славянские языки

Язык	3-й стих XIII главы Евангелия от Матфея
Греч.	Ἰδοὺ, ἐξῆλθεν ὁ σπείρων τοῦ σπείρειν
Ст.-сл.	се изиде сѣѣи да сѣѣтъ
Рус.	Вот вышел сеятель сеять
Укр.	От вийшов сівач сіяти
Бел.	Вось вышаў сявец сеяць
Болг.	Ето, излезе сеяч да сее
Мак.	Еве излезе сејач да сее
С.-х. (серб.)	Где, изиђе сијач да сије
С.-х. (хорв.)	Gle, izidje sijač da sije
Слвн.	Glej, izšel je sejalec sejat
Слвц.	[Raz] vyšiel rozsievac, aby rozsieval
Чеш.	Aj, vyšel rozsevač, aby rozsival
Пол.	Oto wyszedł rozsiewca, aby rozsiewał
В.-луж.	Hlaj, syjeŕ wuńdže k rozsywanju
Н.-луж.	Lej, jaden sejc žešo ven set

¹ С некоторыми дополнениями использован пример из кн.: *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 2: Тексты. Словарь. Очерк морфологии. М., 1952 (вкладка, б/с).

§ 3. Понятие праславянского языка

Итак, сходство славянских языков очевидно. В начале XIX в. лингвисты пришли к выводу, что материальное сходство языков при наличии некоторых условий объясняется их родством, т. е. тем, что они происходят из одного источника, теперь не существующего, — праязыка. Славянские языки представляют именно такой случай. По мере углубления в древность сходство между славянскими языками увеличивается, в идеале стремясь к тождеству. Существование праязыка предполагало компактную территорию проживания, общее этническое и лингвистическое сознание у представителей данного этноса — славян.

Праславянский язык (англ. Proto-Slavic, нем. Urslavisch) — один из языков индоевропейской семьи родственных языков и является продолжением праиндоевропейского, или общеиндоевропейского, праязыка. Ближайшие к славянским и наиболее важные для реконструкции праславянских форм — балтийские языки («живые» литовский, латышский и «мертвый» прусский).

Однако вопрос о том, каким образом возникла близость балтийских и славянских языков, является дискуссионным. Издавна существуют различные варианты гипотезы, согласно которой славянские и балтийские языки восходят к так называемому *балто-славянскому праязыку*, выделившемуся из праиндоевропейского и позднее распавшемуся на праславянский и прабалтийский. Альтернативная точка зрения предполагает, что сходство этих языков объясняется длительными контактами в процессе их параллельного развития уже после того, как они выделились из праиндоевропейского языка. В этом случае речь идет уже не о *балто-славянском языке*, а о *балто-славянском языковом союзе*¹.

Возникновение, развитие и распад праславянского языка имели длительную историю. Можно предполагать, что обособление праславянского от других индоевропейских диалектов началось

¹ Под *языковым союзом* понимают особый, отличный от генетической, тип общности географически соседних языков, у которых в течение длительных контактов возникает ряд сходных структурных черт. Ярким примером языкового союза, включающего в себя славянские языки, может служить балканский языковой союз, в который входят такие индоевропейские языки, принадлежащие к разным группам, как *болгарский* и *македонский* (славянская группа), *румынский* (романская группа), *албанский*, *новогреческий*. К числу *балканизмов* относят, например, такие морфологические особенности, как развитие постпозитивного артикля, утрата инфинитива, развитие формы аналитического будущего времени с вспомогательным глаголом 'хотеть' и др. Подробнее о балто-славянских языковых отношениях см.: *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961. С. 27—37; *Откупщиков Ю. В.* 1) К гипотезе о балто-славянском «языковом союзе»; 2) Литовский язык и праславянские реконструкции // *Откупщиков Ю. В.* Opera filologica minora (Античная литература. Языкознание). СПб., 2001. С. 329—346.

в III—II тыс. до н. э. Начало формирования отдельных славянских языков относят обычно к VI—VII вв., а иногда и к значительно более поздней эпохе — X—XII вв.

Более ранняя датировка (VI—VII вв.) распада праславянского языкового единства основана на том, что именно к этому времени относятся **первые** известные нам диалектные различия внутри праславянского языка, прежде всего фонетические (например, различия в результатах второй палатализации заднеязычных согласных, см. § 26), которые проявляются в современных славянских языках. Затем количество таких различий увеличивается, и к середине IX в. они уже выстраиваются в определенную систему. Такая датировка окончания развития праславянского как единого целого пересекается с эпохой так называемого Великого переселения народов (V—VI вв.). Более поздняя датировка (X—XII вв.), восходящая к гипотезе Н. С. Трубецкого, базируется главным образом на том, что падение редуцированных гласных (см. § 20), будучи **последним** общеславянским изменением, завершается в XII в. Однако падение редуцированных, хотя и имело общее предпосылки, происходило у славян в разное время и в значительной степени с разными результатами, поэтому нет никаких оснований относить распад праславянского языка к столь поздней эпохе. Соответственно падение редуцированных гласных в славянских языках можно рассматривать как результат параллельного независимого развития.

Многие исследователи полагают, что в середине IX в., т. е. ко времени создания старославянской письменности, несмотря на огромную территорию, занимаемую славянскими племенами, языковые (диалектные) различия между отдельными группами славян были столь незначительны, что современники (сами славяне и их соседи) воспринимали эти различия как различия внутри одного языка. Совершенно оправданно вместе с тем изучение этих различий как фактов истории отдельных славянских языков в исторических грамматиках соответствующих языков.

Для обозначения общего праязыка славян (языка-источника, языка-основы) в научной литературе используется несколько терминов. Наиболее употребительным в настоящее время является термин *праславянский язык*, который подчеркивает реконструированный характер языковой системы, а ее также полное единство, исключаящее членение на диалекты. С ним конкурирует термин *общеславянский язык* (англ. *Common Slavic / Slavonic*, нем. *Gemeinslavisch*). В некоторых работах эти термины различаются, в частности, *праславянским* называется более ранний период истории славянского праязыка, а *общеславянским* — более поздний, когда однородное его развитие было уже нарушено разделением на

отдельные группы диалектов, продолжающих, однако, тенденции языкового развития, заложенные еще в праславянский период.

Мы не располагаем текстами, написанными носителями праславянского языка, поскольку он существовал в то время, когда у славян еще не было письменности. Он реконструируется учеными с применением сравнительно-исторического метода и представляет собой систему *архетипов* — гипотетически выведенных языковых форм, к которым должны возводиться все зафиксированные формы современных славянских языков. Реконструированные праславянские формы записываются латинскими буквами под звездочкой (астериском) — *.

Например, из форм славянских языков со значением ‘береза’ (рус. *берёза*, укр. *бері́за*, бел. *бяроза*, болг. *бреза́*, мак. *бреза*, с.-х. *брѣза*, слвн. *bréza*, чеш. *bříza*, слвц. *breza*, пол. *brzoza*, в.-луж. *brěza*, н.-луж. *bráza*, полаб. *brezä*) выводится праславянская форма **berza*, которая, в свою очередь, на основании форм индоевропейских языков (ср. лит. *bėržas*, др.-инд. *bhūrjā-*, осет. *bærz/bærzæ*, др.-англ. *beorc*, др.-в.-н. *birihha*; также, вероятно, лат. *frāxinus*) восходит к и.-е. **bherǵā* ‘светлое дерево’. В старославянских памятниках само слово не зафиксировано, хотя легко может быть реконструировано, поскольку тот же корень обнаруживается в названии месяца — **брѣзьнь** ‘апрель’. И.-е. корню **bher-* ‘светлый, блестящий, белый’, представленному в слове **брѣза**, родственны псл. **bělъ* и ст.-сл. **бѣль** ‘белый’¹. Подробнее о принципах реконструкции праязыковых форм см. в § 15.

Поскольку понятие праславянский язык представляет языковую систему, охватывающую речь славянских племен от времени их сложения до времени разделения, его эволюция достаточно продолжительна. Сравнение славянских языков дает сведения о праславянском языке накануне его распада на отдельные славянские языки. Сравнение с другими индоевропейскими языками и внутренняя реконструкция позволяют восстанавливать состояние праславянского языка более ранних периодов и в конечном счете его историю. Реконструкция праславянского языка и его история составляют предмет **сравнительной грамматики славянских языков**.

Сходство славянских языков, как уже было сказано, объясняется их происхождением из общего языка-источника — праславянского языка. История древних славян свидетельствует о том, что предпосылкой распада праславянского единства и — как следствие — праславянского языка стало расселение этноса на значительных территориях, контакты с другими народами, вхождение в различные государственные образования, что часто приводит к

¹ Удлинение гласного и.-е. *e > псл. *ē > *ě в корне, видимо, имело место уже на славянской почве.

распадению единого языка и появлению отдельных самостоятельных языков. Такие же процессы привели ранее к расщеплению индоевропейской языковой общности и, следовательно, распаду единого индоевропейского праязыка. Возникновение первых славянских государств (см. § 6) способствовало долгому и непростому процессу формирования отдельных славянских этносов.

Многие исследователи полагают (на основании развития псл. *tl, *dl; см. § 22), что на рубеже V—VI вв. произошло первоначальное разделение праславян на две ветви: восточную и западную. Окончательное распадение славянского единства и позднейшее перераспределение славян на западную, восточную и южную подгруппы завершаются в X в., после переселения на рубеже IX—X вв. носителей венгерского языка на территорию современной Венгрии¹. Каждая из групп отличается от других культурно-историческими и лингвистическими признаками, на что справедливо указывал Н. С. Трубецкой: «По окончании эпохи общеславянского единства славяне разделяются на более мелкие группы — западную, южную и восточную, каждая из которых воплощает как бы особую „ориентацию“. Культурная физиономия славянства, таким образом, была предreshена с самого начала, еще тогда, когда предки славян являлись лишь частью общей массы индоевропейцев и говорили еще на диалекте общеиндоевропейского праязыка. Уже тогда срединное положение этих племен вызвало в них тенденции к связи то с востоком, то с западом, то с югом. Позднее эти тенденции дифференцировались в связи с дифференциацией самого славянства, и в результате каждая из ветвей славянства сохранила за собой одну из этих тенденций»².

Современные славянские языки выделились из праславянского в процессе его довольно сложного диалектного дробления. Так, восточнославянские языки — русский, украинский и белорусский — не выделились непосредственно из праславянского языка, а восходят к некоему промежуточному восточнославянскому языковому единству, которое традиционно называют *древнерусским языком*. Этим термином в славистике принято обозначать язык восточных славян, проживавших на территории Древней (Киевской) Руси, откуда и термин *древнерусский* (< *Древняя Русь*). Таким образом, древнерусский язык — общий предок (праязык) русского,

¹ Обзор современных точек зрения на диалектное членение позднего праславянского и на процессы формирования групп славянских языков см.: *Иванов Вяч. Вс.* Диалектные членения славянской языковой общности и единство древнего славянского языкового мира (в связи с проблемой этнического самосознания) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 212—236.

² *Трубецкой Н. С.* Верхи и низы русской культуры: этническая основа русской культуры // Исход к Востоку. София, 1921. С. 96.

украинского и белорусского языков. Он начал формироваться с VI—VII вв. на основе консолидации восточнославянских говоров распадающегося праславянского языка и просуществовал приблизительно до XIV—XV вв., когда началось образование самостоятельных восточнославянских народов и языков. Письменность на древнерусском языке появляется в X—XI вв., и на нее прямое влияние оказали старославянские тексты, пришедшие на Русь после принятия ею христианства.

Огромную роль в развитии всех славянских языков сыграл их первый литературно-письменный язык — старославянский. На протяжении двух веков старославянский был литературным языком всех славян, а позже его преемник — церковнославянский язык — оставался в некоторых южнославянских и восточнославянских регионах литературным языком вплоть до XVII—XVIII вв.

§ 4. Лексикостатистическое датирование

В середине XX в. начал разрабатываться метод лексикостатистического датирования отношений между родственными языками. Этот метод получил название *глоттохронологии* и позволяет производить относительную и абсолютную датировку времени расхождения родственных языков, т. е. определять хронологию языковой дивергенции (расхождения). Он может использоваться, во-первых, для установления и подтверждения предположительного родства языков и выявления степени этого родства, во-вторых, для определения порядка отдаления различных родственных языков от единого ствола, в-третьих, для определения конкретного времени расхождения языков.

Начало глоттохронологии положили работы американского лингвиста Морриса Сводеша¹. Позднее в его методику были внесены серьезные изменения, сделавшие, по мнению многих лингвистов, глоттохронологию более точным и надежным инструментом.

Теория глоттохронологии базируется на гипотезе постоянной скорости изменений базисной лексики языков, а также на эмпирическом наблюдении, что чем ближе родство языков, тем больше между ними совпадений в базисной лексике. Ключевым понятием теории является, таким образом, понятие базисной лексики, или основного словарного состава. «*Базисная лексика* определяется как противопоставленная „культурной“, часто заимствуемой из языка в язык. К базисной лексике обычно относят слова, по возможности

¹ Сводеш М. 1) К вопросу о повышении точности в лексикостатистическом датировании // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. С. 53—87.; 2) Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов // Там же. С. 23—52.

Таблица 3

**Процент совпадений в базовой лексике балтийских и славянских языков
(на основе метода глоттохронологии)**

Языки	Латыш.	Прус.	Рус.	Укр.	Бел.	Пол.	Чеш.	Слвц.	Н.-л.	В.-л.	Слвн.	С.-х.	Мак.	Болг.
Лит.	68	49	47	47	47	43	44	46	46	45	44	44	45	46
Латыш.	—	44	45	40	44	40	41	42	43	45	40	41	41	42
Прус.		—	41	41	40	39	42	42	42	42	40	41	39	49
Рус.			—	86	86	77	74	74	73	74	74	71	70	74
Укр.				—	92	76	73	76	74	74	71	73	71	72
Бел.					—	80	77	80	78	78	76	77	74	77
Пол.						—	81	85	83	80	79	75	71	74
Чеш.							—	92	87	87	84	79	75	74
Слвн.								—	87	86	80	80	76	75
Н.-луж.									—	94	78	74	73	71
В.-луж.										—	78	77	76	73
Слвн.											—	85	75	76
С.-х.												—	84	80
Мак.													—	86

не зависящие от конкретной культуры и исторической эпохи и присутствующие в любом языке: основные термины родства, названия самых элементарных и универсальных явлений природы и природных объектов ('солнце', 'луна', 'ночь', 'вода', 'камень', 'земля' ...), названия частей тела, числительные (по крайней мере, самые первые), простые действия и признаки ('знать', 'видеть', 'умирать', 'сидеть', 'стоять', 'белый', 'черный', 'далеко' ...)»¹. На практике глоттохронология пользуется 100-словным списком базисной лексики, который был составлен М. Сводешем:

1. белый (white) 2. большой (big) 3. видеть (see) 4. вода (water) 5. волосы (hair) 6. вошь (louse) 7. все (all) 8. глаз (eye) 9. голова (head) 10. гора (mountain) 11. грудь (breast) 12. давать (give) 13. два (two) 14. дерево (tree) 15. длинный (long) 16. дождь (rain) 17. дорога (road) 18. дым (smoke) 19. есть (eat) 20. желтый (yellow) 21. женщина (woman) 22. жечь (burn) 23. живот (belly) 24. жир (fat) 25. звезда (star) 26. зеленый (green) 27. земля (earth) 28. знать (know) 29. зола (ash) 30. зуб (tooth) 31. идти (walk) 32. имя (name) 33. камень (stone) 34. коготь (claw) 35. кожа (skin) 36. колено (knee) 37. кора (bark) 38. корень (root) 39. кость (bone) 40. красный (red) 41. кровь (blood) 42. круглый (round) 43. кто (who) 44. кусать (bite) 45. лежать (lie) 46. лететь (fly) 47. лист (leaf) 48. луна (moon) 49. маленький (small) 50. много (many) 51. мужчина (man) 52. мы (we) 53. мясо (meat) 54. не (not) 55. новый (new) 56. нога (foot) 57. нос (nose) 58. ночь (night) 59. облако (cloud) 60. огонь (fire) 61. один (one) 62. перо (feather) 63. песок (sand) 64. печень (liver) 65. пить (drink) 66. плавать (swim) 67. полный (full) 68. приходить (come) 69. птица (bird) 70. рог (horn) 71. рот (mouth) 72. рука (hand) 73. рыба (fish) 74. семя (seed) 75. сердце (heart) 76. сидеть (sit) 77. сказать (say) 78. слышать (hear) 79. собака (dog) 80. солнце (sun) 81. спать (sleep) 82. стоять (stand) 83. сухой (dry) 84. теплый (warm) 85. тот (that) 86. ты (thou) 87. убивать (kill) 88. умирать (die) 89. ухо (ear) 90. хвост (tail) 91. холодный (cold) 92. хороший (good) 93. человек (person) 94. черный (black) 95. что (what) 96. шея (neck) 97. этот (this) 98. я (I) 99. язык (tongue) 100. яйцо (egg).

Предполагается, что за тысячелетие меняется 14% лексики из этого списка. Индоевропейские языки, принадлежащие к разным группам, имеют около 30% совпадений в списке базисной лексики. Это означает, что индоевропейский праязык распался приблизительно 5 тыс. лет назад. У балтийских и славянских языков — 45—50% совпадений (см. табл. 3), т. е., согласно глоттохронологии, прабалтийский и праславянский выделились из предполагаемого балто-славянского более 3 тыс. лет назад. Праславянский язык в соответствии с положениями глоттохронологии начал распадаться около 1500 лет назад, так как славянские языки, относящиеся

¹ Бурлак С. А., Старостин С. А. Сравнительно-историческое языкознание. М., 2005. С. 11. В этой же работе на с. 129—153 подробно обсуждаются проблемы применения метода глоттохронологии.

к разным подгруппам, имеют между собой 75—85% совпадений; восточнославянские языки с 86—92% совпадений разошлись примерно 800 лет назад. Конечно, эти датировки приблизительны и в большей степени указывают на относительную, а не абсолютную хронологию расхождения родственных языков.

Выводы, полученные в результате применения метода лексико-статистического датирования на материале балтийских и славянских языков (см. табл. 3, с. 21)¹, в целом соответствуют общепринятым в балтистике и славистике классификации и схеме отделения этих языков от единого ствола².

§ 5. Древнейшие сведения о славянах

Первые упоминания о славянах относятся к эпохе Великого переселения народов, т. е. к V—VI вв., когда славяне появляются на границах Византийской империи, в частности на Дунае.

Впервые славяне упоминаются в сочинениях римских и греческих авторов в I—II вв. У Плиния Старшего в «Естественной истории» (ок. 77 г.) они называются *venedi(s)*, у Корнелия Тацита в «Германии» (98 г.) — *veneti*, у Клавдия Птолемея в «Географии» (ок. 178 г.) — *οὐ̂ενεδάι (venedai)*. Информация о славянах шла к этим авторам через германское посредство, с чем связано и имя *venedi*. Немцы до сих пор называют лужицких славян *Wenden*. Названия русских у финнов (фин. *venäje*) и эстонцев (эст. *vene*) также появились через германское посредство. Таким образом, можно с уверенностью предполагать, что этнонимом *venedi* в указанных сочинениях I—II вв. обозначались славяне, но это не самоназвание.

Традиционно считается, что под своим собственным именем славяне упоминаются с VI в. В греко-латинских источниках VI в. имя **словѣне** (в такой форме этот этноним встречается в старославянской письменности; ед. ч. **словѣнинъ**) обычно передается следующим образом: греч. *Σκλαβηνοί, Σκλαβίνοι, Σκλα̂βοι, Σθλαβίνοι*, лат. *Sclaveni, Sclavini, Sclavi, Stlavi*. Вставка согласного между [s] и [l] объясняется особенностями греческой и латинской фонетики: этим языкам было чуждо произношение сочетания [sl]. Древнейшим признается свидетельство Прокопия Кесарийского (527 г.).

¹ *Girdenis A., Mažiulis V.* Baltų kalbų divergencinė chronologija // *Baltistica*. 1994. T. XXVII (2). P. 9. См. также: *Novotná P., Blažek V.* Glottochronology and its application to the Balto-Slavic languages // *Baltistica*. 2007. T. XLII (2). P. 185—210; T. XLI (3). P. 323—346.

² О недостатках глоттохронологического метода М. Сводеша и о возможности другого лексикостатистического подхода к оценке генетической близости славянских языков см. в кн.: *Журавлев А. Ф.* Лексикостатистическое моделирование системы славянского языкового родства. М., 1994.

Однако уже в «Географии» Птолея (II в.) имеется упоминание о *Σταβανοί* и *Σουοβηγοί*, в которых некоторые слависты видят попытку передать самоназвание славян.

Происхождение самоназвания праславянского этноса **slověne* является предметом дискуссий. В настоящее время наиболее распространенной является этимология, связывающая слова *словѣне* 'славяне' и *слово* 'слово, речь, дар речи', *слѹти/словж* 'слыть/слыву'. Славянское самоназвание **slověne*, образованное от **sluti/slovъ* 'слыть/слыву, быть известным, своим', первоначально, видимо, означало 'ясно говорящие', что отражает древнюю этническую самоидентификацию в соответствии с культурной оппозицией «мы/свои» — «они/чужие» (ср. **němьсь* 'немой; говорящий неясно, косноязычно; чужой, иностранец; немец'; ср. также *чудь*, т. е. 'чужие', — славянское название финно-угорского народа, платившего дань Руси).

Византийский историк Иордан, гот по происхождению, утверждал, что в его время (551 г.) славянского единства уже не существовало. Он говорит о трех группах славян — *венедях*, *словенях* и *антах*, подчеркивая их родство: «происходя из одного корня, они имеют теперь три имени». Что касается третьего имени *анты* (греч. Ἄντες, Ἄνται, *Antes*, *Anti*), не являющегося самоназванием и не поддающегося этимологизации на славянской почве (не исключено, что первоначально это было название какого-нибудь неславянского народа¹), то скорее всего это обозначение политического объединения — славянского или славяно-аварского племенного союза, существовавшего непродолжительное время. С VII в. этот этноним больше не упоминается в источниках. Таким образом, нет достаточных оснований проецировать упоминаемые Иорданом этнонимы *венеды*, *словене* и *анты* на три группы славян — западных, южных и восточных, как это нередко делается.

§ 6. Основные предпосылки возникновения письменности у славян

Начало распада праславянского этноязыкового единства традиционно относят примерно к VI—VII вв., но говорить о существовании отдельных славянских языков и самостоятельных этносов (народностей) для этого времени не представляется возможным. Такие понятия, как «южнославянский», «западнославянский», «восточнославянский», являются в значительной степени географическими, а не этноязыковыми. Формированию новых славянских

¹ Возможно, это слово иранского происхождения и означало 'живущие на окраине'; если принять тюркскую этимологию, то 'союзники'.

этносов и языков способствовало возникновение первых государств на обширной территории, занятой славянскими племенами. Они, вероятно, выросли из военно-политических объединений славян, получивших в византийских источниках конца VI — начала VII в. название *славиний*, или *славий*.

Первым государственным объединением славян, оставившим след в их исторической памяти и источниках, было *Само*, которое сложилось в 20—30-е гг. VII в. и получило название по имени князя, основавшего его. Оно объединяло часть западных и южных славян на территории нынешних Чехии, Словакии, Словении и Хорватии, однако быстро распалось после смерти своего основателя в 658 г. В 680 г. возникает Болгарское царство (так называемое Первое болгарское царство, просуществовавшее до 1018 г.). В IX в. на юге Моравии (на территории современной Чехии) появляется Великоморавское княжество, к которому в 833 г. было присоединено Нитранское княжество. В то же время в районе озера Балатон (территория современной Венгрии, но венгры обосновались там значительно позднее) возникает Паннонское (Блатенское) княжество, в 874 г. вошедшее в состав Великой Моравии. В 895 г. из Великоморавского княжества выделилась Чехия. У восточных славян к концу IX в. складывается единое государство Русь (так называемая Киевская Русь), распавшееся к середине XII в. Усложнение общественной жизни славянских племен, вызванное появлением первых славянских государственных объединений, создавало благоприятные условия для возникновения письменности.

В VIII—IX вв. славяне начинают принимать христианство в качестве государственной религии: Паннония в конце VIII — начале IX в., Великая Моравия — в 831 г., Болгария — в 865 г. В условиях интенсивного перехода от язычества к христианству славянские князья предпринимают попытки войти в контакт с церковной иерархией с целью получения текстов, трактующих нормы церковной и светской жизни в соответствии с христианской верой. Естественно, для них было желательно, чтобы эти тексты излагались на понятном славянам языке. Но собственной развитой письменности у славян в начале IX в. еще не было.

Видимо, зачатки письма существовали у славян и раньше, однако попытки создания более развитой письменности активизируются с принятием христианства и развитием государственности. Вначале славяне пытались записывать свою речь при помощи букв греческого и латинского алфавитов. Греческий алфавит, очевидно, использовался для записи славянской речи на территориях, граничивших с Византией, однако до нас не дошло прямых свидетельств этого. На то, что подобное было возможно, указывают обнаруженные в Болгарии надписи на протоболгарском (тюркском) языке, сделанные

греческими буквами. Что касается использования латинского алфавита для записи славянских текстов на территориях, граничивших с империей Каролингов, то это подтверждается документально.

Самым ранним дошедшим до нас памятником, в котором славянская речь записана латинскими буквами, являются Фрейзингенские отрывки — рукопись 2-й половины X—XI в., содержащая три религиозных текста, переведенных (возможно, с др.-в.-нем.?), видимо, в Моравии в 1-й половине IX в. Славянский текст занимает 5 листов и записан каролингским минускулом¹. Поскольку латинский алфавит не был приспособлен к славянской фонетической системе, во Фрейзингенских отрывках ряд славянских фонологических различий не отражен (ср. передачу шипящих и свистящих: *tu(o)ima ofima* = [tvoima ořima] = ст.-сл. **твоима очима** ‘твоими (двумя) глазами’, *igdafe* = [jegdaže] = ст.-сл. **игдаже** ‘когда’, *pridef* = [prideš] ‘придешь’ = ст.-сл. **придеши**, *strasti I petzali* = [strasti i pečali] ‘страсти и печали’ = ст.-сл. **страсти и печали**, *siuim* = [živum] ‘живым (Д. мн.)’ = ст.-сл. **живымь** и под.), поэтому для передачи этого текста принято использовать условную транскрипцию. Приведем в такой транскрипции небольшой отрывок из этого памятника: «Daj mi, bože gospodi, tvoju milost, da bim nesramen i nestiden na sudinem dine pred tv(oj)ima očima stojal igdaže prideš sudit živim i mrtvim, komuždo po svem dele» ‘Дай мне, Господи, твою милость, чтобы я без стыда и срама в судный день пред Твоими очами стоял, когда Ты придешь судить живых и мертвых, каждого по делам его’ = ст.-сл. (в нормализованной орфографии) ***[Дай ми • Боже Господи • Твоѡж милость • да вимь несрамьнѡ и нестѡдынѡ на сѡднѡбѡкъ днѡнѡ прѡдѡ Твоима очима стоѡалѡ • игдаже придеши сѡдитѡ живымь и мрѡтвѡымь • комуѡждо по своѡкъ дѡбѡ]**.

Важно, что инициатива использования греческого и латинского алфавитов для записи своей речи принадлежала самим славянам. Об этом сообщает такой авторитетный источник, как трактат «О письменах» («**О писменьхъ**») древнеболгарского писателя *черноризца Храбра*. Это сочинение («сказание»), написанное на старославянском языке, появилось, вероятно, между 886 и 893 гг. и является, по сути, первым очерком истории славянской письменности. Храбр написал его с целью разъяснения достоинств славянского алфавита, созданного Кириллом, в частности его преимуществ перед греческим как средства передачи славянской речи². Прочитируем самое начало трактата (текст реконструирован по поздним спискам и приводится в нормализованной орфографии):

¹ Находится в составе латинской рукописи, которая хранится в Баварской государственной библиотеке в Мюнхене.

² Это сочинение опубликовано и исследовано в кн.: *Кувев К. М.* Черноризец Храбр. София, 1967.

прѣжде оубо словѣне не имѣахъ кѣнигъ • нъ чрътами и рѣзами чытѣахъ и гатаахъ погани сжштѣ

‘Прежде ведь славяне не имели письма, но с помощью черт и резов читали и гадали, когда язычниками были’.

кръстивъше же са • римьскыими и гръчьскыими писмены нждаахъ са пьсати словѣньскъ рѣчь без оустроения

‘Крестившись же, латинскими и греческими буквами пытались записывать славянскую речь, без порядка’.

нъ како можетъ са пьсати добрѣ гръчьскыими писмены • богъ • или животъ • или зѣло • или цръкы • или чаганик • или широта • или гадъ • или ждоу • или юность • или ѡззыкъ и ина подобьнага симъ • и тако вѣша мьнога лѣта •

‘Но как можно написать хорошо греческими буквами [слова] «Богъ», или «животъ [‘жизнь’]», или «зѣло [‘очень’]», или «цръкы [‘церковь’]», или «чаганик [‘надежда’]», или «широта [‘ширина’]», или «гадъ [‘еда’]», или «ждоу [‘где’]», или «юность [‘молодость’]», или «ѡззыкъ [‘народ’]» и иные [слова] подобные этим? И так было многие годы’.

Итак, использование славянами греческих и латинских букв при записи славянской речи не привело в конечном счете к возникновению полноценной славянской письменности и, что особенно важно, письменной традиции. Появление в 60-е гг. IX в. более совершенной системы славянского письма, вполне оригинальной и приспособленной для передачи именно славянской речи, и создание на основе этого письма первого славянского литературного языка связано уже с именами Кирилла и Мефодия. Черноризец Храбр пишет об этом так:

По томъ же чловѣколюбьць богъ • строиши всьа • и не оставяаши чловѣча рода без разоума • нъ всьа къ разоумоу привода и съпасению • помиловавъ родъ словѣньскъ • послаа имъ свѣтакго коньстантътина философа • нарицаемаго кѣрила • мѣжа правдѣна и истиньна • и сътвори имъ три десѣте писмена и осмь • ова оубо по чиноу гръчьскыихъ писменъ • ова же по словѣньстѣи рѣчи

‘После этого же человеколюбец Бог, направляющий всё и не оставляющий человеческого рода без знания, но всех к познанию приводящий и спасению, проявив милость к роду славянскому, послал им святого Константина Философа, названного [в пострижении] Кириллом, мужа праведного и справедливого. И тот создал им тридцать букв и восемь, одни по образцу греческих букв, другие же в соответствии со славянской речью’.

§ 7. Создание старославянского языка

Помимо сочинения черноризца Храбра основным источником наших сведений о создании первого славянского алфавита и письменности, а значит, и старославянского языка, являются жития Кирилла (Константина Философа) и Мефодия. Жития написаны на старославянском языке и дошли до нас в поздних списках (Житие Кирилла — в списках начала XV в., Житие Мефодия — XII в.); имеются также греческие (Житие Климента — ученика Кирилла и Мефодия) и латинские (грамоты римских пап Иоанна VIII и Стефана V, свидетельство папского библиотекаря Анастасия) источники.

Константин (родился в кон. 826 — нач. 827 г., умер в 869 г. по сентябрьскому летосчислению, принятому в Византии), прозванный за ученость Философом, а в монашестве принявший имя Кирилл, и его родной старший брат Мефодий (родился ок. 815 г., умер в 885 г.), чье мирское имя неизвестно, были родом из города Фессалоники (современный греческий город Салоники). Этот портовый город, который имел древнее славянское название **Болоуль** (поэтому Кирилла и Мефодия называют «солунскими братьями»), был одним из крупнейших городов Византийской империи и располагался в районе со смешанным славянским и греческим населением. Вероятно, братья были греками, но не исключено и их славянское происхождение. Во всяком случае, они в одинаковой степени владели как греческим, так и славянским языками.

В создании славянской письменности приоритет, согласно житиям, принадлежал младшему из братьев — Константину, которого также называют Константином-Кириллом (Солунским). Он учился в Константинополе в эпоху культурного подъема Византии, характеризовавшегося, в частности, повышенным интересом к филологическому изучению античных текстов. Учителями Константина были выдающиеся деятели византийской культуры Лев Математик и Фотий, ставший впоследствии патриархом. Позднее Константин служил хартофилаксом (хранителем патриаршей библиотеки) и преподавал философию, а также был членом, а может быть, и главой византийских дипломатических миссий в Хазарский каганат и Арабский халифат. Во время этих поездок он изучал языки, что отнюдь не было распространенным занятием в среде образованных подданных Византии. Кроме славянского и греческого Константин владел латинским, еврейским, хазарским, готским языками. Таким образом, деятельность в период, предшествовавший работе по созданию славянской письменности, основательно подготовила Константина к главному делу его жизни.

Согласно источникам, в 862 или 863 г. в Константинополь к императору Михаилу III прибыло посольство из Великой Моравии

от князя Ростислава (Растицы) с просьбой прислать моравянам «епископа и учителя», который мог бы изложить им на славянском языке основы христианского вероучения. Возможно, этому предшествовало аналогичное обращение к папе, на которое, однако, не было получено положительного ответа. Следует иметь в виду, что Великая Моравия в церковном отношении подчинялась баварскому епископу, формально находившемуся под юрисдикцией папского престола. Византийское же правительство отнеслось к просьбе Ростислава благосклонно, и не позднее 864-го, но скорее всего в 863 г., в Моравию была послана миссия во главе с Константином, который создал алфавит и начал вместе с Мефодием переводить необходимые книги с греческого на славянский язык. Таковы в общих чертах сведения, сообщаемые историческими источниками.

Однако письмо, созданное Константином, по общему мнению славистов, столь совершенно, что может рассматриваться только как результат длительной и кропотливой работы. Эта работа могла быть начата Константином заблаговременно, задолго до приглашения в Великую Моравию. Нельзя исключать того, что работы по созданию славянской письменности могли быть инициированы византийским правительством, которое в первой половине IX в. активно поддерживало миссионерскую деятельность византийского духовенства на пограничных с Византией славянских землях. Дело в том, что на окраинах империи и в приграничных с Болгарским царством районах славяне оставались единственным на территории Византии языческим народом, хотя большая часть византийских славян была уже христианизирована. Болгарское царство официально приняло христианство позднее, во второй половине IX в. Официальное крещение Болгарии римскими священниками — неожиданное для Константинополя — датируется 865 г., однако в 870 г. после неудачных попыток болгар получить разрешение от папы на организацию епископской кафедры произошла переориентация на Византию. То, что большинство славян в Византийской империи было христианизировано ко времени появления славянской письменности, означает, что возникновение письменности и переводческая деятельность первоучителей проходила в условиях уже сложившейся христианской речевой традиции у византийских славян. Это, несомненно, благоприятствовало деятельности Константина и Мефодия.

Таким образом, начатая, видимо, еще в Византии работа по созданию письменности для славян, живших в Византии и в прилегающих к ней областях, была продолжена в Великой Моравии, где Константин и Мефодий проработали около трех лет. Кроме того, по приглашению князя Коцела они несколько месяцев плодотворно работали в Паннонии. Паннонские славяне ко времени деятельности Константина и Мефодия в их землях уже длительное время

жили в условиях развитой речевой христианской традиции на славянском языке. Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные заимствования христианской терминологии в венгерском языке, которые происходили устным путем из языка паннонских славян в процессе их ассимиляции пришлым венгерским населением в X—XII вв. (завоевание венграми этих территорий относится к 895—900 гг.): ср. венг. *pap* ‘священник’ < слав. **porъ* (из др.-в.-н. *pfaffo*), венг. *szent* ‘святой’ < слав. **svętъ* (ст.-сл. **свѣтъ**), венг. *oltár* ‘алтарь’ < слав. **oltarъ* (ст.-сл. **олѣтарь**), венг. *pogány* ‘язычник’ < слав. **poganъ* (ст.-сл. **поганъ**), венг. *pokol* ‘ад’ < слав. **ръkъlъ* (ст.-сл. **ръкъль** ‘смола’) и многие другие¹. Поскольку паннонские славяне были полностью ассимилированы венграми, славянские древние заимствования в венгерском оказываются единственным источником наших сведений о диалекте паннонских славян.

Деятельность Константина и Мефодия в Великой Моравии и Паннонии проходила в непростых условиях постоянной борьбы с немецким духовенством. В церковном отношении Великая Моравия подчинялась баварскому, а Паннония — зальцбургскому архиепископу. И тот и другой, с одной стороны, были в значительной степени независимы от папского престола, который в принципе одобрял деятельность Константина, а с другой — естественным образом действовали в интересах Восточнофранкского королевства. Камнем преткновения было использование славянского алфавита и отправление богослужения на славянском языке. Баварские миссионеры, которые работали в Моравии с начала IX в., возражали против этих новшеств. Сами они записывали необходимые славянские тексты — переводы молитв — латинскими буквами и проводили богослужение на латинском языке.

Примером такого рода текстов могут служить Фрейзингенские отрывки (см. § 6), которые по языку близки кирилло-мефодиевским переводам, но обычно не включаются в состав старославянских памятников (словенские ученые рассматривают Фрейзингенские отрывки в качестве памятника, отражающего черты *древнесловенского языка*).

Во время моравской миссии Константин и Мефодий опирались на поддержку папы, которая временами была непоследовательной и противоречивой. В 867 г. они отправились в Рим к папе Адриану II за официальным одобрением своей деятельности. Там Константин заболел и в 869 г. умер, а Мефодий с учениками продолжил свою деятельность в славянских землях. В 870 г. папа поставил его

¹ Хелимский Е. А. Венгерский язык как источник для праславянской реконструкции и реконструкции славянского языка Паннонии // Славянское языкознание: X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 347—368.

паннонским архиепископом. В епархию входили Великая Моравия, Паннония и некоторые другие славянские земли, что, конечно, не могло не обострить и без того сложные отношения с немецким духовенством, в частности с зальцбургским архиепископом. В начале 70-х гг. Мефодия по доносу даже заключили в монастырь, но он был освобожден по повелению папы Иоанна VIII. Борьба за сохранение и распространение славянской письменности велась учениками Кирилла и Мефодия и после смерти последнего в 885 г., однако закончилась она запрещением славянского богослужения и их изгнанием из Великой Моравии.

После описанных событий ученики Кирилла и Мефодия направляются в Болгарию, Хорватию, Сербию. Однако у западных славян кирилло-мефодиевские традиции славянской письменности продолжались (частично, может быть, и возродились) и в Х в., например в Чехии, а через нее, видимо, даже и в Польше. Тем не менее то, что не удалось сделать в Великой Моравии и Паннонии, а именно создать прочную славянскую письменную традицию, было достигнуто в Болгарском царстве. Там в 893 г. на Преславском соборе славянский язык был провозглашен, наряду с греческим, языком Церкви и государства, и оттуда он распространился на другие славянские и не только славянские земли. 893 год знаменует окончание тридцатилетнего периода становления старославянского языка и начало его стабилизации в древнеболгарском варианте. Следующие несколько десятилетий традиционно считаются «золотым веком» древнеболгарской литературы. Он приходится на годы царствования болгарского царя Симеона (893—927гг.), при котором наблюдался расцвет письменности на старославянском языке.

Подводя итоги сказанному, можно дать более точную характеристику старославянскому языку. **Старославянский язык** — это древний литературно-письменный язык, сложившийся во 2-й половине IX в. в процессе переводческой деятельности Константина Кирилла и Мефодия и их ближайших учеников. В том виде, в каком слависты представляют себе его существование в IX — начале X в., старославянский язык является результатом реконструкции. Начальное состояние этого языка приходится реконструировать по более поздним памятникам письменности, так как старославянские рукописи, относящиеся к этому периоду, не сохранились. Дошедшие до нас старославянские письменные памятники, в том числе содержащие кирилло-мефодиевские переводы, могут быть датированы концом X—XI в. Эти памятники являются копиями древнейших, что и позволяет более или менее точно реконструировать начальное состояние старославянского языка.

Под старославянским языком традиционно понимается язык старшего периода в истории славянской письменности — язык

IX—XI вв. Далее тексты на этом языке продолжали переписывать, как правило, с максимальной точностью (в первую очередь это касается текстов Священного Писания — см. § 10), с сохранением слов и форм, которых могло не быть в живых говорах, но одновременно с включением отдельных элементов (в основном в области фонетики и отчасти морфологии) живого языка писцов, — таким образом возникал особый вариант письменно-литературного языка, восходящий к старославянскому и являющийся его продолжением, который называют *церковнославянским языком*. Но поскольку в разных славянских землях «накапливались» свои локальные особенности, говорят о разных *изводах* (редакциях) церковнославянского языка — русском (восточнославянском), болгарском (среднеболгарском¹), сербском, хорватском, чешском. Итак, под *церковнославянским языком* в широком смысле понимают славянский книжно-письменный язык во всех его исторических и региональных вариантах (изводах).

§ 8. Проблема диалектной основы старославянского языка

Специфика славянских языков на фоне других индоевропейских состоит в том, что древнейшая фиксация славянской речи, представленная старославянскими памятниками, по времени почти совпадает с распадом праславянского языка и отстоит совсем не намного от позднего праславянского. Поэтому с момента зарождения славистики и на протяжении всего XIX в. старославянский язык использовался в качестве источника для реконструкции праславянского и индоевропейского языков. Старославянский язык служил своего рода моделью для реконструируемого праславянского языка. При этом, учитывая, что во время возникновения старославянского языка диалектные различия между разными группами славян были уже достаточно выразительными, слависты всегда придавали большое значение проблеме диалектной основы старославянского языка, т. е. выяснению того, на базе какого славянского говора создавался первый славянский алфавит и осуществлялись кирилло-мефодиевские переводы, другими словами, какова была народно-разговорная основа старославянского языка.

В настоящее время этот вопрос можно считать более или менее решенным. Большинство славистов сходятся в том, что свой алфавит и первые переводы с греческого Константин создавал, ориентируясь на тот славянский говор, который был ему знаком с детства, т. е. на

¹ Для обозначения болгарского извода церковнославянского языка XII—XIV вв. употребляется термин *среднеболгарский*, потому что историки болгарского языка часто называют *древнеболгарским* сам *старославянский язык* (см. § 8).

говор солунских славян. То, что в основу первого славянского алфавита лег звуковой строй древних славянских говоров окрестностей Солуны, стало очевидным после диалектологических исследований, проведенных в районе Салоник словенским ученым Ватрославом Облаком в конце XIX в., который обнаружил в македонских говорах ряд фонетических особенностей, характерных и для древнейших старославянских памятников (рефлексы сильных редуцированных $e < ъ$, $o < ѳ$ (см. § 20), наличие аффрикаты $dz < *g$ по второй палатализации (см. § 16 и 26), произношение рефлекса $*\check{e}$ как [ä] (см. § 16 и 17) и даже наличие $\check{s}t < *tj$, $\check{z}d < *dj$ (см. § 16 и 27), что не характерно для основной массы македонских говоров). Еще одним аргументом в пользу болгаро-македонской основы старославянского языка является тот факт, что многие греческие заимствования проникали в язык первых переводов не книжным путем, а из живой речи именно болгаро-македонских славян, интенсивно контактировавших с греческим населением. Например, основная ст.-сл. форма **сѣбота** ‘суббота, неделя’ с носовым, обозначенным буквой **ж**, может восходить только к нар.-греч. $\sigma\acute{\alpha}\mu\beta\alpha\tau\alpha$ (мн. от $\sigma\acute{\alpha}\mu\beta\alpha\tau\omicron\nu$), так как литер.-греч. $\sigma\acute{\alpha}\beta\beta\alpha\tau\alpha$ давала другую, более редкую в старославянских памятниках, форму без носового — **совота**, которая проникла в эти памятники книжным путем.

Старославянский язык как язык письменно-литературный, не предназначенный для использования в условиях бытового общения, коренным образом отличался от живых языков и диалектов тех славян, которые пользовались им на письме и в богослужении. Соответственно старославянский язык начального периода (своего рода «прастарославянский») нельзя отождествить с солунским говором (славянским говором Солуны, или солунским *койне*¹), хотя именно к нему он был ближе всего в фонетическом и лексико-грамматическом отношении. В IX—X вв. старославянский язык был для всех славян, независимо от их диалектной принадлежности, почти одинаково понятным и непонятным, т. е. требовавшим специального изучения. Основные функции старославянского языка (богослужение) и славянских говоров (бытовое общение) были столь несовместимы, что различия между славянскими языками (и говорами) того времени оказывались совсем незначительными по сравнению с тем разрывом, который существовал между этими языками, с одной стороны, и книжным старославянским языком, с другой. Это оправдывает наше отношение к старославянскому как к языку, а не просто как к текстам, т. е. как к употреблению какого-либо славянского говора на письме.

¹ Термином *койне* (от греч. $\kappa\omicron\iota\nu\eta$ ‘общий’) обозначают общий для населения какой-либо территории язык/диалект, возникший на базе одного говора или смешения нескольких говоров.

Будучи в первую очередь языком Церкви, языком литургическим, старославянский язык выражал понятия и идеи, далекие от обыденной жизни древних славян, что потребовало создания большого количества новых слов. Часть необходимой лексики уже появилась в языке солунских славян, живших в условиях христианской речевой традиции и издавна контактировавших с греческим населением. Но этого было недостаточно, поэтому создатели старославянского языка ввели в него много новых заимствований из греческого, как прямых (**ароматъ** ‘благование’ < греч. ἄρωμα, ἀρώματος; **икономъ** ‘управляющий’ < греч. οἰκονόμος; **оуѣсна** ‘существо’ < греч. οὐσία; **власвѣмисати/власвѣмлати** ‘богохульствовать’ < греч. βλασφημεῖν; они могли иметь и близкие собственно славянские соответствия — **вонна**, **хоуѣити**), так и калек, т. е. слов, переведенных поморфемно (**добровоникъ** ‘благодарение, аромат’ < греч. εὐωδία, ср. εὐ-ωδ-ία = {добро} + {вон(а)} + {ник}; **благословити** ‘воздать хвалу, благословить’ < греч. εὐλογεῖν, ср. εὐ-λογ-εῖν = {благо} + {слов(о)} + {-ити}; **дъводоуѣшикъ** ‘сомнение’ < греч. διψυχία, ср. δι-ψυχ-ία = {дъв(а)} + {доуш(а)} + {ник}; **негасимъ** (страд. прич. наст. вр.) < греч. ἄσβεστος, ср. ἄ-σβεσ-τος = {не} + {гас(ити)} + {мъ}). При этом кальки в старославянских текстах используются параллельно с прямыми заимствованиями: ср. **икономъ** — **приставъникъ** (последнее слово является калькой с греч. ἐπιστάτης); ср. также греч. οὐσία, которое было и заимствовано (ст.-сл. **оуѣсна**), и калькировано (ст.-сл. **сжцъство**). Греческие элементы пронизывали все уровни старославянского языка, особенно лексику и синтаксис как наиболее тесно связанные с передачей смысла. Греческие синтаксические конструкции копировались, когда в славянском не находилось подходящего соответствия.

Кроме того, уже на начальном этапе своего существования этот язык включал в себя черты других славянских диалектов, как южных, так и западных, в частности лексику паннонских и моравских говоров (ср. **ашють** ‘напрасно’, **рѣснота** ‘истина’, **отчлѣкъ** ‘остаток’ и др.). Наличие в старославянских памятниках целого ряда подобных слов, а также заимствованных из латинского и немецкого (например, **оуѣтъ** ‘кислое вино, уксус’ < лат. *acetum*; **поганъ** ‘язычник’ < лат. *paganus*, из которого и греч. *παγανός*; **постъ** ‘пост’ < др.-в.-н. *fasta*; **мънихъ** ‘монах’ < др.-н. *munich* (совр. нем. *Mönch*) < лат. *monicus* < греч. *μοναχός*) легло в основу так называемой *паннонской теории* происхождения старославянского языка. Согласно этой популярной в XIX в., но в настоящее время отвергнутой теории, первые переводы были ориентированы на язык предков нынешних словенцев, живших в древней Паннонии¹. Словенский

¹ Впоследствии, с конца X в., эти территории были заселены венграми, которые ассимилировали паннонских славян, заимствовав в венгерский язык большое количество славянской христианской терминологии.

ученый В. Копитар, создатель паннонской теории, исходил из того, что немецкие и латинские заимствования могли проникнуть в старославянские тексты только из языка древних словенцев, контактировавших с носителями латино-немецкой культуры. Однако Кирилл и Мефодий, прибыв в Великую Моравию, а затем и в Паннонию, скорее всего использовали связанную с христианской обрядностью лексику, уже сложившуюся здесь за несколько десятилетий существования христианской традиции (в процессе деятельности западных миссий), а не изобретали все сами.

С проблемой определения диалектной основы кирилло-мефодиевских переводов отчасти связана и терминологическая трудность, а именно обозначение языка этих переводов и древнейших славянских памятников, отражающих кирилло-мефодиевские традиции. В целом следует признать, что в славистике нет общепринятого названия для того языка, который в отечественной науке и практике университетского преподавания с середины XX в. получил устойчивое обозначение *старославянский*.

Многие слависты, особенно болгарские, пользуются термином *древне-* или *староболгарский язык* (болг. *старобългарски*, англ. *Old Bulgarian*, нем. *altbulgarisch*). В этом случае ставится знак равенства между языком кирилло-мефодиевских переводов и начальным состоянием языка болгарских славян, что неправомерно ни с хронологической (применительно к IX в. вряд ли стоит говорить о сформировавшихся самостоятельных славянских этносах и языках), ни с географической (особенно с учетом того, что территория, на которой жили солунские славяне, никогда не входила в состав болгарского государства) точек зрения. Однако несомненно, что в понимании старославянского языка как древнеболгарского имеется рациональное зерно. Ведь именно в Болгарии в конце IX — начале X в. имел место расцвет старославянской письменности и сформировалась письменная традиция, которая затем распространялась на другие территории в основном оттуда. Кроме того, большинство древнейших сохранившихся славянских письменных памятников, которые традиционно считаются «старославянскими», являются вместе с тем древнеболгарскими (т. е. болгаро-македонскими) и могут выступать в качестве источников изучения истории болгарского и македонского языков. Таким образом, мы воспринимаем старославянский язык как нечто выкристаллизовавшееся прежде всего в рукописях X—XI вв., т. е. через призму болгаро-македонскую (см. обзор памятников старославянского канона в § 10), а не солунскую или моравскую.

Некоторые слависты используют для обозначения языка первых переводов термин *древнецерковнославянский* (англ. *Old Church Slavic* и *Old Church Slavonic*, нем. *Altkirchenslavisch*), который, с одной сто-

роны, подчеркивает первоначальную функцию старославянского языка как культового, которую он, однако, быстро перерос, а с другой — противопоставлен термину *церковнославянский*, которым обозначаются более поздние территориальные ответвления или изводы (местные разновидности) церковнославянского языка как письменно-литературного языка разных славянских (и не только) народов. В то же время этот термин совсем не учитывает диалектную (южнославянскую, болгаро-македонскую) специфику первого литературного языка славян.

Сами же славянские книжники, которые создавали первые переводы и переписывали древнейшие памятники, не испытывали терминологических трудностей и называли его просто «славянским» — *ѡззыкѣ словѣньскѣ*.

Следует отметить еще одно обстоятельство, которое, наряду с близостью древних славянских языков и диалектов, облегчало распространение старославянского языка. Древние славяне имели общую устно-поэтическую речевую традицию. Некоторые слависты даже говорят о едином «литературном» языке, который был представлен в древних славянских фольклорных текстах. Возможно, развитая народно-поэтическая речь (наряду с уже существовавшей христианской обрядностью) способствовала быстрой выработке языковых средств, необходимых для первых переводов с греческого, а ее единство у славян — быстрому усвоению старославянской письменности как своей широкими слоями славянства.

§ 9. Старославянские азбуки: глаголица и кириллица

Древнейшие старославянские памятники письменности написаны двумя внешне сильно различающимися видами письма — *глаголицей* и *кириллицей* (см. табл. 4). В связи с этим возникает ряд вопросов, ключевыми из которых являются два: **какой из этих алфавитов был создан Кириллом; какой из них древнее?** Прямых ответов (а их может быть четыре) на эти вопросы исторические источники не содержат, и дискуссия вокруг данной проблемы имеет в славистике длительную историю. Однако в настоящее время более или менее общепринятым является мнение, согласно которому Кирилл создал именно глаголицу, а позднее на ее основе возникла кириллица¹.

¹ Критический обзор некоторых новых гипотез см. в работе: *Иванова Т. А.* Глаголица: новые гипотезы (несколько критических замечаний по поводу новых исследований о первой славянской азбуке) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. LVI. СПб., 2004. С. 78—93.

То, что автором глаголицы был Константин-Кирилл Солунский, базируется на следующих косвенных аргументах:

1) глаголица в большей степени, чем кириллица, подходила для передачи звукового строя солунского диалекта, носителем которого, очевидно, был Кирилл и который предположительно лег в основу созданного им письма (о фонологической характеристике старославянских алфавитов см. § 16);

2) начертания глаголических букв, в отличие от кириллических, свидетельствуют об индивидуальном творчестве (а именно на оригинальности алфавита настаивают исторические источники, когда говорят о письме, созданном Кириллом), хотя некоторые буквы имеют соответствия или их можно возвести к буквам других алфавитов, главным образом греческого и древнееврейского (что тоже неудивительно, если учесть филологическую подготовку Кирилла);

3) об индивидуальном творчестве свидетельствует и тот факт, что при создании букв глаголицы были использованы христианские символы: крест — первая буква алфавита «азъ» (†); треугольники «∇» и «△» (символ троицы) и круг «○» (символ бесконечности божества) послужили элементами для создания букв «иже» (Ѫ) и «слово» (Ѧ), которые используются для передачи греческого сокращения имени *Иисус* (греч. Ἰησοῦς) — ΙΣ = глаг. ѪѦ (кир. ІГ);

4) существует мнение, что первоначально имя Кирилла носила именно глаголица; в доказательство приводится запись писца Упия Лихого 1047 г., сохранившаяся в нескольких списках XV—XVI вв., в которой он сообщает, что Бог сподобил его «написать книги си • ис коуриловицѣ князю владимирѣ новѣгородѣ княжащю» (т. е. ‘переписать книги эти «с кириллицы» для князя Владимира, княжашего в Новгороде’). С учетом того, что переписанная им книга — кириллическая, а в рукописи встречаются глаголические буквы, полагают, что ее оригинал был целиком написан глаголицей, следовательно, под «куруловицей» (= кириллицей) Упирь Лихой подразумевал глаголицу¹. Впрочем, А. И. Соболевский не без основания полагал, что оригинал этой рукописи не был полностью глаголическим, а Упирь Лихой назвал «куруловицей» не глаголицу, а особую разновидность южнославянского устава, которая отличалась от той разновидности, которой пользовался писец².

Косвенные аргументы слависты приводят и в пользу большей древности глаголицы по сравнению с кириллицей.

¹ Термин *глаголица* возник, видимо, сравнительно поздно — в XVI в. в Хорватии (ср. *glagoljaši* ‘католический священник, использующий глаголические книги во время богослужения’).

² См.: Соболевский А. И. Ис коуриловицѣ // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1923. Т. 26. С. 240—243 (перезд. в кн.: Соболевский А. И. Труды по истории русского языка. Т. 2: статьи и рецензии. М., 2006. С. 528—530).

1. Наличие в *азбучных молитвах*¹ двух стихов на χ и трех на η предполагает, что в исходной азбуке были две буквы для передачи [x] (возможно, первоначально для различения [x] и [x']) и три буквы для передачи [i] (вероятно, первоначально также с разной звуковой значимостью). Это характерно именно для глаголицы. В глаголических памятниках три буквы — **Ѣ**, **Ѥ**, **Ѧ** — употребляются в соответствии с двумя кириллическими **и**, **і**, а две буквы — **ю** «**хѣръ**» и **ѣ** «**хѣмъ**» — употребляются в соответствии с одной кириллической **х**. Буква **ѣ**, которую часто называют «паукообразное **х**», встречается очень редко и только в слове **хѣмъ** 'холм', поэтому в славистике условно называется «**хѣмъ**». Впрочем, в сочинении черноризца Храбра эта буква обозначена **хѣ**, и возможно, что за этим сокращением скрывается слово **хѣвъ**, которое, как предполагают некоторые слависты², и было названием данной буквы в первоначальной глаголице.

2. Числовое значение соотносимых букв глаголицы и кириллицы не совпадает, причем если в глаголице все буквы от **а** «**азъ**» до **ч** «**чръвъ**» включительно (в том числе не имеющие соответствий в греческом алфавите) имеют числовое значение, рост которого строго соответствует порядку букв, то в кириллице буквы **в** «**воукы**» и **ж** «**живѣте**», созданные для передачи славянских фонем и добавленные к греческому алфавиту, числового значения не имеют. Само по себе такое соотношение, строго говоря, не доказывает большей древности глаголицы, однако в памятниках ошибки в обозначении чисел, вытекающие из несовпадения числового значения букв глаголицы и кириллицы, указывают на то, что глаголица древнее.

3. Большую древность глаголицы подтверждают и особенности памятников, в которых имеются как глаголические, так и кириллические буквы. Существует два типа таких памятников: а) рукописи, в которых основной (он же и более древний) текст писан глаголицей, но которые имеют более поздние записи на полях (маргиналии) кириллицей; б) переписанные с глаголических оригиналов кириллические рукописи со спорадическими вкраплениями букв глаголицы (возможно, по невнимательности писца).

4. До нас дошли и такие старославянские памятники, в которых более поздний текст нанесен поверх соскобленного или смытого

¹ *Азбучными*, или *акростишными*, молитвами называются такие, в которых начальные буквы каждого стиха идут в порядке их следования в алфавите. Ср., напр., начальные семь стихов (в нормализованной орфографии) Азбучной молитвы Константина Преславского, ученика Кирилла и Мефодия:

Азъ словомъ симъ молю сѧ богоу •
Боже всея твари и живителю •
видимымъ и невидимымъ •
Господа доуха послаи живѣщаго •
да въдъхнеть въ сръдце ми слово •
Еже вждеть на оупѣхъ всѣмъ •
Живѣющимъ въ заповѣдхъ ти <...>

² *Tkadlčík V. Systém hláholské abecedy // Studia palaeoslovenica. Praha, 1971. S. 357—377.*

более древнего. Их называют *палимпсесты* (от греч. *παλίμψηστος*). Если в палимпсесте алфавиты разные, то удаленный текст всегда писан глаголицей, а по нему идет кириллица (и никогда наоборот), что говорит о систематической замене глаголицы кириллицей (см. список старославянских памятников в §11).

Как видим, аргументы 2—4 основаны на том, что при столкновении в рукописи (или в двух связанных друг с другом рукописях) глаголицы и кириллицы глаголический текст естественно рассматривать как более древний. Вопрос несколько осложняется тем, что гибридные памятники, где в кириллический текст вкрапляются отдельные глаголические буквы, не отражают каких-либо явных закономерностей, свидетельствующих о переписывании текста с глаголического оригинала. Кроме того, имеются древнеболгарские надписи, в которых глаголические и кириллические буквы чередуются. Загадочным представляется использование кириллических букв в начале некоторых псалмов в таком кириллическом старославянском памятнике, как Синайская псалтырь.

Итак, создавая глаголицу, Константин-Кирилл, видимо, исходил из средневековой грамматической традиции, которая предполагала, что письменность одного языка должна отличаться от письменности другого всеми тремя воплощениями своих букв: *начертанием* (в латинской грамматической терминологии — *figura*), *значимостью* (*potestas*) и *названием* (*nomen*). С этим связана, видимо, и необычность (оригинальность) начертаний глаголицы. Некоторые историки считают, впрочем, что непохожесть глаголицы на греческий и латинский алфавиты могла иметь и дипломатическую подоплеку, поскольку ее создатель работал в условиях трений между Римом и Константинополем.

Что касается второго старославянского алфавита — *кириллицы*, то ее возникновение и начало широкого распространения, в том числе замена ею глаголицы, очевидно, относятся к деятельности учеников Кирилла и Мефодия в Болгарии. Однако успех кирилло-мефодиевского дела в Болгарии, который в источниках получил наименование *прѣбложениѣ кънигъ* ‘переложение, изменение письма’, имел и оборотную сторону. Замена глаголицы, созданной Кириллом, на кириллицу означала в определенном смысле нарушение кирилло-мефодиевских традиций, хотя и была проведена, вероятно, учеником Кирилла и Мефодия Константином Преславским¹ (некоторые слависты связывают введение кириллицы с именем другого их ученика — Климента Охридского). Постепенное вытеснение глаголицы кириллицей приводит к тому, что глаголическое письмо к концу XII в. выходит из активного употребления, хотя не исчезает полностью.

¹ См.: *Ильинский Г. А.* Где, когда, кем и с какой целью глаголица была заменена «кириллицей»? // *Byzantinoslavica*. 1931. Т. 3. Вып. 1. С. 79—87.

Соотношение старославянских азбук

Название буквы	Глаголица		Кириллица		Звуковое значение
	Начертание	Числовое значение	Начертание	Числовое значение	
азъ	Ɀ	1	а	1	a
боукы	Ѣ	2	б	—	b
вѣдѣ	Ѡ	3	в	2	v
глаголи	Ѧ	4	г	3	g
добро	Ѣ	5	д	4	d
кстъ	Ѥ	6	е	5	g
живѣте	Ѧ	7	ж	—	ž' = ž
зѣло	Ѧ	8	з (s)	6	dz' = ž̇
земля	Ѧ	9	з	7	z
нжен	Ѧ	10	и	10	(j)i
[нжен]	Ѧ	—	—	—	(j)i
нже	Ѧ	20	и	8	(j)i
ѣ(она)	Ѧ	30	—	—	g' (?)
како	Ѧ	40	к	20	k
людик	Ѧ	50	л	30	l
мыслите	Ѧ	60	м	40	m
нашь	Ѧ	70	н	50	n
онъ	Ѧ	80	о	70	o
покон	Ѧ	90	п	80	p
ръци	Ѧ	100	р	100	r
слово	Ѧ	200	с	200	s
тверьдо	Ѧ	300	т	300	t
укъ, икъ (ижица)	Ѧ	400	ѹ	400	ü, i, u
оукъ, оникъ	Ѧ	400	оѹ, Ѹ'	400	u
фрътъ	Ѧ	500	ф	500	f
хѣр(оувим)ъ	Ѧ	600	х	600	x
отъ	Ѧ	700 (?)	ѡ	800	o
пѣ, пѣ	?	800	—	—	?
ци	Ѧ	900	ц	900	c' = č

Название буквы	Глаголица		Кириллица		Звуковое значение
	Начертание	Числовое значение	Начертание	Числовое значение	
чрьвь	𐌸	1000	ч	90	č' = č
ша	Ш	—	ш	—	š' = š
шта	𐌶	800	щ	—	št'/št (?)
кръ	𐌶	—	ъ	—	ъ
кръты	𐌶𐌸, 𐌶𐌶, 𐌶𐌴	—	ъи, ты	—	y = ĭ
кръ	𐌶	—	ь	—	ь
адъ, адть	𐌠	—	ѣ	—	(j)ä = (j)ě
хлѣмъ(?) / хлѣвъ(?)	𐌶	—	—	—	x
ю, юсъ	𐌶	—	ю	—	(j)ü = (j)u
юс большой	𐌶	—	ѡ	—	ɔ = o ⁿ
юс малый	𐌶	—	Ѣ	900	e = e ⁿ
юс большой йотированный	𐌶	—	ѣ	—	(j)ö = (j)ö ⁿ
юс малый йотированный	𐌶	—	ѣ	—	(j)e = (j)e ⁿ
йотированное а	—	—	ѣ	—	(j)ä = (j)a
йотированное е	—	—	ѣ	—	(j)e
кси	—	—	ѣ	60	ks
пси	—	—	ѣ	700	ps
фита	𐌶	—	ѣ	9	ð, t, f

Примечание. В графе «Звуковое значение» запятая разделяет варианты чтения соответствующей буквы, знак равенства «=» соединяет разные равноправные способы обозначения соответствующих фонем, а через косую линию «/» даны возможные, включая диалектные или хронологически сменяющие друг друга, варианты произношения. Две точки над гласными обозначают переднее произношение соответствующих гласных после йота и мягких согласных. Йот в скобках (j) указывает на то, что буква может обозначать сочетание йота с соответствующим гласным, в частности в начале слова и после гласного. Запятая сверху при согласном и знак «'» над согласным обозначают его мягкость, а знак «~» указывает на шипящий характер согласного (при этом одновременно может быть обозначена его мягкость). Индекс «ⁿ» при гласном обозначает носовой призвук этого гласного, но традиционно в палеославистике носовые гласные принято обозначать значком «_~» под гласным — e ([e] носовое), o ([o] носовое), что отличается от обозначения носовых гласных в международной фонетической транскрипции, где носовой характер гласного обозначается тильдой над гласным — [ō], [ã], [ĩ].

Новый алфавит — кириллица — представлял собой греко-византийский устав¹ (= унциал), дополненный глаголическими буквами. Буквы глаголицы были введены в греческий устав для передачи славянских звуков (фонем), которые не имели более или менее прямых соответствий в греческом языке и поэтому для них не хватило греческих букв. Постепенно эти дополнительные глаголические буквы были стилизованы под греческий устав. Восточноболгарский эпиграфический материал X—XI вв. (в частности, двуязычные греко-славянские граффити) показывает, что с палеографической точки зрения между греческим и славянским текстами нет различий. Например, славянское **bogъ* нельзя было записать, используя только греческие буквы, так как в греческом не было букв для передачи славянских фонем /b/ и /ъ/, поэтому к греческим добавлялись глаголические: слав. /bogъ/ → **ϠϠϠϠ** (глаголица) → **ϠϠϠϠ** (первоначальная кириллица) → **вогъ** (стилизованная кириллица). Замена глаголицы кириллицей была проведена в Болгарии, так как именно там уже существовала длительная традиция употребления греческого письма «без устроения» (по выражению черноризца Храбра, который, однако, в своем трактате «О письменах» ничего не говорит о существовании двух типов славянского письма), т. е. без приспособления к строю славянской речи. Вместе с тем глаголица не была отвергнута принципиально, и обе азбуки были равноправны даже в Восточной Болгарии еще в середине X в.

Итак, глаголица — это искусственно созданный, а кириллица — исторически сложившийся алфавит, т. е. греческое письмо, приспособленное к звуковому строю славянской речи («славянизированное») под влиянием глаголицы (см. табл. 4).

Таким образом, можно выделить следующие основные этапы развития древней славянской письменности:

1) до возникновения буквенного письма славяне, как и другие народы, знали **различные типы первобытного письма**, в частности пользовались «**чрътами и рѣзми**» (свидетельство черноризца Храбра) при совершении языческих обрядов и для примитивного счета;

2) **использование греческого и латинского письма «без оустроения»** (свидетельство черноризца Храбра); примером могут служить Фрейзингенские отрывки (см. § 6);

3) **создание глаголицы** (отчасти под влиянием греческого письма);

4) **возникновение кириллицы**, т. е. славянизация греческого алфавита по образу глаголицы.

¹ *Устав* — древнейший из трех последовательно сменявших друг друга почерков, или видов, кириллического письма (два другие — *полуустав* и *скоронись*). Устав XI—XIII вв., представленный в пергаменных рукописях, — это медленное, торжественное письмо в границах двух параллельных линеек, причем буквы писались прямо, перпендикулярно к строке. Со второй половины XIV в. сменяется полууставом, сохраняясь, однако, до XVI в. в торжественно оформленных богослужебных рукописях.

§ 10. Корпус текстов старославянской письменности и важнейшие понятия текстологии

Большинство дошедших до нас памятников, написанных на старославянском языке, представляет собой переводы греческих текстов. Это в первую очередь богослужебные (литургические) книги. Еще в Византии Константин-Кирилл начал переводить на славянский язык греческое служебное Евангелие¹. В Великой Моравии Кирилл и Мефодий закончили начатый перевод Евангелия, а также перевели (предположительно в 864—867 гг.) Апостол, Псалтырь, которая в Средние века была первой² и главной книгой при обучении грамоте, а также некоторые другие тексты, в том числе Номоканон (сборник церковных законов — сокращенный перевод Номоканона Иоанна Схоластика). Затем, уже после смерти Кирилла, Мефодий со своими учениками сделал перевод значительной части библейских текстов³. Кроме того, в сотрудничестве с моравскими властями ими был создан древнейший памятник славянского права — «Закон судный людем». К этому же периоду, вероятно, относится и создание Жития Кирилла, основоположника славянской письменности. Позднее в Болгарии, в царствование царя Симеона (893—927 гг.), переводятся новые греческие тексты, в том числе создаются компилятивные сборники, а также пишутся оригинальные сочинения на старославянском языке, например Житие Мефодия, Житие Наума, одного из учеников Кирилла и Мефодия, уже упомянутый трактат «О письменах» черноризца Храбра, «Азбучная молитва» Константина Преславского, сочинения Климента Охридского, ученика Солунских братьев и, возможно, автора их житий. Следует упомянуть и такое философско-богословское сочинение, как «Шестоднев» Иоанна Экзарха, выдающегося болгарского писателя X в., представляющий собой по большей части перевод с греческого и компиляцию.

Памятники письменности, которые являются основным источником при изучении старославянского языка, исследуются не только лингвистами, но и представителями смежных областей зна-

¹ Существует, однако, и другая точка зрения — о том, что вначале Константин перевел не служебное евангелие (или евангелие-апракос), а четвероевангелие (или евангелие-тетр — о разных типах евангельского текста см. § 11); этот вывод был получен на основании исследования славянского текста Евангелия от Иоанна, проведенного по основной массе рукописей XI—XVI вв. (Евангелие от Иоанна в Славянской традиции. СПб., 1998). См. также: *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С.149.

² После *Часослова* — сборника основных молитв.

³ Каков был объем библейских переводов, осуществленных Мефодием и его учениками (т. е. действительно ли, как сообщает Житие Мефодия, ими были переведены все тексты, кроме Книг Маккавейских), остается предметом научных дискуссий — см., в частности: *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. С. 153—159.

ния — историками, палеографами, текстологами, искусствоведами и другими. Данные этих наук для лингвиста носят вспомогательный характер. На начальном этапе лингвистического исследования того или иного старославянского памятника первостепенную роль играют данные текстологии и палеографии.

Палеография (от *παλαιός* ‘древний’ и *γράφω* ‘пишу’) занимается историей письма (эволюцией письменных знаков, изменением графической формы букв, особенностями применяемых сокращений), а также всем, что касается внешнего вида рукописи: особенности писчего материала (пергамен, бумага), характер переплета, виды чернил, орнаменты и т. д. Палеография дает возможность, исходя из вышеперечисленных данных, примерно определить время и место написания недатированной и нелокализованной рукописи.

Одна рукопись могла содержать только *один текст* (например, текст Евангелия), или же в ее состав могли входить *несколько текстов* (например, несколько житий). Одновременно один и тот же текст мог сохраниться в составе как одной, так и, чаще, нескольких рукописей (а некоторые тексты, в частности тексты Священного Писания, дошли до нас в огромном количестве рукописей, например тексты Псалтыри — примерно в 3750 рукописях¹).

Некоторые подобные тексты, возможно написанные или переведенные еще в старославянский период (IX—XI вв.), сохранились в составе сравнительно поздних рукописей (например, XV—XVII вв.). Какой вариант текста из сохранившихся ближе всего к исходному? Как соотносятся между собой сохранившиеся рукописи? Выяснением этих и других вопросов, связанных с *историей текста*, занимается **текстология**. В ее задачи входят: выяснение взаимоотношений между сохранившимися списками, выделение на этом основании редакций и изводов памятника, реконструкция по мере возможности более древнего вида текста.

Базовыми понятиями текстологии являются понятия **текста** как языкового выражения некоего смыслового ряда и **списка текста** как конкретного проявления текста в письменной форме. Иногда для обозначения понятия «**список текста**» используют также и термин «**рукопись**», но обычно их различают: под рукописью понимают *рукописную книгу*, которая может содержать список одного какого-то текста или же несколько списков (при этом *разных*) текстов. Один и тот же текст может быть представлен в нескольких списках, и, наоборот, одна рукопись, как уже указывалось, может содержать списки как одного, так и нескольких текстов (т. е. произведений в широком смысле слова). Термин «памятник» может употребляться и для

¹ Данные И. Е. Евсеева, цит. по: *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. С. 132.

обозначения текста (например, Четвероевангелие, Апостол), и для указания на рукопись (Зографское евангелие, Енинский апостол).

Текст, в свою очередь, может иметь несколько **редакций**, т. е. вариантов текста, возникших в результате целенаправленной, часто идеологической, переделки его книжниками. Кроме того, текст может изменяться в процессе его переписывания на разных территориях в течение длительного времени (в процессе переписки в текст могли проникать отдельные диалектные особенности того или иного языка или говора, в основном фонетические или морфологические). Такие непровольные изменения текста под пером переписчиков, принадлежащих к различной книжной среде, наслаиваясь, приводят к возникновению **извода**. Подобные изменения, имеющие, как правило, не идеологическую, а чисто языковую основу, важнее для собственно лингвистического анализа. Они отражаются во многих текстах, поэтому термин «извод» обычно используется в более широком смысле — как совокупность языковых особенностей, характеризующих определенную территориальную разновидность церковнославянского языка (см. также § 7).

Авторские тексты старославянской письменности, т. е. **первые переводы** и **первые оригинальные произведения**, принадлежавшие перу Кирилла, Мефодия и их ближайших учеников, до нас не дошли. Все, чем мы располагаем, — это списки, отстоящие от времени первоначального создания текстов как минимум на 100—150 лет.

К числу важных терминов текстологии относятся также и такие понятия, как «**архетип**» и «**протограф**». Определение **архетипа** дать довольно сложно, поскольку говорят об *архетипе текста* вообще, *архетипе редакции*, *архетипе группы списков*. При этом под архетипом обычно понимают тот вид текста, к которому восходят списки текста произведения, или списки редакции произведения, или отдельная группа списков (т. е. тот более древний вид текста, который можно восстановить на их основании)¹. **Протограф** — по сравнению с архетипом более близкий по тексту предшественник данного списка или группы списков (протограф *не* обязательно относится к списку как оригинал к копии, между списком и

¹ Это отнюдь не обязательно *авторский* или *первоначальный* текст, — это только текст, от которого пошли остальные сохранившиеся списки (данного произведения, или конкретной редакции, или просто отдельной группы списков). Например, текст был создан в Древней Руси в XI в., но все его списки, *кроме одного*, исчезли в XIII в. во время монголо-татарского нашествия. И от этого списка (который мог уже значительно отличаться от первоначального и который тоже со временем пропал) пошли все дошедшие до нас списки, что означает, что, если мы будем реконструировать текст по сохранившимся спискам, мы восстановим его архетип — случайно сохранившийся список XIII в. (а не авторский текст). Для определенного типа памятников, в частности для летописей, понятие «*архетип*» вообще неприменимо (*Лихачев Д. С. Текстология. СПб., 2001. С. 142—146*).

протографом могут быть «промежуточные звенья»; разница между архетипом и протографом в том, что архетип может отстоять довольно далеко в цепочке переписывания от сохранившихся списков, а протограф — находится «близко» по тексту к списку)¹. Ту рукопись, с которой непосредственно была переписана данная рукопись, называют ее **антиграфом**.

Сказанное можно проиллюстрировать на следующем примере. **Авторский текст** Жития Кирилла, созданный, вероятно, в Великой Моравии между 869 (год смерти Кирилла) и 880 гг., до нас не дошел. Мы располагаем 48 **списками** этого текста, находящимися в **рукописях** XV — начала XVIII в. **Архетип** Жития Кирилла, который реконструируется по этим спискам, представляет собой, вероятно, не первоначальный текст, а **редакцию** текста, возникшую в период создания Жития Мефодия, т. е. во 2-й половине 885 г. (год смерти Мефодия). В основу реконструкции кладут обычно список **русского извода**, находящийся в рукописном сборнике середины XV в. Этот список содержит редакцию текста, отличающуюся от более поздней, которую выявляют списки XV в. **южнославянских изводов**.

§ 11. Старославянские памятники

Для реконструкции старославянского языка, особенно его звукового и грамматического строя, в первую очередь привлекаются самые древние списки старославянских текстов, но для изучения лексики важную роль играют и более поздние списки и редакции.

Памятники старославянского языка, которые до нас дошли, представляют собой списки с первых переводов, сделанных Кириллом и Мефодием и их учениками во 2-й половине IX в., и относятся к X—XI вв. Поэтому в старославянских памятниках отражаются не только языковые явления 2-й половины IX в., но и результаты различных изменений, которые происходили в славянских говорах после этого периода, т. е. языковые особенности X — начала XI в.

Большинство старославянских памятников отражают особенности болгаро-македонских говоров X—XI вв., но могут отражать и языковые явления, характерные для других южнославянских, а также некоторых западнославянских или даже восточнославянских говоров этого периода.

Старославянские памятники написаны глаголицей и кириллицей (см. § 9). Древнейшие сохранившиеся глаголические памятники

¹ Подробнее см.: *Лихачев Д. С. Текстология*. С. 146—147; там, в частности, говорится: «Архетип и протограф могут совпадать, но если архетип намечается в точке схождения восходящих линий родства, то к протографу список восходит обычно по прямой».

почти все созданы в Западной Болгарии (исключение составляют отдельные отрывки, предположительно написанные в Моравии), кириллические — в Восточной Болгарии. В языковом отношении глаголические памятники считаются более архаичными, чем кириллические. Это касается прежде всего фонетической и грамматической систем. Для их лексического состава характерно значительное количество греческих слов (грецизмов), а также некоторое число опосредованных латинизмов и гебраизмов. Присутствие в лексике многих памятников тюркизмов указывает на их восточноболгарское происхождение: там тюркское воздействие на славян было значительно сильнее, чем в Западной Болгарии (Македонии). Важными признаками восточноболгарского происхождения рукописи являются отсутствие в ней написаний, отражающих изменение сильного **ѣ** в **о** (при наличии отражения сильного **ь** в **ѣ**), а также так называемая *одноеровая* графика (см. с. 52, также § 20).

Глаголические памятники, видимо, представляют собой довольно точные списки с рукописей, содержавших авторские тексты Кирилла и Мефодия и их ближайших учеников. Качество кирилло-мефодиевских переводов отличалось более высоким уровнем по сравнению с поздними переводами. В кириллических памятниках часто представлены новые переводы, значительно уступавшие по точности и уровню исполнения кирилло-мефодиевским.

Большинство из дошедших до нас памятников не датировано и не локализовано, т. е. не содержит прямого указания на время и место их написания, но по палеографическим и лингвистическим особенностям они могут быть локализованы во времени и пространстве с достаточной точностью. Древнейшей *датированной* рукописной книгой, содержащей старославянский текст, является кириллическое Остромирово евангелие 1056—1057 гг. Однако этот памятник не всегда включают в число старославянских, так как он, несмотря на древность, содержит особенности языка восточнославянского переписчика.

Отнесение того или иного памятника к старославянским представляет собой проблему и в значительной степени условно. Как уже было сказано, древнейшие дошедшие до нас рукописи, содержащие кирилло-мефодиевские переводы, относятся к X—XI вв. Тексты, которые создавались на старославянском языке во 2-й половине IX — начале X в., в том числе и кирилло-мефодиевские переводы, представлены и в значительно более поздних списках. Существует традиция считать собственно старославянскими, т. е. старославянскими в узком смысле слова, лишь те рукописи, которые были переписаны в X—XI вв., причем только на территориях, где работали Кирилл и Мефодий и их ближайшие ученики. В таком случае из круга старославянских рукописей выводятся

такие важные памятники, как, например, Остромирово евангелие 1056—1057 гг., который считается церковнославянским памятником русского (восточнославянского) извода, содержащим кирилло-мефодиевский перевод евангелия. Таким образом, Остромирово евангелие, как и многие другие памятники разных изводов, непосредственно связанные с кирилло-мефодиевской традицией и содержащие важную информацию о старославянском языке, не включается в старославянский канон. Многие ученые не согласны с таким сужением круга старославянских памятников. В настоящем учебнике мы будем в целом придерживаться узкого подхода, но в некоторых случаях привлекается и материал древнейших церковнославянских памятников, в частности русского извода.

Корпус классических старославянских памятников составляют 18 рукописей X и XI вв. Из них 12 рукописей глаголические: Киевский миссал (Киевские листки), Зографское, Мариинское, Ассеманиево и Боянское (палимпсест) евангелия, Зографский палимпсест, Синайская псалтырь, Синайский требник, сборник Клоца, Рыльские листки, Охридские листки, Македонский листок; 6 рукописей кириллические: Саввина книга, Супрасльская рукопись, Енинский апостол, листки Ундольского, Хиландарские листки, Зографские листки. Киевский миссал содержит перевод с латинского языка, тексты остальных памятников переведены с греческого языка. По содержанию это в основном переводы греческих богослужебных книг, представляющих собой следующие функциональные типы: Евангелие, Псалтырь, Апостол, Минея, Требник.

Ниже перечисляются важнейшие старославянские памятники, сгруппированные по типу содержащихся в них текстов, и дается их краткая характеристика.

Евангелие (греч. εὐαγγέλιον ‘радостная весть, благовествование’) — книга, содержащая повествования о земной жизни и учении Иисуса Христа.

Известны два типа евангелий: 1) четвероевангелия (греч. τετραεὐαγγέλιον) — евангелия-тетр, в которых последовательно даны рассказы четырех евангелистов: Матфея (Мф.), Марка (Мк.), Луки (Лк.) и Иоанна (Ин.); 2) служебные евангелия (греч. ἄπρακτος ‘недельный’) — евангелия-ἀпракос, представляющие собой евангельские отрывки, расположенные в соответствии с календарным порядком недельных чтений при отправлении церковной службы.

Зографское четвероевангелие

Глаголический памятник конца X—XI в., написан в пределах Западной Болгарии (Македонии). Объем 304 л., из них 288 л. — евангель-

ский текст, 16 л. — синаксáрь (месяцеслов), написанный кириллицей XIII в. Средняя часть (л. 41—57) Зографского евангелия представляет собой так называемый Зографский палимпсест (см. ниже).

Найдено в Зографском монастыре на Афоне (откуда и получило свое название) А. Михановичем в 1843 г. Изучено русским славистом В. И. Григорóвичем в 1844—1845 гг. В 1860 г. рукопись была привезена в Россию.

Хранится в Российской национальной библиотеке (РНБ; бывшая ГПБ — Государственная публичная библиотека) в Санкт-Петербурге.

Издано: *Jagič V. Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. Berolini, 1879; переизд.: Грац, 1954.*

Мари́нское четвероевангелие

Глаголический памятник XI в., написан в пределах Западной Болгарии (Македонии), но имеет некоторые черты сербского языка. Объем 171 л.

Памятник назван по Мариинскому (св. Богородицы) монастырю на Афоне, откуда был привезен в Россию В. И. Григоровичем в 1845 г.

Хранится в Российской государственной библиотеке (РГБ; бывшая ГБЛ — Государственная библиотека им. Ленина) в Москве.

Издано: *Jagič V. Quattuor evangeliorum versionis palaeoslovenicae codex Marianus. Berlin; SPb., 1883; переизд.: Грац, 1960.*

Ассемáниевое служебное евангелие

Глаголический памятник XI в., написан в пределах Западной Болгарии (Македонии). Объем 158 л.

Название получило по имени кардинала Дж. Ассемáни — директора Ватиканской (Папской) библиотеки, обнаружившего рукопись в Иерусалиме и вывезшего ее в 1736 г. в Италию.

Хранится в Ватиканской библиотеке.

Издано: *Vais J., Kurz I. Evangeliarum Assemani. T. 1: Prolegomen. Tabulae. Praha, 1929 (Codex Vaticanus 3. Slavicus glagoliticus) [фототипически]; Kurz I. Evangeliáň Assemanův. Díl 2. Praha, 1955 (Kodex Vaticánský 3. Slovanský) [в кириллической транскрипции]; *Иванова-Мавродинова В., Джурова А.* Асеманиевото евангелие: Старобългарски глаголически паметник от X век: Художествено-историческо проучване. София, 1981 [факсимильно].*

Сáввина книга

Кириллический памятник XI в., написан в северо-восточной Болгарии (возможно, в области к северу от Дуная). Объем 129 л.; представляет собой служебное евангелие. По всей вероятности, список с глаголического оригинала; по особенностям орфографии считается одним из ранних кириллических памятников. Собствен-

но к старославянскому канону относится древнейшая часть Саввиной книги (л. 25—153 и л. 166), которая и датируется XI в. Кроме того, Саввина книга содержит две древнерусские части (л. 1—24 датируются концом XIII — началом XIV в., а л. 154—165 — концом XI — началом XII в.).

Назван по имени писца Саввы, который оставил две приписки со своим именем (л. 49 и 54): ср. на л. 49 — по" сава ꙗ҃ль 'поп Савва писал'.

Хранится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве.

Издана: *Щепкин В. Н.* Саввина книга. СПб., 1903 (Памятники старославянского языка. Т. 1. Вып. 2); переизд.: Грац, 1959; Саввина книга. Древнеславянская рукопись XI, XI—XII и конца XIII века / изд. подг. О. А. Князевская, Л. А. Коробенко, Е. П. Дограмаджиева. М., 1999.

Ватиканский палимпсест

Кириллический памятник X—XI вв. Содержит текст служебного евангелия. Есть предположение, что писцом рукописи был поп Савва, переписавший Саввину книгу.

Хранится в Ватиканской библиотеке.

Издан: *Кръстанов Т., Тотманова А. М., Добрев И.* Ватиканско Евангелие, старобългарски кирилски апракос от X в. в палимпсестен кодекс. Vat. Gr. 2502. София, 1996.

Охридские листки

Глаголический памятник XI в. Объем 2 л.; содержат отрывок служебного евангелия.

Названы по месту (г. Охрид в Болгарии), где были найдены В. И. Григоровичем в 1845 г.

Хранятся в Одесской государственной научной библиотеке (Украина).

Изданы: *Ильинский Г. А.* Охридские глаголические листки. СПб., 1915 (Памятники старославянского языка. Т. 1. Вып. 2. Ч. 2).

Листки Ундольского

Кириллический памятник XI в. Объем 2 л.; содержат отрывок служебного евангелия.

Названы по имени первого владельца — библиографа и собирателя памятников славянской письменности В. М. Ундольского.

Хранятся в Российской государственной библиотеке (Москва).

Изданы: *Срезневский И. И.* Древние славянские памятники юсого письма. СПб., 1868; *Карский Е. Ф.* Листки Ундольского: отрывок кирилловского евангелия XI в. СПб., 1904 (Памятники старо-

славянского языка. Т. 1. Вып. 3); переизд.: М., 1962; *Минчева А.* Старобългарски кирилски откъслци. София, 1978. С. 18—24.

Боянское служебное евангелие (Боянский палимпсест)

Глаголический памятник конца XI в. В XIII в. глаголический текст был счищен, а поверх него кириллицей был написан другой текст (евангелие-апракос).

Памятник назван по месту (Боянский монастырь близ Софии), где был найден В. И. Григоровичем в 1845 г.

Хранится в Российской государственной библиотеке (Москва).

Издано: *Добрев И.* Глаголическият текст на Боянския палимпсест: Старобългарски паметник от края на XI век. София, 1972.

Зографский палимпсест

Глаголический памятник конца XI в. В конце XII в. первоначальный глаголический текст был смыт и поверх него написан поздней глаголицей текст евангелия-апракос, который как поздняя вставка (от XI—XII вв.) был включен в текст Зографского четвероевангелия. Смытый первоначальный текст, который и называется Зографским палимпсестом, прочитан И. Добревым и издан в кириллической транскрипции.

Хранится в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург).

Издан: *Добрев И.* Палимпсестовите части на Зографското евангелие // Константин-Кирил философ: Доклади от симпозиума, посветен на 1100-годишнината от смъртта му. София, 1971. С. 157—164.

Две датированные рукописи XI в., содержащие тексты евангелий, принадлежат к русскому изводу и обычно не включаются в число старославянских памятников, так как отражают явные языковые черты восточнославянских переписчиков. Это ***Остромирово евангелие 1056—1057 гг.*** и ***Архангельское евангелие 1092 г.*** Остромирово евангелие, которое является самой древней точно датированной славянской рукописью, представляет собой служебное евангелие, переписанное в Киевской Руси с восточноболгарского протографа. Названо по имени новгородского посадника Остромира — заказчика этой работы. Хранится в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург).

Издано: Остромирово евангелие 1056—1057 года. С приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями, изданное А. Востоковым. СПб., 1843 (переизд.: М.: Языки славянских культур, 2007); *Савинков Н.* Остромирово евангелие 1056—1057 гг. СПб., 1883; 1889 [фотолитографически]; Остромирово евангелие. М., 1988 [факсимильное].

Из более поздних списков евангелий разных изводов можно назвать *Мстиславово ев.* начала XII в. (до 1117 г.), *Галицкое ев. 1144 г.* и *Добрилово ев. 1164 г.* (русский извод), *Добромирово ев.* начала XII в. и *Добрёйшево ев.* XIII в. (болгарский извод), *Миро-славово ев.* конца XII в., *Вуканово ев.* конца XII — начала XIII в. и *Никольское ев.* XIV в. (сербский извод).

Псалтырь (греч. ψαλτήριον) — книга, содержащая песнопения (псалмы, греч. ψαλμός ‘песнь, песнопение’) во славу Бога, часть из которых принадлежит библейскому царю и пророку Давиду.

Синайская псалтырь

Глаголический памятник XI в., написан в пределах Западной Болгарии (Македонии). Объем 177 л.; содержит 137 псалмов без комментариев. На основании содержания, а также по языковым особенностям памятник считается связанным с кирилло-мефодиевским временем.

Рукопись открыта в середине XIX в. архимандритом Порфирием (Успенским) в монастыре Св. Екатерины на горе Синай (Синайский полуостров), откуда и происходит ее название.

Хранится в монастыре Св. Екатерины на Синае.

Издана: *Северьянов С.* Синайская псалтырь: глаголический памятник XI в. Пг., 1922 [в кириллической транскрипции]; *Altbauer M.* Psalterium Sinaiticum, an 11th Century Glagolitic Manuscript from St. Catharines Monastery, Mt. Sinai. Skopje, 1971 [фототипически]; *Tarnanidis J. C.* The Slavonic manuscripts discovered in 1975 at St. Catherine’s Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki, 1988 [отрывок (2 листа) рукописи, фототипически].

Среди рукописей, найденных в 1975 г. в монастыре Св. Екатерины на Синае, находится глаголическая Псалтырь Димитрия Синайского. Этот старославянский памятник объемом 145 л. содержит текст 151 псалма. В настоящее время международный коллектив палеославистов на базе Института славистики Венского университета готовит издание памятника. Полный текст рукописи представлен на сайте «Славянское письменное наследие „Манускрипт“» (<http://mns.udsu.ru/mns/portal.main?p1=42>).

Другие древнейшие (XI в.) списки Псалтыри — *Чудовская псалтырь* и *Евгениевская псалтырь* — принадлежат русскому изводу и обычно выводятся за пределы старославянских памятников. К 1-й половине XIII в. относится *Болонская псалтырь* — памятник болгарского извода.

Из древнейших славянских памятников, содержащих текст Псалтыри, следует отметить найденный в 2000 г. во время раско-

пок в Новгороде так называемый *Новгородский кодекс* (*Новгородская цѣра*, *Новгородская псалтырь*), археологически датированный 1-й четвертью XI в. Памятник представляет собой три деревянные страницы — навощенные дощечки (цѣры) — с легко читаемым процарапанным текстом 75-го и 76-го псалмов, а также фрагментом 67-го псалма. В *Новгородском кодексе* используется только один знак (ѣ) для редуцированных, т. е. представлена *одноеровая* графика. Редкие ошибки в передаче юсов выдают восточнославянское происхождение писца, но другие особенности русского извода церковнославянского языка еще не представлены.

Издан: *Зализняк А. А., Янин В. Л.* Новгородский кодекс первой четверти XI в. — древнейшая книга Руси // Вопросы языкознания. 2001. № 5. С. 3—25.

Апóстол (греч. ἀπόστολος ‘посланник’) — книга, содержащая деяния и послания апостолов — учеников Иисуса Христа, предназначенная для чтения в церкви при богослужении.

Енинский апостол

Кириллический памятник XI в. Объем 39 л. Рукопись очень плохой сохранности, неполная, содержит текст служебного апостола.

Назван по месту (с. Енина около г. Казанлыка в Болгарии), где был найден в 1960 г. при реставрации церкви Св. Параскевы.

Хранится в Народной библиотеке им. Кирилла и Мефодия в Софии (Болгария).

Издан: *Мирчев К., Кодов Х.* Енински апостол: Старобългарски паметник от XI век. София, 1965 [фототипически]; *Кодов Х.* Енински апостол. Факсимилно издание. София, 1983.

Два других древних списка апостола — *Охридский апостол* (апостол-апракос краткий) конца XII в. и *Слѣпченский апостол* (апостол-апракос полный) конца (?) XII в. — являются памятниками болгарского извода и не включаются в число старославянских.

Минѣя (греч. μηναιον ‘месячник’, от μῆν ‘месяц’) — книга, содержащая службы годового круга (предназначенные для церковного чтения на каждый день какого-либо месяца), включающая жития святых, легенды о мученичестве и подвижничестве святых, творения Отцов церкви.

Супрасльская рукопись

Кириллический памятник XI в., написан в пределах Восточной Болгарии (вероятно, в северо-восточной ее части). Объем 285 л.; представляет собой мартовскую миною, т. е. сборник житий святых и гомиллий (проповедей) на март, включает 24 жития и 24 гомилии. Большая часть рукописи восходит к тексту X в., к преслávской школе письменности.

Открыта М. К. Бобровским в 1823 г. в библиотеке Супрасльского (откуда и название) монастыря под Белостоком.

Рукопись разрознена, хранится в Народной библиотеке в Варшаве (Польша), Университетской библиотеке в Любляне (Словения) и Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург).

Издана: *Северьянов С.* Супрасльская рукопись. СПб., 1904 (Памятники старославянского языка. Т. 2. Вып. 1); переизд: в 2 т. Грац, 1956; *Займов И., Капалдо М.* Супрасълски или Ретков сборник. Т. 1—2. София, 1982—1983.

Трѣбник, или **евхоло́гий** (греч. εὐχολόγιον ‘молитвенник’, от εὐχολή ‘молитва’) — книга, содержащая молитвы, молитвословия и требы (церковные службы на разные случаи жизни).

Сина́йский требник

Плаголический памятник XI в., переписан в Македонии, по-видимому, с мораво-паннонского оригинала (так как часть текстов переведена с латинского и немецкого языков). Объем 106 л.

Назван по месту (монастырь Св. Екатерины на Синае), где был найден архимандритом Порфирием (Успенским) в 1850 г.

Рукопись разрознена, хранится в монастыре Св. Екатерины на Синае, а также в Российской национальной библиотеке и Библиотеке Академии наук (Санкт-Петербург).

Издан: *Geitler L.* Euchologium: Glagolski spomenik manastira Sinai brda. Zagreb, 1882 [в кириллической транскрипции]; *Frček J.* Euchologium Sinaïticum: Texte slave avec sources grecques et traduction française // *Patrologia Orientalis*. Paris, 1933. Т. 24. Fasc. 5; Paris, 1939. Т. 25. Fasc. 3; *Nachtigal R.* Euchologium Sinaïticum. Vol. I: Fotografski posnetek; Vol. II: Tekst s komentarjem. Ljubljana, 1941— 1942.

Отрывок *Синайского требника* обнаружен в 1975 г. и издан в: *Tarnanidis J. C.* The Slavonic manuscripts discovered in 1975 at St. Catherine’s Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki, 1988.

Известен ряд сборников, по содержанию близких к минеям; они включают поучения, гомѣлии, похвальные слова и другие тексты. Как правило, сохранились только незначительные по объему отрывки из этих сборников.

Сборник Кло́ца

Плаголический памятник XI в., вероятно, переписан в Западной Болгарии (Македонии). Объем 14 л. (сохранившихся от большого кодекса); содержит отрывки из проповедей. Анонимную гомелию, имеющуюся в этом сборнике, ряд ученых считает произведением Мефодия.

Сборник назван по имени графа П. Клоца — владельца библиотеки, в которой его обнаружил В. Кóпитар в 1830 г.

Рукопись разрознена, хранится в городском музее в Тренто (Италия) и в музее «Ferdinandeum» в Инсбруке (Австрия).

Издан: *Vondrák V.* Glagolita Clozův. Praha, 1893; *Dostál A.* Clozianus codex palaeoslovenicus glagoliticus: Staroslověnský hlaholský sborník tridentský a innsbrucký. Praha, 1959 [фототипически, с кириллической и латинской транскрипцией текста].

Хиландарские листки

Кириллический памятник XI в., написан в пределах Восточной Болгарии. Объем 2 л.; содержит отрывок текста славянского перевода поучений Кирилла Иерусалимского.

Рукопись была найдена в 1844 г. В. И. Григоровичем в Хиландарском монастыре на Афоне.

Хранится в Одесской государственной научной библиотеке (Украина).

Изданы: *Кульбакин С. М.* Хиландарские листки: Отрывок кирилловской письменности XI в. СПб., 1900 (Памятники старославянского языка. Т. 1. Вып. 1); *Минчева А.* Старобългарски кирилски откъслечи. София, 1978. С. 24—39.

Зографские листки

Кириллический памятник XI в., написан в пределах Восточной Болгарии. Объем 2 л.; содержит отрывок перевода монашеских «Правил» св. Василия Великого.

Названы по Зографскому монастырю на Афоне, где рукопись была обнаружена П. А. Лавровым.

Хранятся в библиотеке Зографского монастыря.

Изданы: *Lavrov P.* Les Feuilles du Zograph // *Revue des études slaves.* 1926. Vol. 6. P. 5—23; *Lavrov P. A., Vaillant A.* Les Règles du Saint-Basile en vieux-slave: Les Feuilles du Zograph // *Revue des études slaves.* 1930. Vol. 10. P. 5—35; *Минчева А.* Старобългарски кирилски откъслечи. София, 1978. С. 39—45.

Рыльские листки

Глаголический памятник XI в., написан в пределах Западной Болгарии (Македонии). Объем 7 л. и 3 вырезки; представляют собой отрывок из несохранившегося кодекса литургического назначения — исповедальной молитвы и части наставления (паренесица) Ефрема Сирина. Возможно (как предполагает И. Гошев), они входили в полный евхологий или специальный сборник молитв.

Названы по месту (Рыльский монастырь в Болгарии), где были обнаружены разными учеными (В. И. Григорович, 1845 г.; К. Иречек, 1880 г.; И. Иванов, 1936 г.).

Рукопись разрознена, хранится в Рыльском монастыре (Болгария) и Библиотеке Академии наук (Санкт-Петербург).

Изданы: *Гошев И.* Рилски глаголически листове. София, 1956.

Надпись на надгробной плите Мостича

Текст надписи с разделением на слова	Текст надписи с раскрытием титл и знаками препинания	Перевод
<p>сьде лежитъ мо- стичъ чрьгоубы- ла вѣвѣи при сѹмеонѣ цѣри и при петрѣ цѣри [о]- с[м]ниж же деся- ть лѣтъ сы оста- вивъ [ч]рьгоубыль- ство і все имѣни- кѣ вѣстѣ чрьнори- зѣць і въ томъ съ- врши жизнь своѣж</p>	<p>Бѣде лежитъ Мо- стичъ чрьгоубы- ла, вѣвѣи при Сѹмеонѣ цѣсаря и при Петрѣ цѣсаря. Осмниж же деся- ть лѣтъ сы, оста- вивъ чрьгоубыль- ство і все имѣни- кѣ, вѣстѣ чрьнори- зѣць і въ томъ съ- врши жизнь своѣж.</p>	<p>Здесь лежит Мо- стич, бывший чергубы- ля¹ при царе Симеоне и при царе Петре. Будучи 80 лет, оста- вил чергубыль- ство и все имуще- ство и стал мона- хом. И так закончил жизнь свою.</p>

§ 13. Основные сведения по истории изучения старославянского языка

Хотя первым исследованием, посвященным старославянскому языку и славянской письменности, является сочинение болгарского книжника IX в. черноризца Храбра «О письменах», где наряду с изложением истории возникновения старославянской азбуки имеется попытка проанализировать звуковой состав славянской речи, эта работа воспринимается не как исследование, а как источник для изучения старославянского языка.

Начало академического славяноведения в России падает на 2-ю четверть XVIII в. Первым ученым, который, не являясь формально членом Петербургской академии наук, начал рассматривать проблемы происхождения славян и их истории, был историк **Василий Никитич Татищев** (1686—1750), автор «Истории российской» (М., 1768—1848), над которой он работал с 1720 г. В. Н. Татищев, признавая языковую и культурную общность славян, делил древние славянские племена на восточную, южную, западную и северную группы.

Славянскими древностями и проблемой происхождения славян интересовался и **Василий Кириллович Тредиаковский** (1703—1768), который, в частности в работе «Три рассуждения о трех главнейших древностях российских, а именно: 1. О первенстве словенского языка перед тевтоническим; 2. О первоначалии россос; 3. О варягах, рус-

¹ *Чергубыля* — в древнеболгарском языке несклоняемое существительное протоболгарского (тюркского) происхождения, обозначавшее одну из высших государственных должностей в Первом болгарском царстве.

сах славенского звания, рода и языка» (М., 1773), разрабатывал идею о большей древности славянских языков по сравнению с другими родственными языками, опираясь на донаучное этимологизирование названий различных стран и народов (см. § 15).

Предтечей научного славяноведения можно считать **Михаила Васильевича Ломоносова** (1711—1765), который, как это следует из его опубликованных работ и черновых заметок, имел вполне ясные представления о родстве славянских языков и их составе. Он пришел к выводу, что славянские языки — русский, польский, болгарский, сербский, чешский, словацкий, лужицкий («вендский») — являются «сродственными» (родственными) и восходят к одному языку, который он называл «славенским». Кроме того, ученый признавал родство славянских языков с балтийскими, а также греческим, латинским и немецким (но не с финским или китайским). Ломоносов исходил при этом не из общих соображений, а из анализа языкового материала, а именно сравнения числительных первого десятка. Существенно, что Ломоносов стремился разграничить древний язык церковных книг (старославянский, или «славено-моравский») и собственно русский (древнерусский), считая, что и тот и другой произошли из одного источника — «древнего славянского языка» (праславянского), а не русский из «славено-моравского». Таким образом, Ломоносов довольно ясно разграничивал праславянский, старославянский и древнерусский языки¹.

О подлинно научной разработке старославянского языка следует говорить все же только с конца XVIII в. Основоположниками славянской филологии считаются чешский ученый Й. Добровский и русский ученый А. Х. Востоков.

Йозеф Добровский (1753—1829), как и многие исследователи в других славянских странах, был сторонником общефилологического подхода к изучению старославянского языка. Основные его работы — «Glagolitica» («Глаголица», 1807), «Institutiones linguae slavicae dialecti veteris» («Основы древнего наречия славянского языка», 1822; перевод издан в России под названием «Грамматика языка славянского по древнему наречию», 1833—1834), «Cyrill und Method der Slawen Apóstel» («Кирилл и Мефодий. Славянские апостолы», 1823) — посвящены самым разным аспектам исследования старославянского языка и происхождения славянской письменности.

Й. Добровский впервые дал систематическое изложение грамматики церковнославянского языка (правда, на основе сравнительно поздних памятников славянской письменности) и обосновал, исходя

¹ См.: *Успенский Б. А.* М. В. Ломоносов о соотношении церковнославянского, древнерусского и «древнего славянского» языков (на материале его записки о А. Л. Шлёцере) // *Калботуга (Языкознание)*. № 39 (2). Закономерности развития и взаимодействия языков. Вильнюс, 1988. С. 13—19.

из 10 фонетических, морфологических и лексических признаков, его южнославянское происхождение («илирийская», т. е. сербская, основа). Ему же принадлежит первая научная классификация славянских языков, которые он разделял на две группы: юго-западную, куда входил и русский язык, и северо-западную. Двучленная классификация Й. Добровского была позднее уточнена русским историком и этнографом **Николаем Ивановичем Надёждиным** (1804—1856) и украинским ученым **Михаилом Александровичем Максимовичем** (1804—1873), которые фактически обосновывали ставшее общепринятым деление славянских языков на три группы (южную, западную и восточную). Й. Добровский высказал также предположение, что первой славянской азбукой была кириллица, а создателем ее являлся Кирилл. Фундаментальные труды Й. Добровского оказали большое влияние на дальнейшую разработку проблем палеославистики¹.

Александр Христофорович Востоков (1781—1864) первый применил сравнительно-исторический метод к исследованию славянских языков в своей небольшой работе «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим онго письменным памятникам» (1820). Им осуществлено первое издание (1843) Остромирова евангелия, отличающееся научной строгостью и точностью методов исследования и описания материала. В 1858—1861 гг. А. Х. Востоков издал «Словарь церковнославянского языка» (ч. I—II). Последняя большая работа ученого — «Грамматика церковнословенского языка, изложенная по древнейшим онго письменным памятникам» (1863).

На основании сравнительно-исторического изучения различных славянских языков А. Х. Востоков смог продвинуться значительно дальше Й. Добровского в описании фонетической системы старославянского языка: он установил, что буквы **ж** и **л** обозначали носовые гласные, а **ъ** и **ь** обозначали гласные звуки, которые он определял как краткие гласные («полугласные»). Востоковым были отмечены и другие особенности старославянского языка (например, отсутствие различия в склонении существительных и кратких прилагательных, различение инфинитива и супина, отсутствие деепричастия, которое, по его мнению, еще не сформировалось, и др.), что явилось важным открытием в языкознании начала XIX в. Востоков впервые указал на *полногласие* (см. § 23) как на черту русского языка, отличающую его от старославянского (рус. *город, берег* — ст.-сл. *градъ, вѣръгъ*). Таким образом, прямо не полемизируя с Добровским, но выделяя такую яркую черту восточнославянских языков, как *полногласие*, Востоков примкнул к трехчленной классификации славянских языков.

¹ *Карский Е. Ф.* К столетию со дня выхода «Institutiones» И. Добровского 1822—1922 // *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962. С. 607—615.

Кроме того, в отличие от Добровского, Востоков видел диалектную основу старославянского языка в болгарском наречии, полагая, что первоначальная славянская азбука была создана для болгар. Итак, А. Х. Востоков был первым, кто на большом языковом материале и с применением сравнительно-исторического метода доказал родство славянских языков. Он работал в контексте европейской науки того времени, хорошо знал и использовал работы своих современников А.-Л. Шлёцера, Й. Добровского, Я. Гримма и др.

В работах, посвященных описанию славянских рукописей, он последовательно разграничивал праславянский и старославянский (церковнославянский) языки и указывал на существование различных редакций (изводов) церковнославянского. Для того чтобы отличать *праславянский*, для которого использовался термин «славенский», от языка церковных книг (восходящего к языку кирилло-мефодиевских переводов), который называли *церковным*, Востоков стал использовать термин *церковнославянский* («церковно-словенский», т. е. церковный и славянский)¹.

Из современников Добровского и Востокова следует назвать словенского ученого **Варфоломэя (Ернея) Кóпитара** (1780—1844), который опубликовал найденный им древнейший глаголический памятник — Сборник Клоца (1836). В предисловии к изданию Копитар изложил свои взгляды на происхождение старославянского языка и письменности — так называемую паннонскую теорию, согласно которой языком первых славянских переводов был язык славян, живших в Паннонии, т. е. предков нынешних словенцев, а глаголица признавалась более древней азбукой, чем кириллица.

С 30-х гг. XIX в. начинается чрезвычайно активная работа по собиранию и изданию памятников старославянской письменности.

Здесь особая заслуга принадлежит русскому ученому-филологу **Виктору Ивановичу Григоровичу** (1815—1876), который в 1844 г. совершил поездку на Балканы и Афонский полуостров, открыв множество славянских рукописей, среди которых были и древнейшие: Зографское, Мариинское евангелия, Хиландарские листки. Именно открытия В. И. Григоровича стимулировали новые исследования в области старославянского языка.

Словацкий ученый, историк и филолог **Павел Йóзеф Шафáрик** (1795—1861), опираясь на материалы В. И. Григоровича, выдвинул теорию происхождения славянской письменности, фактически лежащую в основе современного научного взгляда на этот вопрос. В своих работах «Rozkwět slowanské literatury w Bulharsku» («Расцвет славянской письменности в Болгарии», 1848) и особенно «Über

¹ Подробнее об этом см.: *Keipert H.* Востоков и Шлецер (О началах сравнительно-исторического метода в славянском языкознании) // *Russian Linguistics*. 2006. P. 303—319.

den Ursprung und die Heimat des Glagolitismus» («О происхождении и родине глаголицы», 1858) он утверждал, что глаголица древнее кириллицы (и в ней используются знаки еврейско-самаритянского, финикийского и других алфавитов), и связывал ее изобретение с именем Константина-Кирилла, тогда как создание кириллицы он приписывал ученику Мефодия Клименту. В вопросе о языковой основе старославянского языка Шафарик, отказавшись от прежних взглядов (совпадавших с позицией Й. Добровского), присоединился к В. Копитару.

Ученик Копитара словенский ученый **Франц Миклошич** (1813—1891) в своих работах, продолжая развивать его взгляды, доказывал невозможность болгаро-македонской основы старославянского языка. Большую роль в распространении «паннонской теории» сыграли его первые обобщающие капитальные труды по славистике. Прежде всего это «Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen» (Сравнительная грамматика славянских языков: в 3 т.; 1-е изд. — 1852—1875; 2-е, перераб., — 1875—1883), где были даны очерки отдельных славянских языков с использованием материалов праславянского и старославянского языков. Ф. Миклошичу принадлежат также два фундаментальных лексикографических труда: «Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum» («Старославянско-греко-латинский словарь», 1862—1865) и «Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen» (первый «Этимологический словарь славянских языков», 1886).

Однако в конце XIX в. «паннонская теория», долгое время имевшая сторонников благодаря научному авторитету Миклошича, была опровергнута словенским ученым **Ватрославом Облаком** (1864—1896), результаты исследования которого были опубликованы в его работе «Makedonische Studien» («Македонские исследования», 1896) (см. § 8).

Академик **Измайл Иванович Срезневский** (1812—1880) продолжил в палеославистике направление (углубленное лингвистическое исследование и описание старославянских памятников), начатое А. Х. Востоковым в 40—60-х гг. XIX в. Он открыл и описал глаголические Киевские листки (Киевский миссал) и Саввину книгу. Ему же принадлежит ряд описаний старославянских и церковнославянских рукописей, а также палеографических исследований: «Древние письмена славянские» (1848); «Древние глаголические отрывки, найденные в Праге» (1857); «Древние глаголические памятники, сравнительно с памятниками кириллицы» (1866); «Древние славянские памятники юсового письма с описанием их и с замечаниями об особенностях их правописания и языка» (1868); «Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках» (1867—1881). Он же собрал материалы к историческому словарю древнерусского языка («Материалы для словаря древнерусского

языка по письменным памятникам», 1893—1912). Этот словарь, подготовленный к изданию детьми Срезневского уже после смерти ученого, и сейчас является одним из самых полных. Фактически именно Срезневский впервые наметил программу исторического изучения русского языка в связи с историей народа («Мысли об истории русского языка», 1849).

И. И. Срезневский был инициатором и непосредственным участником (в качестве автора и редактора) издания «Известий Академии наук по Отделению русского языка и словесности» (с 1852 г.) и «Сборника статей, читанных в Отделении русского языка и словесности» («Сборник ОРЯС», с 1867 г.), где публиковались многие серьезные исследования по палеославистике.

На последующее изучение старославянского языка большое влияние оказал один из основоположников сравнительно-исторического языкознания, немецкий ученый **Август Шлэйхер** (1821—1863) — автор фундаментального исследования «*Formenlehre der kirchenslavischen Sprache*» («Морфология церковнославянского языка», 1852), в котором для реконструкции морфологических особенностей дописьменного периода был привлечен материал литовского языка (принцип, ставший для славянского языкознания в дальнейшем традиционным), что позволило объяснить целый ряд фонетических и грамматических изменений в праславянском языке.

Немецкий ученый **Август Лескин** (1840—1916) — один из представителей нового научного направления («младограмматиков»), выдвинувших гипотезу о регулярности (безысключительности) звуковых изменений (см. § 15), — издает первое систематизированное и тщательно разработанное пособие по старославянскому языку «*Handbuch der altpulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache*» («Руководство по древнеболгарскому (древнецерковнославянскому) языку», 1871, 1886), затем и «*Grammatik der altpulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache*» («Грамматика древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка», 1909; в русском переводе вышла в 1915 г.). В этих трудах впервые были определены условия ряда праславянских фонетических изменений и разработаны вопросы их относительной хронологии.

Деятельность И. И. Срезневского знаменовала собой начало «золотого века» палеославистики. Во 2-й половине XIX — начале XX в. появляется ряд важных исследований и изданий памятников старославянской письменности.

Значительный вклад в научную разработку проблем славянской филологии внесен академиком **Ватрославом (Игнатием Викентьевичем) Ягичем** (1838—1923), хорватом по национальности. Он был не только крупнейшим ученым-славистом (ему принадлежит более 700 работ по различным вопросам славянской филологии), но и выдающимся организатором в области науки. В 1876 г. Ягич основал в Берлине «*Archiv für slavische Philologie*» («Архив славянской фило-

логии»), ставший лучшим славистическим научным журналом конца XIX в.; на его страницах печатались фундаментальные исследования по старославянскому языку. Позже, живя в Петербурге (1880—1886) и возглавляя после И. И. Срезневского кафедру славянской филологии Петербургского университета, он стал инициатором издания «Исследований по русскому языку», где были опубликованы многие работы по старославянскому языку и истории русского языка.

С 1908 г. по инициативе Ягича начинает выходить серия «Энциклопедия славянской филологии», включившая труды многих выдающихся ученых-славистов. В этом издании были опубликованы также его «История славянской филологии» (1910) и исследование «Глаголическое письмо» (1911), в котором представлена история изучения глаголицы, дано подтверждение новыми фактами теории И. Тейлора о происхождении глаголицы из греческого минускула, установлена бóльшая древность глаголического письма по сравнению с кириллическим и сделано палеографическое его описание.

И. В. Ягичу принадлежат лучшие издания и описания старославянских памятников (Зографского и Мариинского евангелий, Киевских листков и др.). Его интерес к вопросам происхождения славянской письменности, к истории славянской книжности отразился в исследованиях: «Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина-философа, первоучителя славян св. Кирилла» (1893); «Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке» (1895); «Entstehungsgeschichte der Kirchenslavischen Sprache» («История возникновения церковнославянского языка», 2-е изд., 1913), где фактически окончательно доказана несостоятельность «паннонской теории» происхождения старославянского языка.

Важную роль в славянском языкознании сыграл польский ученый **Ян (Иван Александрович) Бодуэн де Куртенэ** (1845—1929) — профессор Казанского, затем Петербургского университета, основатель Казанской лингвистической школы, один из основоположников современной лингвистики. Им сделан и ряд конкретных открытий (условия прогрессивной ассимиляции заднеязычных согласных, известной как третья, или бодуэновская, палатализация; закон сокращения основ в пользу окончаний и др.), имеющих значение для изучения старославянского языка.

Выдающуюся роль в изучении старославянского языка и письменности сыграли русские ученые академик **Ф. Ф. Фортунатов** и его ученики **А. А. Шахматов**, **Б. М. Ляпунов**, **Н. Н. Дурново**, **Е. Ф. Карский**, **Г. А. Ильинский**, **С. М. Кульбакин**.

Филипп Федорович Фортунатов (1848—1914) — теоретик и историк языка, создатель Московской (фортунатовской) лингвистической школы, сделавший важные открытия в области индоевропейской и балто-славянской акцентологии. **Ф. Ф. Фортунатов** в своих трудах большое внимание уделял изучению и преподаванию старославян-

ского языка. В течение ряда лет (1880—1890) он читал в Московском университете курс лекций по фонетике старославянского языка. Его «Лекции по фонетике старославянского языка» (1919), опубликованные уже после смерти автора, переизданы в 1957 г. Ф. Ф. Фортунатов интенсивно занимался вопросами старославянской письменности (особенно в последние годы своей жизни). Он редактировал серию изданий «Памятники старославянского языка», напечатал ряд работ, посвященных анализу палеографических и языковых особенностей памятников старославянской письменности: «Состав Остромирова евангелия» (1908), «Старославянское -тъ в 3-м лице глаголов» (1908), «О происхождении глаголицы» (1913).

Перечислим некоторые важные работы в области славистики ученых фортунатовской школы.

Вячеслав Николаевич Щёпкин (1863—1920): «Рассуждение о языке Саввиной книги» (1898—1899), исследование и издание Болонской псалтыри «Болонская псалтырь» (1906) — лучшие образцы научного издания памятников славянской письменности;

Алексей Александрович Шахматов (1864—1920): «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (1915), в котором многие явления исторической фонетики древнерусского языка рассматриваются на фоне данных старославянских памятников, а также выдвигается гипотеза о происхождении русского литературного языка на основе древнеболгарского (старославянского) языка;

Александр Иванович Томсон (1860—1935): серия статей (1908—1913) о развитии категории одушевленности в славянских языках (переизд.: *Томсон А. И. Избранные работы по морфологии славянских языков. Развитие категории одушевленности.* М., 2006);

Евфимий Федорович Карский (1861—1931): «Славянская кирилловская палеография» (1928; переизд. 1979), представляющая собой энциклопедическое описание особенностей кирилловского письма;

Борис Михайлович Ляпунов (1862—1943): «Формы склонения в старославянском языке» (1905), содержащая развернутый очерк системы склонения старославянского языка;

Степан Михайлович Кульбáкин (1873—1941): курс лекций «Древнецерковнославянский язык» (1911—1912) и «Грамматика церковнославянского языка по древнейшим памятникам» (1915), до 1950-х гг. остававшиеся единственными отечественными учебниками по старославянскому языку;

Николай Николаевич Дурновó (1876—1937): «Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка» (1924); «Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов» (1929), где представлена концепция происхождения старославянского языка и славянских азбук, ставшая общепринятой в современной славистике; «Славянское правописание X—XII вв.» (1933).

Заметный след в палеославистике оставила научная деятельность академиков А. И. Соболевского и П. А. Лаврова.

Алексей Иванович Соболевский (1856—1929), возглавлявший с 1888 по 1908 г. кафедру русского языка и словесности в Петербургском университете, читал лекции по старославянскому (древнецерковнославянскому) языку. На основе конспекта этих лекций он издает учебник «Древнецерковнославянский язык. Фонетика» (1891), который был первым систематическим описанием фонетики старославянского языка и на долгие годы стал практически единственным пособием по курсу. Ему также принадлежит одно из первых в отечественной славистике пособий по палеографии «Славяно-русская палеография. Конспекты лекций, читанных в С.-Петербургском Археологическом Институте» (1901—1902; 2-е изд. 1908). Особое место среди многочисленных славистических исследований ученого занимает сборник его статей, посвященных вопросам изучения лексики старославянских памятников, — «Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии» (1910).

Наиболее важными трудами **Петра Алексеевича Лаврова** (1856—1929) являются монографии «Палеографический обзор кирилловского письма» (1915) и «Материалы по истории возникновения древней славянской письменности» (вышли в 1930 г. под редакцией Б. М. Ляпунова).

Григорию Андреевичу Ильинскому (1876—1937) принадлежат образцовые издания старославянских и церковнославянских памятников (Слепченский апостол, Охридские глаголические листки и др.), а также новаторский для своего времени труд «Праславянская грамматика» (1916), в котором впервые обосновано право на самостоятельное существование *истории праславянского языка* как научной дисциплины наряду со старославянским языком и исторической грамматикой отдельных славянских языков.

Необходимо сказать, что отечественная славистика после революции 1917 г. переживала не лучшие времена. Внедрение в лингвистику «нового учения о языке» востоковеда акад. **Николая Яковлевича Марра** (1864/65—1934), отрицавшего сравнительно-историческое языкознание и гипотезу языкового родства, систематическая травля ведущих ученых подручными Марра и жесточайшая цензура, в том числе атеистическая, террор властей отнюдь не способствовали развитию палеославистики и изучению старославянского языка в СССР в первые послереволюционные десятилетия. По так называемому Делу славистов были арестованы и в 1934 г. осуждены многие ведущие отечественные ученые¹. Н. Н. Дурново и Г. А. Ильинский

¹ Подробнее см.: *Ашин Ф. Д., Алпатов В. М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.

были расстреляны, В. Н. Перетц умер в ссылке, А. М. Селищев несколько лет провел в лагере и после освобождения в 1937 г. прожил недолго. После революции многие слависты вынуждены были эмигрировать, другие — печатать свои работы за границей. Центр изучения палеославистики постепенно перемещался за границу¹.

Чешский ученый **Ва́цлав Во́ндрак** (1859—1925) — автор популярного и очень обстоятельного пособия «*Altkirchenslavische Grammatik*» («Древнецерковнославянская грамматика», 1900; 2-е изд., перераб. и доп., 1912), где впервые был представлен раздел старославянского синтаксиса. Позднее этот раздел был переведен на русский язык и издан отдельной книгой под названием «Древнецерковнославянский синтаксис» (1915). В ней были собраны и публиковавшиеся в 1890—1906 гг. его исследования, посвященные языку ряда древнейших старославянских памятников (Сборника Клоца, Киевского миссала, Пражских отрывков, Супрасльской рукописи и др.).

Крупным вкладом в палеославистику стал его двухтомный труд «*Vergleichende Slavische Grammatik*» («Сравнительная славянская грамматика», 1-е изд. — 1906—1908; 2-е, перераб., — 1924, 1928). В этой грамматике (в отличие от грамматики Ф. Миклошича, к тому времени уже устаревшей) славянский языковой материал систематизирован по языковым фактам и очерк истории славянских звуков и форм дан от праславянского состояния до современного (в различных славянских языках). В дальнейшем этот методический принцип был положен в основу всех последующих работ подобного типа.

Трудно переоценить значение деятельности французского индоевропеиста и слависта **Анту́ана Ме́йе** (1866—1936). А. Мейе был организатором французского Института славяноведения (*Institut d'études slaves*) и с 1921 г. в течение ряда лет являлся редактором его печатного издания «*Revue des études slaves*». Его первая значительная работа «*Recherches sur l'emploi du génitif-accusatif en vieuxslave*» («Исследования об употреблении родительного-винительного падежа в старославянском языке», 1897) касалась становления категории одушевленности в старославянском и других славянских языках. Следует также отметить двухтомный труд «*Études sur l'étimologie et le vocabulaire du vieux slave*» («Этюды об этимологии и словаре старославянского языка», 1902/05), где не только представлены многочисленные славянские этимологии, но и обсуждаются вопросы морфологии, словообразования и ряд других теоретических проблем славянских языков.

¹ Подробнее о положении славяноведения в первые десятилетия советской власти см.: *Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004.

Итогом исследований А. Мейе в области славянского языкознания стал капитальный труд «Le slave commun» («Общеславянский язык», 1924; 1934; в русском переводе с примечаниями П. С. Кузнецова вышел в 1951 г.), посвященный реконструкции праславянского языка. До сих пор он считается образцовым руководством по праславянскому языку.

Почти одновременно с трудом А. Мейе вышла книга голландского слависта **Николауса (Николая) Ван-Вейка** (1880—1941) «Geschichte der altkirchenslavischen Sprache» (1931; русский перевод книги под названием «История старославянского языка» опубликован в 1957 г.). Это своеобразный итог многочисленных исследований автора в области истории славянских языков.

В 1934 г. выходит литографированный курс лекций по старославянскому языку «Altkirchenslavische Grammatik. Schrift-, Laut- und Formensystem» («Древнецерковнославянский язык. Система письма, фонетика и морфология»; посмертно переиздан в 1954 г.) **Николая Сергеевича Трубецкóго** (1890—1938) — разностороннего филолога и лингвиста, одного из основоположников фонологии. Описание старославянского письма и языковой системы Трубецкой строит на строго синхронном основании, сосредоточившись на рассмотрении внутренних факторов, определяющих функционирование фонологической и морфологической систем. Эта работа, основанная на конспекте лекций, которые Трубецкой читал в 1932/33 гг. в Венском университете, обобщает ряд его статей, посвященных истории праславянского и отдельных славянских языков, и содержит множество оригинальных интерпретаций старославянского материала.

Примерно в это же время — в начале 30-х гг. — появляется фундаментальная двухтомная грамматика старославянского языка («Altkirchenslavische Grammatik». I—II. Heidelberg, 1932, 1934) немецкого слависта **Пауля Дильса** (1882—1963), а в конце 30-х — руководство по старославянскому языку («Rukovět' jazyka staroslověnského». Praha, 1937—38) чешского слависта **Милоша Вейнгарта** (1890—1939).

После Второй мировой войны происходит активизация научных разысканий в области старославянского языка. Помимо значительного количества научных публикаций по разным аспектам палеославистики начинает издаваться много научной периодики — журналов, тематических сборников.

Так, французский славист, ученик А. Мейе, **Андрé Вайáн** (1890—1977) публикует «Manuel du vieux slave» («Руководство по старославянскому языку», 1948; в русском переводе 1-я часть книги — «Grammaire» — вышла в 1952 г.). Оставляя за пределами работы сопоставление старославянского материала с данными других славянских и индоевропейских языков и сводя к минимуму

теоретические обобщения, Вайан дает исчерпывающее синхронное описание грамматики старославянского языка и форм, встречающихся в старославянских памятниках.

А. Вайаном издана фундаментальная «Grammaire comparée des langues slaves» («Сравнительная грамматика славянских языков». I—V. 1950—1977); опубликованы многочисленные статьи, среди них статья о происхождении славянских алфавитов, в которой он высказывает и аргументирует свою точку зрения (разделяемую в настоящее время многими учеными) об искусственном характере глаголицы.

После «дискуссии по вопросам языкознания», в ходе которой идеи Марра были подвергнуты уничтожающей критике, начинается подъем славистических исследований в СССР. Недостаток отечественных пособий по праславянскому и старославянскому языкам, вызванный господством марризма (Трубецкой называл его «марразмом»), восполнялся изданием переводных работ зарубежных славистов (Мейе, Вайана, Ван-Вейка). Значительным событием в научной разработке старославянского языка был выход книги крупнейшего русского слависта **Афанасия Матвеевича Селищева** (1883—1942) «Старославянский язык» (ч. 1 — 1951; ч. 2 — 1952). В первой части этого труда представлено обширное введение в кирилло-мефодиевскую проблематику и палеославистику, а также фонетика старославянского языка в сравнительно-историческом освещении и на основе детального описания материала старославянских памятников. Эта оригинальная работа содержит много интересных наблюдений над материалами ряда памятников, особенно македонских и болгарских.

Вторая часть представляет собой очерк морфологии (в отличие от фонетики — довольно сжатый) и словообразования старославянского языка, хотя первоначально автор предполагал дать развернутое описание морфологии и синтаксиса старославянского языка.

И еще один капитальный труд А. М. Селищева остался неоконченным. Это «Славянское языкознание», фактически энциклопедия славянского языкознания середины XX в. Из задуманных трех частей исследования в 1941 г. вышла только первая часть, посвященная западнославянским языкам. Имеются основания полагать, что к печати была подготовлена и вторая часть книги, посвященная южнославянским языкам, но сама рукопись, очевидно, была утеряна во время войны.

Наряду и параллельно с лингвистическим изучением старославянского языка, включающим его синхроническое и диахроническое описание на разных уровнях (фонетическом, грамматическом, лексическом и т. д.), в качестве отдельного направления палеославистики можно выделить изучение литературного наследия Кирилла, Мефодия и их учеников. Это направление палеославистики, которое можно условно назвать «филологическим», занимается разысканием и иссле-

дованием текстов старославянской письменности, в первую очередь древнейших переводов Библии и других богослужебных текстов.

И первым на этом пути был основоположник славянской филологии **Й. Добровский**. Он, в частности, собирался написать полную историю древнеславянского перевода Библии, чего, однако, не осуществил. Следует признать, что это было и невозможно на тот момент, поскольку абсолютное большинство рукописей, в том числе и почти все древнейшие рукописи, еще не были известны ученым. Тем не менее выводы Добровского, сделанные на основе доступных ему сравнительно поздних рукописей и первых печатных кодексов (Отрожского 1581 г., Московского 1663 г., Елизаветинского 1751 г.), были подтверждены результатами, полученными А. В. Горским и К. И. Невоструевым в их фундаментальном труде (о них см. с. 71—72) пятьдесят лет спустя. Добровский оставил свои замечания по целому кругу вопросов славянской библейской филологии: о греческом оригинале церковнославянской Библии, о редакциях новозаветных текстов, о взаимоотношении первопечатных изданий книг Нового Завета, о древности тех или иных лексем и словоупотреблений в славянских текстах Священного Писания, о глаголическом тексте библейских книг и его отношении к кириллическому и т. д. В частности, Й. Добровский, наиболее подробно занимавшийся текстами Евангелия и Апостола, пришел к выводу о том, что они сохранились в трех редакциях: *antiqua, media, postrema* (*древней, средней и новой*). А. В. Михайлов писал: «Острый ум и тонкая наблюдательность Добровского даже при тех скудных средствах, которыми он располагал, помогли ему подметить и установить такие факты, которые впоследствии вполне оправдались»¹.

Не менее важный вклад в исследование кирилло-мефодиевского наследия был внесен **А. Х. Востоковым**. Помимо образцового издания Остромирова евангелия его перу принадлежит фундаментальное описание² одного из рукописных собраний (ныне составляет часть собрания РГБ), в котором им было описано 473 рукописи и сделано немало ценнейших комментариев, не утративших своего значения и по сей день³.

¹ Михайлов А. В. Опыт изучения Книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Варшава, 1912. С. СХСII.

² Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея, составленное А. Х. Востоковым. СПб., 1842.

³ Например, один из ветхозаветных текстов, имевший на славянской почве очень интересную и непростую судьбу, *Книга Есфирь*, получает в описании А. Х. Востокова лаконичное, но весьма точное замечание: «Замечательно, что Книга Есфирь была переведена с еврейского и, по-видимому, в России, однако же в весьма давнее время» (там же. С. 25). Исследования Н. А. Мещерского и А. А. Алексева, проведенные более 100 лет спустя, подтвердили, что один из переводов *Книги Есфирь* действительно был сделан непосредственно с еврейского в Древней Руси (см., в частности: *Алексеев А. А. Текстология славянской Библии*. С. 180—182).

В одно время с Й. Добровским изучением переводческой деятельности Кирилла и Мефодия занимался **Константин Федорович Калайдович** (1792—1832). Он ввел в научный оборот такой важный для истории славянской письменности источник, как Пролог Иоанна Экзарха Болгарского к его переводу Богословия Иоанна Дамаскина. Калайдович обратил внимание на следующее сообщение Пролога о переводе Священного Писания на старославянский (в терминологии Калайдовича — *древний церковнославянский*) язык: *къстаѣтинъ философъ... многы трудоу приа... отъ евангелиа. и апла. прѣлагаа изборъ... архнепискоупъ Мефодии. братъ юго. прѣложи вса кънигы ѿ. отъ елинъска азыка въ словѣньскъ* 'Константин философ... приложив много труда, перевел избранное из Евангелия и Апостола; архиепископ Мефодий, брат его, перевел все книги, [числом] 60, с греческого языка на славянский'. В своем труде, посвященном этой находке, Калайдович ввел в научный оборот очень важный материал о переводе Священного Писания на старославянский язык¹. К. Ф. Калайдович активно занимался поиском древних рукописей, им, в частности, открыты такие важные памятники древнерусской письменности, как Изборник 1073 г., Галичское евангелие 1144 г., Апостол 1307 г. и многие другие.

В 1843 г. в научный оборот был введен другой важный историко-литературный источник — Паннонские Жития Кирилла и Мефодия. Они стали известны благодаря статье **Александра Васильевича Горского** (1812—1875), профессора, а впоследствии и ректора Московской духовной академии. С этого момента главным источником о литературном наследии Кирилла и Мефодия по переводу книг Священного Писания стала 15-я глава Жития Мефодия, в которой сообщается, что незадолго до смерти Мефодий перевел всю Библию, кроме Маккавейских Книг.

В 1855 г. А. В. Горский совместно с **Капитоном Ивановичем Невоструевым** (1815—1872) по предложению московского патриарха Филарета приступает к составлению Описания славянских рукописей Московской синодальной библиотеки (т. 1—4; 1855—1869). О филологических достоинствах данного труда писали следующее: «Таких произведений ума, учености, трудолюбия, внимательности в научной литературе нашей очень немного; немного таких произведений и в литературе Западной Европы» (И. И. Срезневский)²; «издатели одолжили славянскую филоло-

¹ Увлеченный своей находкой, Калайдович всецело доверял сообщению Пролога (в отличие от Й. Добровского, с недоверием отнесшегося к нему): «Итак, Библия, которою мы теперь пользуемся, принадлежит к концу IX века. Время сделало некоторые изменения в слог... Грамотные исправляли перевод, неучи портили» (*Калайдович К. Ф. Иоанн Экзарх Болгарский*. М., 1824. С. 12).

² Цит. по: *Михайлов А. В. Опыт изучения Книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе*. С. ССXXIV.

гию незабвенной услугой» (И. В. Ягич)¹. В 4 томах была описана 341 рукопись, в их числе — древнейший полный славянский библейский кодекс — Геннадиевская библия (1499)². При описании каждой библейской книги Геннадиевской библии авторы ставили своей задачей определение языка оригинала (греческого, еврейского, латинского и редакции греческого текста, с которой был сделан перевод), выяснение древности славянского перевода, выяснение отношений текста данной книги к тексту, вошедшему в состав первой печатной — Острожской библии 1581 г. В результате своего исследования авторы Описания пришли к крайне важному выводу о том, что текст, представленный в Геннадиевской библии, отличается пестротой относительно происхождения и качества переводов.

Ученик А. В. Горского, **Григорий Александрович Воскресёнский** (1849—1918), профессор Московской духовной академии, занимался историей новозаветных текстов в славянской письменности. На основании исследования 112 рукописей Евангелия от Марка им были выделены четыре основные редакции славянского перевода Евангелия и осуществлено их синоптическое издание³. Также им было осуществлено исследование славянского Апостола (по 51 рукописи), в истории Апостола Г. А. Воскресенский выделил те же 4 редакции, что и в истории Евангелия⁴. Г. А. Воскресенский поднял вопрос о необходимости *научного критического* издания славянской Библии и в связи с этим обратился с прошением в Священный Синод, но ходатайство удовлетворено не было. Лишь позднее (в 1915 г.) для этой цели была организована Библейская комиссия.

Одним из непревзойденных образцов филологического исследования славянских библейских текстов является труд **Александра Васильевича Михайлова** (1859—1927) «Опыт изучения текста Книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе» (Варшава, 1912), за который в 1915 г. он был удостоен Ломоносовской премии; помимо блестяще осуществленного критического издания четьего текста Книги Бытия по 26 спискам, труд содержит

¹ Ягич И. В. История славянской филологии. СПб., 1910. С. 634.

² До Геннадиевской библии тексты Священного Писания не бытовали в составе одной рукописной книги — одни рукописи содержали Евангелие, другие — Апостол и т. д. (древнейший кодекс Нового Завета — Чудовский Новый Завет, XIV в.), ветхозаветные книги были известны в составе сборников, напр. Восьмикнижия, включавшего Пятикнижие Моисеево, Книги Судей, Иисуса Навина и Руфь.

³ Воскресенский Г. А. Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций рукописного славянского евангельского текста с разночтениями из 108 рукописей Евангелия XI—XVI вв. Сергиев Посад, 1894.

⁴ Воскресенский Г. А. Послания св. ап. Павла по основным спискам четырех редакций рукописного слав. апостольского текста с разночтениями из рукописей Апостола XII—XVI вв. Вып. 1—5. Сергиев Посад, 1892—1908.

подробнейший очерк истории славянской библеистики с конца XVIII до начала XX в.

Иван Евсеевич Евсеев (1867—1920), профессор Санкт-Петербургской Духовной академии, занимался исследованием переводов текстов пророков на славянский язык¹, также его перу принадлежат «Очерки по истории Славянской Библии» (Пг., 1915). Но, возможно, более велика его роль как организатора науки: в 1915 г. благодаря его усилиям создается Комиссия по научному изданию славянской Библии, в состав которой вошли лучшие представители русской филологии того времени (достаточно сказать, что сопредседателями ее были академики А. А. Шахматов, А. И. Соболевский, В. М. Истрин). Правила издания древнеславянских текстов, внесенные в Библейскую комиссию от Московского археологического общества, были разработаны А. В. Михайловым. Комиссия планировала за 60 лет осуществить критическое издание полного текста славянской Библии. Однако последующие исторические события в России воспрепятствовали осуществлению проекта.

В XX в. изучение проблем кирилло-мефодиевского литературного наследия и выяснение отношений между древнейшими рукописями славянского Евангелия перемещаются за границу. Этим вопросам были посвящены труды **Иосифа Вайса**, **Вацлава Вондрака**, **Карела Горáлека**, **Лешека Моши́ньского**². Возобновление филологического исследования истории текстов Священного Писания среди российских ученых связано с именами **Никиты Александровича Мещерского** (1906—1987) и **Лидии Петровны Жуковской** (1920—1994). Н. А. Мещерский занимался древнеславянской переводной письменностью, в частности славянскими переводами библейских книг, но особое внимание он уделял переводам, осуществленным в Древней Руси³. Ему принадлежит инициатива в разработке проблемы о возможности прямых переводов с древнееврейского, осуществленных в Древней Руси. Л. П. Жуковская занималась изучением текста славянского Евангелия, результаты ее исследования нашли отражение в труде «Текстология и язык древнейших славянских памятников» (М., 1976). Переводческой технике Кирилла и Мефодия посвящен ряд работ **Евгения Михайловича Верещагина**⁴. Важным шагом в исследо-

¹ *Евсеев И. Е.* 1) Книга пророка Исайи в древнеславянском переводе. СПб., 1897; 2) Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. М., 1905.

² См.: *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. С. 148.

³ См.: *Мещерский Н. А.* Источники и состав славяно-русской переводной письменности IX—XV вв. Л., 1978.

⁴ См.: *Верещагин Е. М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян. Ч.1: Переводческая техника Кирилла и Мефодия. М., 1971; Ч. 2: Варьирование языковых средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. М., 1972; История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997.

вании славянского перевода Евангелия стало критическое издание текстов Евангелия от Иоанна и Евангелия от Матфея по примерно 1000 рукописей¹, осуществленное при непосредственном участии и сотрудничестве широкого круга исследователей. Руководителем проекта являлся **Анатолий Алексеевич Алексеев**, который посвятил истории славянского текста Библии ряд работ, среди них труд, обобщающий результаты исследований, имеющихся на сегодняшний день, по истории славянского библейского текста — «Текстология славянской Библии» (СПб., 1999).

Свидетельством подъема палеославистики в середине XX в. может служить появление в целом ряде стран новых журналов и периодических изданий по славянскому языкознанию, где публикуются многочисленные исследования, посвященные палеославистической проблематике: «Lingua Posnaniensis» (Познань, Польша, 1949—), «Oxford Slavonic Papers» (Англия, 1950—), «Wiener slavistischen Jahrbuch» (Вена, Австрия, 1950—), «Български език» (София, Болгария, 1951—), «Ricerche slavistiche» (Рим, Италия, 1952—), «Slovo» (Загреб, Югославия, 1952—), «Вопросы славянского языкознания» (Москва, СССР, 1954—1963), «Scando-Slavica» (Копенгаген, Дания, 1954—), «Studia Slavica» (Будапешт, Венгрия, 1955—), «Die Welt der Slaven» (Висбаден, Германия, 1956—), «Zeitschrift für Slawistik» (Берлин, Германия, 1956—), «Romanoslavica» (Бухарест, Румыния, 1958—), «Slavica Pragensia» (Прага, Чехословакия, 1959—), «Slavica» (Дебрецен, Венгрия, 1960—), «Славянска филология» (София, Болгария, 1963—), «Советское славяноведение» (Москва, СССР, 1965— ; с 1991— «Славяноведение», Россия) «Старобългаристика / Palaeobulgarica» (София, Болгария, 1977—) и т. д.

Для современного этапа изучения данной дисциплины характерен интерес исследователей к синтаксису и грамматической семантике, а также к лексике и словообразованию старославянского языка, тогда как в предыдущие годы преимущественное внимание уделялось фонетике/фонологии и формообразованию.

Палеославистические исследования ученых разных стран, не только славянских, координируются Международным комитетом славистов, созданным при подготовке Московского (первого послевоенного) съезда славистов в 1958 г., национальными комитетами славистов и многочисленными проблемными комиссиями по различным аспектам палеославистики. Особую роль играют международные съезды славистов (возобновившиеся с 1958 г.), созываемые каждые 5 лет.

Накопленный многолетними палеославистическими исследованиями материал систематизированно представлен в ряде спра-

¹ Евангелие от Иоанна в славянской традиции. СПб., 1998; Евангелие от Матфея в славянской традиции. СПб., 2005.

вочных изданий: Кирило-Методиевска енциклопедия: в 4 т. / гл. ред. акад. П. Динев. София, 1985—2003; *Ильинский Г. А.* Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии. София, 1934; *Попруженко М. Г., Романски Ст.* Кирило-Методиевска библиография за 1934—1940 г. София, 1942; *Дуйчев И., Кирмагова А., Паунова А.* Кирило-методиевска библиография (1940—1980). София, 1983; *Можсаева И. Е.* Библиография по кирилло-мефодиевской проблематике 1945—1974 г. М., 1980.

Контрольные вопросы и задания

1. Перечислите современные славянские языки и народы, пользующиеся этими языками. На какие группы делятся славянские языки?
2. Чем объясняется близость славянских языков? В какую языковую семью входят славянские языки?
3. Что такое *праязык*? Перечислите известные вам праязыки.
4. Объясните различие между терминами *старославянский язык* и *пра-славянский язык*?
5. В чем суть разногласий по отношению к использованию терминов *старославянский, древнецерковнославянский и древнеболгарский язык*?
6. Каковы были основные предпосылки возникновения письменности у славян?
7. Охарактеризуйте основные результаты деятельности Кирилла и Мефодия.
8. Объясните различие между терминами *старославянский* и *церковнославянский язык*. Перечислите изводы церковнославянского языка.
9. Дайте определение старославянского языка и характеристику его диалектной основы.
10. Какова была роль греческого языка в процессе создания старославянского языка?
11. Какие аргументы существуют в пользу большей древности глаголицы по сравнению с кириллицей?
12. Какую из двух азбук создал Кирилл?
13. Дайте общую характеристику древних славянских памятников письменности.
14. Каковы критерии отнесения тех или иных памятников к старославянским? Какие из этих памятников традиционно принято считать старославянскими?
15. Охарактеризуйте роль А. Х. Востокова в изучении старославянского языка.
16. Каково значение старославянского языка для развития русского литературного языка?

Литература

- Бернштейн С. Б.* Константин-философ и Мефодий: начальные главы из истории славянской письменности. М., 1984.
- Бирнбаум Х.* Праславянский язык: достижения и проблемы в его реконструкции / пер. с англ. М., 1986.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Обзорение славянского языкового мира в связи с другими ариоевропейскими (индогерманскими) языками (вступ. лекция, прочитанная в Юрьевском (Дерптском) ун-те 6/8 сентября 1883 г.) // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. I. С. 127—138.

Верещагин Е. М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка: переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997.

Живов В. М. Исторический очерк. О церковнославянском языке // Плетнева А. А., Кравецкий А. Г. Церковно-славянский язык / науч. ред. В. М. Живов. М., 1996. С. 12—23.

Зализняк А. А. О древнейших кириллических алфавитах // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сб. к 70-летию В. Вс. Иванова. М., 1999. С. 543—576.

Иванова Т. А. Избранные труды. СПб., 2004. Ч. 1: У истоков славянской письменности.

Истрин В. А. Развитие письма. М., 1961.

Кузьменко Ю. К. Появление письменности в средневековой Европе // История лингвистических исследований: Средневековая Европа. Л., 1985.

Миронова Т. Л. Хронология старославянских и древнерусских рукописных книг X—XI вв. М., 2001.

Основы балканского языкознания. Ч. 2: Славянские языки / под ред. А. В. Десницкой, Н. И. Толстого. СПб., 1998.

Откупщиков Ю. В. Литовский язык и праславянские реконструкции // Baltistica. 1974. Т. X, 1. Р. 7—20 (перепечатано также в кн.: *Откупщиков Ю. В.* Opera philologica minora (Античная литература. Языкознание). СПб., 2001. С. 335—346).

Рождественская Т. В. Кирилло-мефодиевские традиции и древнерусская эпиграфика X—XI вв. // Рождественская Т. В. Древнерусская эпиграфика X—XV вв. СПб., 1991. С. 33—45.

Седов В. В. Этногенез ранних славян // Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73. № 7. С. 594—605.

Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.

Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979.

Тахиаос А.-Э. Н. Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян. Сергиев Посад, 2005.

Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.

Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А. Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000.

Хабургаев Г. А. Первые столетия славянской письменной культуры: истоки древнерусской книжности. М., 1994.

Хелимский Е. А. Венгерский язык как источник для праславянской реконструкции и реконструкции славянского языка Паннонии // Хелимский Е. А. Компаративистика. Уралистика. Лекции и статьи. М., 2000. С. 416—432.

Якобсон Р. Основа сравнительного славянского литературоведения // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 23—79.

Глава II ФОНЕТИКА

§ 14. Общие замечания

Старославянский язык является литературно-письменным языком, поэтому описание его звукового строя носит в известной степени условный характер. Условность эта связана с тем, что реконструируемая фонетическая система старославянского языка не может отражать всего диалектного многообразия древних славян, пользовавшихся этим языком как своим¹. Когда говорят о его звуковых особенностях, то главным образом имеют в виду фонетические системы живых языков или диалектов. Например, реконструируя исходную звуковую систему старославянского языка, в частности отраженную в первоначальной глаголице, прежде всего подразумевают фонетическую систему солунского говора (и/или солунского городского койне). При этом необходимо принимать во внимание славяно-греческое двуязычие создателей славянской письменности и их ближайших учеников. Вместе с тем, описывая старославянскую фонетику в целом, мы должны учитывать те изменения, которые происходили в старославянском языке и отражались в древнейших памятниках в связи с распространением славянской письменности, в частности приспособление глаголицы к языку моравских и паннонских славян или замену глаголицы кириллицей, которая имела место у славян болгарских. При описании условной, «идеализированной» фонетической системы старославянского языка обычно больше ориентируются на древнеболгарскую систему конца X — начала XI в., чем на фонетическую систему солунского говора.

При описании звукового строя старославянского языка нужно также иметь в виду, что дошедшие до нас письменные памятники отражают результаты фонетических изменений, принадлежащих к хронологически разным пластам (это, конечно, относится не только к фонетике). С одной стороны, в старославянском языке, как и в любом славянском языке, в том числе и в русском, отражаются фонетические явления (прежде всего речь идет о чередованиях), которые возникли в результате фонетических изменений праславянского языка, т. е. в дописьменный период. С другой стороны,

¹ Он был «своим» в том смысле, что, видимо, воспринимался теми, кто писал и читал на старославянском языке, как некая особая (культурная, священная, обработанная, литературная и т. п.) форма родного языка.

старославянские памятники отражают изменения, которые происходили уже после создания славянской письменности. Таким образом, в старославянских памятниках отражаются фонетические явления разных хронологических слоев.

Первый слой — самый поверхностный — это звуковые явления, отражающие фонетические изменения после создания старославянского языка и характеризующие непосредственно язык переписчиков, а древнейшие сохранившиеся памятники были написаны главным образом во 2-й половине X—XI в. К таким сравнительно поздним звуковым изменениям, отраженным в рукописях XI в., относятся, например, утрата редуцированных гласных и связанная с ним вторая волна возникновения слоговых плавных, изменение свистящей аффрикаты / $\check{d}z$ / в /z/ и др.

Второй слой — это языковые явления, характерные для фонетической системы периода создания славянской письменности и в целом для первоначальной исходной системы норм старославянского языка, т. е. для 2-й половины IX в. (некоторые из сохранившихся памятников были, возможно, переписаны с оригиналов, созданных в этот период, и несут некоторую информацию о языке своих протографов), например закон открытого слога, закон внутрислогового сингармонизма, а также частично связанные с действием этих тенденций поздние праславянские фонетические изменения, которые носили диалектный характер.

Третий слой — это явления, отражающие праславянские фонетические изменения, имевшие место в дописьменный период. Они важны, во-первых, для понимания своеобразия старославянского звукового строя, а во-вторых, помогают разобраться в некоторых особенностях формо- и словообразования. Это прежде всего упрощение групп согласных, палатализация заднеязычных, монофтонгизация дифтонгов и др.

Для реконструкции фонетической системы позднепраславянского и старославянского языков используются следующие основные источники:

- графика и орфография старославянских памятников, написанных двумя древними славянскими алфавитами — глаголицей и кириллицей;
- данные древних и современных славянских языков и родственных индоевропейских языков в рамках сравнительно-исторического метода;
- материал языковых контактов древних славян (с родственными и неродственными соседними народами), отраженных, в частности, в лексических заимствованиях, которые осваивались в соответствии с фонетическими закономерностями взаимодействующих языков.

Итак, фонетическая система старославянского языка является результатом длительного языкового развития сначала праиндоевропейского, а затем праславянского языка. Кроме того, сама эта система в письменный период переживала различные изменения. Соответственно, прежде чем начать последовательное описание старославянского звукового строя, следует ознакомиться с основными положениями сравнительно-исторического языкознания.

§ 15. Основы сравнительно-исторического языкознания

Специалисты по истории лингвистических учений отмечают, что ни одной из мировых лингвистических традиций — ни европейской, ни арабской, ни индийской, ни китайской, ни японской — не было изначально свойственно понимание языка как объекта, изменяющегося во времени. Расхождение между требованиями нормы и узусом, которое в современной лингвистике объясняется изменением системы, сначала оценивалось как «порча языка». Древние филологи, объясняя происхождение слов, ставили перед собой задачу «очистить» язык от искажений, но не занимались собственно историко-лингвистическим исследованием. Представление об изменяемости языка начинает проникать в лингвистическую теорию только в XVIII в., однако уже в XIX в. идея историзма подчиняет себе европейское языкознание. В XIX в. по-настоящему научным считалось только историческое изучение языков. Решающими в развитии европейского исторического языкознания были два момента: во-первых, возникновение *гипотезы языкового родства* и, во-вторых, гипотезы *непреложности звуковых законов* (или *регулярности звуковых изменений*).

К концу XVIII в. ученые стали склоняться к тому, что сходство санскрита, греческого, латинского, готского, древнеперсидского и некоторых других языков, названных впоследствии индоевропейскими, нельзя объяснить иначе как тем фактом, что они **произошли из одного источника, который, по-видимому, уже не существует**. Так была сформулирована гипотеза языкового родства. В начале XIX в. прочный фундамент под идею языкового родства подвели немецкие ученые Франц Бопп (его труд «О системе спряжения санскритского языка в сравнении с таковым греческого, латинского, персидского и германского языков», 1816, считается основной сравнительного языкознания) и Якоб Гримм (его «Немецкая

грамматика» в 4 т., 1818—1837, — первая сравнительно-историческая грамматика в полном смысле слова), а также датский ученый Рasmus Раск («Исследование в области древнесеверного языка, или Происхождение исландского языка», написанное в 1814 г., опубликовано в 1818 г.). В этот ряд основоположников сравнительно-исторического языкознания следует включить и имена создателей научного славяноведения славянских ученых Й. Добровского и А. Х. Востокова.

Основоположники сравнительно-исторического языкознания (компаративистики) пришли к выводу, что единственно правдоподобной гипотезой, объясняющей близость между такими языками, как санскрит, греческий, латинский и другие индоевропейские, которые характеризуются специфическим сходством, является гипотеза, предполагающая, что они восходят к одному языку (*праязыку, языку-основе*), другими словами, что когда-то в более раннее время эти языки представляли собой один язык, а различия между ними вызваны позднейшими изменениями этих языков¹.

Гипотеза языкового родства дала лингвистам ориентир в той области исследований, где до этого господствовал произвол, проявлением которого были фантастические этимологии, предлагавшиеся в то время. Например, русский писатель и филолог XVIII в. В. К. Тредиаковский считал, что *Норвегия* — это искаженное *Наверхия*, от *наверху*, т. е. ‘на севере’, *Британия* — искаженное *Братания*, от *брат*, *скифы* — от *скиты* (*скитаться*), *турки* — от *юрки* (*юркие*).

Установление родства языков имело весьма важные для развития исторического языкознания последствия, поскольку теперь, если языки признаны родственными, необходимо объяснять уже не сходство, а различия между ними. Эти различия связаны с языковыми изменениями, пережитыми подобными языками. В процессе сравнения родственных языков были обнаружены такие различия между ними, которые оказалось возможным свести к рядам *регулярных фонетических соответствий*. Регулярные фонетические соответствия впервые были установлены на примере германских согласных Р. Раском.

Рассмотрим славянские (возьмем в качестве примера старославянские формы) переднеязычные смычные /t/ и /d/. В славянских языках противопоставлены звонкие и глухие согласные, однако они имеют три ряда соответствий в родственных индоевропейских языках.

¹ С некоторыми работами основоположников сравнительно-исторического языкознания можно ознакомиться в кн.: *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. М., 1960. С. 25—64.

1-й ряд:

ст.-сл. т [t]	=	лат. t [t]	=	греч. τ [t]	=	герм. th [θ]	=	скр. t [t]	=	и.-е. *t
ст.-сл. ты	=	лат. tū	=	греч. τῷ ¹	=	гот. þu ²	=	скр. tvám	=	и.-е. *tū/tu ‘ты’
ст.-сл. трик	=	лат. trēs	=	греч. τρεις	=	гот. þreis	=	скр. tráyas	=	и.-е. *trei- ‘три’

2-й ряд:

ст.-сл. д [d]	=	лат. d [d]	=	греч. δ [d]	=	герм. t [t]	=	скр. d [d]	=	и.-е. *d
ст.-сл. подъ ³	=	лат. ped-is	=	греч. ποδ-ος	=	гот. fōtus	=	скр. pad-	=	и.-е. *ped- ‘нога’
ст.-сл. ядь	=	лат. edō	=	греч. έδομαι	=	гот. itan	=	скр. ad-mi	=	и.-е. *ed- ‘есть’

3-й ряд:

ст.-сл. д [d]	=	лат. f [f]	=	греч. θ [tʰ]	=	герм. d [d]	=	скр. dh [dʰ]	=	и.-е. *dʰ
ст.-сл. дымъ	=	лат. fūmus	=	греч. θύμος	=	гот. dauns	=	скр. dhūmās	=	и.-е. *dʰūmos
ст.-сл. дѣло	=	лат. fēci	=	греч. τίθημι	=	гот. ga-de-þs	=	скр. dádhāmi	=	и.-е. *dʰē- ⁴
		‘я сделал’		‘кладу’		‘дело’		‘кладу, делаю’		‘сажать’

Сравнительно-исторический метод предполагает, что при реконструкции праиндоевропейской системы фонем необходимо ввести в нее особую фонему для каждого из трех рядов соответствий (естественно, чтобы приписать фонемы праязыку, аналогичные звуковые соответствия должны быть найдены для *достаточного* количества морфем):

*t — для ст.-сл. **т** = лат. *t* = греч. τ = герм. *th* = скр. *t* ... (1-й ряд)

*d — для ст.-сл. **д** = лат. *d* = греч. δ = герм. *t* = скр. *d* ... (2-й ряд)

*dʰ — для ст.-сл. **д** = лат. *f* = греч. θ = герм. *d* = скр. *dh* ... (3-й ряд)

Необходимо подчеркнуть одно важное обстоятельство, которое стало понятным после возникновения теории фонемы, а именно: при реконструкциях сравнительно-историческая грамматика оперирует не звуками в их физических реализациях, а фонологи-

¹ Дорическая форма; греч. σῷ, где σ из *tv- косвенных падежей.

² Буква þ в готском языке обозначала *зубной щелевой согласный* (дентальный спирант), который традиционно обозначается в фонетической транскрипции знаком [θ].

³ Также *подъшва* ‘подошва’.

⁴ Слав. *дѣти* ‘дети’.

чекскими противопоставлениями, поэтому реконструируются не звуки, а фонемы.

Итак, в индоевропейских языках были не только глухие и звонкие фонемы *р и *b, *t и *d, *k и *g, но и какой-то третий ряд смычных фонем. Возможно, учитывая санскритские соответствия, это была фонема типа /d^h/¹, т. е. звонкая придыхательная, но может быть и /t^h/ или какая-нибудь другая. Однако сами по себе соответствия не дают ответа на этот вопрос, они указывают лишь на наличие фонологического противопоставления.

Кроме придыхательных смычных для индоевропейского языка необходимо реконструировать три ряда велярных согласных²: велярный (*k, *g, *g^h), лабиовелярный (*k^w, *g^w, *g^{wh}) и палатовелярный (*k', *g', *g'^h)³. Это диктуется наличием в и.-е. языках следующих рядов соответствий (приводим соответствия только для глухих велярных):

ст.-сл. кѣто = лит. kàs = лат. quod = греч. τοῦ = и.-е. *k^wo-

ст.-сл. крѣвь = лит. kraūjas = лат. cruor = греч. κρέας = и.-е. *kreu-

ст.-сл. сѣто = лит. šimtas = лат. centum⁴ = греч. ἑκατόν = и.-е. *k'ṃt-

Позднее в одном индоевропейском ареале — условно «восточном», куда входили балто-славянский, индоиранский и др., велярные и лабиовелярные совпали, а палатальные превратились в спиранты⁵ (свистящие или шипящие), в другом — условно «западном», куда входили германский, греческий, латинский и др., соответствующие фонемы изменялись более сложным образом, но спиранту восточного ареала соответствует велярный. Таким образом, индоевропейские языки по этому признаку разделились на две большие группы, которые традиционно называются языками «*satem*» (восточная) и «*centum*» (западная)⁶.

В праславянском языке звонкие придыхательные совпали с соответствующими обычными смычными: *b^h > *b, *d^h > *d, *g^h > g,

¹ В работах по индоевропеистике придыхательные смычные часто обозначают *th, dh и т. д.

² Термин *велярный* (от лат. velum 'мягкое нёбо') используется для обозначения *заднеязычных* согласных по пассивному органу. При артикуляции заднеязычного согласного задняя часть спинки языка (активный орган) смыкается или сближается с мягким нёбом (пассивным органом). Соответственно *лабиовелярные* согласные характеризуются одновременно и *велярной* и *лабиальной* (губной) артикуляцией, а палатовелярные — *велярной* и *палатальной* (от лат. palatum 'твердое нёбо').

³ В работах по индоевропеистике встречаются и другие обозначения лабиовелярных: *k^v, *g^v.

⁴ Следует читать [kentum].

⁵ Термин *спирант* часто используют для обозначения шелевых (= фрикативных) согласных.

⁶ Термины образованы по форме, которую приняла и.-е. праформа *k'ṃt- 'сто' — в языке Авесты (иранский) *satem*, в латинском — *centum*.

*g^{wh} > *g^w, *g^h > *g', а затем веларные совпали с лабиовеларными: *k^w > *k, *g^w > *g, в то время как палатовеларные изменились в спиранты: *k' > s, g' > z¹. Так в праславянском появилась фонема *z (ст.-сл. *зима* < *g'eim- < и.-е. *g^hei-, ст.-сл. *знаѣ* < *g'nō- < и.-е. *g'nō-).

В отношении реальности реконструированных праформ в компаративистике существуют две точки зрения:

1) путем сопоставления можно выявить только соответствия, всякая форма под звездочкой всего лишь формула соответствия, а понятие праязыка сводится к гипотетической системе, из которой должны непротиворечиво выводиться формы языков-потомков и которая не может быть интерпретирована как историческое состояние, локализованное во времени и пространстве;

2) реконструируемая форма принимается за реальность, праязык рассматривается как общее для всех языков-потомков предшествующее состояние, которое при всех возможных диалектных различиях интерпретируется как некое единство; это реально существовавшее единство имеет предысторию, которая в свою очередь поддается реконструкции, и содержит в себе тенденции дальнейшего развития. Такая точка зрения предполагает возможность типологического подхода к реконструированному праязыку.

Итак, «два языка называются родственными, когда они оба являются результатом двух различных эволюций одного и того же языка, бывшего в употреблении раньше»². Этот «бывший в употреблении раньше» праязык представляет собой более древнее состояние каждого из родственных языков. Как мы видели, формы праязыка реконструируются специальными методами, основным из которых является *сравнительный метод*.

В основе сравнительного метода лежит сравнение засвидетельствованных морфем разных родственных языковых систем. В соответствии с приведенным выше определением родственных языков можно сказать, что морфемы родственных языков являются результатами различной эволюции одной и той же морфемы праязыка. Таким образом,

1) морфема, которая представлена во всех или нескольких родственных языках и которая заведомо не является позднейшим заимствованием, восходит к более ранней и уже не существующей общей для всех этих языков праформе;

¹ Иногда реконструируются промежуточные этапы изменения: *k' > *c' (или *c) > *s и *g' > *dz' (или *dz) > *z. О разных путях развития и.-е. *k', *g' в языках группы *satem* см.: Эдельман Д. И. Иранские и славянские языки. Исторические отношения. М., 2002. С. 21—29.

² Мейе А. Введение в сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938. С. 50.

2) фонемы, составляющие план выражения данной праформы, могут быть приписаны общей праязыковой фонетической системе *накануне* распада этого праязыка.

Сравнение славянских морфем, родственных корням русских слов *снег* и *белый*, позволяет реконструировать праславянские формы (праформы) *snĕg- и běl-: ср. рус. *снег*; *белый*; укр. *сніг*; *білий*; бел. *снег*; *бэлы*; чеш. *snĕh*; *bílý*; слвц. *sneh*; *biely*; пол. *śnieg*; *biały*; в.-луж. *sněh*; *běly*; н.-луж. *sněg*; *běly*; полаб. *sNEG*; *b'olē*; болг. *сняг*; *бял*; мак. *снег*; *бел*; с.-х. *snĕg*; *bĕo*; слвн. *snĕg*; *bĕl*; ст.-сл. **снѣгъ**; **бѣль**.

Сравнение псл. *snĕg- и *bĕl- с родственными формами индоевропейских языков позволяет реконструировать праиндоевропейские формы *snoig^{wh}- (ср. лит. *snaĩgala* ‘снежинка’, греч. *νείφει* ‘снег идет’, гот. *snaiws* ‘снег’) и *b^hĕl- (ср. лит. *báltas* ‘белый’, др.-инд. *bhālam* ‘блеск’, греч. *φάλλιος* ‘белый’). Эта реконструкция показывает, в частности, что в праславянской фонеме *ĕ (восходящая к ней старославянская фонема /ĕ/ обозначалась в кириллице буквой **ѣ** «ять») когда-то совпали и.-е. *ē и *oi, т. е. фонема /ĕ/ была монофтонгического (из и.-е. монофтонга *ē) и дифтонгического (из и.-е. дифтонга *oi) происхождения. Таким образом, звуковые изменения являются обратными процедуре реконструкции.

Регулярные фонетические соответствия между родственными языками — это еще не звуковые изменения, а лишь констатация звуковых (а в сущности — фонемных) соответствий между родственными языками, пережившими разные звуковые изменения. Открытие регулярных соответствий привело к разработке теории звуковых изменений («звуковых законов»), что положило начало *исторической фонетике*.

Выше были представлены примеры внешней, т. е. основанной на данных различных языков, реконструкции. В некоторых случаях оказывается возможным реконструировать явления более древней эпохи, не выходя за пределы одной системы. Такой метод, когда реконструкция осуществляется на основе сравнения родственных морфем одной системы, называется *методом внутренней реконструкции*. Он вытекает из представления о системности языка. Материалом, широко используемым для внутренней реконструкции, являются исторические чередования, поскольку они не мотивированы фонетическими условиями в современном языке. Например, чередование *г/ж* в глаголах *бегу*, *бегут* — *бежишь*, *бежит*, *берегу*, *берегут* — *бережешь*, *бережет* и других фонетически не мотивировано, поэтому следует предположить, что оба чередующихся согласных восходят к одному прототипу — праславянскому *g, который когда-то изменился перед *i и *e, дав в соответствующих словоформах современного языка /ž/.

После принятия гипотезы языкового родства и открытия регулярных фонетических соответствий началась работа по реконст-

рукции индоевропейского праязыка. В 1860 г. немецкий ученый Август Шлейхер реконструировал и.-е. звуки, корни, основы, склонения и спряжения и даже составил басню «Овца и кони» на и.-е. языке¹. Тем самым была заложена основа исследований по истории конкретных индоевропейских языков.

Начало следующего этапа в становлении исторического языкознания связано с именами лингвистов нового поколения, так называемых *младограмматиков* (нем. *Junggrammatiker*): датского ученого Карла Вернера, немецких ученых Карла Бругмана, Германа Остгофа, Германа Пауля и других, которые в 70-е гг. XIX в. разработали теорию *регулярности* (или *закономерности, непреложности, безысключительности*) *звуковых изменений*: «Каждое звуковое изменение, поскольку оно происходит механически, — писали Г. Остгоф и К. Бругман, — совершается *по законам, не знающим исключения*, то есть направление, в котором происходит изменение звука, всегда одно и то же у всех членов языкового сообщества, кроме случая диалектного дробления, происходит в одном и том же направлении, и все без исключения слова, в которых подверженный фонетическому изменению звук находится в одинаковых условиях, участвуют в этом процессе»².

Итак, согласно младограмматической концепции, звуковое изменение происходит механически и осуществляется без исключений во всех словах. Однако если проанализировать результаты действия какого-либо старого звукового изменения, то в современном языке обнаружатся нарушения соответствующего «звукового закона». Младограмматики выявили три типа исключений из «звукового закона»:

- 1) нарушения звукового закона, появившиеся в результате действия *другого звукового закона*;
- 2) образования *по аналогии*;
- 3) *заимствования* форм из других языков и диалектов.

Все эти отклонения от закономерных результатов звукового изменения возникают уже после его завершения и потому, строго говоря, не являются исключениями из «звукового закона».

Гипотеза младограмматиков о непреложности звуковых законов никогда не была доказана, но тем не менее этот постулат остается краеугольным камнем сравнительно-исторических исследований, без него была бы невозможна праязыковая реконструкция. Этот постулат остается гипотезой, но такой гипотезой, которая подтвердила свою полезность на практике в ходе многолетних научных исследований.

¹ Эта басня приведена в кн.: *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. С. 104.

² *Остгоф Г., Бругман К.* Предисловие к книге «Морфологические исследования в области индоевропейских языков». 1878. Цит. по: *Звегинцев В. А.* Указ. соч. С. 160.

Итак, в основе сравнительно-исторического языкознания лежат две гипотезы: *гипотеза языкового родства* и *гипотеза регулярности звуковых изменений*.

Вопрос о причинах языковых изменений обсуждается с начала возникновения сравнительно-исторического языкознания, и все серьезные лингвисты указывают на трудность решения этой проблемы, в частности по отношению к звуковым изменениям, хотя было предложено множество подходов к ее решению. Наименее приемлемыми с современных позиций следует признать выдвигавшиеся еще в XIX в. объяснения звуковых изменений климатическими¹ или географическими условиями, а также физиологическими различиями между говорящими на разных языках и диалектах. Более широкое распространение получили объяснения, основанные на принципах *минимального усилия* (экономии) и *имитации*², а также на теории *субстрата* (влияние побежденного языка на язык-победитель). Например, Й. Добровский объяснял восточнославянское полногласие, т. е. изменение типа **tort* > *topot* (рус. *город, голова, берег* и под.; см. § 23) финским влиянием (теория субстрата), а А. Х. Востоков — климатическими условиями. С развитием в 20-е гг. XX в. исторической (диахронической) фонологии внимание лингвистов было перенесено на внутренние структурные факторы звукового развития, которые выражались в разных видах *давления фонологической системы*³ (например, развитие полногласия обычно рассматривается как изменение, вызванное действием *закона открытого слога*; см. § 22). Наиболее сложным представляется установление причин **конкретных** звуковых изменений, т. е. объяснение того, почему именно данный звук (фонема) изменяется именно в таком направлении, причем именно в данное время, а не раньше и не позже. В 1-й поло-

¹ Например, развитие *аканья* в южнорусских говорах и сохранение *оканья* в севернорусских говорах можно было бы объяснять тем, что говорящие в холодном северном климате должны держать рот закрытым с целью предотвратить поступление холодного воздуха в полость рта и поэтому не заменяют /о/ в безударной позиции более открытым гласным /а/.

² «Причины звуковых изменений в языке мало ясны. Наблюдаемая изредка разница в отдельных особенностях языка у старшего поколения в селе, с одной стороны, и у младшего (взрослого) поколения — с другой, позволяет догадываться, что большая часть изменений происходит при усвоении детьми речи родителей... Если в селе все дети близкого возраста, постоянно общаясь между собою, усваивают одну и ту же звуковую особенность и потом, выросши, сохраняют ее и передают следующему поколению, то получается звуковое изменение в языке данного села» (*Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 1907. С. 4).

³ Первый опыт структурного объяснения фонетических изменений представлен в работе: *Трубецкой Н. С.* К истории заднебных в славянских языках [1933 г.] // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 168—179. См. также: *Мартине А.* Принцип экономии в фонетических изменениях (проблемы диахронической фонологии). М., 1960 (2-е изд. под названием: Принцип системности в фонетических изменениях).

вине XX в. Л. Блумфилд резюмировал положение дел в этой области исследований следующим образом: «Ни одному исследователю еще не удалось установить связь между звуковым изменением и каким-либо предшествующим ему явлением: причины звуковых изменений неизвестны»¹. Таким образом, следует исходить из того, что каждое изменение обусловлено многими факторами и, соответственно, имеет много различных причин.

§ 16. Фонологический анализ глаголицы и кириллицы

Филологический и фонологический анализ глаголицы и кириллицы имеет особое значение для реконструкции звуковой системы старославянского языка в момент возникновения славянской письменности, поскольку создатели новой письменности по необходимости являются «стихийными» фонологами, которые в идеале должны отражать на письме только фонологически существенные различия.

Анализируя готское письмо, В. М. Жирмунский отметил: «Все алфавиты, созданные заново, если бы они создавались на пустом месте, были бы фонологическими в том смысле, что буквы обозначали бы фонемы как смысловоразличительные звуковые типы (термин Л. В. Щербы), а не оттенки фонем, механически обусловленные положением звука и не осознаваемые ни говорящим, ни слушающим. Однако алфавиты никогда не создаются на пустом месте; они обычно примыкают к традиции другого, более раннего письма... Кроме того, не будучи ученым специалистом в области фонологии, создатель нового алфавита в своем „стихийном фонологизме“ мог натолкнуться на те или иные объективные трудности технического характера в обозначении или даже в различении как фонем, так и их оттенков»².

Поскольку, как полагают, глаголица не представляла собой исторически сложившегося письма, а была специально создана для передачи славянской речи, естественно предположить, что глаголический алфавит потенциально имел строго фонологический характер, т. е. в принципе отражал только фонематически существенные противопоставления. Вместе с тем это предположение не озна-

¹ Блумфилд Л. Язык. 2-е изд. М., 2002. С. 420.

² Жирмунский В. М. Готские *ai*, *au* с точки зрения сравнительной грамматики и фонологии // Вопросы языкознания. 1959. № 4. С. 67—78. По сути та же идея была еще раньше высказана Л. Р. Зиндером: «Если бы для каждого языка изобреталась своя особая система знаков, то каждая фонема этого языка могла бы обозначаться специальной буквой. Но история письма учит, что алфавит не изобретается для каждого языка заново, а заимствуется из языка в язык. Полностью приспособить чужой алфавит — задача чрезвычайно трудная, а иногда и невыполнимая. Погрешности против звуковой стороны могут быть заложены, таким образом, в письменности с самого начала ее существования» (Зиндер Л. Р. Вопросы фонетики (популярный очерк). Л., 1948. С. 53).

чает, что исходное старославянское письмо представляло собой фонематическую транскрипцию славянской (солунской) речи (хотя в значительной степени приближалось к ней). Причина отклонения старославянского письма от фонематической транскрипции заключалась прежде всего в том, что глаголица создавалась под сильным влиянием греческого письма. Но нельзя исключить и того, что Кирилл, отражая в глаголице фонологические оппозиции, мог (хотя бы «стихийно») применить такие графические принципы, которые нарушали соотношение «одна фонема = одна графема», в частности использовать гласные буквы для обозначения мягкости согласных¹ (ср. так называемый *слоговой принцип* современного русского письма, когда твердость/мягкость согласного передается следующей гласной буквой).

Рассмотрим сходства и различия между глаголицей и кириллицей с точки зрения передачи ими звуков славянской речи.

Состав первоначальной глаголицы является предметом дискуссий. В качестве исходной позиции можно принять сообщение Храбра, который пишет, что Кирилл изобрел 38 букв. Это же количество букв находим в латинской рукописи XI в. — кириллическо-глаголическом Мюнхенском алфавитари. Однако многие ученые вслед за Н. Н. Дурново² вполне обоснованно полагают, что созданный Константином-Кириллом глаголический алфавит включал 36 букв. Древнейшие азбучные акростихи насчитывают именно 36 стихов. Спорным является и первоначальный состав кириллицы, но для этого алфавита вопрос стоит не столь остро, так как кириллица складывалась более или менее постепенно в результате преобразования греческого письма и глаголицы. Различия в составе букв глаголицы и кириллицы, их начертании и цифровой значимости несколько затушевывают сходство графических принципов обоих алфавитов, которое, несомненно, объясняется влиянием глаголицы на кириллицу.

Как правило, и в глаголице, и в кириллице одна буква передает одну фонему. В глаголице только в двух случаях можно заподозрить передачу фонемы сочетанием букв: 1) [y] = ѢѢ (=ѣи); 2) [u] = ѢѢ (=оу). Однако в случае ѢѢ второй элемент графемы не употребляется без первого, отделившись от ижицы, к которой, видимо, восходит, т. е. ѢѢ получился из ѢѢ. Таким образом, для передачи славянского [u] в обоих алфавитах на основе греческой графики (заимствование

¹ Н. С. Трубешкой полагал, что идею обозначать мягкость согласного буквой гласного (напр., глаг. **коню** 'коню' Д. ед., **воляж** 'волю' В. ед.) Кирилл мог почерпнуть из современной ему греческой графики, где уже в IX в., видимо, были палатализованные согласные [l'], [n']: ср. *εννεα* [en'a] 'девять', *λιονταρι* [l'ontari] 'лев' (см.: Кузьменко Ю. К. Появление письменности в средневековой Европе // История лингвистических учений: Средневековая Европа. Л., 1985. С. 50).

² Дурново Н. Н. Мюнхенский алфавитарий (1930 г.) // Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. С. 613—623.

принципа греческого письма в передаче [u] через сочетание букв *ou*) был создан диграф — буква «*oukъ*»: в глаголице **ѢѢ**, которая затем превратилась в **Ѣ**, и в кириллице *ou* с ее лигатурным вариантом¹ **Ѹ**, который часто использовался в начале и в конце строки. Следует иметь в виду, что диграфы не включались в состав алфавита, хотя в текстах использовались для обозначения фонем. Таким образом, ни **ѢѢ/Ѣи**, ни **Ѣ/ou** не входили в глаголический и кириллический алфавиты. Название диграфа *ou* — «*oukъ*» — довольно позднего происхождения; оно возникло не ранее XV в.

Что касается **ѢѢ**, то, возможно, в первоначальной глаголице буква **Ѣ** специально была включена в алфавит для использования в составе диграфа, передающего [y], а в таком случае здесь также не нарушался фонографический принцип. В кириллице находим больше отступлений от этого принципа: к двум случаям, указанным для глаголицы, но относящимся к обоим алфавитам, следует присовокупить наличие в кириллице букв **Ѣ** (= [ks]) и **Ѥ** (= [ps]), взятых из греческого алфавита и предназначенных для передачи соответствующих сочетаний согласных (невозможных в славянских словах по фонетическим причинам — см. ниже) в греческих заимствованиях: **алеѢандръ**, **Ѥалмъ** ← греч. Ἀλέξανδρος, ψαλμός.

Как уже было отмечено, в глаголических рукописях есть три буквы, которые могут иметь одно звуковое значение [i]: две, соответствующие кириллическому **И** (в русской традиции *i*-«десятеричное») — **Ѣ** (основной вариант, с числовым значением «10») и **Ѥ** (*i* «на ножке», без числового значения), а также **Ѣ** (с числовым значением «20»), соответствующее кириллическому **и** (с числовым значением «8»); в русской традиции *и*-«восьмеричное»). Несомненно, в первоначальной глаголице эти буквы имели разную значимость, однако установить исходное состояние на основании употребления этих букв в дошедших рукописях практически невозможно, так как оно уже было затемнено произошедшими фонетическими изменениями. В Киевском миссале, древнейшей глаголической рукописи, имеется следующее распределение этих букв: **Ѣ** употребляется в диграфе **ѢѢ** для обозначения этимологического [y] < **ū*, в союзе «и» используется только **Ѣ**, а его дублет **Ѥ** («на ножке») встречается как после гласных, так и после согласных. В другой древней рукописи — Зографском евангелии — **Ѣ** употребляется после согласных и в начале слова после союза «и», **Ѣ** — в начале слова и в союзе «и», а **Ѥ** — после гласных в составе одного слова и в качестве элемента диграфа **ѢѤ**. Таким образом, видно, что показания памятников довольно сложно привести к общему знаменателю.

¹ *Лигатура* (лат. *ligatura* ‘связка, пучок’) — соединение, спайка двух (и более) букв в один знак, причем исходные буквы, приспособившись друг к другу, частично меняют свое начертание (ср. диграф *ou* > лигатура **Ѹ**). Возможно, лигатурного происхождения глаг. **Ѹ** ← **Ш** + **Ѹ** и кир. **Ѹ** ← **ш** + **т**.

Буквы, которые в русской славистической традиции называются «юсами» (первоначально это название, вероятно, имела буква **Ј/ю**), в старославянском языке передавали носовые гласные [ɔ] (**ж** «юс большой») и [ɛ] (**л** «юс малый»). Не ясно, сколько юсов было в древнейшем глаголическом алфавите — два (**Ѣ** и **Ѥ**) или три (**Ѣ**, **Ѥ** и **Ѧ**). Дело в том, что в азбучных молитвах им отводится два стиха, но древнейшие рукописи используют три юса. Из сравнения начертания юсов в глаголице видно, что они имеют общую часть (**Ѣ**), соответствующую четвертому юсу — **Ѧ**, который в некоторых более поздних рукописях выступает в качестве самостоятельной буквы и обозначает звук [ɛ] после непалатальных согласных. Сходство в начертании юсов показательно: оно говорит о том, что Кирилл стремился придумать сходные начертания для обозначения фонем с одним дифференциальным признаком (см. § 19).

В кириллице юс малый выступает в трех вариантах: **л** (наиболее распространенный вариант), **д** и **д** (сравнительно редкие варианты), которые встречаются только в нескольких рукописях. В Сав. **л**, как правило, употребляется в начале слога (после гласных и в начале слова), т. е. имеет звуковое значение [jɛ], а **д** и **д** (они выступают как дубликеты) — после согласных, т. е. в значении [ɛ]. В Супр. отсутствует знак **д**, а **л** и **д** употребляются, как в Саввиной книге. Иное распределение в Хиландарских листках: также используются только две буквы — **л** и **д**, но употребляются они противоположным образом: **л** — после согласных, **д** — после гласных и в начале слова.

Еще одной особенностью глаголицы в обозначении гласных было отсутствие буквы, соответствующей кириллической **ѧ**. Глаголические памятники используют один знак **Д** вместо двух кириллических букв **ѧ** и **ѧ**, которые употреблялись в соответствии с этимологией: глаг. **Ѡ Д ѡ** = кир. **вѣкъ**, глаг. **Д ѡ** = кир. **ѧко**. Сначала это объясняли несовершенством глаголицы, но последующее изучение южнославянских говоров показало, что неразличение [a]/[ɛ] в позиции после палатальных (мягких) согласных и [j] характерно для многих македонских говоров, в том числе близких к Солуни. Таким образом, использование в глаголице одной буквы в соответствии с кириллическими **ѧ** и **ѧ**, видимо, объясняется нейтрализацией [a] ÷ [ɛ] > [ɛ] после мягких (палатальных) согласных. При транслитерации глаголических памятников кириллицей в соответствии с традицией для передачи глаг. **Д** используется буква **ѧ**: глаг. **Ѡ Д ѡ** транслитерируется как **вѣкъ**, а глаг. **Д ѡ** — как **ѧко**, т. е. в транслитерированных кириллицей глаголических рукописях буква **ѧ** отсутствует.

При создании глаголицы был использован следующий графический принцип: одинаковые буквы обозначают разные фонологические единицы, если эти фонологические единицы не встречаются в одинаковых позициях, т. е. находятся в отношении дополнительной дистрибуции. В частности, буквы **Ѣ/Ѥ**, **Ѥ**, **Д**, **Ѣ**

обозначали соответственно [i], [e], [ě], [e] после согласных и [ji], [je], [jě], [je] после гласных и в начале слова. Это оказалось возможным потому, что в солунском диалекте того времени сочетание «j + гласный переднего ряда» не могло находиться в позиции после согласного, а соответствующий гласный переднего ряда в начале слова обязательно развивал протетический [j]. В противоположность этому сочетания «j + гласный заднего ряда» противопоставлялись соответствующим «чистым» гласным в одинаковых позициях, что и отразилось в обоих алфавитах: противопоставления букв **Ѣ/юѣ** — **Ј/ю** и **Ѣ/ж** — **Ѣ/ѣ** в начале слова передавали оппозиции [u]/[ju], [ɔ]/[jɔ] (ср. **ѢꙋѣѢ/юѣтрѣ** — **ЈꙋѣѢ/юѣнѣ**, **ѢѣꙋѣѢ/жѣгѣ** — **ѢѣѢѢ/ѣѣдоѣ** ‘где’), а в позиции после согласных — противопоставление твердых и мягких (палатальных) согласных (см. ниже). Сказанное о гласных заднего ряда касается и кириллической пары **а/ѡ**.

С использованием описанного выше графического принципа связано, вероятно, отсутствие в глаголице и кириллице особой буквы для обозначения [j]. Однако возможны и иные интерпретации. В частности, можно предполагать, что глаголические буквы **Ј** и **Ѣ** передавали в начале слова не бифонемные сочетания /ju/ и /jɔ/, а самостоятельные фонемы /ü/ и /ö/. Соответственно **юѣ** = **ЈꙋѣѢ** может быть интерпретировано фонологически как /jup/ или /ünp/, а **ѣдоѣ** = **ѢѣѢѢ** — как /jɔdu/ или /ödu/ (см. § 19).

Так называемые йотированные буквы глаголицы и кириллицы использовались, как сказано выше, для обозначения мягкости предшествующего согласного. В старославянском языке существовали «мягкие», точнее, палатальные, согласные фонемы [ń], [l̥], [r̥], возникшие из исконных праславянских сочетаний *nj, *lj, *rj. (см. § 27). В глаголице противопоставление [n]/[ń], [l]/[l̥], [r]/[r̥] перед гласными заднего ряда [u], [ɔ] (а в кириллице и перед [a]) передавалось противопоставлением йотированных и нейотированных букв. Однако перед гласными переднего ряда соответствующее противопоставление не нашло отражения на письме (в частности, в глаголице не было буквы, соответствующей кириллическому **к**, и еще одного юса для передачи носового гласного переднего ряда). Лишь позднее и непоследовательно стали использовать для этого особый значок над согласным и следующим за ним гласным: **ѣѣꙋѣѢ** = **коѣнѣ** ‘конь’ И. ед., **ѣѣꙋѣѢ** = **коѣни** И. мн. (ср. **на коѣни** [na końi] ‘на коне’ и **искоѣни** [iskoni] ‘сначала’¹), **ѣѣꙋѣѢ** = **коѣѡ** В. мн. Отмеченную особенность глаголицы — невыраженность противопоставления твердых и мягких согласных перед гласными переднего ряда — не следует считать недочетом составителей первого алфавита. Она отражает фонетическую систему солунского го-

¹ Ср. также **ѡѡѣни** [boŋjń] ‘большой’ (сравн. степень) и **ѡѡѣни** [baŋjń] ‘врач’ (И. ед.).

вора, в котором ко времени возникновения глаголицы, видимо, произошла нейтрализация палатальных и твердых согласных в положении перед гласными переднего ряда. Данное предположение подтверждается исследованиями современных западноболгарских и македонских говоров, для которых характерно неразличение [í]/[l] и [ń]/[n] перед передними гласными. Интересно, что то же самое явление отмечается в ряде моравских говоров чешского языка, т. е. именно в тех местностях, для которых в древнейший период развития старославянского языка было характерно распространение глаголицы. Что же касается большинства болгарских говоров, то там оппозиция [í]/[l], [ń]/[n], [r̥]/[r] сохранялась, поэтому в кириллицу были введены буквы **ѣ** и **ѧ**, предназначенные для передачи противопоставления твердых и мягких согласных перед [e] и [a] (перед [i] и [ъ] могли использоваться специальные надстрочные значки — см. выше). Введение в кириллицу букв **ѣ** и **ѧ**, а также **ѡ**, не имевших соответствий в первоначальной глаголице, было серьезным достижением древних болгарских книжников, так как оно учитывало звуковой строй восточноболгарских говоров.

В глаголице имелась буква **Ѣ** (в кириллице ей соответствовала **ѣ**), которая, вероятно, сначала называлась «икъ» (или «ѣкъ»), а в русской традиции за ней закрепилось более позднее название «ижица». Предполагается, что она предназначалась для передачи греческого **ι** в заимствованиях. В архаическом греческом произношении **ι** читалось как [ü], и этому произношению, видимо, следовали составители первой славянской азбуки; в разговорном же греческом того времени ему соответствовал [i]. Обычно в славянской речи (это отражают и старославянские памятники) греческий звук [ü] = **ι** заменялся славянскими звуками [i] = **и** (что совпадало с бытовым греческим произношением), [ʲu] = **ю** или [u] = **у**: ср. греч. ὑποκρίτης > ст.-сл. **ѷПОКРИТЬ** / **ИПОКРИТЬ** / **ѸПОКРИТЬ**, греч. ὑπόστασις > ст.-сл. **ѸПОСТАСЬ** / **ѸПОСТАСЬ**, греч. μύρον > ст.-сл. **МҮРО** / **МИРО** (ср. в связи с этим и обратные гиперкорректные замены: **ѸТРО** / **ЮТРО**, но в Мар. **ѸТРО**).

Глаголическая буква **Ѣ** «фита», скорее всего отсутствовавшая в первоначальной глаголице, была предназначена для передачи в греческих заимствованиях междузубного (межзубного) шелевого звука [ʃ], который, видимо, существовал в произношении двуязычных славянских книжников. Эта буква обычно писалась в соответствии с греческой **ϑ** в словах, заимствованных из греческого. Однако славяне, в родном языке которых такой звук отсутствовал, могли заменять его своей фонемой /t/ (изредка другими, например /x/), передавая те или иные фонетические признаки греческого звука: греч. Μάρθα > ст.-сл. **МАРЪТА** / **МАРЪТА** (но в Супр. также и **МАРХА**), греч. τὰ πάθη 'страсти (Господни)' > ст.-сл. **ТАФАТН** (в Мар., 166а 30). Иногда в рукописях на месте ожидаемого **Ѣ** пишется **Ѣ**: греч. Γολγοθᾶ > ст.-сл. **ГОЛЪГОТА** / **ГОЛЪГОТА**, но в Сав. наряду с **ГОЛЪГОТА** также и **ГОЛЪГОФА**. Возможно,

славянские книжники в процессе заимствования субституировали греческий звук [ð] звуком [f], которого также не было в то время в славянской фонетической системе, но, возможно, [f] оказывался более приемлемым для славян, активно контактировавших с греками.

Для передачи греческого [f] служила глаголическая буква «**фрътъ**»: Греческий губной [f], который через двуязычных книжников был заимствован в старославянский из греческого языка (ср. греч. *φάρισατος* > ст.-сл. **фарнсен** (-**ѣн**), греч. *γυαφεύς* > ст.-сл. **гнафен** 'белильщик'), в бытовой славянской речи заменялся славянским губным же [p]. Это отражают не только древние заимствования из греческого в славянские языки (ср. греч. *φάρος* > рус. *парус*), но и старославянские рукописи: ср. греч. *φοίνιξ* > ст.-сл. **финникъ** 'пальма', но в Син. **пѣникъсь**; греч. *τὰ πάθη* 'страсти (Господни)' > ст.-сл. **тафати** (Мар. 166а 30); греч. *πορφύρα* > ст.-сл. **поръфѣра** 'багряница, пурпур', но в Зогр. отмечена гиперкорректная форма **форфѣра**. Некоторые исследователи полагают, что буква «**фрътъ**» имела в старославянском языке чисто графическое значение, т. е. читалась как [p], употребляясь только в словах, заимствованных из греческого. Подобное могло иметь место у славянских книжников, которые не владели греческим произношением.

Глаголическая буква «**ѕѣло**» передавала особую фонему, которая фонетически представляла собой мягкую аффрикату [ʒ = dʒ] в отличие от фрикативной фонемы [z], которая обозначалась буквой «**земла**». В кириллице для передачи этой аффрикаты, возникшей в результате 2-й и 3-й палатализаций из *g (см. § 26), использовалась буква **з** (видоизменение кириллической буквы **з**), которая в более поздних памятниках была заменена буквой **ѕ**, первоначально не имевшей в кириллице звукового значения и заимствованной из греческой цифри (греч. *ς* «*вау*») для передачи цифры 6. Традиционно при транслитерации глаголических текстов кириллицей глаголическая буква «**ѕѣло**» заменяется знаком **ѕ**. Наличие в глаголице особого знака для аффрикаты [ʒ = dʒ] говорит о том, что в солунском говоре того времени эта аффриката еще не изменилась в фрикативное [z]. Такую аффрикату до сих пор сохраняют некоторые македонские говоры в районе Солуня. Дошедшие до нас старославянские памятники (как глаголические, так и кириллические) в целом отражают смешение букв «**земла**» и «**ѕѣло**», которые стали графическими дублетами.

Особый интерес представляют глаголические буквы «**штѣ**» и «**ѣѣ**». В первоначальной глаголице, возможно, не было буквы «**штѣ**», если учесть, что в древнейших глаголических памятниках она либо не встречается (вместо нее употребляется сочетание **шѣѣ** = кир. **штѣ**), либо встречается эпизодически. В поздних же, наоборот, используется исключительно «**штѣ**». По своему начертанию глаголическая «**штѣ**» представляла комбинацию букв **ш** и «**ѣѣ**». По-видимому, буква «**штѣ**» была создана для обозначения мягкой аффрикаты [ʃʦʰ],

возникшей в южнославянских говорах праславянского языка из древних сочетаний *tj и *stj (см. § 27). В других диалектах представлены иные рефлексy этих сочетаний, в частности [štʰ], которое, возможно, и обозначалось в глаголических памятниках сочетанием Ш^ш, а в кириллических — буквой ѣ и сочетанием штг. Не вполне ясно, была ли подобная аффриката в речи Кирилла и Мефодия, так как македонские говоры обычно дают рефлекс [ќ], хотя в районе Салоник сохраняются говоры, имеющие в этом случае [št].

Что касается буквы ѣ, которой не было в кириллице, то полагают, что она была введена в глаголицу для передачи греч. γ в заимствованиях: ср. греч. ἡγεμών > ст.-сл. иѣмонъ, греч. Ἀἰγυπτος > ст.-сл. єкѹпытъ. В исконных славянских словах этот звук не встречался вследствие произошедших в праславянском палатализационных процессов (см. ниже). В большинстве позиций звук, обозначавшийся в греческом буквой γ, был фрикативным и воспринимался как отличный по способу образования от славянского взрывного [g]. Характерно при этом, что для передачи греческого [kʰ] Кирилл не создал специальной буквы. В славистике при транслитерации старославянских глаголических текстов кириллицей принято передавать букву ѣ специальным знаком ħ, который использовался в том же значении в древних кириллических памятниках сербского извода церковнославянского языка.

Существует и совершенно иная трактовка¹ глаголических ѣ и ѣ, согласно которой буква ѣ была введена Кириллом в глаголицу для передачи солунского рефлекса *tj, а буква ѣ — для передачи рефлекса *dj. Эти рефлексy, вероятно, представляли собой палатальные смычные (типа [ќ] и [r], как в македонском) или палатальные аффрикаты (типа [ћ] и [ћ]), как в сербохорватском) (см. § 27). В диалекте, на котором говорили славяне Моравии, не было необходимости в этих буквах, так как там рефлексy данных сочетаний, совпавшие с уже существовавшими фонемами, соответственно обозначались другими буквами: *tj > ě (ѣ = ѣ), *stj > šě (Шѣ = шч), *dj > ž (ѣ = ж). Позднее в Болгарии буквой «штг» (ѣ = ѣ) стали обозначать свои рефлексy *tj (šě или štʰ).

Анализ глаголицы показывает, что в солунском диалекте, который лег в основу первого славянского алфавита и старославянского языка, практически не было ни одного фонологического противопоставления, которое не передавалось бы на письме. Пожалуй, единственным исключением является противопоставление [r] [r̥] ↔ [гъ] [г̊] (см. § 23, 36).

¹ Дурново Н. Н. Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов // Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. С. 575—579.

§ 17. Фонетическая характеристика и происхождение гласных

Исходная фонетическая система старославянского языка насчитывала 11 фонем (или 13, если считать самостоятельными фонемами /ü/ и /ö/), см. § 19). (См. табл. 7, где спорные фонемы даны в скобках.)

Количество гласных фонем старославянского языка совпадало с их количеством в позднем праславянском накануне создания славянской письменности.

Перечислим гласные фонемы старославянского языка древнейшего периода и дадим их предполагаемую артикуляционную характеристику по ряду, подъему и лабиализации. Для каждого гласного указываем его основное кириллическое соответствие.

/a/ **а** — нелабиализованный открытый гласный непереднего (заднего) ряда; ст.-сл. /a/ < и.-е. *ā, *ō: **мати** < и.-е. *mātēr (др.-инд. mātā, лат. māter), **знати** < и.-е. *g'nōtēi (др.-инд. jñāta-, греч. γυνώσκω).

/o/ **о** — нелабиализованный (или слаболабиализованный) гласный средне-нижнего подъема заднего ряда; ст.-сл. /o/ < и.-е. *a, *o: **домъ** < и.-е. *dom- (лат. domus, греч. δόμος), **отць** < и.-е. *at- (лат. atta, греч. ἄττα ‘папаша’, др.-инд. attā ‘мать’).

Нелабиализованность ст.-сл. /o/, восходящего к позднепраславянскому *a, в котором совпали и.-е. *o и *a, подтверждается данными заимствований: ср. лат. pagānus > слав. **поганъ** ‘языческий, язычник’, лат. Sclavi; гот. gansan > ст.-сл. **гонезнѣти** ‘избавиться’, др.-в.-н. pfaffō > слав. **попъ** > венг. pap, фин. pappi. В этом отношении показательны языковые контакты славян с греками. В древних заимствованиях греческое ударное *α* передается славянским **а** [a], а безударное *α* [a] — славянским [o], причем ударность/безударность в греческом, очевидно, соответствует долготе/краткости в праславянском: греч. Σατανᾶς > слав. **сотона**, слав. **словѣне** > греч. Σηλαβηνοί. В более поздних южнославянских заимствованиях 2-й половины IX в. из тех диалектов, в которых уже произошла лабиализация [a > o], устанавливается соответствие слав. /o/ — греч. ο: слав. **вокводѣ** ‘воеводы’ > греч. βοέβοδοι, слав. **словѣне** > греч. Σηλοβηνοί. В связи с открытостью и нелабиализованностью славянского /o/ в заимствованиях иноязычное лабиализованное /o/ часто субституировалось славянским лабиализованным же гласным /u/: ср. гот. bōkō > ст.-сл. **воукы**, греч. εἰκόν > ст.-сл. **икоуна** ‘изображение’, греч. ὄχος > ст.-сл. **оукосъ** (греческое [o] было закрытым).

/e/ **е** — нелабиализованный достаточно широкий открытый (средне-нижнего подъема) гласный переднего ряда; ст.-сл. /e/ < и.-е. *e: **верж** < и.-е. *b^hegō (лат. ferō, греч. φέρω, лит. beriú).

/ě/ **ѣ** — нелабиализованный открытый гласный переднего ряда, возможно, дифтонгического характера; ст.-сл. /ě/ < псл. *ě₁ (так на-

зывается ять первый, монофтонгического происхождения) < и.-е. *ĕ, а псл. *ĕ₂ (так называемый ять второй, дифтонгического происхождения) < и.-е. *oi, *ai, *ōi, *āi: сѣмѣ < и.-е. *sēmŋ (лат. sēmen, др.-в.-н. sāmo), цѣна < и.-е. *k^woinā (лит. káina, греч. ποινή).

Поздний праславянский *ĕ, в котором совпали *ĕ₁ и *ĕ₂, произносился (по крайней мере, стал произноситься позднее) по-разному в разных диалектах праславянского языка и разных славянских языках: в одних (как в старославянском) он был открытым гласным (= [æ], [ä], [a] или дифтонг [ĕa]), в других (например, восточнославянских) — закрытым (= [ê] или [ie]). Ср. данные заимствований: слав. вѣкъ > рум. veak (вероятно, заимствование из южнославянских говоров), слав. грѣхъ > фин. gäähkä, слав. хлѣвъ > фин. läävä, но слав. вѣсть > фин. viesti (вероятно, оба финских слова заимствованы из северных восточнославянских говоров: первое — более раннее, второе — более позднее, проникшее в финский после повышения артикуляции /ĕ/).

/y/ **ы** — нелабиализованный гласный верхнего подъема колеблющейся артикуляции, возможно, дифтонгического характера; ст.-сл. /y/ < и.-е. *ū; дымъ < и.-е. *d^hūmos (лат. fūmus, греч. θυμός, лит. dūmai), сынъ < и.-е. *sūnus (лат. sūnus), сынъ (В. мн.) < и.-е. *sūnāns (ст.-сл. /y/ может восходить также к и.-е. *uns, *ans, *ons в конце слова). Существует мнение, что ст.-сл. /y/ был дифтонгом типа [ui] или, во всяком случае, дифтонгоидом, что вполне вероятно. Иногда это мнение подкрепляют показаниями славянских заимствований в литовском языке: слав. мыло > лит. mūlas, слав. тынъ > лит. tūnas (в более поздних заимствованиях славянское **ы** передается литовским *ī*). Ср. также способ графического обозначения фонемы /y/ в глаголице — **Ѹѹ** = **Ѹ**+**ѹ**, который не отличается от обозначения /yi/ и не противоречит возможности бифонемной трактовки /y/ как /yi/.

/i/ **и** — нелабиализованный гласный верхнего подъема переднего ряда; ст.-сл. /i/ < и.-е. *ī, *ei, *oi, *ai (т. е., как и ст.-сл. /ĕ/, мог быть монофтонгического и дифтонгического происхождения): живъ < *g^wīwos (лат. vīvus, др.-инд. jīvas, лит. gūvas), видъ < *weidos (лит. véidas, греч. Φεῖδας), вери < и.-е. *b^herois (греч. φέροις).

Таблица 7

Система гласных фонем старославянского языка

Подъем	Передний ряд		Непередний ряд	
Верхний	(i)	i	y	u
Средневерхний	(j)	ь	ъ	
Средненижний		ę e	o	o
Нижний	—	ĕ	a	—
	Лабиализованные	Нелабиализованные		Лабиализованные

/u/ **у** — лабиализованный гласный верхнего подъема заднего ряда; ст.-сл. /u/ < и.-е. *ou, *au: **у҃хѡ** < и.-е. *aus- (лат. auris, лит. ausis, греч. диал. αὔσις). Ст.-сл. [ü] — **ю**, фонематическая сущность которого не вполне ясна (иногда его признают самостоятельной фонемой /ü/, но обычно рассматривают как аллофон фонемы /u/ после палатальных согласных), восходит к и.-е. *eu: **влюдж** ‘слежу, соблюдаю’ < и.-е. *b^heud^h- (греч. πέυδομαι).

/ъ/ **ъ** — нелабиализованный гласный средне-верхнего подъема заднего ряда; ст.-сл. /ъ/ < и.-е. *u: **дъшти** < и.-е. *d^hugätēr (греч. θυγάτηρ, лит. duktė), **медъ** < и.-е. *med^hu (др.-в.-н. metu, др.-инд. madhu, греч. μέθυ).

/ь/ **ь** — нелабиализованный гласный средне-верхнего подъема переднего ряда; ст.-сл. /ь/ < и.-е. *i: **вьдова** < и.-е. *wid^hewā (лат. vidua, др.-инд. vidhāvā), **мьзда** < и.-е. *misd^h- (гот. mizdō, греч. μισθός). Большая закрытость ст.-сл. /ь/ по сравнению с /е/ проявляется в романских заимствованиях: асѣту > ст.-сл. **оцѣтъ** ([ĕ] — закрытый узкий гласный).

/о/ **ж** — носовой лабиализованный (или нелабиализованный) гласный среднего (или средне-верхнего) подъема заднего ряда; ст.-сл. /о/ < и.-е. *on, *om, *an, *am, *ŋ, *m̥ + согласный (но не *s): **пѣтъ** < и.-е. *pont^h- (лат. pontis Р. ед., др.-инд. pánthās), **зѣбъ** < и.-е. *g^homb^hos (греч. γόμφος, лит. žam̃bas, др.-инд. jámbhas), **дѣти** ‘дуть’ (**дѣмѣ** ‘дую’) < и.-е. *dm̥- (лит. dùmti). Такие фонетические характеристики [o], как подъем и лабиализованность, полностью перекрывались признаком ринезма и поэтому варьировались по диалектам. Что касается так называемого третьего носового [ö] **ѣ**, то обычно его рассматривают не как самостоятельную фонему, а как аллофон фонемы /о/ после палатальных согласных (см. § 19).

/е/ **ѣ** — носовой гласный среднего подъема переднего ряда; ст.-сл. /ѣ/ < *en, *em, *m̥, *n̥ + согласный (не *s): **пѣтъ** ‘пятый’ < и.-е. *penk^wtos (греч. πέμπτος, лит. peñktas), **десѣтъ** ‘десятый’ < и.-е. *dek^wtos (лит. dešim̃tas, греч. δέκατος, гот. tāhunda).

§ 18. Система согласных

На основании анализа глаголицы и кириллицы, а также орфографии древнейших памятников можно реконструировать следующий исходный состав согласных фонем старославянского языка (табл. 8).

В славянских языках и диалектах ко времени появления письменности уже имелись некоторые расхождения, касавшиеся состава согласных фонем.

Возможно, в славянской речи двуязычных Кирилла, Мефодия и их ближайших учеников и, соответственно, в языке первых старославянских переводов имелся звук [f], который отсутствовал в

составе согласных фонем праславянского языка, а также славянских языков и диалектов того времени. Старославянскую фонему /f/ следует рассматривать как фонетическое заимствование из греческого языка. То же можно сказать и о междузубном спиранте [ʃ]. Звук [f], вероятно, был более приемлем для славянской фонетической системы, чем [ʃ], особенно в тех диалектах, где губно-губная артикуляция [w] была заменена на губно-зубную [v]¹. То, что старославянский мог сохранять праславянский губно-губной глайд [w], косвенно подтверждается материалом заимствований. В древних венгерских заимствованиях из языка паннонских славян славянский [w] перед согласными подвергся вокализации, что подтверждает его глайдовую природу: ср. венг. диал. *lóka* ‘скамья’ < др.-венг. *lāwka < панн.-слав. *lawьka = лавька; венг. *oláh* ‘румын’ < др.-венг. *ulāh < панн.-слав. *wlah(ь) = влахъ < псл. *walxъ. Ср. также замену греч. *ou* славянским *в* в позиции перед гласным: греч. Ἰανουάριος > ст.-сл. **еньварь** (также и **енуарь**)².

Таблица 8

Система согласных фонем старославянского языка

	Лабиальные		Дентальные		Палатальные				Велярные	
					Шипящие		Свистящие			
Взрывные	p	b	t	d					k	g
Аффрикаты					č'		č	č̣		
					ṣ̌ṭ	ẓ̌ḍ				
Щелевые	(f)		s (ʃ)	z	š'	ž'	ś		x	
Носовые	m		n		ń					
Плавные			l		ĺ					
			r		ṛ					
Глайды		w			j					

Дискуссионной в палеославистике является фонематическая интерпретация праславянского *j. Многие специалисты полагают, что, поскольку Кирилл не создал специальной буквы для обозначения /j/, соответствующий звук, близкий неслоговому [j̥], не был отдельной фонемой в солунском говоре, а являлся как бы частью следующей гласной фонемы (ср. глаг. **ѠѠѠѠѠ** = кир. **елень** ‘олень’

¹ В собственно славянской лексике фонема /f/ появляется только после падения редуцированных гласных (см. § 20) и оглушения /v/, оказавшегося вследствие этого изменения на конце слова: ср. **сѣдравъ** ‘здоров’ > [sdrav] > [zdraf].

² О фонетической характеристике старославянского /w/ см. также § 22.

= /elɛnʲ/ = [jɛlɛnʲ]). Однако то, что верно для одного славянского диалекта, может не соответствовать положению в другом диалекте, а фонематическая неустойчивость [j/i] характерна для славянских языков на разных этапах их развития. Кроме того, как было показано выше, отсутствие отдельной буквы для /j/ может быть объяснено и особым графическим принципом, использованным при создании глаголицы. Поэтому более целесообразным представляется признать рефлекс *j в старославянском языке отдельной фонемой.

Однако если признать, что [j/i] является реализацией самостоятельной фонемы, то следует ответить и на вопрос, аллофоном какой именно фонемы является этот звук. В таком случае, видимо, приходится выбирать из двух возможностей: это либо гласная фонема /i/, либо согласная фонема /j/. При втором решении *j признается самостоятельной фонемой, входящей в подсистему согласных. Для позднего праславянского (после монофтонгизации дифтонгов) и старославянского языков такое решение более приемлемо¹. Кроме того, оно в принципе соответствует общей тенденции развития *j и удобно при описании морфологической системы старославянского языка.

Выше (см. § 16) уже говорилось о сложностях, связанных с интерпретацией звукового значения буквы «штѣ» (щ) и сочетания букв «ша» и «тврѣдо» (т. е. шт) в глаголице и кириллице. Этот вопрос следует решать применительно к отдельной рукописи и в связи с фонетической системой диалекта, лежащего в основе данного конкретного списка. Однако с учетом общей картины употребления этих букв в старославянских памятниках для старославянского целесообразно реконструировать мягкую (альвео-палатальную) аффрикату [ʃtʲ] независимо от того, какая картина наблюдалась в солунском диалекте Кирилла и Мефодия. Общая тенденция эволюции этой аффрикаты в старославянском заключалась, по-видимому, фонетически в изменении палатальной артикуляции к переднеязычной и фонологически в приобретении бифонемного статуса, т. е. в превращении в сочетание двух фонем.

Даже при беглом взгляде на старославянскую систему согласных бросается в глаза отсутствие противопоставления согласных фонем по признаку палатализованности/непалатализованности, хорошо знакомого нам по современному русскому языку, и, напротив, наличие большого количества палатальных (среднеязычных) согласных². Праславянские и старославянские палатальные

¹ Попов М. Б. К проблеме фонематического статуса *j в праславянском и старославянском // Вестник СПб. ун-та. 2001. Сер. 2. Вып. 3. С. 48—56.

² Палатальные (от лат. *palatum* 'твердое нёбо'; это характеристика по месту образования, т. е. по пассивному органу) согласные образуются путем смыкания или приближения средней части спинки языка к твердому нёбу, поэтому при характеристике по активному органу они характеризуются как *среднеязычные*.

согласные не унаследованы из индоевропейского языка, а являются славянским новообразованием.

Палатальные согласные часто называют мягкими, но мягкими являются и палатализованные согласные. В фонологическом отношении различие между палатальными и палатализованными заключается в том, что для палатальных подъем средней части спинки языка к твердому нёбу рассматривается как основная, а для палатализованных согласных — как дополнительная артикуляция, которая как бы накладывается на основную (губную, переднеязычную или заднеязычную). Среднеязычные (палатальные) согласные не могут иметь такую дополнительную артикуляцию, так как среднеязычность сама представляет собой подъем средней части спинки языка к твердому нёбу и является основной артикуляцией этих согласных.

В старославянском языке, в отличие от современного русского языка, не было самостоятельных палатализованных фонем, противопоставленных непалатализованным. Однако широко распространено мнение, что твердые согласные палатализовались в позиции перед гласными переднего ряда, т. е. становились как бы «полумягкими». Такая палатализация была автоматической, т. е. не приводила к возникновению самостоятельных фонем, создавая лишь особые палатализованные аллофоны. В старославянском языке любой твердый согласный мог оказаться в позиции перед гласным переднего ряда, в том числе и заднеязычные согласные (по крайней мере, в речи двуязычных славянских книжников), которые, правда, были возможны в этой позиции только в заимствованиях: ст.-сл. **китъ** < греч. *κῆτος*, ст.-сл. **кедръ** < греч. *κέδρος*, ст.-сл. **геона** ‘ад’ < греч. *γέεννα*, ст.-сл. **хитонъ** < греч. *χιτών* и др. В исконной лексике заднеязычные изменялись в палатальные согласные (шипящие и свистящие) в процессе праславянских «палатализаций» (см. § 26). Иногда славянской модели с рефлексом палатализации подчинялись и заимствованные слова (ср. **жеона** вм. **геона** ‘ад’ < греч. *γέεννα*).

§ 19. Носовые гласные

Вокализм старославянского языка характеризовался наличием носовых гласных. С уверенностью можно утверждать, что в старославянском были две носовые фонемы, которые в славистике традиционно обозначаются знаками /ɛ̃/ («е носовое») и /õ/ («о носовое»). Возможно, была еще одна носовая фонема /ǝ̃/ («переднее о носовое», или «третий носовой»).

В общей фонетике носовыми называют такие гласные, которые произносятся с опущенной нёбной занавеской, в результате

чего воздушная струя проходит через носовую полость, создавая особый носовой тембр (ринезм). В современном русском языке носовой тембр характерен для гласных в позиции после носовых согласных: таковы, например, оба гласных в слове *мама* [mámǎ] (носовой тембр в современной фонетической транскрипции принято обозначать тильдой над гласным). Однако в русском языке такие гласные являются не самостоятельными носовыми фонемами, а аллофонами фонемы /a/, поэтому их называют *назализованными*, а не *носowymi* гласными. В других языках, например во французском, носовые гласные противопоставлены неносовым и являются самостоятельными фонемами. Как правило, исторически носовые гласные фонемы возникают из неносового гласного в результате утраты следующего за ним носового согласного (обычно гласный и носовой согласный входят в один слог): VN > VN̄ > V̄ (где V — гласный, N — носовой согласный, V̄ — назализованный или носовой гласный).

Фонетически старославянские носовые были скорее всего гласными среднего подъема, но для них признак подъема, видимо, не был фонологически существенным, и они могли довольно свободно варьировать по подъему, поскольку их главный признак — ринезм — перекрывал признак подъема. Таким образом, носовые составляли особую подсистему вокализма.

Наличие носовых гласных в позднем праславянском и старославянском языках ставит несколько фонологических проблем. Важнейшими из них являются две. Во-первых, сколько носовых было в праславянском языке — два (/ɛ̄/, /ō/) или три (/ɛ̄/, /ō/, /ǭ/)? Во-вторых, стали ли носовые самостоятельными фонемами, или они продолжали оставаться бифонемными сочетаниями гласного и носового согласного (/en/, /on/ и т. п.)?

Носовые гласные старославянского языка на письме обозначаются буквами, которые традиционно называются юсами. В целом корпус глаголических памятников, которые признаются старославянскими, знает четыре юса: глаг. **Ѣ** (= **ѡ**) — для /ɛ̄/, глаг. **Ѥ** (= **Ѧ**) — для /ō/, глаг. **Ѧ** (= **Ѣ**) — для /ǭ/, который встречался только после палатальных согласных, глаг. **Ѧ** (= **Ѧ**) — юс, представляющий собой по начертанию общую часть всех юсов, который выступает в некоторых более поздних старославянских рукописях в качестве самостоятельной буквы для обозначения /ɛ̄/ после непалатальных согласных (при этом **Ѣ** используется после палатальных). Из сравнения начертания глаголических юсов видно, что они имеют общую часть (**Ѧ**), которая в **Ѣ** и **Ѥ** присоединяется к частям, совпадающим соответственно с глаголическими **Ѥ** (= **Ѥ**) и **Ѥ** (= **Ѥ**). Этим и объясняется трактовка соответствующих фонем как «носового e» и «носового o», что, возможно, соответствова-

ло положению в солунском диалекте середины IX в. Сходство в начертании показательно и в другом отношении: оно говорит о том, что Кирилл стремился придумать сходные начертания для обозначения фонем, характеризующихся одним различительным признаком (ср. отсутствие подобного сходства при обозначении кратких и длинных по происхождению фонем).

Итак, глг. **Є** явно более позднего происхождения, чем другие юсы, поскольку древнейшие памятники не используют этой буквы. Дискуссионным остается вопрос о количестве юсов в первоначальной глаголице — было их два (**Ѣ** и **Ѥ**) или три (**Ѣ**, **Ѥ** и **Ѧ**). Хотя древнейшие глаголические памятники имеют три юса, в азбучных молитвах им отводятся только два стиха. Ответ на вопрос, сколько носовых фонем было в солунском диалекте ко времени создания славянской письменности, зависит от того, сколько юсов было в глаголице, созданной Кириллом. Но, даже если в ней сначала было только два юса и они соответствовали двум носовым фонемам в солунском диалекте, проблема «третьего носового», для которого славянские книжники — носители других диалектов — нашли специальное обозначение в древнейших славянских памятниках, не снимается.

В славистике «третий носовой» [ǫ] рассматривается либо как самостоятельная фонема /ǫ/, отличная от /o/ и /e/, либо как аллофон фонемы /o/ после палатальных согласных.

Признание фонематической самостоятельности [ǫ] в значительной степени связано с проблемой фонематической самостоятельности *j на том или ином этапе развития праславянского языка и его диалектов. Как и любая задача, связанная с определением фонематического статуса звуковой единицы, проблема йота (так же, как и проблема /ǫ/) имеет два аспекта — синтагматический и парадигматический, но в связи с «третьим носовым» особенно важен синтагматический аспект, а именно: вычленяется ли [j] в речевом потоке как отдельная фонологическая единица, т. е. является ли он отдельной фонемой или входит в состав следующей за ним гласной? Из признания рефлекса *j частью гласной фонемы вытекает, что в системе вокализма имелись самостоятельные фонемы /ü/ и /ǫ/, а глаголические буквы **Ј** (=ю) и **Ѧ** (=ѧ) передавали в начале слога не бифонемные сочетания /ju/ и /jo/, а самостоятельные фонемы /ü/ и /ǫ/.

Что касается проблемы, связанной с носовыми гласными (представляют ли они монофонемные образования или являются сочетаниями неносовых гласных с носовыми согласными), то довольно широко распространена последняя точка зрения, восходящая к идеям Н. С. Трубецкого. Ученый считал, что носовых фонем в праславянском не было, а были сочетания фонем «гласный + n, m» (которые дали рефлекс /a/ в рус. *чадо*, *пятюк* и рефлекс /e/ в с.-х.

чедо, петак) или «гласный + υ, μ» (мак. диал. *чедо, петок*, пол. *zab = zomp, reka = renka*)¹. По Трубецкому, псл. *ε и *ϝ находились в отношении дополнительной дистрибуции с сочетаниями фонем *ep, *op, поэтому они не самостоятельные фонемы, а комбинаторные варианты (аллофоны) этих сочетаний. Однако псл. *ε, *ϝ находятся в дополнительной дистрибуции и чередуются не только с *ep, *op, но также с *em, *om (а на самом деле с еще большим числом сочетаний «гласный + носовой сонант»: *ьп, *еі, *ьт, *ьп, *ьт): ср. *жати* ‘жать’ — *жьмж* ‘жму’ и *жьнж* ‘жну’, *джти* ‘дуть’ — *дъмж* ‘дую’ и т. п. И поскольку носовые не могут быть аллофонами одновременно всех этих сочетаний, Трубецкой предложил считать графический элемент **Є** в составе глаголических букв **ЗЄ, ЖЄ** отдельной буквой, которая обозначает не носовой признак носовых гласных фонем, а некий «сонантический коэффициент N», выступающий фактически как отдельная фонема или, в терминологии Трубецкого, архифонема: [ε] = /eN/, [ϝ] = /oN/, [ǝ] = /ǝN/. Фонологически, однако, такая интерпретация представляется не более убедительной, чем традиционная. Во-первых, даже с точки зрения экономности описания, к которой Трубецкой, несомненно, стремился, его гипотеза почти ничего не выигрывает, так как приходится ввести в систему фонем две новые фонологические единицы — /N/ и /ǝ/. Во-вторых, /ǝ/ возможно только перед /N/, т. е. фонологически неотделимо от него, поэтому «сонантический коэффициент N» естественнее всего трактовать как линейно выраженный дифференциальный признак ринезма («носовости»). В-третьих, против гипотезы Трубецкого свидетельствует возможность фонематической последовательности *eNn = *εn в условиях действия праславянского закона открытого слога (ср. ст.-сл. *пманжти*), что является аргументом в пользу наличия носовых гласных фонем с полноценным признаком ринезма. В конце концов, носовые гласные противопоставлены сочетаниям гласного с носовым согласным в позиции перед согласным: ср. ст.-сл. *къмль* 1 л. ед. наст. [jɛmʎ] — *къль* прич. на -l- [jɛʎ].

Старославянские памятники в целом последовательно отражают наличие носовых гласных, поскольку юсы употребляются в соответствии с этимологией: ср. *ржка* /rɔka/, *мжжь* /mɔʒʎ/, *зжвь* /zɔvʎ/, *пжть* /pɔʎʎ/, *пать* /pɛʎʎ/, *радъ* /rɛdʎ/, *чадо* /čɛdo/ и т. п. Только более поздние памятники различных изводов церковнославянского языка отражают изменения, связанные с носовыми гласными. Так, для русского извода характерно смешение букв *ж* и *ѡ*, *ѡ* и *ѡ/а* (*поѡтъ* /putʎ/, *пѡтъ* /pătʎ/, *чадо* /čădo/ вместо *пжть*, *пать*, *чадо*), что отражает утрату носовых гласных в древнерусском

¹ Трубецкой Н. С. Носовые гласные в лехитских языках // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 209.

языке. В памятниках среднеболгарского извода (XII—XIV вв.) отражается написание **ж** вместо **л** после шипящих и свистящих согласных (**чждо** вм. **члдо**), и написание **л** вм. **ж/ѣ** после палатальных сонантов (**творл** вм. **творѣ**).

В большинстве славянских языков и диалектов (кроме польского и кашубского) носовые гласные утратились, изменившись в разное время и через различные промежуточные этапы в неносовые гласные. Южнославянские языки имеют следующие рефлекс-ы носовых: псл. **o* > болг. (к XIII—XIV вв.) *мъж, зѣб, рѣка*; мак. (к XII—XIII вв.) *рака, пат*; слвн. *тоѣ, zob, roka*; с.-х. *мѣж, зѣб, рѣка*; псл. **e* > болг. *нет, ред*; мак. *нет*; слвн. *pet, red*; с.-х. *nѣт, рѣд*. Впрочем, некоторые болгарские, македонские и словенские говоры сохраняют следы старых носовых (согласно Н. С. Трубецкому, это архаизм): болг. диал. *зѣмб, дѣмб, рѣнка, мѣндр, чендо, ензик, пентъ*; мак. диал. *so^{nt}, go^mba, z[’]ä^{nt}*; слвн. диал. *тонка, ronka, mesenc*.

В чешском, включая моравские говоры, и словацком носовые гласные изменялись так же, как в восточнославянских языках: **o* > *u*, **e* > *ä*.

Польский язык отразил изменения, связанные с носовыми, более сложным образом: в XIV в. **e* > *’a* и **o* > *a*; в XVI—XVII вв. долгие **ä*, *’ä* > *o*, *’o*, краткие **ä*, *’ä* > *e*, *’e*, причем перед смывными согласными они пережили вторичную дифтонгизацию.

§ 20. Редуцированные гласные

Старославянские гласные /*ь*/ и /*ь*/ в современной славистике называются по-разному, причем соответствующие термины различным образом определяют место этих фонем в системе праславянского и старославянского вокализма. Споря с теми, кто видел в *ерах* лишь графическое излишество, Й. Добровский доказывал, что **ѣ** был введен создателем кириллицы для обозначения конца слова и отделения предлогов. Открытие звукового значения старославянских **ѣ** и **ь** (как и *юсов*) принадлежит А. Х. Востокову, который считал /*ь*/ и /*ь*/ краткими (полугласными) звуками.

Позднее гласные /*ь*/ и /*ь*/ стали называть «иррациональными гласными», что подчеркивало особое место этих фонем в системе вокализма и в каком-то смысле «объясняло» их последующую утрату. Распространенное в прошлом название «глухие гласные», указывающее возможную фонетическую характеристику гласных /*ь*/ и /*ь*/ в тех позициях, где они впоследствии утрачивались, в настоящее время устарело и практически не применяется.

Иногда эти гласные называют «сверхкраткими», подразумевая их якобы большую краткость по сравнению с обычными краткими гласными. Такая трактовка не представляется обоснованной глав-

ным образом с фонологической точки зрения, так как, во-первых, сомнительна сама возможность противопоставления гласных по трем степеням длительности, а во-вторых, ко времени появления первых памятников письменности оппозиция по долготе/краткости была заменена оппозицией по подъему (или напряженности).

Наибольшее распространение в отечественной палеославистике получил термин «редуцированные гласные», первоначально указывавший на количественную и/или качественную редукцию гласных *i > ъ и *u > ъ, но в наше время практически утративший эти оттенки в значении и превратившийся в абстрактное обозначение гласных, восходящих к *i и *u¹. В западной славистике распространен лишенный какого-либо фонетического содержания термин «еры» (англ. *jers*), означающий, что речь идет о гласных, передававшихся буквами ѣ и њ.

В исходной старославянской системе (как и в позднем праславянском) гласные фонемы /ъ/ и /ь/ выступали в двух позиционных вариантах: в так называемой *слабой позиции* эти фонемы были представлены звуками [ѣ] и [њ] (*слабые редуцированные*), а в *сильной позиции* — звуками [ѣ̄] и [њ̄] (*сильные редуцированные*). Фонетическое различие между сильными и слабыми редуцированными гласными заключалось, видимо, в том, что слабые еры, в отличие от сильных, подвергались редукции, прежде всего количественной, в то время как сильные, наоборот, не только не редуцировались, но даже понижали подъем (при прочих равных чем ниже подъем гласного, тем он длительнее). В этом смысле термин *редуцированные гласные* по отношению ко всем ерам, а значит, и к ерам в сильной позиции, не вполне удачен. Однако точно реконструировать различия между редуцированными гласными в разных позициях в позднем праславянском языке не представляется возможным. Можно сказать, что распределение по сильным и слабым позициям, т. е. их способность редуцироваться в некоторых позициях, и было главной чертой, отличавшей редуцированные гласные от других гласных фонем, которые в связи с этим иногда называют, тоже не вполне удачно, «гласными полного образования».

Редуцированные гласные были слабыми в следующих положениях:

- 1) в конце фонетического слова: **ДОМЪ**, **ОУДОБЪ** ‘легко’;
- 2) перед слогом, содержащим любой гласный, кроме редуцированного: **ДѢВА**, **КѢНАЗЪ**, **СѢТВОРИТИ**, **СѢХНЕТЪ**, **МѢЗДА** ‘плата’, **ЛѢСТИТИ**, **ВЪ ДОМЪ**;

¹ Имеются в виду краткие гласные *i и *u. В учебнике краткость праиндоевропейских и праславянских (до утраты признака долготы/краткости) гласных, как правило, специально не указывается. Обозначается только долгота гласного — *ī, *ū и т. д., а отсутствие знака долготы над гласным указывает на его краткость — *i, *u и т. д.

3) перед слогом, содержащим сильный редуцированный: **сѣньмѣ** ‘сборище’, **лѣстыць**, **тѣмьнѣ**, **вѣ дѣнь**, **сѣ чѣстиж**.

Редуцированные гласные были сильными:

1) когда за ними следовал слог, содержащий слабый редуцированный: **сѣзѣдатн**, **подѣ мѣнож**, **домѣ тѣ**, **дѣнь сѣ** ‘сегодня’.

2) сильным следует считать редуцированный гласный в односложном слове. Поскольку в старославянском языке действовал закон открытого слога, редуцированный односложного слова одновременно оказывался и конечным гласным в слове. Таковы редуцированные в формах И. ед. м. р. указательных местоимений **сѣ**, **тѣ** и в союзе **нѣ**: ср. **сѣ естѣ снѣ мой** (Мф. 3: 17 Зогр.) ‘сей есть сын мой’ (в Сав. **се** с изменением редуцированного в /e/); **нѣ иже сътрѣпитѣ до коньца тѣ съпасетѣ са** (Супр. 71.1) ‘но тот, кто выдержит до конца, спасется’.

Итак, типичной слабой позицией для редуцированных гласных было положение на конце фонетического слова, а типичной сильной позицией — положение перед слогом с конечным слабым редуцированным. Соответственно отсчет позиций шел от конца фонетического слова к началу (ср. словоформы, содержащие только редуцированные гласные: **жѣрьчѣскѣ**, **лѣстыць сѣ** и т. п.).

Слабые редуцированные не могли находиться под ударением, так как еще в праславянском языке произошла оттяжка ударения со слабых редуцированных на предшествующий слог: псл. **stolǫ* > **stolǫ*, но **stolǫ* (ср. ст.-сл. **столь**, **стола**). Если слог с ударным редуцированным был начальным в словоформе, то ударение переносилось на следующий слог: псл. **sъxnětь* > **sъxnětь* (ср. ст.-сл. **съхнѣтъ** ‘сохнет’), псл. **vъ sьпěхъ* > **vъ sьпěхъ* (ср. ст.-сл. **вѣ сьнѣхъ** ‘в снах’), псл. **mьпѣжь* > **mьпѣжь* (ср. ст.-сл. **мьнии** ‘меньший’). Во многих случаях исконное ударение не совпадает с современным русским литературным: ср. псл. **lьgьkь* м. р., **lьgьka* ж. р. (ср. ст.-сл. **лгькь**, **лгька**, рус. *лёгко*, *легка*), псл. **bědьпѣ* м. р., **bědьna* ж. р. (ср. ст.-сл. **вѣдѣнѣ**, **вѣдѣна**, рус. *бѣден*, *бѣднѣ*). Таким образом, распределение редуцированных гласных по сильным и слабым позициям не зависело от места ударения, а современное русское литературное ударение не может точно указывать на то, каково было ударение в тех или иных словоформах праславянского и старославянского языков.

Формы, которые отклоняются от ожидаемого результата падежения редуцированных, объясняются как возникшие по аналогии. Так, рус. *лёгко*, *тѣмен*, *менее* (с поздним переносом ударения на первый слог) вм. **льгок*, **тмен*, **мнее* (из **лгькь**, **тѣмьнѣ**, **мьнкь**) появляются по аналогии с формами *легка*, *легко*, *легкий*; *темна*, *темно*, *темный*; *меньше*, *меньший*, которые были фонетически закономерными. Во многих случаях слабый редуцированный сохранялся, поскольку находился в сложной группе согласных, а затем

изменялся в какой-либо другой гласный: ср. рус. *сноха́* < *снѣха*, рус. *доска́* (но и диал. *цка*) < *дѣска*, рус. *сте́зя* < *стѣзѣа*, рус. *со́хнет* (с поздним переносом ударения) < *сѣхнѣтъ* и т. п.

Графика и орфография старославянских памятников сами по себе не дают оснований для различения сильных и слабых редуцированных. Реконструкция сильных и слабых позиций /ъ/ и /ь/ основана на тех изменениях, которые редуцированные гласные позднее претерпели в славянских языках, в том числе старославянском. Эти изменения отражены большинством дошедших до нас памятников старославянской письменности XI—XII вв. и имели результатом утрату редуцированных как самостоятельных фонем всеми славянскими языками, хотя и в разное время. Древнейшие славянские рукописи — западнославянский Киевский миссал и восточнославянское Остромирово евангелие (1056—1057 гг.) — не отражают утраты редуцированных, но это объясняется тем, что у восточных и западных славян изменения, связанные с редуцированными гласными, происходили позднее, чем у южных славян. У южных славян начальный этап падения редуцированных гласных, возможно, относится к X в. Об их раннем падении в диалекте паннонских славян (предков словенцев) свидетельствует отсутствие обозначения редуцированных гласных в Фрейзингенских отрывках.

Процесс утраты (дефонологизации) /ъ/ и /ь/, который традиционно называют **падением редуцированных гласных**, заключался в том, что в слабой позиции /ъ/ и /ь/ исчезали, а в сильной позиции изменялись в другие гласные (т. е. как бы «прояснялись»).

В старославянских рукописях утрата слабых редуцированных выражалась в пропусках букв **ѣ** и **ь** на месте этимологических редуцированных: **къѣто** > **кто**, **вьрати** ‘братъ’ > **рати**, **верѣтъ** ‘берѣтъ’ > **верет**.

Менее показательно их смешение (**къѣто** ~ **къто**, **вьрати** ~ **врати**). Однако в некоторых памятниках мена редуцированных носит фонетически закономерный характер. Например, перед слогом с гласным переднего ряда отражается **ь** > **ѣ**, а перед слогом с гласным непереднего ряда — **ь** > **ѣ**: **дѣвѣѣ** > **дѣвѣѣ**, **вьдова** > **вѣдова**. Не всегда такое распределение может быть отнесено к периоду после утраты слабых редуцированных, и в таком случае оно, по-видимому, отражает перегласовку редуцированных, вызванную межслоговой ассимиляцией, происходившей до падения редуцированных. От этой перегласовки следует отличать мена редуцированных, которая вызвана лабиовеляризацией /ъ/ после палатальных шипящих и свистящих согласных и его переходом в /ъ/, причем это изменение имело место не только в слабой, но и в сильной позиции: **ножѣ**, **чѣто**, **дѣждѣ**, **ко́нѣцѣ**, **шѣдѣ**.

Среди старославянских памятников есть и такие, в которых употребляется только одна буква редуцированного (такие памят-

ники называются *одноеровыми*), например глаголическое Боянское евангелие с **Ѣ** (**ъ**) или кириллический Енинский апостол с **ъ**, причем оба памятника отражают изменение сильного /ь/ > /е/.

Что касается сильной позиции, то глаголические памятники, большинство которых переписано македонскими (западноболгарскими) писцами, отражают изменение /ъ/ > /о/ и /ь/ > /е/: **сѣнь** > **сонъ**, **дѣнь** > **день**. Восточноболгарская Супрасльская рукопись заменяет **ь** на месте сильного /ь/ буквой **ѣ**, т. е. указывает на переход /ь/ > /е/, но оставляет без изменения **ъ** на месте сильного /ъ/. Это говорит о том, что в древнеболгарском говоре писца этой рукописи /ъ/ в сильной позиции не совпал ни с какой другой гласной фонемой, хотя и перестал быть редуцированным. Интересна орфография восточноболгарской Саввиной книги, где наблюдается пропуск **ъ** и **ь** в слабой позиции при отсутствии изменений в сильной, за исключением случаев, объясняемых морфологически. Такая орфография является аргументом в пользу той точки зрения, что сначала утрачивались слабые редуцированные, а лишь затем изменялись («прояснялись») сильные.

§ 21. Напряженные редуцированные

В старославянском языке, как и во многих других славянских языках и диалектах, редуцированные гласные /ъ/ и /ь/ в позиции перед и после /j/, а значит, и перед этимологическим *i, который в начале слога получал протетический или эпентетический /j/, характеризовались более высоким подъемом и тем самым становились более напряженными гласными. В свою очередь гласные верхнего подъема /у/ и /i/ в позиции перед /j/ становились редуцированными, приобретая их способность различаться в сильной и слабой позициях. С фонологической точки зрения важно, что /ъ/ и /у/ перед /j/ совпадали (нейтрализовались) в одном звуке, который обозначим как [ɣ], а /ь/ и /i/ — в другом, который в транскрипции будем обозначать как [ɛ]. В старославянском языке для них не было создано специальных графем; рефлексy этой нейтрализации передавались: буквами **ѣ** и **ь** — [ɣ], буквами **и** и **ь** — [ɛ]:

добрѣи ~ **добръ** < *dobrǫjъ < *dobrǫjъ;

въ истинѣ ~ **въ истинѣ** < *wǫ jǫstinǫ < *wǫ jǫstinǫ;

костѣи ~ **костѣи** (Т. ед.) < *kostǫjǫ < *kostǫjǫ;

мѣи ~ **мѣи** < *mǫjǫ < *mǫjǫ;

сѣати ~ **сѣати** < *sǫjati < *sǫjati;

прѣдами и ~ **прѣдамы** и 'предам его' < *prǫdamǫ jǫ < *prǫdamǫ jǫ.

Не вполне ясно, аллофонами каких фонем — /ъ/, /ь/ или /у/, /i/ — являлись эти напряженные редуцированные в старославянском языке. Вероятно, в разных древних славянских диалектах их фонематический статус был различным. Будучи редуцированными,

звуки [ѣ] и [ѣ̆] могли находиться либо в сильной, либо в слабой позиции, т. е. вели себя так же, как и обычные, ненапряженные, редуцированные. Это еще более усложняет и без того запутанную картину, представляемую старославянскими памятниками.

В старославянском языке в сильной позиции напряженный [ѣ̆] изменялся в /y/, а напряженный [ѣ̆] — в /i/. Обычные (ненапряженные) редуцированные «прояснялись» перед слогом, содержащим слабый напряженный редуцированный: ср. **воснати** [wosjati] < **въснати** [w̥s̥b̥jati], **пришествик** [prišestwije] < **пршьствик** [priš̥stw̥je]. Иногда в словоформах, где ожидается рефлекс напряженного редуцированного гласного, находим рефлекс обычного ненапряженного редуцированного: **доброн**, **лжкавон**, **люден**, **гостен**, **прикмъ** вместо **добрѣн**, **лжкавѣн**, **людин**, **гостин**, **примъ** и др. Для этих случаев возможно такое объяснение: напряженный редуцированный (видимо, аллофон фонем /y/ или /i/) был еще до падения редуцированных заменен обычным редуцированным по аналогии с родственными формами (например, **dobrĕjĕ** > **dobrĕjĕ** по аналогии с **dobrĕ**, **gostĕjĕ** > **gostĕjĕ** по аналогии с **gostĕ**, **gostĕmъ**, **gostĕxъ** и т. п.) с последующим изменением сильного /ъ/ или /ь/ в /o/ или /e/. Для говоров, отраженных памятниками с этими формами, следует признать принадлежность [ѣ̆] и [ѣ̆] соответственно фонемам /y/ и /i/.

Кроме того, памятники часто отражают утрату интервокального [j] в положении между двумя напряженными редуцированными и их стяжение в один гласный: [ĕjĕ] > [y] (**добрѣн** > **добрѣ**).

§ 22. Основные принципы строения слога

Яркой чертой звукового строя старославянского языка был так называемый **закон открытого слога**, в соответствии с которым в старославянском языке были возможны только слоги, оканчивавшиеся на гласный или слоговой плавный: **коупиць** [ku|p̥|s̥] (3 слога), **блажьнство** [bla|ž̥e|n̥|stwo] (4 слога), **стлѣпъ** [st̥|p̥] (2 слога) и т. п.

Членение славянского слова на слоги не совпадало с членением его на морфемы: ср. **ножница** ‘ножны’ = {но|ж}-{н|}-{и|ц|}-{а|} ¹. Из этого несовпадения слоговых и морфемных границ вытекает одно очень важное для фонологической системы следствие, а именно принципиальная возможность вычленения из слога самостоятельных фонем — гласных и согласных. Однако в отличие, например, от современного русского, где граница между словами может проходить внутри открытого слога (ср. [d̥ɛ|t-u|š̥ól] *дед ушел*, [tá|m-a|knó] *там окно*), в старославянском языке межсловные границы всегда совпадали со слоговыми, поскольку слова всегда оканчивались

¹ Здесь слоговые границы обозначены знаком «|», морфемные — знаком «-», а сами морфемы заключены в фигурные скобки.

гласным звуком. Из сказанного следует, что для старославянского языка была характерна бóльшая спаянность гласных и согласных внутри слога, чем в современном русском языке.

Закон открытого слога не был унаследован праславянским языком из индоевропейского. Это собственно славянское явление, которое возникло в результате целой серии фонетических изменений балто-славянского и праславянского периодов. К концу праславянского периода (именно этот этап фиксирует классический старославянский язык) тенденция к распространению открытых слогов превращается в закон, не знающий исключений, который действовал в славянских языках до падения редуцированных гласных.

Закон открытого слога часто трактуют как **закон возрастающей (восходящей) звучности**. Такая трактовка отражает стремление ученых учитывать не только тот факт, что слог заканчивается гласным (т. е. является открытым), но и то, какие сочетания согласных в старославянском языке возможны, а какие невозможны внутри слога. По степени звучности (или сонорности, громкости) все звуки могут быть разделены на несколько классов. Согласно правилам распределения звуков в старославянском слоге наиболее звучными являются гласные, за ними идут глайды (т. е. полугласные звуки) [w], [j], восходящие соответственно к неслоговым гласным *u, *i, и плавные [r], [l], которые в старославянском могли выполнять слогаобразующую функцию. Далее следуют шумные согласные, причем звонкие более звучные, чем глухие.

Согласно закону восходящей звучности согласные и гласные звуки старославянского языка в пределах слога располагались в порядке возрастания их звучности. Сначала шел шумный согласный, затем носовой сонант, глайд [w] или плавный ([r] или [l]), и завершал эту цепь гласный. Обычными в старославянских словах были, например, следующие группы согласных в начале слога: **гнѣздо**, **обнажити**, **кладъзь** ‘колодец’, **звѣзда**, **жрѣва** ‘жеребёнок’, **снѣха**, **писма** ‘буква’, **нравъ**, **хвала**, **шдѣмъ** и т. п. Возможно было и сочетание двух шумных согласных (в том числе и как часть группы согласных), но в этом случае щелевой согласный всегда предшествовал смычному (ср. **старъ**, **страда**ти ‘трудиться’, **спѣти** ‘делать успехи’ (ср. **спѣти** ‘петь, спеть’), **дръзга** ‘лес’, **мъзда**, **извытъкъ**). Это значит, что смычные трактуются в качестве более звучных, чем щелевые согласные, что, как известно, противоречит данным общей фонетики¹. Данное обстоятельство заставляет с осторожностью относиться к трактовке закона открытого слога как закона восходящей звучности.

¹ Экспериментально-фонетические исследования дают следующий ряд звуков в порядке увеличения их звучности: взрывные — аффрикаты, фрикативные — носовые — плавные — глайды (полугласные) — гласные верхнего подъема — среднего подъема — нижнего подъема.

Не запрещены в старославянских словах и сочетания двух шумных щелевых согласных: ср. **пасха**, **въсхотѣти**, **въсхвалити**, **въсхлѣпати** ‘просить милостыню’. Важно подчеркнуть, что внутри слова возможны такие сочетания согласных, которые не встречаются в начале старославянских слов (/zd/, /zg/, /sx/ и др.).

В сочетаниях согласных [w] мог находиться прямо перед плавным и даже после шумного перед плавным: ср. ст.-сл. **врата**, **власть**, **сврѣбънь** ‘свербящий, вызывающий зуд’, **отверѣсти** ‘открыть’. Некоторые ученые рассматривают наличие сочетаний /wt, wl/ как свидетельство того, что в старославянском языке /w/ уже стал губно-зубным щелевым [v]. Видимо, ситуация в южнославянских диалектах была различной, причем не исключено и то, что в разных позициях данная фонема реализовывалась разными звуками — глайдом [w] и щелевым [v].

При освоении заимствований сочетания согласных, противоречащие структуре славянского слога, разрежались в старославянском вставными неорганическими (неэтимологическими) редуцированными [ъ] и [ь]: греч. ψαλμός [psalmos] > ст.-сл. **пъсалъмь**, греч. βάρβαρος [varvaros] > ст.-сл. **вар(ъ)варь**, греч. μνάς, μνάς [mnas] > ст.-сл. **мънась** ‘мина (монета)’, греч. Αἴγυπτος [eǵyptos] > ст.-сл. **ѣгупьтъ**, греч. Ἀνδρέας [andreas] > ст.-сл. **ан(ь)дреи** и т. п. Написание слов с неорганическими редуцированными в старославянских памятниках сильно варьируется (ср. **псалмъ**, **ψαλъмь**, **псалъмь**, **пъсалъмь**¹, **пъсалъмь**, **пъсалъмь**, **пъсаломь**, **псаломь** и др.). Такой разнотой связан с падением редуцированных гласных, которое отражено старославянскими памятниками. Можно предположить, что в живой славянской речи вставка **ъ** или **ь** в этих случаях была обязательна до падения редуцированных, хотя вставные редуцированные не всегда вели себя как обычные **ъ** и **ь**, которые строго распределялись по сильным и слабым позициям.

Первоначально в праславянском языке закон открытого слога проявлялся как тенденция: многие фонетические изменения праславянского языка, которые проходили в разное время и были, возможно, обусловлены разными причинами, так или иначе приводили к увеличению числа открытых слогов за счет закрытых.

Наиболее наглядно эта тенденция проявлялась в утрате конечных согласных. В конце слова в праславянском языке было возможно 5 согласных: *d, *t, *r, *n (< и.-е. *n, *m), *s. И все они отпадают, возможно, в том порядке, в каком они перечислены выше): **сынъ** (В. ед.) < *sūnun < и.-е. *sūnum (др.-инд. sūnīm, лит.

¹ Специальный надстрочный значок, так называемый пѣерок — ѣ, в древних славянских рукописях использовался для обозначения редуцированных гласных, пропускаемых на письме.

sūnu)¹, **мати** (И. ед., ср. В. ед. **матерь**) < и.-е. *mātēr (лат. māter, греч. μήτηρ), **то** < и.-е. *tod (греч. τό, др.-инд. tad), **паде** (аор. 3 л. ед.) < *pādet (ср. др.-инд. ābharat ‘он нес’), **сынъ** (И. ед.) < и.-е. *sūnus (лит. sūnus).

Внутри слова в праславянском языке группы согласных, оказывавшиеся в результате перемещения слоговой границы по закону открытого слога в начале слога, подверглись (вероятно, тоже в разное время) упрощениям и сокращениям, большинство из которых привело к дальнейшему уменьшению количества согласных в речевой цепи:

1. *tt, *dt > *st: ст.-сл. **мести** < псл. *mettei (ср. ст.-сл. **метж** (1 л. наст. вр.); на древность этого изменения указывает аналогичное чередование в литовском языке: mèsti — metù);

2. *ps, *bs, *ts, *ds, *ss, *zs > *s: ст.-сл. **съсати** ‘сосать’ < псл. *supsātei (др.-инд. sūrah ‘похлебка’, гот. supōn ‘приправлять’), ст.-сл. **масло** < псл. *māzsla (ср. ст.-сл. **мазати**), ст.-сл. **всѣда** < псл. *bezsēdā (приставка *bez + корень *sēd-, ср. ст.-сл. **сѣдѣти** ‘сидеть’);

3. *pt, *bt, *kt, *gt > *t: ст.-сл. **грети** (инф.) ‘грести’² < псл. *grebtei (ср. ст.-сл. **грѣвж** (1 л. наст.), лит. grėbti — grėbiu), ст.-сл. **потъ** < *raktas (ср. **пекж** ‘пеку’);

4. *pn, *bn, *tn, *dn > *n: ст.-сл. **сынъ** < псл. *supnas (ср. ст.-сл. **съпати**, лит. sārnas, греч. ὕπνος), ст.-сл. **дъно** < псл. *dubna (лит. dubūs, ‘глубокий’);

5. *tm, *dm, *pm, *bm > *m: ст.-сл. **плѣма** < псл. *pledmēn (ср. ст.-сл. **плодъ**)³, ст.-сл. **омъти** < псл. *abmūtei (ср. ст.-сл. **об-** ‘об’ + **мыти** ‘мыть’);

6. *bw > *b: ст.-сл. **овида** < псл. *abweidā (ср. ст.-сл. **об-** ‘об’ + **вид(ѣти)** ‘видеть’), ст.-сл. **овити** < псл. *abweitei (ср. ст.-сл. **об-** ‘об’ + **вити** ‘вить’)⁴;

7. *tl, *dl > *l (у южных и восточных славян): ст.-сл. **плелъ** < псл. *pletlas < *plektl- (ср. чеш. pletl ‘плёл’, лат. plectō, греч. πλέκω, πλέκτῆ ‘веревка’), ст.-сл. **молати** < псл. *madlitei (ср. чеш. modliti se, пол. modlić się).

Можно заметить, что многие из групп согласных, подвергшихся упрощению, например *pn, *dm, *bw, *dl и т. п., не противоречили принципу восходящей звучности. Отметим также, что некоторые праславянские изменения, связанные с *упрощением групп согласных*, уже не действовали в старославянском языке. Например, когда-то

¹ Если перед *n находился долгий гласный, то позднее на месте его сочетания с носовым сонантом возникал носовой гласный: **нѣсъ** (сигм. аор. 1 л. ед. от **нести**) < *neson, но **несж** (наст. 1 л. ед.) < *nesōn.

² Ср. ст.-сл. **грѣти** — **грѣж** ‘греть’ — ‘грею’.

³ Но ср. **седмь**, **седмъ**, **седмица** < *sebdm-.

⁴ Ср. ст.-сл. ономимы **овити** ‘обвить’ < *ab-wei-tei и **овити** ‘окружить’ < *ab-i-tei ‘обойти’.

псл. *wг упростилось в *г (ст.-сл. рѣтити сѧ ‘клясться’ < *wrot-; ср. др.-инд. vṛtām, лат. verbum), но более позднее изменение псл. *wartā > ст.-сл. врата [wrata] говорит о том, что сочетание /wг/ опять стало возможным. Ст.-сл. тлѣшти ‘толочь’ < *telktei, ст.-сл. длань ‘ладонь’ < *dalnis оказались возможны только тогда, когда закончилось изменение псл. *tl, dl > ю.-слав. и в.-слав. *l (п. 7). Согласно п. 4 псл. *рп, *bn > псл. *п, что представлено в глаголах на -нж-: ср. ст.-сл. съгънжти < псл. *sugubnantei (ср. ст.-сл. съгъивати), ст.-сл. канжти < псл. *kāpnantei (ср. ст.-сл. капати, капла), поэтому ст.-сл. обновити, обнажити, прозавнжти, ослыпнжти, истопнжти можно объяснить как возникшие позднее в результате морфонологического выравнивания морфем.

В праславянских диалектах происходили и другие фонетические процессы, которые соответствовали тенденции к открытости слогов и являлись в известном смысле упрощениями групп согласных, например метатезы плавных, изменения сочетаний согласных с *j и некоторые другие (см. § 23, 27).

С действием закона открытого слога была связана тенденция к слоговому сингармонизму, который обеспечивал единство слога. Смысл этой тенденции заключался в том, что в слоге предпочитались (а в ряде случаев только и были возможны) одинаковые по тембру (по ряду для гласных и по твердости/мягкости для согласных) звуки, т. е. в старославянском языке преобладали два типа слогов: бемольный (твердый согласный + гласный непереднего ряда) и дизонный (мягкий согласный + гласный переднего ряда). Такое положение сложилось в результате ряда праславянских фонетических изменений, в частности так называемых *палатализаций* (см. § 26) и *перегласовок гласных* после палатальных согласных.

В рамках тенденции к слоговому сингармонизму в праславянском языке происходили перегласовки гласных, а именно замена гласных непереднего ряда на гласные переднего ряда того же подъема после палатальных согласных: *jū > *jī (> jī), *ju > *ji (> jь), *ja > *je¹. Соответственно в старославянском после палатальных согласных невозможны неогубленные гласные непереднего ряда [y], [ъ], [o]: шити < *sjūtei (лит. siūti, др.-инд. syūtáh), нго < *jьgo < *jiga < *juga (лат. jugum, греч. ζυγόν, др.-инд. yugám), морк < *marja (лит. mārius). В то же время возможны сочетания палатальных согласных с лабиализованными гласными [u]/[ü] и [o]/[ö]: рюти ‘реветь’ < *rūti < *rjū₂tei² < *reutei (др.-инд. rāuti), знаж < *znajō < *znājān.

¹ Йот здесь обозначает любой палатальный согласный.

² Здесь индексом ₂ обозначен новый *j дифтонгического происхождения, который не утрачивал лабиализации и не изменялся в *i после палатальных согласных по закону внутрислогового сингармонизма.

Если [ü] и [ǫ] были самостоятельными лабиализованными фонемами переднего ряда, то сфера действия тенденции к слоговому сингармонизму оказывается максимально широкой и может претендовать на статус синхронического закона. Если же не считать их самостоятельными фонемами, то следует признать, что, оставаясь на уровне диахронической тенденции вплоть до окончания действия закона открытого слога, слоговой сингармонизм так и не стал в славянских языках синхроническим законом, не знающим исключений.

В связи с праславянскими тенденциями к открытости слога и внутрислоговому сингармонизму находятся и некоторые особенности строения начала слова в старославянском языке, в частности наличие протетических согласных.

Если слово начиналось с гласного, то это мог быть только гласный переднего ряда /a/, /o/, /ǫ/, /u/: ср. **азъ, онъ, жгль, оумь**. Гласные переднего ряда /y/, /ь/, восходящие к лабиализованным *ū, *u, не встречались в начале слова, так как они еще в праславянском языке, утрачивая лабиализацию, выделили перед собой в этой позиции протетический лабиальный согласный: ср. **вѣсокъ** (греч. ὤφι, др.-в.-н. ūf), а также **вѣкнѣти — овѣкнѣти** ‘привыкнуть’ и **вѣпити** (др.-перс. ufyēiti) — **вѣзѣпити** (в первом глаголе каждой пары корни **вѣк-**, **вѣп-** с протетическим [w] < *ū, *u, во втором — те же корни **-ѣк-**, **-ѣп-**, но без протетического согласного, который не развивался после конечного согласного приставки **ов-** и **вѣз-**¹).

В праславянском языке все начальные гласные переднего ряда развивали перед собой протетический согласный /j/. Таким образом, в старославянском в начале слова встречаем гласные переднего ряда, прикрытые йотом, [ji], [je], [jǫ], [jē]/[ja]: **иже** ‘которые, они же’ И. мн. м. р.), **кленъ, ѡзъкъ, ѣхати/ѡхати**.

Протетический *j появился на сравнительно поздних этапах праславянского языка, когда уже намечались диалектные различия. В восточных праславянских говорах, которые позднее легли в основу древнерусского (общевосточнославянского) языка, до появления протетического йота происходило изменение начального псл. *e- в *a-² (позднее это краткое *a дало *o): *ezera > *azera > др.-рус. **озеро** > рус. озеро, *edīnu > *adīnu > др.-рус. **одинъ** > рус. один, *eseni > *aseni > др.-рус. **осень** > рус. осень и т. п. В южных и западных праславянских говорах такого изменения не было и позднее перед *e- развивался протетический *j (ср. ст.-сл. **кѣзеро, кдинъ, ксень**). В тех формах, где *j был этимологическим, различие в формах отсутствовало: ср. ст.-сл. и др.-рус. местоимения **кго** ‘его’, **кмоу** ‘ему’, **кн** ‘ей’ и др.

¹ Сама приставка **вѣз-** имеет протетический /w/ в начале и составляет параллель приставке-предлогу **из-**: **вѣз-** (= *wъz- < *uz-), **из-** (= *jъz- < *iz-).

² Такое же изменение переживали соседи восточных праславян — балты.

Следует отметить, что в старославянском языке в начальном [ji] совпали праславянские *ji и *jъ: показательно совпадение форм относительных местоимений *иже* ('который, он же' И. ед.) <*jъze и *иже* ('которые, они же' И. мн.) <*jize; ср. также *идѣ* 'иду' <*jъd-<*id-, *имѣ* 'беру, возьму' <*jъm-<*im-, *изъ* <*jъz <*iz.

Развитие протетических согласных в праславянском языке связано с законом открытого слога: протеза «прикрывает» начальный гласный от конечного гласного предшествующего слова, предотвращая так называемое *зияние* на стыке слов. Однако имеются и общезвонические предпосылки для развития протетических согласных. Если гласный находится в абсолютном начале слова, как в словах *он*, *ум* и т. п., то артикуляция этого гласного начинается в славянских языках со слабого гортанного взрыва, т. е. фактически с согласного звука, который как бы входит в состав гласного, т. е. не фонологизован и, соответственно, не замечается говорящими.

Вероятно, протеза имела место перед всеми начальными гласными, но не все протетические согласные были идентифицированы с существующими фонемами, т. е. фонологизованы. В этом смысле не всегда ясен фонематический статус протетического [j] на различных этапах истории славянских языков, в том числе и старославянского языка (см. § 18). Закон открытого слога, приводивший к зияниям на стыке слов, усиливал тенденцию к фонологизации протетических звуков.

§ 23. Краткая предыстория старославянской системы гласных

Праславянский язык унаследовал из индоевропейского вокализм, который имел подсистемы кратких и долгих фонем:

<i>Краткие:</i>		<i>Долгие:</i>	
i	u	ī	ū
e	o	ē	ō
a		ā	

Кроме того, в раннем праславянском языке имелось несколько типов дифтонгических сочетаний, или дифтонгов, подвергшихся в поздний праславянский период изменениям. Эти дифтонги представляли собой бифонемные сочетания, вторым элементом которых были:

- 1) гласные верхнего подъема *i, *u — *ei, *eu, *ai, *au, *oi, *ou;
- 2) носовые сонанты *n, *m — *in, *im, *un, *um, *en, *em, *on, *om, *an, *am;

3) плавные сонанты *r, *l — *ir, *il, *ur, *ul¹, *er, *el, *or, *ol, *ar, *al.

Такая подсистема дифтонгических сочетаний сложилась после сокращения долгих индоевропейских дифтонгов², но до начала славянских монофтонгизаций дифтонгов.

Одной из особенностей, определившей своеобразие праславянской фонетической системы, была *делабиализация гласных*. Наиболее древним, видимо, было изменение *o и *ō, выделившее праславянский вокализм на и.-е. (германском, индоиранском и балтийском) фоне³, а позднее — возможно, уже после монофтонгизации дифтонгов — утратили лабиализацию *ū и *u. Уже после изменения *ō > *ā и *o > *a возникла система гласных, в которой признак лабиализованности становился избыточным и для гласных верхнего подъема, что впоследствии способствовало утрате ими лабиализованности: *ū > ū > u и *u > ъ (см. ниже и § 17). Все фонемы стали противопоставляться в первую очередь по признакам ряда и количества. Естественно, эти изменения затронули и дифтонги, число которых сократилось, но которые оставались бифонемными сочетаниями. Итак, ведущим и продуктивным признаком системы стал признак ряда, причем все гласные фонемы последовательно разделились на передние и непередние (задние):

<i>Краткие:</i>		<i>Долгие:</i>		<i>Дифтонги:</i>	
i	u	ī	ū	ei	ai
e	a	ē	ā	eu	au

Сохранялись и дифтонгические сочетания двух других типов — с носовыми и плавными:

i (+n/m/r/l)	u (+n/m/r/l)
e (+n/m/r/l)	a (+n/m/r/l).

Не исключено, что такое построение вокализма, строго подчиненное признаку ряда, явилось одним из факторов последующих изменений в системе не только гласных, но и согласных, в частности палатализаций заднеязычных согласных, которые происходили только перед гласными переднего ряда (см. § 26).

Преобразование раннепраславянской системы вокализма в позднепраславянскую, к которой непосредственно и восходит старославянская, было осуществлено в результате серии фонетических изменений, приведенных ниже.

¹ Дифтонгические сочетания *in, *im, *un, *um, *ir, *il, *ur, *ul восходят к индоевропейским долгим и кратким слоговым сонантам.

² И.-е. *āi, *ōi, *ēu, *ōu могли сохраняться в исходе флексий.

³ Ср. в балт. только *o > *a; в герм. *o > *a, но *ā > *ō; в индоир. *e/ē, *a/ā, *o/ō > *a/ā.

1. **Монофтонгизация дифтонгов на *i, *u.** Такие дифтонги находились перед согласными и в конце слова:

***ei (> *i₁)¹ > ст.-сл. /i/:**

ст.-сл. **кривъ** — лит. kreīvas,

ст.-сл. **вити** < *beitei (ср. **виж** ‘бью’ < *bьjǫ < *bijān² < *beiān),

ст.-сл. **три** (И. мн. ж. р.) < *trei (ср. И. мн. м. р. **трик** < *trьje < *treies);

***ai (> *e₂) > ст.-сл. /ě/ [в конце и в середине слова]:**

ст.-сл. **рѣцѣ** (Д. ед.) — лит. raĩkai,

ст.-сл. **снѣгъ** — лит. snaĩgala,

ст.-сл. **верѣте** ‘берите’ — греч. φέροιτε;

***ai (> i₂) > ст.-сл. /i/ [только в конце слова. Условия перехода не ясны, но скорее всего они не фонетического, а морфологического характера]:**

ст.-сл. **вери** ‘бери’ — греч. φέροις;

***eu (> *jū₂) > ст.-сл. /ju/:**

ст.-сл. **людик** — лит. liaudis, нем. Leute,

ст.-сл. **влюдж** — греч. πεύθομαι ‘распрашиваю, выведываю’,

ст.-сл. **шюи** — др.-иран. savuās ‘левый’ < и.-е. *seu-;

***au (> *ū₂) > ст.-сл. /u/:**

ст.-сл. **соухъ** — лит. saũsas, греч. αῦος,

ст.-сл. **съноу** (Р. ед.) — лит. sūnaũs, гот. sunaus,

ст.-сл. **слоути** ‘слыть’ — **словж** ‘слыву’ < псл. *slau- (ср. ст.-сл. **слово**; греч. κλέω ‘славить’).

После монофтонгизации дифтонгов *au, *eu в системе фонем снова появились лабиализованные гласные. Новая лабиализованная фонема дифтонгического происхождения *ū₂ не совпала со старой, утратившей лабиализацию и превратившейся в *y.

Если сочетание соответствующих дифтонгу фонем находилось перед гласным, то это было гетеросиллабическое сочетание фонем, т. е. его элементы находились в разных слогах, а значит, не составляло дифтонга и, соответственно, не подвергалось монофтонгизации. Ср.: ст.-сл. **вити** ‘бить’ — **виж** ‘бью’ < псл. *bei-, ст.-сл. **пѣти** ‘петь’ — **пож** ‘пою’ < псл. *rai-, ст.-сл. **плѣти** ‘плыть’ — **пловж** ‘плыву’ < псл. *rlau- (ср. лит. pláuti ‘полоскать, мыть’), ст.-сл. **милоуѣж** — **миловати** ‘проявлять сострадание’ < псл. *meilau-. Этимологически родственные корни формально и семантически могут разойтись достаточно далеко: ср. **гоумьно** ‘гумно, ток, житница’ и

¹ Индексом ₂ иногда принято маркировать гласные *i₂, *e₂ (= *e₂), *ū₂ дифтонгического происхождения для отличия их от таких же гласных монофтонгического происхождения *i₁, *e₁ (= *e₁), *ū₁, с которыми они в конечном счете совпали еще в праславянский период.

² И.-е. *ei + гласный в праславянском изменялось в *ij + гласный и соответственно в *bj + гласный.

ГОВАДО 'бык, вол' восходят к одному праславянскому корню *gau- (< и.-е. *g^wou-), оформленному разными суффиксами.

2. Монофтонгизация дифтонгов на носовые согласные. Возникновение носовых гласных также можно рассматривать как своего рода монофтонгизацию дифтонгов. Условия изменения были те же, что и в предыдущем случае: VN(T) > V̇(T) в позиции перед согласным и в конце слова, т. е. фактически в конце слога:

*un, *um, *an, *am > ст.-сл. /o/:

ст.-сл. **ДУТИ** 'дуть' < псл. *dumtei < и.-е. *dm̥- (лит. dùmti),
ст.-сл. **ПЖТЬ** < псл. *pant- < и.-е. *pont^h- (лат. pontis Р. ед.,
др.-инд. pánthās),

ст.-сл. **ЗЖБТЬ** < псл. *zamb- < и.-е. *g^womb^h- (греч. γόμφος,
лит. žam̃bas);

*in, *im, *en, *em > ст.-сл. /e/:

ст.-сл. **ПАТТЬ** 'пятый' < псл. *pent- < и.-е. *penk^wt- (греч.
πέμπτος, лит. peñktas),

ст.-сл. **ДЕСАТТЬ** 'десятый' < псл. *desimt- < и.-е. *dek^wmt- (лит.
dešim̃tas, греч. δέκατος),

ст.-сл. **КЪНАЗЪ** 'князь' < псл. *kuning- (заимствовано из герм.
*kuningaz).

Ср. разнонаправленное развитие таких сочетаний с носовыми, которые находились перед согласным (т. е. все сочетание оказывалось в одном слоге и было действительно *дифтонгическим*), и таких, в которых носовой находился перед гласным (т. е. сочетание гласного с носовым распределялось между соседними слогами и не было дифтонгическим, т. е. носовой согласный относился к следующему слогу)¹: ст.-сл. **ДУТИ** 'дуть' — **ДУМЖ** 'дую', ст.-сл. **ИТИ**, **ВЪЗАТИ** 'брать, взять' — **ИМЖ**, **ВЪЗЪМЖ** 'беру, возьму' (ср. лит. im̃ti — im̃u).

3. Преобразование дифтонгических сочетаний «гласный + плавный согласный». Изменения таких сочетаний происходили сравнительно поздно и не одновременно в разных славянских языках, поэтому их результаты варьируются. Преобразования дифтонгических сочетаний на плавный, закрывавший слог, несомненно, связаны с действием тенденции к открытому слогу, соответственно практически во всех славянских языках и диалектах закрытый слог на плавный открывался. Изменения дифтонгических сочетаний с плавными не приводили к появлению новых фонем, но меняли фонемный состав словоформ и их слоговую структуру.

Целесообразно выделить две группы таких сочетаний в позднем праславянском: одну группу составляли дифтонгические сочетания гласных *a (< и.-е. *a, *o), *e с плавными типа *(T)ART, другую — дифтонгические сочетания редуцированных гласных *ъ, *ь

¹ Такие сочетания можно назвать *тавтосиллабическими* (однослоговыми) и *гетросиллабическими* (разнослоговыми).

с плавными типа ***ТЪРТ**. В этих формулах **Т** обозначает любой согласный, **А** — гласный /а/ или /е/, **Ъ** — гласный /ь/ или /ь/, а **Р** — плавный /г/ или /л/. Формула ***(Т)ART** объединяет ***TART** с неначным (прикрытым) дифтонгическим сочетанием и ***ART** с начальным (неприкрытым) сочетанием. Поскольку редуцированные гласные не могли находиться в начале слова, то неприкрытых слогов с /ь, ь/ не было.

За. Тип ***(Т)ART: метатеза плавного**. Дифтонгические сочетания типа ***(Т)ART** переживали удлинение гласного и метатезу (= перестановку) плавного, т. е. ***(Т)ART > *(Т)RĀT**:

***(T)arT > *(T)ārT > *(T)gāT > (T)raT: нравъ, мразъ, равъ, рало, раз-;**

***(T)alT > *(T)ālT > *(T)lāT > *(T)laT: влато, младъ, ладница, лакътъ;**

***TerT > *TērT > *TrēT > *Trēt: врѣгъ, прѣдъ;**

***TelT > *TēlT > *Tlēt > *Tlēt: шлѣмъ, млѣко.**

Метатеза плавных у южных славян имела место между серединой VIII и серединой IX в. Ко времени принятия христианства этот процесс уже завершился: ср. отсутствие метатезы в заимствованиях христианской эпохи — ст.-сл. **олътарь** < лат. *altāre*, ст.-сл. **оръганъ** < греч. *ὄργανον*, ст.-сл. **Серъгини** < греч. *Σέργιος* (но ср. более древнее заимствование **рака** ‘гроб’ < гот. *arka*, лат. *arca* ‘ящик’). В некоторых древних славянских памятниках (содержащих, в частности, тексты X в.) встречаются отклонения от описанных закономерностей: ср. **валътина** ‘болото, топь’, **залътаринъ** ‘золотых дел мастер’, **палътъ** ‘кусоч ткани’, **салность** ‘солёность’ вместо **влатина**, **златаринъ**, **платъ**, **сланость**. Для начала слова ряд старославянских памятников даёт формы без перестановки, но с развитием неорганического редуцированного: **алъкати**, **алъдини** вместо **лакати**, **ладни**. Изредка встречаются написания, отражающие диалектные изменения с метатезой, но без удлинения: **ровъ**, **розвѣ**, **розмъслити** и т. п. (примеры из Супр., которая выделяется и другими особенностями).

В результате метатезы в старославянском языке могли возникать чередования: ср. **врати (сѡ)** ‘бороться’ < **bog-tei* — **ворж (сѡ)**, **воржши (сѡ)** ‘борюсь, борешься’ < **bog-i-ŕ*, **заклати** ‘заколоть’ < **kol* — **заколѣ**, **заколѣши** ‘заколю, заколешь’ < **kol-i-ŕ*, **врѣма** ‘груз’ < **ber-me* — **верж** ‘собираю’ < **ber-ŕ*. Перед согласным плавный дифтонгического сочетания подвергался метатезе, а перед гласным в корне сохранялась этимологическая последовательность фонем.

Праславянские дифтонгические сочетания типа ***(Т)ART** изменялись неодинаково в различных группах славянских языков. В южнославянских языках, а также в чешском и словацком происходило удлинение гласного, сопровождавшееся метатезой, как и в старославянском языке: ст.-сл. **градъ**, **глава**, **врѣза**, болг. *град*, *глава*, *брѣза*, с.-х. *град*, *глава*, *брѣза*, чеш. *hrad*, *hlava*, *bříza*, словц. *hrad*, *hlava*, *breza*.

В лехитско-лужицкой группе западнославянских языков либо имела место метатеза без удлинения (*TORT > *TROT¹), либо — что более вероятно — после плавного развивался вставной гласный (как и у восточных славян; см. ниже) с последующим перераспределением гласности (*TORT > *TORəT > *TəROT > *TROT; ср. пол. *gród, głowa, brzoza*). Дошедшие до нас записи полабской речи позволяют предположить, что в этом окраинном западнославянском языке соответствующие сочетания с [r] сохраняли закрытый слог: полаб. *storna* ‘сторона’, *morz* ‘мороз’ и др.²

Восточнославянские языки в положении между согласными развивали — через стадию вставного гласного после плавного — так называемое *полногласие*: *TART ≥ *TORT > *TORəT > *TOROT (ср. *morz- > *mogəz- > др.-рус. *морозъ* > рус. *мороз*; *berg- > *berəg- > др.-рус. *верегъ* > рус. *берег*). Полногласие, возникнув в результате древнерусского звукового изменения, стало отличительной чертой лексики русского, украинского и белорусского языков: ср. рус., укр. *морóz*, бел. *марóз*, но ст.-сл. *мразъ*, болг., мак. *мраз*, с.-х. *mráz*, слвн. *mráz*, чеш., слвц. *mráz*, пол., в.-луж. *mróz*, н.-луж. *mroz*, полаб. *morz*.

В начале слова у восточных славян удлинению гласного зависело от слоговой интонации (слогового тона) на дифтонгонгическом сочетании. Если сочетание с плавным имело восходящую интонацию, то происходила метатеза плавного с удлинением гласного и получалась форма с начальным *ra-, *la- (*ardl- > *rād̥l- > *рало* ‘плуг’, *alk- > *lāk- > *лакомъ* ‘жадный, алчный’). Если же интонация была нисходящей, то метатеза не сопровождалась удлинением и на месте праславянского начального сочетания гласного с плавным в древнерусском языке выступала форма с начальным *ro-, *lo- (*arb- ≥ *orb- > *rob- > *робъ*; *alkuti- > *olkuti- > *lokuti > *локъть*).

Следует также иметь в виду, что у восточных славян (как и у предков лужичан и кашубов) еще до начала изменения дифтонгических сочетаний с плавными псл. *TelT переходило в *TolT, поэтому в др.-рус. *TelT > *TolT > *ToləT > *ToloT. Этим объясняется отсутствие исконных (незаимствованных из старославянского) древнерусских форм типа ***TeleT: ср.: псл. *melko > др.-рус. *molko > *moləko > рус. *молоко*, но ст.-сл. *млѣко* (откуда рус. *Млечный Путь*). Если же согласный перед *е в *TelT был палатальным рефлексом 1-й палатализации (см. § 26), то рефлексом полногласия было *ело*: ср. *xelm- > *š'elmb > *š'eləmb > *шеломъ* (ср. ст.-сл. *шлѣмь*, откуда заимствовано и рус. *шлем*).

¹ Для этой группы, а также для в.-слав. языков, которые переживали эти изменения позже ю.-слав. и после изменения краткого *a в /o/, используется формула *TORT (<*TART) (см. п. 4).

² Параллельно этому, видимо, не развивались и носовые гласные: ср. полаб. *ronka, runka* ‘рука’.

36. Тип *ТЪРТ: возникновение слоговых плавных. При изменении сочетаний типа *ТЪРТ в старославянском (как в других южнославянских, а также чешском и словацком языках) возникали слоговые плавные (*ТЪРТ > *TRṬ):

*TirT/*TurT > *TьrT/*TьrT > *TṛT,

*TilT/*TulT > *TылT/*TылT > *TṭT.

Старославянские памятники обозначают слоговые плавные сочетанием букв «плавный + редуцированный» (как правило, для сочетаний всех типов используется ъ): **трьгъ** [trǣǵ], **врѣхъ** [wřxъ], **стлѣпъ** [stlǣpъ], **влѣкъ** [wlǣkъ]. Подобные написания в системе старославянской графики оказывались двузначными, так как аналогичным же образом передавались на письме сочетания плавных с редуцированными, восходившие к праславянским *TьrT, *TьT, *TьT, *TьT. Последние не противоречили закону открытого слога (и восходящей звучности): **крѣвь** [krǣvъ], **плѣтъ** [plǣtъ], **грѣмѣти** [grǣmǣti], **слѣза** [slǣza]. После падения редуцированных гласных в корнях этого типа возникли так называемые *вторичные слоговые плавные*: **крѣвь** [krǣv], **плѣтъ** [plǣt], **грѣмѣти** [grǣmǣti], **слѣза** [slǣza], которые совпали с теми, что появились в результате действия закона открытого слога.

Таким образом, возникновение вторичных слоговых плавных было одним из следствий падения редуцированных. Сначала количество форм со слоговыми плавными увеличилось за счет корней типа *TRṬ в тех случаях, когда редуцированный находился в слабой позиции: после выпадения слабого редуцированного слоговую функцию принимал на себя плавный: *slǣza > slǣza, *krǣwawъ > krǣwawъ и т. п. В орфографии старославянских памятников этот процесс практически не отражается, хотя иногда в рукописях встречаются написания и без ъ/ь типа **слза**, **крве**, **окрстъ**, которые более точно передают фонемный состав корня.

Затем в результате действия морфологической аналогии вторичные слоговые плавные распространились и на формы, в которых редуцированные были сильными и прояснялись: например, **крѣстъ** [krǣstъ] > **крестъ** [krest] ⇒ **крстъ** ~ **крѣстъ** [krǣst] по аналогии с формами косвенных падежей **крѣста** [krǣsta] > **крста** ~ **крѣста** [krǣsta]. Написание в этом слове ъ вместо ь говорит о том, что редуцированного уже нет, а сочетание **ръ** между согласными передает слоговой плавный.

Итак, старославянский язык не сохранил различий между сочетаниями *TьrT и *TьT, а также между *TылT и *TылT, так как слоговые плавные не различались по твердости/мягкости. Также вследствие развития вторичных слоговых плавных не сохраняется различие между сочетаниями типа *ТЪРТ и типа *TRṬ. Если сравнить старославянские формы с современными русскими соответствиями, то можно увидеть, что русский литературный язык

сохраняет этимологическое различие в паре *ТѣгТ и *ТѣгТ, но не в паре *ТѣТ и *ТѣТ: ср. *верх* — *торг*, но *столн* — *волк*. Кроме того, русский язык сохранил этимологическое различие между сочетаниями типа *ТѣРТ и типа *ТѣТ: ср. *столн* — *плоть*, *торг* — *кровь*, *верх* — *греметь*, *волк* — *слеза* и т. п. Таким образом, материал русского языка позволяет различать первичные и вторичные слоговые плавные в старославянском языке, а также дает возможность определить, какой редуцированный был в праславянских формах, к которым восходит старославянский слоговой плавный [r].

4. Возникновение редуцированных гласных. Еще одним важным событием в истории праславянского вокализма была централизация кратких гласных верхнего подъема, т. е. смещение их к центру артикуляционного треугольника. Централизация (понижение подъема) гласных *i и *u, видимо, сопровождалась их количественной редуциацией в безударных позициях, а для *u также и дальнейшим ослаблением лабиализации. Соответственно в системе вокализма появились редуцированные гласные: *i > ъ, *u > ъ.

Такие изменения, как делябиализация гласных, монофтонгизация дифтонгов на *i и *u, возникновение носовых гласных в подсистеме долгих и редуцированных гласных в подсистеме кратких в конечном счете настолько усложнили славянский вокализм, что различительный признак долготы/краткости перестал удовлетворять потребностям системы. Поэтому в поздний праславянский период произошел так называемый переход от «количественных» (по долготе/краткости) различий между гласными к «качественным» (по напряженности/ненапряженности и подъему). В целом этот переход может быть описан при помощи следующих соответствий:

*ī > i	*ū > u
*ī > ъ	*ū > ъ
*ē > e	*ā > o
*ē̄ > ѓ	*ā̄ > a

§ 24. Аблаут

В старославянском языке есть чередования гласных, которые невозможно объяснить на собственно славянском материале, так как они не являются результатом праславянских фонетических изменений. Таково чередование e//o в корнях ст.-сл. слов *везж* — *возъ*, *гребж* — *гробъ*, *съверж* — *съворъ*. То же самое мы видим и в других славянских языках (ср. рус. *везу* — *воз*, *гребу* — *гроб*, *соберу* — *собор*). Поскольку аналогичные чередования имеются и в других индоевропейских языках (ср. лат. *tegō* ‘покрываю’ — *toga* ‘тога’, *regō* ‘правлю’ — *rogus* ‘костер’; греч. λέγω ‘говорю’ — λόγος ‘слово’, φέρω ‘несу’ — φόρος ‘дань’), ученые предполагают, что они унасле-

дованы из и.-е. праязыка, в котором уже утратили фонетический характер и превратились в морфологическое и словообразовательное средство. Этот тип чередований принято называть *аблаутом* (нем. Ablaut), или *апофонией* (франц. apophonie). Итак, чередование по аблауту — это морфологическое чередование гласных в индоевропейском праязыке.

Нормальной ступенью аблаута считается гласный *e, а гласный *o — его качественной ступенью, соответственно *e//*o представляет собой качественный аблаут. Кроме того, в состав чередований по аблауту входили также нулевая ступень *∅ (результат редукции гласного) и продленная ступень *ē, у которой тоже была своя качественная ступень *ō¹. Таким образом, полный состав чередования по аблауту мог состоять из пяти ступеней, однако весь ряд редко бывает представлен в одной морфеме. Происхождение аблаута и различных его ступеней является предметом индоевропейского сравнительно-исторического языкознания. Старославянский язык отражает аблаутные чередования в преобразованном виде. Кроме того, к концу праславянского периода они утратили продуктивность.

На базе и.-е. аблаута в праславянском языке сформировался следующий ряд чередований *e//*o//*ē//*ō//*i//*u//*ī//*ū, который в процессе фонетических и некоторых морфонологических изменений преобразовался в ряд e//o//ĕ//a//ь//ъ//i//y, или ст.-сл. *основной ряд* e//o//ĕ//a//ь//ъ//и//ы, ср. псл. корни *rek- и *tek-, представленные на разных ступенях чередования в ст.-сл. {рек}ж — про{рок}ъ — на{рѣк}ати — {ръц}и — про{рниц}ати и {тѣк}ж — по{ток}ъ — {тѣ}хъ — ис{тач}ати — {тыц}и — ис{тниц}ати.

Еще более глубокие изменения произошли в тех случаях, когда чередования по аблауту *e//*o//*∅ (ср. рекж — рокъ — рьци) происходили в дифтонгических сочетаниях.

В индоевропейском праязыке нулевая ступень дифтонгического сочетания на носовой (n и m) и плавный (r и l) могла реализоваться в виде слогового сонанта *en//*on//*∅n > *en//*on//*ŋ, *er//*or//*∅r > *er//*or//*r̥. В позднем праславянском и.-е. слоговые сонанты отражены как дифтонгические сочетания редуцированных с сонантом: *ŋ > ъп/ъп, *r̥ > ьг/ьг, которые, как и нормальная ступень чередования, изменялись в соответствии с законом открытого слога (см. § 23, п. 2): ср. псл. *wert-//*wort-//*wьrt- > ст.-сл. врьма — врата — врьтѣти (ср. завора ‘засов’ < *-vog- + гласный), псл. *rent-//*ront-//*ръnt- > ст.-сл. пропрати ‘растянуть, распять’ — пжта ‘оковы, пути’ — пропнж ‘распну’ (ср. опона ‘завеса’ < *-rop- + гласный).

Нулевая ступень дифтонгических сочетаний на *i и *u представляла собой сами эти гласные *i и *u, которые в праславянском

¹ Некоторые индоевропейцы различают нулевую ступень и ступень редукции. Различают также ступени редукции кратких и долгих гласных.

отражались в виде /ь/ и /ъ/, а дифтонги подвергались монофтонгизации (см. § 23, п. 1):

*eī // *oi // *øī > *ī₂ // *ē₂ // *i > i // ё // ь (ср. ст.-сл. **цвисти — цвѣтъ** — **цвѣтъ**);

*eu // *ou // *øu > *jū₂ // *ū // *u > ü // u // ъ (ср. ст.-сл. **блюдъ — боудити — бѣдѣти**).

Таким образом, в старославянском языке параллелизм индоевропейских чередований типа *e//*o//*ø в дифтонгических сочетаниях полностью утратился.

§ 25. Из предыстории старославянской системы согласных: раннепраславянские изменения и переход *s > *x

После резкого сокращения числа согласных фонем в ранний праславянский период, в частности после утраты и.-е. придыхательных смычных и палатальных согласных, славянская система консонантизма с начала нашей эры стала пополняться новыми фонемами. Наиболее важные изменения происходили в конце праславянского периода, предположительно на протяжении V—IX вв. Они известны в славистике как 1-я, 2-я и 3-я палатализации заднеязычных согласных и изменения сочетаний согласных с *j. Эти изменения привели к возникновению, а затем и увеличению числа палатальных согласных. Однако прежде чем говорить о палатализациях заднеязычных согласных, следует отметить такое изменение, как возникновение фонемы *x, поскольку если праславянские заднеязычные *k и *g были унаследованы из праиндоевропейского, то *x является славянским новообразованием.

Изменением, которое привело к появлению в праславянском языке фонемы *x, был переход единственного и.-е. щелевого согласного *s в *š (предположительно, это мог быть ретрофлексный¹ согласный) после *ī/*ī̄, *ū/*ū̄, *r, *k. Этот переход, известный в индоевропеистике и славистике под сокращенным именем *правило RUKI*, затронул индоиранскую и балто-славянскую зоны позднеиндоевропейских диалектов: в индоиранском и литовском *š из и.-е. *s в целом сохранил свою артикуляцию, в латышском и древнепрусском рефлексом *š был *s, а в праславянском *š из и.-е. *s дал новую заднеязычную (велярную) фонему *x.

В праславянском языке условия изменения были следующие: и.-е. *s (> *š) > псл. *x в позиции после *ī/*ī̄, *ū/*ū̄, *r, *k, если непосредственно за *s не следовал согласный: ст.-сл. **мѣхъ** ‘мех,

¹ *Ретрофлексными* называют переднеязычные согласные, при образовании которых передний край и кончик языка подняты вверх и загнуты назад (таковы, например, русские согласные [ʂ] и [ʐ]).

бурдюк' < псл. *maisas (лит. *maišas*); ст.-сл. **приходъ**, **прѣходити** < псл. *prīsādas, *persāditei (др.-инд. *ā-sad-*); ст.-сл. **снѣха** < псл. *snusā (др.-инд. *snudṣā*); ст.-сл. **врѣхъ** < псл. *virsus (лит. *viršùs*). Отсутствие изменения перед согласным иллюстрируют родственные старославянские формы: ср. **прахъ** 'пыль' < псл. *raḡx < *parsas и **прѣсть** 'земля, пыль' < псл. *pirstis (ср. латыш. *pārsla* 'снежинка', др.-исл. *fors* 'водопад'). В первом слове /x/ < *s появилось после *г согласно правилу перехода *s > *x, а во втором переход отсутствует, поскольку за *s идет согласный. Ср. также отсутствие изменения *s > *x перед согласным в ст.-сл. **истѣин** 'настоящий, тот самый' < и.-е. *isto-, ст.-сл. **блискъ** 'молния' < и.-е. *b^hleisk-.

Итак, истоки праславянского перехода *s в *x были достаточно древними, может быть позднеиндоевропейскими. Во-первых, он происходил до окончательного завершения в праславянском языке изменения палатального *k' в *s. Это вытекает из того, что *s из и.-е. *k' не переходило в *x после *ī, *ī̄, *ū̄, *ÿ по «правилу RUKI», т. е. это /s/ еще не совпало с исконным и.-е. *s¹. Этим объясняется то, что в ст.-сл. **вьсь** 'деревня' < и.-е. *wik'- (лат. *vīcus* 'селение', гот. *weihs*, др.-инд. *viś-* 'племя'), ст.-сл. **писати** < *peik'ātei (греч. *ποιχίλος* 'пестрый', лат. *pingo* 'рисую') перехода *s > *x нет.

Во-вторых, переход *s > *x имел место до упрощения групп согласных: ср., с одной стороны, ст.-сл. **хѡудъ** 'слабый' < псл. *xaud < псл. *kxoud- < и.-е. *ksoud- (др.-инд. *kṣódati* 'толочь, дробить'), а с другой — **роусъ** 'светловолосый' < псл. *raus- < псл. *rouds- < и.-е. *roud^hs- (греч. *ἔρουθρός* 'красный'). Первое слово указывает на то, что *x появился до утраты начального *k, а второе — на то, что после изменения *ds > *s наличие *u перед *s не приводило к его изменению в /x/, т. е. процесс уже завершился.

Кроме того, [x] в славянских языках мог появиться в словах звукоподражательного происхождения (таких, как ст.-сл. **хлѡпати** 'нищенствовать, побираться', ст.-сл. **хлѡпати** 'кусать', ц.-сл. **хѡхотати**, рус. *хрипеть*, *хлюпать*, *хлопать*). Еще один источник [x] в славянских языках — заимствования: ст.-сл. **хоржгы** 'скипетр' из герм. *hogungō (гот. *hrugga* 'палка, посох'), ст.-сл. **хлѣвъъ** из гот. *hlaifs*, ст.-сл. **христ(ос)ъ** / **хрьст(ос)ъ** 'помазанник, мессия' из греч. *χριστός*. Наличие [x] в германских заимствованиях I—II вв. н. э. указывает на время перехода *s > *x — не позже II в. н. э.

В дальнейшем псл. *x из и.-е. *s, будучи заднеязычным, изменялся в процессе палатализаций: ср. ст.-сл. **мѣшь** (по 1-й палатализации; см. § 26) < псл. *mūxis < *mūsis (греч. *μῦς*, лат. *mūs*). Та-

¹ С учетом этого реконструируют промежуточные этапы изменения: *k' > *c' (или *c) > *s. Соответственно, когда *s переходил в *š или *x, на месте и.-е. *k' был еще *c' (или *c), а не *s.

ким образом, хронологически изменение *s > *x предшествует 1-й палатализации, хотя есть и другие точки зрения на относительную хронологию этих изменений.

§ 26. Палатализации

Палатализациями в исторической фонетике называют звуковые изменения, в результате которых твердые согласные становятся мягкими (палатальными или палатализованными) перед гласными переднего ряда.

В палеославистике под палатализациями традиционно понимают праславянские изменения («переходы») заднеязычных (велярных) согласных *k, *g, *x в мягкие шипящие и свистящие согласные перед и после гласных переднего ряда. Обычно различают три таких палатализации: 1-ю, 2-ю и 3-ю. Две из них (1-я и 2-я) были *регрессивными*, поскольку происходили под влиянием следующего гласного, и одна *прогрессивной*, при которой смягчающее воздействие на заднеязычный оказывал предшествующий гласный (3-я палатализация). Эти палатализации осуществлялись в системе, которая не знала фонологического противопоставления палатализованных и непалатализованных согласных (см. § 18), поэтому они привели к появлению новых палатальных фонем на месте заднеязычных. Соответственно эти палатализации называют «переходными»: заднеязычные как бы «перешли» в мягкие шипящие и свистящие согласные.

Важнейшим системным результатом палатализаций было пополнение состава согласных фонем позднего праславянского языка: в результате 1-й палатализации возник «шипящий» палатальный ряд, а 2-я и 3-я палатализации привели к появлению «свистящего» палатального ряда. Первоначальные палатальные фонемы, возникшие в процессе палатализаций, подвергались последующим изменениям в разных славянских языках и диалектах (например, могли отвердевать).

Кроме того, палатализации явились источником чередований, игравших существенную роль в старославянском склонении и спряжении, а также в словообразовании.

1-я палатализация

Приблизительно в V—VI вв. заднеязычные в позиции перед гласными переднего ряда *ī, *i, *ē, *e изменились в мягкие шипящие: *k > *č', *g > *ž', *x > *š':

ст.-сл. чрънъ < псл. *č'ьrn- < псл. *kīrn- (прус. kīrsnan),

ст.-сл. **кричати** < *krīč'ātei < *krīkētei (ср. лит. *krykti* 'пронзительно визжать'),

ст.-сл. **жена** < *genā (ср. греч. γυνή),

др.-рус. **живѣ** < псл. *gīw- (лит. *gyvas*),

ст.-сл. **тншина** < *teiš'inā < *teixinā (ср. ст.-сл. **тихъ**) < *teisinā (ср. лит. *teisūs* 'справедливый').

Это изменение называют 1-й палатализацией заднеязычных. Условиям данной палатализации подчинялись и заднеязычные перед неслоговым *i, который оказывался перед гласным: *dauxiā > *dauš'jā > *duš'a = **доуша**. Позднее сочетание рефлекса заднеязычного и неслогового *j (> *j), т. е. будущего «йота», в позиции перед гласным совпало с рефлексом первой палатализации, т. е. *xja > *š'ja > *š'a и т. д.

С фонетической точки зрения 1-я палатализация представляла собой регрессивную аккомодацию, т. е. приспособление согласного к тембру следующего гласного, что отражало тенденцию к внутри-слоговому сингармонизму (см. § 22). Первоначально рефлексами заднеязычных по 1-й палатализации были палатальные, т. е. среднеязычные согласные, причем взрывной *g на одном из этапов изменения имел в качестве рефлекса аффрикату [ʒ']=[dʒ'] (звонкий коррелят [č']=[tʃ']), которая рано утратила затвор и превратилась в щелевой согласный [ž']. Однако традиционно рефлексами 1-й палатализации считаются мягкие шипящие (двухфокусные) согласные, а сама эта палатализация может быть названа «шипящей».

К 1-й палатализации примыкает изменение *ē > *ā после палатальных согласных, которое закрепило фонологизацию ее шипящих рефлексов: ср. *bēgētei > *bēž'ētei > *bēž'ātī > **вѣжати** (не ***вѣжѣти**, ср. не после палатального *sēdētei > *sēdētī > **сѣдѣти** 'сидеть'). До перехода *ē > *ā согласные [č'], [ž'], [š'] (< *k, *g, *x соответственно), появившиеся на месте велярных перед гласными переднего ряда по 1-й палатализации, могли трактоваться как аллофоны этих велярных, так как их появление было позиционно обусловлено следующим гласным переднего ряда. После же перехода *ē > *ā палатальные согласные оказались возможны и перед гласным непереднего ряда [a], т. е. стали противопоставляться заднеязычным в одной и той же позиции: ср. ст.-сл. **касати са** — **часъ** < *kēsas (др.-прус. *kīsmān* < *kesmān 'время, минута'). А это значит, что палатальные согласные функционально окончательно отделились от заднеязычных и стали самостоятельными фонемами.

Рефлексы 1-й палатализации широко представлены в морфологических чередованиях старославянского языка: ср. в основах на заднеязычные **чловѣкъ** — **чловѣче** (Зв.), **дрюгъ** — **дрюже** (Зв.), **женихъ** — **женише** (Зв.); в спряжении настоящего времени **рекж** — **речеша**, **речетъ**; в аористе **двигъ** (1 ед.) — **двигъ**

же (2 и 3 ед.); в словообразовании пророкъ — пророчьскъ, грѣхъ — грѣшьнъ и т. п.

2-я палатализация

Сразу после 1-й палатализации началась монофтонгизация дифтонгов (см. § 23, п. 1), в результате которой появились новые сочетания заднеязычных согласных с гласными переднего ряда, возникшими из дифтонга *ai. 2-я палатализация, так же как и 1-я, имела место перед гласными переднего ряда, но происходила перед новыми, возникшими из *ai гласными переднего ряда *ē (*ě₂), *ī. Соответственно рефлексы 2-й палатализации мы находим перед *ě и *ī дифтонгического происхождения. По характеру рефлексов эту палатализацию иногда называют «свистящей», так как в большинстве славянских диалектов, в том числе в солунском говоре, заднеязычные согласные по условиям 2-й палатализации изменялись в мягкие свистящие *k > *ć, *g > *ǰ (=dʒ), *x > *š:

ст.-сл. **цѣль** < *čel- < *kē₂l- < *kail- (гот. *hails* ‘здоровый’),

ст.-сл. **вѣци** < *wǰcū₂ < *wilkai (лит. *vilkaĩ*),

ст.-сл. **зѣло** ‘очень’ < *žěl- < *gē₂l- < *gaila (лит. *gailūs* ‘резкий’),

ст.-сл. **сѣдъ** ‘седой’ < *šěd- < *xē₂d- < *xaid- (родственно посл. *šěgъ ‘серый’, ср. др.-исл. *harr* < герм. *haira-).

Особым случаем 2-й палатализации является изменение сочетания заднеязычного с *w в позиции перед *ě или *ī дифтонгического происхождения. В некоторых праславянских диалектах глайд [w] оказался проницаемым для палатализирующего воздействия переднего гласного на заднеязычный согласный в позиции 2-й палатализации. Такая дистантная палатализация имела место в южнославянских (соответственно и в старославянском) и восточнославянских (непоследовательно) говорах:

ст.-сл. **цвѣтъ** < *kwē₂тъ < *kwait- (бол. *цвет*, рус. *цвет*, рус. диал. *квет*, укр. *цвіт/квіт*, пол. *kwiat*),

ст.-сл. **звѣзда** < *gwē₂zda < *gwaizdā (пол. *gwiazda*, лит. *žvaigždė*),

ст.-сл. **вѣсьви** И. мн. < *wǰxwī₂ < *wulxwai (ср. **вѣхвъ** И. ед., болг. *вѣхва* ‘волшебник’).

Центр 2-й палатализации, где она осуществилась наиболее последовательно и откуда распространялась на другие славянские территории, находился в пределах расселения южных славян. Хотя в целом тенденция к смягчению заднеязычных имела место во всех праславянских говорах, некоторые периферийные (например, северо-западные восточнославянские) говоры были охвачены ею слабее, чем славянский юг. У западных славян *x по условиям 2-й (и 3-й — см. ниже) палатализации изменялся в *š, совпав с рефлексом 1-й палатализации, а дистантная палатализация перед

*w отсутствовала. В одном из восточнославянских диалектов, а именно в древненовгородском, 2-я и, возможно, 3-я палатализации не осуществились, во всяком случае в том виде, в каком они происходили в других праславянских диалектах, т. е. не давали свистящих рефлексов. Таким образом, 2-я палатализация была первым крупным праславянским изменением, которое давало расхождения по славянским языкам и диалектам.

Рефлексы 2-й палатализации, как и 1-й, представлены в морфологических чередованиях старославянского языка, особенно широко в именном склонении:

чловѣкъ — **чловѣцѣ** (М. ед.) — **чловѣци** (И. мн.),

дрогъ — **дрогъцѣ** (М. ед.) — **дрогъци** (И. мн.),

женихъ — **женицѣ** (М. ед.) — **женици** (И. мн.),

рѣка — **рѣцѣ** (М. ед.),

нога — **ногъцѣ** (М. ед.),

снѣга — **снѣгъцѣ** (М. ед.);

ср. также в императиве: **рѣкж** — **рѣцѣте** (пов. 2 мн.).

О рефлексах 2-й палатализации *k, *g в позиции после *s см. также § 28 (п. 3).

3-я палатализация

Рефлексы 3-й палатализации совпали с рефлексами 2-й палатализации. Это были мягкие свистящие согласные. Однако условия обеих палатализаций были различными, в известном отношении противоположными: 2-я палатализация была регрессивной, 3-я — прогрессивной.

По 3-й палатализации заднеязычные согласные изменялись в палатальные свистящие: *k > *č, *g > *ǰ = dʒ, *x > *š (в з.-слав. языках *x > *š'). Это происходило в положении после *i (<*ī), *ь (<*ī), *e (*ĭn)¹, т. е. после гласных переднего ряда (но не после *e < *e и *ě < *ē!), причем только в том случае, если непосредственно после заднеязычного не шел согласный или гласные *у, *ь (восходящие к древним лабиализованным *ū, *ÿ):

ст.-сл. **лице** 'лицо' < *lice < *lića < *lika; **нарицати** 'называть, вызывать' < *na-rićati < *nā-rićātei (но **прѣрѣкати** 'уговаривать, прекословить' < *prě-rěkati < *per-rěkātei, поскольку *ē (= ě) не создавал условий для палатализации следующего заднеязычного);

¹ Соответственно 3-я палатализация имела место после появления носовых гласных, но до совпадения носового *ī < *in (**ѡзѡ** 'болезнь' < *iŷa < *ingā, **заяць** 'заяц' < *zajjě < *zājinkas) и носового *e < *en (**исакати** < *isekati < *issenkātei; **присага** < *prisęga < *prisęgā; **тѣгота** < *teḡota < *tengatā), поскольку закономерные рефлексы 2-й палатализации отсутствуют после *e из *en, а *e и *i совпали во всех славянских языках.

ст.-сл. **стѣѡа** ‘дорога, тропа’ < *stęža < *stęga < *stigā (латыш. *stiga*, греч. *στῆχος* ‘ряд’);

ст.-сл. **польѡа** ‘польза’ < *polъža < *paligā;

ст.-сл. **кѣнаѡа** ‘князя’ Р. ед. < *кѣнеѡа < *kuningā (заимств. из герм. *kuningaz* И. ед.); в И. ед. **кѣнаѡъ**, где 3-я палатализация не должна была происходить перед *ъ < *ÿ, рефлекс палатализации /ǰ/ появился по аналогии с другими формами парадигмы, т. е. *кѣнеѡъ > *кѣнеѡǰъ > **кѣнаѡъ** по аналогии с **кѣнаѡа**, **кѣнаѡю** и др.;

ст.-сл. **вьсе** ‘всё’ И.-В. ед., с. р. < *wъse < *wъsa < *wъxa < *wisa (лит. *visas*).

Наблюдается отсутствие рефлекса 3-й палатализации в словах, этимологически однокоренных приведенным выше, если за велярным согласным следует /ъ/ < *ÿ и /у/ < *ÿ или какой-либо согласный: ст.-сл. **льгѡко** ‘легко’ и **льгѡи** ‘облегчение’ (ср. **польѡа**), ст.-сл. **кѣнаѡѡи** ‘княгиня’ (ср. **кѣнаѡъ**), ст.-сл. **стѣгна** ‘улица’ и **постѣгнѡти** (ср. **стѣѡа**). Ср. также другие примеры на отсутствие рефлекса палатализации при наличии следующего за велярным согласного: ст.-сл. **играти**, **мыѡа**, **стѣкло** и др.

Рефлекс 2-й и 3-й палатализаций [ǰ] в последствии отвердел ѡ > ѡ(=dǰ), а затем в большинстве славянских языков (за исключением польского и частично македонского) утрачивается смычка dǰ > z, что, в частности, отражается и старославянскими памятниками, которые смешивают буквы ѡ/з и ѡ⁰/з (см. § 16): ср. этимологически незакономерные написания **польѡа**, **проѡвѡе**, **ноѡѡ** и под.

3-я палатализация, как и 2-я, распространялась с территории южных говоров праславянского языка. В частности, старославянские памятники последовательно отражают ее результаты. Восточнославянская территория была охвачена 3-й палатализацией в значительно меньшей степени, а в древненовгородском диалекте 3-я палатализация, как и 2-я, возможно, не осуществлялась: ср. написание в новгородской берестяной грамоте № 390 конца XIII в. **вохо мое** /wɔ moje/ ‘всё моё’, отражающее характерное для древненовгородского диалекта отсутствие рефлекса 3-й палатализации в местоимении с. р. (ср. ст.-сл. **вьсе**). Многие слова с рефлексом 3-й палатализации заимствованы в русский литературный язык через церковнославянский из старославянского: **восклиѡать** (ср. ст.-сл. **клицати** ‘кричать’ и рус. *кликать*), **польѡа** (ср. ст.-сл. **польѡа**, **польѡевати** ‘приносить пользу’ и рус. диал. *польѡа*), **состѡяться** (ср. ст.-сл. **стѡѡзати сѡ** ‘спорить’), **мерѡать** (ср. ст.-сл. **помѡрѡати** ‘меркнуть’ и рус. *смеркаться*) и т. п.

Рефлексы 3-й палатализации широко представлены главным образом в конце основы и в суффиксах **-ѡць**, **-ѡце**, **-ѡца**, **-ѡиць**, **-ѡица** (**ловѡць**, **срьдѡце**, **двѡрьѡца**, **корѡвиць**, **оѡвѡница**, **рѡвица**). Распределение рефлексов 3-й палатализации носило в значительной степени не

фонетический, а морфологический характер: ср. отсутствие рефлексов палатализации в суффиксах **-икъ**, **-ьникъ** существительных м. р. типа склонения на *о и наличие такого рефлекса в этимологически родственных суффиксах **-ица**, **-ьница** существительных м. и ж. р. типа склонения на *а (см. § 48). Отсутствие ожидаемых рефлексов 3-й палатализации в суффиксах прилагательных **тѣжъкъ**, **горькъ** и наречий **тѣжъко**, **горько** могло быть результатом влияния суффикса **-тъкъ** прилагательных **льгътъкъ** и **сладътъкъ** на корни, оканчивающиеся палатальным согласным¹. На основе фонетических условий 3-й палатализации возникли чередования в однокорневых глаголах, относившихся к разным глагольным классам, типа **подвизати сѧ** ‘двигаться/двинуться’ (3-й класс; о глагольных классах см. § 71) и **подвигнѣти сѧ** (2-й класс). Под эту модель чередования подстраиваются глаголы, в которых не было условий для осуществления 3-й палатализации: **навѣцати** ‘учиться, познавать’ — **навѣкнѣти** < *na-vyk-a-ti — *navuk-ŋo-ti, **осѧзати** ‘ощупать’ — **осѧгнѣти** < *o-seg-ati (< *a-seng-ā-tei; после *ę из *ep палатализация не происходила) — *o-seg-ŋo-ti. Также по аналогии появилась форма **блисцати сѧ**², где 3-я палатализация после /s/ не должна была происходить (ср. **искати**, **пискати** ‘свистеть’ и т. п.). Рефлекс 3-й палатализации после *ыг из *ig в слове **помръцати** ‘меркнуть’ такого же морфологического происхождения: **помръцати** — **помръкнѣти**.

Итак, 3-я палатализация отражается непоследовательно во всех славянских языках, в то время как 2-я палатализация не охватила некоторые окраинные славянские диалекты, в частности восточнославянский северо-запад, но в тех диалектах, где 2-я палатализация имела место, она проходила довольно последовательно.

Соотношение 2-й и 3-й палатализаций

3-ю, прогрессивную, палатализацию часто называют *бодуэновской*, по имени И. А. Бодуэна де Куртенэ, который был одним из первых, кто попытался сформулировать ее условия. Однако до сих пор нет единства мнений по многим вопросам, связанным с этой палатализацией³.

¹ Ср. нередкость таких контекстов: **горькоє сладько сътворивъ** (Супр. 430, 18–19) ‘горькое превратил в сладкое’; **растворен [...]** **горькъжъ водъ въ сладькъжъ** (Евх. 206 15) ‘претворяющий горькую воду в сладкую’.

² В Супр. отмечена фонетически закономерная форма **блисцати сѧ** ‘сверкать’ (ср. также **блискъ** ‘молния’).

³ Более чем столетняя дискуссия по вопросам, связанным со 2-й и 3-й палатализациями, обстоятельно рассмотрена в работе голландского лингвиста Виллема Вермеера: *Vermeer W. Comedy of errors or inexorable advance? Exploring the dysfunctionality of the debate about the progressive palatalization of Slavic // Dutch Contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists, Ljubljana: Linguistics. Amsterdam; New York, 2003.*

Во-первых, предметом дискуссий долгое время являются условия и рефлексы заднеязычных по 3-й палатализации. В частности, не ясно, какие гласные, следовавшие за заднеязычным, препятствовали палатализации. Предлагался различный набор этих гласных: 1)*ъ, *и, *о, *ѳ; 2)*ъ, *и, *ѳ; 3)*oi, *ѳ; 4)*ъ, *и. Сам Бодуэн де Куртенэ считал, что важную роль в изменении играло ударение, но эта гипотеза не получила подтверждения. Спорным является и то, какие согласные — палатальные или палатализованные — возникали в процессе этой палатализации, а кроме того, совпадали или нет первоначально рефлексы 2-й и 3-й палатализаций. Высказывалось мнение, впрочем ничем не обоснованное, что первоначально 2-я палатализация давала палатализованные («полумягкие») свистящие, а 3-я — палатальные («более мягкие») свистящие.

Во-вторых, отдельную, хотя и связанную с перечисленными вопросами, проблему составляет относительная и абсолютная хронология и распространенность 3-й палатализации. Какая палатализация древнее — 2-я (А. Мейе, А. Вайан и др.) или 3-я (Х. Педерсен, Н. С. Трубецкой и др.)? Все ли славянские языки и диалекты были охвачены 3-й палатализацией и в какой степени? Наиболее убедительным аргументом в пользу большей древности 2-й палатализации остается отмеченное еще А. Мейе соотношение форм, где заднеязычный находится в позиции обеих палатализаций: если 2-я палатализация древнее 3-й, то форма местоимения **въсѣхъ** (М. мн.) — фонетически закономерна (ср. *wixaixu > *wъxĕxъ > *wъśĕxъ), а форма существительного **отъцихъ** (М. мн.), входившая исконно в твердый тип склонения (см. § 50), — фонетически не закономерна и объясняется морфологически влиянием мягкого типа склонения (ср. **коиныхъ** М. мн.); если же 3-я палатализация древнее, чем 2-я, то форма существительного **отъцихъ** (М. мн.) — фонетически закономерна (ср. *atikaixu > *atićaixu¹ *atićeixu > *atićī₂xu > *otъićixъ), а форма местоимения **въсѣхъ** (М. мн.) — фонетически не закономерна и должна объясняться морфологически влиянием твердого типа склонения, что маловероятно, поскольку в старославянском мы имеем **сихъ**, а не *сѣхъ (см. § 59). Другой показательный пример — ст.-сл. наречие **льзѣ** ‘можно’, которое представляет собой адвербиализованную форму Д. или М. ед. существительного *lъga ‘ослабление, возможность’. Этот осколок парадигмы несомненно отражает фонетически закономерную форму, появившуюся еще до влияния мягкого склонения, которое осуществлялось после завершения палатализации и происходило в соответствии с тенденцией к внутрислоговому сингармонизму, т. е. до появления форм *lъza (***льза**) И. ед./*lъzi (***льзи**) Д./М. ед., что также доказывает большую

¹ Это изменение по закону внутрислогового сингармонизма: *а > *е после палатального.

древность 2-й палатализации. В пользу позднего характера 3-й палатализации свидетельствует и то, что она не осуществлялась в позиции после рефлекса дифтонга *ai (например, *raikā > *rēka > рѣка; *snaigā > *snēga > снѣга Р. ед.), хотя ее осуществления следовало бы ожидать, если бы 3-я палатализация происходила до монофтонгизации дифтонгов (т. е. раньше 2-й палатализации, которая заведомо происходила после монофтонгизации *ai > ě/i в тех случаях, когда второй гласный дифтонга создавал условия для 3-й палатализации: ср. *raikai > *rěkě > rěcě = рѣцѣ (М. ед.).

Прогрессивный характер 3-й палатализации сближает ее с изменением *s > *x по *правилу RUKI* (см. § 25) и не вполне соответствует тенденциям к открытости слога и внутрислоговому сингармонизму, поскольку в процессе изменения взаимодействовали фонемы, находившиеся в разных слогах. Однако, если иметь в виду чисто фонетический аспект, само по себе это обстоятельство может свидетельствовать как в пользу того, что 3-я палатализация древнее двух других, т. е. происходила до возникновения этих двух тенденций, так и в пользу ее осуществления уже на излете действия закона открытого слога. Тем не менее с середины XX в. развивается гипотеза, согласно которой 3-я палатализация древнее не только 2-й, но даже и 1-й палатализации (А. Мартине, Г. Лант, Р. Чэннон и др.). Эта гипотеза, впрочем, сталкивается с непреодолимым препятствием в виде формы 3в. падежа **отъче** существительных типа **отъць** и прилагательного типа **отъчьскъ**. Эти и подобные формы, в которых заднеязычный одновременно находится в позиции обеих (1-й и 3-й) палатализаций, имеют рефлекс 1-й, а не 3-й палатализации, что неопровержимо указывает на большую древность 1-й палатализации.

Что касается абсолютной хронологии, то славянское заимствование **пѣнѣзь** < др.-в.-н. *penning-* также убедительно свидетельствует в пользу сравнительно поздней датировки 3-й палатализации (VIII—IX вв.) и о ее пересечении со 2-й (VII—VIII вв.): **пѣнѣзь** содержит рефлекс 3-й палатализации, а сама др.-в.-н. форма *penning-*, восходящая к герм. **ranningaz*, отражает изменение *e > a*, которое датируется VII—VIII вв. Следовательно, 3-я палатализация имела место не ранее конца VIII — начала IX в.

Итак, если исходить из того, что обе свистящие палатализации являются поздними, что наиболее вероятно, то с фонологической точки зрения безразлично, какая из них древнее, поскольку и 2-я, и 3-я палатализации являются частями одного фонематического процесса. Примерно таким был и первоначальный взгляд на палатализации А. А. Потебни, А. И. Соболевского, И. А. Бодуэна де Куртенэ и др.: 2-я и 3-я палатализации рассматривались как 1-е и 2-е условия 2-й («свистящей») палатализации, причем в обоих условиях палатализация происходила одновременно. Возможно,

отношение между 2-й и 3-й палатализациями сходно с отношением между 1-й палатализацией и переходом *ē > *ā после палатальных согласных (см. § 26). В таком случае 2-ю и 3-ю палатализации на начальных этапах их осуществления можно трактовать как чисто фонетические изменения, т. е. как приспособление артикуляции согласного к артикуляции соседнего (следующего для 2-й и предшествующего для 3-й) гласного переднего ряда, которое на первом этапе изменения не приводит к возникновению новых фонем, а вызывает лишь аллофонное варьирование. В конечном счете во всех славянских языках рефлексы 2-й и 3-й палатализаций совпали, поэтому фонологически важно именно совмещение рефлексов обеих палатализаций, так как только после этого можно определенно констатировать фонологизацию «свистящего» ряда *k > *ć, *g > *ǰ, *x > *ś. В разных славянских языках и диалектах это происходило по-разному. Таким образом, на аллофонном уровне 3-я палатализация гипотетически могла предшествовать не только 2-й, но также и 1-й палатализации, однако фонологизация палатального «свистящего» ряда — явление более позднее, чем фонологизация «шипящего» ряда, а именно фонологизация результатов фонетического изменения важна при решении вопроса об относительной хронологии славянских палатализаций. В любом случае создание Кириллом специальных букв для новых шипящих и свистящих говорит о том, что и шипящие, и свистящие ко времени создания славянской письменности представляли собой противопоставленные заднеязычным самостоятельные фонемы.

Заднеязычные перед гласными переднего ряда после палатализаций

После завершения палатализаций в славянских диалектах не должно было сохраниться слов, в которых заднеязычные согласные находились бы перед гласными переднего ряда. Однако ко времени создания старославянского языка живой процесс палатализации уже прекратился. Об этом говорят многочисленные заимствования в старославянском языке, в которых заднеязычные согласные находятся перед гласными переднего ряда: ст.-сл. **кѣсарь** ‘кесарь, римский император’ < греч. *καῖσαρ* (ср. более раннее заимствование с отражением 2-й палатализации **цѣсарь** ‘властелин, царь’¹ < гот. *Kaīsar* ‘император’ < лат. *Caesar*), ст.-сл. **и҃҃҃монь** < греч. *ἡγεμῶν* ‘правитель’, **архитриклинъ** < греч. *ἀρχιτρίκλινος* ‘распорядитель

¹ То, что в старославянском слова **кѣсарь** и **цѣсарь** имели разное значение, видно из следующего евангельского контекста: **не имамъ цѣсарѣ • тѣк’мо кѣсарѣ** ‘мы не имеем (инога) властелина, кроме (римского) императора’ (Ин. 19: 15 Зогр.).

пира', **параскѣвьѣни** 'пятница' < диал. греч. *παρασκευή* (литер. греч. *παρασκευή*).

Вместе с тем в старославянском языке имеются романские заимствования с аффрикатой /č/, которая не является непосредственным рефлексом какой-либо славянской палатализации: ст.-сл. **црѣкы** 'церковь' (< герм. *kirikō < диал. греч. *κρησάχον* 'принадлежащее господу, храму'), ст.-сл. **оцѣтъ** 'уксус, кислое вино' (< лат. *acetum*), ст.-сл. **цѣта** 'мелкая монета' (< лат. *centum* или гот. *kintus*). Наличие /с/ в этих заимствованиях объясняется тем, что в языке романского населения, которое соседствовало на Балканах со славянами, ко времени заимствований уже осуществился типологически сходный со славянскими палатализациями переход *k' > c*. В ряде случаев для некоторых древних славянских говоров при заимствовании можно предполагать немецкое посредство. В частности, такие формы старославянских памятников, как **цѣрѣкъвѣ**, **цѣрѣкъвъ**, а также **cirkuañ** Фрейзингенских отрывков, возможно, представляют заимствования из немецких диалектов, переживших переход *k > z* [ts] (ср. др.-в.-н. *kiricha*).

§ 27. Изменение сочетаний согласных с *j

Приблизительно в VII—VIII вв. праславянские диалекты пережили изменения, еще больше увеличившие инвентарь палатальных фонем, а также количество чередований согласных. Эти фонетические изменения представляли собой слияние *j, восходящего к *i (= /i/), с предшествующим ему согласным в качественно новый звук или сочетание звуков. Их иногда называют йотовыми палатализациями. В отличие от описанных в предыдущем параграфе палатализаций изменения сочетаний согласных с *j касались всех согласных, а не только заднеязычных, для которых рефлекс данного изменения совпали с рефлексами 1-й палатализации. В связи с тем что эти изменения проходили сравнительно поздно, между славянскими языками и диалектами можно обнаружить значительные различия в рефлексах. Поэтому, рассматривая результаты изменения сочетаний согласных с *j, как они отражены в старославянском языке, мы будем, где необходимо, дополнять старославянский материал данными других славянских языков.

1. Сочетания заднеязычных согласных с *j:

*kj > *č': *awikjas > ст.-сл. **овычь** 'овечий' (кратк. притяж. прил. от **овыца** < *owikā с рефлексом 3-й палатализации);

*gj > *ž': *lugjān > ст.-сл. **лъжѣж** (1 ед. наст.; ср. **лъгати**); *lugjā > ст.-сл. **лъжа** (ср. **лъжь** 'лживый' < *lugjas; др.-в.-н. *lugîs*);

*xj > *š': *dauχjā > ст.-сл. **доуша** (ср. **доухъ**, **дъхновеник** 'дыхание, ветер').

2. Сочетания переднеязычных сонантов с *j:

*nj > *ń: *kanjas > ст.-сл. **коѿнь** (болг. *кон*, с.-х. *конь*, чеш. *kůň*);

*lj > *ĺ: *palja > ст.-сл. **полѣ** (болг. *полѣ*, с.-х. *полье*, слвн. *polje*);

*tj > *ť: *bauŕjā > ст.-сл. **воуѿѣ** (рус. *буря*, с.-х. *бура*, слвн. *búrja*, чеш. *buře*).

В результате изменения сочетаний сонантов с *j появились новые палатальные фонемы /ń/, /ĺ/ и /ť/, противопоставленные старым переднеязычным /n/, /l/ и /r/. В разных праславянских говорах фонема /ť/, видимо, реализовалась звуками, которые, строго говоря, не были палатальными в артикуляторном отношении. Палатальность (среднеязычность) плохо уживается с таким способом образования, как вибрация (дрожание). В одних праславянских говорах фонема /ť/ могла быть реализована как [rj], т. е. монофонемное сочетание слегка палатализованного дрожащего [r] с i-образным призвуком (бывшим неслоговым *i); в других — как палатализованный [rʲ].

3. Сочетания переднеязычных щелевых с *j:

*sj > šʹ: *reisjan > ст.-сл. **пишѣ** (1 ед. наст.; ср. инф. **пѣсати**);

*zj > *žʹ: *nazjas > ст.-сл. **ножь** (ср. **вънозити** ‘вонзить’).

Аналогичным образом *s и *z изменялись перед *nj и *lj, т. е. сонанты оказывались как бы «проницаемыми» для воздействия *j на щелевой: ср. **помышлати** < *pomysljati, **въжлюбити** < *wъzljubiti, **иж нѣго** < *jъz njego и т. п. Рефлексы данных сочетаний в приставках и предлогах постепенно вытеснялись формами, возникшими по аналогии: ср. **въжлюбити** > **възлюбити**, **иж нѣго** > **из нѣго** и др.

4. Сочетания губных согласных с *j:

*rj > *rĺ: *kaupjān > ст.-сл. **коуплѣ** (1 ед.; инф. **коупити**; ср. болг. *купя*, рус. *куплю*, укр. *купю*, пол. *kupię*, н.-луж. *kurju*);

*bj > *bĺ: *bjeudān > ст.-сл. **блюдѣ** (1 ед.; греч. *πεύδομα*; ср. рус. *блюсти*, с.-х. *блюдити*, укр. диал. *блюдить* ‘соблюдать’); ст.-сл. **блюдѣ/блюдѣ** < псл. *bjud- из гот. *biuþs* ‘стол’ (ср. болг., рус. *блюдо*, с.-х. *блюда*, луж. *blido* ‘стол’);

*mj > *mĺ: *zemjā > ст.-сл. **земля** (ср. болг. *земя*, мак. *zemja*, с.-х. *зѣмља*, пол. *ziemia*, чеш. *zeme*, луж. *zetja*);

*wj > *wĺ: *čirwjen- > **чръвлѣнъ** ‘красный’ (прич. страд.; ср. др.-рус. **чръвити** ‘красить’; болг. *червѣн*, мак. *црвен*, рус. *червленый* ‘багряный’).

Палатальный /ĺ/, который появился на месте /j/ в сочетаниях губных согласных с *j, обычно называют «1-эпентетикум» (‘вставное’). Этот термин отражает традиционное объяснение изменения данных сочетаний: между губным согласным и следующим за ним *j развивался эпентетический *l, а затем *rĺj > *rĺ. Однако реконструировать промежуточную стадию в данном случае нет необходимости. Расхождения между славянскими языками в отражении

l-эпентетикум связаны с тем, что позднее в некоторых языках *l на конце именной и глагольной основ утрачивался в результате действия морфологической аналогии (ср. болг. *купя, земя*, но *блюдо*), хотя процесс его утраты подчинялся и фонетическим условиям (памятники показывают, что раньше всего l-эпентетикум исчезал перед *i и *ь: ср. в Супр. *по всен земи* вместо *земли*, *корабникъ* вместо *корабльникъ* ‘капитан корабля’ и т. п., в Ен. *приеметь* вместо *приемлетъ*, *възлюбени* вместо *възлюблени* и т. п.).

5. Сочетания переднеязычных взрывных с *j:

*tj > *št': *swaitja > ст.-сл. *свѣшта* (ср. *свѣтъ*; лит. *švaityti* ‘светить’, др.-инд. *śvētyás* ‘светлый, белый’); ср. болг. *свещ*, мак. *свека*, с.-х. *свѣћа*, слвн. *svéča*, рус., бел. *свеча*, укр. *свіча*, пол. *świeca*, чеш. *svíce*, луж. *swěca*;

*dj > *žd': *medja > ст.-сл. *межда* (ср. лит. *mėdis* ‘дерево’, др.-инд. *mādhyam* ‘середина’); ср. болг. *межда*, мак. *меѓа*, с.-х. *међа*, слвн. *měja*, рус., укр., бел. *межа*, пол. *miedza*, чеш. *meze*, слвц. *medza*, в.-луж. *mjeza*, н.-луж. *mjaža*.

Если *t и *d оказывались в позиции перед *tj и *wj, они изменялись в старославянском аналогичным образом (вероятно, это был процесс, характерный только для древнеболгарских говоров): ст.-сл. *смотръж* < *s̥motrjǫ (1 ед.; инф. *смотрѣти*); ст.-сл. *оумждрж* < *umǫdrjǫ (инф. *оумждрѣти*); ст.-сл. *оумръштвѣати* < *umr̥stw̥jati (итератив от *оумрътвѣти*) и др. Эти фонетически закономерные формы постепенно заменялись формами, образованными по аналогии: например, *оумждрѣти* > *оумждрѣти*, как *оумждрѣти* и т. п.

Как видим, сочетания *tj и *dj изменялись неодинаково в славянских языках. У восточных славян — *tj > č', *dj > *ž' > *ž' (ср. др.-рус. *свѣча, межа*). У западных славян — *tj > *c', *dj > *z' > *z' (ср. в Киев. — *дазь* [= ст.-сл. *даждь*, императив от *дати*], *овѣцѣль* [= ст.-сл. *овѣшталь*, прич. прош. вр. от *овѣштати*]). Более пестрая картина наблюдается у южных славян, особенно если учесть диалектный материал. Для большинства болгарских говоров можно предположить изменение *tj > *š'č' > *št' > *št и *dj > *ž'ž' > *žd' > *žd; для большинства сербохорватских — *tj > *k̑ > *č/h и *dj > *f̑ > *dʲ/h̑. В македонских говорах с конца XIII в. *št' > *k̑, *žd' > *f̑ под сербским влиянием.

6. Сочетания согласных *kt перед *i/*ī:

*ktī > *št'ь: ст.-сл. *ношть* < *naktis (ср. лит. *naktis*);

*ktī > *št'і: ст.-сл. *мошти* (инф.) < *makti₂ < *magtei (ср. наст. вр.: 1 ед. *могж* и 3 мн. *могжтъ*).

По характеру изменения к сочетаниям согласных с *j примыкало в праславянском сочетание *kt (в том числе то, что получилось из *gt в результате оглушения), если оно находилось в позиции

перед верхними гласными переднего ряда *ī и *ī̄. Рефлексы этих сочетаний в конечном счете совпали с рефлексами сочетания *tj.

Данное изменение особенно часто представлено в инфинитивах некоторых глаголов 1-го класса (см. § 71) и связанных с ними именах существительных: ср. **мошти/могж** — **мошьть** ‘мощь’, **пешти/пекж** — **пешть** ‘печь’ и др. (но ср. **решти/рекж** — **рѣчь**). В ряде случаев (не столь важных для морфологии) изменение *kt > *št’ имело место и перед другими гласными переднего ряда, например перед *e: ср. ст.-сл. **дъштере** (Р. ед. при И. ед. **дъшти** ‘дочь’) < *dukter- (ср. лит. *duktėrs* И. ед.).

§ 28. Изменения некоторых сочетаний согласных

Об упрощении групп согласных, связанном с действием закона открытого слога, говорилось выше. Здесь речь пойдет главным образом об изменениях *s и *z перед согласными, возникшими в старославянском языке в результате палатализаций и изменения сочетаний согласных с *j.

1. *sč > *šč > *št’: ст.-сл. **раштинсти** ‘рассчитать’ < *rasčisti (= *разчисти) < *arzkitei (ст.-сл. **чинсти/чѣтж** ‘читать, считать, почитать’; ср. лит. *skaityti* ‘читать’, др.-инд. *cétaṭi* ‘соблюдать, познавать’); ст.-сл. **иштѣж** < *jiskjān (1 ед. наст., инф. **искати**; лит. *ieškóti*, др.-в.-н. *eiskōn*).

Поскольку /č/ = [tʃ’], то первым этапом изменения было /sč/ > /šč/ ([stʃ’] > [š’tʃ’]) фонетически представляет собой ассимиляцию, а вторым — /šč/ > /št’/ ([š’tʃ’] > [št’]) — утрата второго фрикативного элемента, т. е. упрощение группы согласных). Таково основное направление развития данного консонантного сочетания, отраженное в старославянских памятниках. Однако развитие могло идти и в другом направлении: упрощение группы за счет начального фрикативного элемента, но только на стыке предлога-приставки и корня, что указывает на морфонологическую обусловленность такого развития: *sč (> *šč) > *č: ст.-сл. **вечьстьнь** (ср. **вештьстьнь**) ‘посрамленный’ < *besčьстьнь (*без{чьст’}ьнь); ст.-сл. **ичрѣва** (ср. **иштрѣва**) ‘из чрева’ < *jъs črěva (*из чрѣва).

Для звонкого коррелята /ž/ = [dž’] (рефлекс *g по 1-й палатализации и сочетания *gj) возможно только изменение первого типа:

*žž > *žž > *žd’: ст.-сл. **иждити** ‘растратить’ < *jъžžiti < *jъžžiti (= *из-жити) < *jizgitei; ст.-сл. **дъждь** < *dъžžь < *dъžžь < *duzgjās (ср. лит. *duzgėti* ‘шуметь’).

2. *sšt’ (> *ššt’) > *št’: ст.-сл. **тъшта** < *tъšt’a < *tъššt’a < *tistjā (ср. **тъсть**, др.-прус. *tisties* ‘тесть’);

*zǝd' (> *zǝd') > *zǝd': ст.-сл. **пригвождѣ** (1 л. ед. наст., инф. **пригвоздити** 'прибить [гвоздями]') < *prigwazǝd'ǫ < *prigwazǝd'ǫ < *prigwazǝdǝn.

В этом случае происходила регрессивная ассимиляция с последующей утратой двойного согласного.

3. Для начального этапа развития старославянского языка, вероятно, следует реконструировать сочетание *sé (или *sc') < *sk (по 2-й палатализации), однако старославянские памятники указывают на его двоякое преобразование: *sé = [st'^s] мог утрачивать либо конечный, либо начальный фрикативный элемент:

а) *sé > *st', т. е. [st'^s] > [st']: ст.-сл. **дѣстѣ** (М. ед.; И. ед. **дѣска** 'доска, таблица, стол') < **дѣстѣ**; **зѣмльстѣ** < **зѣмльсци** (И. мн., м. р.; И. ед. **зѣмльскъ** 'земной');

б) *sé > *é (т. е. [st'^s] > [t'^s]) только на стыке предлога-приставки и корня: ст.-сл. **ицѣлити** (при ст.-сл. **исцѣлити**) < *jъsěiliti; ст.-сл. **вѣцѣннѣ** (при ст.-сл. **вѣсцѣннѣ**) < *besěěpnъ; ст.-сл. **ицрѣкѣве** 'из церкви' (при ст.-сл. **ис црѣкѣве**) < *jъs ььrkъwe.

Что касается звонкого коррелята, то данные старославянской письменности ограничиваются практически одним примером: *zǝ > *zd': ст.-сл. **дрѣздѣ** (М. ед.; И. ед. **дрѣзга** 'лес, кустарник') < *dreǝzǝě < *dreǝzǝě₂ < *drenzgai.

4. Старославянские памятники отражают также утрату *s перед *s/*š и *z перед *z: ст.-сл. **вѣсѣмрѣтънѣ** 'бессмертен' (< * **вѣсѣсѣмрѣтънѣ**), **ишѣдѣ** 'вышедший' (< * **ис-ишѣдѣ**, краткое прич.), **вѣзѣловѣ** 'без злобы' (< * **вѣзѣзѣловѣ**). Это явление старославянского языка отражает запрет на двойные согласные в позднем праславянском языке (о сочетании *z + ž см. выше, п. 1).

5. В случае изменения *zr > *zdr старославянский язык последовательно демонстрирует не упрощение, а «усложнение» группы согласных: ср. обычные ст.-сл. **издраниль** < **израниль**, **вѣздрадовати** < **вѣзрадовати**, **раздрошити** < **разрошити**, **изд рага** < **из рага** и т. п. Вставка /t/ между /s/ и /r/ отражается в старославянских памятниках редко: ср. **срамѣ** < **срамѣ** в Син.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем специфика изучения старославянской фонетики по сравнению с фонетикой современного языка? Каковы основные источники наших знаний о звуковой стороне старославянского языка?

2. Каковы принципы реконструкции звуковой системы праславянского языка накануне его распада? Приведите примеры внешней и внутренней реконструкции. В чем различие между *относительной* и *абсолютной* хронологией?

3. Охарактеризуйте исходную систему гласных старославянского языка и перечислите дифференциальные признаки гласных фонем. Каково происхождение гласных фонем старославянского языка?

4. Охарактеризуйте исходную систему согласных старославянского языка и перечислите дифференциальные признаки согласных фонем.

5. Приведите примеры праславянских фонетических изменений, отражающих тенденцию к открытости слога. Стала ли тенденция к открытому слогу не знающим исключений законом? Если да, то когда закон открытого слога прекратил свое действие в старославянском языке?

6. Что такое внутрислоговой сингармонизм? Приведите примеры праславянских фонетических изменений, отражающих тенденцию к внутрислоговому сингармонизму.

7. Каково происхождение палатальных согласных в старославянском языке? Какими графическими средствами в старославянских рукописях могли обозначаться рефлекс праславянских сочетаний *nj, *lj и *lj?

8. Опишите условия и рефлекс 1-й, 2-й и 3-й палатализаций заднеязычных согласных в старославянском языке. Приведите примеры чередований согласных, обязанных своим происхождением палатализациям заднеязычных.

9. Было ли в старославянском языке противопоставление по твердости/мягкости? Что скрывается за термином «полумягкие согласные»?

10. Сколько носовых гласных было в исходной системе старославянского языка? Как их принято обозначать в фонетической транскрипции и какими буквами передавались носовые гласные в глаголице и кириллице?

11. Каково происхождение фонемы «ять»? Как ее принято обозначать в фонетической транскрипции и какими буквами она передавалась в глаголице и кириллице?

12. Каков принцип распределения редуцированных гласных по *сильным* и *слабым* позициям в старославянском языке? Как старославянские памятники отражали падение редуцированных гласных?

13. Что такое *напряженные редуцированные* и какими буквами они передавались в старославянском языке? Каково их происхождение и как они изменялись в процессе падения редуцированных?

14. Как в рукописях обозначались *слоговые плавные*? Каково происхождение *вторичных* слоговых плавных?

15. Перечислите чередования гласных и чередования согласных в старославянском языке. Укажите источник возникновения этих чередований.

16. Перечислите фонетические различия между старославянским и русским языками. Приведите несколько пар слов, противопоставленных как *старославянизм* — *русизм*.

Практические задания

Задание 1. Найдите этимологический корень или основу в следующих словах и объясните чередования:

сѣма — сѣмене, плочти — пловж, цѣна — капати сѧ, съворь — врѣма, жешти — жегж — жеженъ — съжизати — съжагати, оврѣсти — сѣрѣеник — оврѣль — сѣрѣшта ‘нападение’; крыти — сѣкрѣвена ‘тайна’ — кръж — кровъ; грети ‘похоронить’ — грежж — погрѣвати — гробъ; сънъ — съпати — съпльж — засъпати; кѣназь — кѣнагыни — кѣнажь — кѣнаже; посадити — сѣдѣти — сѣждж — сѣсти — садж — сѣль — посаждати; оумрѣти — оумрж — сѣмръть — оуморити — оумариати; режж — речеши — рци — пророкъ — прорицати — рѣчь — рещи.

Задание 2. Объясните отклонения от этимологического написания редуцированных гласных:

пришѣдъ, въдовица, дъвѣ, скръжѣтъ, вълѣсти, отъшѣла, тѣма, обьходитѣ.

Задание 3. Определите сильные и слабые позиции всех редуцированных гласных:

въздъхнѣти, тѣмынѣи, шьпѣтъ, къ мѣнѣи, чѣстнѣи, врьтѣпѣ, крьстѣ, правѣдникѣ, мирѣ съ, въскрѣшаѣж, сжѣць, пришѣствикѣ, жьрьчьскѣ, съ слъзѣми, слѣньце, прискрѣбьныи, въскрѣнѣти.

Задание 4. Найдите рефлексы редуцированных и определите их позицию:

възмездикѣ, вреникѣ, возанѣти, лѣстнѣж, шѣствикѣ, воснѣти, вопикши.

Задание 5. Найдите «вторичные» слоговые плавные:

влѣкъ, врьхѣ, крѣвавь, плѣтъ, чрѣта, срѣдѣце, млѣчѣти, окрѣстѣ, плѣнѣ, дрѣзѣти, длѣжьникѣ, плѣвати.

Задание 6. Дайте фонетическую транскрипцию старославянских словоформ:

въплѣ, къназь, чрѣньць, сждинѣ, ищѣж, съкрѣжѣ, погѣвѣль, житѣль, огнѣ, коѣнѣ, вьсь 'весь' (местоимение), вьсь 'деревня', ппѣница, кзѣро.

Задание 7. Восстановите праславянскую (до палатализаций) форму:

врѣкъ, млѣко, вращѣно 'пища', чрѣнѣ, облакъ, врѣмѣ, вождѣ, ножѣ, вѣжѣти, стѣзѣ, влѣшти, властѣ.

Задание 8. Укажите фонетические признаки заимствованных слов:

архитриклинѣ, фарисѣн, газофилакѣи 'сокровищница', ригѣнѣ 'район города', голгоѣа.

Задание 9. Напишите старославянские формы, являющиеся прямым продолжением следующих праславянских:

*kuningoi, *vedtei, *supnos, *rikoite, *virus, *moisos, *mūsis, *pirstis, *kittei, *bogijos, *nesontjī, *duskikā, *orzgegtei, *beudōm, *dūsētei, *pledmēn, *dōros, *noktis, *velktei, *olkutis, *penktos, *voinikos, *stergōm.

Задание 10. Дайте исходные (до падения редуцированных гласных) написания старославянских словоформ, находящихся в непосредственном родстве со следующими русскими:

ищу, ропот, холоден, супруг, дерзнуть, дерево, осень, месяц, кипеть, молния, ягненок, улечься, сосед, тысяча.

Литература

Бернштейн С. Б. К истории слога в праславянском языке // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. София, сентябрь 1963 г. Докл. советской делегации. М., 1963. С. 53—69.

Ван-Вейк Н. К истории фонологической системы в общеславянском языке позднего периода // Slavica. 1949/1950. Roč. 19. Seš. 3—4. С. 293—313.

Георгиев В. И. Русское аканье и его отношение к системе фонем праславянского языка // Вопросы языкознания. 1963. № 2. С. 20—29.

Глушкина С. М. О «третьей» палатализации заднеязычных согласных в славянских языках // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 293. Теория и методика преподавания языка. Л., 1968. С. 95—112.

Дурново Н. Н. Спорные вопросы общеславянской фонетики. I: Начальное *e* в общеславянском языке // Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. С. 495—541.

Журавлев В. К. Генезис протезов в славянских языках // Вопросы языкознания. 1965. № 4. С. 32—43 (перепечатано также в кн.: *Журавлев В. К.* Очерки по славянской компаративистике. М., 2005. С. 110—121).

Журавлев В. К. Постулат непреложности звуковых законов и современная компаративистика // Вопросы языкознания. 1986. № 4. С. 27—36 (перепечатано также в кн.: *Журавлев В. К.* Очерки по славянской компаративистике. М., 2005. С. 167—176).

Колесов В. В. Праславянская фонема [ǫ] в ранних преобразованиях славянских вокалических систем // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Докл. советской делегации. М., 1973. С. 170—195.

Конески Б. Слоговые плавные *р* и *л* в старославянском языке // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978. С. 3—6.

Кульбакин С. М. Древнецерковнославянский язык. Введение. Фонетика. Харьков, 1911 (см. также: *Кульбакин С. М.* Древнецерковнославянский язык. Фонетика. М., 2005).

Кузьменко Ю. К. Появление письменности в средневековой Европе // История лингвистических учений: Средневековая Европа. Л., 1985. С. 39—55.

Мареш Ф. В. Происхождение славянского носового *ǫ̇* (*jr̥*) // Вопросы славянского языкознания. 1963. Вып. 7. С. 7—11.

Марков В. М. Замечания о причинах падения редуцированных гласных в славянских языках // Марков В. М. Избранные работы по русскому языку. Казань, 2001. С. 7—19.

Трубецкой Н. С. Носовые гласные в лехитских языках (1925 г.) // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 199—209.

Чекман В. Н. Первая праславянская «палатализация» (палатация) // Чекман В. Н. Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Типология и реконструкция. Минск, 1979. С. 54—61.

Шустер-Шевц Х. Славянская метатеза плавных и процесс дезинтеграции праславянского // Вопросы языкознания. 2003. № 1. С. 78—91.

Глава III ЛЕКСИКА

Словарный состав, или лексика, любого языка представляет собой открытую, обновляющуюся, динамичную систему, которая постоянно реагирует на изменения в общественной жизни и общественных потребностях. Лексическая система отличается особой сложностью внутренней организации, а количество лексических единиц намного превышает количество единиц других уровней — фонем, морфем.

Старославянский язык выступил важнейшим фактором стабилизации и систематизации славянской речи, а в дальнейшем оказал огромное влияние на формирование и развитие многих славянских литературных языков. Лексика старославянского языка сильно повлияла на словарный состав русского языка. Слова старославянского языка, используемые в русском языке, получили название *старославянизмов*. Об их роли в развитии лексико-стилистической системы русского литературного языка написано немало (см. работы В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, В. В. Замковой и др.).

Фонетические, морфологические и лексические признаки славянизмов часто пересекаются (ср. пары так называемых славянизмов и русизмов: *единство* — *один*, *лежащий* прич. — *лежащий* прил., *младший* — *моложе*, *бремя* — *беременная*, *хранить* — *хоронить*, *чуждый* — *чужой*, *освещу*, *освещение* — *свечу*, *свечение*). Славянизмы прочно вошли в состав русского литературного языка (*между*, *лежащий*, *единство*), хотя некоторые характерны прежде всего для поэтического языка (*брег*, *град* и др.).

Лексические и словообразовательные элементы старославянского (и церковнославянского) языка послужили основой для создания в русском языке значительного количества слов, получивших название *функциональных церковнославянизмов* (*возблестеть*, *воспрославить*, *низлететь*, *златоспелый*, *славожаждущий*). Они использовались писателями прошлого для передачи возвышенного, поэтического или абстрактного содержания, для достижения определенного стилистического эффекта. Создание высокого слога на русской основе с использованием таких слов — заслуга русского классицизма и в особенности его выдающегося представителя и теоретика М. В. Ломоносова. Конечно, и в более древний период русские книжники создавали слова по церковнославянским моделям, а некоторые из таких искусственных церковнославяниз-

мов (*елей, юродивый* и др.) прочно вошли в русский литературный язык. В искусственных церковнославянизмах обычно присутствует какая-либо характерная черта, отличающая старославянские формы от русских. Так, в русском варианте церковнославянского языка используется слово **клен** (хотя старославянские памятники используют только форму **олѣн** ← лат. oleum ‘елей, масло’), образованное по модели ст.-сл. **ксьень** — др.-рус. **осень**, ст.-сл. **кзєро** — др.-рус. **озєро**, ст.-сл. **кдинъ** — др.-рус. **единъ**, ст.-сл. **Блена** — рус. *Олёна* и т. п. Такого же — по сути гиперкорректного образования — форма *юрóдивый* с /j/ в начале по модели ст.-сл. **юнъ** — др.-рус. **оунъ**, ст.-сл. **югъ** — др.-рус. **оугъ** и т. п. В старославянском языке слово **жродивъ** ‘глупый’ начиналось с носового гласного и не имело йота; в русском языке, утратившем носовые, это слово встроилось в приведенную выше модель. Иногда в качестве старославянизма (мнимого) выступает обычное древнерусское и общеславянское слово, которое в разговорном языке заменено новым. Так случилось, например, со словом *око/очи*, которое до XV в. было вполне разговорной формой, пока не было вытеснено новым словом *глаз/глаза*.

Носитель современного русского литературного языка воспринимает лексику старославянского языка по-разному, и с этой точки зрения ее можно разделить на несколько групп.

Первую группу составляют старославянские слова, которых в русском литературном языке нет: **аще** ‘если’, **камо** ‘куда’, **оушидь** ‘беглец’, **тетти** (**тепж, тепеши...**) ‘бичевать, бить’ и многие другие. Следовательно, значение подобных слов при чтении старославянских текстов следует устанавливать по словарю¹. В отдельных случаях значение некоторых слов, бытовавших в древний период существования славян и отразившихся в старославянских, церковнославянских и древнерусских текстах, а затем вышедших из употребления, может быть установлено благодаря их использованию в составе устойчивых сочетаний: **брань** ‘борьба, бой, битва’ (*на поле брани*); **бълик** ‘травы, растения’ (*бъльем поросло*; ср. также *былинка*); **вьсь** ‘деревня’ (*по городам и вєсям*).

Вторую группу составляют слова, которые, несмотря на внешнее сходство с современными словами, могут иметь другое значение или оттенок значения: **витати** ‘жить, обитать, пребывать’, **вождь** ‘поводырь’, **въспитаниє** ‘домашний скот’, **годъ** ‘время’, ‘праздник’, **доброта** ‘красота’, **жиръ** ‘пастбище’, **кравни** ‘ларец’, **лакомъ** ‘жадный’, **лѣто** ‘время’, **молитвѣникъ** ‘проситель’, ‘священник’, **окванъи** ‘стойкий, крепкий’, **роукъать** ‘охапка, сноп’, **рѣвнивь** ‘ревностный, усердный’, ‘сварливый’, **садъ** ‘растение’, **сєло** ‘жили-

¹ О словарях старославянского языка см. § 37.

ще’, ‘поле’, **словеснь** ‘обладающий разумом, разумный’, **оупасти** ‘прокормить’, ‘подчинить, овладеть’, **хъцицьникъ** ‘грабитель, разбойник’. Такие слова являются «ложными друзьями переводчика» и требуют особого внимания при переводе текстов.

В третью группу входят слова, которые осталась более или менее без изменения в отношении формы (если не принимать в расчет частичное изменение формы, связанное с фонетическими процессами) и значения и воспринимаются носителями современного русского языка как те же самые, что и соответствующие слова русского языка: **дъва**, **желати**, **ждати**, **творецъ**, **оуже**, **ходатаи** и многие другие.

§ 29. Некоторые проблемы изучения лексики старославянского языка

Словарный состав старославянского языка все еще остается менее изученным, чем другие уровни его системы, и данному обстоятельству способствует целый ряд причин объективного характера.

Реконструкция словарного состава древнего языка представляет собой более сложную задачу, чем определение фонетической, морфологической и даже синтаксической систем этого языка, ведь для установления только количественного состава лексических единиц языка на определенном хронологическом срезе (не говоря уже о семантической и стилистической характеристиках слов) требуется значительно более разнообразный и в тематическом, и в жанровом отношении языковой материал, чем для определения состава единиц других языковых уровней.

Лингвисты-историки часто говорят о возможных лакунах, пустых местах в лексических группах. Например, в тематической группе слов, обозначающих брачные отношения, в старославянском языке зафиксированы только слова, называющие женщину: **вьдова**, **потыпъга** ‘отпущенная, разведенная жена’, хотя в целом слов мужского рода со значением лица, например в группе названий национальностей, профессий и т. д., гораздо больше, чем слов женского рода. Следовательно, лексическая система древнего языка характеризуется определенной асимметричностью. Причем она проявляется не только в отсутствии/наличии лексемы (***/**вьдова**), но и в семантике слов. Например, существительное **кънижьникъ** в старославянских текстах имеет значения 1) ‘знаток законов, книжник’, 2) ‘писец’, а его форма с отрицательной приставкой **некънижьникъ** — ‘неученый человек’; сложное существительное **мъздомьць** обозначает ‘сборщик налогов’, а **мъздовавьць**

и **мъздоотѣдавецъ** употребляются в переносном значении — ‘тот, кто воздает по заслугам’. Глагол **простити** (так же, как и соотносимый с ним **працати**) употреблялся в старославянских текстах в значениях: 1) ‘избавить, освободить от чего-либо’, 2) ‘простить (грехи, повинность)’, а производное от него существительное (*девербатив*) **проценик** — только в значении ‘прощение (грехов, повинностей)’, обычно в составе выражения **проценик сътворити**.

Совершенно очевидно, что объемы понятий ‘старославянский язык как система’ и ‘язык старославянских текстов’ не совпадают — первое шире и полностью включает в себя второе. Словарь старославянских текстов оказывается ограничен в первую очередь тем, что многие рукописи до нас не дошли. Кроме того, поскольку сохранились только те рукописные памятники, которые существовали в наибольшем количестве списков, прежде всего тексты церковно-канонического содержания, многие явления материальной и духовной жизни людей того времени не нашли в них отражения. Например, старославянские памятники не знают многих слов-терминов родства и свойства, которые восстанавливаются для праславянской системы, например: *бабка, вдовец, внук, внучка, деверь, мачеха, отчим, падчерица, пасынок, племянница, свекор, сноха* и др.

Несмотря на то что слово как определенный звуковой комплекс может сохраняться в течение длительного времени и на обширной территории, в системе другого языка, даже близкородственного, его семантика, условия употребления, словообразовательные связи, сочетаемость, стилистические характеристики отличаются определенным своеобразием. Производя семантические реконструкции древних слов, следует учитывать многочисленные факторы их исторического существования, которые усиливают семантическую неопределенность: это и случайный характер мотивации, и развитие семантики слова под влиянием аналогии, замена слова вследствие табуирования или ограничения на его употребление и т. п.

Таким образом, при рассмотрении плана содержания языка, которым уже не пользуются и который не был разговорным, исследователи неизбежно сталкиваются с различного рода трудностями. И здесь явно недостаточно опоры на собственное языковое чутье, которое оправданно при работе с фактами современного языка, так как культурно-языковой мир современного человека во многих отношениях отличается от духовного мира человека другой эпохи, в рассматриваемом случае — средневекового. Любой семантический перенос необходимо соотносить с процессами и тенденциями развития древней языковой системы.

При описании лексической системы старославянского языка следует четко различать лексемы, которые представлены в текстах,

и лексемы, которые реконструируются. Вслед за Р. М. Цейтлин¹ приведем несколько типичных слов, которые считаются старославянскими, но отсутствуют в дошедших до нас старославянских рукописях: **благовоникъ**, **благолѣпникъ**, **говѣдо**, **зритель**, **истокъ**, **конь** (ж. р., ср. производное **искони**), **крава**, **мъло**, **оса**, **писыць**, **стѣдъ**, **тѣла**, **тѣкы**, **ѣда**, **ксень**, **кленъ**, **ѣтры** и др. Вполне вероятно, что в живой славянской речи лексема **говѣдо** — ‘рогатый скот, бык’ (ср. болг. *говедо* — 1) корова, бык, вол; 2) (во мн. ч.) крупный рогатый скот) существовала, не случайно ЭССЯ включает ее в состав праславянского лексического фонда², тем не менее корень *govęd- известен старославянским памятникам только в составе притяжательного прилагательного **говѣждь** в выражении **говѣжда жила** — ‘плеть’ (Супр.).

К включению подобных лексических единиц в систему надо подходить с осторожностью. Употребление идентичных по строению слов в пределах одной тематической группы (**жрѣва** — **жрѣвць**, **агна** — **агнць**) как будто бы дает основание предполагать симметрию и для других членов данного единства (**тѣла** — **тѣльць**), тем не менее слова ***тѣла** в старославянских рукописях, известных нам на сегодняшний день, нет.

Такие попытки «воссоздания» слов в первую очередь объясняются желанием заполнить соответствующие лакуны. Например, наличие лексем **агна**, **жрѣва**, **козьла**, **овча**, **осьла** подталкивает к реконструкции форм **праса**, **тѣла**, в памятниках не зафиксированных.

Сходные явления наблюдаются и в сфере семантики. Всегда существует опасность приписывания старославянским словам значений, которые не подтверждаются контекстами древнейших рукописей (по-видимому, они сформировались позднее в разных славянских языках): ст.-сл. **глоумъ**, **глоумленик** ‘пустая болтовня, пустословие’ иногда ошибочно интерпретируется как ‘сцена, театр’, **простѣни** ‘освобождение, свобода’, ‘прощение’ — как ‘простота, невинность’, **рабова** ‘рабство, неволя’ — как ‘работа, труд’. Существительное **правда** часто переводится как ‘истина’, хотя более тщательное исследование его семантики позволяет утверждать, что из 182 его употреблений в рукописях 179 нужно трактовать как ‘справедливость’ или ‘верное, справедливое положение, установление’. Значение ‘истина’, таким образом, предполагается только в 3 контекстах, объективно оно могло возникнуть из сближения

¹ Цейтлин Р. М. Лексика древнеболгарских рукописей X—XI вв. София, 1986. С. 28.

² Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М., 1980. Вып. 7. С. 75—76. (ЭССЯ)

понятия справедливости с понятием того, что должно быть в действительности¹.

Прилагательному *простовласъ* часто приписывается значение ‘с непокрытой головой’, хотя, если проанализировать единственный в текстах пример его употребления *ѡгда кричава и тръзання мжжъ и женъ. въ градъныхъ стъгнахъ и междахъ. и от’цемъ и матеремъ простовласомъ сжштемъ • и з’бѡ жалаштемъ о младыхъ чадѣхъ истѣчени* (Супр. 397.12) ‘когда (были) крик и страдания мужчин и женщин на городских улицах и переулках, отцы и матери были непричесанными, с распущенными волосами и сильно скорбели об обезглавленных младенцах’, следует признать, что значение данного слова напрямую связано с семантикой корня *прост-* ‘естественный’. Установить это помогает культурологический анализ контекста — в рассказе о гибели младенцев в Вифлееме описываются люди, по ветхозаветному обычаю имевшие в знак траура непричесанные волосы. Следовательно, прилагательное *простовласъ* имеет здесь значение ‘непричесанный, с распущенными волосами’.

Все отмеченные проблемы изучения старославянской лексики наряду с такой специфической особенностью лексической системы, как ее незамкнутость (открытость), требуют привлечения самых разнообразных источников, причем не только прямых (рукописи и надписи), но и косвенных (греческие оригиналы старославянских рукописей, церковнославянские рукописи различных изводов и содержания, а также материал современных славянских языков, в том числе диалектный).

§ 30. Состав лексики

В языке классических старославянских текстов, по данным Р. М. Цейтлин², насчитывается 9616 слов. С учетом всевозможных погрешностей (например, не учитывались омонимы, некоторые лексические варианты, преимущественно фонетические, и др.) количество известных нам сегодня³ слов старославянского языка можно довести приблизительно до 10 тысяч.

¹ Цейтлин Р. М. Лексика древнеболгарских рукописей X—XI вв. С. 103—104.

² Цейтлин Р. М. Характеристика лексических и словообразовательных средств старославянского языка (их семантика и стилистические функции) // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. М., 1973. С. 414.

³ Обнаружение новых рукописей может внести существенные коррективы в количественные данные. Так, например, найденный в 1960 г. Енинский апостол включает в себя более 120 лексем, неизвестных другим памятникам.

С точки зрения *употребительности* в памятниках старославянская лексика подразделяется на следующие группы.

1. Широкоупотребительные слова. Они встречаются в большинстве текстов, среди них больше всего служебных слов. Приведем примеры: *аще* 'если', *без*, *во*, *богъ*, *божини*, *бъти*, *врагъ*, *да*, *даръ*, *до*, *днь*, *жена*, *животъ* 'жизнь', *или*, *ити*, *къто*, *како* 'как', *мон*, *мъногъ*, *начати*, *разоумъ*, *речи* 'сказать', *ржка*, *съ*, *съпасти*, *танна*, *творити*, *тоу* 'тут', *оухо*, *цѣсарь*, *чадо*, *пастн* 'есть' и др.

2. Редкоупотребляемые слова. Как правило, они встречаются в отдельных рукописях. Приведем примеры: *агода* 'ягода', *бръвъ*, *гостъ*, *гревище* 'могила', *миса* 'блюдо', *мъздомьць* 'сборщик податей', *плодовитъ* 'плодоносный', *помраченик*, *цвисти* 'цвести', *чело* 'лоб' и др.

3. Гапаксы¹. Так называются слова, словоформы, употребленные в определенном круге текстов один раз, а также индивидуальные образования, т. е. окказионализмы. Они составляют четвертую часть словарного состава, зафиксированного в старославянских рукописях. Нередко такие слова в силу изолированности в системе вызывают затруднения в толковании или этимологизации. Иногда гапаксами называют лексемы, употребленные из всего корпуса текстов определенного периода истории языка только в одном памятнике².

Наличие гапаксов в старославянских памятниках обусловлено разными причинами и факторами.

Во-первых, есть гапаксы, появление которых связано с ограниченным количеством источников. Такого рода гапаксов в старославянских текстах большинство: *баба* 'кормилица', *межда* 'перелук', *тесати* и др. Если обнаружатся новые рукописи, подобные лексемы могут перестать быть гапаксами.

Во-вторых, изолированность отдельных слов связана с этикетными и жанровыми канонами: часто гапаксами оказываются слова, которые используются при номинации тех явлений жизни и быта, которые редко становились предметом изображения в текстах, дошедших до нас в составе старославянских памятников. Повидимому, к таким гапаксам можно отнести слова *дрожьба*, *мокръ*, *тетъка* и др.

Третью, немногочисленную группу гапаксов составляют сложные слова, производные от разных корней, такие как *новорожденъ*,

¹ Гапакс (от греч. *hapax* 'единожды') — сокращение формулы *hapax eiremenon* 'единожды произнесенное' или *hapax legomenon* 'единожды названное'. Употребляющийся в качестве существительного, термин обозначает слово, форму, употребление, встречающиеся только один раз.

² См.: *Творогов О. В.* Гапаксы «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 2. СПб., 1995. С. 12—15.

сынобожьствик ‘божественное усыновление’, **тождениментъ** ‘одноименный’, и др. Это так называемые книжные окказионализмы, которые характеризуют стилевую манеру создателей книжно-литературного языка.

В древних рукописях насчитывается около 1200 корневых морфем (без иноязычных заимствований), из них 350 известны по их употреблению только в одном слове¹. Это говорит о том, что редкие лексемы, в том числе гапаксы, чрезвычайно важны при изучении лексики старославянского языка. Их семантику и сочетаемостные свойства необходимо учитывать при реконструкции лексического состава старославянского языка.

Оставляя в стороне дискуссию о правомерности рассмотрения *тематических групп* (ТГ) лексики как явления лингвистического, а также принципах выделения ТГ и их отличиях от лексико-семантических групп, укажем только, что для изучения лексики старославянского языка учет такого принципа классификации, при котором ряд слов объединяется внеязыковыми факторами, следует считать правомерным, поскольку лексика, как никакая другая область языка, отражает реальную действительность. Под ТГ понимается такое объединение слов, связь которых друг с другом отражает группировку соответствующих предметов и явлений действительности. В тематической группе слова связаны между собой по смежности (например, наименования одежды, частей тела и т. п.).

В старославянских текстах отмечены самые разнообразные ТГ лексики, варьирующиеся по своему количественному и качественному составу. Так, терминов родства и свойствá (**мати**, **невѣста**, **отць**, **свекрты**, **срьдвола** собир. ‘родня, родственники’ и др.) насчитывается 34, названий растений и их частей — 61 (**агода**, **врьбик** ‘ивы, вербы’, **вѣтвь**, **корень**, **листвъ**, **мата**, **трьник** ‘сорное растение с колючками’ и др.), а глаголов движения — около 200 (например, **вѣгати**, **влачити**, **водити**, **гонити**, **грати**, **двигнѣти сѧ**, **ити**, **лазати**, **носити**, **плавати**, **ристати** ‘прыгать’, **стѣпати**, **ходити**, **шьствовати**, **тахати** и других с многочисленными производными).

Поскольку в лингвистике термин ТГ используется для описания разных парадигматических объединений слов, можно воспользоваться классификацией Ф. П. Филина, предложившего различать *широкие* (например, названия животного мира) и *узкие* (названия плодовых деревьев или частей человеческого тела) *тематические группы*. Приведем примеры.

Названия растений и их частей:

агода ‘плод’, **бълик** ‘травы, растения’, **вѣтвь**, **гроздь** ‘виноградная гроздь’, **дрѣво**, **двжик** ‘деревья’, **дѣбъ** ‘дерево’, ‘дуб’, **копръ**

¹ *Цейтлин Р. М.* Лексика древнеболгарских рукописей X—XI вв. С. 89.

‘укроп’, кринъ ‘лилия’, листъ, плѣва ‘мякина, полова’, плѣвель ‘плевел’ и др.

Названия животных и птиц:

агньць, акридь ‘акрида’, гадъ ‘ползающее животное’, грълица ‘горлица’, жаба, китъ, ковъла, кокотъ ‘петух’, конь, лисъ, лвъвь, орьлъ, осьлъ, рыба, рывица и др.

Названия одежды, предметов быта, орудий труда:

блюдо, възглавница ‘подушка’, дъска ‘стол’, дъхъторъ ‘подушка’, епеньдитъ ‘одежда’, котъль, кошъ ‘корзина’, леньтнн ‘льняное полотенце, полотнище’, лопата, миса ‘блюдо’, мръжа ‘сеть, мережа’, неводъ, одѣннн ‘одежда, одеяние, платье’, одѣвннн ‘одежда, одеяние, платье’, опона ‘завеса’, понавица ‘полотно, полотнище’, поръфира ‘багряница, пурпур (богатая одежда)’, риза ‘одежда (верхняя)’, рыло ‘лопата, кирка’, санъдална, сапогъ, свѣщникъ ‘подсвечник’, врадъ и секъира ‘топор’, сраница ‘рубашка (нательная)’, ждица ‘удочка’ и др.

Названия частей тела и болезней:

ганъгрена, голѣнь, грътанъ, дланъ, дъна ‘подагра’, ланита ‘щека’, лице, ръватва ‘ломота, боль’, строупъ ‘рана, язва’, срьдьць, съсъ ‘грудь (материнская)’, тѣло, оуста ‘рот, губы’, оухо и др.

Названия человека по профессии и роду занятий:

валии ‘врач’, винарь ‘виноградарь’, врьтоградаръ ‘садовник’, грънъчаръ ‘гончар’, двьрьникъ ‘привратник’, гостъникъ ‘содержатель постоялого двора, гостиницы’, дѣлатель ‘крестьянин, земледелец’, мътаръ ‘сборщик податей’, ратан ‘пахарь’, слоужитель ‘служитель’, сѣчьца и сѣчьць ‘палач’, чьтьць ‘чтец (в церкви)’, шаръчнн и шарописатель ‘тот, кто пишет красками, живописец’ и др.

По мнению некоторых исследователей, взгляд на словарный состав старославянского языка обнаруживает, что «весь его лексикон организован вокруг человека. Именно эта идеографическая сфера является наиболее лексически и словообразовательно „проработанной“»¹. Соотношение слов внутри одной тематической группы может быть связано с антропоцентричностью словаря, поскольку в языке маркируется то, что является культурно, социально или биологически значимым в сознании человека. Например, асимметрия в количественном составе лексем, называющих человека по возрасту (их многочисленность и разнообразие при обозначении человека в детском возрасте и единичность при обозначении человека в других возрастных категориях), объясняется тем, что «в языковом сознании средневекового человека младенец являлся своеобразной персонификацией невинности»².

¹ Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002. С. 22.

² Там же. С. 26.

В последние годы активно ведется изучение лексических микросистем старославянского языка, в частности выделение и анализ *морфемных лексико-семантических групп* (корневых — по общему корню, префиксальных — по общей приставке, суффиксальных — по общему суффиксу)¹.

§ 31. Лексика старославянского языка с точки зрения происхождения

Функциональная характеристика старославянского языка как первого литературно-письменного языка *всех славян* позволяет предположить, что церковные книги первых переводчиков, созданные на нем, могли быть более или менее понятны (с учетом качества подготовки и знания греческого языка) носителям разных славянских языков и диалектов того времени. А это значит, что процент общеславянских слов в старославянских памятниках достаточно высок. Например, в Мариинском евангелии 50% лексического состава приходится на общеславянскую лексику (из общеславянской 10% — диалектная)². Как отмечает А. С. Львов, «обычная лексика памятников старославянской письменности представляла праславянское наследие, была генетически связана с индоевропейской основой или при отсутствии указанных генетических связей, бесспорно, являлась общеславянским слоем рассматриваемого периода»³.

Несмотря на то что на славянской почве произошли значительные изменения в словарном составе, в славянских языках и до настоящего времени сохранилось довольно много корней индоевропейского происхождения.

Степень сохранности слов, унаследованных от более раннего языкового состояния, различна в разных тематических группах. Например, индоевропейскими по происхождению являются все важнейшие термины родства (рус. *мать*, ст.-сл. *мати* — лит. *mótina*, латыш. *māte*, др.-ирл. *māthir*, др.-инд. *mātār*, арм. *mair*, лат. *māter*), имена числительные (рус. *десять*, ст.-сл. *дѣсѣтъ* — др.-лит. *dešimtš*, др.-инд. *dāśa*, др.-инд. *ahām*), местоимения (рус. *я*, ст.-сл. *ѧъ* — лат. *ego*), а вот среди названий домашних животных сохранились только отдельные лексемы, имеющие индоевропейские корни, ср: рус.

¹ См.: Цейтлин Р. М. Лексика древнеболгарских рукописей X—XI вв. С. 88—206; Ефимова В. С. Лексика со значением речи в старославянском языке. I: Слова с корнями -вѣт-, -вѣсѣд-, -каз- // Славяноведение. 1996. № 1. С. 18—30; другие работы.

² Львов А. С. Праславянский слой старославянской лексики // Вопросы языкознания. 1976. № 2. С. 73.

³ Там же. С. 77.

поросенок, свинья; укр. *поросся, свиня*; болг. *прасе, свиня*; пол. *prosię, świnia*; чеш. *prase, svine*; ст.-сл. ****праса** (см. § 29), **свинна** — англ. *porc, swine*; нем. *Schwein*.

Основной спектр знаний древних славян был своеобразно преломлен в праславянском языке. В нем были представлены лексико-семантические группы¹, связанные с человеком и его жизнью: жилье, хозяйственный обиход, одежда, пища; окружающий мир, природа; род занятий, собирательство, скотоводство, земледелие, ремесло; представления о времени, пространстве, количестве и некоторые другие. Такие древние слова доносят до нашего времени зафиксированный в языке запас представлений, отражавших характерные особенности родового строя с его хозяйственным укладом.

Очевидно праславянское происхождение слов **вода, звѣзда, земля, лоуна, морк, мѣсць, небо, облакъ, соуша, слънце** и многих других.

Земледельческий характер древнейшей культуры славян отражен, например, в названии растительного семени: *sěmę (< псл. sěti 'сеять') — 'сеемое', так как в неземледельческих культурах данное понятие имеет принципиально иную мотивацию, напр. др.-инд. *kāna* 'пылинка, крошка'.

Из праславянского языка перешли названия предметов, свидетельствующие о технологии их изготовления или технологии процесса, для которого они предназначаются: ст.-сл. **пышеница** < псл. *ръšenića (< *ръš'eno от прич. *ръš'ень глагола *ръхати 'толочь'); ст.-сл. **гоумно** < псл. *gumьno (от сложения и.-е. корней *g^wou-s 'крупный рогатый скот' + *mъ- 'топтать': лит. minti, псл. *męti, ст.-сл. **мѣти**, рус. *мять*); ст.-сл. **оплотчъ** 'забор, ограда' < псл. *plo(k)тъ 'плот, изгородь' (ср. рус. *плету, плести* < *ple(k)ttei).

На фоне древнейшей общеславянской лексики необходимо рассматривать и древнейшую по происхождению диалектную лексику. Первой попыткой постановки проблемы следует считать работу В. Ягича, связанную с изучением так называемый первичной и вторичной лексики в дошедших до нас памятниках старших списков².

Первоначально Кирилл и Мефодий при переводе греческих текстов на славянский язык ориентировались на свой родной солунский (южнославянский) говор. В период их деятельности в Моравии и Паннонии в старославянский язык проникли немногочисленные слова, характерные для западнославянского ареала.

¹ Лексико-семантическая группа — это совокупность слов, относящихся к одной части речи, объединенных внутриязыковыми связями, различными семантико-парадигматическими отношениями.

² Jagić V. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913. P. 281—421.

Впоследствии в связи с деятельностью древнеболгарских книжников в текстах появился восточноболгарский (преславский) пласт лексики, так называемые восточноболгаризмы.

Изучая лексику старославянских памятников, исследователи пришли к выводу, что южнославянскими диалектизмами являются слова **бѣдѣти** 'бодрствовать', **избѣти** 'остаться, быть в избытке', **источьникъ**, **кокоцъ** 'петух', **ништъ** 'нишей'¹, моравизмами можно считать лексемы **братръ**, **дрьколь** 'палка, дубина', **ѣдинъ** (в значении неопределенного местоимения), **стоуденьць** 'водоем, колодец', **отчлѣкъ** 'остаток', а такие диалектные слова, как **брашно** 'еда', **глаголати** 'говорить', **одежда**, локализации не поддаются². Проблема лексических моравизмов и еще в большей степени паннонизмов в палеославистике до настоящего времени остается малоизученной.

Характеризуя роль праславянского лексического фонда для изучения всех без исключения славянских языков, сошлемся на высказывание О. Н. Трубачева в отношении «фондовой», т. е. древнейшей, лексики: «Семантическая история оказывается в основном состоявшейся в дописьменный период, а на письменный период приходится в таком случае период относительного покоя»³.

Для славянской языковой системы древней поры в целом характерно незначительное число *заимствованных слов*. Кроме того, постоянно ведущиеся этимологические исследования вносят коррективы в традиционные представления о происхождении слов. Так, например, ст.-сл. существительное **чѣдо** < псл. *čędo, долгое время считавшееся германским заимствованием, в последнее время трактуется как исконно славянское, производное с суффиксом -do от псл. глагола *čęti 'рождаться, прорасти, начинаться'⁴.

Что касается памятников старославянского языка, то заимствования составляют примерно одну шестую часть общего количества единиц старославянской лексической системы (по подсчетам Р. М. Цейтлин, 1778 из 9616⁵). Перевод греческих богослужебных книг определил преобладающий характер заимствований из греческого языка (*грецизмов*). Они являются в большинстве словами книжного происхождения, связаны с основными понятиями христианства, религиозного мировоззрения, с церковной обрядностью: **аналавъ** греч. ἀνάλαβος 'аналав (часть монашеского облачения)', **презвѣтеръ** греч. πρεσβύτερος 'священник, пресвитер', **сакеларни** греч. σακελλάριος 'хранитель церковной казны'. Отсутствие подоб-

¹ Львов А. С. Праславянский слой старославянской лексики // Вопросы языкознания. 1976. № 2. С. 84.

² Там же.

³ Трубачев О. Н. Историческая и этимологическая лексикография // Теория и практика русской исторической лексикографии. М., 1984. С. 23.

⁴ Этимологический словарь славянских языков. Вып. 4. С. 102—104, 109.

⁵ Цейтлин Р. М. Лексика древнеболгарских рукописей X—XI вв. С. 36.

ных понятий в славянских языках того времени позволяет считать некоторые грецизмы культурными заимствованиями.

Среди грецизмов — собственно лексических заимствований — преобладают имена существительные, например: **акротомъ** греч. ἀκρότομος ‘скала, утес’, **ангѣль** ἄγγελος’, **идолъ** греч. εἶδωλος, **июль** греч. Ἰούλιος, лат. iūlius, **катапетазма** греч. καταπέτασμα ‘завеса’, **кивотъ** греч. κιβωτός ‘ларец’, **кодрантъ** греч. κοδράντης, лат. quadrans ‘кондрат¹ (римская монета)’, **кротафъ** греч. κρόταφος ‘висок’, **пинакида** греч. πινακίς ‘дошечка для писания’, **сканъдалъ** греч. σκάνδαλον ‘соблазн, искушение’, **филосъ** греч. φύλλος (вар. φιλλίτης, φαλίτης) ‘вид вредного насекомого’. Значительную часть этой группы лексики составляют имена собственные, прежде всего личные и географические: **вартоломен** ‘Варфоломей’, **декаполь** ‘Десятиградие’. От заимствованных слов образуются имена прилагательные: **ангѣльскъ**, **декапольскъ**, **елинскъ** ‘греческий’, **июденскъ**, **фараоновъ**.

Перевод с греческого оригинала позволил создателям первых текстов на славянском языке перенести на славянский почву ряд книжных *калек*: сложные слова с первой частью *благо*-², *бogo*-, *добро*-, *зло*-, *лже*-, *ново*- и подобные (**благовѣщати**, **благодѣтънъ** ‘благодатный’, **богоугоднъ** ‘богоугодный, божеский’, **велезълова** ‘большое зло’, **добророднъ** ‘знатный’, **добростъворение** ‘благодеение’, **лихонимик** ‘корыстолюбие’, **милосръдовати**), слова с отвлеченной семантикой (**вестоудик** ‘бесстыдство’, **воцнство** ‘неразумность’, **влъшьствик** ‘колдовство’, **мръзость**, **осъжденник**, **помышленник**) и др. Собственно *лексическими* (или *словообразовательными*) *кальками* называются такие слова, которые образованы посредством буквального перевода каждой из значимых частей слова, т. е. путем точного копирования значения и способа образования: εὐλογεῖν — **благословити** ‘славить Бога’, χρηστότης — **благость**, πρόσκαιρος — **маловрѣменнъ** (и **малогоднъ** ‘недолговечный, временный’), ἔλεος, ἐλεημοσύνη — **милостыни** ‘сострадание, милосердие’, αὐτόπτης — **самовидецъ** ‘очевидец’, ζημία — **тѣщета** ‘ущерб, вред, урон’.

Незначительную в количественном отношении группу заимствований составляют *гебраизмы* и *арамеизмы* — древнееврейские и арамейские слова, проникшие в старославянский язык опосредованно, через греческий язык. В их числе преимущественно имена собственные и сакральные наименования — **голгогота** ‘Голгофа’, **каръвана** ‘сокровищница’, **равви** ‘учитель, наставник’. При введении таких слов в

¹ Метатеза **кодрантъ** > **кондратъ** (ср. **конъдратъ** Мк. 12: 42 Зогр.) имела место на славянской почве.

² В «Старославянском словаре (по рукописям X—XI вв.)» (под ред. Р. М. Пейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994) зафиксировано 99 лексем с корнем *благ*- и компонентом *благо*- с существенным количественным перевесом сложных образований последнего типа.

текст иногда используются комментарии, поясняющие их значение: **г҃ла ємоу • єф̣фата • єже єстѣ разврѣзи са** (Мк. 7: 34 Зогр., Асс., Мар., Сав.) ‘[Иисус] сказал ему: «Эффата!»¹, то есть «Откройся!»; **ізде въ нарицаемое краниво мѣсто еже г҃летъ са євренскы голгота** (Ин. 19: 17 Зогр., Асс., Мар., Сав.) ‘[он] направился к так называемому лобному месту², что по-еврейски именуется «Голгофа»’.

К *тюркизмам* относят такие слова из старославянских текстов, как **вѣла** ‘господин’, **капице** ‘идол’, **коумиръ** ‘идол’, **санъ**, **чрьтогъ**, **шарѣчии** ‘живописец’.

Влияние латинского языка, хотя и незначительное, также наблюдается в старославянской лексике: **аеръ** (лат. *aer* ‘воздух’), **оцѣтъ** (лат. *acetum* ‘кислое вино, уксус’), **олѣи** (лат. *oleum* ‘елей, масло’), **поганинъ** (лат. *paganus* ‘язычник’). Заимствования из латинского чаще всего появлялись в старославянских текстах через греческий язык (**єноуарѣ** греч. *ἰανουάριος*, лат. *jānuārius*), однако имеются свидетельства и непосредственного заимствования из латыни, например: **скждаль** ‘черепица’ (лат. *scandula*, ср. греч. *οἱ χέραμοι*). Единичные латинизмы и германизмы могли попасть в славянские языки еще в дописьменную эпоху — **баня** (< псл. *banja ← народнолат. *bānea < лат. *balneum ‘купальня’ ← греч. *βαλανεῖον*), **малта** (< псл. *męta ← лат. *ment(h)a ‘мята’ ← греч. *μίνθη*), **хоржгы** ‘скипетр’ (< псл. *хорogy ← герм. *horungō; ср. гот. *hrugga* ‘палка, посох’), **хлѣвъ** (< псл. *xlēbv ← герм. *hlaiba; ср. гот. *hlaifs*, совр. англ. *loaf (of bread)*).

Старославянский язык формировался в процессе переводческой деятельности Кирилла, Мефодия и их ближайших учеников и последователей, соответственно он был ориентирован на греческие тексты и через них впитал лексико-семантическое богатство греческого литературного языка византийской эпохи. Стремление к точности и вместе с тем образности в передаче языка оригинала привело к появлению целого ряда книжно-литературных лексических и фразеологических единиц, часть из которых носила окказиональный характер. Письменность играла стабилизирующую роль, отражая необходимость кодификации человеческих знаний, что проявлялось в особенностях семантического развития системы в целом и отдельных ее единиц. Одним из таких семантических процессов в старославянском языке было переосмысление старого славянского лексического значения слова, в результате чего увеличивалось количество слов с абстрактным значением. В формировании значений слова важна та речевая ситуация, так называемая семантическая позиция, в которую оно попадает. Абстрактные

¹ Форма глагола заимствована в старославянский текст из арамейского языка.

² Ст.-сл. **краниво мѣсто** ‘лобное место’ от греч. *κρανίου τόπος* (буквально ‘место черепа’; ср. греч. *κρανίον* ‘черепа’).

или переносные значения развились, например, у слов, которые использовались славянами в конкретном значении (връѣдъ — первоначально ‘рана’, затем ‘ущерб, убыток’). Известен и обратный процесс: широкая употребительность слов с отвлеченным значением привела к развитию у некоторых из них вторичных конкретных значений, например: **милость** ‘сострадательность’ → ‘милостивый поступок’ → ‘милостыня’. Такие «приращения смысла» имели огромное значение для лексической системы старославянского языка, который был первой в истории литературной обработкой славянской речи.

Таким образом, лексика старославянского языка с точки зрения происхождения представляет три пласта: общеславянская, заимствованная и различного типа славянские новообразования (лексические и семантические).

§ 32. Лексика и этимологический анализ

В предыдущем параграфе речь шла о происхождении старославянских слов. Однако в лингвистике есть область сравнительно-исторических исследований, непосредственной задачей которой является изучение истории отдельных слов от современного до наиболее древнего доступного науке состояния. Соответствующий ее раздел называется *этимология*¹. Этот термин используется не только как название раздела языкознания, изучающего происхождение слов, но и для обозначения собственно происхождения того или иного слова (ср. этимологию слова «этимология»).

Называя предмет, говорящий соотносил его с другими явлениями окружающего мира, поэтому вновь возникающее слово всегда было связано с уже существующими названиями, т. е. было мотивированным. Со временем по разным причинам мотивация утрачивается, и тогда слово начинает функционировать как немотивированное обозначение; например, в современном русском языке прилагательное *красный* не соотносится, как в древности, с существительным *краса*, а существительное *отрок* — с глаголом *речь*. Изменение семантики слова и его словообразовательной структуры — процесс достаточно длительный, на любом этапе употребления слова может произойти его деэтимологизация, т. е.

¹ Слово *этимология* заимствовано в европейские языки из греч. *ἐτυμολογία*, которое образовано от *ἔτυμος* ‘истинный, верный’ и *λόγος* ‘слово, смысл’, т. е. первоначально слово *этимология* обозначало поиски «истинного», исходного значения того или иного слова языка. В лингвистической литературе XIX — начала XX в. этот термин использовался в том значении, которое теперь закрепилось за термином *морфология*.

разрыв связей между формой и содержанием. В этом случае слова становятся объектами этимологии.

В основе этимологического анализа лежит сравнительно-исторический метод (см. § 15). Учет изменений языковой системы на всех ее уровнях — фонетическом, морфемном, грамматическом и лексическом — позволяет установить первичную мотивацию анализируемого слова. Снятие следов, оставленных временем, проводится прежде всего на словообразовательном и морфемном уровне. В этом случае слово сопоставляется с потенциально родственными лексемами того же языка (включая диалекты, поскольку диалектная лексика часто сохраняет архаичные по форме или значению слова) или родственных языков. Так, проводя этимологический анализ слова *человек*, можно выстроить последовательность *человек — увечный — убогий — богатый — рогатый*. Членимость последнего слова из этого ряда, а также ясное значение его аффикса позволяют, парно сопоставляя слова (общность аффиксов *бог-ат-ый — рог-ат-ый, у-веч-н-ый — у-бог-ий*; их синонимичность *увечный — убогий* и антонимичность *убогий — богатый*; общий корень *человек — увечный*, ср. *увечие*), сделать вывод об исконной членимости слова *человек* и представить мотивацию его образования. Четко вычленивается и первая часть сложения — *чело-*. Видимо, **čelověкъ* является славянским новообразованием, которое не имеет параллелей в других индоевропейских языках (даже балтийских) и представляет собой сложение двух корней — **čelo* ‘лицо, лоб’ (ср. др.-в.-н. *helid* ‘мужчина, боец’), представленного также в словах *челядь, челюсть*, и **věкъ* ‘сила’ (ср. лит. *vaikas* ‘сила’)¹. Отметим, что в старославянских памятниках форма этого слова отмечается только с редукцией первого гласного — *чловѣкъ* (<**čьlověкъ* < **čelověкъ*).

При этимологизации слов приходится учитывать разнообразные факторы в их сложном взаимодействии. Так, О. Н. Трубачев рассматривает славянский глагол *двигать* как родственный немецкому *Zweig* ‘ветка’ (производному от числительного *zwei* ‘два’), учитывая лингвистические и культурно-исторические данные: значение ‘двигать’ для данного глагола производно от первичного значения ‘поднимать’, а для поднятия тяжестей в качестве рычага известно использование ветки, палки с развилкой (ср. нем. *Zweig*). Название же такой ветки, развилки может быть производным от числительного ‘два’ (‘раздвоенное’).

Важно учитывать, что в процессе создания и развития каждого слова взаимодействуют различные закономерные явления и процессы (фонетические и семантические изменения, включение

¹ Этимология данного слова как сложения **čelo + *věкъ* со значением корня ‘имеющий силу во лбу → преисполненный силы’ признается не всеми лингвистами.

в определенное словообразовательное гнездо или изоляция вследствие утраты родственных слов и т. п.), хотя их сочетание в каждом отдельном случае индивидуально.

Не всегда кажущиеся естественными сближения слов оправданы. Так, например, С. П. Обнорский¹ предполагал, что прилагательное *хороший* — закономерная притяжательная форма от иранского существительного *Chors* (*Хорс* — имя божества солнца), заимствованного в доисторическую эпоху, когда в восточнославянских языках развивалось полногласие (данную этимологию разделяет также В. И. Абаев). Однако большинство ученых считает ее неверной: «Наиболее вероятно предположение о происхождении из сокращенной формы на **-шь** от **хоробрый** (см.), ср. Мейе — Вайн 23. Менее вероятно — от хоронен, хоронить (см. Бернекер...; Ягич...; Брюкнер...). Невероятно произведение от имени бога солнца **Хорс** (Обнорский...), потому что для названия божества полногласная форма ***Хорось** не засвидетельствована»².

Получить информацию о происхождении слова можно из этимологических словарей, однако, имея представление об основных фонетических изменениях, в отдельных случаях удается осуществлять первичный этимологический анализ, не прибегая к справочной литературе. Например, информация о смягчении заднеязычных под влиянием гласных переднего ряда и наличии морфонологического чередования аблаут позволяет сделать вывод о том, что семантически связанные местоимения **къто** и **чьто** — одного корня. Этот же корень был использован при образовании местоименных наречий **къде** (после падения редуцированных происходит ассимилятивное изменение первого согласного; ср. рус. *где*) и **къгда**.

Зная парадигму спряжения старославянского глагола **тѣти** ‘бить’ — **тѣпж** ‘бью’, **тѣпши** ‘бьешь’, несложно восстановить праславянский вид инфинитива **teptei* и предположить наличие существительных с обычным для таких случаев абалаутным (см. § 24) чередованием е//о в корне: ср. *грести* — *гроб* (ст.-сл. **гробъ** ‘могила, склеп, гробница’), *плести* — *оплот* (ст.-сл. **оплотъ** ‘забор, ограда’), а затем связать рус. *топор* (в ст.-сл. памятниках не зафиксировано) с глаголом **тѣти** ‘бить’.

Заимствованное или исконное слово может подвергнуться переосмыслению носителями языка, что иногда приводит к изменению плана выражения слова. Такое изменение мотивированности слова в системе языка и изменение вследствие этого его звуковой оболочки принято называть народной, или ложной, этимоло-

¹ Обнорский С. П. Прилагательное «хороший» и его производные в русском языке // Язык и литература. Л., 1929. Т. III. С. 241—258.

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986. Т. 4. С. 267.

логией. В старославянском языке примером действия народной этимологии может служить слово **лицемѣръ**, представляющее собой, по-видимому, вторичное преобразование исконного сложения *liceměpъ ‘меняющий лицо’ (ср. аналогичное литовское образование *veidmainys ‘лицемер’)¹ *liceměgъ ‘оценивающий по лицу’. Еще один древний пример народной этимологии — рус. *верблюд*. Др.-рус. форма **вельвлоудъ**, к которой восходит современное русское слово, в свою очередь, возникла в результате переосмысления по типу народной этимологии — **велин** / **вель** ‘большой’ + **владити** ‘блуждать’ — старославянского слова **вельвждъ** (*velbǫdъ), заимствованного из гот. *ulbandus* ‘верблюд’, которое попало в готский через греческое посредство (греч. ἐλέφας, -αντος ‘слон’) из восточных языков². Рус. *верблюд* (< др.-рус. **вельвлоудъ**) отражает межслоговую диссимиляцию плавных в рамках фонетической тенденции к устранению скопления одинаковых соседних плавных³ (ср. также ст.-сл. **Порфилъ** ‘Порфирий (имя собств.)’ < греч. Πορφύριος и рус. *февраль* < др.-рус. **феврарь** / ст.-сл. **ферварь**; ср. лат. *februarius*, греч. φεβρουάριος).

§ 33. Системные отношения в лексике

Лексика, подобно другим уровням языка, представляет собой систему, т. е. объединение множества элементов, находящихся в закономерных отношениях и образующих в совокупности определенную целостность. Лексические единицы в рамках лексико-семантической системы языка связаны отношениями тождества, сходства, противоположности, включения и др. В самом общем виде связи слов в языке могут быть представлены следующим образом:

1) семантические, образующие «семантические поля», лексико-грамматические группы слов; синонимические и антонимические ряды; связи, отражающие соотношения прямых и переносных значений слова.

2) структурно-семантические, образующие принципы и правила сочетания слов;

3) структурно-морфологические, т. е. связанные с процессом словообразования (derivации).

Будучи языком литературным, старославянский язык характеризуется богатством словарного состава и сложностью его внутренней организации.

¹ ЭССЯ. Вып. 15. М., 1988. С. 79.

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. М., 1986. С. 293.

³ Подробнее об этом см.: Якубинский Л. П. Скопление одинаковых плавных в практическом и поэтическом языках (1919 г.) // Якубинский Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование. М., 1986. С. 176—182.

Так же, как и в любом языке, в старославянском есть слова, имеющие одно лексическое значение, т. е. *однозначные (моносемантические)*: *апостола* ‘проповедница христианства’, *вездѣждик* ‘засуха’ и т. п. Однако им противостоит более многочисленная группа *многозначных (полисемантических)* слов. Если сравнить два контекста *вѣ же година третѣѣ* (Мк. 15: 25 Мар.) ‘был час третий’ — *нѣ се естъ ваша година • область тьмѣнаѣ* (Лк. 22: 53 Зогр., Мар.) ‘но теперь ваше время и власть тьмы’, то становится понятно, что слово *година* в первом случае употреблено в значении ‘час’, а во втором — ‘определенная пора, время, срок’. Многозначность слов (полисемия) широко представлена в старославянском языке: *алѣканик* — 1) голод, 2) пост; *милостѣи* — 1) милосердие, 2) милостыня; *полѣ* — 1) половина, 2) берег, 3) пол (женский); *раславлѣнѣ* — 1) ослабевший, слабый от болезни, 2) парализованный; *рѣвѣновати* — 1) стараться, 2) завидовать; *сѣвѣсть* — 1) сознание, 2) совесть, 3) свидетельство; *сѣнѣ* — 1) состояние сна, 2) сновидение; *хѣтрыць* — 1) знаток, 2) мудрец.

Вместе с тем многозначность слов представляет применительно к старославянскому языку серьезную проблему, с одной стороны, из-за ограниченного числа текстов, а с другой — из-за переводного характера его словаря. Например, широкоупотребительное слово *врѣма* в Клоц. 2б.8 встречается в следующем контексте: *аште ельзѣ поуштати женѣ своѣѣ • на всѣво врѣма* ‘[вопрос:] можно ли разводиться с женою своею? [ответ:] на всѣво врѣма’. Словари толкуют здесь его значение как ‘обстоятельства’. Сопоставив текст речи Мефодия (в которой содержится данное употребление) с рядом гомилий (проповедей) и юридических памятников на греческом и различных славянских языках, Й. Вашица предложил считать данное слово юридическим термином со значением ‘прелюбодеяние’¹.

Лексическая система старославянского языка демонстрирует определенную общность тенденций внутреннего развития, сходный характер основных семантических трансформаций лексем. Слова обнаруживают однотипность в развитии переносных значений, их приобретает, например, обиходная лексика: *вѣспитѣти* ‘вскормить’ — перен. ‘воспитать’, *сѣнѣдати* ‘съесть’ — перен. ‘истреблять, разорять, уничтожать’, *оѣглѣстѣти* ‘ожиреть’ — перен. ‘очерстветь’. Абстрактные или переносные значения развились, таким образом, у слов, которые использовались славянами в конкретном значении: *младѣ* ‘молодой’ — первоначально ‘мягкий’, *печаль* ‘мучение’, ‘печаль’, ‘забота’ — первоначально ‘ожог’. Слово *чрѣво* в старославянских текстах употребляется в прямом значении

¹ Цит. по: *Цейтлин Р. М.* Лексика древнеболгарских рукописей X—XI вв. С. 19—20.

‘желудок’, ‘живот’, а также в переносном — **адово чръво** (Супр. 461.20); слово **дъбрь** имеет значение ‘ущелье, низина’ и употребляется перифрастически в составе сочетания **дъбрь огъбнага** ‘ад’.

Одно и то же фонетическое слово в старославянских текстах могло употребляться в столь различных значениях, что вполне уместно говорить об омонимах. Таковы, например, **плѣнѣ** ‘ плен ’ и **плѣнѣ** ‘ добыча ’; **почисти** ‘ прочесть ’ и **почисти** ‘ почтить ’; **скждальникъ** ‘ глиняный сосуд ’ и **скждальникъ** ‘ гончар ’; **свъѣдѣникъ** ‘ свидетельство, подтверждение ’ и **свъѣдѣникъ** ‘ откровение, провидение ’.

В некоторых случаях праславянский корень, обладавший *синкретизмом* значений (т. е. служивший для передачи широкого спектра значений), развивался в направлении поляризации этих значений, что постепенно приводило к «расщеплению» его семантики вплоть до образования у него антонимических значений: ст.-сл. **двизати** ‘ двигать ’ и ‘ затруднять ’ (ср. рус. *одолжить* ‘ дать в долг ’ и ‘ взять в долг ’, *подозрительный* ‘ подозреваемый ’ и ‘ недоверчивый ’; ср. в родственных славянских языках: рус. *вонять* и ст.-сл. **вонати** ‘ (приятно) пахнуть, благоухать ’; рус. *урод* и пол. *uroda* ‘ красота ’; рус. *чёрствый* и чеш. *čerstvý* ‘ свежий (о хлебе) ’ и др.)¹.

Итак, многозначность (полисемантность) может проявляться по-разному: в *полисемии*, т. е. в наличии у слова нескольких значений, которые выступают в разных контекстах (наиболее распространенный тип); в *омонимии*, когда разные слова имеют близкие или одинаковые значения (омонимия часто является результатом развития полисемии); в *синкретизме*, когда слово одновременно, т. е. в одном и том же контексте, выражает разные, присущие ему значения (в противоположность омонимии это тип с наименее четкой противопоставленностью значений внутри одного слова).

§ 34. Синонимы и антонимы

Словарный состав старославянских памятников демонстрирует развитые синонимические отношения: **алѣканик** — **алѣчба** — **гладъ** — **постъ** ‘ пост ’; **въздръжаник** — **пощеник** ‘ воздержание ’; **бездъна** — **пропадъ** — **ровъ**, **мирънъ** — **покоинъ**, **съликъствовати** — **сърадовати сѧ** ‘ радоваться вместе с кем-либо ’. Синонимические отношения охватывают большинство знаменательных частей речи:

— существительные: **бездъна** — **бездъникъ** — **пропадъ** — **ровъ** — **ровьникъ**, **вратарь** — **двьрьникъ** ‘ привратник ’, **клеветарь** — **обадн-**

¹ Для обозначения такой внутрисловной антонимии, когда одно слово в различных контекстах может иметь противоположные значения, используется термин *энтантисемия* (от греч. ἐναντιός ‘ противоположный ’ и σῆμα ‘ знак, признак ’).

тѣль — обличитѣль, казатѣль — наставникъ — пѣстоуѣнъ ‘наставник’, доброта — красота — лѣпота ‘красота’, свирьць — сопьць ‘тот, кто играет на свирели’;

— прилагательные: бѣдрѣливъ — бѣждрь — поустынь ‘бодрый’, добръ — лѣпъ ‘красивый’, лопотивъ — нанѣмъ ‘косноязычный’, маловрѣменьнъ — малогоднъ ‘кратковременный’, младъ — макъкъ ‘мягкий, нежный’;

— местоимения: единъ — етеръ ‘некий’;

— наречия: вѣскжж — почыто ‘почему, зачем’, искони — испрѣва ‘сначала’;

— глаголы: глаголати — рещи — съказати — вѣсѣдовати — вѣщаати — повѣдати — оглаголати — глашати — зѣвати, глѣдати — призирати — съмотрѣати ‘смотреть’, ослѣпити — омрачити ‘ослепить’.

Синонимические отношения охватывают также некоторые служебные части речи, например предлоги: искръ — близъ; ради — дѣла ‘из-за’.

Обращает на себя внимание обилие синонимических рядов, состоящих из однокоренных слов: бездѣна — бездѣник; вестоудникъ — вестоудць ‘бесстыдник’; добль — довлѣстнъ — прѣдверъ ‘доблестный’; длъготръпѣликъ — длъготръпѣникъ — тръпѣникъ — тръпѣльство, лѣпота — вельлѣпота — благолѣпикъ ‘красота’; повѣдитѣль — повѣдникъ — повѣдотворьць; ровъ — ровникъ ‘пропасть’; страстоносць — страстотръпць — страстьникъ ‘мученик’. Явление словообразовательной синонимии представляет собой результат внутрисистемного взаимодействия словообразовательных типов (см. § 39). Примером тому служат, например, имена на -никъ и -тѣль, выступающие со значением лица: жатѣль — жатѣланинъ, повѣдитѣль — повѣдникъ, прѣдавникъ — прѣдатѣль; абстрактные существительные: лихонаникъ — лихоникъ — лихонмство — лихонмствикъ ‘корыстолюбие’, опасъ — опасеникъ ‘внимание, старательность’, спѣхъ — спѣшеникъ ‘усердие, старание’, срамъ — срамота ‘позор, срам’ и многие другие. Активное использование слов с одинаковыми корнями приводит к тому, что синонимические ряды расширяются, пополняясь за счет грамматически инородных элементов — субстантивированных слов (прилагательных и причастий): жатѣль — жатѣланинъ — жьня(н) ‘жнец’; подвижникъ — подвижнъ ‘борец’; поустыньникъ — поустыньнъ ‘отшельник, пустынник’; оучитѣль — оучаи.

В некоторых случаях в синонимическом ряду встречаются лексемы, представляющие собой далеко разошедшиеся в фонетическом отношении формы корня: оуходъ — оушиндъ ‘беглец’, оходникъ — ошьльць ‘отшельник’.

Развитая синонимия — явление, характерное главным образом для литературных языков, стремящихся к максимально точной или

выразительной передаче мысли. Однако, если проанализировать отдельные ряды старославянских синонимов, создается впечатление, что перед нами равноправные с точки зрения выражаемого значения варианты: *вездобь* — *ашоуѣть* — *поустошь* — *спыти* — *соуи* (*въсоуѣ*) — *тъць* (*вътъцьѣ*) — *оумъ* (*без оума*) 'тщетно, напрасно'; *маловрѣменьнъ* — *малогоднъ* 'недолговечный'. Это напоминает отношения между так называемыми *семантическими дивергентами* (термин Л. П. Якубинского¹) в пределах одного значения в диалектах. Такие семантические дивергенты в говорах отличаются от синонимов литературного языка тем, что между ними нет никаких смысловых и стилистических различий. Видимо, это явление связано с недостаточным развитием стилистической системы старославянского языка.

Возможно также, что наших сегодняшних знаний о лексической системе старославянского языка недостаточно, чтобы уловить стилистические или иные различия у синонимов.

Некоторые пары слов, хотя традиционно и рассматриваются как синонимы, не имеют однозначной трактовки в лексической системе старославянского языка. Ср., например, употребление слов *бални* — *врачь* в разных старославянских памятниках: в Асс., Зогр., Сав. употребляется только лексема *врачь*, в Киевских листках и Син. — только *бални*, а в Мар. и Син. требнике встречаются оба слова. Можно ли называть приведенные варианты синонимами, если они употребляются в одном и том же памятнике письменности? Во избежание терминологических неточностей подобные слова стали именоваться *лексическими вариантами* или *лексическими дублетами*. Лексические дублеты часто выступают в качестве *текстологических дублетов*, которые по-разному переводят одно и то же слово греческого или латинского оригинала в конкретном чтении определенного текста².

Лексическая вариантность в старославянском языке давно изучается славистами. А. Х. Востоков в «Рассуждении о славянском языке» (1820) высказал мнение о том, что переписчики рукописей «имели свои причины переменять или, по их мнению, поправлять язык уже мертвый, в книгах только сохранившийся»³. Один тип правки был связан с неясностью или неупотребительностью отдельных лексических единиц и их заменой на соответствующие времени и месту создания текста, чтобы быть понятным. Другой тип объяснялся попытками придать правильность языку, причем

¹ Якубинский Л. П. Несколько замечаний о словарном заимствовании // Якубинский Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование. С. 67.

² Старославянский словарь (по рукописям X—XI вв.). С. 54.

³ Цит. по кн.: Львов А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966. С. 6.

таковая правильность воспринималась книжниками как соответствие современным им нормам или нормам греческой и латинской грамматики.

П. Шафарик выдвинул гипотезу (впоследствии не подтвердившуюся) о том, что в памятниках, написанных кириллицей, слова, характерные для глаголических памятников, заменены другими. Позднее В. Ягич заметил, что одно и то же греческое слово передавалось разными славянскими словами. По мнению А. С. Львова, большое количество лексических вариантов, отличающих рукописи старославянской письменности, «является свидетельством того, что текст первичного перевода позже подвергался сознательным изменениям»¹.

В отдельных случаях варианты противопоставлены друг другу как заимствованное слово/славянское, например: **варь-варь** — **иностраньникъ** — **иноязычъникъ** ‘чужеземец’, **еретникъ** — **иновѣрьникъ**, **ипокритъ** — **лицемѣръ**, **кентоурионъ** — **сѣтьникъ** ‘сотник’, **клеврѣтъ** — **подрѣтъ** ‘сотоварищ’, **скиния** — **сѣнь** ‘тень’, **стратигъ** — **воквода**, **талантъ** — **златница** ‘золотая монета’ — перед нами типичный случай перевода понятия на славянский язык. Как показывает материал, и славянские первоучители, и их последователи, встречая в греческом оригинале слова, нехарактерные для славянского быта, культуры, часто не калькировали их, а стремились перевести, используя языковые ресурсы языка-восприемника. Даже относительно регулярные в старейших славянских памятниках грецизмы, представляющие церковную терминологию, в ряде рукописей оказываются переведенными. В еще большей степени данный процесс характеризует обиходные слова, не связанные с христианской обрядностью.

Данный прием лег в основу нового соотношения слов, которое могло иметь стилистический характер: так, первый член пары **котъка** — **анкура** ‘якорь’ употреблялся в нейтральном контексте **имѣаше сии коравль котъкы желѣзны** (Супр. 400.27) ‘были у того корабля железные якоря’, а второй — в метафорическом **архангели то исповѣданык тако и анкурж дръжатъ** (Супр. 509.17) ‘архангелы тот обет держат как якорь’.

В случае вариантов слов славянского происхождения можно указать на многочисленные словообразовательные пары типа **валобаник** — **вальство** ‘лечение’, **благодатъникъ** — **благодѣтель** ‘тот, кто делает добро’, **врачба** — **врачство** ‘лечение’, **давьць** — **датѣль** ‘даритель’, **коупно** — **въкоупе** ‘вместе’, **кѣйнгъчии** — **кѣйнижъникъ**, **нагость** — **нагота**, **тажестъ** — **тажость** — **тажота** и подобные.

¹ *Львов А. С.* Очерки по лексике памятников старославянской письменности. С. 280.

В отдельных случаях, по-видимому, можно говорить о передаче лексическими вариантами оттенков значений: в древнейших текстах употреблялись слова **вѣннити**, **цѣннити** и **продати**, причем **вѣннити** означало ‘оценить предназначенный для продажи товар’; **цѣннити** ‘определять размер возмещения’; **продати** ‘продавать’ или первоначально ‘обменять’¹. Очевидно, значение слова **цѣннити** изменилось, расширившись до ‘определять цену товара’. В такой ситуации глагол **вѣннити** стал избыточным и по этой причине оказался исключенным из поздних текстов церковных книг².

В качестве еще одной причины появления лексических вариантов следует назвать приспособление старославянских текстов к языку (говору) той славянской территории, где осуществлялась переводческая и редакторская работа, прежде всего это Моравия и восточная Болгария. Некоторые варианты закрепились в различных по времени и/или месту написания памятниках. Характерные для западнославянской диалектной зоны лексические единицы, используемые в текстах памятников вместо соответствующих южнославянских, принято называть *моравизмами*. К их числу традиционно относят второе слово в каждой из приведенных ниже пар лексических вариантов: **вратъ** — **вратръ**, **кладазь** — **стоуденьць** ‘колодец’, **посохъ** — **дрьколь** ‘палка’, **истина** — **рѣснота**, **небесънъи** — **небесъскъ**, **етерь** — **единъ**.

Пары **гоумно** — **токъ**, **двѣрникъ** — **вратарь** ‘привратник’, **животъ** — **жизнь**, **кѣнигы** — **писаник**, **миса** — **блюдо**, **пастыръ** — **пастоухъ**, **ради** — **дѣла**, **сънъмъ** — **съворъ** ‘собрание’, **тъкъмо** — **тъчннж** ‘только’, **шюи** — **лѣвыи** и другие представляют важный тип соотношения лексических вариантов. Так, например, установлено, что для пары **гоумно** — **токъ** в древнейших старославянских памятниках употреблялось слово **гоумно**, этимология которого раскрывает способ молотбы древних славян посредством вытаптывания зерна рогатым скотом на току (см. § 31). В восточноболгарских текстах слово **гоумно** заменяется на **токъ**. Данные болгарской диалектологии свидетельствуют о преобладании употребления слов *гумно*, *гувно* в западной Болгарии, а в восточной — *ток*, *отак*, *вътък*, что вряд ли представляет собой позднейшее явление. Таким образом, слово **токъ** в старославянских памятниках следует считать *восточноболгаризмом*³. В современной славистике восточноболгарский (преславский) лексический пласт внимательно изучался болгарскими учеными И. Добревым и

¹ Древнерусские тексты сохраняют одно из древних значений глагола **продати** ‘наложить штраф, наказать штрафом’ (ср. также др.-рус. **продажа** ‘штраф’).

² Львов А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. С. 220.

³ Там же. С. 82.

Т. Славовой. Составлен список преславских лексем¹, содержащий 125 исходных кирилло-мефодиевских слов и их восточноболгарских соответствий.

Обилие лексических вариантов отражает, видимо, такое языковое состояние, при котором единая лексическая норма находится в процессе становления и еще не сформировалась окончательно. Решение проблемы лексических вариантов в памятниках старославянской письменности достаточно сложно и предполагает глубокий и всесторонний анализ лексических единиц в рамках семантического анализа с учетом контекста и типа памятника.

Одним из ярких проявлений системных отношений в лексике является наличие слов, противоположных по существенному для их значения семантическому признаку. Такие слова называются *антонимами*. Антонимические отношения в старославянском языке, так же как и синонимические, охватывают большинство частей речи: **печаль ваша въ радость вждеть** (Ин. 16: 20 Остр.) ‘печаль ваша в радость будет’; **что иштеете живаго съ мрътвыми** (Лк. 24: 5 Сав.) ‘что вы ищете живого среди мертвых?’; **не трѣвоужтъ съдрани врача нъ болащїи** (Мк. 2: 17 Сав.) ‘не здоровые нуждаются во враче, но больные’; **їже аште хощетъ поговѣтъ дшж своѣ. мене ради. тъ спѣтъ ѡ** (Мк. 8: 35 Зогр.) ‘тот, кто потеряет душу свою ради меня, тот спасет ее’.

По своей структуре антонимы подразделяются на однокорневые и разнокорневые. Однокорневые антонимы представляют лексико-грамматическую антонимию, поскольку в некоторых парах, особенно глагольных, антонимичные отношения обуславливаются использованием антонимичных приставок: **вълѣсти — излѣсти**, **обоутн — изоутн**, **сънъ** ‘состояние сна’ — **весеѣник** ‘бессонница’, **вѣра — безвѣрик**, **градьникъ** ‘гражданин’ — **безградьникъ** ‘человек без родины’.

Собственно лексическими являются разнокорневые антонимы: **жизнь — съмръть**, **ветѣхъ — новъ**, **весеѣити сѧ — плакати**, **долоу** ‘вниз’ — **горѣ** ‘вверх’. В антонимические отношения могут вступать слова с разной морфемной структурой: **безвѣрик — правовѣрик**, **вѣчьнъ — маловѣрьнъ**.

В сложных словах антонимия может создаваться благодаря антонимичности одного из корней при полном совпадении другого из корней, участвующих в сложении, например: **правовѣрьнъ — иновѣрьнъ**.

Обращение к антонимам при создании текстов обусловлено стремлением передать воспринимаемую действительность во всей ее противоречивой сложности и взаимозависимости. Их исполь-

¹ Славова Т. Преславска редакция на Кирилло-Методиеви старобългарски евангелски превод // Кирилло-Методиевски студии. София, 1989. Кн. 6. С. 15–129.

зование придает речи особую остроту: **аштѣ во праведѣньчѣи едѣвѣ спѣсакѣтъ сѣ • нечѣстивѣи и грѣшнѣи кѣде авитѣ сѣ** (Супр. 128.8—10) ‘ведь если праведник едва спасется, то нечестивый и грешный где окажется?’; **сѣ лежитѣ сѣ • на паданье і на вѣстанье мѣногомѣ • въ їли** (Лк. 2: 34 Асс., Зогр., Сав.) ‘вот лежит он [младенец Иисус] на падение и на восстание многих в Израиле’; **оубогѣи оубо въ драхлѣствѣ • богатѣи же въ веселии** (Супр. 492.2,3) ‘ведь бедняк в скорби, а богач в веселии’.

В многочисленных антонимических парах старославянского языка находит отчетливое выражение важнейший для христианства и средневековой философии конфликт добра и зла: **добрѣ — зълѣ, добро — зълѣ, добрѣ** ‘правильно’ — **зълѣ** ‘плохо’, **добростѣ, доброта** ‘добродетель’ — **зълѣва** ‘скверность, пакость’, **добродѣлѣ** ‘делающий добро’ — **зълѣвивѣ** ‘причиняющий зло’, **добростѣтворити** — **зълѣстѣворити**, **благодѣлѣник** — **зълѣдѣлѣник**, **благословити** ‘восхвалять’ — **зълѣсловити** ‘поносить’ и др.

Антонимы в старославянских текстах широко используются для создания такой фигуры речи, как антитеза: **вси во отѣ избѣгѣтъка своего вѣврѣж а си отѣ лишениѣ своего** (Мк. 12: 44 Мар.) ‘ибо все от излишка своего вложили [деньги], а она [бедная вдова] от недостатка своего’, **достѣитѣ ли въ сѣботѣ • добро стѣтворити ли зълѣ творити** (Лк. 6: 9 Зогр.) ‘надлежит ли в субботу творить добро или зло’, **влюди сѣ оубо еда свѣтъ иже естѣ въ тебѣ тѣма естѣ** (Лк. 11: 35 Мар.) ‘остерегайся, чтобы свет, который в тебе есть, не был тьмой’.

§ 35. Экспрессивная лексика

Лексикология изучает различные стороны лексической системы и, в частности, экспрессивность лексических единиц, в которой находит отражение отношение говорящего к действительности, к содержанию или адресату сообщения, т. е. эмоционально выраженная прагматика языка. Одним из средств создания экспрессивной окраски слова являются словообразовательные средства:

— у уменьшительно-ласкательных существительных (диминутивов): **дѣщѣца** ‘дощечка’, **градѣць** 1) ‘городок’, 2) ‘садик, огородик’, **облачѣць** ‘облачко’, **сѣжѣць** ‘веточка’, **црѣкъѣвица** ‘церковка, часовня’, **чадѣце** ‘сынко’,

— у уничижительных существительных (пейоративов): **пѣвѣца** ‘пьяница’, **сѣбѣца** ‘палач’, **пѣдѣца** ‘обжора’, **оубѣница**, **чародѣница** ‘колдун, обманщик’, **чловѣчинѣ** *уничѣж.* ‘человек’.

— у прилагательных и наречий с приставкой **прѣ-** (при выражении высшей степени качества, обозначенного соответствующим корнем): **прѣвѣликѣ**, **прѣмрачѣнѣ**, **прѣмѣдро**.

Проблема стилистической маркированности лексем старославянского языка мало изучена. В этом отношении имеются только комментарии к отдельным словам, например к паре **кънигъчии** — **кънижьникъ**. Именно книжная окраска второго члена пары, видимо, побудила переводчиков, справщиков, в соответствии с типом текста, заменить более распространенное слово **кънигъчии** на **кънижьникъ**. В целом же вопрос о стилистических средствах старославянского языка остается открытым.

§ 36. Устойчивые сочетания. Фразеология. Тропы и фигуры

Богатство и выразительность лексической системы старославянского языка проявляются и в том, что наряду со свободными словосочетаниями (**въдовица оубогата** ‘нищая вдова’, **гора въсока**, **пешть хлѣбъная**, **ножьная волѣзнь** ‘болезнь ног’) широко представлены сочетания связанные, устойчивые. Например, глаголы **полагати**, **приняти** сочетаются с абстрактными существительными, образуя устойчивые сочетания **полагати доушиж** ‘отдавать жизнь (за кого-либо)’, **полагати памать**, **приняти конецъ** ‘умереть’. Глагол **дѣяти**, имея лексическое значение ‘действовать, поступать’, образует устойчивые сочетания **дѣяти молитвж**, **дѣяти любви** (**прѣлювѣ**), **дѣяти влждѣ**. Глагол **бѣйти** в сочетании с прилагательными образует устойчивые сочетания **простѣ бѣйти** ‘быть избавленным, освобожденным от чего-либо’, **годѣ бѣйти** ‘нравиться’. Сочетания подобного типа обычно называют фразеологическими сочетаниями.

Приведем еще несколько примеров устойчивых сочетаний, встречающихся в старославянских текстах: **неврѣдоу** (**неврѣдѣ**) **сѣтворити** ‘счесть неподходящим, отвергнуть’, **потрѣгнѣти сѣмысль** ‘задумать’, **принимати въ чрѣвѣ** ‘беременеть’, **прѣдати животъ** ‘пожертвовать жизнью, отдать жизнь’, **поустити законъ** ‘издать приказ, закон’, **поустити женж**, **мжжа** ‘развестись’, **ликы ставити** ‘устраивать пляски с пением’, **сѣвѣщати слово** ‘свести счеты, рассчитаться с кем-либо’, **лице оутвѣрдити** ‘принять решение, решиться’, **оумѣти кънигы** ‘быть грамотным’.

Несмотря на сложности, связанные с выделением различного типа устойчивых сочетаний в старославянском языке, кажется обоснованным использование термина *фразеологические выражения* для таких сочетаний, которые являются семантически членимыми и состоят из слов со свободными значениями. К ним можно отнести, например, номинативно-терминологические сочетания: **вранъ ноцънъ** ‘сыч’, **простѣ людинъ** ‘мирянин’, **прикоупъ творан** ‘меняла’, **сѣвѣтълыи камты** ‘фенгит (род слюды)’. В отдельных случаях в

составе подобных сочетаний одно из слов приобретает значение, не свойственное ему ни в каких других употреблениях: так, **чистъ хлѣвъ** называет 'белый хлеб'. Отдельные устойчивые сочетания представляют собой термины, которые словарь старославянского языка даже сопровождает пометой *спец.*: **гласъ искръ** 'плагальный лад' (муз.)¹.

Из-за ограниченности материала подчас трудно установить границы между свободными и устойчивыми сочетаниями. Тем не менее в словарях предпринимаются попытки разграничить фразеологически неразложимые и устойчивые сочетания. В «Старославянском словаре (по рукописям X—XI вв.)» под ред. Р. М. Цейтлин и др. (М., 1994) они разграничиваются при помощи двух помет: 1) за знаком □ идут так называемые неразложимые словосочетания (□ **дати славъ** 'выражать благодарность', □ **мѣсто поусто** 'пустыня', □ **печаль сътвори** 'опечалить', □ **ранска пица** 'обитель блаженства, райские кущи' и др.); 2) за знаком ◆ — устойчивые словосочетания (◆ **дивна коза** 'дикая коза', ◆ **мольба твори**, **мольбы дѣати** 'молиться', ◆ **въ пагоубъ быти** 'погибнуть', ◆ **пакость дѣати**, **твори** 'причинять вред, страдание', ◆ **падання исплнити** 'наносить поражение', ◆ **цоуждинъ въведеніи** 'гостеприимство' и др.).

Старославянские тексты описывают такие действия и события, которые воспринимаются как символические, и их номинация становится базой для формирования фразеологически связанных единиц. Например, словосочетание **оумыти рѣцѣ** 'умыть руки' употребляется в текстах и как свободное, где все слова имеют прямое значение: **не оумъвенама рѣкама ѣдатъ хлѣвъ** (Мк. 7: 5 Зогр., Мар.) 'немытыми руками едят хлеб', и как устойчивое: **<пилатъ> приимъ водъ оумы рѣцѣ прѣдъ народомъ** (Мф. 27: 24 Зогр.) 'Пилат... взял воды и умыл руки перед народом'. Второй — символический — контекст, в котором описывается публичное омовение рук как свидетельство невиновности человека, становится источником фразеологизма *умыть руки*.

Притчевый характер многих библейских сюжетов также вызвал к жизни большое количество паремий (поговорок, крылатых выражений): **балии исцѣли сѧ самъ** (Лк. 4: 23 Мар.) 'врач, исцелись сам'; **не трѣвоужтѣ съдравні врача нѣ волщні** (Мк. 2: 17; Лк. 5: 31 Сав.) 'врача требуют не здоровые, а больные'; **никтоже не въливаатъ вина нова въ мѣхы ветъхы** (Мк. 2: 22; Лк. 5: 37 Мар.) 'никто не вливает новое вино в старые бурдюки'; **зъло дрѣво плоды зълы творитъ** (Мф. 7: 17 Мар.) 'плохое дерево плохие плоды приносит'; **оудовѣ естѣ вельбѣдоу сквозѣ игълинѣ оуши проити** (Мк. 10: 25; Лк. 18: 25 Мар.) 'легче верблюду сквозь игольное ушко прой-

¹ Особый напев (или тон) церковной голосовой музыки, заимствованный из греческой гармонии пения.

ти'; **темна вода въ облацѣхъ аеръныхъ** (Син. 17.12) 'темна вода в облаках воздушных' и др.

Евангельские тексты, переведенные на старославянский язык, стали основой целого пласта фразеологической системы славянских языков. Русскому языку, в частности, известны выражения *камень преткновеня: да не прѣтъкнеши о камень ногы твоѣа* (Мф. 4: 6; Лк. 4: 11 Остр.) 'да не преткнешься (не споткнешься) о камень своей ногой'; *волк в овечьей шкуре: мѣнози вѣци обѣходатъ въ одеждахъ овьчыхъ. овьча оубо одежда имже нѣ не и зѣбы и ногѣти* (Хил. ПAb 14—19) 'многие волки ходят в овечьих одеждах, но только одежда у них овечья, а не зубы и не когти'; *внести лепту: і пришедѣши єдина вѣдоваца оубога • вѣврѣже дѣвѣ лептѣ* (Мк. 12: 42 Мар.) 'и придя, одна бедная вдова положила две лепты'; *преклонить голову: лисица ложа имжѣ. и пѣтица небсѣкыа гнѣзда а сынѣ чловѣчскыи не иматъ кѣде главѣ подѣклонити* (Мф. 8: 20; Лк. 9: 58 Остр.) 'у лисиц есть норы, у птиц небесных — гнезда, а Сыну Человеческому негде преклонить голову'; *отделять овец от козлищ: и разлжѣтъ ѡ дроугѣ ѡ дроуга. ѣкоже пастѣрь. разлжачетъ овьца отъ козлиштѣ* (Мф. 25: 32 Асс.) 'и отделяет их друг от друга, как пастух отделяет овец от козлов' и др.

Некоторые устойчивые сочетания, например **гласъ вѣпнижааго въ поустыни, скръжѣтъ зѣбомъ, трѣновъ вѣнѣць, хлѣбъ насжѣнныи** и др., вошли в систему русского литературного языка практически без изменения формы. Исследователи отмечают в русском языке значительное количество цитатных библейских фразеологизмов, которые употребительны во всех стилях речи; часто их называют застывшими, т. е. менее вариативными и дающими меньше производных, чем в других языках.

Поскольку текст как реализация языковой системы и сам представляет собой сложное явление со своей внутренней организацией, т. е. систему, все элементы такой системы взаимосвязаны и подчинены определенной задаче, поставленной создателем текста.

Выражению контрастности мироощущения и достижению особой выразительности повествования способствует антитеза: **і сѣдаштіимъ въ тѣмѣ і въ сѣни смъртѣнѣ свѣтѣ въсиѣетъ на насъ** (Мф. 4: 16 Зогр.) 'и когда окажемся во тьме и в тени смерти, на нас засияет свет'; **акы класы зѣрѣлы младеништѣ • єдинѣмъ желѣзомъ исѣчены лежаштѣ • не оу кште съ зѣрна сѣдѣчнааго тверда имѣжште...** (Супр. 397. 6—7) 'как незрелые колосья, еще не имеющие созревшей внутренней твердости... лежали младенцы, иссеченные железом'; **како можете добро творити злыи сжште** (Мф. 12: 34 Зогр.) 'как вы можете творить добро, будучи злыми?'; **ізгона вѣско безвѣрие із людеи своихъ. сѣла въ нихъ вѣско правовѣрие** (Евх. 44b 15—16) 'изгоня всяческое безверие из людей своих и вселяя в них

всякую истинную веру'; **трепештѣтъ многоочитни • видаште ꙗкоу са въ плѣти безъ очю** (Супр. 458. 15—16) 'трепещут многоокие, видя Иисуса во плоти, без очей (т. е. уже без зрения, мертвого)'.¹

Сочетания метафорического характера — **вѣровьнаа анкира** (Супр. 500.12—13: **вѣровьнѣж анкирѣ**) 'якорь веры', **градьникы всеса вселенъа** (Супр. 84.2—3) 'жители всей земли', **дьерь огньнаа** (Супр. 231.13: **дьери огньнаа**) 'ад' (букв. 'огненная долина [низина, ушелье]') и **матица огньнаа** (Супр. 525.30: **матицѣ огньнѣж**) 'ад', **земля забъвена** (Пс. 87:13 Син.: **правѣда твоѣ въ землі забъвенѣ**) 'земля забвения, преисподняя', **старъи зълодѣи** (Евх. 63б 10—11) 'дьявол' — создают образную составляющую текстов.

Иногда можно проследить процесс формирования подобной образной составляющей, который обусловлен исторически. Так, например, в выражении **из младѣ ногѣтти** 'с младенчества'¹ прилагательное используется в своем исконном значении 'мягкий', т. е. выражение представляло собой типичный метонимический перенос и имело отчетливую мотивацию — в возрасте, когда ногти бывают мягкими, т. е. в младенчестве. По аналогии с ним возникло выражение **из млады врѣстѣ** (Супр. 252.29—30) 'с юного возраста', в котором имя прилагательное используется уже в новом значении 'юный'.

Усиление смысловой стороны текста осуществляется благодаря и такому распространенному приему, как корневой повтор в различных частеречных образованиях: **так да просвѣтитѣ са свѣтътъ вашъ прѣдѣ чловѣкы да оузыратѣ дѣла ваша добраѣ** (Мф. 5.16 Зогр.) 'так да светит свет ваш перед людьми, чтобы они увидели ваши добрые дела'; **зълы чловѣкѣ отъ зълааго съкровишта срьдъца своего износитѣ зълое** (Лк. 6: 45 Мар.) 'злой человек из злой сокровищницы сердца своего выносит злое'; **да въ правѣдж сждите • а не весправѣдна дѣлаете** (Супр. 257.23—24) 'да судите по справедливости и не творите несправедливости'; **и правѣда его прѣвѣваетѣ въ вѣкѣ вѣкоу** (Син. 110.3, 111.3) 'и правда его пребывает вовек'; **остави мрътвѣныа пограти своа мрътвѣца** (Мф. 8: 22 Зогр.) 'оставь мертвым погребать своих мертвецов'; **ѣже не оуслышитѣ гласа оваваѣщаго • отъ прѣмѣдра овавѣника оваваема** (Син. 57.6) 'так что не услышит [змея] голоса заклинателя, заклинаемый самым искусным заклинателем'; **чистотѣж срьдъчнѣж помыслы присно чистѣа** (Супр. 280.28—29) 'постоянно очищай (блюди) чистоту сердечную в отношении твоих желаний/помыслов'. Иногда подобная структура усложняется использованием синонимичных корней, например **свѣт-** и **гор-**: **онѣ вѣ свѣтильникѣ горѣ • і свѣтѣа • вѣ же хотѣсте въздрадовати са • вѣ часть свѣтѣникѣ**

¹ Ср. в греч. та же внутренняя форма ἐξ ἀπαλῶν ὀνύχων.

его (Ин. 5: 35 Зогр., Мар., Асс.) ‘он был светильник горящий и светящий, а вы хотели порадоваться во время свечения его’.

Элементы лексической системы языка оказываются важнейшим средством создания образности текста, участвуя в формировании тропов и фигур. Старославянские тексты знают такие тропы и фигуры, как:

— эпитет: **вѣсть гладь крѣпкъ** (Лк. 15: 14 Остр.) ‘был сильный голод’; **ни почръпала имаши и стоуденець естѣ глѣбокъ отѣкждо оубо имаши водаж живж** (Ин. 4: 11 Мар.) ‘у тебя и черпака нет, а колодец глубокий: откуда же у тебя живая вода?’; **сѣнь съмрътъна** (например, **сѣни съмрътъни** Мф. 4: 16 Мар.) ‘(и в) тени смертной’; **не въ огньнѣ пламени • нѣ въ образѣ дъждевѣ съходаштти** (Супр. 250.26—27) ‘не в огненном пламени, а в виде дождя сходящие’; **чистомъ оумомъ и незъловивомъ срьдцемъ** (Супр. 338.5—6) ‘чистым умам и кротким сердцам’; **аште ли око твое ажкаво вждетъ • все тѣло твое тъмно вждетъ** (Мф. 6: 23 Зогр., Мар., Асс., Сав.) ‘если твое око будет худо, то все тело твое будет темно’;

— метафора: **вы есте соль земли** (Мф. 5: 13 Зогр.) ‘вы — соль земли’; **свѣтлникъ тѣлоу естѣ око** (Мф. 6: 22, Лк. 11: 34 Мар., Зогр.) ‘светильник телу — око’; **чистотж срьдчынжж помыслы присно чиста** (Супр. 280.28—29) ‘чистоту сердечную в отношении твоих желаний/помыслов постоянно очищай (блюда)’; **дондеже име вѣровьжж анкирж** (Супр. 500.12—13) ‘где же есть якорь веры’; **стопы моя направн по словеси твоемоу** (Син.118.133) ‘стопы мои направь по слову твоему’; **крѣмьникъ чловѣчскъ** (Супр. 429.11—12) ‘рулевой людей’; **въ ровъ лоубодѣнства въпадъ** (Супр. 526.21—22) ‘пал в пропасть прелюбодеяния’; **сладка грѣтани моемоу слова твоѣ** (Син.118.103) ‘сладки гортани моей слова твои!’; **тъма безвѣднаа** (Евх. 33а 24) ‘тъма невежества’;

— метонимия: **въперити** ‘окрылить’ (Супр. 425.2), **глѣбиньнѣ** ‘адский’ (Евх. 63б 10—11; Супр. 528.22); **горѣнии** ‘небожители’ (Супр. 322.7); **того ради попирааше страсти гадъныа** (‘мерзкие, отвратительные’ < гадъ ‘ползающее животное’ — в большинстве случаев нечистое, мерзкое) и **ядовитыа** (Супр. 556.15); **повелѣвъ... желѣзъы же оковати и въсждоу** (Супр. 104.29) ‘повелев сковать его всюду оковами’;

— сравнение: **вждѣте же мждри акы змиа** (Мф. 10: 16 Асс.) ‘будьте мудры, как змии’; **подовьно естѣ цѣтвие небское зръноу гороушъноу еже приемъ члѣкъ** (Лк. 13: 19 Мар., Зогр.) ‘царство небесное подобно горчичному зерну, которое взял человек...’; и **просвѣтѣ са лице его акъи слънце • а ризы его вѣша вѣлы ако снѣгъ** (Мф. 17: 2 Асс.) ‘и просияло лицо его, как солнце, одежды его стали белыми, как снег’; **акы агньць ве злови. прѣдъ стригшттинмъ кго без гласа** (Супр. 434.25—27) ‘как безропотный агнец, [который] не подает голоса, когда стригут его’;

— оксюморон: **БЕЗМЖЖНЪ МЖЖЪ** ‘муж только по названию’ (Клоц. 14а 15, Супр. 451.27—28); **БЕЗБРАШНО БРАШНО** ‘еда без пищи’ (Супр. 272.12—13: **БЕЗБРАШЪНЫМЪ БРАШЪНЫМЪ**); **ВЪМЪСТИТИ НЕВЪМЪСТИМААГО** (Супр. 248.28—29) ‘вместить невместимое’. Как видно из примеров, данная фигура создается на базе однокоренных слов, одно из которых имеет приставку с отрицательным значением.

— перифраз(а): **ЕГДА ОСКЖДЪЕТЕ ПРИМЖТЪ ВЪ ВЪ ВЪЧЪНЫА КРОВЪ** (Зогр. Лк.16: 9) ‘чтобы, когда вы обнищаете, [они=ваши друзья] приняли вас в вечные обители’; **ДЪБРЪ ОГЪНАА** ‘ад’ (Супр. 231.13: **ДЪБРЪ ОГЪНЫА**); **ГЛЪВЪНЪНЪ ЗМИ** ‘дьявол’ (Евх. 63b 10—11; Супр. 528.22); **СТАРЪНЪ ЗЪЛОДЪИ** ‘дьявол’ (Евх. 63b 10—11).

Таким образом, изучение старославянской лексики с точки зрения ее функционирования в текстах, а также ее участия в создании разнообразных тропов и фигур чрезвычайно важно. Будучи прежде всего языком церковной письменности, старославянский язык воплощен в текстах, для адекватного понимания которых недостаточно знаний только грамматики и словаря. Метафоричность (укажем, например, метафоры благодати, избавления от греха, сил зла; метафорическое изображение священника и паствы; метафорическое наименование Богородицы) и интертекстуальность (насыщенность текстов фрагментами из воспринятых ранее текстов или текстовыми реминисценциями) старославянских текстов дают новое направление изучению лексической системы, позволяющей в определенной мере реконструировать элементы мировоззрения, или картины мира, народа, пользующегося этим языком. «Литературный язык, — полагал Н. И. Толстой, — есть одно из мощных орудий культуры и в то же самое время важный компонент (сегмент) культуры»¹.

§ 37. Старославянская лексика и ее лексикографическая разработка

Насущная необходимость в изучении и систематизированном описании лексики старославянского языка ощущалась давно. Первые лексикографические труды (А. Х. Востокова, Ф. Миклошича и др.), которые кое в чем не потеряли своего значения и сегодня, в дальнейшем уже не могли удовлетворять все практические потребности науки. Особая роль в разработке старославянской и церковнославянской лексикологии и лексикографии принадлежит В. Ягичу.

¹ Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 7.

Изучением словарного состава старославянских и церковнославянских рукописей много занимались русские (В. В. Виноградов, Н. Н. Дурново, А. Л. Дювернуа, С. М. Кульбакин, П. А. Лавров, А. С. Львов, В. А. Погорелов, С. Н. Северьянов, А. И. Соболевский, М. Н. Сперанский, И. И. Срезневский, Р. М. Цейтлин, В. Н. Щепкин и др.), чешские и словацкие (Я. Бауэр, Б. Гавранек, Й. Вайс, М. Вейнгарт, В. Вондрак, Л. Гейтлер, Й. Курц, Ф. Пастрнек, Я. Станислав, П. Й. Шафарик и др.), болгарские (И. Гылыбов, Й. Займов, К. Мирчев, Ст. Младенов, Ст. Раменски, Б. Цонев), югославские (Дж. Даничич и В. Караджич, позднее — Б. Грабар, Ф. Гривец, Й. Хамм, В. Штефанич и др.) слависты. В определенной степени с историей словарного состава старославянского языка связаны и некоторые работы польских славистов (Т. Лер-Сплавинского, Ст. Слонского и др.).

В 1955 г. в Гейдельберге (Германия) выходит «Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten» («Краткий словарь к древне-церковнославянским текстам», в латинской транскрипции) Л. Садник и Р. Айтцетмюллера, задуманный авторами как учебное пособие для чтения старославянских памятников.

Насущная необходимость в изучении и систематизированном описании лексики старославянского языка привела к созданию лексикографического издания, которое содержит весь словарный фонд старославянского языка в памятниках письменности древнейшего (IX—XII вв.) периода. Это «Slovník jazyka staroslověnského» («Словарь старославянского языка») в 4 томах, изданный в Праге в 1958—1997 гг. (переиздание — СПб., 2006). Его лексикографическая база включает 95 источников.

Имеется и сокращенный вариант этого словаря, подготовленный Славянским институтом Академии наук Чешской Республики и Институтом славяноведения Российской академии наук и опубликованный в Москве под названием «Старославянский словарь (по рукописям X—XI вв.)» под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой [сокращ. СС] (1-е изд. — 1994; 2-е, стереотип., — 1999). Его лексикографическая база включает 18 рукописей так называемого классического старославянского канона (X и XI вв.) разных по жанрам старославянских памятников сакрального содержания, таких как Евангелие, Апостол, Псалтырь, Евхологий, Служебник и др. Авторы систематизировали материал, представленный 10 000 лексем, употребленных более 300 000 раз. Сплошная выборка из всех 18 рукописей и учет всех случаев употребления лексических единиц в текстах (в словарной статье указывается количество употреблений каждой лексемы с перечислением памятников) создают обширную и надежную фактографическую базу для изучения старославянской лексики. Принципиальным отличием данного словаря от многих

других исторических словарей является включение в него имен собственных, а также описание валентности слов (*посмиати са комоу, чесоמוу* или *без доп.*, *пристѣжити къ комоу, чесоמוу*; *комь, чьмь* или *без доп.*).

Данный лексикографический труд дает достаточно полное представление о лексической системе старославянского языка в целом, и с его выходом у лингвистов появился замечательный источник для новых исследований славянской лексики, хотя он включает не всю лексику старославянского языка указанного периода. Это издание является прекрасным справочным пособием для всех изучающих старославянский язык¹.

Старославянская лексика представлена не только в толковых и переводных словарях старославянского языка. Она занимает существенное место и в этимологических словарях. Для русистов первостепенное значение до сих пор имеет «Этимологический словарь русского языка» (1950—1958 гг.) немецкого ученого Макса Фасмера (1886—1963), который неоднократно переиздавался в переводе на русский язык и с дополнениями О. Н. Трубачева.

Современный этап развития славянской языкознания, характеризующийся, в частности, координацией усилий и созданием международных научных предприятий, в области славянской этимологии отмечен исследованиями, осуществляющимися в разных научных центрах. В четырех центрах идет работа над общеславянскими этимологическими словарями: «сравнительным» (СадникАйтцетмюллер, Грац/Австрия, с 1963 г.), «славянских языков» (Брно/Чехия, с 1973 г.), «праславянский лексический фонд» (Москва, с 1974 г.) и «праславянский» (Краков/Польша, с 1974 г.)². Все указанные издания различаются концепцией, техникой и порядком издания.

Важным событием в лексикографической науке 2-й половины XX в. стало составление под руководством О. Н. Трубачева и публикация под его редакцией «Этимологического словаря славянских языков. Пращлавянский лексический фонд» (ЭССЯ). Подготовительная работа длилась более 10 лет, первый выпуск вышел в свет в 1974 г. (в 2012 г. вышел 38-й выпуск ЭССЯ)³. На сегодняшний день ясен круг основной праславянской лексики: общий объем ЭССЯ по его завершении будет превышать 25 000 слов

¹ См. также: *Крысько В. Б.* Маргиналии к «Старославянскому словарю» // Вопросы языкознания. 1996. № 5. С. 20—38.

² Подробнее о них см.: *Копечный Фр.* О новых этимологических словарях славянских языков // Вопросы языкознания. 1976. № 1. С. 3—15; *Журавлев В. К.* Славянская компаративистика. Итоги и перспективы // Изв. АН СССР. Отд. лит.-ры и языка. М., 1980. Т. 39. Вып. 3. С. 242—251.

³ Тома с 1-го по 30-й ЭССЯ выложены на сайте «Этимология и история слов русского языка» (etimolog.ruslang.ru) Института русского языка им. В. В. Виноградова.

(ср.: «Романский этимологический словарь» В. Мейера-Любка, описывающий лексический состав народной латыни — праязыка современных романских языков, содержит около 10 000 слов). Задача ЭССЯ — реконструкция праславянского словарного фонда: из отдельных слов, сохранившихся иногда во всех, иногда лишь в некоторых (даже в одном) славянских языках, складывается словарь того праславянского языка, на котором говорили славяне до их разделения на группы.

Старославянская лексика широко представлена в названном словаре, поэтому он является необходимым источником для изучения как отдельных старославянских слов, так и старославянской лексической системы в целом, дополняя существующие словари старославянского языка. Например, прилагательное *драгъ* в СС толкуется как ‘дорогой, драгоценный’, перен. ‘дорогой, милый’, в то время как ЭССЯ представляет значение ‘дорогой, милый’ как исторически первичное в общеславянском плане, а значение ‘дорогой (по цене)’ — как производное от него¹. Какая из линий развития семантики более вероятна? Если учесть, что в значении ‘дорогой, драгоценный’ указанное прилагательное в старославянском языке входит в состав синонимического ряда *вѣсѣньнѣ — драгъ — мѣногѣньнѣ — чьстьнѣ*, все слова которого отличаются ограниченной сочетаемостью и употребляются только по отношению к драгоценным камням, жемчугу, тканям, благовониям, представляется, что историческая интерпретация ЭССЯ соответствует и состоянию, зафиксированному старославянскими текстами.

От этимологии отдельного слова исследователи праславянского языка перешли к реконструкции целых групп слов, семантически взаимосвязанных, например терминов родства, ботанической терминологии, ремесленной терминологии и подобных. Предложенные Н. И. Толстым методы структурной реконструкции семантики дают реальную возможность реконструкции древнеславянской духовной культуры. Успехи же в реконструкции праславянского языка на всех ярусах языковой системы позволили поставить проблему реконструкции праславянского текста и праславянской модели мира (работы Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова).

Контрольные вопросы и задания

1. Какие группы лексики с точки зрения ее происхождения выделяются в старославянском языке?

¹ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд/ Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1978. Вып. 5. С. 76—77.

2. Какова роль иноязычных заимствований в старославянском языке? Приведите примеры прямого заимствования и калькирования греческих слов.

3. Перечислите фонетические признаки заимствований в старославянском языке.

4. Как возникали слова-синонимы в старославянских памятниках?

5. Существовала ли тенденция к стилистической дифференциации словаря старославянского языка?

6. Что такое *гапакс*? Приведите примеры разных типов гапаксов в старославянском языке.

Практические задания¹

Задание 1. Известно, что слово *тъмнѣнѣ* в старославянском языке было заимствованным, однако приняло форму, свойственную фонетической системе славянских языков. Определите его первоначальную форму и значение, а также источник заимствования.

Задание 2. Пользуясь фонетическим критерием, определите, какие из данных слов старославянского языка являются заимствованными:

лєрьнѣи, донагрѣ, вѣжика, вратарь, голѣгофа, єтнопѣи, извѣтъкъ, иѣмонѣ, катапетазма, кєнѣоурѣонѣ, лєвѣитѣ, лєгєонѣ, лєоургитѣ, мѣро, паропсида, страннѣи, сѣребро, текѣтонѣ, тетрарѣ, фараонѣ, фєрварѣ, впокритѣ.

Задание 3. Установите происхождение звуков, обозначенных буквами *ц* и *жд*, в следующих прилагательных и определите их значение:

воцѣнѣ, можданѣ.

Задание 4. Пользуясь словарем старославянского языка, найдите синонимы к прилагательному из словосочетания *риза прапрѣдѣна*.

Задание 5. Переведите на русский язык следующие устойчивые сочетания из старославянских памятников:

старѣци людѣсци, полѣти женѣ, поустити женѣ, конѣць приѣти, плодѣ сѣтворити, полагаѣти памѣть, имѣѣти вѣсѣы, дѣѣати коупѣж.

Задание 6. Определите значение приведенных в предложении идиом:

1) *и поставитѣ овыѣа о деснѣжѣ себє. а козылицѣа о шоуѣжѣ;*

2) *пастѣырѣ доврѣы полагаѣтѣ доушѣж своѣж ѣа овыѣа.*

Задание 7. Пользуясь словарем, определите, какое значение имели в старославянском языке приведенные ниже слова. Сравните их со значением данных слов в современном русском языке и прокомментируйте различия:

мамона, горькъ, лєнтни, полѣ, драѣзга, вєдро, вѣздѣти, сєло, нєлѣпѣи, вѣскѣж, лєнѣ.

Задание 8. Наречие *искрѣ* в старославянском языке значило 'близ, подле'. Сделайте вывод о значении прилагательного *искрѣнни* в старославянском и современном русском языках.

¹ При выполнении заданий пользуйтесь «Старославянским словарем» (СС) и этимологическими словарями (М. Фасмера и ЭССЯ).

Задание 9. Пользуясь словарем, определите, какое значение имели в старославянском языке следующие слова:

алкати, ашоуѣтъ, воня, вѣноушити, гробъ, лихонимъць, маститъ, обязаѣти, одръ, отъкръвенъ, печаль, оплотъ, сжпржгъ, творецъ, тети, оушидь.

Задание 10. Определите значение слова **колѣно** в следующих контекстах:

- 1) тѣгда вѣсплачѣтъ сѧ вѣсѣ колѣна землѣскаѣ (Мар.);
- 2) приде къ нѣмоу прокаженъ мола і • і на колѣноу падаѣа (Зогр.);
- 3) сѣдаще обѣма на десѣте колѣнома издранлѣвома (Мар.).

Задание 11. Определите значение слова **языкъ** в следующих контекстах:

- 1) и языкъ моі прилѣпе грѣтані моеѣ (Син.);
- 2) и прѣидѣ отъ языка въ языкѣ. и отъ цѣрѣства въ люді инѣе колѣнома излѣома (Син.);
- 3) осѣдатъ і на сѣмрѣтъ • і прѣдадатъ і языкомѣ (Сав.).

Задание 12. Найдите в следующих предложениях однокоренные слова, определите их значение, объясните их связь:

чѣкъ етеръ ... въ развонникѣи выпаде. ѣже сѣвлѣкъше и и ѣзвы възложше на нь. отіѣж оставлше и елѣ жива (Асс.);
лиси ѣзвинны імѣтъ і пѣтица небѣкъыа гнѣзда (Зогр.).

Задание 13. Определите значение некоторых слов старославянского языка, утраченных современным русским языком, пользуясь в качестве ключа приводимыми однокоренными словами и выражениями, сохранившимися в современном русском языке:

варити (предварительный); велии (великий); възърѣти (взор); зобати (зоб); прозавнѣти (зябь); кромѣцьнии (кромка); коурѣ (курица); лѣжа (лукавый); провостни (прободение язвы).

Задание 14. Найдите старославянизмы в следующих предложениях:

1. Но вам в удел природа отвела берега бурливого Эолова владенья (И. А. Крылов);
2. Нечаянный хлад разлился в моих жилах (Радишев);
3. Какое имею право? Страждущее человечество (Радишев);
4. Моей души предел желанный! / Как часто по берегам твоим / Бродил я тихий и туманный, / Заветным умыслом томим! (Пушкин);
5. Смотрели грозно сквозь туманы / У врат Кавказа на часах / Сторожевые великаны! (Лермонтов);
6. В младенческих летах я мать потерял. / Но мнилось, что в розовый вечера час / Та степь повторяла мне памятный глас (Лермонтов);
7. Но мощь их давится безвременной тоской, / И рано гаснет в них добра спокойный пламень (Лермонтов);
8. Есть грозный суд: он ждет; / Он не доступен звону злата (Лермонтов);
9. Кажду ночь она в лучах / Путь проходит млечный (Лермонтов);
10. Коснется ль чуждое дыханье / Твоих ланит, / Моя душа в немом страданье / Вся задрожит (Лермонтов);
11. С тех пор как вечный судия / Мне дал всевиденье пророка, / В очах людей читаю я / Страницы злобы и порока (Лермонтов).

Задание 15. Определите, являются ли этимологически родственными следующие слова:

зеленый — желтый — золотой, дерево — здоровье, сесть — сажа, юг — ужин, груз — грязь, слава — соловей, невеста — ведьма, пес — писать, начало — конец, обычай — привычка, нож — заноза, сладкий — соленый, плод — племя, чаша — куст.

Задание 16. Сравните названия дней недели в старославянском языке и их современные русские соответствия. Объясните, каково происхождение этих слов.

понедѣльникъ, вѣторникъ, срѣда, четвъртъкъ, пятъкъ, сѣбота (субота), недѣла.

Задание 17. Установите происхождение слов *наперник* и *сверстник*. Для этого используйте родственные им слова в старославянских текстах:

1) *припаде къ ногама стѣаго. и рѣкама своима бнѣшнѣи сѣ въ прѣси въпниаше... горе мнѣ яко жите къ смѣ днаволе* (Супр.);

2) *приеметъ во тѣ припадаѣща • приемы тѣ на прѣси възлегша* (Ен.);

3) *шесть на десѣте лѣтъ оубо со сѣштоу влаженоумоу врѣстоуж* (Супр.);

4) *отъметаешѣи во сѣ родителѣ братрнѣи женѣи и дѣтѣи... дроугъ и врѣстѣи* (Евх.).

Задание 18. Объясните происхождение слов *азбука* и *алфавит*.

Литература

Абаев В. И. Сложные слова — хранители древней лексики // Вопросы языкознания. 1983. № 4.

Булич С. К. Церковнославянские элементы в современном русском литературном и народном языке. СПб., 1893.

Виноградов В. В. К истории лексики русского литературного языка (1927 г.) // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 12—34.

Винокур Г. О. О славянизмах в современном русском литературном языке (1947 г.) // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 443—459.

Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов / за ред. О. С. Мельничука. Київ, 1966. С. 500—564.

Горалек К. Несколько замечаний о задачах сравнительно-исторической лексикологии // Славянское языкознание. М., 1959.

Григорьев А. В. Русская библейская фразеология в контексте культуры. М., 2006.

Достал А. Вопросы изучения словарного состава старославянского языка // Вопросы языкознания. 1960. № 6.

Львов А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966.

Мансветова Е. Н. Славянизмы в русском литературном языке XI—XX веков. Уфа, 1990.

Фразеологический словарь старославянского языка (проспект) / под ред. С. Г. Шулежковой. М.; Магнитогорск, 2006.

Хелимский Е. А. Ранняя славянская христианская терминология в венгерском языке // Хелимский Е. А. Компаративистика. Уралистика. Лекции и статьи. М., 2000. С. 436–451.

Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М., 1977.

Цейтлин Р. М. О старославянских словах, которых нет в рукописях старославянского языка // Этимология. 1975. М.; Наука, 1977.

Глава IV СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Лексическая система языка постоянно изменяется, утрачивая уже имеющиеся слова и пополняясь новыми. Потребность в новых наименованиях вызвана и повседневной жизнью людей, и историческими или социокультурными событиями. Одним из важнейших средств обогащения словарного состава является словообразование. В результате словообразовательных процессов появляются новые лексические единицы, как правило, созданные по модели уже имеющихся в языке слов и при помощи определенных языковых средств.

Словообразовательную систему языка изучает раздел языкознания, который называется *словообразованием*. Этот раздел языкознания занимается исследованием морфемной структуры слов (морфемика), способами их образования, а также словообразовательными средствами.

Словообразование тесно связано с лексикой, поскольку новые слова пополняют словарный состав языка. Кроме того, всякая лексическая единица входит в определенную лексико-семантическую группу. Многогранна и связь словообразования с грамматикой. Образующиеся новые слова всегда оформляются в соответствии с законами грамматического строя языка, т. е. как определенная часть речи с присущими ей грамматическими признаками.

Важность словопроизводства, или словотворчества, при описании языка проявляется и в том, что именно словообразовательные процессы отражают социально и культурно самое значимое в сознании народа. Как отмечают исследователи, «словотворческий акт определенным образом организует смысловое пространство языка, обуславливая отбор значимых фактов и устанавливая между ними связи»¹.

§ 38. Общие замечания о словообразовании

Значение словообразования для старославянского языка трудно переоценить. Своеобразный «словообразовательный взрыв» привел к появлению большого числа новых слов, новых понятий.

¹ Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002. С. 11.

Однако старославянский язык представляет собой средневековый литературный язык, для которого характерна функциональная ограниченность и ограниченность круга его активных носителей (элитарность). Названные факторы, наряду с теми, которые были подробно охарактеризованы в главе «Лексика», не могут не отразиться на старославянском словообразовании.

Еще в 70-е гг. XX в. Р. М. Цейтлин предложила методику синхронного анализа *словообразовательных пар*. Однако опора на синхронный принцип анализа сильно ограничивает полноту описания, поскольку такое исследование словообразовательной морфемики требует доступа к лексическому фонду изучаемого языка во всей его полноте. Для старославянского языка не является исключением такая ситуация, когда в сохранившихся памятниках по каким-либо причинам отсутствует мотивирующее слово в словообразовательной паре, например, **искони** ‘с (самого) начала’ ← ***конь** (ж. р.) ‘предел, начало’, **говажь** (в Супр. **говажда жила** ‘плеть’; притяж. прил. псл. ***govędj-**) ← ***говѣдо** (псл. ***govędo** ‘бык’), **лѣвьнь** (в Евх. **мѣсто лѣвное** ‘лобное место’; относит. (!) прил.) ← ***лѣвь** (псл. ***лъвь** ‘череп, голова’). Причастия-прилагательные **длѣготръпа**, **животвора** употребляются изолированно, т. е. в текстах не зафиксированы глаголы ***длѣготръпѣти**, ***животворити**¹. Многие приставочные слова старославянского языка не имеют соответствующей производящей леммы без приставки (**безъловьнь**, **несамовольнь**, **отлъстѣти** и **отгълъстѣти** ‘ожиреть’).

В 1980-е гг. болгарская исследовательница Р. Павлова попыталась расширить источниковую базу текстов для изучения старославянского словообразования путем привлечения материала древнерусских списков XI в. с утраченных старославянских протографов. Данный принцип исследования, позволяющий восстанавливать звенья лексической и словообразовательной систем старославянского языка, в настоящее время применяется многими славистами.

Рассматривая словообразовательные связи, не всегда удается точно установить, от какого производящего (мотивирующего) слова образовано то или иное старославянское производное слово: ср. прил. **зълѣвнѣ** ‘злой’ и гл. **зълѣвати** ‘причинять зло’ и **зълѣвити** ‘порочить, унижать’ могли образоваться от сущ. **зълѣба** ‘скверность, пакость, все плохое’ или от **зълѣвь** ‘скверность’. Сомнения могут возникнуть и в отношении возможного способа словообразования, например: **припжтънь** ‘придорожный’ ← **пжтънь** (в Супр. отмечено в устойчивом сочетании **шѣствие пжтъное** ‘путешествие’) или **припжтънь** ← **при пжти**?

¹ Глагол отмечается в более поздних церковнославянских памятниках русского извода: ср. [бѣтъ] ... **насъ свѣтъмъ веселитъ • насъ животворитъ • насъ грѣтъ** (Слово Иоанна Златоуста; Успенский сборник XII—XIII вв. / под ред. С. И. Коткова. М., 1971).

Особенность функционирования старославянского языка как языка переводов с греческого предполагает активное использование языка греческих оригиналов. В. С. Ефимова считает, что при исследовании лексической и словообразовательной систем старославянского языка греческий язык должен считаться не вспомогательным, а обязательным средством для анализа фактов, поскольку «важной особенностью старославянского словообразовательного механизма являлась возможность непосредственной включенности в словообразовательный процесс слов греческих оригиналов»¹. Например, можно предположить, что гапакс *ѡмнигосѣнь* ‘кадильный, из кадилницы’ в старославянском языке был образован с помощью продуктивного суффикса *-ьн-* непосредственно от греческого слова *θυμιατός*, поскольку соответствующего производящего имени в текстах не зафиксировано. В старославянских рукописях не зафиксировано слово **цѣломждрь*, хотя около десятка лексем являются производными от него: *цѣломждрик* ‘здравомыслие, сдержанность’, *цѣломждрость*, *цѣломждрьнь*, *цѣломждръствикѣ*. По-видимому, это кальки непосредственно с греческих слов *σωφροσύνη*, *σώφρων*.

Словообразование, как и словарный состав, должно изучаться на основе антропоцентрического подхода, так как «словообразовательный акт возможен лишь тогда, когда он логически мотивирован потребностями человека, в основе которых лежат его ценностные ориентации»². Именно данным обстоятельством Т. И. Вендина объясняет словообразовательную «непроработанность», например, соматической (называющей части тела) лексики, представленной в основном непроечными именами, — это типичное для Средневековья отсутствие интереса к человеку как существу физическому.

Словообразование, как считал Л. В. Щерба, изучает производные слова в динамическом («как делаются») и в статическом («как сделаны») аспектах, отсюда два раздела словообразования: диахронический и синхронический (синхронный), хотя некоторые исследователи считают, что словообразование всегда диахронно. Несмотря на усиление в последнее время внимания к диахроническому (историческому) словообразованию, нельзя не констатировать, что синхронное словообразование разработано более обстоятельно: имеются как обобщающие описания системы, основанные на единой теории, так и конкретные исследования отдельных ее участков, а также словообразовательные и морфемные словари и учебники, отражающие современный уровень развития теории словообразования.

¹ Ефимова В. С. Старославянская словообразовательная морфемика. М., 2006. С. 10

² Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. С. 27.

Словообразование старославянского языка как сложная система, сформированная под влиянием многообразных исторических и эволюционных факторов, до сих пор во всей полноте не изучена, а соответствующий раздел в учебниках обычно отсутствует. Серьезного изучения требуют такие аспекты, как изменения в морфемной структуре слов по направлению от индоевропейского языка к старославянскому, процессы образования слов в связи с переводом книг с греческого языка, классификация морфем (особенно аффиксальных) — какие из них появились в праславянском языке и были унаследованы старославянским языком, а какие появились уже в старославянском языке¹, и др.

Учитывая сложности, возникающие при изучении старославянской словообразовательной системы, в настоящей главе авторы будут придерживаться традиционного констатирующего способа изложения языковых фактов.

§ 39. Основные понятия словообразования

Словообразовательный тип — это общий отвлеченный образец, по которому построен ряд мотивированных слов. Слова одного типа характеризуются общностью части речи производящих (мотивирующих) слов и формантом, тождественным в материальном и семантическом отношениях. Показательным примером являются существительные отвлеченных значений:

сущ. **везбожьство** ‘безбожие’ ← предл. **вез** + сущ. **вогъ**, **вєсь-мрьтьство** ‘бессмертие’ ← предл. **вез** + сущ. **сьмрьть**;

сущ. **воунство** ‘неразумность’ ← прил. **воун** ‘неразумный, неумный’, сущ. **мждрьство** ‘мудрость, рассудительность’ ← прил. **мждрь** ‘мудрый, рассудительный’, сущ. **безоучьство** ‘бесстыдство, нахальство’ ← прил. **безокъ** ‘безглазый, нахальный’;

сущ. **дъуханик** ‘дыхание, дуновение’ ← гл. **дъухати** ‘дышать, дуть’, сущ. **зъваник** ‘зов, крик’ ← гл. **зъвати** ‘воскликать, звать’, сущ. **изношеник** ‘вынесение’ ← гл. **износити** ‘выносить’, сущ. **напаганик** ‘орошение’ ← гл. **напагати** ‘поить’, сущ. **томлкеник** ‘мучение’ ← гл. **томити** ‘мучить’, сущ. **точеник** ‘истечение, излияние’ ← гл. **точити** ‘точить, источать (по капле)’;

сущ. **дръзость** ‘смелость’ ← прил. **дръзь** ‘смелый’, сущ. **радость** ‘радость, веселье’ ← прил. **радъ** ‘рад’;

сущ. **нищета** ‘бедность, нищета’ ← прил. **ниць** ‘бедный, нищий’, сущ. **скорота** ‘скорость, быстрота’ ← прил. **скоръ** ‘скорый, быстрый’.

¹ Например, существуют две точки зрения на суффикс *-тель*, который рассматривается либо как общеславянский суффикс, свойственный всем славянским языкам, либо как собственно старославянский суффикс.

Словообразовательное значение — это семантическое отношение производного слова к производящему, выраженное языковыми средствами внутри слова. Оно занимает промежуточное положение между лексическим и грамматическим значениями. В качестве примеров типичных для старославянского языка словообразовательных значений можно назвать «лицо, совершающее действие, названное производящим словом» (с суффиксом *-тѣль, -ыць*: *дѣлатѣль, льстьць*), или «внешний интенсивный признак, названный производящим словом» (с суффиксом *-ат-*: *рогатъ, сжатъ* ‘сучковатый’). Одно и то же словообразовательное значение может быть выражено разными средствами. С этим связано такое явление, как синонимия суффиксов: *вестоудникъ — вестоудць* ‘бесстыдник’, *величник — величество, врачьба — врачество, одѣвало — одѣваник, повѣдитѣль — повѣдникъ, правость — правота*.

Однокоренные слова определенным образом организуются в группы, называемые *словообразовательными гнездами*. Количество лексем, входящих в состав гнезда, варьируется от единичных производных (*оуста* ‘рот, губы’ *только мн. ч.* → *оустатъ, оуста* → *оустына* ‘губа, рот’, *оуста* → *оустити* ‘подстрекать, подговаривать’ → *наоустити* ‘подучить, подстрекнуть’ и *пооустити* ‘побудить, понудить’, *пооустити* → *пооустынь* ‘бодрый’ и *пооущеник* ‘усердие, готовность’) до десятков, образующих разветвленные схемы: например, словообразовательное гнездо с базовым существительным *вѣра* насчитывает 30 лексем, с глаголом *вити* — 39, с глаголом *рещи* — 64. По наблюдениям Р. М. Цейтлин, более 2/3 старославянских слов образуют немногочисленные по количеству входящих лексем словообразовательные гнезда (в терминологии исследовательницы — *лексико-семантические группы по общему корню*).

§ 40. Основные словообразовательные средства

Словообразовательные (морфологические) средства служат для передачи словообразовательного значения.

1. Основным словообразовательным средством в старославянском языке является *аффикс*.

В старославянских словах встречаются так называемые первичные (в основном одно- и двуфонемные) праславянские (индоевропейские по происхождению) многозначные аффиксы, например суффиксы *-l-, -k-, -r-, -t-* и др.: *дѣло* < псл. **dělo* ← **dē-tei* (ср. рус. *дѣть*, в ст.-сл. только *дѣяти*), *крѣпкъъ* ‘сильный’ < псл. **krĕrkъ* ← **krĕr-* (ср. ст.-сл. *крѣпъ* ‘сильный’, *крѣпость*), *мокръ* < псл. **mokъ* ← **mok-* (ср. ст.-сл. *омочити* ‘смочить’, *омакати* ‘смачивать’), *стадо* ← *стати* (ср. **stā-d-o* ← **stā-tei*), *стѣна* ← *стояти*

(вокализм корня разошелся вследствие монофтонгизации дифтонга; ср. *stai-n-ā ← *stai-ā-tei).

Некоторые из таких аффиксов в период создания старейших переводов уже не вычленились, например в словах **брада** < псл. *bard- ← и.-е. *b^har- ‘торчать’; **мждръ** < псл. *mandr- (ср. лит. *mandrius* ‘бодрый’) ← и.-е. *mend^(h) ‘прилагать умственные усилия’, **тврѣдь** (ср. **творити**, **творьць**), **цѣна** (ср. **капати сл**). Особую роль в праславянском языке играли аффиксы *k и *n, которые, соединяясь с предшествующим им тематическим гласным, давали суффиксы **-ьк-**, **-ьц-**, **-иц-**, **-ък-**, **-ок-**, **-ьн-**, **-ен-**, широко использовавшиеся в именном словообразовании.

Широкое распространение получили сложные суффиксы (суффиксальные образования), например **-тель**, **-ник**, **-тик**, **-ость**, **-ство**, **-ствик**, **-изна**, **-иньск-** и др., функционировавшие с ограниченным кругом значений и называющие в основном лиц и отвлеченные понятия (действия, состояния, качества и т. п.). Они производны от первичных суффиксов, представляя результат их редупликации или интеграции: **-ство** и **-ик** → **-ствик** (**невѣрство** / **невѣрик** → **невѣрствик**); **-ин-** и **-ьск-** → **-иньск-** (**сотониньскъ**). Эти словообразовательные форманты имели общеславянскую основу, но — что вполне закономерно — частотность их велика именно в книжной речи, требовавшей разнообразных слов для передачи отвлеченных понятий религиозного и философского характера. Бóльшая продуктивность подобных словообразовательных средств в книжном тексте по сравнению с живой славянской речью привела к тому, что их стали воспринимать как собственно старославянские. В дальнейшем, переписывая уже существующие богослужебные тексты-образцы или переводя новые, древнеславянские писатели широко использовали подобные языковые формы как определенное жанрово-стилистическое средство.

Основная масса приставок старославянского языка восходит к праславянскому периоду (ср. гот. *in* — греч. *ἐν* — псл. *in — ст.-сл. **въ(н)**) и по своему происхождению связана с предлогами и частицами, ср.: **въ оухо** — **въ оушню** (**въ ноушню**) ‘в [обоих] ушах’ — **въоушити** (**въноушити**) ‘услышать’; **до съмръти** — **доводитѣль**; **отъ горы** — **отъдати** — **отърасль** ‘побег, отросток’; **при дворѣ** — **пришьльць** — **приморик**; **не въстѣть** — **невѣтник** и т. п. В отдельных случаях осуществлялось формирование приставки на базе полнозначных слов: **низъ**¹ ‘вниз’ — **низъвъсити** ‘спустить’, **низъпасти** ‘упасть’. Чем ближе префиксы к наречиям, из которых образовались, тем они семантически определеннее.

¹ Наречие **низъ**, которое сблизилось с приставками, отличалось от других приставок и предлогов на **-з-** (**из-**, **вез-** и т. п.) тем, что исконно имело на конце редуцированный гласный.

Наличие или отсутствие редуцированного на конце предлога (приставки) могло приводить к изменениям в морфемной структуре слова. Так, считается, что праславянская приставка *ot- изначально не имела редуцированного на конце, поэтому перед шумными согласными ее конечный согласный отпадал (**оходьникъ** — **ошьльць** ‘отшельник’, **ошьствикъ**), что создавало омонимию с приставкой o-, которая возникла из *ob- в результате утраты /b/ перед согласным корня¹: ср. **оходити** ‘отходить, уходить’ (< *otxoditi) и **ошолити** ‘опозорить, осрамить’ (< *obxuliti), **оужпити** ‘обнять’ (< *obxopiti; ср. **поужпити** ‘обнять’). Приставка *o (< *ob-) могла получать самостоятельный статус и появляться там, где не было условий для выпадения *b: ср. **оимъ** ‘воин’ (< *o-jьm-ъ ‘охватывающий, захватывающий’), при закономерном **обьмъ** (ср. **сии сжтъ обьмъшни нашъ странъ** (Супр.) ‘это [люди] захватившие нашу страну’). Однако согласный в приставке *ot- мог восстанавливаться *до падения редуцированных* при развитии /ъ/ на конце по аналогии с приставками *въ-, *къ-, *съ-, *родъ- (ср. **отъльжчнь**) или *после падения редуцированных*, когда оказались возможны многие ранее запрещенные сочетания согласных, в результате чего возникали варианты лексем **окръти** — **отъкръти**, **ошьльць** — **отъшьльць**.

Учитывая исторические изменения в структуре слова, следует отметить утрату некоторых старых приставок: именная приставка **па-** в некоторых словах уже в старославянском языке не выделяется (**памлтъ**). Такое явление носит название *опрощения*. Понятие опрощения ввел в научный оборот В. А. Богородицкий, определив его следующим образом: «Опрощением называется морфологический процесс, посредством которого слово со сложным морфологическим [морфемным] составом утрачивает значение отдельных своих морфологических частей и становится простым символом данного представления. Так, например, слова „вкус“ (ср.: *кусать, кус-ок*), „забыть“ и т. п. имеют только целостное значение и морфологический состав этих слов (*в-кус, за-быть* и т. п.) уже не чувствуется. Таким образом, при опрощении связь с родственными ему словами утрачивается, вследствие чего оно обособляется от них»². В современном русском языке, например, не выделяется именная приставка, соотносительная со старославянской **сж-** (рус. *сосед* — ст.-сл. **сжсѣдъ**, рус. *сугроб* — ст.-сл. **сжгровъ**, рус. *супруг* — ст.-сл. **сжпржгъ** ‘пара волов’).

Большинство аффиксальных морфем, используемых при образовании старославянских слов, являются исконными — праславян-

¹ Отметим, что имелся вариант приставки и с редуцированным /ъ/ **обь-**: **обьстоити** ‘обступать, осаждать’: ср. **обьстоимъ воі нѣмъ** (Лк. 21: 20 Зогр.) ‘обступаемый войсками Иерусалим’.

² *Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики. М.; Л., 1935. С. 99—100.

скими, индоевропейскими. К числу заимствованных аффиксов исследователи относят, например, суффикс существительных со значением лица **-чии** предположительно тюркского происхождения: **корабьчии** ‘корабельщик’, **самъчии** ‘начальник’, **шарьчии** ‘живописец’.

Важное значение имеет решение вопроса о роли аффиксальных морфем, например суффиксов **-ние**, **-тие**, **-ость**, **-ьство**, **-ьствие**, **-тель**, **-изна**, префиксов **из-**, **прѣ-**, **прѣдъ-**, **чрѣзъ-**, других словообразовательных средств, используемых древнеславянскими писателями при переводе богослужебных и других текстов христианского вероучения и при переписывании текстов-образцов и осознаваемых ими как принадлежность определенных жанрово-стилистических разрядов.

2. *Сложение* представляет собой образование нового слова путем объединения в одно целое двух или нескольких основ. Сложения в древних индоевропейских языках составляли значительную и характерную часть словарного состава. Сложение было особенно продуктивно в образовании имен.

Структура подобных слов в первых славянских письменных памятниках была следующей: имя +, как правило, соединительный гласный *o/e* + отыменное или отглагольное образование (с суффиксом или без него): **богоносьць**, **водносьць** ‘сосуд для воды’, **вокъвода**, **кротолювьць** ‘миролюбивый человек’, **листопадъ** ‘октябрь’, **милосръдик**, **милосръднѣнь**, **милосръдовати**, **повѣдотворьць**, **трѣсватѣть**.

Сложные слова (композицы), благодаря объединению в одной лексеме сем составляющих слов, представляют собой необычайно интересные с точки зрения выражаемого значения единицы: **вѣлоризьць** ‘мирянин’, **законодаѣи** ‘законодатель’, **самодѣльникъ** ‘виновник’, **жестоколѣганьникъ** ‘лежащий на жесткое ложе’ (ср. **макъколѣганик** ‘лежание в мягкой постели’).

3. Особым морфологическим средством, встречающимся в самых разных индоевропейских языках и играющим в них значительную роль, следует считать *чередование* гласных в корневой морфеме, *аблаут* (см. § 24). Основная схема аблаута содержит пять ступеней, которые возникали на разных этапах развития индоевропейских языков и разными путями, однако не каждый корень, где имеется такое чередование, представлен всеми степенями чередования: **по{грѣв}ж** — **{гров}ъ** — **по{грѣв}ати** — **{грав}ити**, **{вр}ати** — **съ{вир}ати** — **съ{вор}ъ** — **{врѣ}ма**, **ж{сѣд}ъ** — **{сжд}а**.

Морфонологический характер подобных чередований отчетливо проявляется в определенных словообразовательных моделях, характерных для старославянского языка, например образование имени от соответствующего глагола: **съ{вер}ж** → **съ{вор}ъ**, **{вез}ж** → **{воз}ъ**, **{нес}ж** → **{нос}ъ**, **{грѣв}ж** → **{гров}ъ**.

В старославянском языке аблаут использовался при образовании *итеративных глаголов*, которые уже античные грамматики

описали как формы, обозначающие то, что происходит многократно (лат. *dico* ‘говорю’ / *dictito* ‘многократно говорю’): **въложи-ти — вълагати, гнести — оугнѣтати, погрети (погрѣж) — погрѣвати, хътѣти — хътити**. Наряду с суффиксом основы инфинитива -а-, характеризующим подобные глаголы (ср.: **направити — направлати, оуправити — оуправлати**), наблюдается последовательное удлинение корневого гласного (ср.: **проводити — проваждати, възьрѣти — възирати, съплести — съплѣтати, съзъвати — съзъвати**). По мнению компаративистов, удлинение корневой гласной в глагольных итеративных основах относят к поздней эпохе, т. е. к истории отдельных индоевропейских языков¹.

Чередование, восходящее к индоевропейскому языку-основе, в старославянском языке указывает также на соотношение отдельных форм, в основном глагольных. Например, ступень редукции характеризует формы повелительного наклонения (**реци — рыци, пеци — пыци**; см. § 77), ступень удлинения — формы архаического сигматического аориста **вести — вѣсъ, вости — васъ**; см. § 75) и объектно-субъектного выражения действия (**вѣдѣти — воудити, сѣдѣти — садити**) и др.

4. Так же, как и другим индоевропейским языкам, славянским языкам свойствен *супплетивизм*, или сплетение основ, когда формы одного слова образовывались от разных основ. Принято считать, что в языке данное явление свойственно древнейшему лексическому пласту: инф. **вѣтити** — 3 ед. **кстѣ** — 3 мн. **сжтѣ**, инф. **ити** — прич. **шѣдѣ**; личн. мест. 1 л. **азъ** ‘я’ — **мене** ‘меня’ — **мьнѣ** ‘мне’, прил. **малѣ** ‘маленький’ — сравн. **мьнии** ‘меньший’, прил. **великѣ** ‘большой’ — сравн. **болии** ‘большой’ и др.

В некоторых случаях далеко разошедшиеся в результате фонетических изменений корни также могут рассматриваться как проявление супплетивизма: ср. **гънати** ‘гнать’ — **женж, женѣши** ‘гоню, гонишь’ (< и.-е. *g^{wh}h₂-/*g^{wh}en-; ср. лит. *ginti* — *genù* ‘гнать, выгонять (скот)’).

§ 41. Основные способы словообразования

Для старославянского языка справедливо утверждение, что именно словообразовательный механизм в первую очередь обеспечивает его лексическую систему разнообразием слов и в значительной мере способствует пополнению словаря. Естественно, что новые слова создаются на базе готового лексического или морфемного материала по аналогии со строением имеющихся слов.

¹ Савченко А.Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М., 1974. С. 151.

Основными способами словообразования в старославянском языке являются *морфемный (морфологический)* и *неморфемный (синтаксический и лексико-семантический)*, различающиеся в зависимости от используемых словообразовательных средств.

1. Под морфемным способом образования понимают такую формальную операцию, в ходе которой одна, две (или несколько) исходных лексических единиц преобразуются в одну новую.

1.1. Основным способом морфологического словообразования является *аффиксация*. Большинство производных слов старославянского языка представляют собой результат присоединения к производящему слову словообразовательных аффиксов — суффиксов и приставок.

1.1.1. *Суффиксальный способ* словообразования: *богатъ ← богъ, простость ← прость, чьстьнь ← чьсть*.

В языке старейших славянских памятников исследователи выделяют около 100 суффиксов, большинство из которых являются праславянскими по происхождению и общеславянскими по распространению.

1.1.2. *Приставочный (префиксальный) способ* словообразования: *възати ← ѡти, нанѣмь 'косноязычный; нескл. прил.' ← нѣмь, протьць ← отьць, припжтьнь ← пжтьнь, прискръбьнь ← скръбьнь*.

Приставки, которых в старославянском языке насчитывается около 30 (*въ-, въз-, вы-, до-, за-, из-, на-, надъ-, не-, ни-, о- (об-), отъ-, па-, по-, подъ-, пра-, при-, про-, прѣ-, прѣдъ-, раз-, съ-, сж-, оу-* и некоторые другие), уточняют значение следующего за ним корневого элемента слова. Некоторые слова с приставками не имеют соответствующих лексем без приставки.

1.1.3. *Приставочно-суффиксальный (конфиксальный) способ* словообразования: *бездъник, бесплътънь, бесправдѣнѣ, въскрилик, подъгорик, поморик, приморик, прѣдъстолик, распжтѣнѣ, ждолик 'долина'*. Используется в старославянском словообразовании преимущественно для создания имен. Предполагают, что данный способ возник на основе калькирования греческих лексем и со временем стал необычайно продуктивным.

Продуктивность словообразовательных аффиксов, использовавшихся в старославянском языке, различна. Если словообразовательные типы имели схему формально-семантического строения производных слов, которая служила моделью для образования новых слов, то аффикс был *продуктивным*. К числу наиболее продуктивных относят, например, суффиксы существительных *-ник* (при образовании девербативов типа *оправданик, осжденик*), *-ць* (при образовании слов со значением лица типа *сѣчьць 'палач'*); суффиксы прилагательных *-ьн-, -ьск-* (*животворьнь, демоньскъ*) и др. Некоторые аффиксы, наоборот, встречаются в ограниченном числе слов, ср., например, именной суффикс *-р-*: *вѣдръ (← вѣдѣти)*,

хыгтръ (← хытити); даръ (← дати), жиръ 'пастбище' (← жити), пиръ (← пити); приставки па- (пагоуба), сж- (сжсѣдѣни 'соседка'), ж- (ждолиѣ 'долина').

Для целого ряда старославянских слов приходится признать возможность двойной мотивации: прилагательные типа **вѣсмрътънъ**, **вѣсплътънъ** могли образоваться от существительных **смрътъ**, **плътъ** приставочно-суффиксальным способом или от прилагательных **смрътънъ**, **плътънъ** приставочным способом, прилагательные типа **льстивъ**, **чѣстивъ** могут быть мотивированы как существительными **льсть**, **чѣсть**, так и глаголами **льстити**, **чѣстити**, которые сами образованы от существительных **льсть**, **чѣсть**.

1.1.4. Особую группу составляют слова, образованные морфологическим способом, но не имеющие формально выраженных словообразовательных средств. Такой способ называют *безаффиксным* (*бессуффиксным*): ср. сущ., образованные от глаголов, — **вѣдь** 'знание', **гонъ**, **звонъ**, **крѣма** 'пища' (у этого слова есть омоним **крѣма** 'корма'), **прикоупъ** 'прибыль, польза', **проныръ** 'вероломство', **распонъ** 'крест (как орудие казни)', **сльъ** 'посланец', **хоть** 'любовник'. Если взглянуть на данную модель в диахроническом плане, т. е. с точки зрения ее праславянского прототипа, то можно заметить, что любое существительное имело кроме корневой и флективной еще и суффиксальную морфему, например **звонъ** < *zvон-o-s. Утрата суффиксов объясняется различными фонетическими и морфологическими процессами.

1.2. К морфологическим способам образования слов относится и *сложение*. Установлено, что в старейших славянских рукописях сложным (в подавляющем большинстве случаев двухосновным) является каждое 16-е слово.

Многие сложные слова (композиты) являются праславянскими образованиями: **громъгласъ**, **дрѣводѣла**, **маловѣръ**, **маломощь**¹, **многъкраты**, **простовласъ**, **ржковать**, **чловѣкъ**. Такие композиты появились в результате сложения двух исконно славянских корней: **любовѣи** ← **любы** + **дѣяти**. Многие древние сложения не имеют соединительного гласного: **плодѣтворѣниѣ**, **пѣтьдѣсѣтънъ**, **тръгоубити**, **тръзжвъць**.

В отдельных случаях при образовании сложного слова новая единица уже в дописьменную праславянскую эпоху претерпела изменения, которые затемнили его этимологию: в словах **господь** 'хозяин (принимающий) чужестранцев' < псл. *gospodь² < *ghost-

¹ Данное слово трактуется в научной литературе по-разному, но мы, вслед за ЭССЯ, будем рассматривать его как славянское сложение *maľ и *mogt'ь (ЭССЯ. М., 1990. Вып. 17. С. 169).

² Незаконмерное озвончение конечного *t > *d, возможно, имело место в ранний праславянский период и было связано с изолированностью основы (см.: ЭССЯ. М., 1980. Вып. 7. С. 62).

rot-i-s (ср. лат. *hospes*, Р. ед. *hospitis* ‘хозяин’) и **невѣгласть** ‘невежда’ < псл. *ne-vēd-gals-u < *ne-vēd-gols-o-s произошли фонетические изменения, изменившие вид первого корня этих сложений.

Незначительное количество композит могло возникнуть и в результате калькирования слов германского происхождения; хронологически их обычно относят к дописьменному периоду славянских языков: **виноградъ** (← гот. *weinagards* ‘виноградник’), **врѣтоградъ** (← гот. *aúrtingards* ‘сад, огород’).

Чаще всего старославянские композиты соответствуют греческим сложным словам, что абсолютно естественно при переводе текстов с греческого оригинала: *μεγαλοπρεπής* — **вельдѣпѣть**, *μεγαλοπρέπεια* — **вельдѣпѣота**, *οἰνοδοσία* — **винодатник**, *ψυχροφόρος* — **доушегоубьнѣть**, *φιλόπτωχος* — **любонищѣ**, *ψευδομαρτυρία* — **лъжесѣвѣдѣнник**, *πρωτόπλαστος* — **пръвозданъ**.

Калькирование в старославянском языке представляло достаточно сложную словообразовательную процедуру и вместе с тем настолько важную, что ее необходимо тщательно исследовать как неотъемлемую часть славянского словообразовательного механизма.

Процессы калькирования сыграли важную роль в системе славянского словообразования, выступив катализатором образования сложных слов по образцу калек, но уже на собственном материале: к подобным новообразованиям относится, например, лексема **иносѣказакмѣ**, и морфологически, и семантически отличающаяся от остальных сложных слов с первой частью **ино-** (типа **иноплеменьникѣ**). Наряду со словом **потокъ** в текстах старославянских памятников появляется **водотѣчь** (Супр.) — славянское образование. Показательным является употребление гапакса **кровоточеник** (Сав.): в других памятниках ему соответствует словосочетание **точеникъ крѣви (крѣве)**. Появление новообразований типа **водотѣчь**, **иносѣказакмѣ**, **кровоточеник** свидетельствует о том, что данный способ словообразования приобретает все большее распространение на славянской почве, подобные слова передают «аромат эпохи», представляя типологическую особенность славянского литературно-письменного языка.

Разнообразие приемов (словообразовательные кальки, семантические кальки, псевдокальки) свидетельствует об определенных трудностях в интерпретации сложных слов старославянских текстов. Интересна в этом отношении трактовка лексемы **лицемѣръ**. А. Мейе считал, что оно калькирует слово германского происхождения с тем же значением — др.-в.-н. *līhhazāri*. ЭССЯ дает реконструкцию исконной формы этого слова как **licemьpъ* с последующим изменением вследствие «народной этимологии»¹. А. Р. М. Цейтлин полагает, что данное слово является удачным изобретением Константина-Кирилла для перевода греческого *ὁποκριτής*, поскольку

¹ ЭССЯ. М., 1988. Вып. 15. С. 79.

его вторая часть представляет непроезную глагольную основу, характерную для исконно славянских сложных слов.

2. Процесс деривации может протекать таким образом, что в нем не оказывается задействованным ни одно из словообразовательных средств, указанных выше. В отличие от морфологического такие способы носят названия синтаксического и лексического.

2.1.1. Если в процессе деривации одна лексическая единица разделяется на две, такой способ называют *синтаксическим* способом словообразования, который нашел свое выражение в так называемом переходе слова из одной части речи в другую. Разновидностями синтаксического способа словообразования являются:

— *субстантивация* (переход прилагательных и причастий в существительные): *дѣлаѣни* ‘работник’, *живѣни* ‘житель’, *отѣлжчивѣни сѣ* ‘отступник, раскольник’, *пагоубѣнѣни* ‘губитель’, *плѣтѣнѣни* ‘человек’, *повиннѣни* ‘должник’, *поустѣннѣни* ‘отшельник, пустыжник’, *хранѣни* ‘сторож’; *макъка* (с. р. мн.) ‘мягкая одежда’, *небесѣнага* (с. р. мн.) ‘небо’;

— *адвербиализация* (переход разных частей речи в наречия): *вѣтаннѣ*, *домови*, *зиди*, *зимѣ*, *по пророчскоумоу*, *тажько*.

Что касается *адъективации*, т. е. перехода причастий в прилагательные, то следует признать сложность трактовки старославянского состояния: прил. → прич. или прич. → прил.: *врашно гѣблѣштѣе* ‘пища тленная’, *тельць оупитѣнѣ* ‘теленоч откормленный (на убой)’. Связано это с тем, что в праславянском языке древние и.-е. отглагольные прилагательные на базе глагольных категорий времени и залога постепенно превращаются в причастия (см. главу «Морфология»), в отличие от современного языка, где имеет место адъективация, т. е. переход причастий в прилагательные.

2.1.2. Новое слово (или форма) может возникнуть путем *сращения* в одно слово двух или более лексических единиц: *без + дѣна* > *вездѣна*; *за + оутра* > *заоутра*; *имь + же* > *имьже* ‘потому что, поэтому’; *ис + прѣва* > *испрѣва*; *къ + то* > *къто*, *къ + и* > *къи*; *пакы + вѣтѣнѣ* > *пакывѣтѣнѣ* ‘будущая жизнь’ и др. В результате сращения краткой (именной) формы прилагательного с постпозитивным указательным местоимением (членом) появились полные (членные) формы прилагательных: ср. *добрѣ* ‘добрый’ + *и* ‘тот’ > *добрѣи* (> *добрѣни*), *добра* ‘добрая’ + *та* ‘та’ > *добрага*, *добро* ‘доброе’ + *к* ‘то’ > *добрѣк* (см. § 61).

В истории славянского словообразования наблюдается такое интересное явление, как взаимодействие сращения и сложения, состоящее в морфологическом осмыслении и преобразовывании слов-сращений по типу существующих в языке морфемных композит. Например, по старославянским памятникам можно представить историю слова *лжесвидетель* и однокоренных ему, которые со временем являют собой уже результат морфологического

переосмысления приведенных сращений: **не лъжь съвѣдѣтель бѣди** (Мар.) ‘лживым свидетелем не будь’ (здесь **лъжь** ‘лживый’ — прил. И. ед.) → **не лъжи съвѣдѣтель бѣди** (Асс., Сав.) ‘лжи свидетелем не будь’ (здесь **лъжи** — Д. ед. суш. **лъжа**) → **не лъжесъвѣдѣтель бѣди** (Зогр.) ‘лжесвидетелем не будь’ (здесь **лъже-** — часть сложного слова с соединительным гласным **-е-**); **не лъжа съвѣдѣтельствои** (Мар.) ‘не подтверждай ложных сведений (лжи) = не лжесвидетельствуй’ (здесь **лъжа** — В. мн. суш. **лъжа** ‘ложь’) → **мънози бо лъжесъвѣдѣтельствоаахъ на нь** (Мар., лъжи- Зогр.) ‘ибо многие лжесвидетельствовали на Него’ (здесь **лъже-** — часть сложного слова с соединительным гласным **-е-**).

Довольно сложной задачей является разграничение *сложений* и *сращений* старославянского языка. Чаще всего трудности в интерпретации возникают с гапаксами, так как имеющегося материала недостаточно для точного определения, сложение ли это основ (корней) или сращение целых слов, входящих в состав словосочетания. Для отдельных моделей, например для глагольных композит с первой частью **благо-**, **добро-**, данный вопрос был решен в пользу сращения: **благовѣцати** ← **благо** + **вѣцати**, **добротворити** ← **добро** + **творити**. В отличие от других сращений (**домаживыць** ‘туземец’, **мимограсти** ‘проходить (мимо)’, **мимоити**) они были созданы по греческим моделям.

2.2. Суть *лексико-семантического способа* словообразования состоит в том, что новые слова образуются в результате изменений в смысловой стороне слова, разные значения одного и того же слова превращаются в разные слова. Данный процесс часто начинается с процесса метонимизации, метафоризации какого-либо значения слова, ср.: **здание** ‘сотворение, создание’ → ‘здание, постройка’¹; **колѣно** ‘колени’ → ‘племя, поколение’; **кровь** ‘крыша, кровля’ → ‘охрана, покровительство’; **село** ‘поле’ → ‘место поселения, двор’ → ‘жилище’; **тишина** ‘спокойствие, тишина’ → ‘штиль, спокойное море’ → ‘убежище, тихая пристань’ и т. п. Со временем процесс семантического словообразования может привести к расщеплению слова на омонимы.

§ 42. Словообразование частей речи

Одной из тенденций развития грамматической системы славянских языков была все большая дифференциация частей речи. Словообразовательная специфика частей речи — один из факторов, определивших их дифференциацию.

¹ А. М. Камчатнов предполагает иное направление процесса, противоположное: **здание** ‘здание, постройка’ (ср. **здѣть** ‘стена, постройка’) > ‘сотворение, создание’.

1. При образовании имен существительных в старославянском языке основным способом была суффиксация. Значительное количество существительных образовывалось также путем сложения (и сложения с суффиксацией). Менее характерны для существительных приставочный и приставочно-суффиксальный способы.

1.1. Как уже было отмечено (см. главу «Лексика»), лексикон старославянского языка антропоцентричен. С этим вполне согласуется тот факт, что наиболее распространенными моделями при словообразовании имен существительных были модели со значением лица у производных существительных.

Для образования имен существительных, обозначающих лиц мужского пола, использовались следующие суффиксы:

а) **-ьникъ / -кникъ**: **грѣшьникъ**, **промѣсльникъ** ‘наставник’, **скждьльникъ** ‘гончар’, **мжченикъ**, **възлюбленикъ** ‘любимый’;

б) **-ьць, -ьца, -ица**: **жьрьць**, **льстьць**, **пивьца** ‘пьяница’, **старьць**, **сѣчьць** и **сѣчьца** ‘палач’, **оувница**, **чародѣица** ‘колдун, обманщик’, **чьтьць**, **гдьца** ‘обжора’;

в) **-(и)тѣль**: **дрьжитѣльсѣ**, **жатѣль**, **проситѣль** ‘нищий’, **родитѣль**, **стронитѣль** ‘управляющий’, **оучитѣль**;

г) **-арь**: **вратарь**, **мытарь**, **рыбарь**;

д) **-ни /-ъји/**: **блани** ‘врач’, **вѣтти** ‘оратор, вития’, **сѣдни** ‘судья’;

е) **-(ъ)чии /-ѣ’ъји/**: **кънигъчии**, **крѣмьчии**, **сокачии** ‘мясник, повар’, **шаръчии** ‘художник’;

ж) **-(а)тан /-тајъ/**: **ратан** ‘пахарь’, **ходатан**;

з) **-инъ, -ѣнинъ (-анинъ)**: **агарѣнинъ**, **вогаринъ**, **галилеанинъ**, **гражданинъ**, **жатѣланинъ** ‘жнец’, **людинъ**, **роуминъ** ‘римлянин’.

Кроме того, следует отметить суффикс *-j-, который проявляется в чередованиях конечного согласного основы: ср. **вождь** < *vodj- (ср. **водити**, **вождж**, **водиши**... ‘водить, вожу, водишь...’), **стражъ** < *storgj- (ср. **стрѣшти**, **стрѣгж**, **стрѣжеши**... ‘стеречь, стерегу, стережешь...’).

Большинство указанных выше суффиксов также использовались при конфиксации и сложении: **вестоудьць** ‘бесстыдник’, **вєсхрамьникъ** ‘человек без крова’, **вогочьтьць**, **братоувница**, **бѣлоризьць** ‘мирянин’, **мъздонимьць**, **поводатан**, **позоратан** ‘зритель, очевидец’, **прѣвьстьникъ** ‘обманщик, соблазнитель’, **самодѣльникъ** ‘виновник’, **оугодьникъ**.

1.2. Для называния лиц женского пола использовались суффиксы:

а) **-ица**: **блждьница**, **въдовица**, **плѣвница**, **постьница**, **пророчица**;

б) **-ьйи**: **богъйи**, **господъйи**, **поганъйи** ‘язычница’, **сжсѣдъйи**;

в) ***-j-**: **тьца** (< *tystja; ср. **тьсть**), **госпожда** (< *gospodja; ср. **господь**).

1.3. Для называния животных использовались суффиксы:

а) **-л(т)-**: **агна** ‘ягненок’ (← **овьца**), **жрѣва** ‘жеребенок, осленок’ (← **конь**, **осьаль**), **козьла** ‘козленок’ (← **козьль**), **овьча** ‘овечка’

(← **овьца, овьнь**), **осьла** ‘осел, ослица’ (← **осьла**). Традиционно исконное значение данного суффикса трактуется как уменьшительное, указывающее на детенышей животных, однако названный формант имеет достаточно широкое значение — живое существо без конкретизации пола и возраста, например лексема **осьла** обычно называла ослицу, а в значении детеныша этого животного использовалась лексема **жрѣбѣ**;

б) **-ьць**: **агньць, жрѣбьць, пьтеньць, тельць**;

в) **-ица**: **рѣвица, телица**.

1.4. Среди разнообразных суффиксов, используемых для образования существительных со значением предметности (названия предметов), укажем наиболее частотные:

а) **-ьникъ**: **вѣторьникъ, источникъ, почръпальникъ, скждьльникъ** ‘глиняный сосуд’;

б) **-ьць, -ьце, -ьца**: **брашьньце** ‘еда’, **вльчьць** ‘волчек (название колючего растения)’, **гостиньць** ‘широкая дорога’, **двьрьца, плесньце** ‘саидалия’, **срьдьце, стоуденьць**;

в) **-(ь)ица**: **гостиньница и гостиньница, дньница, житьница, кадильница, чрьница** ‘шелковица, тутовое дерево’;

г) **-ище** (nomina loci): **жилище, нъирище, позорище** ‘театр, зрелище’, **селище, сждище, тръжище, жзилище** ‘тюрьма’;

д) **-ло** (орудия действия): **весло** (< *vez-slo; ср. везж ‘везу’), **рало** ‘плуг’ (< *og-dlo; ср. рус. диал. *орати* ‘пахать’), **точило** ‘точило, пресс для выжимания винограда’;

е) **-ик** (значение собирательности): **вѣтвик, зелик** ‘овощи, зелень’, **листик**.

В данную группу, без сомнения, следует отнести и существительные **пржтик, рѣпник, стьблик**, хотя в старославянских текстах не зафиксирована производящая форма единственного числа ***пржтъ, *рѣпни, *стьвьль**;

ж) ***-j-**: **кръмла** ‘пища’ (ср. *кръмити*), **ножь** (ср. *вънозити*), **ноша** (ср. *носити*).

1.5. Имена существительные с отвлеченными значениями (значение отвлеченного признака, свойства, качества, особенностей, присущих кому-либо или чему-либо) образованы посредством следующих суффиксов:

а) **-ьство, -ьствик**: **апостольство, богатъство и богатъствик, братьство, боѹиство, величьство и величьствик, вращьство, оѹвинство, чловѣчьство**;

б) **-ость**: **кротость, мръзость, радость, рвьность, скжпость**;

в) **-ота / -кта**: **великота, нагота, нищета, слѣпота, чистота**;

г) **-ик, -кник**: **бѣшеник, вльшьвеник, гонкник, питик, оужасеник**;

д) **-ина**: **глъбина, истина, овьщина** ‘общее дело’;

е) **-ьий**: **благъий, грѣдъий, сватъий**.

Материал старославянских памятников свидетельствует о словообразовательной синонимии. Суффиксальная синонимия проявляется особенно ярко в таких группах производных имен существительных, как названия лиц (давць — датѣль ‘даритель’, коравьчнн — коравльннкъ, мьтгарь — мьтньннкъ, повѣднтѣль — повѣдньннкъ, рыбаць — рыбадь, четвьртовластьць — четвьртовластьннкъ) и названия отвлеченных понятий алъканик — алъчьба ‘пост’, благость — благыни, правость — правота, цѣломждрик — цѣломждрость — цѣломждрьствик).

Приставочный способ словообразования для существительных в целом не характерен, приведем в качестве примера лишь несколько слов: несъттость, нечистота, нечловѣкъ ‘жестокосердный человек’, прадѣдь, ждоль ‘долина’. Чисто именными приставками считаются па-, сж-, ж-, однако в старославянском языке они были уже непродуктивны, а в некоторых словах вообще не выделяются (память).

2. При образовании имен прилагательных основным способом была суффиксация. Значительное количество слов данного класса также образовывалось путем сложения (и сложения с суффиксацией). Менее характерны приставочный и приставочно-суффиксальный способы. Представляется целесообразным рассматривать словообразовательные модели по грамматическим разрядам.

2.1. Наибольшим разнообразием суффиксов отличается группа качественных прилагательных.

2.1.1. Непродуктивные суффиксы качественных прилагательных:

а) -в- / -ав- (*-v-): живъ (ср. жити), лѣвъ (ср. греч. *λαίος*), лжавъ (ср. лжа);

б) -л- / -ъл- (*-l-): кржгль (ср. кржгъ), кысль (ср. кыснжти), свѣтъль (ср. свѣтъ);

в) -н- / -ан-, -ѣн- (*-n-): тѣснъ (ср. тискати), сланъ (ср. соль);

г) -р- (*-r-): вѣдръ (ср. вѣдѣти), добръ (ср. добль), пьстръ (ср. пьсати), хьгтръ (ср. хьгтити);

д) *-j-: добль (ср. добръ), тъштъ (ср. тъска).

2.1.2. Среди продуктивных (в разной степени) суффиксов качественных прилагательных выделяются следующие:

а) -ък- / -ьк-: крѣпъкъ, сладъкъ, горькъ, тажькъ;

б) -ок-: въсокъ, глжвокъ, широкъ;

в) -ив- / -лив-. При помощи данных суффиксов от имен существительных и глаголов образуются производные со значением ‘склонный к чему-либо, обладающий тем, что указано производящей основой’: вѣдръливъ ‘бодрый’, гнѣвъливъ, лопотивъ ‘косноязычный’, милостивъ, мльчаливъ, поучаливъ, ‘способный поучать’, трѣпѣливъ;

г) -ат- / -(ов)ит-: богатъ, брадатъ, домовитъ, именитъ, мас-титъ, трждовитъ;

д) -(ов)ьн-: вѣдънъ, вѣрьнъ, грѣшьнъ и грѣховьнъ, доблестънъ, доуховьнъ и доушьнъ, лъжьнъ, матежьнъ, правдънъ, поустънъ 'бодрый', сильнъ, тьмьнъ, тчънъ, чьстънъ.

2.2. Относительные прилагательные характеризуются меньшим разнообразием словообразовательных аффиксов:

а) -ьн-. Продуктивный суффикс, который присоединялся к именным основам и имел самое общее значение 'относящийся к тому, что названо производящей основой': горьнъ, дньвьнъ, дньнъ, лозьнъ 'виноградный', кинъсьнъ 'налоговый', небесьнъ, писменьнъ, породьнъ 'райский', пышеничънъ, сельнъ, скотънъ, хлѣвьнъ, тамьнъ;

б) -ьск-. Продуктивный суффикс, который присоединялся к именным основам и имел самое общее значение 'относящийся к чему-либо': браньскъ 'военный', коньскъ, львьскъ, плътъскъ. Внутри данной группы, однако, можно выделить разнообразные подгруппы:

— 'относящийся к какому-либо месту' (в широком смысле): земьскъ, земльскъ, морьскъ, полъскъ 'полевой, дикий';

— 'относящийся к какому-либо месту' (в узком смысле): дека-польскъ, иероусалимьскъ, норъданьскъ, римьскъ;

— 'относящийся к группе, виду, коллективу': ангельскъ, вѣсовьскъ, евръискъ, елиньскъ, женьскъ, жидовьскъ, нюденскъ, людьскъ, мънишьскъ, пророчьскъ.

Прилагательные, указывающие на отношение к месту, пространству, в том числе производные от собственных (географических) названий, образовывались только при помощи данного суффикса.

в) -ѣн- / -ан-. Суффикс, который присоединялся к именным основам и имел значение 'сделанный или состоящий из материала, вещества': дрѣвѣнъ 'древесный', мѣдѣнъ, оцѣтѣнъ, трынѣнъ 'терновый', шипѣчанъ 'колючий' (шипѣкъ 'роза').

2.3. Для притяжательных прилагательных характерны следующие суффиксы, прибавляемые к именным основам (названиям лиц и животных) и имеющие самое общее значение индивидуальной принадлежности:

а) -ов- / -ев-: ехидьновъ 'гадючий', змикувъ, китовъ, пастоуховъ, петровъ, тектоновъ 'плотничий', цѣсаревъ;

б) -ин-: богородичинъ, змининъ, ионинъ, осьлаатинъ, сотонинъ;

в) *-ј-: въдовичъ, говаждъ, иаковль, кънажь, ловчь, овчь, отчь, пророчъ, чловѣчь;

г) *-ьј-: вожини, вражини, львини, отрочини, равини, скотини;

д) -ьн-: братьнъ, господьнъ, дружьнъ, матерьнъ.

Представленная классификация традиционна и в целом отражает давно сложившиеся представления о закреплённости определенных суффиксов за определенным разрядом прилагательных.

Материал же старославянских памятников свидетельствует о том, что значения прилагательных с одним и тем же суффиксом в зависимости от контекста колеблются от притяжательности до относительности и т. п. Данное обстоятельство играет важную роль при установлении распределения функциональной нагрузки на различные словообразовательные морфемы. Интересный материал для наблюдений подобного рода представляют имена прилагательные, образованные от одной основы с помощью разных суффиксов: **ЗЕМЪНЪ** — **ЗЕМЛЪСКЪ**, **ЛЪВИНЪ** — **ЛЪВОВЪ** — **ЛЪВЪСКЪ** ‘львиный’, **ОСЪЛЬ** — **ОСЪЛЬСКЪ** — **ОСЪЛЪТИНЪ**, **ПЪШЕНИЧЪНЪ** — **ПЪШЕНЪНЪ**, **ЧЛОВЪЧЪ** — **ЧЛОВЪЧЪСКЪ** и т. п. Анализ употреблений прилагательных **ЛЪВИНЪ** — **ЛЪВОВЪ** — **ЛЪВЪСКЪ** ‘львиный’ свидетельствует о том, что книжники стремились создавать новые лексемы с продуктивными суффиксами, поэтому «старое» прилагательное со значением индивидуальной принадлежности **ЛЪВИНЪ** вытеснялось синонимичным ему **ЛЪВОВЪ**. Что же касается гапакса **ЛЪВЪСКЪ**, то он выступает в переносном значении ‘сильный, мощный’: **ГЛАГОЛЬ ЕТЕРЪ КРЪПОКЪ... И ЛЪВЪСКЪ КЪ ПРОТИВЪНЪИМЪ СИЛАМЪ** (Супр. 464.14) ‘одно слово сильно и мощно в отношении враждебных сил (войск)’.

Несмотря на кажущуюся простоту и ясность словообразовательных процессов, становление старославянской словообразовательной системы в сфере прилагательного требует дальнейших исследований. Однако некоторые предварительные выводы можно сделать.

Велик удельный вес книжных образований, представляющих собой прилагательные с суффиксом **-ЪСК-**, создававшиеся в процессе переводов греческих текстов на славянский. Данный суффикс не только стал продуктивным, но и «значительно расширил сферу своего применения с точки зрения мотивирующих существительных»¹.

Установлен факт закрепления некоторых словообразовательных типов прилагательных за языком определенных групп памятников. Так, употребление прилагательных с суффиксом **-ИВ-** характерно для языка преславских книжников, именно в Преславском центре письменности прилагательные с суффиксом **-ЪН-** заменялись на прилагательные с суффиксом **-ИВ-**².

Префиксация не была таким актуальным способом образования прилагательных в старославянском языке, как суффиксация. Приведем отдельные примеры: **ДОСТОИНЪ** → **НЕДОСТОИНЪ**, **НЪМЪ** → **НАНЪМЪ** ‘косноязычный’, **СКВРЪНЪНЪ** → **ПРЪСКВРЪНЪНЪ**, **ТЪМЪНЪ** → **ПРЪТЪМЪНЪ**.

С чисто формальной точки зрения можно было бы предположить и такой словообразовательный процесс: **ЗАКОНЪНЪ** → **ВЕЗА-**

¹ Ефимова В. С. Старославянская словообразовательная морфемика. М., 2006. С. 244.

² Там же. С. 285.

коньнѣ, однако установлено, что прилагательные с приставкой **без-** и суффиксом **-ьн-** (**беззаконьнѣ** 1) ‘нарушающий законы’, 2) ‘негодный, злодейский’, **безводьнѣ**, **безгнѣвьнѣ** ‘беззлбный’, **безгрѣшьнѣ**, **бездродьнѣ**, **бесрамынѣ** ‘бесстыдный’) представляют префиксально-суффиксальную продуктивную модель, возникшую под влиянием языка греческих оригиналов.

3. При образовании старославянских наречий использовались морфологические способы, а также морфолого-синтаксический способ адвербиализации, причем последний был наиболее распространен.

3.1. При помощи приставок наречия образовывались, как правило, от других наречий: **додолю** ← **долоу**, **донизоу** ← **низоу**; **нѣкакѣ** ‘как-нибудь, как-то’ ← **какѣ**, **нѣкъгда** ‘когда-то, когда-нибудь, однажды’ ← **къгда**, **нѣколи** ‘однажды, когда-то’ ← **коли**, **нѣкъде** ‘где-то’ ← **къде**, **недалече** ← **далече**, **неоудовѣ** ‘неудобно, с трудом, трудно’ ← **оудовѣ**; **прѣизлиха** ‘чрезмерно, излишне’ ← **излиха**; **отътоли** ← **толи**, **отътолѣ** ← **толѣ**.

3.2. Поскольку вопрос суффиксального образования наречий с точки зрения синхронии представляет достаточно сложное явление, приведем несколько наиболее очевидных примеров словообразовательных моделей:

а) количественное наречие **-ма**, **-ми**: **коль** → **кольма** и **кольми**, **толь** → **тольма** и **тольми**;

б) относительное прилагательное + **-ы** → наречие, имеющее сравнительный оттенок в значении: **ангельскы** ‘ангельски’, **гръньскы** ‘по-гречески’, **псьскы** ‘по-собачьи’;

в) прилагательное с твердой основой + **-ѣ** → отадъективное наречие: **доврѣ**, **крѣпѣ** ‘крепко’, **мждрѣ**, **простѣ**, **различнѣ**, **топлѣ** и др.

Наречия с суффиксом **-ѣ**, образованные от производных прилагательных и адъективированных причастий, например **безгодьнѣ**, **вестоудьнѣ**, **мирьнѣ**, **невлюдомѣ** ‘без присмотра’, **сладьцьѣ** ‘приятно, с наслаждением’, по мнению исследователей, характеризуют деятельность книжников Преславской школы, которые не только последовательно использовали данные лексемы вместо сходных с суффиксом **-о** при переводе, но и заменяли ими наречия на **-о** в редактируемых списках с более ранних переводов;

г) при помощи одного и того же суффикса **-ждоу** (**-ждѣ**) могли образовываться и местоименные, и знаменательные наречия, например **кждоу** ‘каким путем’, ‘откуда’, **тждоу** и **тждѣ** ‘здесь, тут’, ‘оттуда’ и **изжтръждоу** ‘изнутри’, **жтръждѣ** ‘внутри’.

3.3. С точки зрения синхронии, т. е. мотивированности слов в пределах старославянского лексического фонда, можно указать префиксально-суффиксальную модель образования некоторых наречий: **въкоупѣ** ‘вместе’, ‘одновременно’ ← **коупѣ**, **послѣдѣ** ‘впоследствии, позже’ ← **слѣдѣ**, **прѣпростѣ** ‘просто’ ← **простѣ**.

3.4. Способ сложения при образовании наречий был весьма ограничен. К примерам подобного рода традиционно относят двукорневые сложения **всесръдь** ‘от всего сердца, всем сердцем’, **колькратъ** ‘сколько раз’, **мъногкратъ** (**мъногъкратъ**, **мъногъкратъ**) ‘много раз, часто’, **тократъ** ‘только что, недавно, незадолго’. Наречия типа **дъвашьды**, **мъногашьды**, **тришьды**, **тришьда**, **тришьды** тоже, по-видимому, целесообразно рассматривать как результат сложения с причастным по происхождению корнем **-шьд-** во второй части, который впоследствии стал восприниматься как суффикс.

3.5. Образование наречий путем адвербиализации именных падежных и предложно-падежных форм является типичным для индоевропейских языков. Разряд знаменательных наречий в них постоянно пополняется за счет перехода в наречия падежных форм имени. Старославянский язык оказался активно задействованным в указанном процессе.

Результат адвербиализации именных падежных форм представлен в следующих наречиях: **брьзо** ‘быстро’, **весело**, **брьхоу**, **дала** ‘на расстоянии’, **дыне**, **льзѣ** ‘можно’ (это Д. или М. п. ед. существительного *lъga ‘облегчение, возможность’; ср. рус. диал. и бел. *льга*), **лжками** ‘обманом’, **малъ** ‘немного’, **низоу**, **оудовѣ** ‘легко’ и др.

Результат адвербиализации именных предложно-падежных форм представлен в следующих наречиях: **довръмени**, **досыти**, **излиха**, **изница** ‘украдкой (смотреть)’, **изжтръ**, **искони** и др.

В большинстве случаев в качестве словообразовательной базы наречия выступают слова старославянского языка, которые зафиксированы и в независимом употреблении: **горѣ** ‘вверх’, ‘наверху’ (ср. *гора*), **лжками** ‘обманом’ (ср. *лжка* ‘хитрость’), в некоторых же случаях наречия образованы от таких словоформ, которые в старославянском языке не представлены: **долѣ**, **долоу**, **зади**, **кромѣ** ‘в стороне, в отдалении’, **жтръ** ‘внутри’.

Основная тенденция в словообразовании старославянских наречий может быть охарактеризована как формирование на основе адвербиализации именных форм продуктивных моделей морфологического способа, в первую очередь суффиксации. Например, так называемые «наречия на -о» первоначально представляли собой адвербиализованные формы И.-В. с. р., со временем же данная модель становится продуктивной и в более поздних по времени переводах возрастает доля наречий, образованных при помощи суффикса -о от производных прилагательных: **ѣдинождрьно** ‘единодушно’, **непоглоумьно** ‘непоколебимо’, **непрѣстанно**.

4. Глагольная лексика старославянского языка представлена, с одной стороны, не столь многочисленными по числу лексем, но

чрезвычайно частотными по употребительности славянскими глаголами со значением конкретных действий, состояний, бытовых отношений. С другой стороны, древние тексты насыщены собственно книжными образованиями, переводящими отвлеченную лексику греческих оригиналов, во многих случаях — гапаксами. При образовании глаголов использовались разнообразные морфологические способы: префиксальный, суффиксальный, приставочно-суффиксальный, сложение, а также сложение с суффиксацией.

4.1. Часть старославянских глаголов образована от существительных и прилагательных суффиксальным способом:

а) **-а-**: **клевета** → **клеветати**;

б) **-и-**: **вѣда** → **вѣдити** ‘принуждать’, **гость** → **гостити** ‘угощать’, **тихъ** → **тишити** ‘умерять, успокаивать’, **хоула** → **хоулити** ‘поносить, оскорблять’;

в) **-ѣ-** / **-а-**: **богатъ** → **богатѣти**, **брада** → **брадѣти** ‘обрастать бородой’, **великъ** → **величати** ‘увеличивать’, **разоумъ** → **разоумѣти** ‘понять/понимать’;

г) **-ова-**: **везокъ** ‘безглазый, бесстыдный’ → **везоковати** ‘быть бесстыдным, нахальным’, **зълова** → **зълововати** ‘причинять зло’, **недостаткъ** → **недостаткъовати** ‘недоставать’, **хоула** → **хоуловати** ‘богохульствовать’.

Большинство глагольных новообразований старославянских переводов произведены от именных основ (со значением деятелей или отвлеченных понятий), поэтому в старославянском глагольном словообразовании они активизировали в качестве продуктивных те суффиксальные средства, которые использовались при производстве отыменных глагольных основ.

4.2. Типичным способом глагольного словообразования является префиксация: **богатѣти** → **разбогатѣти**, **гнѣвати сѧ** → **погнѣвати сѧ**, **кротити** ‘укрощать, успокаивать’ → **оукротити** ‘успокоить, унять’, **плѣти** ‘полоть’ → **исплѣти** ‘выполоть’, **сѣпати** → **въсѣпати**, **хлѣпати** ‘просить милостыню’ → **въсхлѣпати** ‘начать просить милостыню’ (см. табл. 9) Традиционно выделяют две основные группы глагольных приставок:

— приставки, практически утратившие значение и преимущественно использовавшиеся как средство образования основ совершенного вида: **влѣдити** ‘развратничать’ → **сѣвлѣдити** ‘предаться разврату’, **женити** → **оженити**, **красти** → **съкрасти**, **красти** → **оукрасти**, **завидѣти** ‘завидовать’ → **възавидѣти** ‘позавидовать’. Подобные приставки обычно называют «пустыми», хотя некоторые аспектологи, например Ю. С. Маслов, не без основания выделяют определенное семантическое содержание и у данных префиксов;

Приставки, использующиеся при образовании глаголов

въ(н)-	въбѣгати, въметати ‘забрасывать (сети)’, вънити ‘войти, вступить’, въноушити ‘услышать’
въз-	възалѣкати сѧ ‘проголодаться’, въззати, възпоустити ‘начать петь’
до-	дозръѣти ‘созерцать’, домыслити сѧ ‘понять’, доходити
за-	завъдѣти ‘не спать’, зазыръѣти ‘тайком порочить, поносить’, запрѣщати
из-	измыти сѧ ‘умываться’, исплѣти ‘выполоть’, ицѣлѣти ‘выздоровливать’
на-	навадити ‘подговорить’, надоути сѧ ‘возгордиться’, нареци ‘назвать’
надъ-	надълежати ‘лежать на чем-либо’
не-	неврѣщи ‘оставлять без внимания, пренебрегать’, невидимъ (невидомъ) ‘невидимый, незримый’, невѣждьствовати ‘не знать’, негодовати
недо-	недовѣдѣти ‘не понимать’, недомѣти ‘не иметь в достаточном количестве, недоставать’, недомыслити ‘не понимать’
низъ-	низъбити ‘низвергнуть, свалить’, низъити ‘сойти (вниз)’, низъложити ‘низвергнуть, повергнуть’
об- (о-)	облѣщи ‘одеть’, обзати, омъти, ослѣпити
от- (о-), отъ-	оуходити ‘отходить’, отрѣшити ‘отвязать’, отъдавати ‘воздавать, оплачивать’
по-	погрети ‘похоронить’, помолити сѧ, поисти ‘съесть’
подъ-	подъити, подъклонити ‘склонить’, подъпадати ‘подчиняться чему-либо’
при-	пригласити ‘позвать’, примати, прити ‘прийти’
про-	прозавнѣти ‘прорасти, взойти’, проклѣти, прослышати
прѣ-	прѣдати, прѣзыръѣти ‘посмотреть на кого-либо’, прѣкръмити ‘накормить’
прѣдъ-	прѣдъзыръѣти ‘видеть перед собой’, прѣдъставити ‘привести кого-либо к кому-либо’, прѣдътеци ‘побежать впереди’
раз-	разбогатѣти, разоумѣти ‘понять / понимать’, растрошити ‘расстратить’, расъматриати ‘разглядывать’
съ(н)-	съвѣдѣти ‘знать’, съликъствовати ‘радоваться вместе с кем-либо’, съмлѣти ‘смолоть’, сънѣсти ‘съесть’
оу-	оумъти, оуслышати, оучюти ‘услышать, ощутить’

— приставки, служившие для изменения как грамматического, так и лексического значения глагольных основ: **коурити сѧ** ‘дымиться’ → **въскоурити сѧ** ‘задымиться’, **смиати сѧ** ‘смеяться’ → **въсмиати сѧ** ‘засмеяться, начать смеяться’, **хлѣпати** ‘просить милостыню’ → **въсхлѣпати** ‘начать просить милостыню’ (значение начинательности действия); **погрети** ‘похоронить’ → **съпогрети** ‘похоронить вместе с кем-либо’, **власти** ‘властвовать’ → **съвласти** ‘властвовать, господствовать над кем-либо совместно с кем-либо’ (значение совместного действия). Как показывает материал, значение приставок достаточно близко к тому, которое известно современному русскому языку: **въкопати** ‘вкопать, вскопать’, **ископати** ‘выкопать’, **окопати** ‘окопать, окочить’.

Подобное разграничение типов приставок, по-видимому, возможно далеко не всегда. Отдельные глаголы имеют несколько образованных приставочным способом производных, специфицировать значение которых достаточно сложно, ср.: **вѣдѣти** ‘принуждать’ → **повѣдѣти**/**оувѣдѣти**, **гнѣвати сѧ** → **погнѣвати сѧ**/**прогнѣвати сѧ**/**разгнѣвати сѧ**; **садѣти** → **въсадѣти**/**насадѣти**/**посадѣти**.

4.3. Приставочно-суффиксальный способ образования глаголов.

Приведем примеры глаголов, которые могли быть образованы приставочно-суффиксальным способом: **беззаконьновати** ‘не соблюдать законы’, **въздивѣвати** ‘одичать’ (от **дивѣти** ‘дикий’), **насилити** ‘совершить насилие’, **овнищати**, **овоуати** ‘сойти с ума’, **окаменити** ‘ожесточить, сделать грубым’, **отгълѣстѣти** ‘зажиреть, ожиреть’, **оугълѣстѣти** ‘ожиреть’. Для всех приведенных глаголов установление способа словообразования является однозначным в связи с отсутствием соответствующего бесприставочного глагола.

4.4. Сложение как способ образования глаголов.

Среди сложных слов, известных старославянскому языку, глаголы составляют меньшинство: **зълотворити**, **зълосътворити**, **лихосътворити**, **любоплакати** ‘любить плакать’, **словопрѣспирати сѧ** ‘спорить’, **цѣломъдровати** ‘быть сдержанным’, **цѣломъдрѣствовати** 1) ‘обладать здравым умом’, 2) ‘быть сдержанным’. В отличие от именных сложений они редко являются отдельным объектом исследования. Именно с этим классом слов связано наибольшее количество спорных и неясных с точки зрения словообразования случаев.

§ 43. Структура слова

Слово, будучи базовой единицей языка, представляет собой структурное целое, состоящее из определенным образом связанных между собой **морфем**, минимальных значимых частей слова.

По роли, которую они играют в составе слова, морфемы делятся на корневые и аффиксальные (приставка, суффикс, окончание). Корневые морфемы в языке, как правило, самые многочисленны и не закреплены за определенными частями речи. Варианты морфемы, выделяемые в составе конкретной словоформы, называются **морфы (алломорфы)**, ср.: {мог}ж ‘могу’ — {мож}еть ‘может’ — {moz}и 2 ед. пов. — по{маг}ати ‘помогать’; {ис}ходить ‘выходить’ — {из}морити ‘погубить’ — {изд}растити ‘вырастить’ — {и}цѣлати ‘исцелять’. В ряде случаев на стыке морфем происходят фонетические изменения, которые затрудняют вычленение морфем: ср. **ицистити** = {ис}{чист}ити ‘очистить, вычистить’, **иждити** = {из}жити ‘истратить, прожить’. Как и для современного русского языка, для старославянского существует проблема морфологического членения в инфинитивах глаголов с корнями на заднеязычные согласные: ср. **моци** ‘мочь’ = {мог}{-ти} (ср. **могж** ‘могу’), **пеци** ‘печь’ = {пек}{-ти} (ср. **пекж** ‘пеку’).

Проследим вкратце процесс становления структуры славянского слова. В праиндоевропейском языке корни были односложными: *es- ‘быть’ (лат. est, ст.-сл. **кстѣ**), *b^heg- ‘нести’ (скр. bhāgāmi, ст.-сл. **вєрж**), *stā- ‘стоять’ (лат. stare, лит. stóti, ст.-сл. **стати**), *leuk- ‘светлый, белый’ (лат. lūcere, ст.-сл. **лоучь**). Однако в составе некоторых реконструированных корней были выделены и другие элементы, значение которых неизвестно. По-видимому, это омертвевшие суффиксы, получившие название *распространителя* или *детерминатива*. *Редупликация (удвоение)* корня, впоследствии сменявшаяся сложением корней, привела к формированию типичного двусложного слова, отражающего усложнение понятийной структуры в человеческом мышлении. С развитием праиндоевропейского языка в нем появляются слова с большим количеством слогов. Агглютинативный тип языка-основы постепенно сменяется флективным: конечные слоги претерпевают делексистализацию, в результате чего формируются суффикс и окончание.

Рассмотрим историю одной конкретной индоевропейской лексемы. В структуре индоевропейского слова *pātēr целесообразно выделять две морфемы: корневую *pṛ- и аффиксальную *-tēr (выделение аффиксальной морфемы осуществляется благодаря такому ее свойству, как воспроизводимость, т. е. повторяемость в других лексемах, ср. с основными терминами родства *mātēr, *b^hṛātēr, *d^hug^h(ə)tēr и примыкающим к ним термином свойства *yeu(ə)tēr ‘жена брата мужа’). Некоторые исследователи приписывали грамматическому форманту *-tēr значение собирательности, а позднее — двойственности или множественности. Постепенно в праиндоевропейском языке происходит расщепление форманта (суффикса), его начальный консонантный элемент отходит к

корню: *pat-ег. Благодаря *переразложению* большинство корневых морфем получило вид CVC (согласный + гласный + согласный). Кроме того, если ранее слово имело трехморфемный состав (корень + суффикс + окончание), то теперь его состав упростался (корень + окончание). Подобный процесс называется *опрощением* и проявляется на всех этапах развития языка (ср. невыделяемость прежних аффиксальных морфем в таких словах русского языка, как *вкус, жир, красный, супруг* и т. п.).

Большинство старославянских слов состоят как минимум из двух морфем, обладающих специфической семантикой. Представим основные структурные типы старославянских (несложных) слов:

1. Слова, структурно равные морфеме: **въ, же, о, по.**
2. Слова, структурно более сложные, чем морфемы:
 - корень + окончание: **иде, лѣпъ** ‘красивый’, **тржсъ**;
 - корень + суффикс: **лѣти, маломь** ‘недалеко’;
 - корень + суффикс + окончание: **година, соушитъ, шьдъши**;
 - корень + суффикс + суффикс: нар. **вѣрьно, соушити**;
 - корень + суффикс + суффикс + окончание: **жателанинъ** ‘жнец’, **стоуденьць, съхнѣе**;
 - приставка + корень + окончание: **въложж, нелѣпъ, пропадь**;
 - приставка + корень + суффикс: **изоугра, нѣкъде** ‘где-то’, **про-рыци**;
 - приставка + корень + суффикс + окончание: **поморик, пригвожденъ, ждолик** ‘долина’;
 - приставка + корень + суффикс + суффикс: **досытости, невлюдомъ** ‘без присмотра’, **погрѣвати**;
 - приставка + корень + суффикс + суффикс + окончание: **весправдик, нескоудѣкъмъ**;
 - приставка + корень + суффикс + суффикс + суффикс: **въздивнати** ‘одичать’, **въправдѣти**;
 - приставка + приставка + корень + окончание: **заповѣдь**;
 - приставка + приставка + корень + суффикс: **извъноу, прѣвизлиха** ‘чрезмерно, излишне’;
 - приставка + приставка + корень + суффикс + окончание: **неприазнь, непрѣмѣннъ, прѣподовик**;
 - приставка + приставка + корень + суффикс + суффикс: **непоглоумно, неоужожно, сънавѣдѣти**;
 - приставка + приставка + корень + суффикс + суффикс + окончание: **неиздреченьникъ** ‘неизъяснимое существо’.

Сложные слова по структуре могут представлять многочлены типа **вѣсенъѣданъ** ‘всепожирающий’, **законопрѣстѣпникъ, мьздоотѣдавьць** перен. ‘тот, кто воздаёт по заслугам’, **прѣждевъзлѣганик** ‘возлежание на первом (почетном) месте за пиршественным сто-

лом' и т. п. Такие многоморфемные образования являлись характерной чертой книжно-литературного типа языка.

Морфемика старославянского языка ставит перед исследователями целый ряд вопросов, из которых назовем только установление границ морфем **въ нкмь, съ нимь, сънати, вѣщи, мощи** или **въздрадовати сѧ, въздрастѣ, издрещи, раздрѣшити**) и определение морфемного статуса отдельных компонентов (**нѣкъдѣ — къгда — тѣгда; овоако — овоамо — овоиждѣ; отѣхода — отѣходаши**).

Так же, как и в других языках, в старославянском существуют проблемы ограничения в словообразовании, когда какой-либо аффикс может абсолютно свободно сочетаться со всеми основами или быть закрепленным за определенными классами слов.

Корневые морфемы могут быть свободными и связанными. Слова со связанными корнями образуют гнезда родственных слов: **вѣчати — зачати — начати — оучати**.

Контрольные вопросы и задания

1. Охарактеризуйте морфемную структуру старославянского слова.
2. Перечислите продуктивные словообразовательные средства и способы образования слов в старославянском языке.
3. Назовите особенности словообразования различных частей речи старославянского языка.
4. Известно, что при переводе греческих текстов в старославянском языке появилось много слов, созданных по греческим моделям. Какие морфемы чаще всего использовались в качестве первой части сложных слов?
5. Какова роль чередований в старославянском словообразовании?

Практические задания

Задание 1. Из приведенных ниже слов выберите те, которые имеют отвлеченное значение, и сгруппируйте их по общему словообразовательному форманту:

выликъ, сытостьъ, грѣтань, соукта, вѣлость, житикъ, срьдьце, вражда, имѣникъ, грѣдѣни, поустѣни, сждище, близочество.

Задание 2. Сгруппируйте слова в соответствии с моделями, по которым они образованы:

гостѣникъ, дѣлатель, вражда, маломощь, отѣшьальць, приставѣникъ, ризѣница, келарь, кѣнигѣчин, оушидь, съль, трѣжѣникъ, старьць, винарь, самарѣнинъ, самѣчин, пѣнажѣникъ, людинъ, влѣдѣница, тѣжатель.

Задание 3. Определите, что общего между словами **мытарь, мытѣникъ, мьздоньць** и чем они различаются.

Задание 4. Проанализируйте приведенные ниже сложные слова старославянского языка и охарактеризуйте модели, по которым они образовались:

братоубица, братолюбець, соухогадьць, трименьнъ, єдиночадьнъи, благодатьнъ, зълѡмждрѣи.

Задание 5. Установите словообразовательные и семантические связи между группами слов:

лыгъкъ — лыгота — лыгѣи, зълъ — зълъ — зълѣ, мѣто — мѣтарь — мѣтъница, жза — жзкъ — жжи — жжика, долъ — долѣи — долѣк — долѣство — долѣати.

Задание 6. Установите словообразовательные связи между словами вѣдръ — вѣдѣти.

Задание 7. Установите грамматическое значение суффикса в слове оустатъ и на основании сделанного вывода определите значение слова.

Задание 8. Определите, какое значение имела приставка в следующих словах старославянского языка:

сжѣдъ, сжпъръ ('противник в борьбе'), сжпржгъ ('парная упряжка').

Задание 9. Пользуясь словарем, определите различия в значении однокоренных слов:

агна — агньць, почръпало — почръпальникъ, жрѣва — жрѣвць, козъла — козълиць, мѣтарь — мѣтъница — мѣтонмьць, повѣдотворьць — повѣдитѣль — повѣдникъ, рѣвнѣвь — рѣварь.

Задание 10. Установите словообразовательные связи между словами одного словообразовательного гнезда:

всправьдикъ, вѣправьдити сѧ, исправитѣль, исправити, направити, направѣати, неправьдивъ, оправьданикъ, правило, правитѣль, правость, прѣвота, правъ, правьдивъ, правьдникъ, правѣ, оуправити, оуправѣати.

Задание 11. Установите способ образования следующих слов:

вѣспрѣцѣати 'угрожать', жестокѡлѣганьникъ 'лежащий на жесткое ложе', законодаѣи 'законодатель', кротѡлюбець 'миролюбивый человек', оклеветавати, самѡдѣльникъ 'виновник'.

Задание 12. Установите морфемный состав следующих слов:

братолюбець, долѣк, исѣщи 'высечь', ншьдъ, мѣножество, новѡрасль 'побег, отросток', овьнь 'бараний', пригваждѣати, приѣтѣль, стѣник 'стена, ограда', стоуденьць 'колодец', сплѣтъкъ, тельць, оусѣкнжѣти, цѡудекрѣмьница 'гостиница, трапезная'

Задание 13. Найдите корень в следующих словах и объясните чередование в нем:

грѣти — грѡвьнъ — грѣвище, обѣдъ — сьнѣдъ — ѡдѣтъ — ѡсти, очитѣль — вѣкнжѣти — обѣчѣи, чьтж — чисти — чьсть.

Литература

- Варбот Ж. Ж. Древнерусское именное словообразование. М., 1969.
Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002.
Ефимова В. С. Старославянская словообразовательная морфемика. М., 2006.

Марков В. М. 1) К истории приставки *от-* в русском языке; 2) К вопросу о происхождении суффикса *-тель* в славянских языках // Марков В. М. Избранные работы по русскому языку. Казань, 2001. С. 84—102.

- Николаев Г. А.* Русское историческое словообразование. Казань, 1987.
- Ольшанский О. Е.* Очерки по историческому словообразованию: В 2 вып. Славянск, 2003.
- Откупщиков Ю. В.* Из истории индоевропейского словообразования. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969.
- Резина О. Г.* Структура словообразовательных полей в славянских языках. М., 1969.
- Сигалов П. С.* Вопросы теории русского исторического словообразования. Дис. ... докт. филол. наук. Л., 1977.
- Цейтлин Р. М.* Лексика древнеболгарских рукописей X—XI вв. София, 1986.

Глава V МОРФОЛОГИЯ

§ 44. Грамматический строй старославянского языка по сравнению с современным русским: общая характеристика

Как старославянский (IX—XI вв.), так и современный русский литературный язык (XIX—XX вв.) в известном смысле являются продолжением праславянского языка, но на разных этапах его развития. Если сравнить старославянскую и раннюю древнерусскую морфологические системы, то следует констатировать значительное сходство между ними и их принципиальную близость поздней праславянской системе. В какой-то степени их можно рассматривать как ее диалектные разновидности. Сравнивая грамматический строй старославянского языка с грамматическим строем современного русского литературного языка, следует, несмотря на наличие основополагающего типологического сходства (оба языка в морфологическом плане являются синтетическими и флективными, а в синтаксическом — характеризуются свободным порядком слов), отметить некоторые принципиальные и показательные различия между ними.

1. Старославянское склонение и спряжение отличаются от современного русского тем, что в старославянском (как и в древнерусском) было 3 числа — единственное, двойственное и множественное.

2. Кроме 6 падежей, известных в современном русском языке, старославянский язык имел звательный падеж (или звательную форму).

3. Типов склонения в старославянском языке было больше: например, слова мужского рода, относящиеся к современному 2-му склонению (*раб, сын, гость, камень*), склонялись по-разному.

4. Весьма велики и различия между падежными формами старославянского и современного русского склонения. Например, если мы сравним парадигму склонения во множественном числе старославянского слова **рабѣ** со склонением соответствующего русского слова *раб* (кстати, заимствованного в древнерусский период из старославянского и вытеснившего др.-рус. **робѣ**), то увидим, что нет ни одного падежа, в котором бы флексии обоих языков совпадали, причем различия не носят фонетического характера.

Падеж	Старославянский язык	Русский язык
Именительный	раб-и	раб-ы
Родительный	раб-ъ	раб-ов
Дательный	раб-омъ	раб-ам
Винительный	раб-ы	раб-ов
Творительный	раб-ы	раб-ами
Местный/Предложный	раб-ѣхъ	раб-ах

5. Категория *одушевленности* имени существительного в старославянском языке в том виде, в каком мы наблюдаем ее в современном русском языке, еще не сформировалась.

6. Имя *прилагательное* в морфологическом отношении еще не было противопоставлено имени существительному так четко, как в современном русском языке. *Краткие* формы прилагательных играли в старославянском языке значительно бóльшую роль, чем в современном русском, причем они могли употребляться в качестве определений, а *полные* формы прилагательных не употреблялись в составе именного сказуемого.

7. Значительные отличия характеризуют и глагольные системы: категории *вида* и *залога* в старославянском языке еще не сформировались в том виде, в каком они существуют в современных славянских языках. В условиях недостаточной оформленности категории вида старославянский язык имел несколько *прошедших* времен (*аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект*). Способы передачи будущих действий также сильно отличались от форм будущего времени современного русского языка.

8. В отличие от современных *причастий действительного залога* соответствующие старославянские причастия имели как краткие, так и полные формы, а кроме того, могли выступать в функции сказуемого.

9. Категория *деепричастия* в старославянском языке еще не сформировалась (в русском языке деепричастия возникли из древнерусских действительных причастий), но наряду с *инфинитивом* имелась особая глагольная форма *супин* (целевой инфинитив), отсутствующая в современном русском языке.

10. В старославянском языке нашли отражение общие *особенности древнеславянского синтаксиса*: преобладание партаксиса (сочинения) над гипотаксисом (подчинением), внутри подчинения — предпочтение согласования управлению, большее распространение беспредложного управления.

11. Сложноподчиненное предложение в старославянском языке еще не получило такого полного развития, как в современном русском литературном языке: союзных средств было меньше и они были менее дифференцированы.

Перечисленные различия между современным русским литературным языком и старославянским отражают те изменения, которые претерпела грамматическая система русского языка в процессе его эволюции от праславянского состояния к современному.

§ 45. Имя существительное: категория рода

Каждое старославянское существительное принадлежит к одному из трех классов слов, называемых родами, — *мужскому*, *женскому* или *среднему*. Подразделение существительных по родам — это абстрактно-грамматическая классификация. Принадлежность существительного к роду отражалась в формах прилагательных, причастий, местоимений, которые согласовались с существительным в роде, числе и падеже. Ср. *прѣльпнѣ ѡзгыкъ* [В. ед. м.] *моѹ грѣтани* [М. ед. м.] *моємь* ‘прильпни (=приклей) язык мой в горле моем’ (Син. 136.6), *прѣльпнѣ кость* [И. ед. ж.] *моѹ плѣти* [М. ед. ж.] *моєі* ‘прилипла кость плоти моей’ (Син. 101.6), *вино* [И. ед. ср.] *благое новаго винограда* ‘хорошее вино из нового виноградника’ (Супр. 143: 23), *прѣпоѣши съ жрѣжъемь¹ твоимь по ведрѣ* [Д. ед. ж.] *твоєі* ‘препоюшь Себя мечем Твоим по бедру Твоему’ (Син. 44.4), *гора* [И. ед. ж.] *божьѣ гора тоучьна* ‘гора Божия — гора плодородная’ (Син. 67.16), *слоугы* [И. мн. м.] *его творяще волю его* ‘служители Его [суть] исполняющие волю Его’ (Син. 102.21), *бѣаше стоудень велика* ‘была сильная стужа’ (Супр. 76.12) и т. п. В этих примерах согласуемые формы выявляют род существительных. Иногда род существительного в старославянском не совпадает с тем, к которому оно относится в современном русском литературном языке, например *грѣтань* ‘горло’ в старославянском относилось к мужскому роду, а *ведра* ‘бедро’ — к женскому.

Родовая принадлежность уже в праславянском языке не была прямо мотивирована значением слова, за исключением существительных, обозначавших людей и имевших естественную связь рода с понятием о половой принадлежности: *мои отць* И. ед. м. — *мои мати* И. ед. ж. Таким образом, в старославянском языке род был семантически мотивирован только у личных существительных. То, что род у личных существительных мотивирован семантически, позволяло не выражать его морфологически: *потьпѣга* ж. ‘отпущенная, разведенная жена’ и *слоуга* м. ‘слуга, служитель, дьякон, исполнитель судебных приговоров’ относились в старославянском языке к одному типу склонения и не различались ни одной падежной формой.

У неличных существительных род не был подкреплён семантически и поэтому обязательно выражался морфологически, причем

¹ Так в рукописи (вместо *жрѣжъемь*).

выражался всей парадигмой данного существительного. Существительные, принадлежавшие к разным родам, отличались двумя и более падежными формами. Например, слова **татъ** (м.) и **кость** (ж.), относившиеся к одному типу склонения на *i, имели тем не менее две различающиеся падежные формы: Т. ед. **татъмь** и **костнѣ**, И. мн. **татикѣ** и **костнѣ**.

Некоторые старославянские существительные, заимствованные главным образом из греческого языка, не склонялись: **авва** м. ‘отец’ < греч. ἀββᾶ, **кана** ж. ‘город Кана’ < греч. Κανᾶ, **мънась** ж. ‘мина (монета)’ < греч. μνᾶ, μνᾶς, **вълга** м. ‘сановник, господин’ < др.-тюрк. *buila* ‘благородный, знатный’. На род существительного в этих случаях указывали только формы согласуемых слов: ср. **мънась** [И. ед. ж.] **твѣѣ** господи сътвори • **дѣ** • **мънась** (Лк. 19: 18 Зогр.) ‘Мина твоя, господин, принесла пять мин’, **бракъ вѣстѣ въ кана** [М. ед. ж.] **галилѣицѣ** (Ин. 2: 1 Зогр.) ‘свадьба была в Кане Галилейской’.

Для существительных родовая характеристика постоянна, в отличие, например, от прилагательных, для которых род — словоизменительная грамматическая категория. Ср., с одной стороны, существительные среднего рода **соухо** ‘суша’¹ И. ед. с., **соуха** Р. ед. с., **соухъ** Р. мн. с. и **благо** ‘добро, доброе дело’ И. ед. с.², **блага** Р. ед. с., **благъ** Р. мн. с., а с другой — однокоренные прилагательные, изменяющиеся по родам, **дѣбъ соухъ** И. ед. м., **ржка соуха** И. ед. ж., **тѣло соухо** И. ед. с. и **пастоухъ** **благъ** И. ед. м., **вѣра** **блага** И. ед. ж., **дѣло** **благо** И. ед. с.

Для некоторых существительных старославянские памятники отражают колебания в роде: ср. **кзеро** с. — **кзеръ** м. ‘озеро’, **прапрѣдъ** м. — **прапрѣда** ж. и **прѣпрѣдъ** ж. ‘багряница, богатая одежда пурпурного цвета’. Однако, в сущности, здесь имеет место колебание не столько в роде, сколько в типе склонения, с которым в старославянском языке категория рода имеет непосредственную связь.

§ 46. Имя существительное: категория числа

В отличие от большинства современных славянских языков в старославянском языке было не два числа (единственное и множественное), а три: *единственное* (singularis), *двойственное* (dualis) и *множественное* (pluralis). Конечно, трехчленная система числовых противопоставлений была характерна не только для существительных, но также для местоимений, прилагательных

¹ В старославянском было и другое слово с тем же значением — **соуша**: ср. **хода** и **по морю акы по соуху** (Супр. 77.8) ‘ходящий по морю, как по суше’ и **прѣходите море и соухъ** (Мф. 23: 15 Мар.) ‘обходите море и сушу’.

² Ср. в сочетании с прилагательным: **благо же примше великое отъ чловеколюбиваго бѣа** (Супр.) ‘добро принявшие великое от человеколюбивого Бога’.

и глаголов. Такая система организации категории числа имела праславянские и индоевропейские истоки. Отчасти она сохранилась в словенском и лужицких языках.

Морфологически категория числа выражалась при помощи флексии. В старославянском языке формы единственного, двойственного и множественного числа последовательно различались во всех падежах. В качестве примера приведем склонение слов *жена* и *мъжь* (табл. 10).

Таблица 10

Склонение слов *жена* и *мъжь* в единственном, двойственном и множественном числе

Падеж	Ед. ч.		Дв. ч.		Мн. ч.	
И.	<i>жена</i>	<i>мъжь</i>	<i>женѣ</i>	<i>мъжа</i>	<i>женѣ</i>	<i>мъжи</i>
Р.	<i>женѣ</i>	<i>мъжа</i>	<i>женоу</i>	<i>мъжю</i>	<i>женѣ</i>	<i>мъжь</i>
Д.	<i>женѣ</i>	<i>мъжю</i>	<i>женама</i>	<i>мъжема</i>	<i>женамѣ</i>	<i>мъжемѣ</i>
В.	<i>женѣ</i>	<i>мъжь</i>	<i>женѣ</i>	<i>мъжа</i>	<i>женѣ</i>	<i>мъжа</i>
Т.	<i>женоу</i>	<i>мъжемѣ</i>	<i>женама</i>	<i>мъжема</i>	<i>женами</i>	<i>мъжи</i>
М.	<i>женѣ</i>	<i>мъжи</i>	<i>женоу</i>	<i>мъжю</i>	<i>женахѣ</i>	<i>мъжихѣ</i>

Единственное исключение — совпадение форм двойственного и множественного числа в И.-В. у существительных женского рода i-склонения типа *кость* (см. § 52): И.-В. дв. *кости* = И.-В. мн. *кости* (но ср. И. дв. *гости* ≠ И. мн. *гостикѣ*).

Формы двойственного числа использовались в старославянском языке при обозначении двух предметов или лиц. Наиболее последовательно формы двойственного числа употреблялись в сочетании с числительным *дѣва/дѣвѣ* и местоимением *оба/обѣ* (так называемое *связанное двойственное*: *дѣвѣ женѣ* ‘две женщины’, *дѣвѣ лѣтѣ* ‘два года’, *дѣвѣма господѣма* ‘двум господам’) и в тех контекстах, где речь шла о парных предметах (*рѣцѣ* ‘руки (обе)’, *оуши* ‘уха (оба)’, *родителя* ‘родители (оба)’). Связанному двойственному было противопоставлено *свободное двойственное*, когда существительное в двойственном числе употреблялось без числительного. В случае, когда парные предметы относились не к одному, а ко многим лицам, в старославянском языке могли употребляться формы как двойственного (так называемое *дистрибутивное двойственное*), так и множественного числа: *се прѣдаатъ са сѣи члѣчскѣ въ рѣцѣ* [В. дв.] *грѣшникомѣ* (Мар.) ‘вот, предается Сын Человеческий в руки грешников’ — *не омываѣтѣ во рѣцѣ* [Р. мн.] *своихѣ егда хлѣбѣ ѣдатѣ* (Мар.) ‘ибо не умывают рук своих, когда хлеб едят’¹; *егда оумѣ нозѣ ихѣ . ѿ приѣтѣ ризѣ своѣ* (Ин. 13: 12 Зогр., Мар., Сав.)

¹ Ср. вариативность дистрибутивного единственного и множественного в современном русском языке: *Все подняли руку / руки*.

‘когда умыл им ноги и надел одежду свою...’ — **въ рѣцѣхъ проидѣхъ ногами** (Пс. 65: 6. Син.) ‘через реку перешли ногами’. Парные существительные получают только свободное двойственное (**никѣ тоже во можааше своимѣ очима вѣа бесплѣтна видѣти** (Супр. 364. 15) ‘ибо никто не мог видеть своими глазами бесплотного Бога’; **оудовѣе во естѣ вельвѣдоу • сквозѣ игълинѣхъ оуши проити** (Лк. 18: 25); **оуши кмоу свѣтълѣхъ вѣста** (Супр. 142. 7) ‘уши его стали радостными (= просветлели)’), если нет количественного противопоставления, при котором вместо числительного **дѣва/дѣвѣ** используется местоимение **оба/обѣ** (**добрѣе ти естѣ съ единѣмъ окомъ • вынити въ црѣне вѣне. неже обѣ очи имѣшю • ити въ геонѣхъ огньнѣхъ** (Мк. 9:47) ‘лучше тебе с одним глазом войти в Царствие Божие, чем, имея оба глаза, пойти в геенну огненную’; **обѣма рѣкама ко имѣша за обѣ полѣхъ ризнѣи • и закрываѣшѣ обаженѣи своа** (Супр. 187.7) ‘обеими руками своими взявшегося за обе половины верхней одежды (=ризы) и прикрывающего наготу свою’¹).

Собирательные существительные обозначали совокупности предметов или лиц, но формально оставались существительными единственного числа, поэтому в принципе от них могли образовываться и формы множественного числа: ср. существительное мужского рода И. ед. **камъ** ‘камень’ (И. мн. **камѣне** ‘камни’) и собирательное существительное среднего рода И. ед. **каменик** ‘камень’ (И. мн. **камениа**); И. ед. **братъ** ‘брат’ (И. мн. **брати** ‘братья’) и собирательное существительное женского рода **братѣа** ‘братия (монастырская)’ (И. мн. **братѣа**). Формы множественного числа собирательных существительных, вероятно, первоначально обозначали множества совокупностей. Однако у некоторых существительных довольно рано формы собирательных существительных стали вытеснять формы множественного числа (ср. рус. **брат** — **братья**, **лист** — **листья**²).

§ 47. Категория падежа

В старославянском языке различалось 7 падежей. Перечислим некоторые типичные синтаксические значения славянских падежей:

1. **Именительный** (лат. Nominativus) — падеж подлежащего и именного сказуемого;

¹ Подробнее о состоянии двойственного числа в праславянском и старославянском языках см.: Историческая грамматика древнерусского языка / под. ред. В. Б. Крысько. Т. II: Двойственное число / О. Ф. Жолобов, В. Б. Крысько. М., 2001. С. 11—47.

² Рус. **листья** по происхождению является древней формой И. мн. собирательного существительного ср. р. **листик** (ср. **листь**), в то время как **братья** — древняя форма И. ед. собирательного существительного ж. р. **братѣа** (ср. **братъ**).

2. *Родительный* (лат. Genetivus) — падеж приименного дополнения или прямого дополнения при глагольном отрицании, признака предмета, а также субъекта и объекта действия;

3. *Дательный* (лат. Dativus) — падеж косвенного дополнения, объекта, по направлению к которому или для которого совершается действие;

4. *Винительный* (лат. Accusativus) — падеж прямого дополнения;

5. *Творительный* (лат. Instrumentalis) — падеж орудия действия (вместе с чем или при помощи чего производится действие), иногда — обстоятельства времени или образа действия;

6. *Местный* (лат. Locativus) — падеж обстоятельства места или времени;

7. *Звательный* (лат. Vocativus) — падеж обращения.

В праиндоевропейском был еще один падеж — *отложительный* (лат. Ablativus), падеж приименного дополнения (предмет, от которого удаляются или от которого отправляется действие). Аблатив сохранился в индоиранских языках, а в праславянском был вытеснен генетивом.

Звательный падеж не всегда включают в падежную систему, называя его *звательной формой*, поскольку обращение не является членом предложения. Однако звательная форма часто включается в структуру предложения, сближаясь по функции с именительным падежом подлежащего: ср. **нѣиѣ поустѣши раба твоего владѣко** (Лк. 2: 29 Зогр.). Это вызвано тем, что название лица, выраженное звательной формой, может мыслиться как субъект действия, выраженного в форме 2 л. глагола.

Морфологически категория падежа находила свое выражение во всей системе падежных противопоставлений. В двойственном числе каждое существительное имело только три формы: 1) И.-В.-Зв., 2) Р.-М., 3) Д.-Т. (табл. 11).

Таблица 11

Склонение сущ. столъ м., стрѣла ж., село с. р. в двойственном числе

Падеж	М. р.		Ж. р.		С. р.	
И.-В.-Зв.	дѣва	стола	дѣвѣ	стрѣлѣ	дѣвѣ	селѣ
Р.-М.	дѣвою	столоу	дѣвою	стрѣлоу	дѣвою	селоу
Д.-Т.	дѣвѣма	столома	дѣвѣма	стрѣлама	дѣвѣма	селома

Существительные среднего рода имели одну форму И.-В.-Зв. не только в двойственном, но также в единственном и множественном числе.

Падеж	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
И.-В.-Зв.	(кдино) село	(дѣвѣ) селѣ	(три) села

§ 48. Типы склонения имен существительных

Склонением традиционно называют систему словоизменения именных форм языка. В старославянском языке различаются следующие разновидности склонения: *именное* (склонение существительных, именных (кратких) прилагательных и числительных со значением '3'—'10') и *местоименное* (склонение неличных местоимений и числительных со значением '1' и '2'), а также *склонение полных прилагательных*, возникшее на базе двух первых. Особняком стоит склонение личных местоимений.

Таким образом, склонение существительных в старославянском языке — это изменение существительных по падежам в единственном, двойственном и множественном числе. Старославянский язык как язык, для которого характерно четкое противопоставление основы и окончания (флексии) в словоформах имени существительного, различает разные типы склонения существительных, т. е. классы слов (лексем), которые характеризуются одинаковыми падежно-числовыми флексиями. Типы склонения представляют собой системы не совпадающих друг с другом *словоизменительных парадигм*¹. Если родовая классификация существительных довольно ярко отражается в формах согласуемых с ними слов, то классификация по типам склонения базируется исключительно на различиях в структуре самого имени. Склонение именных (кратких) форм прилагательных не отличалось от склонения имен существительных, за исключением того, что у существительных имелось больше типов склонения, чем у кратких прилагательных, которые распределялись по двум продуктивным типам склонения, имевшимся и у имен существительных.

Склонение имен существительных в старославянском языке, с одной стороны, определяется их *родом*, а с другой — *типами основы*, восходящими еще к праиндоевропейской системе. В процессе эволюции праславянского языка индоевропейская классификация типов склонения, связанная с фонетической характеристикой основы, постепенно заменялась собственно славянской классификацией по родам. В значительной степени преобразованию индоевропейской системы склонения способствовали фонетические изменения, связанные с тенденцией к открытости слога. В старославянском языке смешение типов склонения, восходящих к и.-е., зашло достаточно далеко. Классификация, основанная на различении индоевропейских основ на *ā/jā, *ō/jō, *ū, *ü, *ī и на

¹ Под *словоизменительной парадигмой* (от греч. παράδειγμα 'образец, пример') обычно понимается упорядоченная совокупность словоформ с одним лексическим значением и разными грамматическими значениями.

согласные, не соответствовала реальному соотношению основ и флексий, представленному в старославянском, где бывшие тематические гласные основ стали частью флексий. Фактически в позднем праславянском и старославянском языках основы всех типов склонения оканчивались на согласный (см. табл. 12).

Таблица 12

Типы склонения имен существительных

Падеж	*ā	*ō	*ǫ	*ī	*ī/*uv	*es
И. ед.	раб-а	раб-ъ	вол-ъ	кост-ъ	боук-ы	слов-о
Р. ед.	раб-ы	раб-а	вол-оу	кост-и	боукъв-е	словес-е
Д. ед.	раб-ѣ	раб-оу	вол-ови	кост-и	боукъв-и	словес-и
В. ед.	раб-ж	раб-ъ	вол-ъ	кост-ъ	боукъв-ъ	слов-о

Это было следствием перераспределения основ в пользу окончаний: в праславянском языке граница между основой и флексией сместилась влево. Толчком к этому послужили утрата конечных согласных и монофтонгизация дифтонгов.

Тем не менее традиционно старославянское склонение рассматривается через призму индоевропейского праязыка, и было бы опрометчиво отступать от этой традиции (см. табл. 13). В-первых, древнейшие памятники отражают определенные тенденции в преобразовании типов склонения, поэтому для понимания этих тенденций полезно иметь некую общую точку отсчета. В-вторых, эти тенденции более понятны, если их рассматривать в исторической перспективе, тем более что перестройка склонения на базе категории рода еще не завершилась в период создания старославянского языка.

Таблица 13

Переразложение именных основ в праславянском языке

Падеж	И.-е. →	Раннепсл. →	Позднепсл. →	Ст.-сл.
И. ед.	*g ^w enā-#	*genā-#	*žen-ā > *žen-a	жен-а
Р. ед.	*g ^w enā-os	*genā-s ¹	*žen-ā > *žen-y ²	жен-ы
Д. ед.	*g ^w enā-ei	*genā-i	*žen-ē ₂ > *žen-ě	жен-ѣ
В. ед.	*g ^w enā-m	*genā-n	*žen-ān > *žen-ǫ	жен-ж

¹ То есть *g^wenā-os > *g^wenā-as > *g^wenā-s.

² Существуют разные фонетические и морфологические интерпретации этого изменения.

Распределение имен существительных по типам склонения и по родам

Тип склонения	Окончание И. ед./Р. ед.	Род		
		Мужской	Средний	Женский
*а	-а / -ы	воквода, -ы владыка, -ы		жена, -ы нога, -ы
*ја	-га / -ьа -а / -а	оубница, -а тадыца, -а		банга, -ьа змна, -ьа доуша, -а овьца, -а
	-и / -ьа	кръмьчин, -ьа бални, -ьа		млънни, -ьа рабъгнн, -ьа
*о	-ъ / -а	врагъ, -а сждъ, -а		
	-о / -а		мѣсто, -а вино, -а	
*јо	-ь / -га -ь / -а -и / -га	конь, -га коньць, -а покои, -га ходатаи, -га жрѣбни, -га зълодѣи, -га		
	-к / -га -е / -а		морк, -га сѣдравик, -га жианште, -а лице, -а	
*и	-ъ / -оу	сынъ, -оу врѣхъ, -оу		
*і	-ь / -и	пжтъ, -и господь, -и		кость, -и заповѣдь, -и
*ен	-ы / -(ен)е -ь / -е	камъ, -(ен)е корень, -е дънь, -е		
	-а / -(ен)е		има, -(ен)е сѣла, -(ен)е	
*ent	-а / -(ат)е		отроча, -(ат)е осьла, -(ат)е	
*es	-о / -(ес)е		тѣло, -(ес)е чюдо, -(ес)е	
*er	-и / -(ер)е			мати, -(ер)е дъци, -(ер)е
*ив	-ы / -(ъв)е			црькы, -(ъв)е свекръ, -(ъв)е

С учетом изменений, отраженных старославянскими памятниками, представляется целесообразным, сохраняя в целом индоевропейскую классификацию типов склонения, различать в старославянском языке продуктивные и непродуктивные типы склонения имен существительных (см. табл. 14). Продуктивными были типы склонения, восходящие к древним основам на *ā («женское» склонение, по которому склонялись многие существительные женского рода и некоторые существительные мужского рода, обозначавшие лиц мужского пола) и на *ǫ («неженское» склонение, по которому склонялись существительные мужского и среднего рода). Каждый из этих типов имел «твердую» (собственно на *ā и *ǫ) и «мягкую» (на *jā и *jǫ) разновидности склонения. По типу на *а склонялись также имена прилагательные женского рода, а по типу на *о — прилагательные мужского и среднего рода. С некоторыми оговорками, касающимися существительных мужского рода, к продуктивным типам можно отнести и склонение на *ī. Новые заимствования осваивались продуктивными типами склонения. Кроме того, продуктивные типы склонения втягивали в свою орбиту слова, входившие в непродуктивные типы.

Что касается древнего склонения на *ǫ, то в старославянском языке в целом оно уже не представляло самостоятельного типа, находясь в процессе слияния в один тип со склонением на *ǫ. Результатом этого слияния были варианты окончаний в типе склонения на *ǫ, отраженные старославянскими памятниками. Древний тип склонения на согласный, в который входили существительные всех трех родов, и примыкавший к ним тип склонения на *ū = ūv также находились в состоянии разложения. Многие слова, когда-то склонявшиеся по типу на согласный и *ū = ūv, переходили в продуктивные типы склонения (об изменениях в системе типов склонения см. § 55).

Итак, в старославянском языке представлены следующие типы склонения имен существительных (в дальнейшем мы не будем упоминать долготу/краткость тематического гласного основы в названиях древних типов склонений):

- продуктивное склонение существительных ж. р. на *a/*ja;
- продуктивное склонение существительных м. р. на *a/*ja;
- продуктивное склонение существительных м. р. на *o/*jo;
- продуктивное склонение существительных с. р. на *o/*jo;
- продуктивное склонение существительных ж. и м. р. на *i;
- древний тип склонения существительных м. р. на *u;
- древние типы склонения на согласный: *er, *en, *es, *ent и *uv.

У существительных, входивших в твердую разновидность склонения, конечный согласный основы был фонологически твердым по всей парадигме, за исключением тех случаев, когда имелся рефлекс 2-й палатализации. У существительных мягкой разновидности конечный согласный был палатальным, причем в большинстве случаев палатальный согласный в исходе основы был рефлексом сочетания согласного с *j или рефлексом *j после гласного: **доуша** < *douxjā, **капля** < *kārjā, **ладни** < *aldijī и т. п. Кроме того, в мягкую разновидность этого типа склонения входили существительные, которые в исходе основы имели рефлекс 3-й палатализации и которые этимологически никогда не имели *j перед флексией: **овьца** < *avikā, **вьдовница** < *vidavikā, **польза** < *paligā и т. п. До 3-й палатализации они относились к твердой разновидности склонения.

§ 50. Тип склонения на *o/*jo

В этом типе склонения объединились существительные мужского и среднего рода. Существительные мужского рода оканчивались в И. ед. на -ъ (подтип на *o) или -ь (подтип на *jo): **врагъ**, **рабъ**, **животъ**, **мъжь**, **въплъ** и т. д. Некоторые слова мужского рода оканчивались в И. ед. на -и (= [jь]): **ран**, **краи**, **врабни** ‘воробей’ и т. д. (см. табл. 17).

Существительные среднего рода оканчивались в И. ед. на -o (подтип на *o) или -к (подтип на *jo): **село**, **вино**, **полк**, **лице**, **знаменик** и т. д.

Как и в типе на *a/*ja, в этом типе склонения выделяются две разновидности — *твердая* (подтип на *o) и *мягкая* (подтип на *jo), у которых наблюдаются регулярные соответствия в падежных окончаниях (см. табл. 18). У существительных, входивших в твердую разновидность склонения, конечный согласный основы был фонологически твердым по всей парадигме, конечно, за исключением тех форм, где имелся рефлекс 2-й палатализации. У существительных мягкой разновидности конечный согласный был палатальным, который обычно являлся рефлексом сочетания согласного с *j или рефлексом *j после гласного: **ножь** < *nozjas, **въплъ** < *vurjas, **краи** < *krājas и т. п. К мягкой разновидности склонения относились также существительные, никогда не имевшие *j в исходе основы и получившие палатальный согласный в качестве рефлекса 3-й палатализации: **отыць** < *atikas, **кънъзь** < *kuningas и т. п. Первоначально они относились к твердой разновидности склонения и перешли в мягкий подтип после появления палатального согласного в результате 3-й палатализации.

В тех случаях, когда конечный согласный основы был заднеязычным (-к-, -г-, -х-), перед окончаниями -ѣ и -и в формах М. ед.

и И. и М. мн. дв. имеются рефлексы 2-й палатализации: ср. **отрокъ, дроугъ, женихъ** — М. ед. **отроцѣ, дроугѣ, женисѣ**; М. мн. **отроцѣхъ, дроугѣхъ, женисѣхъ**; И. мн. **отроци, дроуги, жениси**; а в форме Зв. ед. — рефлексы 1-й палатализации: ср. **отроче, дроуге, женише**. В мягкой разновидности у существительных с суффиксом **-ьць**, где /с'/ по всей парадигме (кроме формы Зв. ед.) является рефлексом 3-й палатализации, в Зв. ед. перед окончанием **-е** также стоит рефлекс 1-й палатализации: ср. **отъць** И. ед. — **отъче** Зв. ед. (< *atike). Это объясняется тем, что подобные существительные исконно принадлежали к твердой разновидности и перешли в мягкий подтип только после 3-й палатализации, сохранив, однако, исконную звательную форму с закономерным рефлексом 1-й палатализации.

Таблица 17

Склонение существительных мужского рода

Падеж	Твердый подтип			Мягкий подтип		
<i>Единственное число</i>						
И.	псьъ	мѣхъ	богъ	конь	жрѣбни	отъць
Р.	пса	мѣха	бога	кона	жрѣбниа	отъца
Д.	псоу	мѣху	богоу	коню	жрѣбнию	отъцю
В.	псьъ, -а	мѣхъ	богъ, -а	конь, -а	жрѣбни	отъць, -а
Т.	псомь	мѣхомь	богомь	конкьмь	жрѣбникьмь	отъцемь
М.	псѣѣ	мѣсѣѣ	возѣѣ	коини	жрѣбни	отъци
Зв.	псе	мѣше	воже	коню	жрѣбнию	отъче
<i>Множественное число</i>						
И.-Зв.	пси	мѣси	вози	коини	жрѣбни	отъци
Р.	псьъ	мѣхъ	богъ	конь	жрѣбни	отъць
Д.	псомь	мѣхомь	богомь	конкьмь	жрѣбникьмь	отъцемь
В.	псы	мѣхы	богы	конья	жрѣбниа	отъца
Т.	псы	мѣхы	богы	коини	жрѣбни	отъци
М.	псѣѣхъ	мѣсѣѣхъ	возѣѣхъ	коинихъ	жрѣбнихъ	отъцихъ
<i>Двойственное число</i>						
И.-В.-Зв.	пса	мѣха	бога	кона	жрѣбниа	отъца
Р.-М.	псоу	мѣху	богоу	коню	жрѣбнию	отъцю
Д.-Т.	псома	мѣхома	богома	коньма	жрѣбникма	отъцема

Склонение существительных среднего рода

Падеж	Твердый подтип		Мягкий подтип			
<i>Единственное число</i>						
И.-В.-Зв.	рало	вѣко	ложе	полк	житник	чадьце
Р.	рала	вѣка	ложа	пола	житниа	чадьца
Д.	ралоу	вѣкоу	ложю	полю	житнию	чадьцю
Т.	раломь	вѣкомь	ложемь	полкъмь	житникъмь	чадьцемь
М.	ралѣ	вѣцѣ	ложн	полн	житни	чадьци
<i>Множественное число</i>						
И.-В.-Зв.	рала	вѣка	ложа	пола	житниа	чадьца
Р.	ралѣ	вѣкѣ	ложь	полѣ	житни	чадьць
Д.	раломѣ	вѣкомѣ	ложемѣ	полкъмѣ	житникъмѣ	чадьцемѣ
Т.	ралы	вѣкы	ложн	полн	житни	чадьци
М.	ралѣхѣ	вѣцѣхѣ	ложихѣ	полнихѣ	житнихѣ	чадьцихѣ
<i>Двойственное число</i>						
И.-В.-Зв.	ралѣ	вѣцѣ	ложн	полн	житни	чадьци
Р.-М.	ралоу	вѣкоу	ложю	полю	житнию	чадьцю
Д.-Т.	ралома	вѣкома	ложема	полкъма	житникъма	чадьцема

Существительные мужского рода с суффиксами *-тѣль*, *-аръ*, *-инъ* (обозначавшие лиц) склонялись по типу **o/*jo* только в единственном числе, во множественном числе они изменялись по типу основ на согласные (см. § 54).

Зайствованные слова на *-ен/-ѣн* типа *икрен/икрѣн* (< греч. *ἰερέυς*) могли иметь некоторые падежные флексии, начинающиеся с *-о-* и *-а-*, т. е. по твердому типу: ср. *иереомъ* Д. мн. (Мар.), *фарискомъ* Д. мн. (Зогр., Мар., Асс., Сав.), *олѣкомъ* Т. ед. (Зогр.), *олѣа* Р. ед. (Син.), *зеведеомъ* Т. ед. (Асс.), *зеведѣа* В. ед. (= Р.) (Асс.). Это, видимо, связано с произношением данных форм без */j/*, что вызывало изменение */e/ > /o/* (ср. также *геона* < греч. *γέεοννα*, *вительеомъ* < греч. *Βηθλεέμ*)¹.

¹ См.: Ван-Вейк Н. История старославянского языка. М., 1957. С.116—117, 239.

§ 51. Тип склонения на *и

К этому типу склонения относились только существительные мужского рода, оканчивающиеся в И. ед. на -ъ: **волъ, сынъ, полъ** ‘половина’, **домъ, медъ, врѣхъ**, а также **чинъ, садъ, даръ, санъ, радъ** и др.¹ Однако у большинства слов, для которых можно предполагать былую принадлежность к типу склонения на *и, падежные окончания данного типа сохранились лишь частично. Только первые шесть существительных безусловно относились к данному типу склонения еще в праиндоевропейском языке. Тем не менее круг существительных, относившихся к типу склонения на *и в праславянском языке, был значительно шире, т. е. когда-то он представлял собой достаточно продуктивный тип. На связь с основами на *и указывают, в частности, производные с суффиксом **-ов-** от некоторых слов: ср. ст.-сл. **грѣховьнъ, сановитъ** и т. п., что предполагает принадлежность существительных **грѣхъ, санъ** к типу на *и в праславянском языке.

Таблица 19

Склонение существительных мужского рода

<i>Единственное число</i>				
И.	сынъ	волъ	домъ	медъ
Р.	сыноу	волоу	домоу	медоу
Д.	сынови	волови	домови	медови
В.	сынъ	волъ	домъ	медъ
Т.	сынъмь	волъмь	домъмь	медъмь
М.	сыноу	волоу	домоу	медоу
Зв.	сыноу	волоу	домоу	медоу
<i>Множественное число</i>				
И.-Зв.	сынове	волове	домове	медове
Р.	сыновъ	волъвъ	домовъ	медовъ
Д.	сынъмь	волъмь	домъмь	медъмь
В.	сынъы	волъы	домъы	медъы
Т.	сынъми	волъми	домъми	медъми
М.	сынъхъ	волъхъ	домъхъ	медъхъ
<i>Двойственное число</i>				
И.-В.- Зв.	сынъы	волъы	домъы	медъы
Р.-М.	сыновоу	воловоу	домовоу	медовоу
Д.-Т.	сынъма	волъма	домъма	медъма

¹ См.: *Эккерт Р.* К вопросу о составе группы имен существительных на -й в праславянском языке // Вопросы славянского языкознания. М., 1959. Вып. 4; *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951. С. 330—331; *Ван-Вейк Н.* История старославянского языка. С. 240—242; *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952. С. 109—112.

В старославянском языке тип склонения на *i фактически уже не представляет собой самостоятельного типа, а слова, принадлежавшие к нему в праславянском языке, могут рассматриваться как относящиеся к типу склонения на *o (твердая разновидность). При этом ряд флексий древнего склонения на *i выступает в качестве вариантов исконных флексий типа склонения на *o: ср. *гласа* — *гласоу* Р. ед., *богоу* — *богови* Д. ед., *чини* — *чинове* И. мн., *грѣхъ* — *грѣховъ* Р. мн. и т. п. (ср. табл. 17 и 19).

§ 52. Тип склонения на *i

В этом типе склонения объединились существительные мужского и женского рода, которые оканчивались в И. ед. на -ь (см. табл. 20). При этом в словах женского рода конечный согласный основы по всей парадигме мог быть как твердым, так и мягким (палатальным): ср. *падъ* ‘пядь’, *вьсь* ‘деревня, село’, *вѣсть*, *стоудень* ‘стужа’, *ношьть*, *мышь* и т. д. В словах мужского рода этого склонения конечный согласный основы мог быть только фонологически твердым: *чрьвь*, *голжьвь*, *тъсть*, *жгль* и т. п.

К этому типу склонения относились также существительные, употреблявшиеся только во множественном числе (так называемые *pluralia tantum*): *гжсли* (ж.), *пасли* (ж.), *дѣти* (ж.), *людик* (м.). Во множественном числе различие по роду отражается в форме И.: в ж. -и, в м. -икъ.

По типу на *i изменялись существительные ср. рода *очи* (*око*) и *оуши* (*оухо*), но только в двойственном числе (см. § 54).

§ 53. Тип склонения на согласный (*en, *er, *es, *ent, *uv)

К этому типу склонения относились существительные всех трех родов и распределялись они по подтипам в зависимости от согласного в конце древней основы: *en, *er, *es, *ent, *uv. В индоевропейском и раннем праславянском основы на согласный не имели тематического гласного (были нетематическими). В старославянском языке основообразующие суффиксы -en-, -er-, -es-, -ent-, -uv- проявляются в формах косвенных падежей единственного числа и во всех формах множественного и двойственного числа, т. е. во всех формах, кроме И. ед., где они представлены в преобразованном виде и могут рассматриваться как окончание И. ед.: ср. И. ед. *слов-о* — Р. ед. *слов-ес-е*, И. ед. *им-а* — Р. ед. *им-ен-е*, И. ед. *мат-и* — Р. ед. *мат-ер-е* и т. д. (см. табл. 21).

Склонение существительных женского и мужского рода

Падеж	Женский род			Мужской род		
<i>Единственное число</i>						
И.	вьсь ¹	мъшь	—	гвоздь	тать	—
Р.	вьси	мъши	—	гвозди	тати	—
Д.	вьси	мъши	—	гвозди	тати	—
В.	вьсь	мъшь	—	гвоздь	тать	—
Т.	вьсьнѣж	мъшиѣж	—	гвоздьмѣ	татьмѣ	—
М.	вьси	мъши	—	гвозди	тати	—
Зв.	вьси	мъши	—	гвозди	тати	—
<i>Множественное число</i> ²						
И.-Зв.	вьси	мъши	гжсли	гвоздиѣ	татиѣ	людиѣ
Р.	вьсини	мъшини	гжслини	гвоздини	татини	людини
Д.	вьсьмъ	мъшьмъ	гжсьмъ	гвоздьмъ	татьмъ	людъмъ
В.	вьси	мъши	гжсли	гвозди	тати	люди
Т.	вьсьми	мъшьми	гжсьми	гвоздьми	татьми	людьми
М.	вьсьхъ	мъшьхъ	гжсьхъ	гвоздьхъ	татьхъ	людьхъ
<i>Двойственное число</i>						
И.-В.-Зв.	вьси	мъши	—	гвозди	тати	—
Р.-М.	вьсию	мъшию	—	гвоздию	татию	—
Д.-Т.	вьсьма	мъшьма	—	гвоздьма	татьма	—

У существительных мужского рода с древней основой на *ep в И. ед. она представлена в архаической форме только в Супр.: *камъы*, *пламъы*. В остальных памятниках отмечаются новые формы: *камень*, *пламень*, *корень*, *ремень*, *степень*, совпавшие с формой В. ед., что было связано с разрушением типа склонения на согласный и его преобразованием под влиянием типа склонения на *i, где в единственном числе формы И. и В. совпадали.

¹ Ст.-сл. *вьсь* 'деревня, село' с твердым конечным согласным основы, рефлексом и.-е. *k', — /вьсь/ (см. § 15). Ср. склонение местоимения *вьсь* 'весь' с конечным мягким согласным основы, рефлексом 3-й палатализации, — /вьсь/ (см. § 26).

² Ст.-сл. *гжсли* ж. 'муз. инструмент' и *людиѣ* м. 'люди, народ, миряне' — существительные *pluralia tantum*.

Склонение существительных мужского и женского рода

Падеж	Мужской род		Женский род	
	*en		*er	*iv
<i>Единственное число</i>				
И.	камты, камень	дънь	дъшти	црькты
Р.	камене, -и	дъне, -и	дъштере, -и	црькъве, -и
Д.	камени	дъни	дъштери	црькъви
В.	камень	дънь	дъштеръ	црькъвъ
Т.	каменьмь	дъньмь	дъштернж	црькъвнж
М.	камене, -и	дъне, -и	дъштере, -и	црькъве, -и
Зв.	камты	дънь	дъшти	црькты
<i>Множественное число</i>				
И.-Зв.	камене	дъне	дъштери	црькъви
Р.	камень	дънь	дъштеръ	црькъвъ
Д.	каменьмь	дъньмь	дъштерьмь	црькъвамь
В.	камени	дъни	дъштери	црькъви
Т.	каменьми	дъньми	дъштерьми	црькъвами
М.	каменьхъ	дъньхъ	дъштерьхъ	црькъвахъ
<i>Двойственное число</i>				
И.-В.-Зв.	камени	дъни	дъштери	црькъви
Р.-М.	камену	дъноу	дъштероу, -ню	црькъвоу
Д.-Т.	каменьма	дъньма	дъштерьма	црькъвама

Склонение существительных среднего рода

Падеж	Средний род		
	*es	*en	*ent
<i>Единственное число</i>			
И.-В.-Зв.	слово	плема	агна
Р.	словесе	племене	агнаге
Д.	словеси	племени	агнаги
Т.	словесьмь	племеньмь	агнагьмь
М.	словесе	племене	агнаге
<i>Множественное число</i>			
И.-В.-Зв.	слова	племена	агната
Р.	словесъ	племень	агнагъ
Д.	словесьмь	племеньмь	агнагьмь
Т.	словесы	племеньы	агнагы
М.	словесьхъ	племеньхъ	агнагьхъ
<i>Двойственное число</i>			
И.-В.-Зв.	словесѣ	племенѣ	агнагѣ
Р.-М.	словесоу	племенюу	агнагоу
Д.-Т.	словесьма	племеньма	агнагьма

У существительных женского рода с древней основой на *er форма И. ед., где исконно была нулевая флексия, представлена в виде **мати** (Р. ед. **матере**) и **дъшти** (Р. ед. **дъштере**). В старославянских памятниках для этих существительных зафиксированы только формы единственного и множественного числа (формы двойственного числа реконструируются, в частности, по более поздним церковнославянским памятникам).

У существительных среднего рода с основой на *es форма И. ед. была представлена в виде **слово** (Р. ед. **словесе**), **нево** (**невесе**), **коло** (**колесе**), **дрѣво** (**дрѣвесе**), **тѣло** (**тѣлесе**), **чоудо** (**чоудесе**). Существительные **оухо** и **око** имели формы этого склонения в единственном (Р. **оушесе**, **очесе**) и множественном (И. **оушеса**, **очеса**) числе, а в двойственном они склонялись по типу на *i.

У существительных среднего рода с основой на *en форма И. ед. была представлена в виде **имѧ** (Р. ед. **имене**), **сѣмѧ** (**сѣмене**), **плѣмѧ** (**племене**), **врѣмѧ** (**врѣмене**) и др.

У существительных среднего рода с основой на *ent форма И. ед. была представлена в виде **агна** (Р. ед. **агнатѣ**), **козьѧ** (**козьлатѣ**), **жрѣѧ** (**жрѣватѣ**), **отрочѧ** (**отрочатѣ**) и др.

У существительных женского рода с основой на *uv (< *yū = *ū), т. е. с древней основой на *ū, форма И. ед. выступала с конечным формантом -ы, а в других падежах всех чисел была представлена основа на -ъв-: И. ед. **црькы**, **свекры** — Р. ед. **црькъвѣ**, **свекръвѣ**. В Д., Т. и М. мн. у слов этого типа были окончания по типу склонения на *а: **црькъв-амъ**, **црькъв-ами**, **црькъв-ахъ**, а формы двойственного числа в старославянских памятниках не зафиксированы (в табл. 21 представлены реконструированные формы).

§ 54. Разносклоняемые существительные

Как уже было отмечено, некоторые существительные старославянского языка были разносклоняемыми, т. е. их падежно-числовые формы могли относиться к разным типам склонения. В частности, это относится к существительным мужского рода с суффиксами -гѣль, -арь, -инъ, обозначающим лицо, деятеля, и к существительным **око** и **оухо** (см. табл. 22).

Существительные **житѣль**, **тѣжатель** ‘работник’, **дѣлатѣль**, **оучитѣль**, **родитѣль** и др., а также **мытарь** ‘сборщик податей’, **рыбарь** ‘рыбак’, **вратарь** ‘привратник’ и др. в единственном числе склонялись по типу основ на *jo, а во множественном числе — по типу основ на согласный. Соответственно в формах единственного числа основа этих существительных оканчивалась на мягкий (палатальный) согласный /j/ и /j/, а в формах множественного

числа — на фонологически твердый согласный /л/ и /г/. В памятниках отмечаются формы, свидетельствующие о влиянии на склонение таких существительных во множественном числе типа склонения на *jo, характерного для склонения этих слов в единственном числе: ср. И. мн. **сѣвѣдѣтели** (Син.), **властели** (Евх.), Р. мн. **сѣвѣдѣтель** (Зогр.) и др. Из форм единственного числа палатальный согласный мог распространяться и на парадигму множественного числа при сохранении флексии типа склонения на согласный: ср. **сѣвѣдѣтеле** (Супр.) и т. п.

Таблица 22

Склонение существительных мужского и среднего рода

Падеж	<i>Единственное число</i>		
	*o	*jo	*es
И.	гражданинѣ	жителѣ	око
Р.	гражданина	жителѧ	очесе
Д.	гражданиноу	жителю	очеси
В.	гражданинѣ, -а	жителѣ, -ѧ	око
Т.	гражданиномѣ	жителѧмѣ	очесѣмѣ
М.	гражданинѣ	жителѣи	очесе, -и
Зв.	гражданине	жителю	око
<i>Множественное число</i>			
	*ep	*ep/*jo	*es
И.-Зв.	граждане	жителе / жителѣи	очеса
Р.	гражданѣ	жителѣ / жителѣ	очесѣ
Д.	гражданемѣ	жителѣмѣ / жителѧмѣ	очесѣмѣ
В.	гражданѣ	жителѣѧ	очеса
Т.	гражданѣ	жителѣѣ / жителѣи	очесѣѣ
М.	гражданехѣ	жителѣхѣ / жителѣи хѣ	очесѣхѣ
<i>Двойственное число</i>			
	*o	*jo	*i
И.-В.-Зв.	гражданина	жителѧ	очи
Р.-М.	гражданиноу	жителю	очию
Д.-Т.	гражданинома	жителѧма	очима

Существительные мужского рода с суффиксами **-(а)нинѣ/-(ѧ)нинѣ** (гражданинѣ, крѣстианинѣ ‘христианин’, самарѧнинѣ и т. п.) склоня-

лись в единственном числе по типу основ на *o, а во множественном числе — по типу основ на согласный с усечением суффикса -ин-: И. ед. *крѣстѣанинѣ*, Р. ед. *крѣстѣанина* — И. мн. *крѣстѣанѣ*, Р. мн. *крѣстѣанѣ*. В обоих случаях в конце основы первоначально в поздний праславянский период был фонологически твердый /п/.

Существительные *око* и *оухо* в единственном и множественном числах склонялись по типу древних основ на согласный¹, а формы двойственного числа, обозначающие парные предметы, которые употреблялись у этих существительных чаще, чем формы множественного числа, имели по типу склонения на *i.

§ 55. Изменения в системе склонения, отражаемые старославянскими памятниками

Реконструируемая для праславянского языка система именного склонения, восходящая к праиндоевропейским структурным типам имен, уже к началу письменного периода находилась в состоянии распада. Классификация по конечным звукам основы, принятая для праиндоевропейского и раннепраславянского периодов, в позднепраславянский период уже утратила свою актуальность, в частности в связи с изменениями, произошедшими в структуре праславянской словоформы, которые, в свою очередь, были обусловлены фонетическими изменениями (утрата конечных согласных, монофтонгизация дифтонгов и др.). *Переразложение* — изменение границы между основой и окончанием в пользу окончания — привело в конце праславянской эпохи к выработке однотипной основы, которая во всех древних типах склонения оканчивалась на согласный звук, за которым следовала флексия, начинавшаяся с гласного. Все это послужило толчком к преобразованию прежней системы именного склонения. Суть изменения — в унификации типов склонения и сокращении их количества. Формирование новой системы происходит на основе категории рода, которая все больше подчиняет себе типы склонения. При этом *взаимодействие разных типов склонения осуществлялось в рамках противопоставления мужского и среднего рода женскому и происходило прежде всего в пределах одного рода*. Таким образом, процесс, традиционно обозначаемый как взаимодействие разных типов склонения, представлял собой объединение в одном типе склонения существительных с разными древними основами в соответствии с их родовыми характеристиками.

¹ Предполагается, что для тех слов, которые в старославянских памятниках имеют в ед. ч. варианты окончания по типу на согласный и по типу на *o (*очесе/ока*, Д. *очеси/окоу*, Т. *очесьмь/окомь*, М. *очесе/оцѣ*), исконным является тип склонения на согласный (см.: *Ван-Вейк Н.* История старославянского языка. С. 268).

Старославянские памятники отразили взаимодействие следующих типов склонения.

1. Взаимодействие основ на *о и *и проявляется в виде взаимного влияния склонения существительных мужского рода типа **богъ** и **сынъ**, которые фактически сливаются в один тип.

Влияние *и-основ на *о-основы широко проявляется в формах Р. и Д. ед.: ср. Р. ед. **гласоу** (Син.), **длъгоу** (Супр.), **родоу** (Супр.) и т. п. вместо **гласа**, **длъга**, **рода**; Д. ед. **чловѣкови** (Мар.), **доухови** (Асс., Зогр., Мар.), **сътнникови** (Сав.), **петрови** (Мар.) и других вместо **чловѣкоу**, **доухоу**, **сътнникоу**, **петроу** (также проникает в мягкую разновидность склонения: ср. **мъжеви**, **кесареви** (Зогр., Мар.), **врачеви** (Евх.) и др.). Особенно часто такие формы встречаются у имен собственных и названий лиц. Кроме того, окончания *и-основ проникают в Т. ед., И. и Р. мн. существительных типа склонения на *о: ср. Т. ед. **гладъмь** (Супр.), **образъмь** (Хил.), **гласъмь** (Зогр.), **цитъмь** (Син.) вместо **гладомь**, **образомь**, **гласомь**, **цитомь**; И. мн. **доухове** (Евх.), **сждове** (Евх., Супр.), **попове** (Евх.), **дарове** (Евх.) вместо **доуси**, **сжди**, **дари**, **попи** (а также **знокве**, **змикве** вместо **зnoi**, **змии**); Р. мн. **бѣсовъ** (Супр.), **плодовъ** (Супр.), **гадовъ** (Евх.), **врачевъ** (Зогр.), **змиевъ** (Евх., Супр.), **зноквъ** (Супр.) и т. п. вместо **бѣсъ**, **плодъ**, **гадъ**, **врачь**, **змии**, **зnoi**.

Обратное влияние *о-основ на существительные *и-основ проявляется в Р., Д., М. и Зв. ед., И. и Т. мн., а также в И.-В. и Р.-М. дв.: ср. Р. ед. **сына** (Сав.), **паче меда** (Син.), **до връха** (Асс., Зогр., Мар.) и других вместо **сыноу**, **паче медоу**, **до връхоу**; Д. ед. **сыноу** (обычно), **домоу** (обычно), **полоу** (Мар.), **чиноу** (Супр.) вместо **сынови**, **домови**, **полови**, **чинови**; Зв. ед. **сыне** (обычно) вместо **сыноу**; И.-В. дв. **дѣва сына** (Асс., Зогр.) вместо **дѣва сынты** (Асс., Мар.); И. мн. **сыни** (Зогр.), **сынови** (Син.) вместо **сынове** (обычно); Т. мн. **сынъи** (Син., Евх.) вместо **сынъми** (Супр.).

2. Взаимодействие основ на *јо/*о и *і проявляется в виде смешения склонений существительных мужского рода типа **конь**/**столь** и **огнь**, **господь**. Влияние *јо-основ на *і-основы отмечается в Р., Д. ед., а также в И. мн.: ср. Р. ед. **огѣа** (Супр.), **господа** (Сав., Супр.) вместо **огни**, **господи**; Д. ед. **огню** (Зогр., Супр.), **господю** (Асс., Мар., Зогр., Син.), **господоу** (Сав., Супр.) и **господеви** (Супр.), **пѣтоу** (Клоц.) вместо **огни**, **господи**, **пѣти**; Т. ед. **господемь** (Супр.), **огнѣмь** (Зогр., Мар.), **печатомь** (Клоц., Супр.) вместо **господьмь**, **огньмь**, **печатьмь**; И. мн. **пѣти**, **звѣри** вместо **пѣтик**, **звѣрик**. Обратное влияние *і-основ на *јо-основы отмечается в Т. ед., а также в И., Р. и Т. мн.: ср. Т. ед. **плачьмь**, **ножьмь** вместо **плачьмь**, **ножьмь**, И. мн. **коумрик**, **вождик**, **стражик** вместо **коумири**, **вожди**, **стражи**, Р. мн. **врачен** вместо **врачь**, Т. мн. **стражъми**, **въплъми**, **зълодѣми** вместо **стражи**, **въпли**, **зълодѣи**.

3. Взаимодействие основ на *і и основ на согласный (подтип *en) начинается довольно рано и проявляется главным образом во

влиянии существительных мужского рода *i-основ типа **зѣтъ** на существительные *en-основ типа **дѣнь** в формах Р, М. ед., И. и Р. мн., Р.-М. дв.: ср. Р. ед. **дѣни**, **камѣни** вместо **дѣне**, **камѣне**, И. мн. **дѣньк**, **дѣник** вместо **дѣне**, Р. мн. **дѣнии**, **дѣнеи** вместо **дѣнь**, Р.-М. дв. **дѣнью**, **дѣнню** вместо **дѣноу**.

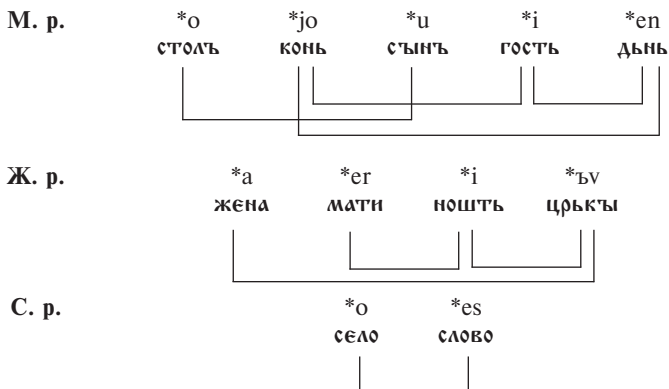
4. Взаимодействие основ на *i и основ на согласный (подтип *er и *uv) проявляется в получении существительными типа **мати**, **свѣкры** флексий существительных женского рода типа **кость** и **вѣтвь**: ср. Р. ед. **матѣри** (Син., Евх., Супр.), М. ед. **дѣштерѣи** (Зогр., Мар.), Р. мн. **матѣрии**, **дѣштерѣии** (Син.).

5. Взаимодействие основ на *i и основ на согласный (подтип *en и *ent) осуществлялось через посредство форм Р. и М. ед. **камѣни**, **дѣни** (< **камѣне**, **дѣне**), возникших под влиянием соответствующих форм склонения на *i, и вызвало новые формы Р. и М. ед. у существительных среднего рода: ср. **врѣмени** (Асс., Мар., Зогр.), **отрочати** (Асс.), **жрѣвати** вместо старых форм **врѣмене**, **отрочате**, **жрѣвате**.

6. Влияние *o-основ на *es-основы проявлялось уже в дописьменный период, что привело к возникновению вариантных форм в парадигме склонения существительных типа **слово**: ср. Р. ед. **словесе** (*es) и **слова** (*o), Д. ед. **словеси** (*es) и **словоу** (*o), Т. ед. **очесьмь** (*es) и **окомь** (*o), М. ед. **очесе** (*es) и **оцѣ** (*o). Ср. ли како **речеши** **братоу** **своемоу** • **остави** **и** **изъмж** **сжчець** **из** **очесе** (Р. ед., скл. *es) **твоего** • **и** **се** **врѣвно** **въ** **оцѣ** (М. ед., скл. *o) **твоемь** (Мф. 8: 4 Зогр.) 'или, как скажешь брату твоему: «Дай, я выну сучок из глаза твоего»; а вот, в твоём глазе бревно?'; **сжчыць** **лж** **естъ** **въ** **оцѣ** **брѣтра** **твоего** (Мф. 8: 3 Зогр., Мар.) 'сучок, который есть в глазе брата твоего', но — **въ** **очесе** (Сав.), **въ** **очесѣ** (Асс.).

Итак, данные памятников старославянской письменности свидетельствуют о разрушении праславянской системы именного

Основные направления взаимодействия типов склонения (схема)

склонения. Процесс преобразования типов склонения происходит на основании морфологической категории рода.

§ 56. Категория одушевленности

Старославянские памятники отражают начальные этапы становления категории одушевленности, которая последовательно представлена в современном русском языке, где она выражается парадигмой существительного, а именно совпадением форм В. и Р. падежей у так называемых одушевленных существительных (во множественном числе у всех, а в единственном числе только у существительных типа *муж*, *вол*).

Как видно из приведенных парадигм (см. табл. 15—22), в старославянском языке совпадали формы И. и В. падежей *единственного* числа практически во всех типах склонения, кроме склонения на **a/*ja*. Совпадение это, при свободном порядке слов, свойственном праславянскому языку, могло приводить к смысловой неясности: поскольку И. — падеж субъекта (подлежащее), а В. — падеж объекта (прямое дополнение), то в случае, если оба существительных обозначают лицо, может быть непонятно, кто субъект, а кто объект действия; например, во фразе *пригласи женихъ архитриклинъ* неясно, кто кого пригласил: жених распорядителя пира (архитриклина) или распорядитель пира — жениха. Следует сказать, что подобная «неоднозначность» не была свойственна праиндоевропейскому языку (там И. и В. падежи различались) и возникла уже в праславянский период, являясь следствием фонетических процессов, связанных с тенденцией к открытости слога, в частности утраты конечных согласных: ср. *рѣв-ъ* И. ед. = *рѣв-ъ* В. ед. < **arba-s* И. ед. ≠ **arba-n* В. ед., *сын-ъ* И. ед. = *сын-ъ* В. ед. < **sūnu-s* И. ед. ≠ **sūnu-n* В. ед. (как видим, у слов м. р. первоначально в И. ед. было окончание *-s*, а в В. ед. *-n*, что их и различало).

Выбор В. = Р. в качестве формы, выражающей одушевленность, является славянской инновацией. Употребление формы именно Р. обычно объясняют влиянием модели вопросительного местоимения И. *къто* ≠ Р. *кого* = В. *кого*, которое исконно имело В. = Р. (например, при ответе на вопрос: *кого* [В. = Р.] *посълѣкши?* — *ангѣла мѡкго* [В. = Р.] ‘Кого посылаешь? — Посылаю вестника моего’). Иногда указывают также на близость значений этих падежей¹.

В древнейших старославянских памятниках категория одушевленности, формальным выражением которой была новая форма В. = Р. в парадигме единственного числа, проявляется прежде всего у

¹ Р. употреблялся в качестве падежа прямого объекта при отрицании и при выражении некоторого количества — так называемый Genetivus Partitivus, или родительный части, ср. *выпил молоко*, но не *выпил молока* и *выпил молока*.

слов, обозначающих лицо мужского пола (особенно у имен собственных), относившихся к типу склонения на *о и *ю: **отць**, **братць**, **рабъ**, **дрюгъ**, **богъ**, **пророкъ**, **женихъ**, **мѣжь**, **кѣназь**, **исоусть**, **петръ**, **павълъ**, **авраамъ**, **пилатъ** и др. Как уже было сказано, сначала форма В. = Р. вместо В. = И., видимо, получала распространение в тех контекстах, где возникала необходимость маркировать одушевленное существительное в качестве объекта действия, чтобы исключить возможность его понимания как субъекта действия: **пригласи жениха распорядитель пира**'. Ср. другой пример: **братць твои приде и закла оць твои тельць** [В. = И.] **оупитѣны вѣко съдрава** [В. = Р.] **и приять** (Лк. 15: 27 Зогр.) 'брат твой пришел, и отец твой заколол откормленного теленка, потому что принял его здоровым'. Вряд ли данный контекст допускает возможность понимания **тельць** как субъекта, а **отць** как объекта действия (**заклати**), поэтому сохраняется **тельць** [В. = И.]. Что касается прилагательного (**съдрава**), то в случае употребления его в форме **съдравъ** оно теоретически могло бы относиться как к **отць** ('отец принял сына, будучи [еще] здоровым'), так и к **братць** ('отец принял [=вновь обрел] своего сына здоровым'). Это потребовало использования формы **съдрава** [В. = Р.] для указания на его связь с объектом (**братць**), а не субъектом (**отць**) действия (**прийти**). При этом указательное местоимение сохраняет форму и [В. = И.] без замены ее на **его** [В. = Р.].

Можно предполагать, что В. = Р. сначала употреблялся в беспредложных конструкциях, но старославянские памятники широко отражают его распространение на конструкции с предлогами, как то: **раздѣлатъ сѧ оць на сѧа** [В. Р.] **и сѧъ на оца** [В.-Р.] (Лк. 12: 53 Зогр.) 'станет отец против сына и сын против отца'. Существительные, обозначающие животных, также факультативно могли получать формы В. = Р., хотя, возможно, в начале лишь в том случае, если имело место олицетворение (персонификация)¹: **и поперешѧ льва и змѣ** (Син. 90.13) 'попирать будешь льва и дракона', **лютааго змѧа осѧди** (Супр. 463.3) 'и осудил лютого змея', **видитъ вѣлка градѧца** (Ин. 10: 12 Мар.) 'видит подходящего волка (= что приближается волк)', ср., однако, употребления в прямом значении: **поустѧ льва велика зѣло** (Супр. 298.22) 'и выпустил огромного льва', **иудеи же связавше агньца заклахъ** (Супр. 450.21—22) 'иудеи, связав, закалывали ягненка'², но — **и закла оць твои тельць** [В. = И.] **оупитѣны** (Лк. 15: 27 Зогр.) 'и отец твой заколол откормленного теленка'.

При олицетворении изредка было возможно употребление также и нарицательных слов мужского рода (среди них — и слов с

¹ См. *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. С. 206.

² Не следует удивляться тому, что большинство форм существительных, обозначающих животных, именно из Супр., поскольку именно в текстах Супр. широко представлены отсутствующие в других текстах такие существительные.

собираетельным значением: **народъ, ѡзъкъ** ‘народ’, **миръ**) в формах В.=Р.: **и ада съвѣзана показати** (Супр. 341.28) ‘и показать связанный ад’, **вѣроуите въ свѣта** (Ин. 12: 36 Мар.) (в других **свѣтъ**) ‘веруйте в свет’.

Таким образом, формы В. = Р. в единственном числе встречались прежде всего у слов мужского рода склонения на *о/*jo, даже слова исконного склонения на *и (например, слово **сынъ**) в В. получали форму на -а типа **сына** под влиянием продуктивного склонения на *о (вместо ожидаемой ***сыноу**): **вѣроуѣ азъ въ отца и сына и сѣааго доуха** (Супр. 261.3) ‘верую я в Отца и Сына и Святого Духа’.

Иногда формы В. = Р. проявляются у существительных склонения на *і (но только в конструкциях с приложением, которым является слово склонения на *о, употребленное в форме В. = Р.): **господи бога благословиша** (Супр. 326.15) ‘Господа Бога восславили’, **разбойника тати толикоу доброу съподоби** (Супр. 410.21–22) ‘разбойника вора такого добра удостоил’.

В некоторых памятниках отражается употребление форм В. = Р. ед. для имен существительных ж. р. склонения на согласный, обозначающих лиц женского пола: **раздѣлатъ са ...невѣстѣ** (так в рукописи! вм. правильного -та) **на свекръвѣ [В. = Р.] своѣ** (Лк. 12: 53 Зогр.) ‘и разделятся (= станет против) ... невестка на свекровь свою’; **любви сына [В. = Р.] ли дъштере [В. = Р.]** (Мф. 10: 37 Сав.) (но в Мар. и Зогр. **дъштеръ**) ‘любящий сына или дочь’, **тоу во обрашти александра [В. = Р.] • и ко матери [В. = Р.] пирониѣ** (Супр. 235.30) ‘ибо там ты найдешь Александра и его мать Пиронию’. У существительных женского рода типа склонения на согласный И. и В. исконно различались (ср. И. **мати, свекры** ≠ В. **матерь, свекръвъ**) и в принципе продолжали различаться в старославянских памятниках, поэтому формы В. = Р. здесь не должны были бы появляться. Однако памятники отражают и появление новых форм И. ед. для этих слов как следствие влияния продуктивного типа склонения на *і (типа **кость**): И.ед. **матерь, свекръвъ** вместо исконного **мати, свекры**. И тогда распространение форм Р. = В. у личных существительных женского рода исконного склонения на согласный, у которых стали совпадать формы И. и В. ед. (И. **матерь, свекръвъ** = В. **матерь, свекръвъ**), может быть объяснено влиянием существительных мужского рода¹, развивающих В. = Р. в рамках становления категории одушевленности².

¹ Селищев А. М. Старославянский язык. Ч. 2. М., 1952. С. 108.

² Примечателен, однако, тот факт, что появление форм В. = Р. у существительных ж. р. исконного склонения на согласный не ограничено лишь личными существительными ж. р.: ср. **на сицѣ смокве [В. = Р.] вѣлѣзе закхен видѣтъ господа** (Супр. 350.13) ‘на эту смоковницу залез Закхей, чтобы увидеть господина’, **сѣзда цръкѣвѣ [В. = Р.] свѣтааго прьвомъченика стефана** (Супр. 209.9) ‘создал церковь святого первоумченика Стефана’.

За исключением нескольких указанных выше слов женского рода, относящихся к непродуктивным типам склонения, остальные существительные женского рода, а также все существительные среднего рода не развивают форм В. = Р.

Поскольку основной причиной развития категории одушевленности, очевидно, являлась необходимость грамматически маркировать одушевленный объект действия, то существительные, сохранявшие различия между формами И. и В. ед. (в частности, слова склонения на *а/*ја, в том числе и обозначающие лиц мужского пола: **владѣтка**, **слоуѣга**, **исаниа** и т. д.), не получали форм В. = Р.

В склонении на *о/*јо, которое и было источником появления В. = Р., формы И. мн. и В. мн. различались, поэтому во множественном числе одушевленность грамматически не проявлялась.

Появление инновационных форм В. = Р. в процессе развития категории одушевленности создавало условия для использования возникшей вариативности в употреблении старой (В. = И.) и новой (В. = Р.) форм в других функциях, например для противопоставления определенных и неопределенных объектов (о выражении категории определенности/неопределенности полными и краткими прилагательными см. § 61). При этом новые формы В. = Р. обозначали определенный, а старые В. = И. — неопределенный объект: ср. **нѣнѣ поустѣши раба [В. = Р.] твоего владѣтко** (Лк. 2: 29 Зогр.) ‘ныне отпускаешь Раба Твоего, Владыко’ — **посѣла рабѣ [В. = И.] свои** (Лк. 14: 17 Мар.) ‘[господин] послал раба своего (т. е. одного из своих рабов)’; **шѣтъ посла сѣа своего съпсѣтелѣ въсемоу мироу** (Ин. 4: 14 Ен.) ‘отец послал сына своего спасителем всего мира’ — **се азъ посѣлажъ абѣлъ мои прѣдъ лицемъ твоимъ** (Мф. 11: 10 Зогр., Мар., Асс., Сав.) ‘вот я посылаю вестника моего (=одного из вестников моих) перед тобой’; **сѣмеонъ сѣрѣте хѣа [В. Р.] • на рѣкоу приятъ прѣвѣчѣнаго бѣа [В. = Р.] ѣко младѣнѣць [В. = И.]** (Клоц. 1а32) ‘Симеон встретил Христа, на [обе] руки взял предвечного Бога, как младенца (не конкретного младенца, а как принято брать младенцев)’¹. Так, субстантивированные полные формы прилагательных и причастий, использовавшиеся для обозначения лиц, уже упомянутых в контексте, употребляются в старославянских памятниках в В. = Р.: **и видѣша бѣсновавшагоса [В. = Р.] сѣдашга** (Мк. 5: 15 Зогр.) ‘и видят, что бесновавшийся ... сидит (= и видят бесновавшегося сидящим)’. В то же время в памятниках может употребляться форма В. = И. в контекстах, исключаящих

¹ Впрочем, отмечается, что существительные, обозначающие детей, не дают форм с Р. = В. в старославянских памятниках, т. е. такие существительные не были еще включены в группу «одушевленных предметов» (Meise A. Общеславянский язык. С. 326).

понимание существительного как обозначающего субъект действия, когда это действие выражено глаголом в форме 1-го или 2-го л., хотя объект действия явно определенный: **авраамъ ли еси видѣлъ** (Ин. 8: 57 Зогр.) ‘видел ли ты Авраама?’, **поражжъ пастырь** (Мф. 26: 31 Мар.) ‘сража пастыря’.

Категория одушевленности проявлялась в старославянском языке еще непоследовательно и на тот момент явно находилась в славянских языках в процессе становления: даже слова со значением лица мужского пола (и со значением определенного лица мужского пола) в одном и том же контексте в одних памятниках имеют более древние формы В. = И., а в других — новые В. = Р.: ср. **призови мжжь твон** (Ин. 4: 16 Мар.) ‘позови мужа твоего’, но **мжжа своего** в Зогр., Асс.; **приобрѣтѣши братръ твон** (Мф. 18: 15 Мар.), но **братра своего** в Асс., Сав. ‘приобретешь (= вновь обретишь, не потеряешь) брата своего’; **привѣса чловѣкъ нѣмъ** (Мф. 9: 32 Мар., Зогр., Остр.), но **чловѣка нѣма** в Асс., Сав. ‘привели немого человека’.

Категория одушевленности отражается в старославянских памятниках прежде всего у слов мужского рода со значением лица. Подобное выделение слов со значением лиц мужского пола (склонения на *о/*ю) посредством особого окончания проявляется также в возможном употреблении у них в Д. ед. окончания **-ови/-евн** (из исконного склонения на *и): ср. **почръпѣте нынѣ и принесѣте ар҃хитриклиннови** ‘зачерпните теперь и принесите распорядителю пира’ (Ин. 2: 8 Мар.), **пристѣпше... исюсовн** (Мф. 17: 19 Мар.) ‘пошли к Иисусу’, **г҃ла андрѣовн** (Ин. 12: 22 Мар.) ‘сказал Андрею’, **рече же къ винареви** (Лк. 13: 7 Зогр., Мар.) ‘сказал виноградарю’, **нѣси другъ кесаревн** (Ин. 19: 12 Зогр., Сав.) (**кесаровн** Мар., **кесароу** Асс.) ‘ты не (есть) друг кесарю’. Однако данное явление отражается в памятниках менее последовательно, чем употребление форм В. = Р.

§ 57. Местоимение

К местоимениям относятся слова, называющие лиц, предметы, явления, признаки, количество не прямо, непосредственно, а опосредованно, т. е. указанием на них. Это обусловило различные семантические и грамматические функции местоимений в старославянском языке, проявляющиеся в обобщенности значения и в отсутствии постоянной предметной соотнесенности:

нѣъ же рече имъ [ученикам]... **дадите имъ** [народу] **въ ѣсти** (Мф. 14: 16. Зогр., Мар., Асс.) ‘Иисус же сказал им: «Дайте им есть»’; здесь одно и то же местоимение **имъ** (Д. мн.) указывает на разные группы лиц в одном контексте.

В зависимости от значения в старославянском языке выделяются две неравночисленные группы местоимений — *личные* и *неличные*. Функция быть «заместителями имён» присуща местоимениям, которые называются *неличными*. *Личные* же местоимения 1-го лица **азъ** и 2-го лица **ты** являлись обозначениями лиц — участников диалога (говорящего и того, кому этот текст предназначен, «собеседника»). Так называемое *местоимение 3-го лица* не обозначает участника диалога и в этом смысле не является «личным», но оно может обозначать любой предмет, т. е. является «заместителем имени». Говоря о *личных* местоимениях, следует подчеркнуть их связь с двумя лицами диалога, а также с другими подобными лицами, в диалоге не участвующими (это служит основанием для грамматического оформления местоимения 3-го лица как входящего в систему личных местоимений). Что касается *возвратного* местоимения **себе**¹, то оно также не выступало «заместителем имени», но могло являться обозначением лиц. Отличительная особенность *возвратного* местоимения **себе** состоит в том, что оно может относиться к любому из трех лиц, а также ко всем неодушевленным деятелям.

Группы личных и неличных местоимений отличались особенностями синтаксического употребления, но еще больше — разным набором морфологических категорий и форм. Личные местоимения характеризовались категориями числа, которое проявлялось своеобразно (см. § 58), и падежа, но не имели рода. Большинство неличных местоимений характеризовалось категориями рода, числа и падежа; при этом род, число и падеж неличного местоимения зависели от существительного. Из неличных местоимений вопросительно-относительные **къто** и **что** и производные от них не имели рода и числа.

По значению и функции в предложении старославянские местоимения представляют следующие семантические разряды.

Личные местоимения: 1-го лица — **азъ** (ед. ч.; для обозначения самого говорящего), **мы** (мн. ч.; для обозначения говорящего и других лиц), **вѣ** (дв. ч.; для обозначения говорящего и другого лица), 2-го лица — **ты** (ед. ч.; для обозначения слушающего), **вы** (мн. ч.; для обозначения слушающих или слушающего и других лиц), **ва** (для обозначения двух слушающих или слушающего и другого лица).

В отличие от русского и других современных славянских языков старославянский язык еще не имел специализированной (грамматикализованной) формы для обозначения любого 3-го

¹ Обозначается по форме Р. падежа, так как И. падеж в парадигме отсутствует (см. табл. 23).

лица, т. е. в старославянском были только местоимения 1-го и 2-го лица, но не было местоимения 3-го лица. Древнейшие славянские письменные памятники используют в этой функции различные *указательные* местоимения: **сь**, **тѣ**, **онѣ**, **и**, **овѣ**. Чаще всего для указания на 3-е лицо в функции личного употреблялись указательные местоимения **и**, **ѡ**, **ѡ**. Обычно форма именительного падежа этого местоимения не встречается, ее заменяет форма указательного местоимения **онѣ**, **она**, **оно**. Таким образом, старославянские памятники отражают начало процесса формирования местоимения 3-го лица и его парадигмы **онѣ** И. ед. м., **кго** Р. ед., **ѡмоу** Д. ед. и т. д.

Возвратное местоимение: **себе** (Р. п.), **са** (В. п.) и т. д. не имело формы именительного падежа (как и в современном русском языке).

Указательные местоимения: **сь**, **си**, **се** (указание на ближайший к говорящему предмет); **тѣ**, **та**, **то** (указание на несколько отдаленный предмет, противопоставляющийся ближайшему, но без акцентирования отдаленности того, на что дается указание); **онѣ**, **она**, **оно** (указание на наиболее отдаленный предмет, далекий, невидимый); **овѣ**, **ова**, **ово** обычно в противопоставлении: **овѣ... сь**; **овѣ... инѣ**, **овѣ... друугѣи** — ‘этот... тот; один... другой’: **овѣ въ сѣнь възираѡхъ • овѣ же къ слѣнѣцю** (Клоц. 13б.) ‘одни на тень смотрели, другие — на солнце’ (см. табл. 24).

Указательные местоимения употреблялись в трех основных функциях:

1) в *собственно указательной*, или *дейктической*: **се онѣ ѡнѣи ѡнѣи противѣ не копанѣ остаѡтѣ** (Супр. 37.22) ‘вон те нивы напротив не обработаны остаются’; **слѣшитѣ словеса моѣ си** (Мф. 7: 24 Зогр.) ‘[кто] слушает слова мои эти’;

2) в *анафорической* (функция не столько указания, сколько *отнесения* к уже упомянутому и потому известному предмету): **вѣ же имѡ рабѣ томоу мельхѣ** (Ин. 18: 10 Сав.) ‘имя рабу этому (вышеупомянутому) было Малх’; в ц.-сл. памятниках русского извода имеются примеры употребления в этой функции указательного местоимения **и**, **ѡ**, **ѡ**: **оузда конѣи правитель кѣтъ и въздѣржанникъ правьвьдѣникоу (sic!) же книгѣ ѡ** (Изборник 1076 г.) ‘узда коня и направляет и сдерживает, а праведника [направляют и сдерживают] — книги эти (о которых речь была выше)’;

3) в функции местоимения *3-го лица*, которая может сочетаться с дейктической или анафорической: **тѣ въскрѣсе отѣ мртѣвѣхѣ • ѡ сего ради силѣ дѣѡтѣ са ѡ ѡнемѣ** (Мк. 6: 14 Зогр.) ‘он [Иоанн Креститель] воскрес из мертвых, и поэтому чудеса делаются им’; **вѣвѣ ѣко сѣ кѣтъ сѣнѣ наю • ѡ ѣко слѣпѣ са роди** (Ин. 9: 20 Мар.) ‘мы знаем, что он (= это) сын наш и что он родился слепым’.

Определительные местоимения: **всьь, вьса, вьсе** (оба, обѣ¹); **вьсакъ, вьсака, вьсако; самъ, сама, само; сиць, сица, сице; такъ, така, тако; пакъ, пака, пако; какъ, кака, како:** **ѣдиноуѣ поштинѣ вьсь вѣкъ измѣнимъ** ‘за одну ночь весь мир изменим’ (Супр.); **іс самъ** не крыштааше нѣ оученици его ‘Иисус сам не крестил, но ученики его’ (Зогр., Мар.); **како можетъ члкъ грѣшенъ • сица знаменитъ** творити ‘как может человек грешный творить такие знаменья’ (Мар.); **ты единъ вѣси гї какы моя сжтѣ вѣды** ‘Ты один знаешь, Господи, каковы мои бедствия’ (Евх.) и т. п.

Притяжательные местоимения: **мон, моя, моѣ; твои, твоя, твоѣ; свои, своя, свои; нашъ, наша, наше; вашъ, ваша, ваше.**

Относительные местоимения: **иже, паже, кже** (образованное с помощью частицы **же** от указательного местоимения **и, па, к**); **пакъже, пакаже, пакоже:** **хлѣвъ во ѡже азъ дамъ • плоть моѣ естѣ • ѡже азъ дамъ за животъ вьсего мира** ‘хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь всего мира’ (Зогр., Мар.); **вждетъ во тѣгда скръвь велиѣ • вѣкаже не была • штъ начала вьсего мира • до селѣ** ‘ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне’ (Зогр.) и т. п.

Вопросительные местоимения: **кѣто, чѣто; кѣи, каѣ, коѣ; чии, чия, чии:** **кого ма глѣте вѣти** ‘за кого [вы] почитаете меня?’ (Зогр.); **чии глатѣ образъ и напѣсанье** ‘чье на нем [на динарии] изображение и написание?’ (Зогр.); **каѣ сжтѣ словеса си • паже прѣрѣкаета къ селѣ** ‘каковы те события, о которых вы пререкаетесь между собою?’ (Супр.) и т. п.

Отрицательные местоимения: **никѣто(же), ничѣто(же); никѣи(же), никаѣ(же), никѣ(же)** ‘никакой’: **никомуѣ отъ чловѣкъ да не творите пакости** ‘никому из людей не причиняйте вреда’; **въ тѣ днь мене не вѣпросите ничѣсоже** ‘и в тот день вы не спросите Меня ни о чем’ (Зогр., Мар., Асс.; ср. **не помолите ни о чѣмъ же** (Сав.)).

Неопределенные местоимения: **етеръ, етера, етеро** ‘некий’; **котѣрын (котѣрын), котѣраѣ, котѣрок** ‘какой-нибудь’; **нѣкъто, нѣчѣто; нѣкъи, нѣкак, нѣкоѣ; нѣкотѣрын, нѣкотѣраѣ, нѣкотѣрок:** **члкъ етеръ глѣ дѣва сїа** ‘человек некий имел двух сыновей’ (Лк. 15—11 Зогр.); **аще котѣраѣ жена изврѣжетъ отрѣча • ѣ лѣт да**

¹ По своим морфосинтаксическим свойствам местоимение **оба** сближается с числительным **дѣва**, однако в целом по семантике оно тождественно местоимению **всьь**, от которого **оба** отличается только в отношении указания на число предметов, т. е. различие между ними грамматическое. Учитывая, что **всьь** имеет только парадигмы ед. и мн. числа, а **оба** — только парадигму дв. числа, можно рассматривать их в рамках супплетивной парадигмы **всьь — вьси — оба**. См.: *Moszyński L. Czy w języku staro-cerkiewno-słowiańskim była kategoria duale tantum // Slavia Hierosolymitana. 1985. 1. P. 107—118.*

² Ср. употребление относительного местоимения без **же**: **і помѣнж петръ глѣ ісѣвъ • і рече емоу** (Зогр.; в Мар., Асс. — **иже**) ‘и вспомнил Петр слово Иисусово, которое [Иисус] сказал ему’.

покаеѣ сѧ ‘если какая-нибудь женщина изгонит плод, то пусть каеѣ 2 года’ (Евх.); вѣ • нѣкѣ то мжжъ вѣ поуѣстѣиини ‘был некий человек в пустыни’ (Супр.) и т. п.

К местоимениям примыкают прилагательные, которые восходят к количественным наречиям¹ и частично склоняются по местоименному склонению: **коликъ**, **колика**, **колико** ‘какой (по количеству), столь большой’; **толикъ**, **толика**, **толико** ‘такой большой, столь большой’; **кликъ**, **клика**, **клик** ‘который, какой (по количеству)’; **селикъ**, **селика**, **селико** ‘столь многий, столь многочисленный’: **а сии вѣ колициѣ мразѣ сжште доселѣ живи сжтѣ** ‘а эти на столь сильном морозе до сих пор еще живы’ (Супр.); **нѣиѣ же о селициѣ доврѣ не радоуѣтѣ сѧ • но плачѣтѣ сѧ • и толика добра виньника погоуѣвити мѣслѣтѣ** ‘ныне же о столь многочисленном добре не радуются, но плачутся, и того, кто является причиной столь большого добра, замышляют погубить’ (Супр. 386, 22—23); **елико врѣмѣ сѣ собоуж мжтѣ женихѣ • не мжтѣ постити сѧ** ‘какое время имеют жениха [= пока жених с ними], не должны поститься’ (Зогр.); **кѣде оу насѣ вѣ поуѣстѣ мѣстѣ хлѣвѣ** [Р. мн.] **толико • ако насѣтити народѣ толикъ** ‘где у нас в пустыне столько хлеба, чтобы накормить столький народ [= такую толпу]’ (Сав.) и т. п. Учитывая то, что в старославянском эти местоимения-прилагательные сохраняют количественное значение, их можно считать *количественными местоимениями*².

§ 58. Склонение личных и возвратного местоимений

Как уже отмечалось, по форме флексии склонение в старославянском языке подразделялось на *именное* и *местоименное*. По местоименному склонению изменялись неличные местоимения.

По способности различать род местоимения делятся на *родовые* и *неродовые*. Склонение родовых местоимений по происхождению было *тематическим* (*вокалическим*, т. е. основа заканчивалась тематическим гласным): **тѣ-та-то**, **онѣ-она-оно**, **овѣ-ова-ово**, **и-ѣ-к**, **сѣ-си-се**, **кѣи**, **кѣторѣ**, **мон**, **тѣвои**, **сѣвои**, **чѣи**, **нашѣ**, **сицѣ**, **ѣкѣ**, **ѣкѣ**, **ѣкѣ**, **мѣногѣ**, **вѣсь**, **селикѣ**, **толикѣ**, **кликѣ**, **коликѣ**.

Неродовыми были вопросительные местоимения **кѣто** и **чѣто**, которые склонялись по парадигме мужского рода (-**то** здесь является по происхождению местоимением **тѣ**, **то**), а также личные местоимения 1-го и 2-го лица **ѣзѣ/вѣ/мѣ** и **тѣ/ѣ/ѣ**.

В результате ряда преобразований, связанных с тенденцией к открытости слога, склонение личных местоимений приобрело в позднем праславянском вид, унаследованный старославянским языком.

¹ Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951. С. 355.

² Иванова Т. А. Старославянский язык. СПб., 2005. С. 144.

Склонение личных и возвратного местоимений

Число	Падеж	1-е лицо	2-е лицо	Возвратное
Ед.	И.	азъ	ты	—
	Р.	мене, мьне	тебе	себе
	Д.	мьнѣ/ми	тебѣ/ти	себѣ/си
	В.	мѧ, мене	тѧ, тебе	сѧ, себе
	Т.	мъноуж	тобоюж	собоуж
	М.	мьнѣ	тебѣ	себѣ
Мн.	И.	мы	вы	—
	Р.	насъ	васъ	—
	Д.	намъ/ны	вамъ/вы	—
	В.	ны, насъ	вы, васъ	—
	Т.	нами	вами	—
	М.	насъ	васъ	—
Дв.	И.	вѣ	ва, вы	—
	В.	на, ны	ва, вы	—
	Р.-М.	наю	ваю	—
	Д.-Т.	нама	вама	—

Склонение личных и возвратного местоимений в старославянском языке было весьма архаичным (табл. 23).

1. Яркой особенностью склонения личных местоимений является восходящий к индоевропейскому праязыку супплетивизм, когда разные падежные формы образуются от разных основ: ср. **азъ** — **мене** и т. д. (ср. и.-е. *ēg' - /*m-). Кроме того, в парадигмах личных местоимений отмечаются характерные морфологические противопоставления. Так, у местоимения 1-го л. формы ед. ч. (кроме И. ед.), где представлено начальное **м-**, противопоставлены формам мн. и дв. с начальным **н-**. У местоимения 2-го л. парадигма ед. ч. с начальным **т-** четко противопоставлена парадигмам мн. и дв. с начальным **в-**. Все падежные формы возвратного местоимения характеризуются начальным **с-**.

2. Местоимение 1-го л. в И. ед. встречается не только в форме **азъ**, но изредка и в форме **ѧзъ** (с протетическим *j перед начальным *а).

3. Местоимение **азъ** в Д. и М. ед. встречается в старославянских памятниках в виде **мън-**, **мьн-** (даже в одном памятнике). Какое

из этих написаний отражает исходную старославянскую форму, не ясно, поскольку такие написания относятся к эпохе после падения редуцированных и могут отражать их утрату. Возможно все же, что именно **мънѣ**, встречающееся чаще, является отражением более раннего произношения. В этом случае закономерным соответствием старославянскому **мънѣ** была бы литовская диалектная форма *mīnei*, а форма **мънѣ** могла бы объясняться как результат регрессивной межслоговой ассимиляции перед гласным переднего ряда следующего слога. Изредка в памятниках встречается Р. п. **мьне**.

4. Формы Д. ед. **ми**, **ти**, **си** и Д. мн. **ны**, **вы** являлись в старославянском языке энклитиками, т. е. не могли нести самостоятельного ударения и примыкали к предшествующему слову, как правило первому в предложении: **ѣи повели ми прѣжде љти...** (Лк. 8: 32 Зогр.) ‘Господи, позволь мне прежде пойти [и похоронить отца моего]’; **сѣи ти живѣ естѣ** (Мар.; Зогр. **твон**) ‘сын твой жив’. Они не могли употребляться в сочетании с предлогами, поскольку те также не могли иметь самостоятельного ударения. В конструкции с предлогами употреблялись только неэнклитические формы **мънѣ**, **тебѣ**, **себѣ**: **къ тебѣ ѣи въздвигѣ дѣш мож** (Син. 24.1), но они употреблялись и без предлогов, особенно если было необходимо подчеркнуть местоимение: **колико лѣтъ работаѣ тебѣ** <...> и **мънѣ никои же не далъ еси козылате** (Лк. 15: 29 Зогр.) ‘сколько лет служу тебе <...>, а ты мне никогда не дал даже козлёнка’.

5. Формы В. ед. **ма**, **та**, **са** и В. мн. **ны**, **вы** первоначально в праславянском языке не являлись энклитиками и имели самостоятельное ударение, поэтому могли употребляться и в конструкциях с предлогами: **не прѣстан за ны мѣлци** (Ен. 286.9) ‘не останавливайся, молясь за нас’; **повелѣ привести прѣдъ са стѣла мѣченикы** (Супр.). Постепенно, однако, эти формы также втягивались в систему энклитик, что отражается древними славянскими письменными памятниками. Это связано с заменой исконных акцентно самостоятельных форм В. ед. **ма**, **та**, **са** и В. мн. **ны**, **вы** формами Р. ед. **мене**, **тебе**, **себе** и Р. мн. **насъ**, **васъ**.

6. К форме В. возвратного местоимения **са** восходит формальный показатель возвратности в возвратных глаголах (рефлексивах), который еще не был строго закреплен в контактной постпозиции к глаголу, хотя в старославянских памятниках обычно находился непосредственно после глагола: **о семь ли сътазаете са • между собою** (Ин. 16: 19 Зогр.) ‘о том ли спрашиваете вы друг друга?’; **не отъврѣгъ са тебе** (Мф. 26: 35 Зогр., Мар., Асс., Сав.) ‘не отрекусь от Тебя’; **что са вамъ мьнитѣ** (Мф. 18: 21 Мар.) ‘как вам кажется?’. В последнем случае **са** ведет себя как энклитика и занимает позицию после первого слова предложения, в первом же примере как энклитика ведет себя частица **ли**, а **са** выступает как акцентно самостоятельное слово.

7. Употребление вместо исконных форм И.-В. дв. **ва** и В. дв. **на** форм И.-В. мн. **вѣ** и В. мн. **нѣ** не свидетельствует об утрате категории двойственного числа.

§ 59. Склонение неличных местоимений

В отличие от личных местоимений, которые склонялись особым образом, склонение неличных местоимений представляет собой особую систему форм, которую называют тематическим местоименным склонением. Под воздействием тематического местоименного склонения неличных местоимений со временем стали изменяться полные формы прилагательных и причастий (сохранив некоторые особенности, обусловленные происхождением этих форм).

В склонении неличных местоимений выделяются две разновидности (твердая и мягкая) для местоимений, изменяющихся по родам (табл. 24, 25), а также особые виды склонений: 1) для местоимений **къто** и **что**, стоящих вне категории рода и числа; 2) для местоимений, склонявшихся то по мягкой, то по твердой разновидности (**вьсь**, **сиць** и т. д.).

Форма В. ед. м. **нѣ** первоначально появилась в положении после предлога **въ** (< *vup-) в результате переразложения (реинтерпретации морфемной границы) между предлогом *въп и местоимением *јь: *{въп} + {јь} > {въ} + {нѣ} > **въ нѣ** (после падения редуцированных — **во нѣ**). Вариант **нѣ** позднее по аналогии был перенесен и на сочетания с другими предлогами: **отиде юда • и выиде за нѣ матѣина** (Супр. 94.5) ‘ушел Иуда, и вошел вместо него Матфий’; **простеръше на нѣ свои рѣкы ноуждаахъ и принести кмоу имѣник** (Супр. 38.22) ‘протянув к нему руки свои, они принуждали его принести ему имущество’. В последнем примере представлены оба варианта В. ед. **простеръше на нѣ** и **ноуждаахъ и**.

По-особому склонялись местоимения **вьсь**, **сиць** (имели формы мягкой и твердой разновидностей), **кын** (имело формы мягкой разновидности и полных прилагательных), **каторын/котерын** (склонялось как полное прилагательное), **къто**, **что** (не различались по родам и не изменялись по числам).

1. Парадигма определительного местоимения **вьсь** (аналогично **сиць**) имела формы и мягкой (**вьс-его**, **вьс-емоу**), и твердой (**вьсѣмь**, **вьс-ѣми**) разновидностей склонения (табл. 26). Первоначально в праславянском это местоимение склонялось по твердой разновидности, но после появления корневого палатального /ś/ из *x по 3-й палатализации падежные формы с /ś/ переориентировались на мягкую разновидность, что привело к замене окончаний твердого варианта окончаниями мягкого варианта: ср. *vixo > *vьšo > *vьše (**вьсе**) и т. д. (см. табл. 26).

Склонение указательных местоимений

Падеж	Твердая разновидность			Мягкая разновидность		
	М. р.	С. р.	Ж. р.	М. р.	С. р.	Ж. р.
<i>Единственное число</i>						
И.	тѣ	то	та	сь	се	си
Р.	того	того	тоѡ	се҃го	се҃го	сеѡ
Д.	тому҃	тому҃	тои	се҃моу҃	се҃моу҃	сеи
В.	тѣ	то	тѡ	сь	се	сиѡ
Т.	тѣмь	тѣмь	тоѡ	симь	симь	сеѡ
М.	томь	томь	тои	семь	семь	сеи
<i>Множественное число</i>						
И.	ти	та	ты	сии	си	сиѡ
Р.	тѣхъ	тѣхъ	тѣхъ	сихъ	сихъ	сихъ
Д.	тѣмь	тѣмь	тѣмь	симь	симь	симь
В.	ты	та	ты	сиѡ	си	сиѡ
Т.	тѣми	тѣми	тѣми	сими	сими	сими
М.	тѣхъ	тѣхъ	тѣхъ	сихъ	сихъ	сихъ
<i>Двойственное число</i>						
И.-В.	та	тѣ	тѣ	сита	си	си
Р.-М.	тою	тою	тою	сею	сею	сею
Д.-Т.	тѣма	тѣма	тѣма	сима	сима	сима
<i>Единственное число</i>						
И.	онѣ	оно	она	и	к	ѡ
Р.	оного	оного	оноѡ	к҃го	к҃го	кѡ
Д.	оному҃	оному҃	онои	к҃моу҃	к҃моу҃	ки
В.	онѣ	оно	онѡ	и, нь	к	ѡ
Т.	онѣмь	онѣмь	онѡѡ	имь	имь	кѡѡ
М.	ономь	ономь	онои	кѡмь	кѡмь	ки
<i>Множественное число</i>						
И.	они	она	онѣ	и	ѡ	ѡ
Р.	онѣхъ	онѣхъ	онѣхъ	ихъ	ихъ	ихъ
Д.	онѣмь	онѣмь	онѣмь	имь	имь	имь

Падеж	Твердая разновидность			Мягкая разновидность		
	м. р.	с. р.	ж. р.	м. р.	с. р.	ж. р.
В.	онѣ	она	онѣ	ѡ	ѡ	ѡ
Т.	онѣми	онѣми	онѣми	ими	ими	ими
М.	онѣхъ	онѣхъ	онѣхъ	ихъ	ихъ	ихъ
<i>Двойственное число</i>						
И.-В.	она	онѣ	онѣ	ѡ	и	и
Р.-М.	оною	оною	оною	ю	ю	ю
Д.-Т.	онѣма	онѣма	онѣма	има	има	има

Таблица 25

Склонение притяжательных местоимений

Падеж	Мягкая разновидность					
	М. р.	С. р.	Ж. р.	М. р.	С. р.	Ж. р.
<i>Единственное число</i>						
И.	мои	моѣ	моѡ	нашѣ	нашеѣ	нашаѣ
Р.	моѣго	моѣго	моѣѡ	нашего	нашего	нашеѡ
Д.	моѣмоу	моѣмоу	моѣи	нашемѣ	нашемѣ	нашеи
В.	мои	моѣ	моѡ	нашѣ	нашеѣ	нашаѣ
Т.	моими	моими	моѣѡ	нашими	нашими	нашеѡ
М.	моѣмѣ	моѣмѣ	моѣи	нашемѣ	нашемѣ	нашеи
<i>Множественное число</i>						
И.	мои	моѡ	моѡѡ	наши	наша	нашаѡ
Р.	моихъ	моихъ	моихъ	нашихъ	нашихъ	нашихъ
Д.	моимѣ	моимѣ	моимѣ	нашимѣ	нашимѣ	нашимѣ
В.	моѡѡ	моѡѡ	моѡѡ	нашаѡ	наша	нашаѡ
Т.	моими	моими	моими	нашими	нашими	нашими
М.	моихъ	моихъ	моихъ	нашихъ	нашихъ	нашихъ
<i>Двойственное число</i>						
И.-В.	моѡѡ	мои	мои	наша	наши	наши
Р.-М.	моѣю	моѣю	моѣю	нашею	нашею	нашею
Д.-Т.	моѡма	моѡма	моѡма	нашима	нашима	нашима

Особые виды склонения местоимений

Падеж	<i>Единственное число</i>					
И.	вьсь	вьсе	вься	кѣи	коє	каѧ
Р.	вьсего	вьсего	вься	коєго	коєго	коєѧ
Д.	вьсеѡу	вьсеѡу	вьсен	коєѡу	коєѡу	коєи
В.	вьсь	вьсе	вьсьѧ	кѣи	коє	кѣѧ
Т.	вьсѣмь	вьсѣмь	вьсеѧ	кѣимь	кѣимь	коєѧ
М.	вьсемь	вьсемь	вьсен	коємь	коємь	коєи
	<i>Множественное число</i>					
И.	вьси	вься	вься	ции	каѧ	кѣѧ
Р.	вьсѣхъ	вьсѣхъ	вьсѣхъ	кѣихъ	кѣихъ	кѣихъ
Д.	вьсѣмь	вьсѣмь	вьсѣмь	кѣимь	кѣимь	кѣимь
В.	вься	вься	вься	кѣѧ	каѧ	кѣѧ
Т.	вьсѣми	вьсѣми	вьсѣми	кѣими	кѣими	кѣими
М.	вьсѣхъ	вьсѣхъ	вьсѣхъ	кѣихъ	кѣихъ	кѣихъ

Падеж			Падеж		
И.	кѣто	чѣто	В.	коєо	чѣто
Р.	коєо	чѣсо, чѣсоєо	Т.	цѣмь	чѣимь
Д.	коєѡу	чѣсоѡу	М.	коємь	чѣємь

Выше уже было отмечено, что парадигмы склонения местоимений **вьсь** ед. — **вьси** мн. — **оба** дв. по сути составляли единую супплетивную парадигму, поскольку семантика здесь различна только в отношении указания на число предметов.

2. Склонение местоимений **кѣто** и **чѣто** отличается от остальных неличных местоимений. Местоимение **кѣто** изменялось по твердой разновидности, а **чѣто** — по мягкой (см. табл. 26).

Форма И. п. этих местоимений образовывалась присоединением форманта **-то** к обычной форме И. ед. м. р. типа склонения на ***o/*jo**: **кѣ-то** / **чѣ-то** (ср. образование от тех же основ местоимений **кѣи**, **ции**). В косвенных падежах формант **-то** отсутствовал. В Р. п. местоимения **чѣто** употреблялась архаичная форма **чѣсо/чѣсо**: **чѣсо изидосте видѣтъ** (Мф. 11: 8 Мар., Асс.) ‘что же ходили [вы] смотреть’. Позднее исконная форма Р. п. **чѣсо/чѣсо** (< и.-е. ***-es(i)o**) была заменена формой **чѣсоєо** по аналогии с формами **того**, **оноєо**. В ста-

рославянском языке основа **чес-** (или **чъс-**) распространилась и на другие падежи: **чесому** (**чъсому**) (Д. п.), **чесомь** (М. п.). Форма Т. п. местоимения **къто цѣмь** отразила рефлекс 2-й палатализации.

Полагают, что еще в праславянском языке наметилось определенное разграничение в употреблении этих местоимений: **къто** начинает замещать в контексте *лицо*: **аще къто сънѣстъ отъ хлѣва сего живѣ вѣдетъ въ вѣкъ** (Ин. 6: 51 Зогр., Мар., Асс. ‘если кто-нибудь будет есть этот хлеб, [тот] будет жить всегда’), а **что** — *предмет*: **аще что имате на кого** (Мк. 11: 25 Зогр., Мар. ‘если что-то против кого-то имеете’). Ср. **къто ты кси. и что ксть имѣ твою** (Супр. 122.3) ‘кто ты [есть] и каково твое имя’.

Это проявляется на формальном уровне в различии форм В. п. для местоимений **къто** и **что**. Местоимение **къто** имеет В. = Р.: ср. **кого ма глѣте вѣгн** ‘за кого [вы] почитаете меня?’ (Мф. 16: 15 Зогр., Мар., Асс.).

§ 60. Имя прилагательное: общая характеристика

Прилагательное обозначает признак (качество, свойство, отношение, принадлежность), носителем которого является предмет (в широком смысле), соответственно прилагательное определяет существительное, поэтому синтаксически оно функционирует как согласованное определение (атрибут) и именная часть сказуемого (предикат).

Имя прилагательное в старославянском языке, как и в современном русском, обладало категориями *рода*, *числа* и *надежа*. Они проявлялись при согласовании прилагательного с существительным. Категория рода проявлялась не только в единственном числе, но и в формах множественного и двойственного числа.

В старославянском языке было несколько несклоняемых и не имеющих родовых различий прилагательных: **испълнь** ‘полный’, **нанѣмь** ‘косноязычный’, **прѣпростъ** ‘простой, краткий’, **различь** ‘различный’, **свободь** ‘свободный’, **соуѣмь** ‘двойной’, **оудовь** ‘легкий’. Все они оканчивались на **-ь** и исторически восходили к типу склонения на *i. Некоторые из них могли употребляться и в качестве наречий: ср. **стада различь** (прил. ‘разные’) **воловъ • кобылъ** (Супр. 42.29) ‘различные стада волов, кобыл’ — **четворы во сжтъ вьса • о томь различь** (нареч. ‘иначе’) **намъ съказашѣ** (Супр. 370.12) ‘всех четверых, рассказывающих нам о том по-разному’, поэтому такие прилагательные находятся на периферии системы, если вообще считать их прилагательными. В старославянских текстах их бывает нелегко отграничить от наречий: ср. **оубогын же отъ**

всего сего свобода (прил. 'свободен' или нареч. 'в свободе?') *късть* (Супр. 492.15) 'нищий же от всего этого свободен'. Одновременно в старославянских текстах встречаются прилагательные с тем же значением, но образованные уже по продуктивной модели: *пльньъ*, *различньъ*, *свободньъ*, *соу҃гоу҃бъ/соу҃гоу҃бьньъ*, *оудовьньъ*.

Прилагательные имели *краткую* и *полную* формы. Однако, в отличие от современного русского языка, в старославянском краткая форма являлась исходной как с точки зрения системы старославянского языка, так и исторически. Краткая форма была свойственна всем прилагательным и от нее по соответствующим правилам образовывалась полная форма. Кроме того, она склонялась и могла употребляться в функции определения: *гладъ крѣпкъъ* (Лк. 15:14) 'сильный голод', *странѣ гадариньскѣ* (Лк. 8: 26) 'в землю Гадаринскую'.

Прилагательные имели степени сравнения — *сравнительную* и *превосходную*, но образование и особенности склонения этих форм существенно отличались от привычных нам в современном русском языке.

В старославянском языке, как и в современном русском, выделяют лексико-грамматические разряды *качественных*, *относительных* и *притяжательных* прилагательных.

§ 61. Краткие и полные формы прилагательных

Праславянский язык унаследовал из индоевропейского имя прилагательное как *лексико-синтаксическую* категорию, т. е. как *согласуемые с существительными признаковые слова*. Это были прилагательные, которые затем стали так называемыми краткими формами прилагательных. Собственно морфологически — с точки зрения системы словоизменения — существительное и (краткое) прилагательное не противопоставлялись друг другу, т. е. склонялись одинаково, хотя, строго говоря, прилагательные, вступая в согласование с существительными, оказываются противопоставлены им и морфологически (например, содержание категории рода у существительных и прилагательных различно).

Если образование лексико-синтаксической категории прилагательных принадлежит индоевропейскому языку, то оформление морфологических отличий прилагательного от существительного происходит на поздних этапах праславянской эпохи в связи с противопоставлением полных и кратких форм и завершается уже в отдельных славянских языках.

Итак, морфологическое обособление прилагательных от существительных усилилось с появлением *полных (членных, местоимен-*

ных) форм прилагательных, которые образовались в праславянском языке от исконных *кратких* (нечленных, именных) прилагательных.

Краткие (именные) прилагательные структурно не отграничены от имен существительных, и только семантика (обозначение признака) и синтаксическая функция показывают, что перед нами — существительное или прилагательное. Краткие формы прилагательных были первичными и, соответственно, были свойственны прилагательным всех разрядов: *качественным* — *звѣрь хоудъ* ‘маленький’, *врачь хытръ* ‘искусный’; *относительным* — *пѣть мирнѣ*, *печаль мирьска*, *блюдо сьребрьно*; *притяжательным* — *сынъ авраамль* ‘Авраамов, Авраама’, *домъ петровъ*, *пророчество исанино*.

Краткие прилагательные склонялись по продуктивным типам именного склонения: краткие прилагательные мужского и среднего рода — по склонению на *о, *јо, а прилагательные женского рода — по склонению на *а, *ја, т. е. *желѣзнъ* склоняется как *жъзль* ‘палка, прут’ (ср. *жезль желѣзнъ* (Евх.)), *добро* — как *жито*, *красьна* — как *дѣва* и т. д., аналогично и в мягком варианте склонения: *нищъ* склоняется как *мжжъ*, *синк* — как *морк*, *тѣща* ‘пустая’ — как *земла*.

При склонении кратких прилагательных происходят те же чередования согласных, что и при склонении имен существительных, например: *влагъ* (И. ед.), но *вlazъ* (М. ед.), *влази* (И. мн.). Особые варианты возможны у прилагательных с суффиксом -*ьск-* типа *нюдѣискъ*: в падежах, где происходила 2-я палатализация, помимо форм *нюдѣисцѣ*, *нюдѣисци*, *нюдѣисцѣхъ* возможны формы *нюдѣистѣ*, *нюдѣисти*, *нюдѣистѣхъ*.

Склонение кратких прилагательных отличалось от склонения имен существительных отсутствием звательной формы в женском и среднем роде. Вместо нее у прилагательных употреблялась форма именительного падежа: *и ты вѣдееме землк нюдова* (Мф. 2: 6 Асс., Сав.) ‘И ты, Вифлеем, земля Иудина!’. У прилагательных мужского рода употребление форм на -*ѣ* в Зв. падеже было возможно¹: *фарисею слѣпе* (Мф. 23: 26 Зогр.), *единны блаже* (Супр. 21.27; с чередованием по 1-й палатализации).

В старославянском языке можно выделить некоторые группы прилагательных, которые, как правило, употреблялись только в краткой форме, — это притяжательные прилагательные, образован-

¹ Для прилагательных мужского рода в звательном падеже более характерно употребление полных, а не кратких форм, например: *отъче праведьнии* (Ин. 17.25 Мар.), *роде невѣрныи и развращены* (Лк. 9: 41 Мар.) (в последнем примеры — стяженные полные формы).

ные с помощью праславянских суффиксов *-ov-, *-ьj, *-in-, *-ьí-, *-j- (**давидовъ, божин, мариниъ, гоподьнь, кънажь**)¹ и прилагательные с суффиксом **-ьск-** (< *-ьsk-), имеющие оттенок притяжательности (типа **иудѣискъ**).

Краткие (именные) формы образуют более древний слой, чем полные прилагательные.

Происхождение склонения полных (членных) прилагательных может быть установлено по архаическим формам старославянских памятников и по данным литовского языка, где отношения полных и кратких форм более прозрачны, чем в славянском (можно предполагать параллельное развитие).

Полная (членная) форма получалась в результате сращения именного прилагательного с формой относительно-указательного местоимения **и** (< *jь), **ѧ** (< *ja), **к** (< *je) в соответствующем роде, числе и падеже (так называемого *члена*, который функционировал как энклитика). В частности, формы **И. ед.** возникали следующим путем:

м. р. **живъ + и** (< *jь) давало форму **живъи**, где **ъ** передает напряженный редуцированный [ъ] (ст.-сл. окончание **-ъи**, фонетически [ъjъ]), восходит к праславянской форме *-ъjь);

м. р. **тъцьъ + и** (< *jь) → **тъцъи**, где **и** передает напряженный редуцированный [ъ] (ст.-сл. окончание **-и**, фонетически [ъjъ]), восходит к праславянской форме *-ъjь);

ж. р. **жива + ѧ** (< *ja) → **живаѧ**;

с. р. **живо + к** (< *je) → **живок**.

Так же образовывались и формы косвенных падежей, например:

Р. ед. м. р. живакго ← **жива** (краткая форма **Р. ед.** по склонению на **-*о**) + **кго** (**Р. ед.** местоимения **и**);

Д. ед. м. р. живоуѧмоу ← **живоу** (краткая форма **Д. ед.**) + **ѧмоу** (**Д. ед.** местоимения **и**) и т. д.

Первоначально обе формы склонялись как два разных слова. В дальнейшем могли происходить фонетические изменения, приводившие к некоторому преобразованию этих форм: интервокальный **j** исчезал, потом в возникшей группе гласных происходила ассимиляция с возможным последующим их стяжением. Так, в **И. ед. м. р.** появляются формы **живъы** (< **живъи**) и **дольѧи** (< **дольѧи**). В **Р. ед. м. р.** происходила следующая цепочка изменений: исходная форма **живакго** вследствие утраты интервокального [j]

¹ Изредка в памятниках встречаются полные формы притяжательных прилагательных: **кесареваѧ въздадите кесареви** (Мк. 12: 17 Зогр.) ‘кесарево воздайте кесарю’; **дѧъ же црь родѧ соломона утѧ оуринъѧ** (Мф. 1: 6 Асс.) ‘Давид царь родил Соломона от Уриной (= бывшей за Уриею)’, **кръвь христоваѧ** (Супр. 483.23).

и ассимиляции гласных дает форму **живааго**, которая после стяжения гласных превращалась в **живаго**. Аналогично в Д. ед. м. р.: **живоуѣмоу** > **живоуѣмоу** > **живоуоумоу** > **живоумоу**.

Подобные стяженные формы образовывались также в формах множественного и двойственного числа — **живѣхъ**, **живѣмъ**, **живѣми**, **живѣма** (соответственно **дольнихъ**, **дольнимъ** и т. д. в мягком варианте).

В очень редких случаях в старославянских памятниках встречаются формы, имеющие не фонетический характер, а возникшие в результате аналогии с местоименным склонением: Р. ед. **живаго** → **живого** (по аналогии с **того**, **оного**), Д. ед. **сваѣоумоу** → **сваѣоумоу** (по аналогии с **томоу**, **ономоу**).

В целом исконная парадигма склонения полных прилагательных в старославянском языке реконструируется следующим образом (табл. 27, 28).

Существуют разные точки зрения на происхождение полных прилагательных¹. Ряд исследователей считает, что местоимение **и**, прибавляемое к краткой форме, играло роль своеобразного *определенного артикля*, и таким образом членные формы отличались от именных значением *определенности* предмета, характеризуемого прилагательным. Эта точка зрения восходит к основоположникам научного славяноведения Й. Добровскому и А. Х. Востокову. Другие объясняют возникновение полных форм стремлением разграничить склонение существительных и прилагательных. Третьи предполагают, что возникновение полных форм связано с необходимостью разграничить определительную и предикативную функции прилагательных.

Функционирование полных и кратких форм прилагательных в старославянском языке было не таким, как в современном русском литературном языке.

Во-первых, старославянские краткие прилагательные могли выступать в качестве определения, а не только именного сказуемого, и соответственно имели склонение:

вино ново въ мѣхѣхъ новѣхъ • вѣливати (Л. 5.38 Зогр.) ‘молодое вино [*следует*] в новые мехи (= бурдюки) вливать’;

¹ Обзор различных точек зрения на проблему происхождения полных прилагательных и соотношение именных и членных форм в старославянском и древних славянских языках см.: *Толстой Н. И.* Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке (на материале евангельских кодексов) // Вопросы славянского языкознания. Вып. 2. М., 1957. С. 43—122 (перепечатано: *Толстой Н. И.* Избранные труды. Т. III: очерки по славянскому языкознанию. М., 1999. С. 52—170); см. также: *Кузнецов А. М.* Исходная система склонения прилагательных по данным древнерусской письменности XI в. // Историческая грамматика древнерусского языка. Т. IV: прилагательные / под ред. В. Б. Крысько. М., 2006. С. 70—90.

въспоіте ꙗю пѣснь новѣ (Син. 95.1) ‘воспойте Господу песнь новую’;

сѣѣи кодратѣ съ дрѣзновенимѣ великомѣ гласомѣ отѣвѣштавааше (Супр. 100.25—26) ‘святой Кондрат смело громким голосом отвечал’; здесь сѣѣи (= свѣѣи ‘тот самый, который известен как святой’) — полная форма со значением определенности (И. ед.; краткая — свѣѣтѣ), а великомѣ — краткая форма (Т. ед.; полная была бы великимѣ).

В современном русском языке краткие прилагательные не имеют форм склонения, так как выступают только в составе сказуемого¹.

Таблица 27

Склонение полных прилагательных (твердый вариант)

Падеж	М. р.	С. р.	Ж. р.
<i>Единственное число</i>			
И.	живѣи	живок	живага
Р.	живакго		живыѣ
Д.	живоуѣмоу		живѣи
В.	живѣи	живок	живѣѣ
Т.	живѣимѣ		живоѣѣ
М.	живѣѣмѣ		живѣѣи
<i>Множественное число</i>			
И.	живии	живага	живѣѣѣ
Р.	живѣиѣхѣ		
Д.	живѣимѣѣ		
В.	живѣѣѣ	живага	живѣѣѣ
Т.	живѣимѣи		
М.	живѣиѣхѣ		
<i>Двойственное число</i>			
И.-В.	живага	живѣѣи	живѣѣи
Р.-М.	живоуѣю		
Д.-Т.	живѣѣимѣѣ		

¹ Остатки древнего употребления в качестве определений сохраняются во фразеологизмах типа *на босу ногу, среди бела дня* и т. п., а также в так называемых *усеченных* формах прилагательных, которые исторически не являются прямым продолжением древних славянских кратких прилагательных, а представляют собой искусственные образования уже от полных форм в литературном, прежде всего поэтическом, языке XVIII — начала XIX в.: ср. «Поля покрыла *мрачна* ночь...» (М. Ломоносов; усеченное прилагательное в функции определения) — «*Душа моя мрачнѣ*...» (М. Лермонтов; краткое прилагательное в функции сказуемого).

Склонение полных прилагательных (мягкий вариант)

Падеж	М. р.	С. р.	Ж. р.
<i>Единственное число</i>			
И.	дольѣни	дольнѣк	дольнѣга
Р.	дольнѣкго		дольнѣѣ
Д.	дольнѣкмоу		дольнѣни
В.	дольѣни	дольнѣк	дольнѣѣ
Т.	дольнѣнимь		дольнѣѣ
М.	дольнѣнимь		дольнѣни
<i>Множественное число</i>			
И.	дольѣни	дольнѣга	дольнѣѣ
Р.	дольнѣнихъ		
Д.	дольнѣнимъ		
В.	дольнѣѣ	дольнѣга	дольнѣѣ
Т.	дольнѣними		
М.	дольнѣнихъ		
<i>Двойственное число</i>			
И.-В.	дольнѣга	дольнѣни	дольнѣни
Р.-М.	дольнѣю		
Д.-Т.	дольнѣнима		

Во-вторых, в составе сказуемого в старославянском языке употреблялись только краткие формы: ср. онъ же слышавъ се • прискръ-внъ бѣстъ • вѣ во богатъ зѣло (Лк. 18: 23 Сав.) ‘он же, услышав это, стал печален, потому что был очень богат’. В современном русском языке полные формы в сказуемом возможны: ср. *Этот случай весьма прискорбный. Он богатый.*

В-третьих, в современном русском языке относительные прилагательные существуют только в полной форме — это один из основных грамматических признаков, отличающих их от качественных, тогда как в старославянском языке относительные прилагательные могли иметь не только полную, но и краткую форму:

дадите ми млатъ желѣзнъ (Супр. 27.25) ‘дайте мне молот железный’;

бѣ же тоу водоносѣ камѣнѣ шесть лежаштѣ • по очищению иудейскоу (Ин. 2: 6 Мар.) ‘было же тут водоносов каменных шесть, стоявших по обычаю очищения иудейского’ (краткие формы относительных прилагательных: **камѣнѣ** — Р. мн., **иудейскоу** — Д. ед.).

§ 62. Степени сравнения прилагательных

Сравнительная степень, будучи определением к существительному, в старославянском языке согласовывалась с ним в роде, числе и падеже, т. е. склонялась: **домѣ новѣи** (И. ед.), **домоу новѣиша** (Р. ед.), **домове новѣише** (И. мн.) и т. д.

Формы сравнительной степени образовывались при помощи двух суффиксов: **-ѣи(ш)-** (*-ě-jьš-) и **-(j)ь(ш)-** (*-jьš-): ср. Р. ед. **новѣиша** и **лоучьша**.

Продуктивным был суффикс **-ѣиш-**, который восходит к праславянскому *-ějis(j)-, где второй j, очевидно, из основы склонения существительного (на *jo, *ja), по типу которого эти формы склонялись.

С помощью суффикса **-ѣиш-** образовывалась сравнительная степень у некоторых непроизводных (первообразных) прилагательных (среди них — **славѣ**, **юнѣ**, **чистѣ**, **скорѣ**, **млѣ**, **старѣ**, **плѣнѣ**, **простѣ**, **прѣвѣ** и др.), и у большинства производных прилагательных (**влажнѣ**, **покоинѣ**, **свѣтъль**, **весель**, **грѣшьнѣ**, **ветѣхѣ**, **больнѣ**, **оубогѣ** и др.), включая страдательные причастия (**сѣврѣшенѣ**), которые по происхождению были отглагольными прилагательными. Выбор того или иного суффикса сравнительной степени у первообразных прилагательных первоначально, видимо, зависел от интонации — восходящей или нисходящей — корневого гласного, суффикс **-ѣиш-** использовался в прилагательных с восходящей интонацией корня и **-ьш-** — в прилагательных с нисходящей корневой интонацией¹. Однако в старославянском языке от некоторых прилагательных представлена сравнительная степень с обоими суффиксами: ср. **люштинѣ** и **лютѣи** от **лютѣ** ‘жестокий, страшный’.

Особого комментария требует образование форм И. ед. У прилагательных мужского рода отпадал конечный согласный суффикса (по закону открытого слога, поскольку в качестве окончания

¹ Селищев А. М. Старославянский язык. Ч. 2. М., 1952. С. 132—138; см. также: Дыбо В. А. Правило Селищева — Вайана в праславянском // Отцы и дети Московской лингвистической школы: памяти Владимира Николаевича Сидорова. М., 2004. С. 192—205.

здесь тоже исконно выступал согласный) — *slābējis > **слабѣи**, *jaunējis > **юнѣи**. У прилагательных среднего рода в И. и В. п. ед. также отпадал конечный согласный суффикса, но в качестве варианта суффикса в этих формах выступал вариант **-ѣк(ш)**- (т. е. /ĕje/, а не /ĕjъ/), поэтому этот падеж представлен формами **слабѣк**, **юнѣк** (а не **слабѣи**, **юнѣи**). В И. ед. ж. р. суффикс проявлялся целиком, однако окончание было **-и** — **слабѣиши**, **юнѣиши** (по типу таких слов склонения на *-ja, как **равѣни**). Таким образом, И. ед. сравнительной степени выглядел следующим образом:

скорѣ — м. р. **скорѣи**, с. р. **скорѣк**, ж. р. **скорѣиши**;

новѣ — м. р. **новѣи**, с. р. **новѣк**, ж. р. **новѣиши**;

силнѣ — м. р. **силнѣи**, с. р. **силнѣк**, ж. р. **силнѣиши**.

В прилагательных, основа которых заканчивалась на заднеязычный, при образовании сравнительной степени перед **ѣ** суффикса происходило чередование (в соответствии с условиями 1-й палатализации и последующим переходом *ĕ > ā): **кротѣчани**, **-ак**, **-аиши** от **кротѣкъ**; **мъножан**, **-ак**, **-аиши** от **мъногѣ**.

Сравнительная степень с суффиксом **-(j)ьш-** из посл. *-jъs(j)- (в формах И.-В. ед. с. р. *-jes(j)-) образовывалась у следующих групп прилагательных.

1. У прилагательных со значениями *большой, маленький, плохой, хороший*, у которых сравнительная степень образовывалась от супплетивной основы:

волни, **волк**, **волѣши** (от **великъ**, **велии**);

ващии, **ваще**, **ващѣши** (от **мъногѣ**);

мьѣни, **мьѣк**, **мьѣиши** (от **малѣ**);

лоуѣни, **лоуѣе**, **лоуѣиши**; **оуѣни**, **оуѣк**, **оуѣиши**; **соуѣни**/**-ѣи**,

соуѣк, **соуѣиши** (от **благѣ**, **добрѣ**);

горѣни, **горѣк**, **горѣиши** (от **зълѣ**).

2. У некоторых первичных (непроизводных) прилагательных, среди них:

гжѣни, **гжѣе**, **гжѣиши** (от **гжстѣ**);

гржѣни, **гржѣк**, **гржѣиши** (от **гржѣѣ**);

лиѣни, **лиѣе**, **лиѣиши** (от **лихѣ**);

хоуѣни, **хоуѣе**, **хоуѣиши** (от **хоуѣѣ**) и некоторые другие.

3. У прилагательных с суффиксами **-ѣк-**, **-ок-**, **-ѣк-** (при образовании сравнительной степени от этих прилагательных происходило усечение основы, т. е. «выпадение» суффикса):

крѣпѣни, **крѣпѣк**, **крѣпѣиши** (от **крѣпѣкъ**);

слаждѣни, **слаждѣк**, **слаждѣиши** (от **слаждѣкъ**);

вѣѣни, **вѣѣе**, **вѣѣиши** (от **вѣѣкъ**).

Как видно из приведенных выше примеров, при образовании этих форм в основе прилагательного происходило чередование

согласных, вызванное изменением в сочетании с *j: п/п̄л, с/ш, д/жд, х/ш, ст/шт, р/р̄ и т. д.

Формы И. ед. у прилагательных мужского и среднего рода и в этом случае были особыми: в мужском роде не проявляется ш, но вместо ожидаемых форм на -ь (***вольь**, ***мьньь**) в старославянских текстах зафиксированы уже только формы с добавлением и — **волин**, **мьнин** (возможно, под влиянием продуктивных форм на -**ѣи**). В формах И.-В. ед. с. р. в суффиксе был не редуцированный, а -е, поэтому после отпадения конечного согласного получилась форма **волк**, **мьнк**. В И. ед. ж. р. так же, как и в формах на -**ѣиши**, суффикс сохранялся целиком и в качестве окончания выступал -и — **вольши**, **мьньши**.

С точки зрения происхождения первичным был суффикс *-jis(j)-, который, очевидно, был унаследован праславянским языком из индоевропейского: в латинском языке суффиксом сравнительной степени был *-jus (<*-jos). Суффикс *-ējis(j)- получился из *-jis(j) посредством присоединения гласного *ē. Суффикс -**ѣиш-** был продуктивным в старославянском языке, поэтому формы с ним появляются и от прилагательных, первоначально образующих сравнительную степень с помощью суффикса -(j)ъш-, например: **горьчѣи** (вместо **горѣи** от **горькъ**), **высочѣи** (наряду с **вышии** от **высокъ**), **мъножан** (наряду с **ващии** от **мъногъ**), **величѣи** (наряду с **волин** от **великъ**).

Краткие формы прилагательных в сравнительной степени склонялись в целом по именному склонению (на *-jo, *-ja), но с некоторыми особенностями, из которых отметим следующие:

1) наличие особых форм в И. и В. ед. у прилагательных м. и с. рода (см. выше);

2) И. ед. прилагательных ж. р. имел окончание -и (по типу **равѣи**);

3) И. мн. у прилагательных м. р. имел окончание -е (как в склонении на согласный; такое же окончание встречается и в склонении причастий действительного залога);

4) формы И. и В. ед. с. р. **выше**, **волк** часто употреблялись в качестве наречий, поэтому в старославянском языке возникает новая форма сравнительной степени прилагательного — **вышьше**, **вольше**, в которой суффикс проявляется полностью по аналогии с формами других падежей.

Древнеславянские памятники иногда отражают формы сравнительной степени от имен существительных и местоимений: **вѣжжѣи ѿсѣи** и **никодѣи** • **въстѣ во прѣжде херувимъ херувимѣиша бога въ себѣ носашѣ** (Супр. 458.5) ‘восхваляю Иосифа и Никодима, ибо они стали давно херувимов «херувимее», Бога в себенося’;

всѣкъ члвкъ прѣжде добре вино полагаатъ • егда оупиѣтъ са тогда тачѣ¹ (Ин. 2: 10 Мар.) ‘всякий человек сперва хорошее вино выставляет, а когда напьются, тогда худшее’. В большинстве случаев сравнительная степень такого типа соответствует греческому компаративу².

Таблица 29

Склонение сравнительной степени прилагательных типа новѣи

Падеж	М. р.	С. р.	Ж. р.
<i>Единственное число</i>			
И.	новѣи	новѣк	новѣиши
Р.	новѣиша		новѣиша
Д.	новѣишю		новѣиши
В.	новѣи	новѣк	новѣишж
Т.	новѣишемь		новѣишеж
М.	новѣиши		новѣиши
<i>Множественное число</i>			
И.	новѣише	новѣиша	новѣиша
Р.	новѣишь		
Д.	новѣишемь		
В.	новѣиша	новѣиша	новѣиша
Т.	новѣиши		
М.	новѣишихъ		
<i>Двойственное число</i>			
И.-В.	новѣиша	новѣиши	новѣиши
Р.-М.	новѣишю		
Д.-Т.	новѣишема		

¹ От местоимения такъ ‘такой’.

² Сходные образования отмечаются в русских говорах: ср. *бережее* ‘ближе к берегу’, *скотее*, *зверее* от *берег*, *скот*, *зверь* и т. п.

Склонение сравнительной степени прилагательных типа *лоучини*

Падеж	М. р.	С. р.	Ж. р.
<i>Единственное число</i>			
И.	лоучини	лоуче	лоучьши
Р.	лоучьша		лоучьша
Д.	лоучьшо		лоучьши
В.	лоучини	лоуче	лоучьшж
Т.	лоучьшемь		лоучьшемь
М.	лоучьши		лоучьши
<i>Множественное число</i>			
И.	лоучьше	лоучьша	лоучьша
Р.	лоучьшь		
Д.	лоучьшемь		
В.	лоучьша	лоучьша	лоучьша
Т.	лоучьши		
М.	лоучьшихъ		
<i>Двойственное число</i>			
И.-В.	лоучьша	лоучьши	лоучьши
Р.-М.	лоучьшо		
Д.-Т.	лоучьшема		

Полные формы сравнительной степени образуются, как и полные формы положительной степени (см. § 61). Отдельного комментария заслуживают несколько падежных форм:

1) в И. и В. ед. м. р. полная форма совпадает с краткой (*волин* — *волин*);

2) И. ед. с. р. имеет форму *волкк*, что закономерно, поскольку краткая форма была *волк* и к ней прибавлялось *к* (форма И. ед. ср. рода указательного местоимения *и*);

3) И. ед. ж. р. также получает закономерную в данном случае форму *вольшина*;

4) И. мн. полных прилагательных м. р. имеет окончание *-еи*, что тоже закономерно, поскольку в этом падеже окончание краткой формы было *-е*.

Превосходная степень в старославянском языке не имела особых морфологических форм выражения. Значение превосходной степени могло передаваться, с одной стороны, аналитическими конструкциями: сравнительная степень + Р. мн. определительного местоимения **вѣсѣхъ**, например **вѣсѣхъ мѣнии**, **кротѣчи вѣсѣхъ**.

С другой стороны, значение превосходной степени могло выражаться посредством наречий **зѣло**, **вельми** — **на горѣ вѣсокѣ зѣло** (Мф. 4: 8 Зогр., Асс., Сав.).

Также для передачи значения превосходной степени могли использоваться приставки **прѣ-** (**прѣвеликъ**, **прѣсватъ**, **прѣподовьнъ**, **прѣмждръ**) и **наи-**, последняя усиливала значение сравнительной степени (**наискорѣк**, **наиваштѣ**).

§ 63. Имя числительное

Система счисления в славянских языках была десятичной, а числительные в старославянском языке представляли собой строго упорядоченную и сформировавшуюся систему количественных и порядковых числительных, которая вполне заслуживает того, чтобы считать ее особой частью речи — такое положение имело место уже и в индоевропейском праязыке. Обозначая цифры и числа, числительные выступали в *счетной* и *количественной* функциях. В счетной функции числительные неизменяемы (**ѣдинъ** ‘1’, **дѣва** ‘2’ ... **пять** ‘5’ ... **десать** ‘10’, **ѣдинъ на десате** ‘11’, **дѣва на десате** ‘12’ ... **двѣ десати** ‘20’, **дѣвѣ десати и ѣдинъ** ‘21’ ... **стѣто** ‘100’, **стѣто и ѣдинъ** ‘101’ ...), а в количественной функции они образуют особые конструкции с существительными, характеризующиеся весьма специфическими морфологическими и синтаксическими отношениями (см. § 64, 66).

Однако в славистике широко распространен и другой подход к частеречному статусу древнеславянских числительных. На основании того, что числительные изменялись по падежам, а некоторые также и по родам, т. е. их грамматические характеристики пересекались с характеристиками других частей речи — существительных, прилагательных и местоимений, многие слависты относят одни числительные (**дѣва**, **трик**, **четыре**) к прилагательным, а другие — к существительным (**пять**, **шесть** и т. д.). При этом, характеризуя частеречную принадлежность числительных старославянского языка, они зачастую относят их не к особой части речи, а считают лишь *словами с числовым значением* или *словами, обозначающими числа*¹.

¹ Критику такого подхода см. в кн.: *Жолобов О. Ф.* Историческая грамматика древнерусского языка. Т. IV: числительные. М., 2006. С. 12—38.

редуцированных), которая, очевидно, уже тогда была свойственна разговорному языку. Числительное *edīnъ развивало в праславянском языке новые значения: 1) ‘некто, некий’, 2) ‘единый, общий’ и др. Таким образом, в старославянском языке **ѣдинъ** фактически было многозначным словом. Употребляясь в функции неопределенного местоимения в значении ‘некий, некоторый’, оно могло получать формы множественного числа: **ѣдини отъ стоѣщихъ съде** (Мар.) ‘некоторые из стоящих здесь’. Слово **ѣдинъ** употреблялось также в значении ‘единый, общий’, и в этом случае могли возникать *полные* формы (как у прилагательного): **ѣдинаго бѣа** (Ин.5:44 Мар.) ‘единого Бога’, **ѣдиное сїиіе** (Евх.84б13) ‘общее спасение’.

Числительное **дѣва** и близкое ему по значению местоимение **оба** ‘оба, тот и другой’ имели по две формы рода: **дѣва, оба** м. и **дѣвѣ, обѣ** ж./с. Местоимение **оба** не могло заменять числительное **дѣва** в счетной функции, а в количественной сохраняло местоименную семантику: **авіе цѣлоуетъ пїѣ оба брата** (Евх. 11а 2—3) ‘тотчас целует поп обоих братьев (= того и другого брата)’; **вѣѣма же на десѣте аполома • імена сжтѣ си** (Мф. 10: 2 Зогр.) ‘(всех) двенадцати апостолов имена суть сии...’. Отнесение старославянского местоимения **оба** к числительным традиционно и объясняется тем, что морфосинтаксические характеристики **дѣва** и **оба** совпадают: в частности, склонялись они по местоименному склонению, причем, естественно, только в двойственном числе.

Таблица 31

Простые количественные числительные

	М. р.	Ж. р.	С. р.	Тип склонения
‘1’	ѣдинъ	ѣдина	ѣдино	местоименное склонение
‘2’	дѣва	дѣвѣ	дѣвѣ	местоименное в дв.
‘3’	трик	три	три	на *i во мн.
‘4’	четыре	четыри	четыри	на согласный во мн.
‘5’	пѣть			на *i в ед.
‘6’	шестъ			
‘7’	седмь			
‘8’	осмь			
‘9’	девятъ			
‘10’	десѣтъ			на согласный во всех числах
‘100’			сѣто	на *o во всех числах
‘1000’		тѣсѣци/ тѣсѣци		на *ja (как равѣиіи)

Таблица 32

Склонение числительного '2' и местоимения 'оба'

Падеж	М. р.	Ж. р. / С. р.
И.-В.	дѣва, оба	дѣвѣ, обѣ
Р.-М.	дѣвою, обою	
Д.-Т.	дѣвѣма, обѣма	

Таблица 33

Склонение числительных '3' и '4'

Падеж	М. р.	Ж. р. / С. р.	М. р.	Ж. р. / С. р.
И.	триѣ	три	четыре	четыри
Р.	трини		четырь	
Д.	трѣмъ		четырьмъ	
В.	три		четыри	
Т.	трѣми		четырьми	
М.	трѣхъ		четырьхъ	

Таблица 34

Склонение числительных '5' и '10'

Падеж	Ед. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
И.	пять	десать	десате	десати
Р.	пяти	десате, -и	десать	десатоу
Д.	пяти	десати	десатьмъ	десатьма
В.	пять	десать	десати	десати
Т.	пятиѣ, -ыѣ	десатиѣ, -ыѣ	десаты	десатьма
М.	пяти	десате, -и	десатьхъ	десатоу

Числительные **триѣ** и **четыре** тоже имели только две формы рода (форме м. р. противостояла форма ж./ср.) и, естественно, только формы множественного числа, но относились они к разным типам склонения: **триѣ** склонялось как существительные с древней основой на *i, а **четыре** — на согласный.

В ряде падежей возможны графические варианты, связанные с судьбой и особенностями передачи редуцированных, в частности: **трѣѣ** и **трѣи** в И. и Р. (на месте напряженного ѣ); **трѣмъ**, **четыремъ**, **трѣхъ**, **четырехъ** — в Д. и М. (на месте ѣ в сильной позиции).

Числительное **дѣсать** первоначально склонялось как существительное мужского рода с основой на согласный, однако постепенно переходило, очевидно под влиянием числительных типа **пять**, в женский род и тип склонения на *i, на что указывают форма Т. ед. и вариантыные окончания Р. и М. ед.

Как уже было указано, числительные от '1' до '4' *согласовывались* с существительными в роде и падеже (и, выражая лексически число предметов, обозначенных существительным, как бы «задавали» ему число — так, при числительном '2' использовались формы двойственного числа, а при числительных '3' и '4' — формы множественного числа), а числительные от '5' до '10' *управляли* Р. существительного во множественном числе.

И. ед.	ѣдинъ дроугъ	ѣдина жена	ѣдино село
И. дв.	дѣва дроуга	дѣвъ женѣ	дѣвъ селѣ
И. мн.	триѣ дроугзи	три жены	три села
И. мн.	четыре дроугзи	четыри жены	четыри села
Р. мн.	пять дроугъ	пять женѣ	пять селѣ

При склонении сочетаний числительных от '1' до '4' с существительными меняются обе части словосочетания (**дѣвою дроугоу**, **дѣвъѣма дроугома**), а в сочетаниях с '5' до '10' склоняется только управляющее существительным числительное (**пяти дроугъ**, **пятиѣ дроугъ**).

Образование и изменение всех остальных числительных было основано на указанных выше особенностях употребления числительных от '1' до '10'. В частности, числительные от '11' до '19' состояли из двух частей: названия единицы, прибавляемой к десятку, и самого десятка; вторая часть (название десятка) представляет собой застывшую форму М. ед. с предлогом **на**:

- '11' **ѣдинъ на дѣсате**¹
- '12' **дѣва (дѣвъ) на дѣсате оба (обѣ) на дѣсате**
- '13' **триѣ (три) на дѣсате**
- '14' **четыре (четыри) на дѣсате**
- '15' **пять на дѣсате** и т. д.

В этих числительных изменялась только первая часть (сочетание **на дѣсате** оставалось неизменным): например, **ѣдиноѣго на дѣсате** (Р.), **дѣвою на дѣсате** (Р.-М.) и т. п.

То, в какой форме употреблялось существительное, относившееся к этим числительным, также зависело от первой части: от '11' до '14' имело место согласование, а от '15' до '19' — управление: **испѣлниша дѣва на дѣсате коша оукроухъ** (Лк. 9: 17 Зогр.)

¹ В памятниках в данном случае иногда встречаются полные формы числительного **ѣдинъ**: **ѣдинъѣ же на дѣсате оученикъ ѣдоша въ галилеѣ** (Мф. 28:16 Зогр.), 'одиннадцать же учеников пошли в Галилею', **въ ѣдинъѣ же на дѣсате годинъѣ** (Мф. 20:6 Мар.) 'в одиннадцатом часу'.

‘наполнили 12 корзин кусками’(коша В. дв.; кошъ м. ‘корзина’), **шесть на десате лѣтъ** (Р. мн.) (Супр. 227.11) ‘шестнадцать лет’.

Числительные от ‘20’ до ‘90’ представляют собой названия десятков, при этом составные формы строятся на указанных ранее закономерностях (напомним, что **десать** было числительным мужского рода, склонявшимся по типу на согласный):

‘20’ **дѣва** (м.) **десати** — **десать** стоит в форме И. дв.

‘30’ **трик** (м.) **десате** — **десать** стоит в форме И. мн.

‘40’ **четыре** (м.) **десате** — **десать** стоит в форме И. мн.

‘50’ **пять десатъ** — **десать** стоит в форме Р. мн. и т. д.

При склонении числительных ‘20’, ‘30’, ‘40’ имеет место согласование (меняются обе части): **съ дѣвѣма десатѣма** (Т. дв.), **трѣмъ десатѣмъ** (Д. мн.), **четырма десатты** (Т. мн.). У числительных от ‘50’ до ‘90’ меняется только первая часть: **къ пяти десатъ** (Д.), **пятиѣ десатъ** (Т.), **о пяти десатъ** (М.).

Числительные ‘50’—‘90’ всегда управляют Р. мн. относящегося к ним существительного: **пять десатъ сѣребрникъ** (Р. мн.), **пяти десатъ сѣребрникъ**, **пятиѣ десатъ сѣребрникъ**. Числительные ‘20’, ‘30’, ‘40’ в И. и В., как правило, управляют существительным (т. е. требуют Р. мн., как и числительные ‘50’—‘90’): **три десате сѣребрникъ** (Р. мн.). В остальных падежах обычно наблюдается согласование, представляющее собой инновацию: **въ четырехъ десатехъ лѣтѣхъ** (М. мн.) (Супр.210.15—16). Однако в отдельных случаях сохранялось управление (в частности, под влиянием конструкций с числительными ‘50’—‘90’): **трѣмъ десатѣмъ лѣтъ** (Р. мн.) (Лк. 3: 23 Мар.).

В составных числительных типа ‘21’, ‘22’, ‘25’ существительное соотносится со словом, обозначающим единицы (ср. в современном русском языке *двадцать один дом*, но *двадцать пять домов*).

Числительное **съто** склонялось как существительные среднего рода типа склонения на *о. Числительные ‘200’—‘900’ образовывались, подобно числительным, обозначающим десятки (‘20’—‘90’), исходя из грамматических особенностей слова, обозначающего количество сотен, причем числительные ‘200’—‘400’ строятся на согласовании, а ‘500’—‘900’ — на управлении:

‘200’ **дѣвѣ** (ср.) **сътъ** — **съто** стоит в форме И. дв.

‘300’ **три** (ср.) **съта** — **съто** стоит в форме И. мн.

‘400’ **четыри** (ср.) **съта** — **съто** стоит в форме И. мн.

‘500’ **пять сътъ** — **съто** стоит в форме Р. мн. и т. д.

При склонении числительных ‘200’, ‘300’, ‘400’ менялись обе формы (дѣвою **сътоу** Р. дв., дѣвѣма **сътома** Д. дв., **трии сътъ** Р. мн., **трѣмъ сътомъ** Д. мн. и т. д.), при склонении числительных ‘500’—‘900’ менялась только первая часть (**пяти сътъ** Р., Д. и М., **пятиѣ сътъ** Т.).

Числительные ‘500’—‘900’ во всех падежах управляли Р. мн. существительного: **пѣтиѡъ сътъ сърѣврѣникъ** (Супр. 390.22—23) ‘пятьюстами сребреников’. Числительные ‘200’, ‘300’, ‘400’ в И. и В. управляли Р. мн. существительного, но в остальных падежах согласовывались с ним: **дѣвѣ сътъѣ** (И.-В. дв.) **лакть** (Р. мн.) (Ин. 21: 8 Мар.) ‘двести локтей’, но **трѣмъ сътомъ съцѣни динаремъ** (Д. мн.) (Супр. 425.2)¹ ‘оценил в триста динариев’.

Числительное ‘1000’ в старославянском языке имело варианты **тысѡжи** и **тысѡци** и склонялось как существительные ж. р. склонения на *jā (по типу **равѣни**). В некоторых рукописях представлены оба варианта — **тысѡжи** и **тысѡци** с преобладанием первого, который, очевидно, имел западноболгарское (македонское) происхождение, но характерен также для сербского церковнославянского языка, в то время как вариант **тысѡци** — восточноболгарский и характерен для русского церковнославянского².

Конструкции составных числительных с **тысѡжи** образуются так же, как и числительные со значением десятков и сотен: у ‘2000’—‘4000’ — согласование, а у ‘5000’—‘9000’ — управление:

‘2000’ **дѣвѣ** (ж.) **тысѡжи** — **тысѡжи** стоит в форме И. дв.

‘3000’ **три** (ж.) **тысѡѡа** — **тысѡжи** стоит в форме И. мн.

‘4000’ **четыри** (ж.) **тысѡѡа** — **тысѡжи** стоит в форме И. мн.

‘5000’ **пѣтъ тысѡѡъ** — **тысѡжи** стоит в форме Р. мн. и т. д.

В числительных ‘2000’—‘4000’ при склонении изменяются обе части, например: **дѣвѣма тысѡѡама** (Д.-Т.); в числительных ‘5000’—‘9000’ — только первая часть: **пѣти тысѡѡъ** (Р., Д., М.).

К числительным в старославянском языке примыкало слово для передачи ‘10 000’ — существительное ж. р. (склонение на *ā) **тъма** (у него был омоним **тъма** ‘мрак, темнота’): **длъжьникъ... тъмоѡъ талантъ** (Мф. 18: 24 Мар.) (в этом значении могло также употребляться и сочетание **дѣсѣтъ тысѡѡъ**) ‘который был должен 10 000 талантов’. Слово **тъма** наряду с **несѣвѣда** могло обозначать и ‘бесчисленное множество’: **тъмѡ имамъ добрыхъ дѣлъ** (Клоц. 96.15) ‘у нас бесчисленное множество благих дел’; **несѣвѣдами покмѡа пѣнникы** (Супр. 291.29—30) ‘захватывая бесчисленное множество пленников’.

В старославянском языке отсутствовали слова для передачи количества, превышающего ‘10 000’. Выражение больших чисел было возможно посредством сочетания имеющихся слов. Например, значение ‘1 000 000’ могло передаваться сочетанием **съто тъмъ**.

При передаче составных числительных, в составе которых были десятки и единицы (или сотни, десятки и единицы), между частя-

¹ Однако и в этом случае в текстах уже есть формы с управлением **дѣвѣма сътома** (Д.) **пѣназь** (Р. мн.) (Мк. 6: 37) ‘двумстам динариям (монетам)’.

² *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. С. 188.

ми ставился сочинительный союз **и** или **ти** (последний реже, в Супр.): **по девати сътъ и три десати лѣтъхъ** ‘по прошествии 930 лет’; **до осми десатъ и четырь лѣтъ** ‘84’; **числомъ четыри десати • ти шесть** ‘46’. Для числительных от ‘20’ до ‘30’ был возможен оборот типа **пять между десатма** ‘25’ наряду с **дѣва десати и пять** (аналогично **четыре между десатма** ‘24’ и т. п.).

Приблизительное количество в старославянских текстах могло обозначаться синтаксическими средствами при помощи слова **яко**: ср. **прѣвѣстъ же мариѣ съ ѿеж • ѣко три мѣца** (Зогр.) ‘пребыла же Мария с нею около трех месяцев’.

Следует иметь в виду, что в старославянских текстах числа часто передавались посредством букв, в этом случае над буквой или группой букв стоял надстрочный знак — титло, а при буквах в числовом значении, как правило, были отточия, например: **• а̄** передавало ‘1’ **кдинъ**, **• і̄** — ‘10’ **десатъ**, **• а̄і̄** — ‘11’ **кдинъ на десате**, **• ка̄** — ‘21’ **дѣва десати и кдинъ** и т. д.

§ 65. Происхождение и эволюция количественных числительных

Старославянские числительные восходят к праиндоевропейским формам.

кдинъ — к и.-е. *oino- (видимо, через промежуточное *eino-) восходит компонент **-ин-** со значением ‘1’: греч. οἰνῆ, лат. ūnus (< др.-лат. oīnos), др.-прус. ains, гот. ains; и.-е. основа полностью сохранилась в кальках с греческого типа **инорогъ** ‘единорог’ < греч. μονόκερος. Этот компонент был осложнен местоименной частицей *ed.

дѣва — из и.-е. *duwo/*dwō: скр. d(u)vā, греч. δύο, лат. duo, гот. twai, лит. dū.

трик — из и.-е. *treyes: скр. trayas, греч. ат. τρεῖς, лат. trēs, лит. trys, гот. þreis.

четыре — из и.-е. *k^wetwores: скр. čatvāras, греч. τέτταρες, лат. quattuor, лит. ketur-i, гот. fidwōr.

пять — из и.-е. *penk^we: скр. pañča, греч. πέντε/πέμπτε, лат. quinque, лит. penki, гот. fimf.

шесть — из и.-е. *s(w)ek^s: скр. ṣaṣ-, греч. ἕξ, лат. sex, лит. šeši, гот. saihš.

сѣдмь — из и.-е. *septm̥: скр. saptá, греч. ἑπτά, лат. septem, гот. sibun (звонкое **д**, возможно, под влиянием основы порядкового числительного — ср. греч. ἑβδόμος).

осмь — из и.-е. *ok^tō: скр. aṣṭā, греч. ὀκτώ, лат. octō, лит. aštuoni, гот. ahtau.

девять — из и.-е. *newn̥: скр. náva, греч. ἐννέα, лат. novem, гот. niun, лит. devyni. Начальное **д** возникло, очевидно, при диссими-

ляции двух носовых и под влиянием следующего числительного со значением '10'.

ДЕСАТЬ — из и.-е. *dek'mt, скр. dáša, греч. δέκα, лат. decem, лит. dēšimt, гот. taihun.

Для двух последних числительных в соответствии с и.-е. формами ожидалось бы закономерные (пра)славянские формы **ДЕВА** и **ДЕСА** типа склонения на согласный (*nt), которые отмечаются в восточнославянских церковнославянских (и древнерусских) памятниках: **ПО ТРЪХЪ ДЕСАХЪ ДНЬХЪ** (М. мн.; Служебная минея 1096 г., л. 55а), **ПОПРИЦЮ ДЪВОЮ НА ДЕСА ЛАВРА ЕСТЬ** (В. ед., Патерик Синайский XI в., л. 36) и др.¹ Новые формы **ДЕВАТЬ** и **ДЕСАТЬ**, с переходом в ж. р., появились под влиянием числительных **ПАТЬ**, **ШЕСТЬ**, **СЕДМЬ**, **ОСМЬ**.

Позднепраславянская и старославянская система количественных числительных была разнородной в морфологическом и синтаксическом отношениях и уже в старший период стала подвергаться изменениям, которые отражали тенденцию к сращению составных числительных в единые грамматические единицы:

— у числительных со значением '20', '30', '40' в связи с этим началась утрата склонения: **БЪАХЪ ВО ВЪ ШИРОТЪ ПАТИ ЛАКЪТЪ • А ВЪ ДЪГОТЪ ДЪВА ДЕСАТИ ТИ ПАТИ ЛАКЪТЪ** (Супр. 230.11) 'были же шириной в 5 локтей, а длиной в 25 локтей' вместо Р. дв. **ДЪВОЮ ДЕСАТОУ**; **ПО ДЕВАТИ СЪТЪ И ТРИ ДЕСАТИ ЛЪТЪХЪ** (Супр. 9.24—25) 'спустя 930' вместо М. мн. **ТРЪХЪ ДЕСАТЬХЪ**;

— в некоторых случаях склонялись, напротив, только обозначения десятков, а обозначения единиц оставались в И.: **ДЕВАТИ ДЕСАТЬ І ДЕВАТЬ** (вместо **ДЕВАТИ** в Р.);

— у числительных со значением '12', '13', '14' утрачивается согласование с названием единиц, и числительное целиком управляет Р. мн. Так, уже в старославянских текстах проявляется тенденция к функционированию числительного типа '12' как простого числительного, управляющего (как и числительные '15'—'19') Р. мн.: ср. **КОШЪ ВІ** ' = кошъ дъва на десате ' (Мар.) вместо **КОША**; **ЛЪТЪ ДЪВЪ НА ДЕСАТЕ** (Мар., Зогр.) вместо **ЛЪТЪ**; **РОДЪ ДІ** ' = родъ четъуре на десате ' вместо **РОДИ**. Процесс сращения составного числительного сопровождался утратой согласования в роде: ср. **КОШЪ ВІ** ' = кошъ дъва на десате ' (Лк. 9: 17 Мар.) вместо **КОША** 'двенадцать корзин'; **ЛЪТЪ ДЪВЪ НА ДЕСАТЕ** (Мк. 5: 25 Мар., Зогр.) вместо **ЛЪТЪ** 'двенадцать лет'; **РОДЪ ДІ**; ' = родъ четъуре на десате ' (Мф. 1: 17 Сав.) вместо **РОДИ** 'четырнадцать родов'. Процесс сращения составного числительного сопровождался утратой согласования в роде: ср. **ДЪВА НА ДЕСАТЕ ЗЛАТИЦЪ** (Супр. 122.10) вместо **ДЪВЪ**

¹ Жолобов О. Ф. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. IV. С. 126—128.

на десѣте златици '12 золотых монет' (златица 'золотая монета' — сущ. ж. р.).

§ 66. Порядковые числительные

В текстах старославянского языка отмечены следующие порядковые числительные:

- '1-й' прѣвѣи,
- '2-й' вѣторѣи,
- '3-й' третѣи,
- '4-й' четвѣрѣи,
- '5-й' пѣтѣи,
- '6-й' шестѣи,
- '7-й' седмѣи,
- '8-й' осмѣи,
- '9-й' девѣтѣи,
- '10-й' десѣтѣи,
- '11-й' кѣдинѣи на десѣте, кѣдинѣна десѣтѣи,
- '12-й' вѣторѣи на десѣте,
- '13-й' третѣи на десѣте и т. д.,
- '18-й' осмѣи на десѣте, осмонѣ десѣтѣи,
- '19-й' девѣтѣи на десѣте, девѣтѣна десѣтѣи,
- '20-й' дѣвѣдѣсѣтѣи, дѣвѣдѣсѣтѣи и т. д.,
- '50-й' пѣтѣдѣсѣтѣи и т. д.,
- '100-й' стѣи и т. д.,
- '500-й' пѣтѣстѣи и т. д.,
- '1000-й' тѣи.

Числительное прѣвѣи образовывало сравнительную степень: прѣвѣи (-ѣиши, -ѣи).

Наибольшее количество возможных вариантов дают порядковые числительные от '11-й' до '19-й', иногда восстанавливают¹ до трех форм, как то: кѣдинѣи на десѣте = кѣдинѣна десѣтѣи = прѣвѣи на десѣте для '11-й', вѣторѣи на десѣте = дѣвѣна десѣтѣи = дѣвѣна десѣтѣи для '12-й' и т. д.). У порядковых числительных начиная с дѣвѣдѣсѣтѣи '20-й' формы образовывались регулярным образом посредством прибавления суффикса -ѣи. Числительное '20-й' могло образовывать формы от двух основ дѣвѣи и дѣвѣи-.

В составных порядковых числительных, имеющих сотни и единицы или десятки и единицы, *порядковую форму имеют обе части*. Эти части соединяются с помощью союза **и** или **тѣи**: седмѣдѣсѣтѣи.

¹ Примеры порядковых числительных, засвидетельствованных в старославянских памятниках (а встречаются далеко не все), см., напр.: *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. С. 192—193.

и **дѣвѣток** (Супр. 295.6), возможны формы и без союза: **сѣтънааго** **четвѣртааго** (Супр. 302.19)¹.

Старославянские порядковые числительные склонялись как прилагательные соответствующего рода: краткие формы по именному склонению на *а (ж.) и *о (м. и с.), а полные — как членные формы прилагательных. Однако, в отличие от прилагательных, порядковые числительные, по-видимому, не имели противопоставления полных и кратких форм, так как в старославянских текстах краткие формы порядковых числительных встречаются крайне редко и, скорее всего, не в значении порядкового числительного: **каѣ естѣ заповѣдъ прѣва вѣсѣхъ** (Мк. 12: 28 Мар.; в Зогр. **прѣваѣ**) ‘какая заповедь является важнейшей?’, **да не вѣтори гавимъ сѣ мѣченикомъ хрѣстовомъ** (Супр. 63.16—17) ‘да не откажемся вторыми (второстепенным) по отношению к мученикам Христовым’, **адамъ во прѣвѣ сѣзданъ бѣстѣ пото-мъ еуга** (Супр. 482.22) ‘ибо сначала был создан Адам, а потом Ева’.

Некоторые формы могут встречаться в стяженном виде, например: **трѣти** ‘3-й’ < **трѣтти**. Это единственное порядковое числительное с мягкой основой склонения. Оно же и единственное порядковое числительное, которое сохраняет древнюю краткую форму **трѣтти** < **tretjъ*, которая в старославянском языке была переосмыслена как полная. Ср. полные формы **трѣтѣни** (< **tretjъjъ* < **tretjъ+jъ*) и **трѣтѣи** м. р. (Евх.), **трѣтѣе** с. р. (Мар.), **трѣтиѣѣ** ж. р. (Зогр.) и др.

§ 67. Собираемые числительные

Собираемые числительные имели формы среднего рода единственного числа (**дѣвок**, **трок**, **четверо**, **пѣторо**, **шесторо**, **седморо**, **осморо**, **дѣвѣторо**, **дѣсѣторо**) и формы всех трех родов множественного и двойственного числа.

Числительные **дѣвок** (и примыкающее к нему местоимение **овок**) и **трок** склонялись по местоименному склонению (**дѣвокомъ**, **дѣвокому** и т. д.), а числительные типа **четверо** — по именному склонению (как краткие прилагательные). Формы типа **четверо** (с суффиксом **-ер-**) в памятниках старославянского языка засвидетельствованы слабо и свойственны в основном уже церковнославянским текстам.

Формы среднего рода единственного числа собираемых числительных обозначали совокупность контекстуально связанных друг с другом предметов: ср. **вино ново въ мѣхѣхъ новѣхъ • вѣливати • ѣ овок сѣблюдетъ сѣ** (Мф. 9: 17 Зогр.) ‘молодое вино *следует* в новые мехи (= бурдюки) вливать, тогда сбережется и то, и другое (= и вино, и бурдюки)’. Форма единственного числа среднего

¹ Составные формы, в которых порядковым числительным является только последнее слово, характерны уже для церковнославянских памятников, ср. **въ псалмѣ сѣтъ три дѣсѣти ти четвѣртѣемъ** (‘в псалме сто тридцать четвертом’).

рода могла употребляться и с собирательным существительным **брат(р)иѡ**, которое ставилось в Р. ед.: **дѣсѣторо братиѡ** (Супр. 279.15), при обычном в таких случаях употреблении количественных числительных (**пѣть братриѡ** (Лк. 16: 28), **сѣдмь оубо братриѡ вѣ** (Лк. 20: 29 Зогр) ‘было семь братьев’.

Формы множественного числа употреблялись при указании на множество совокупностей однородных предметов: ср. **повелѣша вльсви прѣстѣты кѡмоу отъсѣкати овоѡ** (В. мн.) • **ржчынѣѡ и ножънѣѡ** (Супр., 268. 4) ‘приказали волхвы пальцы ему отсечь, и на руках, и на ногах’, **понимше кдиногѡ свѣзаша веригами двоими** (Т. мн.) (Супр. 146.45) ‘схватив одного, связали его двумя цепями’. Множественное число употреблялось также со словами *pluralia tantum*: **дъвои людѣ** (Клоц. 13б 4—5).

§ 68. Наречие

Наречие — это знаменательная часть речи, обозначающая признак действия или состояния, а также признак другого признака или предмета. Важным морфологическим свойством старославянского наречия, служащим критерием выделения его в самостоятельную часть речи, является неизменяемость формы (если не считать возможности образовывать сравнительную степень). Формирование наречия как части речи, как правило, представляет собой процесс изолирования форм других частей речи с утратой этими формами связи с исходными парадигмами: ср. **горѣ** суш. М. ед. → нар. ‘вверх’; **мжжъскы** прил. Т. мн. → наречие ‘мужественно’; псл. ***въ јьнѡ** ‘в одну’ → **вѣинѡ** ‘постоянно, всегда’; **полоу ноци** словосочетание в ‘половине ночи’. Исторический процесс превращения словоформ разных частей речи в наречие называется *адвербиализацией*.

Первообразных (первичных) наречий в старославянском языке мало: **авик** ‘сейчас же, тотчас’, **нынѣ** ‘теперь, ныне’, **пакы** ‘опять, снова, вновь, еще’, **тоу** 1) ‘там, на том месте’, 2) ‘здесь, тут’, **оу** (ю) ‘уже’¹ и некоторые другие. Судить о происхождении первообразных наречий достаточно трудно.

подавляющее большинство старославянских наречий являются *вторичными*, они характеризуются очевидной словообразовательной соотнесенностью с разными знаменательными частями речи: **всегда** (ср. **всь**), **законнѣ** ‘в соответствии с законом, по закону’, **невлюдомѣ** ‘без присмотра’, **невидимѣ** ‘незримо’, **низоу** ‘внизу, вниз’, **тоужде** ‘там’.

Особенно легко адвербиализуются существительные, обозначающие промежутки времени: **вчѣра**; **днѣ днѣ** ‘изо дня в день’, **днѣ**

¹ От него, в свою очередь, образовались наречия **оуже** ‘уже’ и **не оу** ‘еще не’.

‘днем’, **дъниж** ‘днем’; **нощнѣж**, (**въ**) **полоунощи** ‘в полночь’ и т. п. (ср. рус. *сегодня* < сего + дня, пол. *jutro* ‘завтра < утро’, исп. *ahora* ‘сейчас’ < a ‘в’ + hora ‘час’, турецк. *bugün* ‘сегодня’ < bu ‘этот’ + gün ‘день’).

Семантическая классификация наречий традиционно проводится по двум основаниям: по лексическому значению и по характеру выражения этого значения.

С точки зрения лексического значения наречия подразделяются на две группы: *определятельные* (собственно-характеризующие) и *обстоятельственные*.

Группа определятельных наречий в старославянском языке довольно многочисленна. Она подразделяется на:

— качественные: **везгоднѣ** ‘не вовремя’, **вестоуднѣ** ‘бесстыдно’, **врѣзо** ‘быстро’, **вогочѣстивѣ**, **весело**, **добрѣ** ‘хорошо’, **кротѣко**, **смѣлысно** ‘разумно, рассудительно, благоразумно’, **спѣшыно** ‘усердно’, **срамынѣ** ‘позорно’, **тажько** и **тажьцѣ** ‘трудно, тяжело’.

Наречия, так же, как прилагательные, могли образовывать сравнительную степень: **скоро** — сравн. **скорѣк**, сравн. **тѣщынѣ** ‘усердно, убедительно’ — сравн. **тѣщынѣк**. Некоторые наречия представлены в Старославянском словаре только в форме сравнительной степени, которая и вынесена в качестве заголовочного слова словарной статьи: **болѣ** ‘больше, более’, **ваще** ‘больше’, **лучѣ** ‘лучше’, **сетынѣк** ‘наконец’, **соулѣк** ‘лучше’, **хужѣ** ‘меньше’, ‘хуже’. Такие формы в большинстве представляют не сравнительную степень, образованную от реально существующего наречия, а являются результатом адвербиализации прилагательных так называемой изолированной сравнительной степени, (т. е. такой сравнительной степени, которая образовывалась от другой — супплетивной — основы, как то: **болѣи**, **болѣк**, **болѣши** от **великѣ**, **велии**, см. § 62);

— количественные (обозначают неоднократность действия, степень интенсивности действия или его предел, меру качества признака): **вольми** ‘очень’, **дѣвашѣдѣ**, **ѣбло**, **коль** ‘как, сколь’, **колькратѣ**, **мало** ‘немного’, **многократѣ**, **прѣзлиха** ‘чрезмерно, излишне’, **тократѣ** ‘только что, недавно’, **тришѣдѣ**, **многошѣдѣ**, **соуѣуѣ** ‘вдвое’, **третник**, **третинци**, **третинцеж** ‘в третий раз’;

— способа и образа действия, к которым примыкают наречия сравнения и уподобления: **вражѣскѣ** ‘вражески’, **вѣстакѣ** ‘поражному’, **како** ‘как’, **нѣдѣма** ‘насильно’, **по пророчѣскоуѣмоу**, **полѣма** ‘пополам’, **спѣтѣи** ‘напрасно’, **такѣ** ‘так’, **толѣ** ‘столь, до такой степени’, **толѣми** ‘так, столь’.

Обстоятельственные наречия указывают на различные обстоятельства, при которых совершается действие, протекает процесс или реализуется признак, и подразделяются на наречия:

— времени: **вѣсѣгда**, **дрѣгоници** ‘иногда’, **зимѣ**, **коли** ‘когда’, ‘когда-нибудь’, **конѣцѣ** ‘наконец’, **мало** ‘недолго’, **нощнѣж** и **въ нощи** ‘ночью’, **потѣмѣ мало** ‘вскоре’, **тѣчѣ** ‘потом’;

— места: **дрѹгѹнде** ‘в другом месте’, **къде**, **маломь** ‘недалеко’, **недалече**, **по срѣдѣ** ‘посреди’.

По характеру выражения лексического значения наречия делятся на знаменательные (отыменные) и местоименные. Знаменательные наречия связаны с именными (реже глагольными) основами: **вжѣдно**, **мала** ‘едва не’, **невидимѣ** ‘невидимо, незримо’, **неоудѹвь** ‘неудобно, с трудом, трудно’, **нечѣстнѣ** ‘безбожно, нечестиво’, **очивисть** ‘явно’, **прѣмь** ‘правильно’, **сѣвѣдѹ** ‘сознательно’.

Местоименные наречия образуются от местоименных основ с прибавлением элемента, выражающего соответствующее значение, например: **къ** (основа вопросительного местоимения) + **-де** (значение места) → **къде** (местоименное наречие места). Перечислим основные элементы:

— **-ако** (**-аче**): **инако** ‘иначе’, **иначе**, **тако**, **кдинако** ‘одновременно’;
— **-амо**: **камо** ‘куда’, **овамо**, **онамо** (обычно **сѣмо** и **овамо** или **сѣмо** и **онамо** ‘туда и сюда’), **тамо** ‘туда’;

— **-гда**: **къгда**, **онъгда** ‘тогда’, **тѣгда**;

— **-де**: **вьсѣде** ‘езде’, **инъде** ‘в другом месте’, **нѣкъде** ‘негде’, **сѣде** ‘здесь’;

— **-ли**, **-ль**, **-лѣ**: **коли** ‘когда’, **коль** ‘как, сколь’, **колѣ** (обычно **доколѣ**); **селѣ** (обычно **доселѣ** ‘до сих пор’); **толи** (отътоли ‘с тех пор’), **толь** ‘столь’;

— **-ждоу**, **-ждѣ**: **инждоу** ‘в другом месте, из другого места’, **онждоу**, **сждоу** (обычно **сждоу** и **онждоу** ‘с обеих сторон, по обе стороны’), **тждѣ** ‘здесь, тут, оттуда’.

Старославянскому наречию, как и другим знаменательным частям речи, свойственно вступать в синонимические отношения: **благо** — **годѣ** — **любо** — **оудѹвно** ‘как следует’. Кроме того, данная часть речи характеризуется наличием словообразовательных вариантов, ср.: **въкоупь** — **въкоупь** — **въкоупѣ** — **коупьно** ‘вместе’, **невидимо** — **невидимѣ**, **нынѣ** — **нынѣ** — **нынѣчюу** — **нынѣчюу**, **послѣди** — **послѣдѣ** — **послѣжде** ‘потом’, **прѣпростѣ** — **прѣпростѣ** ‘прямодушно’, **таи** — **отай** — **таинѣ** — **отайнѣихѹ** — **въ таинѣ** — **въ таинѣ** ‘тайно’; **толь** — **тольма** — **тольми** ‘так, столь’.

Активный характер процесса образования наречий в старославянском языке привел к тому, что в некоторых случаях отдельные словоформы носят грамматически нерасчлененный характер, проявляя свои частеречные свойства в контексте. Чаще всего такой синкретизм выступает в соотношении прилагательное/наречие (**оудѹвь**, **соудѹвьѣ**), предлог/наречие (**влизъ**), союз/наречие (**тѣмь** и **тѣмьже** ‘итак, потому’, **тѣкъмо** ‘только’), частица/наречие (**тоу** ‘вот’, ‘здесь’, ‘там’, ‘тогда’), союз/частица/наречие (**тѣчижъ** ‘только’):

влизъ [наречие] **вѣаше гробъ идеже положисте їса** ‘рядом находился гроб, куда они (двое) и положили Иисуса’ (Зогр., Мар.,

Ас.) — **близъ** [предлог] **вси влѣзе въ нивъ** ‘около деревни пошел в поле’ (Супр.);

тъчьжъ [частица] **мнѣ ѿ одному повѣждъ** ‘только мне одному скажи’ (Супр. 241.2) — и **тъчьжъ** [наречие/союз] **слово рече • и разбойника въ породѣ введе** ‘и как только слово сказал, разбойника в рай принял’ (Супр. 308.20—21).

§ 69. Глагол: грамматические категории и формы

Для старославянского глагола характерны те же грамматические категории, что и для современного русского языка: *наклонение, время, лица, вид, залог*, а также свойственные и другим частям речи категории *числа* и *рода*, хотя категории вида и залога существенно отличаются от одноименных категорий современного русского языка. Все глагольные формы подразделяются на две группы: *verba finita* (финитные, личные, спрягаемые) и *verba infinita* (инфинитные, неличные, именные).

Категория наклонения служит для выражения отношения действия (события, процесса или состояния), обозначаемого глаголом, к действительности и дает возможность обозначать действие как реальное *с точки зрения говорящего* (изъявительное наклонение) или как нереальное (ирреальное) — возможное или желательное

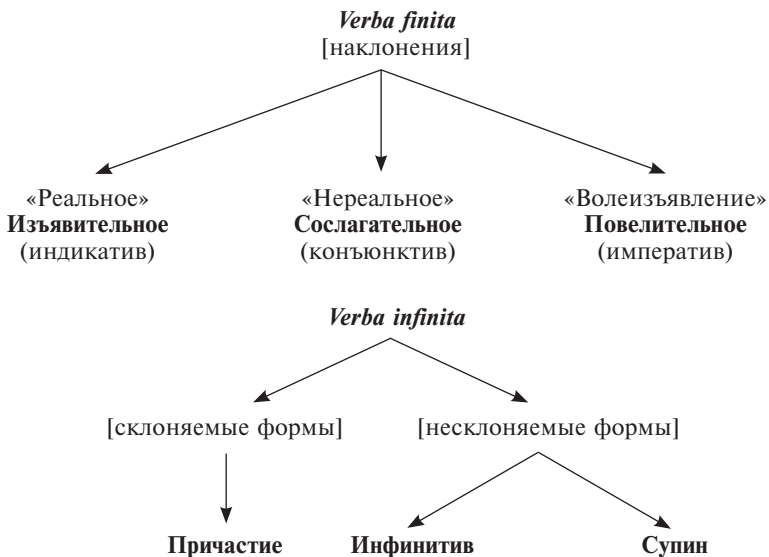

Рис. 1. Категории и формы глагола

(сослагательное наклонение). Кроме того, особые глагольные формы могут выражать волеизъявление говорящего относительно осуществления/неосуществления того или иного действия (повелительное наклонение)¹. Приметой изъявительного наклонения являются показатели времени. Значение изъявительного наклонения в старославянском языке (как и в современном русском) выражалось теми же средствами, что и значение времени. Сослагательное и повелительное наклонения имели собственные парадигмы и не имели временных форм. Таким образом, глаголы, входящие во временные парадигмы, являются формами изъявительного наклонения.

Категория времени выражает отношение действия, трактуемого как реальное и обозначаемого глаголом в изъявительном наклонении, к *моменту речи* (времени сообщения). Формы настоящего времени передают действие, которое с точки зрения говорящего совпадает с моментом речи (с временем сообщения). Формы прошедшего времени указывают на действие, предшествовавшее моменту речи, а формы будущего времени обозначают действие, которое будет иметь место после момента речи. В сослагательном и повелительном наклонениях категория времени отсутствовала. Причастие имело только формы настоящего и прошедшего времени.

Временные значения выражались синтетически — с помощью специальных формообразующих суффиксов и окончаний или аналитически — с использованием вспомогательных глаголов. Временные парадигмы в старославянском языке обязательно включали личные формы глагола и представляли собой систему спрягаемых форм (см. парадигмы спряжения). *Категории лица и числа* выражались личными окончаниями.

В славянских языках грамматические *категории вида и времени* тесно взаимосвязаны. Видо-временная система строится на трех характеристиках: момент речи (это своего рода временная точка отсчета), момент действия (категория времени) и характер протекания действия (категория вида). Система времен в праславянском языке противопоставляла две основы: основу инфинитива и основу настоящего времени, по последней обычно определяют класс глагола. По отношению к категории вида противопоставляют основу совершенного вида (СВ, «перфективную») и основу несовершенного вида (НСВ, «имперфективную»). Данное противопоставление не следует смешивать с прошедшими временами — перфектом и имперфектом!

Современные славянские языки имеют в значительной степени сходные видовые системы, характеризующиеся тем, что бинарное

¹ Некоторые лингвисты не считают императив формой наклонения.

противопоставление СВ/НСВ пронизывает все глагольные формы (с нейтрализацией в двувидовых глаголах, в которых вид определяется по контексту). Видовое значение в современных славянских языках находится на первом плане и накладывает ограничения на временную систему. Категория вида в славянских языках определяет характер протекания действия во времени, а значение вида выражается глагольной основой. Глаголы СВ указывают на временные границы (начала или конца) действия, передают прежде всего события, т. е. смену ситуации или состояния. Общее значение несовершенного вида определить труднее, но в целом глаголы НСВ характеризуют действие или состояние как таковое, без указания на временные границы его осуществления. Видовые различия глаголов (противопоставление основ совершенного и несовершенного вида) в старославянском языке еще не получили развития в той степени, как это впоследствии имело место в разных славянских языках.

Славянская видовая система с ее противопоставлением СВ и НСВ не была унаследована из индоевропейского языка и ко времени появления первых славянских памятников письменности еще не сформировалась окончательно. Начало формирования категории вида относится к праславянскому периоду¹. Вид формировался на основе *способов действия*, т. е. лексико-семантических групп глаголов, объединенных по различным признакам протекания действия. Видовые различия первоначально появлялись только у приставочных глаголов, причем сначала возник несовершенный вид. Первым средством выражения видового значения была суффиксация. Приставки же сначала были только словообразовательным средством и не придавали глагольной основе значения СВ.

Глагольная система позднеславянского языка с точки зрения развития категории вида может быть охарактеризована следующим образом: 1) возникли глаголы НСВ (*сѣвъзвати* НСВ ← *сѣвъзати*, *саждати* НСВ ← *садити*, *раждати* НСВ ← *родити*); 2) оформляются видовые пары, противопоставленные по СВ/НСВ, но только у приставочных глаголов (*въсадити* СВ — *въсаждати* НСВ, *изгънати* СВ — *изгонити* НСВ², *породити* СВ — *пораждати* НСВ), причем семантика СВ еще не определилась; 3) основная масса бесприставочных глаголов *възати*, *пѣсати*, *садити*, *цѣловати*, *нести*, *ити* и др.), а также многие глаголы с приставками (*ослабѣти* ‘осла-

¹ Подробнее о возникновении категории вида в славянских языках см.: *Маслов Ю. С.* Возникновение категории совершенного/несовершенного вида (1959 г.) // *Маслов Ю. С.* Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2001. С. 131–140.

² Ср.: *і своѣ овыца глашаеть по імени і изгонитъ ѿ • егда своѣ овыца іжденеть • прѣдъ ѿими ходитъ і овыца по ѿемь іджтъ* (Ин. 10: 3 Зогр.) ‘и своих овец он зовет по имени и выгоняет их; когда своих овец выгонит, идет перед ними и овцы за ним идут’.

бевать, ослабеть', **завазати** 'чинить сети', **покалатиса** 'пачкаться', **наржгатиса** 'высмеивать, порочить', **присѣдѣти** 'сидеть, находиться рядом'¹, **изгонити** 'выгонять, преследовать', особенно глаголы движения — **походити** 'ходить, подходить', **понести** 'нести, понести', **прѣйти** 'перейти, пройти' и т. п.) были недифференцированы по виду. Чисто видовые приставки еще находились в процессе формирования. Ряд явлений в глагольной системе указывает на незавершенность процесса развития морфологической категории вида и в старославянском языке.

Формирование видовых пар в славянских языках шло двумя основными способами — сначала посредством суффиксации, в результате которой возникал глагол НСВ, а позднее и префиксации, которая создавала глагол СВ:

а) **въздати** → **въздаати**, **оврѣсти** → **оврѣтати**, **съпасти** → **съпасати**, **съжешти** → **съжагати/съжизати**, **избавити** → **избавлати**, **отъвѣтити** → **отъвѣштати** (от приставочного глагола образуется приставочный глагол несовершенного вида с суффиксом -а-);

б) **дати** → **даати**, **пасти** → **падаати**, **лешти** → **ложити са**, **сѣсти** → **садити са** (от приставочного глагола образуется беспривставочный глагол НСВ с суффиксами -а- или -и-);

в) **дѣлати** → **сѣдѣлати**, **творити** → **сѣтворити**, **зърѣти** → **оузърѣти/призърѣти**, **сѣхнѣти** → **оусѣхнѣти** (от беспривставочного глагола образуется приставочный глагол СВ; приставка не изменяет лексического значения глагола, т. е. становится чистовидовой).

Оформление подобных видовых пар глаголов могло сопровождаться чередованием звуков в корне глагола:

Глагол СВ

събѣрати
начати
гавити
съжешти
лешти

Глагол НСВ

събирати
начинати
гавлати
съжагати/съжизати
ложити са

Имеются видовые пары, образованные от разных основ, т. е. супплетивно:

Глагол СВ

решти 'сказать'
врѣшти 'бросить'
прѣовидѣти 'пренебречь'

Глагол НСВ

глаголати 'говорить'
метати 'бросать'
нерадити 'пренебрегать'

¹ Ср.: *милъ ми естъ народъ съ ѿко оуже три дньи присѣдѣтъ мнѣ ѿ не имѣтъ чесо ѣсти* (Мк. 8: 2 Зогр.) 'вызывают у меня жалость люди эти, ведь уже три дня находятся они со мною и не имеют ничего поесть'.

В некоторых случаях видовые пары возникали на базе разных моделей в рамках одного глагольного класса при совпадающих инфинитивах: ср. **показати/покажж** 'показать' СВ и **показати/показажж** 'показывать' НСВ (оба глагола относятся к 3-му классу).

С категорией вида связана группировка глаголов по так называемым способам глагольного действия (многократные, однократные, начинательные, результативные и т. п.). Способ действия в отличие от категории вида является не чисто морфологической, а лексико-грамматической категорией. Способы действия — это семантические группы глаголов, которые, как и вид, определяют способ развертывания действия, обозначаемого глаголом. Поэтому глаголы, различающиеся по виду, либо составляют видовую пару (ср. *открыть* — *открывать*, *делать* — *сделать*), либо относятся к разным способам действия (ср. рус. *крикнуть* — *кричать*, *сохнуть* — *засохнуть*, ст.-сл. **тѣкнѣти** — **тѣкати**, **коснѣти сѧ** — **касати сѧ**, **крикнѣти** — **кричати**). Способы действия выражаются приставками, суффиксами, их сочетаниями, а также чередованиями в основе глагола.

Одним из проявлений способа глагольного действия можно считать наличие у так называемых *глаголов движения* противопоставления по *определенности/неопределенности* действия: определенные глаголы имеют значение «направленности» действия, т. е. обозначают действие, которое совершается в определенном направлении: **вести**, **нести**, **ити**, тогда как неопределенные глаголы, имеющие значение «ненаправленности» действия, обозначают действие, не направленное к определенной цели, или способность к совершению действия: **водити**, **носити**, **ходити**. Различия по определенности/неопределенности, выражавшиеся глагольной основой и, в частности, посредством чередования по аблауту (*e//o), являются осколком разрушившейся индоевропейской глагольной системы. Ряд исследователей считает, что к оформлению категории совершенного/несовершенного вида привело взаимодействие категории определенности/неопределенности с категорией времени¹. Еще одним проявлением категории определенности/неопределенности явилось противопоставление так называемых *каузативных* глаголов (со значением «воздействия на субъекта») и глаголов, обозначающих «контролируемое состояние»: **ставити** — **стоѣти**, **сѧдити** — **сѧдѣти**.

Некоторые глаголы образуют противопоставления по кратности: одни передают однократность действия (*однократные* глаголы), другие — его повторяемость, многократность (*итеративные* глаголы):

¹ Обзор мнений по этому поводу см.: *Бородич В. В.* К вопросу о формировании совершенного и несовершенного вида в славянских языках // Вопросы языкознания. 1953. № 6. Об употреблении вида и времени глагола в старославянском языке см.: *Бунина И. К.* Система времен старославянского глагола. М., 1959.

ходитьи — хаждати, приводити — приваждати, съгорѣти — съгарати и т. п. Оба глагола в таких парах являются глаголами несовершенного вида, причем образование семантически различающихся пар глаголов посредством суффиксации сопровождается чередованием гласных звуков в корне глагола: принести/приносити → принашати.

§ 70. Формообразующие основы глагола

Глагольные формы в старославянском языке делились на личные и неличные.

Личные формы могли быть *простыми* (т. е. состоящими из одной словоформы) — настоящее, аорист, имперфект, повелительное наклонение — или *сложными* (т. е. состоящими из двух словоформ) — будущее первое, будущее второе, перфект, плюсквамперфект, сослагательное наклонение.

Неличные формы делились на *изменяемые* и *неизменяемые*. К *изменяемым* (склоняемым) формам относились причастия действительного залога настоящего времени, действительного залога прошедшего времени, страдательного залога настоящего времени, страдательного залога прошедшего времени. Действительное причастие прошедшего времени на -л-, входившее в состав сложных спрягаемых форм глагола (см. § 75—76), не склонялось, но изменялось по роду и числу¹. К *неизменяемым* формам относились инфинитив и супин.

Эту сложную систему глагольных форм старославянский язык унаследовал из праславянского языка. В праславянском языке все глагольные формы образовывались от двух глагольных основ, условно называемых основой инфинитива и основой настоящего времени.

Основа инфинитива старославянских глаголов во многих случаях определяется путем отделения в форме инфинитива суффикса инфинитива -ти: нес-ти, пас-ти, мрѣ-ти, плоу-ти, вѣра-ти, слышати, съхнѣ-ти, съказа-ти, ходи-ти, любити. По структуре основы инфинитива глаголы делились на непроизводные и производные. *Непроизводные* основы были равны корню и могли оканчиваться как на корневой гласный (мрѣ-ти, плоу-ти), так и на корневой согласный звук (пас-ти, нес-ти). *Производные* основы образовывались при помощи суффикса и всегда оканчивались на гласный (слышати, съхнѣ-ти).

Древняя *основа настоящего времени* хорошо проявляется в праславянской форме 3-го лица единственного числа *-ti — окон-

¹ К причастиям на -л- восходят формы прошедшего времени современного русского языка: ср. ст.-сл. ходилъ, -ла, -ло, -ли — рус. ходил, ходила, -ло, -ли и т. п.

чание 3 ед. (тематический гласный основы выделен): *nese-ti, *pāse-ti, *bere-ti, *slūxi-ti, *suxne-ti, *sukāzje-ti, *xodī-ti, *leubī-ti. Однако в старославянском языке тематический гласный уже входит в состав окончания: **нес-етъ, пас-етъ, бер-етъ, слыш-итъ, съхн-етъ, съкаж-етъ, ход-итъ, люб-итъ.**

У большинства глаголов в старославянском языке основы инфинитива и настоящего времени не совпадают. Даже глаголы с основой инфинитива на **-и-ти**, у которых в праславянском эти основы совпадали (*xodī-tei — *xodī-tu, *leubī-tei — *leubī-tu), в старославянском имеют разные основы: **ходи-ти — ход-итъ, любя-ти — люб-итъ.**

Если на стыке основы и суффикса инфинитива возникало консонантное сочетание (конечный согласный основы + согласный **т** суффикса), которое в силу действия определенных фонетических тенденций не могло сохраниться, то происходило упрощение подобных сочетаний, что существенно изменяло фонетический облик слова (см. § 22; § 27 п. 6). В этом случае для определения основы инфинитива глагола нужно реконструировать праславянскую форму инфинитива. Сопоставляя инфинитив с формой 1 ед. наст. вр. **пешти/пеци — пекж**, определяем основу инфинитива **пек** — *pek-tei; **мошти/моци — могж**, основа инфинитива **мог-** — *mog-tei; **плести — плетж**, основа инфинитива **плет-** — *plet-tei и т. д.

Часть форм старославянских глаголов (простые) образуются в результате присоединения соответствующих суффиксов и окончаний к основе глагола.

От *основы настоящего времени* образуются формы настоящего времени и повелительного наклонения, а также действительных и страдательных причастий настоящего времени.

От *основы инфинитива* образуются простые формы прошедшего времени (имперфекта и аориста), инфинитива и супина, а также формы действительных и страдательных причастий прошедшего времени, в том числе действительных причастий на **-л-**, входивших в состав сложных (аналитических) форм глагола (перфекта, плюсквамперфекта, будущего второго и сослагательного наклонений).

§ 71. Классификация глаголов

Морфологическая классификация глаголов может опираться как на основу настоящего времени, так и на основу инфинитива, однако в любом случае учитываются обе основы.

По характеру *основы настоящего времени* все старославянские глаголы распадаются на пять групп, которые называются глагольными классами. Каждый глагольный класс (своего рода аналог типов склонения у существительных) характеризуется определенными особенностями формообразования входящих в него глаголов.

Принципы распределения глаголов по пяти глагольным классам следующие.

Во-первых, все глаголы старославянского языка делятся на две неравные группы.

Одну — очень небольшую группу — составляют так называемые *нетематические глаголы*. Они имеют в 1 ед. настоящего времени окончание **-ьмь**, которое исторически присоединялось непосредственно к корню (**късмь** — инф. **бъгъти**, **дамь** — инф. **дати**, **гамь** — инф. **гати**, **вѣмь** — инф. **вѣдѣти**, **имамь** — инф. **имѣти**). Нетематические глаголы образуют так называемый 5-й глагольный класс (5 кл.).

Все остальные глаголы были *тематическими*. В 1 ед. настоящего времени они имели окончание **-ж/-ѣж** (**несж** — инф. **нести**, **знаѣж** — инф. **знати**, **хвалиѣж** — инф. **хвалити**). Эти глаголы называются тематическими, так как в праславянском языке перед флексией у них находился основообразующий суффикс (= *тематический гласный*) *e/o или *i. Позднее, вследствие возникновения носовых гласных (см. § 23, п. 2), старые тематические гласные *o и *i вошли в состав окончания: **-ж/-ѣж** (1 ед.), фонетически [ɔ] (из псл. *o + n), **-жтъ/-ѣжтъ** (3 мн.), фонетически [ɔтъ] (из псл. *o + nti); **-атъ** (3 мн.), фонетически [ɛтъ] (из псл. *i-nti).

Во-вторых, все *тематические* глаголы подразделяются на две большие группы:

1) глаголы с тематическим гласным *e/o, причем *e и *o находились в чередовании по аблауту (см. § 24) (**несж** — **несеши...**, **знаѣж** — **знаѣши...**). Эта группа глаголов соответствует 1-му спряжению в современном русском языке;

2) глаголы с тематическим гласным *i (**хвалиѣж** — **хвалиши...**, **видѣж** — **видиши...**). Эта группа глаголов соответствует современному 2-му спряжению.

Глаголы, у которых был тематический гласный *i, составляют так называемый 4-й глагольный класс (4 кл.). В свою очередь, глаголы на *e/o подразделяются еще на три класса.

К 1-му классу относятся глаголы, в которых древний тематический гласный присоединялся непосредственно к корню: **несж** — **несеши...** (инф. **нести**), **верж** — **вереши...** (инф. **врати**), **идж** — **идеши...** (инф. **ити**), **ѣдж** — **ѣдеши...** (инф. **ѣхати**). К 1-му классу относятся также глаголы **ити** и **жити**. У **ити** основа инфинитива представляет собой корневой гласный **и**: **и-ти** (< *ei-tei), а основа настоящего времени имела тематический гласный e//o после расширителя -d-: **иджтъ**, **ид-ж** (< *jьdɔ < *ido-n). У **жити** основа инфинитива представляет собой корневой гласный **и**: **жи-ти** (< *gei-tei), а основа настоящего времени имела тематический гласный e//o после расширителя -u-: **живжтъ**, **жив-ж** (< *živɔ < *geiuo-n).

Ко 2-му классу относятся глаголы, в которых между глагольным корнем и тематическим гласным находился суффикс *n: **двигнѣж — двигнѣши...** (инф. **двигнѣжти**), **минѣж — минѣши...** (инф. **минѣжти**).

К 3-му классу относятся глаголы, в которых перед тематическим гласным находился суффикс *j (или его рефлекс после изменения сочетаний согласных с *j): **знаѣж — знаѣши...** (инф. **знати**), **коупоуѣж — коупоуѣши...** (инф. **коуповати**), **пишѣж — пишѣши...** (инф. **пѣсати**), **ворѣж — ворѣши...** (инф. **врати** <*bor-tei).

В старославянском языке встречались и разноспрягаемые глаголы. Глагол **хотѣти** спрягался в основном по 3-му классу (**хоѣж — хоѣши...**), за исключением формы 3 мн. **хотѣтъ**, которая образовывалась по 4-му классу (в соответствии с 3-м классом должна быть форма ***хоѣжтъ**, не встречающаяся в старославянских памятниках). Глагол **искати** мог спрягаться по 1-му и 3-му классам: ср. формы 1 кл. **искѣж — иѣши ...**, **искѣже** действ. прич. И. мн. м. р., **искомѣж** страд. прич. И. ед. м. р. и формы 3 кл. **иѣж — иѣши...**, **иѣѣж** действ. прич. И. ед. м. р. (ср. **вси иѣжтъ тебе** в Зогр., Мар., Сав., но **искѣжтъ** в Асс.). Глагол 5 кл. **имѣти** в старославянском языке подвергался влиянию продуктивного 3-го кл. **оумѣти/оумѣж** и изредка имел формы по типу глагола 3 кл.: **имѣж, имѣжши...**

Знание о классе того или иного глагола необходимо для образования различных форм этого глагола.

Таблица 35

Классификация глаголов по основе настоящего времени

Тематические глаголы				Нетематические глаголы
1-е спряжение		2-е спряжение		
1-й класс	2-й класс	3-й класс	4-й класс	5-й класс
несѣж	сѣхнѣж	знаѣж	хвалѣж	късмѣж
несѣши...	сѣхнѣши...	знаѣши...	хвалиши...	къси...
инф. нести	инф. сѣхнѣти	инф. знати	инф. хвалити	инф. бѣти

Основы инфинитива также требуют классификации, поскольку тип инфинитива играет роль в глагольном формообразовании. В старославянском языке целесообразно различать следующие типы основ инфинитива:

1) на согласный, который мог перед суффиксом **-ти** чередоваться или выпадать: **гнѣсти** (< *gnettei; 1 кл.: **гнѣтѣж**), **мошти** (< *mogtei; 1 кл.: **могѣж**), **грѣти** (< *grebtei; 1 кл.: **грѣвѣж**), **обрѣсти** (< *obrētei; 3 кл.: **обрѣштѣж**) и др.;

2) на корневой гласный (в праславянском и на сонант): **мыти** (3 кл.: **мыѣж**), **вити** (3 кл.: **виѣж**), **вати са** (3 кл.: **вориѣж са**), **мрѣти** (1 кл.: **мърѣж**), **жръти/жрѣти** (1 кл.: **жърѣж**), **клати** (1 кл.: **кльнѣж**) и др.;

3) на суффиксальный гласный -а- и -ѣ-: **врати** (1 кл.), **гънати** (1 кл.: **женѣж**), **вѣровати** (3 кл.), **псати** (3 кл.: **пишѣж**), **сѣдѣти** (4 кл.), **ослабѣти** (3 кл.), **лежати** (4 кл.) и др.;

4) на суффиксальный гласный -и-: **ходити** (4 кл.), **носити** (4 кл.), **родити** (4 кл.) и др.;

5) с суффиксом -нж- после согласного, который мог выпадать перед суффиксом: **движнѣти** (2 кл.), **дръзнѣти** (2 кл.), **оусънѣти** (< *ou-sur-ŋo-tei, 2 кл.; ср. **оусъпати** ‘усыпить’, 3 кл.: **оусъплѣж**), **съгънѣти** (< *su-gub-ŋo-tei, 2 кл.; ср. **съгъвати** ‘согнуть’, 3 кл.: **съгъвлѣж**) и др.;

6) с суффиксом -нж- после гласного: **помѣнѣти/поманѣти** (2 кл.), **минѣти** (2 кл.), **ринѣти са** (2 кл.) и др.

Таблица 36

Классификация глаголов по основе инфинитива

На корневой согласный	На корневой гласный	На суф. гласный -а- и -ѣ-
мошти 1 кл.	клати 1 кл.	гънати 1 кл.
грети 1 кл.	плоүти 1 кл.	псати 3 кл.
востити 1 кл.	гнитити 3 кл.	сѣдѣти 4 кл.
оврѣстити 3 кл.	пѣти 3 кл.	лежати 4 кл.

На суф. гласный -и-	С суф. -нж- после согласного	С суф. -нж- после гласного
носити 4 кл.	съхнѣти 2 кл.	минѣти 2 кл.
родити 4 кл.	сльпнѣти 2 кл.	зинѣти 2 кл.
павити 4 кл.	тъкнѣти 2 кл.	плннѣти 2 кл.
оучити 4 кл.	гънѣти 2 кл.	ринѣти 2 кл.

Несмотря на то что в большинстве форм древняя глагольная основа сохранилась, в ряде случаев в формах старославянского глагола, как и в формах имени существительного, отразились фонетические изменения и результаты действия морфологической аналогии.

Прежде всего это проявилось в перераспределении глагольной основы (перераспределении границ между основой и окончанием)

вследствие ассимилятивных процессов на стыке основы и окончания и перехода суффиксальной части глагольной основы в состав окончания, что привело к образованию однотипных непроезводных основ на согласный звук.

1. Особенно часто этот процесс наблюдается при образовании некоторых глагольных форм от основ с тематическим гласным -о- 1 ед., 3 мн. наст. вр. у глаголов 1, 2, 3 и 4 кл.

В формах 1 ед. тематический суффиксальный элемент -о- оказывается перед носовым сонантом и дает носовой гласный [ɔ]:

*ved-o-m > ved-on > ved-ɔ (вѣдѣж);

*krīk-n-om > krīk-n-on > krikn-ɔ (крикнѣж);

*znāj-o-m > znā-j-on > znaj-ɔ (знаѣж);

*nosī-o-m > *nosj-om > nos-j-on > noš'-ɔ (ношѣж).

В 3 мн. непередний носовой гласный появляется у глаголов 1, 2 и 3 кл.:

*ved-o-nti > ved-ɔ-ть > ved-ɔть (вѣдѣжть)¹;

*dvīg-n-o-nti > dvign-ɔ-ть > dvign-ɔть (двигнѣжть);

*znā-j-o-nti > znaj-ɔ-ть > znaj-ɔть (знаѣжть).

Таблица 37

Соотношение глагольных основ инфинитива и настоящего времени

Класс и древняя основа наст. вр.		Типы основ инфинитива	Примеры (3 ед. наст. — инф.)
1	е//о	1) непроезводная на согласный	несетъ — нести течетъ — тешти можетъ — мошти мететъ — мести
		2) непроезводная на гласный -и-	идетъ — ити живетъ — жити
		3) непроезводная на гласные -а-, -ж-	кльнетъ — клати дъметъ — джти
		4) непроезводная на гласный -оу-	пловетъ — плотти
		5) непроезводная на сочетание -рѣ-	мьретъ — мрѣти
		6) производная на -а-	зоветъ — зъвати беретъ — бьрати

¹ Комментарий по поводу незакономерного ст.-сл. -тъ < псл. *-ti в 3 л. ед. и мн. см. § 73.

Класс и древняя основа наст. вр.		Типы основ инфинитива	Примеры (3 ед. наст. — инф.)
2	ne//no	производная на -нж- (*no):	
		1) с корнем на согласный	двигнѣтъ — двигнѣти
		2) с корнем на гласный	минѣтъ — минѣти
3	je//jo	1) производная на -а-	знакѣтъ — знати
		2) производная на -и-, -ы-, -оу-	бикѣтъ — бити крыкѣтъ — крыти обоукѣтъ — обоукти
		3) производная на -а-	дѣлакѣтъ — дѣлати
		4) производная на -а-	сѣкѣтъ — сѣкати
		5) производная на -ѣ-	оумѣкѣтъ — оумѣти
		6) производная на -ва-	бывакѣтъ — бывати
		7) производная на -ова-	вѣсѣдоукѣтъ — вѣсѣдовати
		8) производная на неполногласные -ра-, -ла-, -рѣ-	боркѣтъ — брати колкѣтъ — клати мѣлкѣтъ — мѣлѣти
4	i	1) производная на -и-	молитѣтъ — молити
		2) производная на -ѣ-	видитѣтъ — видѣти
		3) производная на -а-	слышитѣтъ — слышати
5	на согл.	разнотипные основы	кѣстѣтъ — быти дастѣтъ — дати вѣстѣтъ — вѣдѣти астьѣтъ — асти

У глаголов 4 кл. появляется передний носовой гласный:

*nos-ī-nti > nos-ę-тъ > nos-ęтъ (носѣтъ).

Чередование e//o было довольно регулярным, но чередования краткого [o] с носовыми не было, что впоследствии и привело к переразложению основ (таким образом, [e], [ę] и [o] перешли из основы глагола в его окончание)¹.

2. Кроме этого, в глаголах 3 и 4 кл. произошел ряд изменений конечного согласного основы, вызванных воздействием [j]:

*reis-j-o-m > rīs-j-on > riš'-o (пишѣ, 1 ед.);

*reis-j-o-nti > rīs-j-o-тъ > riš'-oтъ (пишѣтъ, 3 мн.);

*hod-ī-o-m > *hod-j-o-m > hod-j-o-n > хождѣ (хождѣ, 1 ед.).

¹ См. об этом: Осипов Б. И. Основы славянского языкознания. Омск, 2004. С. 112.

Ряд изменений произошел и в исконных флексиях, например, во 2 ед. у глаголов 1, 2 и 3 кл. по аналогии с глаголами 4 кл. (*nos-ī-sī > nos-ī-xī > nosiši > носиши) на месте *s появляется *š: *nes-e-ši > **несеши**, *dvīg-n-e-ši > **двигнеши**, *znā-j-e-ši > **знавши**.

В корнях основ на согласный ряда глаголов 1 кл. возникало сочетание согласных на стыке основы и суффикса инфинитива, которое затем упрощалось (вследствие ассимилятивно-диссимилятивных процессов в консонантных группах). Так возникли формы инфинитива:

плести < *plet-tei;

решти < *rek-tei.

В нетематических глаголах с основой на согласный на стыке основы и окончания также имело место упрощение консонантных групп при образовании форм настоящего времени:

*dād-mi > **дамь** (**дамь**, 1 ед.);

*dād-ti > **дастъ** (**дастъ**, 3 ед.);

*dād-nti > *dād-in-ti > **дадатъ** (**дадатъ**, 3 мн.).

5. Аналогичные процессы характеризуют также образование форм повелительного наклонения: *nes-o-i-te > **несѣте** (**несѣте**, 2 мн.), причастий действительного залога настоящего времени: *nes-o-nt-jī > **несѣшти** (**несѣшти**, И. ед. ж. р.).

Как можно видеть, в ряде форм древняя основа в результате фонетических изменений уже затемнена и может быть восстановлена только с помощью сравнительно-исторического метода, хотя в ряде случаев реконструкция весьма гипотетична.

§ 72. Система глагольных времен: общая характеристика

Старославянский глагол имел следующие временные парадигмы: **настоящее** (Н), **будущее первое** (Б1), **будущее второе**¹ (Б2), **аорист**(А), **имперфект**(И), **перфект** (П), **плюсквамперфект**² (ПП). Эти времена по характеру грамматического значения времени и способу его передачи образуют две группы: **простых** (Н, А, И) и **сложных** (Б2, П, ПП) времен. К **сложным** относятся времена, которые обычно выражают **относительное** время и образуются аналитически, а именно при помощи вспомогательного глагола **быти** в разных формах и причастия прошедшего времени на -л-. **Будущее первое**, которое также часто называют **будущим сложным первым**,

¹ Это время не имеет устойчивого наименования. Его называют по-разному: прошедшее в будущем, преждебудущее, будущее предварительное, futurum exactum, Future Perfect.

² Плюсquamперфект имел аналитические формы двух типов: с вспомогательным глаголом **быти** в аористе (ПП_л) и в имперфекте (ПП_н).

примыкает к *простым (абсолютным)* временам (см. § 74). Формы 1-го и 2-го лица ед. ч. всех времен для двух частотных глаголов (*нести* и *ити*) представлены в табл. 38.

Таблица 38

Формы 1 и 2 ед. глаголов нести и ити

нести				
Простые времена	Н несѣ, -еши	Б1 имамь, -ши + инф. нести	А 1) нѣсѣ, несе 2) несохѣ, несе	И несѣахѣ, -аше
Сложные времена	П късмь, кси + неслъ	Б2 вѣдѣ, вѣдѣши + неслъ	ПП _А вѣхѣ, вѣ + неслъ	ПП _И вѣахѣ, вѣаше + неслъ
ити				
Простые времена*	Н идѣ, -еши	Б1 имамь, -ши + инф. ити	А 1) идѣ, иде 2) идохѣ, иде	И идѣахѣ, -аше
Сложные времена	П късмь, кси + шьлъ	Б2 вѣдѣ, вѣдѣши + шьлъ	ПП _А вѣхѣ, вѣ + шьлъ	ПП _И вѣахѣ, вѣаше + шьлъ

В старославянском языке настоящее и будущее внутри настоящего еще не были морфологически дифференцированы, т. е. будущее простое (будущее совершенного вида) еще не вычленилось из категории настоящего. С одной стороны, формы старославянских глаголов, которые носитель современного русского языка воспринимает как формы настоящего времени НСВ, имеют значение планируемого, будущего действия: ср. <...> рече • вѣставъ идѣ къ оцѣ моемоу • и рекѣ емоу • оце сѣгрѣшихѣ на нѣо и прѣдѣ тобоуж... и вѣставъ иде къ оцѣ своемоу (Лк. 15: 18—19 Зопр.) [он] сказал: «Встав, пойду к отцу моему и скажу ему: „Отец, согрешил я перед небом и перед тобою“ <...>. И встал и пошел к отцу своему». С другой стороны, глаголы, воспринимаемые теперь как глаголы будущего времени СВ, имеют значение обычного, повторяющегося действия, относящегося к плану настоящего времени: ср. сльньцоу вѣсходаштоу сѣкрыетъ сѣ стѣнь (417.29 Супр.) ‘Когда восходит солнце, скрывается тень’. Эта нерасчлененность настоящего, которое функционирует в старославянском как настоящее — будущее, связана с недостаточным развитием категории вида, в частности с

неполным охватом этой категорией всех глаголов. Таким образом, представление о времени высказывания (данный момент мышления) еще не приобрело свойства грамматической абстракции.

В то же время в старославянском языке существовало несколько возможностей обозначения действия, которое относится к будущему по отношению к моменту речи (Н, Б1, Б2), что говорит о начале формирования морфологической категории будущего времени. При отсутствии четкого морфологического разграничения настоящего и будущего времени в глагольной системе старославянского языка необходимым признаком вспомогательных глаголов, которые в сочетании с инфинитивом (Б1) использовались при обозначении длительного действия, относящегося к будущему, было наличие фазового (начинательного: *начьнж ненавидѣти* 'возненавижу/буду ненавидеть') или модального (*хощиж дати* '[я] намерен, готов отдать/вот-вот отдам', *имамь мжчити* 'должен буду мучить/обязательно замучу') оттенка значения. Переплетение настоящего и будущего, характерное для древнего строя мышления и отраженное в старославянской системе времен, вполне естественно, поскольку конкретно переживаемое в момент речи будущее — это перенесение будущего в настоящее в виде желания, готовности, намерения, возможности, обязанности совершить действие.

Как следует из приведенной схемы (§ 69, рис. 2), в старославянском было четыре прошедших времени: два простых, «синтетических» (аорист и имперфект), и два сложных, аналитических (перфект и плюсквамперфект).

В исходной системе старославянского языка аорист и имперфект как главные времена, используемые в повествовании о прошлых событиях, были, видимо, противопоставлены как факт и уточнение факта или как факт и фон, на котором имеет место этот факт. Отношения между аористом и имперфектом иногда описываются формулой: *аорист продвигает повествование вперед, имперфект его останавливает*.

Аорист — временная точка отсчета для любого действия в прошлом. Первоначальная его функция — устанавливать границу совершившихся действий в прошлом. Аорист представляет прошедшее действие как факт, независимо от способа его протекания, т. е. независимо от вида.

Имперфект же выполнял уточняющую или фоновую временную функцию, выражая вместе с тем одновременность, предшествование или следование по отношению к действию, обозначенному в том же контексте аористом. В предложении *възиде (А) же на горж исъ і тоу сѣдѣаше (И) съ оученикы свои* (Ин. 6: 3 Мар.) 'взошел на гору Иисус и там сидел с учениками своими' действие, обозначенное имперфектом (И), в цепи событий следует за действием, обозначенным

аористом (А), но главное, что имперфект здесь обозначает сопутствующее, второстепенное с точки зрения повествования действие. Вместе с тем имперфект мог изображать, как происходило событие в прошлом, показывать действие в развитии, представлять его как неограниченное во времени, длительное или повторяющееся, т. е. в имперфекте соприисутствовали элементы значения, характерные для глаголов НСВ. Однако он мог обозначать повторяющиеся и законченные действия: **приношаахъ же къ нему и младенца • да би сѧ ихъ коснѧль** (Лк. 18: 15 Мар.) ‘приносили к нему и младенцев, чтобы он прикоснулся к ним’. Особенно характерно это было для имперфектов, образованных от основ, которые позднее станут основами СВ: **егъ да во въ ратехъ обрѣтахомъ сѧ и помоллахомъ ба • то помагаше намъ** (Супр. 27.23—44) [‘всякий раз] когда мы находились в сражениях и молились Богу, он помогал нам’; **чѣъ слѣпъ • прѣхождаше тварь • емъ же сѧ оуткѣнѣше • кланѣше сѧ емоу** (Клоц. 10а 22) ‘слепой человек [всякий раз], когда проходил мимо какого-то предмета и о него спотыкался, кланялся ему’. Обычно имперфект и образуется от глаголов, ставших позднее глаголами НСВ, но он мог быть образован и от основы, которая впоследствии была осознана как основа СВ.

Что касается перфекта, то он первоначально выражал прошедшее действие: 1) как отнесенное к настоящему времени; 2) как признак (свойство) субъекта, а не как проявление его деятельности. Это нашло отражение в форме перфекта: связка (настоящее время глагола **вѣти**) + причастие на -л- (см. табл. 38). Перфект в старославянских текстах обычно характеризует прямую речь **кто ти кстѣ раздѣралъ котыгъ** ‘кто тебе разорвал нижнюю одежду?’ (Супр. 187.11—12). Функция плюсквамперфекта — обозначение действия, совершившегося ранее другого прошедшего действия, т. е. своего рода «прошедшее в прошедшем»: **дѣвоиъ во вѣ еѧ • не оубо вѣ мѧжа познала** (Супр. 489.9) ‘ведь Ева была девственницей, так как она еще не познала мужчины’. Ср. также сочетание перфекта и плюсквамперфекта в одном контексте: **не вѣхъ ли ти рекъ вѣ позвати • то како без моко повелѣниѧ**.

§ 73. Настоящее время

Настоящее время является основным грамматическим временем, по отношению к которому характеризуются все остальные грамматические времена старославянского глагола.

Если отвлечься от того, что в старославянском языке формы настоящего времени могли использоваться для обозначения будущих действий (см. § 72), глагол в форме настоящего времени передает действие, в какой-то своей части совпадающее с моментом речи действующего субъекта:

і глѣж семоу иди и идеть • і друоугоумоу приди и придетъ • і рабу моемоу сътвори се и сътворитъ (Мф. 8: 9 Мар.) ‘и говорю одному: «пойди», и идет; и другому: «приди», и приходит; и слуге моему: «сделай», и делает’;

възложи рѣцѣ на нь • въпрашааше и аште чьто видитъ • и възърѣвъ глааше виждъ чѣкы (Мк. 8: 23 Зогр.) ‘[он] возложил на него руки и спросил, видит ли [он] что-нибудь, и [тот], посмотрев, сказал: «Вижу людей...»’;

вы глѣте ѣко власвимѣши • заѣ рѣхъ ѣко снѣ вѣин есмь (Ин. 10: 36 Зогр.) ‘...вы говорите: «Богохульствуешь», потому что я сказал: «Я сын божий»?’;

аще же рѣкжтъ вамъ • се въ поустыни естъ • не изидѣте (Мф. 24: 26 Мар.) ‘если же скажут вам: «Вот, [он] в пустыне [находится]», — не выходите’.

В этих примерах действие, передаваемое глаголом в настоящем времени, совпадает с моментом речи действующего лица, независимо от того, когда реальное действие происходит по отношению к моменту сообщения повествователя, по отношению к которому оно может быть и прошлым, и будущим.

Глагол в настоящем времени может также передавать вневременное действие: не трѣвоужтъ съдравни врачевъ нѣ болащѣи (Мф. 9: 12 Зогр.) ‘Не здоровые нуждаются во врачах, но больные’ (т. е. нуждались, нуждаются и будут нуждаться).

Система флексий настоящего времени в старославянском языке выглядит следующим образом:

Единственное число

1 л. -ж (1, 2 кл.), -ѣж (3, 4 кл.), -мь (5 кл.)

2 л. -ѣши (1, 2, 3 кл.), -иши (4 кл.), -си (5 кл.)

3 л. -ѣтъ (1, 2, 3 кл.), -итъ (4 кл.), -тъ (5 кл.)

Множественное число

1 л. -ѣмъ (1, 2, 3 кл.), -имъ (4 кл.), -мъ (5 кл.)

2 л. -ѣте (1, 2, 3 кл.), -ите (4 кл.), -те (5 кл.)

3 л. -ѣтъ (1, 2 кл.), -ѣжтъ (3 кл.), -ѣтъ (4, 5 кл., кроме **быти**, **имѣти**)

Двойственное число

1 л. -ѣвъ (1, 2, 3 кл.), -ивъ (4 кл.), -въ (5 кл.)

2 л. -ѣта (1, 2, 3 кл.), -ита (4 кл.), -та (5 кл.)

3 л. -ѣте (1, 2, 3 кл.), -ите (4 кл.), -те (5 кл.)

Система личных окончаний старославянского глагола представляет собой продолжение форм более раннего времени¹.

1 ед.: ведъ, знаѣ. Окончание тематических глаголов -ж, -ѣж, вероятно, было окончанием древней формы *конъюнктива* (на

¹ См. об этом: *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 2. М., 1952. С. 152—158.

Спряжение тематических глаголов

Лицо	1-й класс		2-й класс		3-й класс		4-й класс	
	вести	мошти	двигнѹти	плакати	глаголати	лежати	просити	
<i>Единственное число</i>								
1	ведѹ	могѹ	двигнѹ	плачѹ	глаголѹ	лежѹ	просѹ	
2	ведѹши	можѹши	двигнѹши	плачѹши	глаголѹши	лежѹши	просѹши	
3	ведѹтъ	можѹтъ	двигнѹтъ	плачѹтъ	глаголѹтъ	лежѹтъ	просѹтъ	
<i>Множественное число</i>								
1	ведѹмъ	можемъ	двигнемъ	плачемъ	глаголемъ	лежимъ	просимъ	
2	ведѹте	можете	двигнете	плачете	глаголете	лежите	просите	
3	ведѹтъ	можѹтъ	двигнѹтъ	плачѹтъ	глаголѹтъ	лежѹтъ	просѹтъ	
<i>Двойственное число</i>								
1	ведѹвѹ	можѹвѹ	двигнѹвѹ	плачѹвѹ	глаголѹвѹ	леживѹ	просивѹ	
2	ведѹета	можѹета	двигнѹета	плачѹета	глаголѹета	лежитѹ	проситѹ	
3	ведѹете	можѹете	двигнѹете	плачѹете	глаголѹете	лежитѹ	проситѹ	

*-ām). У славян же: *-ām > *-an > *-on > -o. Такое же окончание было у глаголов с основой на *-i, где конечный элемент основы в положении перед гласным изменялся в [j] и ассимилировался с предшествующим согласным:

*xadi-ām > xadj-on > xozǰ'-o (хождж);

*nasi-ām > nasj-on > noš'-o (ношж).

Таблица 40

Спряжение нетематических глаголов

Лицо	бъти	дати	вѣдѣти	гастн	имѣти
<i>Единственное число</i>					
1	къмь	дамь	вѣмь	гамь	имамь
2	къси	даси	вѣси	гаси	имашн
3	кътъ	дастъ	вѣстъ	гастъ	иматъ
<i>Множественное число</i>					
1	къмь	дамь	вѣмь	гамь	имамь
2	къте	дасте	вѣсте	гасте	имате
3	кътъ	дадатъ	вѣдатъ	гадатъ	иматъ
<i>Двойственное число</i>					
1	къвѣ	давѣ	вѣвѣ	гавѣ	имавѣ
2	къста	даста	вѣста	гаста	имата
3	къте	дасте	вѣсте	гасте	имате

В нетематических основах окончанием 1 ед. (дамь, вѣмь) было -мь (*тъ < *тї) — очевидное отражение индоевропейской флексии *-mī (греч. ἐμί, др.-инд. ásmī, лит. esmī).

2 ед.: ведѣши, знакъси. Окончание -ѣши у тематических глаголов соответствует -си (даси, вѣси, но имашн) у глаголов нетематических основ. По-видимому, окончание -шн сформировалось у глаголов 4 кл. из и.-е. *-sī (*nasī-sī > *nasī-xī > nosīši); по аналогии было перенесено на глаголы с тематическими гласными *e//o.

*-šī должно было дать -шь (так как *ī > ъ). Однако эта флексия, известная славянским диалектам, в старославянских памятниках отсутствует. Происхождение конечного -нн здесь не совсем ясно. Возможно, это влияние форм нетематических глаголов, в которых *-sī возникло из индоевропейского окончания 2 ед. (средневозвратного спряжения) — *saī, где *ai > ī на конце слова (ср. греч. τίθεσαι).

3 ед.: ведѣтъ, знакътъ и **3 мн.:** веджтъ, знажтъ. Форма 3 ед. имела окончание *-тъ: в нетематическом 5 кл. — дастъ, вѣстъ. То же в 3 мн. глаголов 4 и 5 кл.: ходатъ, дадатъ.

Судьба этих форм в восточнославянских языках, а также соответствия в других индоевропейских языках свидетельствуют об исходных формах на *-ti (для 3 ед.) и *-nti (для 3 мн.): ср. др.-рус. **вереть** (3 ед.), **вероуть** (3 мн.) — др.-инд. bháratī (3 ед.), bháranti (3 мн.), др.-рус. **ксть** — греч. ἐστί (3 ед.). В праславянском языке фонетически закономерными формами должны быть окончания с конечным *-ть, что и отразилось в восточнославянских (древнерусских) памятниках: **ведеть**, **знакть**; **веджть**, **знажть**; **дасть**, **вѣсть**; **дадять**, **вѣдять**. В старославянских же памятниках господствует окончание -тъ.

С несомненностью о наличии конечного **ъ** в старославянском языке свидетельствуют написания с **о** на месте сильного редуцированного перед местоимением **съ**: **можето съ** (Мар.) из **можетъ съ** 'может он (этот)', **лежито съ** (Ас.) из **лежитъ съ** 'лежит он (этот)' и др.

В некоторых памятниках старославянской письменности встречаются формы 3 ед. и мн. без окончания -тъ: **є** (Асс., Зогр., Мар.) вместо **ксть**; **може** (Мар.) вместо **можетъ**; **саде** (Асс.) вместо **саетъ**; **вѣроуж** (Асс.) вместо **вѣроужтъ**; **прозираж** (Асс.) вместо **прозражтъ**. Наиболее часты формы без -тъ в Супр. — памятнике, отразившем много специфических черт сравнительно с другими старославянскими памятниками.

Появление -ъ в окончаниях 3 ед. и мн. до сих пор общепринятого объяснения не имеет. Предположение Ф. Ф. Фортунатова о происхождении флексии -тъ (в 3 ед., а по аналогии с ним и в 3 мн.) из указательного местоимения **тъ**¹ возможно только в случае, если будет доказано, что формы без -тъ были обычны в праславянском языке, т. е. достаточно архаичны. Однако существует гипотеза, что эти формы являются новообразованием. В настоящее время широко распространена точка зрения, что формы без *-тъ/*-ть являются индоевропейским архаизмом.

1 мн.: **ведемъ**, **знакмъ**; **дамъ**, **вѣмъ**. Окончание -(ε)мъ в формах 1 мн. всех основ имеет индоевропейское происхождение. Старославянский язык, по-видимому, отражал изменение *-mos > *-mus > -мъ: *vedemos > vedemus > vedemъ (**ведемъ**).

Наряду с этим индоевропейским языкам известны и другие окончания: *-mes, *-men, *-me, *-mo (греч. -μες, -μεν, лит. -me). В разных славянских диалектах им соответствовали не только -мъ, но и -ме, -мо.

В старославянских памятниках встречаются и формы 1 мн. с окончанием на -мы: **имамы**, **накажемы** (Супр.), **оувѣмы** (Клоц.) и др., очевидно возникшим по аналогии с местоимением 1 л. **мы**.

¹ Было высказано впервые в: *Фортунатов Ф. Ф.* Старославянское -тъ в 3-м лице глаголов // Изв. II Отд. АН. 1908. Т. XIII. Кн. 2, а позднее развито С. П. Обнорским (*Обнорский С. П.* Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953. С. 117—137).

оучителю • идж по тебѣ • ѣможе колиждо идеши (Мф. 8: 19 Зогр.) ‘Учитель, я пойду за тобой туда, куда ты пойдешь’; идж, идеши — буд. вр.;

отсели оузърите нѣса отвърста (Ин. 1: 52 Асс.) ‘отныне будете видеть небо отверстием’; ср.: отгъсели не видите мене (Супр. 16.29) (= ‘не увидите’), где не видите — буд. вр.

От глагола бъгъти формы со значением будущего времени образовывались по образцу спряжения глаголов 1 кл. от специальной основы вжд- (она имела значение только будущего времени) с окончаниями настоящего времени (табл. 41).

Таблица 41

Спряжение глагола бъгъти в будущем времени

Лицо	Ед.	Мн.	Дв.
1	<u>вждж</u>	<u>вждемъ</u>	<u>вждевѣ</u>
2	<u>вждеши</u>	<u>вждете</u>	<u>вждета</u>
3	<u>вждетъ</u>	<u>вждятъ</u>	<u>вждете</u>

Будущее первое имело абсолютное значение, т. е. передавало действие, которое произойдет после момента речи.

Оно образовывалось посредством сочетания двух форм — вспомогательного глагола, спрягавшегося в форме настоящего времени, и инфинитива основного глагола. В качестве вспомогательных глаголов использовались имѣти (чаще всего), хотѣти, а также начати (въчати) (табл. 42). Поскольку категория вида находилась в стадии формирования, в составе формы могли употребляться глагольные инфинитивы совершенного и несовершенного вида: имамъ (начьнж, хощтж) творити и имамъ (начьнж, хощтж) сътворити:

азъ ва имамъ мжчити • да никто же възможетъ помостти вама (Супр.) ‘я вас [двоих] буду мучить, и никто не сможет помочь вам’;

сйъ во чѣкы иматъ прѣдати сѧ • въ ржцѣ чѣцѣ (Лк. 9: 44 Зогр.) ‘сын человеческий будет предан в руки человеческие’;

кто слово мое съблюдетъ • съмрѣти не иматъ видѣти въ вѣкъ (Мар.) ‘кто указание мое исполняет, тот никогда смерти не увидит’;

что естъ знаменье • егда хотатъ си бгыти (Лк. 21: 7 Зогр.) ‘какой есть признак, когда это произойдет?’;

кгда величик силы вжйѧ авѣ хощтетъ быти (Супр. 546) ‘когда величие силы Божией будет явно (= проявится)’;

сами сѧ прѣдадатъ и ненавидѣти сѧ начьнжтъ¹ (Мф. 24: 10 Сав.) ‘и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга’.

¹ В других списках възненавидатъ.

Итак, для обозначения будущего действия в старославянском языке использовались сочетания модальных и фазовых глаголов с инфинитивом. Сами вспомогательные глаголы являются формами настоящего времени, однако в сочетании с инфинитивом они стали употребляться для обозначения действия, отнесенного к будущему, именно в силу своего исходного лексического значения, модального или фазового: **имамь** сначала имел значение долженствования, предопределенности, **хоштиж** — значение желанья, готовности совершить действие, а потом неизбежности предстоящего действия, которое вот-вот произойдет: **начьнж/въчьнж** — начала действия.

Таблица 42

Спряжение глаголов в будущем первом времени

Лицо	Вспомогательный глагол			Инфинитив
<i>Единственное число</i>				
1	имамь	начьнж	хоштиж	
2	имаши	начьнешн	хоштеши	+ ходити
3	иматъ	начьнетъ	хоштеть	
<i>Множественное число</i>				
1	имамъ	начьнемъ	хоштемъ	
2	имате	начьнете	хоштете	+ ходити
3	имжтъ	начьжтъ	хотатъ	
<i>Двойственное число</i>				
1	имавѣ	начьневѣ	хоштевѣ	
2	имата	начьнета	хоштета	+ ходити
3	имате	начьнете	хоштете	

Первоначально выбор вспомогательного глагола зависел от его лексического значения. В старославянском языке еще сохраняется связь вспомогательного глагола с его исходным модальным или фазовым значением. Когда-то в праславянском языке эти вспомогательные глаголы были элементами словосочетания, а не частью аналитической формы. Такие словосочетания также представлены в старославянских текстах:

жити же съ вами не хоштж (Супр. 252.21) ‘жить с вами не хочу’;

единого дръжитъ сѧ а о друзѣмь невръшти въчьнетъ (Мф. 6: 24 Асс.) ‘одного предпочитает (предпочтет), а другим пренебрегать начинает (начнет)’;

симоне • имамъ ти нѣчьто рѣшти (Зогр.) ‘Симон! Я должен кое-что сказать тебе’.

Модальное значение неизбежности глагол **хотѣти** в сочетании с инфинитивом имел не только в настоящем, но и в прошедшем времени, при обозначении «будущего в прошедшем»: **начатъ имъ гѣти еже хотѣаше** (имп.) **быти емоу** (Мк. 10: 32 Мар.) ‘[он] начал им говорить, что должно случиться [неизбежно будет] с ним’¹. Не всегда легко определить, что перед нами — вспомогательный или знаменательный глагол с модальным значением. Например, не ясно, дает ли сочетание **хотѣти** + инф. представление об одном действии или о двух в следующих текстах: **что хотѣте ми дати і азъ вамъ прѣдаме и** (Мар.) ‘что хотите мне дать [мне дадите], чтобы я вам предал его [и я вам предам его]’; **и мьнѣхуж ѣко авие хоцетъ црствие бжїе явити сѧ** (Сав.) ‘и они думали, что тотчас должно открыться [вот-вот явится, откроется] Царствие Божие’.

В старославянском языке будущее первое, видимо, уже функционирует как особая временная форма. В первую очередь это относится к сочетанию **имамъ** + инф. В семантическом плане развитие, возможно, было таким: **имамъ ти нѣчьто рѣшти** ‘Я имею кое-что сказать тебе’ → ‘Я должен сказать тебе кое-что’ → ‘Я намерен сказать тебе кое-что’ → ‘Я скажу тебе кое-что’.

В отличие от глаголов **начьнѣ**/**вѣчьнѣ** и **хотѣти** глагол **имамъ** (+ инф.) употребляется для обозначения будущего действия только в форме настоящего времени, поэтому можно считать, что конструкция **имамъ** + инф. в старославянском языке стоит на пути к грамматикализации или уже грамматикализовалась, т. е. превратилась в форму *будущего* абсолютного. На каком-то этапе развития формы глаголов **начьнѣ**/**вѣчьнѣ**, **имамъ** и **хотѣти** + инф. в качестве аналитических форм будущего времени омонимичны соответствующим словосочетаниям, обозначающим два действия расчлененно.

Разнообразие вспомогательных глаголов свидетельствует о том, что еще совсем недавно это были не аналитические формы, а свободные синтаксические сочетания. Примечательно, что в старославянском языке глагол **вѣдѣ**² никогда не использовался как вспомогательный в будущем первом, хотя сочетания вспомогательных форм **вѣдѣ**, **вѣдѣши**, **вѣдетъ**... с прилагательными или причастиями страдательного залога передавали будущее действие или состояние: **живѣ вѣдетъ**, **принѣтъ вѣдетъ**, **зѣванѣ вѣдѣши**, **ведоми вѣдете** и т. д. Форм типа **вѣдѣ пѣсати**, которые соответство-

¹ Ср. также неразложимое словосочетание **хотѣша бѣти** ‘будущее’, где **хотѣша** — полное причастие мн. ч. с. р.: **акы оуже сѣшта • хотѣша бѣти проповѣдаше** (Супр. 323 10—11) ‘как уже существующее [он] будущее проповедал’.

² Глагол **вѣти** имел этимологическое значение ‘расти’ (ср. греч. *φυτόν*, ст.-сл. **вѣлик** ‘трава, растения’); **вѣдѣ** исторически был фазовым глаголом, имел начинательное значение, которое выражалось внутренним суффиксом *п.

вали бы несовершенному будущему в современном русском языке (*буду писать*), старославянские памятники не знают. В безличных предложениях использовались конструкции с **вждетъ** + инф., внешне похожие на аналитическую форму будущего первого: **да не вждетъ отъстъпити отъ сътворившааго ма ѿа** (Супр.) ‘пусть не придется [мне] отступить от сотворившего меня Бога’; **по того оумрътви(i) спѣшьнѣк вждетъ съѣати • трудоу же и гоненіа** (Супр. 302.4) ‘после его кончины потребуются больше усилий описать его [аскетическую] жизнь и гонения’. Здесь **вждетъ спѣшьнѣк** составное именное сказуемое в безличном предложении, а инфинитив **съѣати/ съпѣсати** — дополнение.

Будущее второе образовывалось посредством сочетания двух форм — вспомогательного глагола **вѣти**, спрягаемого в формах будущего простого времени, и причастия прошедшего времени с суффиксом **-а-** (перфектного причастия) от спрягаемого глагола. Таким образом, форма будущего второго — аналитическая. Перфектное причастие не являлось личной формой глагола и не изменялось по лицам. Оно выступало в форме именительного падежа и имело число-родовые окончания по основам на *o (м. и с. р. **неслъ**, **несла**) и *a (ж. р. **несла**), изменялось по числам.

Причастие прошедшего времени на **-а-**, входившее в состав будущего второго, а также сложных прошедших времен и сослагательно-го наклонения, образовывалось от основы инфинитива при помощи суффикса **-л-**, к которому присоединялись родо-числовые окончания: **нести** — **неслъ**, **нести** — **носилъ**. Глаголы 2 кл., в которых суффиксу **-нж-** предшествовал согласный, образовывали причастие без **-нж-**: **двигнѣти** — **двиглъ**, но **минѣти** — **минжлъ**. Если в праславянском языке основа инфинитива оканчивалась на согласные *t, *d, то перед суффиксом ***-л-** они утрачивались: **вести** — **велъ**, **плести** — **плелъ** (см. § 22). У некоторых глаголов 1 кл. при образовании причастия имеет место чередование в корне: **чисти** ‘читать, считать’ — **чълъ**, **мръѣти** ‘умирать’ — **мрьлъ** и т. п. Супплетивизм на базе сильно разошедшихся в процессе звуковых изменений форм имеет место в причастии на **-а-** глагола **ити**: **шьлъ** < *š’ylъ < *xid-l- (иная ступень чередования представлена в корне *ход-: **ходъ**, **ходити**).

Таблица 43

Спряжение глаголов в будущем втором времени

Лицо	Ед.	Мн.	Дв.
1	вждѣ неслъ, -а, -о	вждѣмъ несли, -ы, -а	вждѣвѣ несла, -ѣ, -ѣ
2	вждѣши неслъ, -а, -о	вждѣте несли, -ы, -а	вждѣта несла, -ѣ, -ѣ
3	вждѣтъ неслъ, -а, -о	вждѣтѣ несли, -ы, -а	вждѣте несла, -ѣ, -ѣ

Противоречивая структура этого времени определяется его значением: будущее второе обозначает действие, которое происходило или будет происходить до определенного момента в будущем, и его результат будет важен в этот момент: **паче съкрыѣхъ тainокъ се • еда вѣдетъ съльгаль приходивъти** (Супр.) ‘лучше скрою тайну эту, а то еще (выяснится, что) солгал приходивший’. Момент в будущем — это когда надо скрыть или открыть тайну, а действие, обозначенное глаголом в будущем втором, к этому времени уже завершилось, причем оно завершилось даже и до момента речи. В церковнославянском памятнике русской редакции Изборнике 1076 г. будущее второе выступает в чисто временном значении: **въданъ дъштерь и боудеши съвьрошилъ дѣло велико: и мужеви разоумивоу въданъ ѿ** ‘выдай дочь [замуж] и совершишь большое дело, и отдай ее человеку разумному’.

Это время, в отличие от будущего первого, обычно функционирует как относительное, т. е. выражает действие, предшествующее другому действию, которое является будущим по отношению к моменту речи. Таким образом, будущее второе — будущее в том смысле, что оно как-то связано с будущими по отношению к моменту речи событиями или предшествует им. Однако само будущее второе может обозначать действие, которое является прошлым, настоящим или будущим по отношению к моменту речи.

В евангельских текстах формы этого времени не встречаются. В старославянских памятниках будущее второе употребляется довольно редко и обычно в главной или придаточной части условных конструкций: **аште на то сътворимъ владыкы подражали вѣдемъ** (Супр. 379.11) ‘если это используем, владыкам подражать будем’; **аще ли с(а) вѣдетъ(ь) недоверѣ покаалъс(а) • то да не приимтъ вѣдетъ(ь) въ свое отч(ь)ство** (Евх. 102.15—16) ‘если плохо покается, то не будет принят в своем отечестве’ (оба действия относятся ко времени после момента речи, а именно ко времени применения данного установления; первое действие предшествует второму и обосновывает его); **аще ны деситъ день съмрътны въ грѣсѣхъ то въскъжъ сѧ и родили вѣдемъ** (Евх. 71а б) ‘если нас застанет день смерти в грехах, тогда зачем мы и родимся’ (важно, что второе действие предшествует первому, но второе может относиться и ко времени до момента речи: ведь говорящий уже родился).

Действие, обозначенное глаголом в будущем втором, не является обязательно прошедшим или будущим по отношению к моменту речи, но оно всегда соотносится с планом будущего, поэтому будущее второе целесообразно считать будущим временем.

§ 75. Прошедшее время

В систему прошедших времен старославянского глагола входили: аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект. Каждая из

этих форм грамматического времени имела свое значение. Две формы прошедшего времени (аорист и имперфект) были *простыми*, т. е. состояли из одной словоформы. Две формы прошедшего времени (перфект и плюсквамперфект) были *сложными* (аналитическими), т. е. состояли из двух словоформ.

Такая система была унаследована из праславянского языка, но индоевропейские соответствия имели только некоторые формы аориста; остальные формы прошедших времен представляли собой славянские новообразования.

Аорист

Аористом (от греч. *ἀόριστος* ‘неопределенный, неограниченный’) в старославянском языке называют систему глагольных форм, которые передавали действие, имевшее место до момента речи и являвшееся временной точкой отсчета для любого действия в прошлом. Аорист использовался прежде всего в повествовании. Аорист представляет прошедшее событие независимо от способа протекания действия, поэтому в зависимости от лексического значения глагола формы аориста могли передавать и разные видовые оттенки (законченность, результативность, мгновенность) действия. Аорист мог передавать действие как мгновенное, так и длительное, но целиком отнесенное в прошлое, не расчлененное на моменты:

спѣаѣмъ же чѣкомъ • приде врагъ его и въсѣѣ плѣвелъ по срѣдѣ пшеница и утиде (Мф. 13: 25 Унд.) ‘Когда люди спали, пришел его враг (= дьявол) и посеял плевел (= сорняк) среди пшеницы и ушел’;

...прѣломи и дасть оученикомъ (исоу)с а оученици народоу • и ѣша вси и насытиша сѧ и възаша избытъкъ оукроухъ ѣ кошницы плънъ (Мф. 15: 37 Сав.) ‘[взяв семь хлебов и рыбу,] преломил [их] Иисус и дал ученикам, а ученики — народу, и ели все, и насытились; и [даже еще] набрали излишек кусков [хлеба] 7 полных корзин’;

ї авіе оустръми сѧ стадо все по врѣгоу въ морѣ. ї оумрѣша ї оуптоша въ водахъ (Мф. 8: 32 Зогр.) ‘И тотчас все стадо устремилось (= бросилось) по крутому склону в море, и (все) погибли и утонули в воде’;

ютроу же въвѣшю • сѣвѣтъ сѣтвориша • вси архиерен ї старци людьсци на їса • ѣко оувити і • ї сѣвѣзавѣше и ведоша ї прѣдаша пжнѣтскоумоу пилатоу їѣмоноу (Мф. 27: 1 Зогр.) ‘Когда настало утро, все архиереи и старейшины народные собрали совет против Иисуса и решили предать его смерти. Свяжав его, они повели и передали Понтию Пилату, правителю (= наместнику)’;

онъ [...] имъ ѿ за ржжж • възгласи ꙗла • отроковице въстани • и възврати са дхъ ея [...] и оужаснѣста родителѣ ея (Лк. 8: 56 Зогр., Лк. 8: 54—56) ‘Он... взял ее за руку и воскликнул: «Девочка, встань!» И возвратилось дыхание к ней (= она ожила)... и изумились родители ее’;

излѣзъ же ис кораблѣ петръ и хождаше по водѣ и приде к исѸ (Мф. 14: 29 Сав.) ‘Вылезши из лодки, Петр, пошел (= идя) по воде и подошел к Иисусу’.

Аорист мог образовываться от глагольных основ, давших впоследствии глаголы и совершенного, и несовершенного вида, но в памятниках старославянской письменности чаще представлен аорист от глагольных основ совершенного вида и от основ несовершенного вида, имевших значение определенности (направленности): ити, нести; глаголати, решти и т. д. Соответственно аорист чаще всего можно переводить современным глаголом совершенного вида, а имперфект — глаголом несовершенного вида.

Значение аориста могло передаваться несколькими способами (простой аорист, суффиксальный аорист от глаголов с основной инфинитива на гласный, суффиксальный аорист с основной инфинитива на согласный древнего и нового типа), что зависело от характера основы инфинитива.

Образование аориста

По способу образования в старославянском языке различаются:

1) *простой* (= несуффиксальный), или *асигматический*, аорист, который иногда называют *корневым*, так как флексия присоединяется непосредственно к корню глагола: азъ ид-ъ 1 ед., вы ид-ете 2 мн., они ид-ѣ 3 мн.;

2) *сигматический* (= суффиксальный) аорист (решти ‘сказать’ — азъ рѣхъ 1 ед., вы рѣсте 2 мн., они рѣша 3 мн.).

Сигматический аорист называется так по суффиксу *-s-, который участвовал в образовании его форм в праславянском языке: в греческом алфавите латинской букве S соответствует Σ «σίγμα». В сигматическом аористе суффикс *-s-, который в старославянском языке выступает в виде с [s], χ [x], ш [š¹], чередовавшихся в парадигме аориста, мог присоединяться к основе глагола без соединительного гласного. Такой аорист имели глаголы с основной инфинитива на гласный¹ (познати — азъ познахъ 1 ед., вы познасте 2 мн., они познаша 3 мн.), а также те глаголы с основной

¹ За исключением глаголов с суффиксом -нж-, который присоединялся к конечному согласному корня (двигнѣти, сѣхнѣти и т. п.). Эти глаголы образовывали простой аорист.

на согласный, которые не образовывали простой аорист. Аорист от основ на согласный называется *сигматическим аористом древнего типа*, так как в старославянском языке имелся также сигматический аорист с соединительным гласным -о-, который располагался между корнем и суффиксом -s-. Он развивался у глаголов, образовывавших как сигматический, так и простой аорист. Это так называемый *сигматический аорист нового типа*: он появился позже по модели сигматического аориста от основ на гласный.

Таблица 44

Типы старославянского аориста

Лицо	Корневой (простой)	Сигматический (суффиксальный) аорист				
		Древний	Нового типа		На гласный	
		мошти	нести	пасти	нести	ловити
<i>Единственное число</i>						
1	могъ	нѣсѣ	падохъ	несохъ	ловихъ	дахъ
2	може →	[несе]	[паде]	[несе]	лови	да(стъ)
3	може →	[несе]	[паде]	[несе]	лови	да(стъ)
<i>Множественное число</i>						
1	могомъ	нѣсомъ	падохомъ	несохомъ	ловихомъ	дахомъ
2	можете	нѣсте	падосте	несосте	ловисте	дасте
3	можѣ	нѣса	падоша	несоша	ловиша	даша
<i>Двойственное число</i>						
1	моговѣ	нѣсовѣ	падоховѣ	несоховѣ	ловиховѣ	даховѣ
2	можета	нѣста	падоста	несоста	ловиста	даста
3	можете	нѣсте	падосте	несосте	ловисте	дасте
Основы инфинитива на согласный и на -нж-после согласного					Основы инфинитива на гласный	

Таким образом, глаголы с основами на согласный образовывали аористы всех трех типов. При этом глаголы, которые образовывали корневой аорист, и глаголы, которые образовывали сигматический аорист древнего типа, находились в отношении дополнительного распределения. Одни глаголы (например: *ити, мошти, пасти* — 1 кл.; *двигнѣти, иштѣзнѣти, постигнѣти, прозвѣнѣти* — 2 кл.; *обрѣсти, сѣрѣсти* — 3 кл. и др.) образовывали *корневой* аорист, другие (например: *нести, вести, рѣшти, востити, грѣтити*) — *сигматический*¹. Кроме того, и те и другие глаголы могли образовывать

¹ Установлено, что корневой аорист образовывали глаголы, которые имели в наст. подвижное ударение, а сигматический — глаголы, у которых в наст. было постоянное ударение.

сигматический аорист нового типа (с соединительным гласным *-о-), который по образованию сходен с сигматическим аористом от основ инфинитива на гласный типа *познахъ* (инф. *познати*).

Следует иметь в виду, что *корневой аорист* фактически образовывался от глагольного *корня*, а не от основы инфинитива, например у глаголов 2-го класса в формы аориста не включался суффикс *-нж-*, который имелся в составе основы инфинитива. В парадигмах сигматического аориста как древнего, так и нового типа в 2 ед. и 3 ед. представлены формы, перенесенные из корневого аориста. В аористе формы 2 ед. и 3 ед. всегда совпадали: ср. *масломъ главѣ моеѣ не помаза • си же м'ѹромъ помаза ногѣ мои* (Зогр.) 'маслом головы моей [ты] не помазал, она же (= эта) миром помазала ноги мои'.

Простой аорист

Простой (корневой) аорист образовывался от глаголов с основной инфинитива на корневой согласный: *пасти*, *мошти* (*мог-*) 1 кл.; *обрѣсти* (*обрѣт-*), *сърѣсти* (*сърѣт-*) 3 кл.; и с основой инфинитива на суффиксальный *-нж-* после корневого согласного: *двигнѣти*, *сѣхнѣти* 2 кл. При этом суффикс *-нж-* в образовании простого аориста не участвовал (*двиг-*, *сѣх-*). Формы аориста от глагола *ити* образовывались от основы *ид-*: *азъ идѣ*, *тѣ иде*, *мѣ идомъ* и т. д. При образовании аориста к корню присоединялись тематические гласные *е/о и так называемые вторичные личные окончания, использовавшиеся также при образовании форм имперфекта и повелительного наклонения.

Вторичные окончания отличались от *первичных*, которые изменялись при образовании форм настоящего времени, только в формах 1, 2, 3 ед. и 3 мн. (совпадая в остальных формах) и представляли собой: **-m* (1 ед.), **-s* (2 ед.), **-t* (3 ед.), **-nt* (3 мн.).

В формах аориста, которые были образованы в праславянском языке при помощи вторичных окончаний, вследствие действия закона открытого слога, произошли фонетические изменения: **rad-o-m* > *падѣ* (1 ед.); **rad-e-s* > *паде* (2 ед.); **rad-e-t* > *паде* (3 ед.); **rad-o-nt* > *падж* (3 мн.).

В случае если корень оканчивается на твердые заднеязычные согласные *г*, *к*, *х*, при образовании форм аориста в положении перед гласным переднего ряда *-е-* они переходили в мягкие шипящие согласные (вследствие 1-й палатализации): инф. *двигнѣти* — *двигъ* (1 ед.) — *движе* (2, 3 ед.), инф. *навѣкнѣти* 'научиться' — *навѣкъ* (1 ед.) — *навѣче* (2, 3 ед.), инф. *исѣхнѣти* 'высохнуть' — *исѣхъ* (1 ед.) — *исѣше* (2, 3 ед.).

Спряжение тематических глаголов в простом аористе

Лицо	пасти (пад-)	мошти (мог-)	двиґнѣти (двиґ-)	обрѣсти (обрѣт-)	ити (ид-)
<i>Единственное число</i>					
1	падѣ	могѣ	двиґѣ	обрѣтѣ	идѣ
2	падѣ	може	двиґе	обрѣте	иде
3	падѣ	може	двиґе	обрѣте	иде
<i>Множественное число</i>					
1	падомѣ	могомѣ	двиґомѣ	обрѣтомѣ	идомѣ
2	падете	можете	двиґете	обрѣтете	идете
3	падѣ	могѣ	двиґѣ	обрѣтѣ	идѣ
<i>Двойственное число</i>					
1	падовѣ	моговѣ	двиґовѣ	обрѣтовѣ	идовѣ
2	падета	можета	двиґета	обрѣтета	идета
3	падете	можете	двиґете	обрѣтете	идете

Следует иметь в виду, что формы 2 и 3 ед. в парадигме глаголов, имевших сигматический аорист, также образовывались по типу простого аориста: **азъ рѣхъ** (1 ед.), **вы рѣсте** (2 мн.), **они рѣша** (3 мн.), но **ты, онъ рече** (2 и 3 ед.).

Формы простого аориста считаются наиболее архаичными образованиями в старославянском языке, поскольку простой аорист встречается в глаголических памятниках (Зоґр., Асс., Мар.) и почти отсутствует в кириллических (например, в Супр. — памятнике, самом большом по объему из дошедших до нас старославянских памятников, — отмечена только одна форма простого аориста¹). Однако следует учесть, что от глаголов с основой инфинитива на согласный и на **-нж-** после корневого согласного в формах 2 ед. и 3 ед. в памятниках зафиксированы только формы простого аориста: **идѣ, падѣ, прозаве** и т. д.

¹ Очевидно, что уже в XI в. такие формы не имели (или почти не имели) употребления в живой речи. См.: *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 2. С. 170. Не исключено, впрочем, что в эпоху создания дошедших до нас старославянских памятников это различие носило диалектный характер.

Сигматический (суффиксальный) аорист

Сигматический (суффиксальный) аорист образовывался от лубой основы инфинитива (как на гласный, так и на согласный звук), к которой присоединялся суффикс *-s- и личные («вторичные», как и в простом аористе) окончания. Поэтому образование форм сигматического аориста характеризуют те же фонетические изменения, какие имели место при образовании форм простого аориста.

Глаголы с основой инфинитива на согласный и кратким гласным -е- в корне (**вести** < *ved-tei, **нести** < *nes-tei, **решти** < *rek-tei и др.), спрягающиеся в целом по типу сигматического аориста, во 2 и 3 ед. всегда имеют формы, образованные по типу простого аориста: **ведє**, **рече**, **тече**. Возможно, эти формы оказались устойчивыми в глагольной системе и вытеснили соответствующие формы сигматического аориста¹. Для других лиц формы простого аориста у таких глаголов не зафиксированы: в этих случаях употребляются только формы сигматического аориста.

Образование сигматического аориста от разных основ инфинитива имело свои особенности.

При образовании сигматического аориста от производных и непроизводных основ инфинитива на гласные звуки суффикс аориста присоединялся прямо к основе. При этом в формах с основой на *-i-, *-u- (а по аналогии с ними — и на остальные гласные) происходило изменение суффикса аориста *s > *x (см. § 25 о переходе *s > *x), если дальше не следовал согласный:

*nosi-s-om > nosixъ (**носихъ**, 1 ед.);

*nosi-s-te > nosiste (**носистє**, 2 мн.);

*nosi-s-nt > nosi-x-nt > nosi-x-int > nosiše (**носиша**, 3 мн.).

При этом в форме 3 мн. происходили более сложные изменения: поскольку окончание *-nt присоединялось непосредственно к суффиксу, у сонорного согласного в положении между согласными развивалась слоговая функция. Это приводило к развитию перед ним гласного *i, перед которым *x > š' (по 1-й палатализации). В случае если *-s- оказывался в положении перед согласным *t, переход *s > *x не происходил: *nosi-s-te > **носистє**, 2 мн., *nosi-s-ta > **носиста**, 2 дв., *nosi-s-te > **носистє**, 3 дв.

Таким образом, отличительная черта сигматического аориста — суффикс -с- и его разновидности -х- и -ш- — отразилась в виде чередования с || х || ш в парадигме сигматического аориста.

У глаголов с непроизводной основой инфинитива на корневые гласные -а- (**нача-ти** < *nāken-tei, **кля-ти** < *klen-tei) наряду с формами, возникшими по аналогии (**начахъ**, **кляхъ**, 1 ед.), были возможны и фонетически закономерные формы без перехода *s > x (**начасъ**, **класъ**, 1 ед.).

¹ См. об этом: Селищев А. М. Старославянский язык. Ч. 2. С. 169.

Спряжение тематических глаголов в сигматическом аористе

Лицо	1-й класс			2-й класс			3-й класс		
	бърати	минжѣти	плакати	вити	кръгыти	чюти	любѣти	просити	
<i>Единственное число</i>									
1	бърахѣ	минжѣхѣ	плакахѣ	вихѣ	кръгахѣ	чюхѣ	любихѣ	просихѣ	
2	бъра	минжѣ	плака	ви (вѣтъ)	кръгы	чю	люби	проси	
3	бъра	минжѣ	плака	ви (вѣтъ)	кръгы	чю	люби	проси	
<i>Множественное число</i>									
1	бърахомѣ	минжхомѣ	плакахомѣ	вихомѣ	кръххомѣ	чюхомѣ	любихомѣ	просихомѣ	
2	бърасте	минжѣсте	плакасте	вѣсте	кръгѣсте	чюѣсте	любѣсте	просѣсте	
3	бъраша	минжѣша	плакаша	вѣша	кръгѣша	чюша	любѣша	просѣша	
<i>Двойственное число</i>									
1	бъраховѣ	минжховѣ	плакаховѣ	виховѣ	кръхховѣ	чюховѣ	любиховѣ	просиховѣ	
2	бъраста	минжѣста	плакаста	вѣста	кръгѣста	чюѣста	любѣста	просѣста	
3	бърасте	минжѣсте	плакасте	вѣсте	кръгѣсте	чюѣсте	любѣсте	просѣсте	

Спряжение нетематических глаголов в сигматическом аористе

Лицо	выти	дати	вѣдѣти	исти	имѣти
<i>Единственное число</i>					
1	вѣхъ	дахъ	вѣдѣхъ	асть (ахъ)	имѣхъ
2	вѣы (выстѣ)	да (дастѣ)	вѣдѣ	а (асть)	имѣ
3	вѣы (выстѣ)	да (дастѣ)	вѣдѣ	а (асть)	имѣ
<i>Множественное число</i>					
1	вѣхомъ	дахомъ	вѣдѣхомъ	асомъ (ахомъ)	имѣхомъ
2	вѣсте	дасте	вѣдѣсте	асте	имѣсте
3	вѣша	даша	вѣдѣша	аса (аша)	имѣша
<i>Двойственное число</i>					
1	вѣховѣ	даховѣ	вѣдѣховѣ	асовѣ (аховѣ)	имѣховѣ
2	вѣста	даста	вѣдѣста	аста	имѣста
3	вѣсте	дасте	вѣдѣсте	асте	имѣсте

Нетематические глаголы **выти**, **дати**, **исти** имели во 2 и 3 ед. не только формы **вѣ**, **да**, **а**, представляющие собой чистую основу инфинитива, но и формы с окончанием **-стѣ**: **выстѣ**, **дастѣ**, **асть**.

От некоторых тематических глаголов с непроизводной основой инфинитива на гласные **-и-**, **-а-**, **-ѣ-** и от основ на неполногласные сочетания в корне в формах 2 и 3 ед., наряду с формами без **-тѣ**, отмечены образования с окончанием **-тѣ**: **ви-ти** — **витѣ**, **кла-ти** — **клатѣ**, **нача-ти** — **начатѣ**, **въспѣ-ти** — **въспѣтѣ**, **прिया-ти** — **прियाтѣ**, **поѣа-ти** — **поѣатѣ**, **оумрѣ-ти** — **оумрѣтѣ**.

Однозначного объяснения происхождения форм на **-тѣ** и **-стѣ** не получило. Возможно, их появление вызвано воздействием форм настоящего времени.

Сигматический аорист древнего типа известен только от некоторых основ на согласные звуки. Наиболее широко представлены формы сигматического архаического аориста от глаголов с гласным **-е-** в корне: **решти**, **вести**, **нести**, но не встречаются формы такого аориста от глаголов 2 кл. и от основы **ид-** (глагола **ити**).

При образовании форм данного типа аориста суффикс **-с-** присоединялся непосредственно к основе инфинитива; соединительная гласная употреблялась только в форме 1 ед., мн. и дв., далее

шли вторичные окончания. Согласный корня оказывался перед согласным суффикса, возникало сочетание согласных; сочетание согласных, возникшее на стыке основы и суффикса, подлежало упрощению:

*ved-s-om > veds-om > vēsom > **вѣсъ** (1 ед.) (**вести** < *vedtei);

*bod-s-om > bods-om > bōsom > **басъ** (1 ед.) (**вост** < *bodtei).

Если древняя основа оканчивалась заднеязычным согласным *k, то в формах аориста происходили следующие изменения (см. § 25, 26):

*rek-s-om > rekx-om > rēxom > **рѣхъ** (1 ед.) (**решти** < *rektei);

*rek-s-o-mos > rekxo-mos > rēxomos > rēxomъ > **рѣхомъ** (1 мн.);

*rek-s-nt > reks-int > rekx-int > rēx-int > rēs'ę > **рѣшл** (3 мн.).

Но:

*rek-s-te > rēste > rēste > **рѣсте** (2 мн., 3 дв.);

*rek-s-ta > rēsta > rēsta > **рѣста** (2 дв.).

Таким образом, фонетически закономерный переход *s > x отражен в формах 1 ед., 1 мн., 3 мн. В форме 3 мн. произошло еще изменение *x > š' по 1-й палатализации.

При образовании аориста этого типа наблюдается количественное чередование гласных е // ѣ, о // а, ь // и как результат удлинения корневого гласного вследствие утраты согласного корня перед согласным суффикса.

Таблица 48

Спряжение тематических глаголов в сигматическом аористе древнего типа

Лицо	решти (рек-)	вести (вед-)	вост
<i>Единственное число</i>			
1	рѣхъ	вѣсъ	басъ
2	рече	веде	боде
3	рече	веде	боде
<i>Множественное число</i>			
1	рѣхомъ	вѣсомъ	басомъ
2	рѣсте	вѣсте	басте
3	рѣшл	вѣсл	басл
<i>Двойственное число</i>			
1	рѣховѣ	вѣсовѣ	басовѣ
2	рѣста	вѣста	баста
3	рѣсте	вѣсте	басте

Спряжение тематических глаголов в сигматическом аористе нового типа

Лицо	1-й класс			2-й класс	3-й класс
	пасти (пад-)	решти (рек-)	мошти (мог-)	движншти (двиг-)	оврѣшти (оврѣт-)
<i>Единственное число</i>					
1	падохъ	рекохъ	могохъ	двигохъ	оврѣтохъ
2	паде	рече	може	движе	оврѣте
3	паде	рече	може	движе	оврѣте
<i>Множественное число</i>					
1	падохомъ	рекохомъ	могохомъ	двигохомъ	оврѣтохомъ
2	падосте	рекосте	могосте	двигосте	оврѣтосте
3	падошм	рекошм	могошм	двигошм	оврѣтошм
<i>Двойственное число</i>					
1	падоховѣ	рекоховѣ	могоховѣ	двигоховѣ	оврѣтоховѣ
2	падоста	рекоста	могоста	двигоста	оврѣтоста
3	падосте	рекосте	могосте	двигосте	оврѣтосте

Во 2 и 3 ед. в сигматическом архаическом (и в новообразованном) аористе встречаются только простые несuffиксальные формы.

Сигматический аорист нового типа мог образовываться от любых основ инфинитива на согласные. Он считается более поздним образованием, чем архаический аорист. Общепринятым является мнение, объясняющее появление этого типа аориста влиянием сигматического аориста от основ на гласные звуки¹.

Формы сигматического аориста нового типа образовывались от основ на согласные путем присоединения к ним посредством тематического гласного *o* суффикса сигматического аориста *-с-* (отразив чередование *с* || *χ* || *ш*) и личных окончаний:

¹ См.: *Иванова Т. А.* Старославянский язык. СПб., 2005. С. 183; *Хабургаев Г. А.* Старославянский язык. М., 1974. С. 275. Высказываются предположения, что данный тип аориста мог явиться результатом контаминации простого и древнего сигматического аориста. См.: *Ремнева М. Л.* Старославянский язык. М., 2004. С. 261. Есть и иная точка зрения, рассматривающая разные формы аориста от основ на согласные как параллельные образования. См.: *Откупщиков Ю. В.* О старославянском сигматическом аористе // Учен. зап. Ин-та славяноведения. 1963. Т. 27.

пад- > падохъ (1 ед.);

вед- > ведохъ (1 ед.);

рек- > рекохъ (1 ед.), как хвалихъ, знахъ и т. д.

Не случайно спряжение этих форм оказалось аналогичным спряжению форм сигматического аориста от глаголов с основной инфинитива на гласные звуки.

У глаголов с основной инфинитива на суффикс -нж- этот суффикс отбрасывался, и форма аориста образовывалась от корня слова: **двиг-нж-ти** (двиг-) — **двигохъ** (1 ед.). Позднее от этих глаголов стали также употребляться формы аориста, сохранившие основу инфинитива: **двигнжхъ** (1 ед.).

Формы сигматического аориста нового типа отсутствуют в таких древнейших памятниках старославянской письменности, как Клоц., Мар., Син., но встречаются иногда в Асс. и довольно часто — в Зогр. Кириллические памятники Сав. и Супр. знают только формы типа **падохъ**, **обрѣтохъ**, **рѣкохъ**, почти вытеснившие старые формы сигматического аориста типа **рѣхъ**.

Имперфект

Если *аорист* был временной точкой отсчета для любого действия в прошлом и устанавливал границу совершившихся действий в прошлом, то *имперфект* (от лат. imperfectum — ‘несовершенное’), выполняя уточняющую временную функцию, обозначал фоновое, побочное, сопутствующее действие — одновременное, предшествовавшее или следующее по отношению к действию, обозначенному аористом: **і исцѣли** (аор.) **отрока • и въдасть** (аор.) **і оцю его • дивѣхъ** (имп.) **же сѧ вси о величии бѣни** (Лк. 9: 42 Мар.) ‘и [Иисус] исцелил мальчика и отдал его отцу его; и удивлялись все величию божию’¹. При этом имперфект мог передавать действие или состояние, длившееся или повторявшееся, имевшее место в прошлом на фоне событий, обозначенных формами аориста:

и събра всѧ архiereѧ и кѣнижники людскыѧ и въпрашаше ѧ (Мф. 2.2 Сав.) ‘и собрал всех архиереев и книжников людских, и расспрашивал их’ (**събра** 3 ед. — аорист; **въпрашаше** 3 ед. — имперфект, выражающий последствие или цель действия, выраженного аористом);

¹ Исследователи отмечают, что, поскольку в евангельских текстах главной фигурой является Иисус Христос, «чаще всего действия Христа, привлекающего основное внимание евангелистов, обозначаются формами аориста, а действия остальных лиц, как второстепенных, но связанных с ним, — формами имперфекта» (Бунина И. К. Система времен старославянского глагола. М., 1959. С. 116).

сърѣте и мжжъ единъ отъ града ѿже имѣ вѣсы отъ лѣтъ мьногъ • і въ ризѣ не облачааше сѧ і въ храмѣ не живѣаше • нъ въ гробѣхъ (Лк. 8: 27 Мар.) ‘встретил его [Иисуса] один человек из города, который много лет был одержим бесами, и не носил одежду, и жил не в доме, а в пещерах’ (сърѣте 3 ед. и имѣ 3 ед. — аористы, обозначающие действия и состояния первого плана повествования; не облачааше сѧ 3 ед. и не живѣаше 3 ед. — имперфекты, которые раскрывают содержание обозначенной с помощью аориста характеристики персонажа, который имѣ вѣсы). В данном случае формами имперфекта передано длительное и повторяющееся действие, что подчеркивается сочетанием отъ лѣтъ мьногъ ‘в течение многих лет’, которое, впрочем, относится скорее к аористу, обозначающему glavное действие;

въ тѣхъ лежаше мьножество болаштнихъ • слѣпъ хромъ • соухъ • чажштнихъ движениѣ • водѣ • а҃лѣ бо гнѣ на вьстѣ лѣта сѣхждааше въ кѣпѣль • і възмжштааше водѣ • і иже прѣвѣе вълажаше по възмжштении воды сѣдравъ вывааше (Ин. 5: 3—4 Мар.) ‘в них лежало множество больных: слепых, хромых, параличных, ожидающих движения воды, ибо ангел господень время от времени сходил в купальню и возмущал воду, и кто первый входил [в воду] по возмущении воды, тот становился здоровым’. Здесь, описывая ситуацию, в которой произойдут следующие события, цепочка форм имперфекта, прерывающая повествование, передает повторяющиеся действия в прошлом.

Таким образом, имперфект, обозначая действие длительное или повторяющееся, часто употреблялся при описании, когда важно было специально подчеркнуть длительность или повторяемость действия, и в этом смысле являлся маркированной формой. Аорист же при повествовании был нейтрален, передавая любое действие в прошлом, независимо от характера его протекания (см. § 72).

Кроме того, в старославянских текстах отмечается употребление имперфекта для обозначения нового события по отношению к действию, обозначенному предшествующим аористом, другими словами, «для обозначения действий, составляющих одно из последующих звеньев в цепи событий данного периода прошлого»¹. Ср.: възиде (аор.) же на горѣ ис • и тоу сѣдѣаше (имп.) сѣ оученикы своими (Ин. 6: 3 Мар.) ‘взошел на гору Иисус и там сел с учениками своими’. В таких контекстах имперфект мог приобретать оттенок начала действия, являющегося как бы следствием предыдущего: ср. і вьстѣ (аор.) воурѣ вѣтрѣна велиѣ • вльнѣ же въливаахѣ (имп.) сѧ въ ладнѣ • ѣко юже погразнжти хотѣаше (имп.) (Мк. 4:

¹ Бунина И. К. Система времен старославянского глагола. М., 1959. С. 107.

37 Зоґр.) ‘и поднялась сильная буря, и волны стали вливаться в лодку, так что она чуть не начала тонуть’.

Формы имперфекта являются праславянским новообразованием. Происхождение славянского имперфекта во многом остается неясным, хотя очевидно влияние форм сигматического аориста на образование имперфекта. В праславянском языке имперфект образовывался от основы инфинитива с помощью специального суффикса имперфекта *-(ē)āx-, к которому присоединялись тематический гласный и вторичные личные окончания. Выбор суффикса *-ēāx- или *-āx- зависел от типа основы инфинитива. Старославянские формы имперфекта отражают фонетические изменения позднего праславянского периода.

Образование имперфекта

Формы имперфекта в старославянских текстах легко узнать по суффиксам -ѣах(ш)-/-паах(ш)- и -ах(ш)-, однако образование имперфекта трудно описать, так как не всегда ясно, от какой основы — инфинитива или настоящего времени — он образовывался и какие суффиксы принимали участие в его образовании. В праславянском языке имперфект образовывался от основы инфинитива, однако в результате ряда фонетических изменений возникли сложности в определении основы. Старославянские памятники отражают тенденцию к сближению славянского имперфекта с основой настоящего времени. Можно исходить из того, что имперфект образовывался от древней (праславянской) основы инфинитива или настоящего времени при помощи перечисленных суффиксов, за которыми следовали окончания корневого аориста (т. е. вторичные окончания).

Если основа инфинитива оканчивалась на гласные -а- и -ё-, то глаголы 1, 3 и 4 кл. образовывали имперфект от основы инфинитива при помощи суффикса -ах(ш)-: **вьраахъ**, **вьрааше**... (1 кл.), **знаахъ**, **знааше**... (3 кл.), **видѣахъ**, **видѣаше**... (4 кл.). Однако в старославянских памятниках для некоторых глаголов этой группы имеются и формы имперфекта от основы настоящего времени: **зовѣахъ** вместо **зъваахъ**, **женаахъ** вместо **гънаахъ**, **верпаахъ** вместо **вьраахъ**, **вѣроуѣахъ** вместо **вѣроваахъ** и т. п.

Глаголы 1-го и 2-го классов, а также те глаголы 3-го класса, которые имели основу инфинитива на корневые гласные -i- (**пити**), -u- (**крыти**), -u- (**чюти** ‘замечать, чувствовать’) или на рефлекс метатезы плавных (**млѣти** ‘молоть’, **мельж** < *melti, *meljon), образовывали имперфект от основы настоящего времени при помощи суффикса -ѣах- (или -паах- после рефлексов 1-й палатализации

и *j): **несѣахъ, несѣаше...**; **сѣхнѣахъ, сѣхнѣаше...**; **течаахъ, те-
чааше...**, **пиахъ, пиааше...**, **мелтаахъ, мелтааше...** и т. п. К этому
же суффиксу примыкали глаголы 4-го класса, образывавшие
имперфект от основы инфинитива (которую, впрочем, можно в
принципе интерпретировать как основу настоящего времени как
она представлена в форме 1 ед.) на гласный **-i-** (но не на гласный
-ě-). Этот гласный **-i-**, который в позиции перед гласным давал *j,
в процессе праславянских фонетических изменений воздействовал
как на предшествующий согласный глагольной основы (изменения
сочетаний согласных с *j), так и на гласный суффикса (изменение
***ē > *ā** после палатальных согласных, возникших из сочетаний с *j):
носити — ношаахъ, ношааше...; **хвалити — хвалтаахъ, хвалтааше...**
и т. п.

Итак, если основа инфинитива:

1) на **-а-** или некорневой **-ѣ-** → суффикс имперфекта **-ах(ш)-**
присоединяется к основе инфинитива: **дати → даахъ, дааше...**,
сѣдѣти ‘сидеть’ → сѣдѣахъ, сѣдѣаше..., **прихаждати ‘приходить’**
→ **прихаждаахъ, прихаждааше...**, **движати са ‘двигаться’ → дви-
жаахъ са, движааше са...**;

2) **не** на **-а-** или некорневой **-ѣ-** → суффикс имперфекта
-ѣах(ш)- / -таах(ш)- / -аах(ш)- присоединяется к основе насто-
ящего времени: **двигнѣти → двигнѣж → двигнѣахъ, двигнѣ-
ѣаше...**, **жи-ти → живѣж → живѣахъ, живѣаше...**, **дѣ-ти ‘дуть’**
→ **дѣмѣж → дѣмѣахъ, дѣмѣаше...**, **пѣ-ти ‘петь’ → поѣж [roj-ɔ]**
→ **поѣахъ, поѣаше...**, **приходити ‘приходить, подходить’ → прихаждѣж**
[pɣihoʂdʹ-ɔ] → прихаждаахъ, прихаждааше...

Тематических гласных, которые использовались при образова-
нии имперфекта, было два: *o — для 1 ед., 1 мн., 1 дв. и 3 мн.;
*e — для 2 ед., 2 мн., 2 дв. и 3 ед. и 3 дв. В формах с тематичес-
ким гласным *e в суффиксе имперфекта происходило чередование
согласных, вызванное 1-й палатализацией: **ведѣаш-е** (2, 3 ед.),
ведѣаш-е-те (2 мн.), **ведѣаш-е-та** (2 дв.), **ведѣаш-е-те** (3 дв.).
В старославянском языке тематические гласные вошли в состав
окончания имперфекта в результате переразложения.

«Вторичные» окончания, которые использовались при образо-
вании имперфекта, — ***-m** (1 ед.), ***-s** (2 ед.), ***-t** (3 ед.), ***-nt**
(3 мн.) — не могли сохраниться в силу действия закона открытого
слога, поэтому в формах имперфекта произошел ряд преобразо-
ваний, аналогичный тому, что имел место в простом аористе (см.
выше): в 1 ед. ***-om > *-on > ъ**: *vedēāxom > vedēaxъ (**ведѣахъ**); во
2 ед.: *vedēāxes > *vedēāše > vedēaše (**ведѣаше**); в 3 ед.: *vedēāxet >
*vedēāše > vedēaše (**ведѣаше**), т. е. формы совпали; в 3 мн.: ***-ont >**
ɔ (в результате монофтонгизации и утраты конечного согласного):
*vedēāxont > vedēaxɔ (**ведѣахж**).

Спряжение тематических глаголов в имперфекте

Лицо	1-й класс		2-й класс		3-й класс		4-й класс	
	вести	мошти	двингъжти	плакати	глаголати	любити	просити	
<i>Единственное число</i>								
1	ведѣахъ	можаахъ	двингѣахъ	плакаахъ	глаголаахъ	люблаахъ	прошаахъ	
2	ведѣаше	можааше	двингѣаше	плакааше	глаголааше	люблааше	прошааше	
3	ведѣаше	можааше	двингѣаше	плакааше	глаголааше	люблааше	прошааше	
<i>Множественное число</i>								
1	ведѣахомъ	можаахомъ	двингѣахомъ	плакаахомъ	глаголаахомъ	люблаахомъ	прошаахомъ	
2	ведѣашете	можаашете	двингѣашете	плакаашете	глаголаашете	люблаашете	прошаашете	
3	ведѣахъж	можаахъж	двингѣахъж	плакаахъж	глаголаахъж	люблаахъж	прошаахъж	
<i>Двойственное число</i>								
1	ведѣаховѣ	можааховѣ	двингѣаховѣ	плакааховѣ	глаголааховѣ	люблааховѣ	прошааховѣ	
2	ведѣашета	можаашета	двингѣашета	плакаашета	глаголаашета	люблаашета	прошаашета	
3	ведѣашете	можаашете	двингѣашете	плакаашете	глаголаашете	люблаашете	прошаашете	

Глагол **бѣти** в имперфекте имел особое образование от специальной основы имперфекта **бѣ-** при помощи суффикса **-ах-** и личных окончаний (**бѣахъ** 1 ед., **бѣаше** 2, 3 ед. ...). В старославянском языке от этой основы имперфекта образовывались и формы аориста глагола **бѣти**, который, таким образом, имел две парадигмы аориста: от основы инфинитива **бѣ-** (**бѣхъ** 1 ед., **бѣ(стъ)** 2, 3 ед. ...) и от основы имперфекта **бѣ-** (**бѣхъ** 1 ед., **бѣ** 2, 3 ед....).

Аорист от основы инфинитива **бѣ-** имел значение ‘стал, возник, произошел’, аорист от основы имперфекта **бѣ-** имел значение ‘был, имел место (быть)’, а имперфект имел значение ‘был, находился’:

се тржсъ вели бѣстѣ въ мори (Мф. 8: 24 Зогр.) ‘и вот буря сильная была [= сделалась] на море’;

і печаленъ бѣѣ цѣръ (Мф. 14: 9 Мар.) ‘и печален был [= делался] (= опечалился) царь’;

въ истинѣ чѣкъ съ правдѣнь бѣ (Лк. 23: 47 Зогр.) ‘истинно человек этот был праведник’;

не бѣша во далече отъ земли ‘ибо они были [= находились] не далеко от земли’ (Ин. 21: 8).

Памятники старославянской письменности отражают следующие изменения в формах имперфекта:

1) сближение основ имперфекта с основами настоящего времени, что проявилось в образовании форм имперфекта от основ настоящего времени: **зовѣаше** (Супр.) наряду с **зѣваахъ**; **вѣсѣдоуаше** (Супр.) наряду с **вѣсѣдовааше** и др.;

Таблица 51

Спряжение глагола **бѣти** в аористе и имперфекте

Лицо	Аорист от основы инфинитива бѣ-	Аорист от основы имперфекта бѣ-	Имперфект от основы бѣ-
<i>Единственное число</i>			
1	бѣхъ	бѣхъ	бѣахъ
2	бѣ(стѣ)	бѣ	бѣаше
3	бѣ(стѣ)	бѣ	бѣаше
<i>Множественное число</i>			
1	бѣхомъ	бѣхомъ	бѣахомъ
2	бѣсте	бѣсте	бѣашете
3	бѣша	бѣша	бѣахъ
<i>Двойственное число</i>			
1	бѣховѣ	бѣховѣ	бѣаховѣ
2	бѣста	бѣста	бѣашета
3	бѣсте	бѣсте	бѣашете

2) распространение аористных окончаний на формы имперфекта во 2 мн., 2 и 3 дв.: **несѣасте** вместо **несѣашете**, **несѣаста** вместо **несѣашета**;

3) ассимиляцию и стяжение гласных в суффиксе имперфекта: **ведѣахъ** > **ведѣхъ**, **можаахъ** > **можахъ** и др.

Сложные прошедшие времена: перфект и плюсквамперфект

Сложные (описательные) прошедшие времена — перфект и плюсквамперфект — образуются при помощи действительного причастия на -л-, изменявшегося по родам и числам, и форм вспомогательного глагола **быти**. При образовании перфекта использовалась соответствующая форма настоящего времени, а при образовании плюсквамперфекта — форма имперфекта (ПП_и) или аориста (ПП_а) от основы имперфекта.

Причастие прошедшего времени на -л-, входившее в состав сложных прошедших времен, а также будущего второго и сослагательного наклонения образовывалось от основы инфинитива при помощи суффикса -l- (см. § 79).

Перфект

Перфект (от лат. perfectum ‘совершенное’) — сложная (аналитическая) форма прошедшего времени. Обычно перфектом называют такое грамматическое время, посредством которого обозначают действие, имевшее место в прошлом, результат которого актуален в настоящем:

и се възъсписте г҃ица • чьто естѣ нама и тебѣ снѣ бж҃и • пришедъ еси сѣмо прѣжде врѣмене мжчитѣ насѣ (Мф. 8: 29 Асс.) ‘И вскричали (они), говоря: «Что Тебе до нас, Сын Божий? Зачем Ты пришел сюда раньше срока мучить нас?»’ (перфект 2 ед. **пришедъ еси** — т. е. в данный момент пришедший находится здесь).

Таким образом, перфект устанавливал связь между прошлым и настоящим, что отражалось в его форме.

Перфект образовывался при помощи вспомогательного глагола **быти**, спрягавшегося в настоящем времени, и перфектного причастия с суффиксом -л- основного глагола. Причастие изменялось по родам и числам. Значения лица и числа выражали формы вспомогательного глагола (см. табл. 52).

В старославянском языке вспомогательный глагол мог находиться как после причастной формы, так и перед ней, однако чаще вспомогательный глагол ставился после причастия на -л-: **далъ еси веселіе въ ср҃ци моемъ** (Пс. 4.8 Син.); **далъ емоу еси • дл҃готѣ дѣны въ вѣкѣ** (Пс. 20.5 Син.) ‘Ты дал ему жизнь вечную’; **вселенѣжъ всѣхъ съпаслъ естѣ** (Клоц. 36, 40) ‘Он спас весь мир’.

Спряжение глаголов в перфекте и плюсквамперфекте

Лицо	Перфект	Плюсквамперфект	
		с вспомогательным глаголом в имперфекте	с вспомогательным глаголом в аористе
<i>Единственное число</i>			
1	късмь велъ, -а, -о	бѣахъ велъ, -а, -о	бѣхъ велъ, -а, -о
2	къси велъ, -а, -о	бѣаше велъ, -а, -о	бѣ велъ, -а, -о
3	къстъ велъ, -а, -о	бѣаше велъ, -а, -о	бѣ велъ, -а, -о
<i>Множественное число</i>			
1	късмь вели, -ы, -а	бѣахомъ вели, -ы, -а	бѣхомъ вели, -ы, -а
2	късте вели, -ы, -а	бѣашете вели, -ы, -а	бѣсте вели, -ы, -а
3	къстъ вели, -ы, -а	бѣахъ вели, -ы, -а	бѣша вели, -ы, -а
<i>Двойственное число</i>			
1	късвѣ вела, -ѣ, -ѣ	бѣаховѣ вела, -ѣ, -ѣ	бѣховѣ вела, -ѣ, -ѣ
2	къста вела, -ѣ, -ѣ	бѣашета вела, -ѣ, -ѣ	бѣста вела, -ѣ, -ѣ
3	късте вела, -ѣ, -ѣ	бѣашете вела, -ѣ, -ѣ	бѣсте вела, -ѣ, -ѣ

Подвижность вспомогательного глагола была связана с тем, что, функционируя как служебное слово, в конце праславянского периода он стал энклитикой и подчинялся строгим правилам поведения энклитик. Эти правила восходят к индоевропейскому периоду и заключаются в том, что энклитика, примыкая к предшествующему ударному слову, занимала место непосредственно после первого самостоятельного слова элементарного предложения (или после другой энклитики или даже нескольких энклитик, примыкающих к первому самостоятельному слову), поэтому он мог стоять и перед причастием на -л-, если первым словом было не причастие: *ѣи кто ти къстъ раздѣралъ котыгъж* ‘Господин, кто тебе разорвал нижнюю одежду?’ (Супр. 187.11–12) (первым самостоятельным словом является местоимение *кто*, за ним следует другая энклитика — местоимение *Д. ед. ти*, тогда как обращение трактуется как отдельная предикативная единица и в расчет не принимается).

Если требовалось подчеркнуть отрицание действия или состояния, то перед причастной формой употреблялась отрицательная

частица **нѣ**: ...**і мнѣ николи же нѣ далъ еси козълѣте...** (Лк. 15: 29 Зогр.) ‘...а (ты) мне ни разу не дал (даже) козленка...’. Усилению общеотрицательного смысла высказывания служит отрицательное наречие **николи** ‘никогда’.

Если отрицательный смысл придавался всему высказыванию, то отрицательная частица **нѣ** употреблялась перед вспомогательным глаголом **кстѣ**. При этом вместо ожидаемого **нѣ кстѣ** в старославянском выступала форма **нѣстѣ**, видимо возникшая в праславянском еще до появления протетического *j, т. е. *ne esti > *nēsti > *nĕstĕ > **нѣстѣ**:

бждетъ во тѣгда скръвь велика. ꙗко нѣстѣ была. ѡтѣ начала всего міра доселѣ. ни иматъ быти (Мф. 24: 21 Асс.) ‘Ибо будет тогда великая печаль, какой не было с сотворения мира донныне и не будет (после)’.

Перфект встречается, как правило, не в авторском повествовании, а в прямой речи, что обусловлено его семантикой.

В старославянских памятниках, в частности в Супр., отмечают формы перфекта без вспомогательного глагола. Известны случаи опущения вспомогательного глагола в 1 ед. в Синайском требнике: **испыталъ ли еси манастирь оѣвѣтѣ: испыталъ. въпроѣ : естѣ ли ти годѣ игоумень и братриѣ вѣсѣ оѣвѣтѣ: годѣ** (Евх. 92а 17—18) ‘[Вопрос:] — Разузнал ли ты о монастыре? — Ответ: — Разузнал. Вопрос: — Нравится ли тебе игумен и вся братия? — Ответ: — Нравится’. Подобные примеры квалифицируются как эллипсис, характерный для разговорной речи¹.

Первоначально перфект представлял некое прошедшее действие прежде всего как *признак* (свойство) субъекта, причем как признак, сохраняющий актуальность к *настоящему* времени, что находило отражение в форме: связка, превратившаяся в вспомогательный глагол, + причастие на -л-. В старославянском языке первоначальное значение перфекта претерпело изменение: начался процесс «оглаголивания» причастия на -л-, т. е. переход его в *verba finita*. Ко времени появления древнейших славянских памятников причастия на -л- стали выражать активную прошедшую деятельность субъекта, но такую деятельность, которая была *актуальна* для субъекта в момент речи. Таким образом, перфект указывает на связь прошедшего действия с ситуацией настоящего момента времени (это как бы «преднастоящее» время), что объясняет преимущественное употребление перфекта в прямой речи: **въшедъ глѣ имъ • чьто мѣвите и плачете сѧ • отроковица нѣстѣ оумрѣла нѣ спитѣ** (Мк. 5: 39 Мар.) ‘и войдя [в дом], говорит им: «что шумите и плачете? девица не умерла, но спит»’; (**ѣко**) **глѣ ѡже далъ еси**

¹ См.: Селищев А. М. Старославянский язык. Ч. 2. С. 173—174.

мнѣ дахъ имъ і ти приахъ (Ин. 17: 8 Мар.) '[молитва Иисуса за оставляемых учеников:] и слова, которые Ты дал Мне, Я передал им, и они приняли'.

Плюсквамперфект

Плюсквамперфект (от лат. plusquamperfectum 'более чем совершенное') — сложная (аналитическая) форма прошедшего времени (так называемое предпрошедшее или давнопрошедшее). Плюсквамперфект обозначал действие или состояние в прошлом, предшествовавшее другому прошедшему действию или состоянию, т. е. характеризовал одно прошедшее действие или состояние относительно другого прошедшего действия или состояния. Это нашло отражение в структуре плюсквамперфекта, который образовывался при помощи вспомогательного глагола **быти**, спрягавшегося в прошедшем времени, и перфектного причастия с суффиксом **-л-** основного глагола. Формы вспомогательного глагола (как и в перфекте) указывали на лицо и число, а причастие изменялось по родам и числам. При этом плюсквамперфект в старославянском языке мог образовываться двумя способами (см. табл. 52):

1) с помощью вспомогательного глагола в форме имперфекта глагола **быти** (**вѣахъ**, **вѣаше...** + **ходилъ**, **-ла**, **-ло**);

2) с помощью вспомогательного глагола в форме аориста глагола **быти**, образованного от основы имперфекта **вѣ-** (**вѣхъ**, **вѣ...** + **ходилъ**, **-ла**, **-ло**).

Возможно, использование вспомогательного глагола в имперфекте (**вѣахъ ходилъ**) или аористе (**вѣхъ ходилъ**) зависело от того, с каким из простых прошедших времен (имперфектом или аористом) соотносился плюсквамперфект:

сѣсѣди же и иже и вѣахъ видѣли прѣжде ѣко слѣпъ вѣ • гѣлаахъ... (Ин. 9: 8 Мар.) 'Соседи же и те, кто видел (= которые видели) раньше, что он был слепым, говорили...' (имперфект глагола **ахъ** — ПП_И **вѣахъ видѣли**);

і видѣ дѣва анѣла въ вѣлахъ сѣдѣшта • единого оу главты і единого оу ногоу • їде же вѣ лежало тѣло нѣво (Ин. 20: 12 Зогр.) 'и увидела [Мария] двух ангелов в белых (одеждах), сидящих, одного у изголовья, а другого — у ног, где [раньше] лежало тело Иисуса' (аорист **видѣ** — ПП_А **вѣ лежало**).

Функция плюсквамперфекта — обозначение действия, совершившегося или не совершившегося ранее другого прошедшего действия. Обычно плюсквамперфект передает действие, предшествующее другому действию, с актуальными последствиями в после-

дующем временном плане, в частности аннулированность действия:

и искахъ же ѡти и • і никто же не възложи рѣкы на нь • ꙗко не оу вѣ пришелъ годъ его (Ин. 7: 30 Мар.) ‘и хотели схватить его, но никто не наложил на него руки, потому что еще не пришло время его’;

іде же и оумы сѧ и приде видѧ • сжсѣди же и иже и вѣ ахъ видѣли прѣжде ꙗко слѣпъ вѣ • глѧахъ не съ ли естѣ сѣдѧи и просѧ (Ин. 9: 7—8 Мар.) ‘он пошел и умылся и пришел зрячим; соседи же и те, которые прежде видели, что он был слепым, говорили: не тот ли это, кто сидел и просил [милостыню]’;

рече же оцъ къ рабомъ своимъ <...> да веселимъ сѧ • ꙗко снъ мой съ мрътвъ вѣ і оживе • ізгъ вѣ і обрѣ те сѧ • і начаша веселити сѧ (Лк. 15: 22—24 Зогр.) ‘сказал отец рабам своим: «<...> давайте станем веселиться, ибо сын мой был мертв и ожил, пропал было и нашелся». И начали веселиться’ (аннулированность действия).

Для понимания старославянских текстов существенно, что действия, обозначенные глаголами в перфекте и плюсквамперфекте, выступают как второстепенные по отношению к главным действиям, переданным соответственно формами настоящего и аориста. Ср. в примерах, приведенных выше — нѣ стѣ оумръла нѣ сѣ пнѣ гъ аже далъ еси дахъ имъ и ти пришѧ; ізгъ вѣ и обрѣ те сѧ; видѣ дѣ ва аи҃҃ла іде же вѣ лежало тѣ ло — главные действия (настоящее и аорист), на которые направлено внимание говорящего, подчеркнуты двумя чертами, а второстепенные (перфект и плюсквамперфект) — одной.

§ 76. Сослагательное наклонение

Старославянский язык имел аналитические формы сослагательного наклонения (конъюнктива). В памятниках зафиксированы два типа образования сослагательного наклонения. Один из них представлял собой сочетание перфектного причастия на -л- и особых личных форм вспомогательного глагола **быти**, употреблявшихся только в составе сослагательного наклонения и образованных от основы **ви-**: 1 ед. — **вимъ**, 2—3 ед. — **ви**, 1 мн. — **вимъ** или **ви҃хомъ**, 2 мн. — **висте**, 3 мн. — **вж** или **вишѧ** (формы дв. ч. в старославянских текстах не зафиксированы). Такие формы отражены главным образом в глаголических (западноболгарских) памятниках. В другом типе образования форм сослагательного наклонения, который представлен прежде всего кириллическими памятниками восточноболгарского происхождения, используется вспомогательный глагол **быти** в аористе от основы инфинитива (**вѣхъ**, **вѣ**...): ср.

аште не ви быль съ зьлодѣи • не вимъ прѣдали его тебѣ (Ин. 18: 30 Мар.) и аште не вы быль злодѣи • не выхомъ его прѣдали тебѣ (Сав.) ‘если бы он не был злодеем, мы не предали бы его тебе’.

В некоторых памятниках встречаются оба типа: аште отъ мира ви было црство мое • слугы оубо моя подвижали са быша • да не прѣданъ вимъ иудеомъ (Ин. 18: 36 Зогр.) ‘[Иисус сказал:] если бы от мира сего было царство мое, то слуги мои вступили бы в борьбу, чтобы (я) не был предан иудеям’. Последний пример представляет форму страдательного залога в сослагательном наклонении: прѣданъ вимъ.

Большинство исследователей считает, что вимъ-формы восходят к одной из форм индоевропейского желательного наклонения (оптатива), которые в праславянском языке получили значение сослагательного наклонения. Позднее эти формы стали заменяться формами аориста от глагола быти, образованными от основы инфинитива (быхъ, бы и т. д.). Недавно была выдвинута гипотеза, что быхъ-формы не являются инновацией, а представляют собой древний плюсквамперфект типа быхъ ходилъ, который был переосмыслен как сослагательное наклонение и контаминировался с вимъ-формами¹.

Таблица 53

Спряжение глаголов в сослагательном наклонении

Лицо	вимъ-формы	быхъ-формы	Причастие на -л-
<i>Единственное число</i>			
1	вимъ	быхъ	ходилъ, -ла, -ло
2	ви	бы	ходилъ, -ла, -ло
3	ви	бы	ходилъ, -ла, -ло
<i>Множественное число</i>			
1	вимъ (вихомъ)	быхомъ	ходили, -лы, -ла
2	висте	бысте	ходили, -лы, -ла
3	бж (виша)	быша	ходили, -лы, -ла
<i>Двойственное число</i>			
1	—	быховѣ	ходила, -лѣ, -лѣ
2	—	быста	ходила, -лѣ, -лѣ
3	—	бысте	ходила, -лѣ, -лѣ

¹ Сичинава Д. В. К проблеме происхождения славянского условного наклонения // Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М., 2004. С. 292—312.

Формы **виѡмъ** 1 мн. и **виша** 3 мн., представленные в табл. 53 как варианты **вимь**-форм, можно рассматривать либо как переходные от **вимь**-форм к **вѣхъ**-формам, либо как результат взаимодействия двух уже сформировавшихся конкурирующих парадигм сослагательного наклонения. Во всяком случае, старославянские рукописи отражают взаимодействие **вимь**-форм сослагательного наклонения с формами аориста (**вѣхъ**, **вѣ** и т. д.). В памятниках представлены не только вспомогательные глаголы **виша** или **вѣша**, но и аорист от основы имперфекта **вѣхъ**: **аще не вѣхъ пришьлъ... не вѣша имѣли** (Ин. 15: 22 Сав.), ср. в Зогр.: **аште не вимъ пришьлъ і гдаль імъ и грѣха не вж імѣли** 'Если бы я не приходил и не говорил (= не проповедовал) им, то (они) и не имели бы греха (= не несли бы ответственности за свои грехи)'

Сослагательное наклонение в старославянском языке использовалось прежде всего при обозначении неосуществившегося условия и его возможного, но неосуществившегося следствия, а также для передачи желательного для говорящего действия, поэтому формы сослагательного наклонения, как правило, представлены в сложных предложениях с союзом **аще** 'если' и в придаточных цели с союзом **да** 'чтобы':

аште во вистѣ вѣрж имали мостѡви • вѣрж вистѣ ѡли і мнѣ (Ин. 5: 46 Зогр.) 'Ведь если бы (вы) верили Моисею, (то) поверили бы и мне' (неосуществившееся условие и следствие);

аще не ви былъ • съ зѣлодѣи • не виѡмъ прѣдали его тебѣ (Ин. 18: 30 Мар.) 'Если бы он (= этот человек) не был злодеем, (то) его не предали (= выдали) бы тебе' (неосуществившееся условие и следствие);

ведоша і до врѣхоу горы... да вж і низѣринжали (Лк. 4: 29 Зогр.) '(Они) привели его на вершину горы, чтобы сбросить его вниз';

и се весь градъ изиде противъ нѣви • и видѣвъше молиша и да вї прѣшелъ ѡтъ прѣдѣлъ ихъ (Мф. 8: 34 Асс.) 'И весь город вышел навстречу Иисусу, и, увидев, они умоляли его, чтобы (он) ушел из их пределов';

молѣаше же сѧ емоу мжжъ • из него же вѣси изидж • да вы съ нимъ былъ (Мк. 5: 18 Сав.) 'умолял Его человек, из которого вышли бесы, чтобы он оставался с ним';

еша могалъ вѣхъ азъ васъ оувѣштати крѣстианомъ вѣти (Супр. 131.9) 'О если бы я только мог вас уговорить стать христианами!' (неосуществившееся желание).

§ 77. Повелительное наклонение

Парадигма повелительного наклонения (императива) в старославянском языке неоднородна. В 2 и 3 ед., а также в 1 и 2 дв. и

мн. представлены формы, восходящие к индоевропейскому оппатуиву. В 1 ед. и в 3 мн. повелительное наклонение имело следующее образование: частица **да** + соответствующие формы настоящего/будущего: **да идж** (1 ед.), **да иджтъ** (3 мн.) вместо более древних **идѣмь** (1 ед.), **идж** (3 мн.).

Что касается форм, восходящих к оппатуиву, то они образовывались от основы настоящего времени. В формах единственного числа императива глаголы 1 кл. (**иди**), 2 кл. (**избѣгни**), 3 кл. (**заваж**) и 4 кл. (**ходи**) оканчивались на **-и**, который можно трактовать как суффикс императива **-и-** + нулевая флексия ед. ч. В дв. и мн. к основе настоящего времени прибавлялся суффикс императива **-ѣ-** (в глаголах 1 и 2 кл.) и **-и-** (в глаголах 3 и 4 кл.) + соответствующие флексии дв. (**-вѣ**, **-та**) и мн. (**-мъ**, **-тѣ**).

Поскольку **-i-** и **-ѣ-** в формах праславянского инфинитива восходили к дифтонгам, то в основах на заднеязычный согласный имели место чередования, вызванные 2-й палатализацией: **тлѣшти** ‘стучать’¹ — **тлѣж** ‘стучу’ — **тлѣци**, **тлѣцѣте** ‘стучи, стучите’. Кроме того, в ряде глаголов происходило чередование гласных в глагольной основе: **пешти** ‘печь’ — **пекж** ‘пеку’ — **пѣци**, **пѣцѣте** ‘пеки, пеките’, **жешти** ‘жечь’ — **жежж** ‘жгу’ — **жѣзи**, **жѣзѣте** ‘жги, жгите’.

Повелительное наклонение не обозначало реального действия или состояния, но выражало волеизъявление (в форме приказа, просьбы, совета, разрешения, побуждения и др.) говорящего относительно осуществления или неосуществления того или иного действия:

не дадите сѣго псомъ • ни помѣтайте висеръ вашихъ прѣдъ свинѣми... просите • і дастъ сѧ вамъ • иштѣте • і обратете • тлѣцѣте і отврѣзетъ сѧ вамъ (Мф. 7: 6—7 Зогр.) ‘Не давайте того, что свято, собакам, не бросайте жемчужин ваших перед свиньями... Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и откроют вам’ (совет);

гѧ имъ исѣ • напълните водоносѣ воды... и гѧ имъ • почорпѣте нѣнѣ и принесѣте архитриклинови (Ин. 2: 7—8 Мар.) ‘сказал им Иисус: «Наполните сосуды водой»... и сказал (он) им: «А теперь зачерпните и несите распорядителю пира»’ (приказ);

дръзан дѣци вѣра твоѣ сѣсе тѧ (Мф. 9: 22 Асс.) ‘Держай, дочь, вера твоя спасла тебя’ (побуждение к началу действия, пожелание);

да въскрѣснетъ бѣ и разиджтъ сѧ врази его (Син. 67.2) ‘Пусть воскреснет Бог и рассеются (= исчезнут) его враги’;

¹ Глагол **тлѣшти** имел и значение ‘толочь, дробить’.

Иако вѣрова • да бждетъ ти (Мф. 8: 13 Сав.) ‘Раз (ты) уверовал, пусть воздастся тебе’.

Итак, в повелительном наклонении старославянского глагола представлено сочетание простых форм со сложными. Неоднородность парадигмы императива связана со спецификой его грамматического значения. Для выражения волеизъявления, относящегося к третьим лицам, в том числе в 3 ед., могла использоваться форма настоящего/ будущего времени с частицей **да** (**да ходитъ, да дастъ** и т. п.).

Старославянские формы повелительного наклонения, восходящие к индоевропейскому оптативу, отразили различные фонетические изменения праславянского периода: отпадение конечных согласных, упрощение групп согласных, монофтонгизацию дифтонгов, 2-ю палатализацию заднеязычных согласных, изменение согласных под воздействием йота.

В праславянском языке при образовании форм повелительного наклонения от тематических глаголов 1, 2, 3, 4 кл. к тематическому гласному основы *-о- или *-і- присоединялись суффикс повелительного наклонения *-і- и личные окончания:

2 ед.:

*ved-o-i-s > *vedī₂ > **веди**;

*mog-o-i-s > *mogī₂ > **мози**;

*dvīg-no-i-s > *dvīgnī₂ > **двигни**;

*znā-i-o-i-s > *znājeis > *znājī₂ > **знаи**;

*hod-ī-i-s > *hodī > **ходи**;

3 ед.:

*ved-o-i-t > *vedī₂ > **веди**;

*mog-o-i-t > mogī₂ > **мози**;

*dvīg-no-i-t > *dvīgnī₂ > **двигни**;

*znā-i-o-i-t > *znājei > *znājī₂ > **знаи**;

*hod-ī-i-t > *hodī₂ > **ходи**;

1 мн.:

*ved-o-i-mos > *vedoimos > vedī₂mu > **ведѣмъ**;

*mog-o-i-mos > *mogē₂mos > moǰē₂mu > **мозѣмъ**;

*dvīg-no-i-mos > *dvīgnē₂mos > dvīgnē₂mu > **двигнѣмъ**;

*znā-jo-i-mos > *znājeimos > znājī₂mu > **знаимъ**;

*hod-ī-i-mos > *hodīmos > hodīmu > **ходимъ**;

2 мн.:

*ved-o-i-te > vedoite > vedē₂te > **ведѣте**;

*mog-o-i-te > mogoite > moǰē₂te > **мозѣте**;

*dvīg-no-i-te > dvīgnoitē > dvīgnē₂te > **двигнѣте**;

*znā-jo-i-te > *znājeite > *znājī₂te > **знаите**;

*hod-ī-i-te > *hodīte > **ходите**

и т. д.

Спряжение тематических глаголов в повелительном наклонении

Лицо	1-й класс	2-й класс	3-й класс	4-й класс
	нести	сѣхнѣти	писати	носити
<i>Единственное число</i>				
1	да несѣ	да сѣхнѣ	да пишѣ	да носѣ
2	неси	сѣхни	пиши	носи
3	неси	сѣхни	пиши	носи
<i>Множественное число</i>				
1	несѣмъ	сѣхнѣмъ	пишимъ	носимъ
2	несѣте	сѣхнѣте	пишите	несите
3	да несѣтъ	да сѣхнѣтъ	да пишѣтъ	да носѣтъ
<i>Двойственное число</i>				
1	несѣвѣ	сѣхнѣвѣ	пишивѣ	носивѣ
2	несѣта	сѣхнѣта	пишита	носита
3	да несѣте	да сѣхнѣте	да пишите	да носите

В старославянском языке при образовании форм повелительного наклонения от глаголов 1 и 2 кл. в ед. использовался суффикс **-и-** (<*oi), а во мн. и дв. — **-ѣ-** (<*oi). При этом в корнях некоторых глаголов 1 кл. при образовании повелительного наклонения происходило количественное чередование гласных **е** || **ь**: *rikois > **рьци** (2 ед.), *rikoite > **рьцѣте** (2 мн.) (от **решти/рекж**); *tikois > **тъци** (2 ед.); *tikoite > **тъцѣте** (2 мн.) (от **тешти/текж**).

При образовании форм повелительного наклонения от глаголов 3 и 4 кл. в ед., мн. и дв. использовался суффикс **-и-**, но у глаголов 3 кл. **-и-** < *ei < *oi, а у глаголов 4 кл. **-и-** < *ī < *ī.

При образовании форм повелительного наклонения от нетематических глаголов 5 кл. в единственном числе использовался суффикс **-ѣ-** (<*ji); при этом согласный основы *d переходил в положение перед **ј** в **ǰ**:

*dād-ji-s/t > *dādji > *dadjъ > **даждь** (2/3 ед.);

*vēd-ji-s/t > *vēdji > *vēdjъ > **вѣждь** (2/3 ед.);

*ēd-ji-s/t > *jēdji > *jadjъ > **ѣждь** (2/3 ед.).

По аналогии с нетематическими глаголами у глагола 4 кл. **видѣти/виждж**, **видиши...** образовалась форма **виждь** (2, 3 ед.) вместо закономерной формы * **види**.

Спряжение нетематических глаголов в повелительном наклонении

Лицо	бъти	дати	вѣдѣти	пати
<i>Единственное число</i>				
1	да бѣдѣ	да дамь	да вѣдѣмь	да памь
2	бѣди	даждь	вѣждь	паждь
3	бѣди	даждь	вѣждь	паждь
<i>Множественное число</i>				
1	бѣдѣмь	дадимь	вѣдимь	падимь
2	бѣдѣте	дадите	вѣдите	падите
3	да бѣдѣтъ	да дадѣтъ	да вѣдѣтъ	да падѣтъ
<i>Двойственное число</i>				
1	бѣдѣвѣ	дадивѣ	вѣдивѣ	падивѣ
2	бѣдѣта	дадита	вѣдита	падита
3	да бѣдѣте	да дадите	да вѣдите	да падите

При образовании форм повелительного наклонения у глаголов 5 кл. во мн. и дв. использовался суффикс **-и-** (кроме глагола **бъти**, у которого, как и у глаголов 1, 2 кл., во мн. и дв. был суффикс **-ѣ-**).

У глагола **бъти** образование форм повелительного наклонения происходило от основы будущего времени **бѣд-**, причем у этого глагола в памятниках зафиксированы древние формы всех трех лиц и всех трех чисел.

Старославянские памятники отразили взаимодействие форм повелительного наклонения, образованных от глаголов разных классов. Например, имеются формы повелительного наклонения, образованные от глаголов 3 кл., возникшие под влиянием форм глаголов 1 кл.: по аналогии с **иди** (2 ед.) — **идѣте** (2 мн.) появились формы 2 мн. **иштѣте**, **сѣважѣте**, **плачѣте**, **покажѣте** вместо **иштите**, **сѣважите**, **плачите**, **покажите**. Поскольку после палатальных согласных гласные /ѣ/ (**ѣ**) и /а/ (**а**) не различались (в связи с переходом *ē/ě > *ā/а после мягких согласных) в глаголических и кириллических памятниках появились формы **иштате** (Зогр.), **плачате**, **покажете** (Лк. 17: 15 Сав.), **сѣважате** (Мф. 13: 30 Мар.) и др. В Евх. отмечены формы **дажди** (1а 8),

повѣжди (48а 20) и также **вижди** ед. ч. повелительного наклонения нетематических глаголов, на появление которых могли оказать воздействие формы тематических глаголов, а также формы **дадите**, **вѣдите** 2 мн.

§ 78. Именные формы глагола: инфинитив и супин

Как уже отмечалось, в старославянском языке кроме личных (спрягаемых) форм глагола имелись и неличные (именные) формы. Это были формы, образованные от глагольных основ, но совмещавшие глагольные признаки (вида, залога, отчасти времени) с некоторыми морфологическими и синтаксическими признаками имени.

Именные (неспрягаемые) формы глагола делятся на неизменяемые и изменяемые. К неизменяемым относятся *инфинитив* и *супин*, а к изменяемым — *причастия*.

Инфинитив

В старославянском языке суффиксом инфинитива является **-ти**, прибавлявшийся к основе, которая могла совпадать с корнем глагола (**пи-ти**, **нес-ти**, **мрѣ-ти**), но обычно представляла собой корень, распространенный суффиксами **-а** (**зъв-а-ти**), **-ва** (**сѣгрѣ-ва-ти**), **-ова**/**-ева** (**коуп-ова-ти**), **-нр** (**сѣх-нр-ти**), **-ѣ**/**-а** (**сѣд-ѣ-ти**, **леж-а-ти**), **-і** (**ход-и-ти**).

Славянский инфинитив как составная часть глагольной системы не был унаследован из праиндоевропейского языка и является праславянским новообразованием. По происхождению славянский инфинитив — это грамматикализованная застывшая падежная форма Д. ед. отглагольных существительных с основой на *i. В индоевропейском языке будущие славянские инфинитивы были формами отглагольных абстрактных существительных, в которых к глагольной основе присоединялись суффикс *-t- и именная тема (окончание) *-ei. В праславянском они и дали суффикс инфинитива *-tei > ст.-сл. **-ти**.

Суффикс инфинитива **-ти** легко выделяется в тех случаях, когда основа оканчивается на корневой или суффиксальный гласный: **зна-ти**, **дѣла-ти**, **ходи-ти**, **видѣ-ти**, а также на корневой согласный: **нес-ти**, **пас-ти**. Однако в последнем случае в зависимости от качества конечного согласного (в силу действия закона открытого слога и закона слогового сингармонизма) происходили раз-

личные фонетические процессы, которые существенно изменили фонетический облик инфинитива некоторых глаголов.

Если конечным согласным основы был заднеязычный *-g или *-k, то он сливался с начальным согласным *t суффикса инфинитива в мягкий сложный согласный \widehat{st} (шт):

*rek-tei > rešti > **решти**;

*mog-tei > *mok-tei > mošti > **мошти**.

Если конечным согласным основы был переднеязычный или губной взрывной, то при образовании инфинитива возникало сочетание согласных, в котором он подвергался диссимиляции или утрачивался (см. § 22):

*met-tei > mesti > **мести**;

*ved-tei > veti > vesti > **вести**;

*greb-tei > greti > **грети**.

Инфинитив мог употребляться в сочетаниях со спрягаемой формой глагола (или причастием) как уточнение производимого действия, выражая значение дополнения и обстоятельства, сопровождающего действие. При этом субъект действия, выражаемого инфинитивом, и субъект действия, выражаемого спрягаемой формой глагола, могли быть одними и теми же или разными:

приде къ нимъ по морю хода и хотѣ мнѣжти ѡ (Мк. 6: 48 Зогр., Мар.) ‘[Иисус] подошел к ним, идя по морю (= по воде), и хотел пройти мимо них’.

не дастъ огню съгжжити има (Супр. 5.24) ‘не дал огню потеснить их’.

Отыменное происхождение инфинитива обусловило основную его функцию — косвенное дополнение при глаголе:

... **не дадѣше имъ глати** (Лк. 4: 41 Зогр.) ‘... [Иисус] не давал им говорить’;

и повелѣ народу • възлещи по трѣвѣ (Мф. 14: 19 Сав.) ‘И [Господь] повелел людям возлечь на траве’;

і авне оубѣди оученики възлѣсти въ коравь (Мф. 14: 22 Зогр.) ‘и тотчас заставил учеников влезть в лодку’.

Кроме того, инфинитив часто употреблялся в сочетании с фазовыми и модальными глаголами:

...**понже оубо мнози начаша • чинити повѣсть • о извѣстныхъ въ насъ вештехъ...** (Лк. 1: 1 Асс.) ‘Так как уже многие начали (= взялись) сочинять повествование об известных нам фактах (= обстоятельствах)...’;

како можете добро творити зли сжште (Мф. 12: 34 Зогр., Мар.) ‘Как можете делать добро, будучи плохими (= дурными)?’.

В сочетании с глаголом **бъти** инфинитив передавал значение необходимости или возможности:

вамъ естъ вѣдѣти тайны црѣствиа небесаго (Мф. 13: 10 Сав.) ‘Вам следует знать тайны царствия небесного’. О конструкциях с союзами **яко, еже**, включавших инфинитив, см. § 89.

Супин

Супин (как и инфинитив) — славянское новообразование. По происхождению супин является застывшей формой В. ед. отглагольных существительных с суффиксом *-t-, склонявшихся по типу основ на *u, соответственно *-tum > *-tun > *-tu > ст.-сл. -тѣ.

В старославянском языке супин образовывался от глагольной основы инфинитива (на гласный или согласный) с помощью суффикса -тѣ: **зна-тѣ, нес-тѣ, дѣла-тѣ, ходи-тѣ, видѣ-тѣ, жа-тѣ, ѡ-тѣ**. Глаголы 1-го класса с основой на заднеязычный (-*g или -*k) образовывали супин под влиянием инфинитива (по аналогии с инфинитивами **мошти, решти, пешти, обѣшти**): **мошть, решть, пешть, обѣшть** и т. д. вместо закономерных фонетически ***моктѣ, *ректѣ, *пектѣ, *обѣктѣ**.

Супин был близок по значению инфинитиву. Формой супина передавалось действие, которое было целью движения, причем супин выступал в функции «дополнения» при глаголе, обозначающем движение к цели. Синтаксически супин отличался от других глагольных форм, в частности от инфинитива, тем, что, сохранив связь с именем (именное управление), управлял Р, а не В. падежом: **чесо видѣтъ изидете въ поустыниж** (Мф. 11: 7 Зогр.) ‘что смотреть ходили вы в пустыню?’ (**изидете** — аорист 2 мн.); **идж рывѣ ловитѣ** (Ин. 21: 3 Зогр.) ‘(я) иду ловить рыбу’. Ср., впрочем, одновременно и Р, и В. в функции однородных дополнений при супине: **не прѣдъ праведъникъ прѣзватѣ • нѣ грѣшники на покаание** (Мф. 9: 13 Асс.) ‘я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию’.

Приведем примеры употребления супина в старославянских памятниках:

сжржгъ воловътихъ коупихъ пать и градъ искоуситѣ ихъ (Лк. 14: 19 Мар.) ‘(я) купил пять парных воловьих упряжек и иду испытать их’;

...замазавъ слинами і вреннемъ слѣпоумоу рождышо сѧ і по-сѣлавъ и оумытѣ сѧ (Евх. 33а 4) ‘...(он) помазал слюной и грязью [глаза] слепорожденному и послал его умыться’;

изидж же народи из града видѣтъ бывъшаго (Р. п.) (Лк. 8:35 Сав.) ‘Люди же вышли из города **видѣтъ** бывшего’;

и ѿже на селѣ • такожде • да не възвратитъ сѧ възпѣть • възятъ ризъ своихъ (Мф. 24: 18 Асс.) ‘И тот, кто в поле, также пусть не возвращается назад, чтобы взять свои одежды’;

и отъпоуць народъ възиде на горѣ единъ помолитъ сѧ (Мф. 14: 23 Сав.) ‘И, отпустив народ, он взшел на гору (= чтобы) помолиться наедине’.

Поскольку, как уже отмечалось, супин и инфинитив были близки по выражаемому значению и синтаксической функции, в старославянском языке формы супина заменялись формами инфинитива. При этом замена супина инфинитивом сопровождалась и заменой родительного падежа винительным:

идж оуготоватъ мѣста (Ин. 14: 2 Сав.) ‘(Я) иду приготовить место (вам)’ (мѣста — Р. ед.), но идж оуготовати мѣсто (Зогр., Мар., Асс.) (мѣсто — В. ед.);

...посъланъ бытъ гауриль възвѣститъ всемоу миру съпасения (Супр. 247) ‘...послан был Гавриил, чтобы возвестить о спасении всему миру’ (съпасения — Р. ед.); но ...посъланъ бытъ гауриль съказати сжштааго на прѣстола • и въ врьтпѣ (Супр. 210) ‘...послан был Гавриил сообщить (= сделать известным) о пребывающем на престоле и в саду (= в раю; о Всевышнем)’ (сжштааго — В. = Р. ед.);

...посълана быста мжитъ рекомыя рабы (В. мн.)... съвзати же всѧ приовыштаважштаа (В. мн.) сѧ к ѿ нимъ (Супр. 210.17—18) ‘... были посланы (чтобы) мучить обвиняемых рабов и связать (= заключить в оковы) всех общавшихся с ними’.

Формы супина сохранились только в двух славянских языках — словенском и нижнелужицком.

§ 79. Именные формы глагола: причастие

Причастия в старославянском языке входят в систему глагола, но совмещают глагольные и именные признаки. Обозначая признак предмета, причастие, как и прилагательное, характеризовалось согласовательными категориями рода и падежа и, конечно, числа. Кроме того, с именами прилагательными причастия связывало наличие краткой и полной форм. Глагольными характеристиками причастия являлись категории времени и залога, а также способность управлять винительным падежом прямого дополнения.

Однако категория времени в причастии не совпадает с соответствующей категорией в спрягаемых формах, так как в причастиях

категория времени не предикативна, т. е. не связана с наклонением и лицом. Причастия обозначают относительное время: причастия настоящего времени передают действие, одновременное действию, выраженному спрягаемым глаголом, а причастия прошедшего времени — предшествующее ему.

Исторически старославянские причастия восходят к индоевропейским отглагольным прилагательным, которые первоначально не входили в систему глагола. Категория залога у причастий формируется на поздних этапах развития праславянского языка.

Образование причастий не зависело от вида глагола в такой степени, как это имеет место, например, в современном русском языке, где причастия прошедшего времени образуются в основном от глаголов СВ, а причастия настоящего времени — от глаголов НСВ. Это связано с тем, что процесс формирования видовых пар в праславянском и старославянском языках еще не завершился.

Как и прилагательные, причастия имели в старославянском языке краткую и полную формы. Полные причастия, если они не были субстантивированы, всегда выступали в функции определения. Краткие действительные причастия выступали в функции «второстепенного сказуемого» (термин А. А. Потебни), обозначая сопутствующее или предшествующее главному сказуемому действие. Краткие страдательные причастия могли использоваться в функции сказуемого. Кроме того, в старославянском были действительные причастия прошедшего времени на -л-, входившие в состав аналитических временных форм.

Исторически действительные и страдательные причастия настоящего времени образовывались от основы настоящего времени, а прошедшего — от основы инфинитива.

Причастия действительного залога настоящего времени

Причастия действительного залога настоящего времени образовывались в старославянском языке от основы настоящего времени, представленной в форме 3 мн., к которой присоединялись суффикс и падежное окончание. Для удобства описания здесь приводятся формы причастий женского рода, так как в них, в отличие от форм И. ед. мужского и среднего рода, суффиксы и окончания представлены более наглядно.

Действительные причастия настоящего времени образовывались при помощи суффикса -*ošt-* (-жц-/-жц-) для глаголов 1, 2, 3 и 5 кл. и суффикса -*ešt-* (-лц-) для глаголов 4 кл., к кото-

рым прибавлялись падежно-родовые окончания: **нести** (**несѣтъ** 1 кл.) — **нес-ѡци-и** (И. ед. ж.), **мръѣти** (**мръѣтъ** 1 кл.) — **мръ-ѡци-и**, **вѣрати** (**вѣрѣтъ** 1 кл.) — **вѣр-ѡци-и** (И. ед. ж.), **сѣхнѣти** (**сѣхнѣтъ** 2 кл.) — **сѣхн-ѡци-и** (И. ед. ж.), **вѣзати** (**вѣжѣтъ** 3 кл.) — **вѣж-ѡци-и** (И. ед. ж.), **ходити** (**ходѣтъ** 4 кл.) — **ход-ѡци-и** (И. ед. ж.), **дати** (**дадѣтъ** 5 кл.) — **дад-ѡци-и** (И. ед. ж.).

Причастия действительного залога настоящего времени от не-тематических глаголов **вѣти** и **имѣти** образовывались от той же основы настоящего времени, которая представлена в форме 3 мн., с помощью суффикса **-ѡци-**: **сѣтъ** — **с-ѡци-и**, **имѣтъ** — **им-ѡци-и** (И. ед. ж.).

Значение будущего времени имело, видимо, причастие с суффиксом **-ѡци-** от основы **вѣд-**, от которого образовались прилагательное **вѣдѡции** ‘предстоящий, будущий’ и существительное **вѣдѡциек** ‘то, что будет’: **не отъпоуститѣ сѣ емоу • ни въ сѣ вѣкѣ ни въ вѣдѡции** (Мф. 12: 32 Мар.).

Краткие действительные причастия настоящего и прошедшего времени склоняются по типу *ја в женском роде и по типу *јо в мужском и среднем роде, за исключением И. ед. всех трех родов и И. мн. мужского рода. Окончание в И. ед. ж. **-и** такое же, как и у существительных склонения на *ја типа **кѣнагѣни**. Форма И. мн. м. имела окончание основ на согласный.

Старославянские суффиксы **-ѡѣ-** (**-ѡци-/ѡци-**) и **-ѡѣ-** (**-ѡци-**) возникли в результате фонетических изменений позднеславянского периода из соединения тематического гласного *о или *і с суффиксом *-nt⁻¹, осложненным распространителем *-j-: *-o-nt-j и *-i-nt-j-. При этом в силу действия закона открытого слога дифтонгические сочетания гласных с носовыми согласными *on, *in, оказавшись в положении перед следующим согласным, дали носовые гласные /o/ (**ѡ**) и /e/ (**ѣ**); а сочетание *tj дало сложный мягкий согласный [št] (**шт**):

- *met-o-nt-j-ī > **метѡци**;
- *sux-no-nt-j-ī > **сѣхнѡци**;
- *plāk-jo-nt-j-ī > **плачѡци**;
- *xvāl-ī-nt-j-ī > **хвалѣци** (И. ед. ж.).

В парадигме причастий настоящего времени действительного залога выделяются формы И. ед. м. и с. р., которые оканчиваются на **-у** (**-ѣ**) у глаголов 1, 2 и 5 кл. (**несѣу**, **сѣхнѣу**, **ѣдѣу**). От глагола **жити** в старославянских памятниках встречаются две формы причастия настоящего времени — **живѣи** и **живѣ**.

¹ Ср. формы латинских действительных причастий настоящего времени: И. ед. м. *laudans*, Р. ед. *laudantis* (*laudare* ‘хвалить’); И. ед. м. *capiens*, Р. ед. *capientis* (*capere* ‘брать’); И. ед. м. *timens*, Р. ед. *timentis* (*timere* ‘бояться’) и др.

Формы И. ед. м. и с. р.¹ в праславянском языке оканчивались на согласный, который отпадал по закону открытого слога. Кроме того, у глаголов 3-го и 4-го классов имела место монофтонгизация дифтонгических сочетаний носовых с гласными переднего ряда:

- *vez-o-nt-s > *vezōns > *vezōs > *vezūs > *vezy > **ВЕЗЫ**;
- *mirzn-o-nt-s > *mirznōns > *mirznōs > *mьrznьny > **МРЪЗНЬНЫ**;
- *znāj-o-nt-s > *znājōns > *znājēns > znaję > **ЗНАЯ**;
- *lov-ī-nt-s > *lovins > *lovin > lovę > **ЛОВА**.

Для некоторых глаголов 1-го и 5-го классов в глаголических старославянских памятниках (Мар., Асс., Син. и др.) наряду с формами И. ед. на **-ы** изредка представлены также формы на **-ж**, но только полные: **ГРАДЖИ**, **ЖИВЖИ**, **СЖИ** вместо **ГРАДЬИ**, **ЖИВЬИ**, **СЬИ**.

Как уже говорилось, в косвенных падежах к основе причастий присоединялись падежные окончания; происхождение их такое же, как и у существительных.

Полные формы действительных причастий настоящего времени образовывались так же, как и полные формы прилагательных, — путем присоединения к краткой (именной) форме указательных местоимений **и**, **та**, **к**, и склонялись по местоименному типу склонения.

Отличие от склонения членных прилагательных наблюдается только в И. ед. всех трех родов (при этом в с. р. выступает закономерная, а не возникшая по аналогии с м. р. форма) и в И. мн. м. р.:

- м. р.: **ВЕЗЫ-И** > **ВЕЗЬИ**;
- ж. р.: **ВЕЗЬЦИ-ТА** > **ВЕЗЬЦИТА**;
- ср. р.: **ВЕЗЬЦЕ-К** > **ВЕЗЬЦЕК**.

¹ Вообще причастная форма с. р. должна была развиваться следующим образом: *vez-o-nt-jom > vez-ont-jo > vez-ōst-e > **ВЕЗЬЦЕ**. Это свидетельство былой принадлежности причастия к именному склонению на согласный сохранилось в полной форме причастия с. р., краткая форма причастия с. р. отразила воздействие причастий м. р. и получила ту же форму м. р. Некоторые ученые считают это одним из ранних проявлений тенденции к утрате согласования краткими причастиями, приведшей к превращению их в деепричастия (см. об этом: *Осипов Б. И.* Основы славянского языкознания. Омск, 2004. С. 133). А. М. Селищев с уверенностью характеризовал форму В. ед. на **-це** (**-ште**), представленную в некоторых памятниках XI в., как использующуюся в значении деепричастия: **повелъвааше народъ градъскихъ приводити кмльще и** (Супр. 174.28); **мо(литва) на вонскъ идже** (Евх. 19а 1). См.: *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 2. С. 186—187.

Склонение кратких действительных причастий настоящего времени

Падеж	М. р.	Ж. р.	С. р.
вести — везж			
<i>Единственное число</i>			
И.-Зв.	везжы	везжци	везжы
Р.	везжца	везжца	везжца
Д.	везжцю	везжци	везжцю
В.	везжць	везжцж	везжце
Т.	везжцёмь	везжцеж	везжцёмь
М.	везжци	везжци	везжци
<i>Множественное число</i>			
И.-Зв.	везжце	везжца	везжца
Р.	везжць	везжць	везжць
Д.	везжцёмъ	везжцамъ	везжцёмъ
В.	везжца	везжца	везжца
Т.	везжци	везжцами	везжци
М.	везжцихъ	везжцахъ	везжцихъ
<i>Двойственное число</i>			
И.-В.-Зв.	везжца	везжци	везжци
Р.-М.	везжцю	везжцю	везжцю
Д.-Т.	везжцема	везжцема	везжцема
мръзнжти — мръзнж			
<i>Единственное число</i>			
И.-Зв.	мръзнжы	мръзнжци	мръзнжы
Р.	мръзнжца	мръзнжца	мръзнжца
Д.	мръзнжцю	мръзнжци	мръзнжцю
В.	мръзнжць	мръзнжцж	мръзнжце
Т.	мръзнжцёмь	мръзнжцеж	мръзнжцёмь
М.	мръзнжци	мръзнжци	мръзнжци
<i>Множественное число</i>			
И.-Зв.	мръзнжце	мръзнжца	мръзнжца
Р.	мръзнжць	мръзнжць	мръзнжць
Д.	мръзнжцёмъ	мръзнжцамъ	мръзнжцёмъ

Падеж	М. р.	Ж. р.	С. р.
В.	мръзнѣца	мръзнѣца	мръзнѣца
Т.	мръзнѣци	мръзнѣцами	мръзнѣци
М.	мръзнѣцихъ	мръзнѣцахъ	мръзнѣцихъ
<i>Двойственное число</i>			
И.-В.-Зв.	мръзнѣца	мръзнѣци	мръзнѣци
Р.-М.	мръзнѣцю	мръзнѣцю	мръзнѣцю
Д.-Т.	мръзнѣцема	мръзнѣцама	мръзнѣцема
ЗНАТИ — ЗНАѢ			
<i>Единственное число</i>			
И.-Зв.	знаѡ	знаѡци	знаѡ
Р.	знаѡца	знаѡца	знаѡца
Д.	знаѡцю	знаѡци	знаѡцю
В.	знаѡць	знаѡцѡ	знаѡце
Т.	знаѡцемя	знаѡцеѡ	знаѡцемя
М.	знаѡци	знаѡци	знаѡци
<i>Множественное число</i>			
И.-Зв.	знаѡце	знаѡца	знаѡца
Р.	знаѡць	знаѡць	знаѡць
Д.	знаѡцемя	знаѡцамя	знаѡцемя
В.	знаѡца	знаѡца	знаѡца
Т.	знаѡци	знаѡцами	знаѡци
М.	знаѡцихъ	знаѡцахъ	знаѡцихъ
<i>Двойственное число</i>			
И.-В.-Зв.	знаѡца	знаѡци	знаѡци
Р.-М.	знаѡцю	знаѡцю	знаѡцю
Д.-Т.	знаѡцема	знаѡцама	знаѡцема
ЛОВИТИ — ЛОВАѢ			
<i>Единственное число</i>			
И.-Зв.	лова	ловаци	лова
Р.	ловаца	ловаца	ловаца
Д.	ловацию	ловаци	ловацию
В.	ловаць	ловацѡ	ловаце

Падеж	М. р.	Ж. р.	С. р.
Т.	ЛОВАЩЕМЬ	ЛОВАЩЕЯЖ	ЛОВАЩЕМЬ
М.	ЛОВАЩИ	ЛОВАЩИ	ЛОВАЩИ
<i>Множественное число</i>			
И.-Зв.	ЛОВАЩЕ	ЛОВАЩА	ЛОВАЩА
Р.	ЛОВАЩИ	ЛОВАЩИ	ЛОВАЩИ
Д.	ЛОВАЩЕМЪ	ЛОВАЩАМЪ	ЛОВАЩЕМЪ
В.	ЛОВАЩА	ЛОВАЩА	ЛОВАЩА
Т.	ЛОВАЩИ	ЛОВАЩАМИ	ЛОВАЩИ
М.	ЛОВАЩИХЪ	ЛОВАЩАХЪ	ЛОВАЩИХЪ
<i>Двойственное число</i>			
И.-В.-Зв.	ЛОВАЩА	ЛОВАЩИ	ЛОВАЩИ
Р.-М.	ЛОВАЩЮ	ЛОВАЩЮ	ЛОВАЩЮ
Д.-Т.	ЛОВАЩЕМА	ЛОВАЩАМА	ЛОВАЩЕМА
БЫТИ			
<i>Единственное число</i>			
И.-Зв.	СЫ	СЖЩИ	СЫ
Р.	СЖЩА	СЖЩА	СЖЩА
Д.	СЖЩЮ	СЖЩИ	СЖЩЮ
В.	СЖЩЕ	СЖЩЕЖ	СЖЩЕ
Т.	СЖЩЕМЬ	СЖЩЕЯЖ	СЖЩЕМЬ
М.	СЖЩИ	СЖЩИ	СЖЩИ
<i>Множественное число</i>			
И.-Зв.	СЖЩЕ	СЖЩА	СЖЩА
Р.	СЖЩИ	СЖЩИ	СЖЩИ
Д.	СЖЩЕМЪ	СЖЩАМЪ	СЖЩЕМЪ
В.	СЖЩА	СЖЩА	СЖЩА
Т.	СЖЩИ	СЖЩАМИ	СЖЩИ
М.	СЖЩИХЪ	СЖЩАХЪ	СЖЩИХЪ
<i>Двойственное число</i>			
И.-В.-Зв.	СЖЩА	СЖЩИ	СЖЩИ
Р.-М.	СЖЩЮ	СЖЩЮ	СЖЩЮ
Д.-Т.	СЖЩЕМА	СЖЩАМА	СЖЩЕМА

Склонение полных действительных причастий настоящего времени

Падеж	М. р.	Ж. р.	С. р.
вести — везж			
<i>Единственное число</i>			
И.-Зв.	везжын	везжциня	везжщек
Р.	везжцакго	везжцямь	везжцакго
Д.	везжцюкмоу	везжцини	везжцюкмоу
В.	везжцини	везжцжж	везжщек
Т.	везжцинимь	везжщекж	везжцинимь
М.	везжцинимь	везжцини	везжцинимь
<i>Множественное число</i>			
И.-Зв.	везжщени	везжцямь	везжцама
Р.	везжцинухъ	везжцинухъ	везжцинухъ
Д.	везжцинимъ	везжцинимъ	везжцинимъ
В.	везжцямь	везжцямь	везжцама
Т.	везжциними	везжциними	везжциними
М.	везжцинухъ	везжцинухъ	везжцинухъ
<i>Двойственное число</i>			
И.-В.-Зв.	везжцама	везжцини	везжцини
Р.-М.	везжцюю	везжцюю	везжцюю
Д.-Т.	везжцинима	везжцинима	везжцинима

И. Т. Д.

Причастия действительного залога прошедшего времени

Действительные причастия прошедшего времени образовывались при помощи суффикса -ъщ' (-ъш-) у глаголов 1, 2 и 3 кл. с основой на согласный или на гласный, восходивший к дифтонгическому сочетанию (с носовым или плавным) + соответствующие падежно-родовые окончания. Как и для действительных причастий, приводятся формы причастий женского рода, так как в них, в отличие от форм И. ед. м. и ср., суффикс -ъш- хорошо сохраняется: **нести** (**несж** 1 кл.) — **нес-ъш-ни** (И. ед. ж.), **оумрѣти** (**оумърж** 1 кл.) — **оумър-ъш-ни** (И. ед. ж.), **схънжти** (**схънжж** 2 кл.) — **схъ-ъш-ни** (И. ед. ж.), **оврѣсти** (**овръщжж** 3 кл.) — **оврѣтъши** (И. ед. ж.). Исторически к этой группе также примыкали глаголы 4 кл. с основой инфинитива на -и-, причем перед гласным суффикса этот /и/ (из псл. *i) перед следую-

щим гласным превращался в *j, вызывая чередование как в основе глагола, так и в самом суффиксе (-ъш-/ъш-): **родити** — **рождъш-и** (И. ед. ж.), **ѡвѣтити** — **ѡвѣлъш-и** (И. ед. ж.). Все остальные глаголы с основной инфинитива на гласный образовывали действительные причастия прошедшего времени при помощи суффикса -въш' (-въш-): **минѣтити** — **минѣвъши** (И. ед. ж.), **вѣтити** — **вѣвъши** (И. ед. ж.), **знати** — **знавъши** (И. ед. ж.), **дати** — **давѣши** (И. ед. ж.). Старославянские памятники отражают постепенное распространение суффикса -въш- на глаголы с инфинитивом на -i-: **родити** — **родѣвъш-и** вместо **рождъш-и**, **ѡвѣтити** — **ѡвѣвъш-и** вместо **ѡвѣлъш-и**.

Таким образом, у причастий действительного залога прошедшего времени в старославянском языке было два морфологических варианта суффикса — -ъш-/ъш- и -въш-, причем первый существовал в двух фонетических вариантах в зависимости от твердости или мягкости предшествующего согласного.

С помощью суффикса -ъш- (-ъш-) образовывались причастия от глаголов с основной инфинитива:

1) на согласный: **вѣстити** — **вѣзъш-и**, **рѣцити** — **рѣкъш-и** (И. ед. ж.); по этой же модели образовывались формы действительных причастий прошедшего времени глагола **ити** (< *eitei) и производных, в которых суффикс присоединялся к основе **шѣд**: **шѣдъш-и**, **въшѣдъш-и**, **прѣшѣдъш-и** (И. ед. ж.);

2) с суффиксом -нж-, которому предшествовал согласный; в этом случае суффикс -нж- устранялся: **сѣхнѣтити** — **сѣхъш-и**, **двѣгнѣтити** — **двѣгъш-и** (И. ед. ж.);

3) на носовой гласный -ѡ (e < *en) и на неполногласное сочетание -рѣ- в корне (rě < *er): **начѣтити** — **начѣнъш-и** (И. ед. ж.); **мрѣтити** — **мъръш-и**, **прѣстрѣтити** — **прѣстъръш-и** (И. ед. ж.); строго говоря, в этом случае причастие образовывалось от основы инфинитива, но корневой гласный находился на ступени редукции: *nā-kentei — *nā-kin-tei.

Суффикс -ъш- первоначально употреблялся и для образования причастий от глаголов с основной инфинитива на суффиксальный гласный -и- (< *-ī-), который перед гласным причастного суффикса переходил в *j и воздействовал на конечный согласный корня, в результате чего возникал мягкий согласный, а в суффиксе причастия в соответствии с законом внутрислогового сингармонизма после палатального согласного на месте [ъ] оказывался гласный переднего ряда [ѣ]: **ловѣтити** — **ловѣвши** (И. ед. ж.), **родити** — **рождѣши** (И. ед. ж.) и т. п.

С суффиксом -въш- образовывались причастия от глаголов с основной инфинитива на гласный (кроме суффиксального -и- < *-ī-): **знати** — **знавъш-и**, **дѣлати** — **дѣлавъш-и**, **вѣтити** — **вѣвъш-и**, **вѣтити** — **вѣвъш-и** (И. ед. ж.).

Позднее и глаголы с основой инфинитива на суффиксальный гласный **-и-** (**-*i-**) под влиянием других глаголов с основой на гласный звук образуют причастные формы с помощью суффикса **-въш-**: **избавивъ**, **похваливъ**, **поустивъ**, **пристѣпивъ**, **расточивъ** и др. вместо **избавль**, **похваль**, **поуштъ**, **пристѣплъ**, **расточъ** и др. В старославянских памятниках XI в. примеры подобного рода единичны (Мар., Сав., Зогр.) или отсутствуют (Асс., Клоц., Син.). Но в Супр. такие новообразования являются преобладающими.

Суффикс **-въш-** использовался также при образовании причастий от глаголов с основой инфинитива на суффиксальный **-нж-** (**-*nǫ-**) с предшествующим гласным: **минжти** — **минж-въш-и** (И. ед. ж.).

В праславянском языке суффикс действительных причастий прошедшего времени ***-us-/-vus-** осложнялся распространителем ***-j-**, после которого в большинстве форм парадигмы шел тематический гласный. Краткие действительные причастия прошедшего времени, как и соответствующие причастия настоящего времени, склоняются в старославянском по типу ***ja** в ж. р. и по типу ***jo** в м. и с. р., за исключением форм И. ед. м. и с., которые оканчиваются на **-ъ (-ъ)**, и И. мн. м. р., которые имеют окончания по типу склонения на согласный.

Формы И. ед. м. и с. р. в праславянском оканчивались на ***s**, поэтому при образовании причастий в старославянском языке в силу действия закона открытого слога происходило отпадение конечного согласного, который после ***u** переходил в ***x** по «правилу RUKI» (***-us > *-ux > *-u > *-ъ**; см. § 25):

***vezus > везъ**;

***dvīgus > двигъ**;

***znāvus > знавъ**;

***lovīus > *lovjus > *lovju > *lovīi > ловль** (И. ед. м. и с.).

Поскольку в остальных формах основа причастия была распространена посредством ***-j-** в составе именного суффикса ***jo** или ***jā**, происходило взаимодействие ***-j-** с предшествующим ***x** (< ***s**) причастного суффикса:

***vez-us-jī > *vez-ъx-jī > везъши**;

***dvīg-us-jī > *dvīg-ъx-jī > двигъши**;

***znā-vus-jī > *znā-vъx-jī > знавъши**;

***lovī-us-jī > *lovj-us-jī > *lovj-ux-jī > *lovībš'i > ловльши** (И. ед. ж.).

Прежнее окончание основ на согласные (**-ε**) сохранилось только в форме И. мн. м. р., где не было ***j**, а ***x > s'** по 1-й палатализации:

***vez-us-e > *vez-ъx-e > везъшеε**;

***dvīg-us-e > *dvīg-ъx-e > двигъшеε**;

***znā-vus-e > *znā-vъx-e > знавъшеε**;

***lovī-us-e > *lovj-ux-e > *lovībš'e > ловльшеε** (И. ед. м.).

Склонение кратких действительных причастий прошедшего времени

Падеж	М. р.	Ж. р.	С. р.
вести — везѣ			
<i>Единственное число</i>			
И.-Зв.	ВЕЗЪ	ВЕЗЪШИ	ВЕЗЪ
Р.	ВЕЗЪША	ВЕЗЪША	ВЕЗЪША
Д.	ВЕЗЪШЮ	ВЕЗЪШИ	ВЕЗЪШЮ
В.	ВЕЗЪШЬ	ВЕЗЪШЖ	ВЕЗЪШЕ
Т.	ВЕЗЪШЕМЬ	ВЕЗЪШЕЖ	ВЕЗЪШЕМЬ
М.	ВЕЗЪШИ	ВЕЗЪШИ	ВЕЗЪШИ
<i>Множественное число</i>			
И.-Зв.	ВЕЗЪШЕ	ВЕЗЪША	ВЕЗЪША
Р.	ВЕЗЪШЬ	ВЕЗЪШЬ	ВЕЗЪШЬ
Д.	ВЕЗЪШЕМЪ	ВЕЗЪШАМЪ	ВЕЗЪШЕМЪ
В.	ВЕЗЪША	ВЕЗЪША	ВЕЗЪША
Т.	ВЕЗЪШИ	ВЕЗЪШАМИ	ВЕЗЪШИ
М.	ВЕЗЪШНХЪ	ВЕЗЪШАХЪ	ВЕЗЪШНХЪ
<i>Двойственное число</i>			
И.-В.-Зв.	ВЕЗЪША	ВЕЗЪШИ	ВЕЗЪШИ
Р.-М.	ВЕЗЪШЮ	ВЕЗЪШЮ	ВЕЗЪШЮ
Д.-Т.	ВЕЗЪШЕМА	ВЕЗЪШАМА	ВЕЗЪШЕМА
знати — знаѣ			
<i>Единственное число</i>			
И.-Зв.	ЗНАВЪ	ЗНАВЪШИ	ЗНАВЪ
Р.	ЗНАВЪША	ЗНАВЪША	ЗНАВЪША
Д.	ЗНАВЪШЮ	ЗНАВЪШИ	ЗНАВЪШЮ
В.	ЗНАВЪШЬ	ЗНАВЪШЖ	ЗНАВЪШЕ
Т.	ЗНАВЪШЕМЬ	ЗНАВЪШЕЖ	ЗНАВЪШЕМЬ
М.	ЗНАВЪШИ	ЗНАВЪШИ	ЗНАВЪШИ
<i>Множественное число</i>			
И.-Зв.	ЗНАВЪШЕ	ЗНАВЪША	ЗНАВЪША
Р.	ЗНАВЪШЬ	ЗНАВЪШЬ	ЗНАВЪШЬ
Д.	ЗНАВЪШЕМЪ	ЗНАВЪШАМЪ	ЗНАВЪШЕМЪ

Падеж	М. р.	Ж. р.	С. р.
В.	знавъша	знавъша	знавъша
Т.	знавъши	знавъшами	знавъши
М.	знавъшихъ	знавъшахъ	знавъшихъ
<i>Двойственное число</i>			
И.-В.-Зв.	знавъша	знавъши	знавъши
Р.-М.	знавъшю	знавъшю	знавъшю
Д.-Т.	знавъшема	знавъшама	знавъшема
ЛОВИТИ — ЛОВѢЖ			
<i>Единственное число</i>			
И.-Зв.	ловѣ	ловѣши	ловѣ
Р.	ловѣша	ловѣша	ловѣша
Д.	ловѣшю	ловѣши	ловѣшю
В.	ловѣшь	ловѣшж	ловѣше
Т.	ловѣшемь	ловѣшеж	ловѣшемь
М.	ловѣши	ловѣши	ловѣши
<i>Множественное число</i>			
И.-Зв.	ловѣше	ловѣша	ловѣша
Р.	ловѣшь	ловѣшь	ловѣшь
Д.	ловѣшемь	ловѣшамь	ловѣшемь
В.	ловѣша	ловѣша	ловѣша
Т.	ловѣши	ловѣшами	ловѣши
М.	ловѣшихъ	ловѣшахъ	ловѣшихъ
<i>Двойственное число</i>			
И.-В.-Зв.	ловѣша	ловѣши	ловѣши
Р.-М.	ловѣшю	ловѣшю	ловѣшю
Д.-Т.	ловѣшема	ловѣшама	ловѣшема
БЫТИ			
<i>Единственное число</i>			
И.-Зв.	бывъ	бывъши	бывъ
Р.	бывъша	бывъша	бывъша
Д.	бывъшю	бывъши	бывъшю
В.	бывъшь	бывъшж	бывъше

Падеж	М. р.	Ж. р.	С. р.
Т.	бывъшемь	бывъшеѣж	бывъшемь
М.	бывъши	бывъши	бывъши
<i>Множественное число</i>			
И.-Зв.	бывъше	бывъша	бывъша
Р.	бывъшь	бывъшь	бывъшь
Д.	бывъшемь	бывъшамь	бывъшемь
В.	бывъша	бывъша	бывъша
Т.	бывъши	бывъшамн	бывъши
М.	бывъшихъ	бывъшахъ	бывъшихъ
<i>Двойственное число</i>			
И.-В.-Зв.	бывъша	бывъши	бывъши
Р.-М.	бывъшю	бывъшю	бывъшю
Д.-Т.	бывъшема	бывъшама	бывъшема
ДАТИ			
<i>Единственное число</i>			
И.-Зв.	давъ	давъши	давъ
Р.	давъша	давъша	давъша
Д.	давъшю	давъши	давъшю
В.	давъшь	давъшѣ	давъше
Т.	давъшемь	давъшеѣж	давъшемь
М.	давъши	давъши	давъши
<i>Множественное число</i>			
И.-Зв.	давъше	давъша	давъша
Р.	давъшь	давъшь	давъшь
Д.	давъшемь	давъшамь	давъшемь
В.	давъша	давъша	давъша
Т.	давъши	давъшамн	давъши
М.	давъшихъ	давъшахъ	давъшихъ
<i>Двойственное число</i>			
И.-В.-Зв.	давъша	давъши	давъши
Р.-М.	давъшю	давъшю	давъшю
Д.-Т.	давъшема	давъшама	давъшема

Падеж	М. р.	Ж. р.	С. р.
части			
<i>Единственное число</i>			
И.-Зв.	ѣдѣ	ѣдѣши	ѣдѣ
Р.	ѣдѣша	ѣдѣша	ѣдѣша
Д.	ѣдѣшю	ѣдѣши	ѣдѣшю
В.	ѣдѣшь	ѣдѣшѣ	ѣдѣше
Т.	ѣдѣшемь	ѣдѣшеѣ	ѣдѣшемь
М.	ѣдѣши	ѣдѣши	ѣдѣши
<i>Множественное число</i>			
И.-Зв.	ѣдѣше	ѣдѣша	ѣдѣша
Р.	ѣдѣшь	ѣдѣшь	ѣдѣшь
Д.	ѣдѣшемь	ѣдѣшамь	ѣдѣшемь
В.	ѣдѣша	ѣдѣша	ѣдѣша
Т.	ѣдѣши	ѣдѣшамѣ	ѣдѣши
М.	ѣдѣшихъ	ѣдѣшахъ	ѣдѣшихъ
<i>Двойственное число</i>			
И.-В.-Зв.	ѣдѣша	ѣдѣши	ѣдѣши
Р.-М.	ѣдѣшю	ѣдѣшю	ѣдѣшю
Д.-Т.	ѣдѣшема	ѣдѣшамѣ	ѣдѣшема

Полные формы действительных причастий прошедшего времени образовывались так же, как и полные формы прилагательных и причастий настоящего времени, — присоединением к краткой форме указательных местоимений **и, ѣ, к**. Полные причастия склонялись по местоименному типу склонения.

В старославянском языке совпали полные формы И. ед. м. действительных причастий настоящего (**везѣи** < *vezŭjъ) и прошедшего (**везѣи** < *vezŭjъ) времени. Кроме того, формы И. ед. м. полных действительных причастий прошедшего времени вследствие утраты йота и стяжения гласных **везѣи** (из *vezŭjъ) > **везѣ** совпали с краткими формами настоящего времени (**везѣ**).

Склонение полных действительных причастий прошедшего времени

Падеж	М. р.	Ж. р.	С. р.
вести — везъ			
<i>Единственное число</i>			
И.-Зв.	везъи	везъшиа	везъшек
Р.	везъшакго	везъшамъ	везъшакго
Д.	везъшюкмоу	везъшни	везъшюкмоу
В.	везъшни	везъшжж	везъшек
Т.	везъшнимъ	везъшеж	везъшнимъ
М.	везъшнимъ	везъшни	везъшнимъ
<i>Множественное число</i>			
И.-Зв.	везъшен	везъшамъ	везъшамъ
Р.	везъшнихъ	везъшнихъ	везъшнихъ
Д.	везъшнимъ	везъшнимъ	везъшнимъ
В.	везъшамъ	везъшамъ	везъшамъ
Т.	везъшними	везъшними	везъшними
М.	везъшнихъ	везъшнихъ	везъшнихъ
<i>Двойственное число</i>			
И.-В.-Зв.	везъшамъ	везъшни	везъшни
Р.-М.	везъшюю	везъшюю	везъшюю
Д.-Т.	везъшнимъ	везъшнимъ	везъшнимъ

Причастия страдательного залога настоящего времени

В старославянском языке страдательные причастия настоящего времени образовывались от основы настоящего времени, проявляющейся в форме 3 мн. при помощи суффиксов -ом- у глаголов 1, 2 и 5-го классов (нести/нес-жтть/нес-омъ, двигнжти/двигн-жтть/двигн-омъ, гати/гд-атть/гд-омъ), -ем- у глаголов 3-го класса (знати/зна-жтть/зна-кмъ, клати/кол-жтть/кол-емъ) и -им- у глаголов 4-го класса (носити/нос-атть/нос-имъ, видѣти/вид-атть/вид-имъ) + падежно-родовые окончания (приводятся формы И. ед. м.):

*vez-o-m-o-s > *vezomus > **везомъ** (вести — вез-жтть);

*dvīgn-o-m-o-s > *dvīgnomus > **двигномъ** (двигнжти — двигн-жтть);

*ēd-o-m-o-s > jēdomus > **гдомъ** (гати — гд-атть);

Склонение кратких страдательных причастий настоящего времени

Падеж	М. р.	Ж. р.	С. р.
вести — везѣ			
<i>Единственное число</i>			
И.-Зв.	ВЕЗОМЪ	ВЕЗОМА	ВЕЗОМО
Р.	ВЕЗОМА	ВЕЗОМЫ	ВЕЗОМА
Д.	ВЕЗОМОУ	ВЕЗОМѢ	ВЕЗОМОУ
В.	ВЕЗОМЪ	ВЕЗОМЖ	ВЕЗОМО
Т.	ВЕЗОМОМЪ	ВЕЗОМОЖ	ВЕЗОМОМЪ
М.	ВЕЗОМѢ	ВЕЗОМѢ	ВЕЗОМѢ
<i>Множественное число</i>			
И.-Зв.	ВЕЗОМИ	ВЕЗОМЫ	ВЕЗОМА
Р.	ВЕЗОМЪ	ВЕЗОМЪ	ВЕЗОМЪ
Д.	ВЕЗОМОМЪ	ВЕЗОМАМЪ	ВЕЗОМОМЪ
В.	ВЕЗОМЫ	ВЕЗОМЫ	ВЕЗОМА
Т.	ВЕЗОМЫ	ВЕЗОМАМИ	ВЕЗОМЫ
М.	ВЕЗОМѢХЪ	ВЕЗОМАХЪ	ВЕЗОМѢХЪ
<i>Двойственное число</i>			
И.-В.-Зв.	ВЕЗОМА	ВЕЗОМѢ	ВЕЗОМѢ
Р.-М.	ВЕЗОМОУ	ВЕЗОМОУ	ВЕЗОМОУ
Д.-Т.	ВЕЗОМОМА	ВЕЗОМАМА	ВЕЗОМОМА

*dēlā-jo-m-o-s > *dēlājemus > дѣлакѣмъ (дѣлати — дѣла-ѣтъ);

*mol-ī-m-o-s > *molīmus > молимъ (молити — мол-ѣтъ).

Таким образом, в праславянском языке к тематическому гласному *-о (1, 2, 5 кл.), *-jo > *-je (3 кл.), *-ī (4 кл.) глагольной основы настоящего времени присоединялся суффикс причастия *-m- (восходящий к и.-е. суффиксу *-to), за которым следовали именной суффикс *-о или *-ā в зависимости от типа склонения и падежное окончание.

Склонялись краткие страдательные причастия настоящего времени так же, как краткие прилагательные: м. и с. р. — по типу на *-о, ж. р. — по типу на *-ā.

Полные формы страдательных причастий настоящего времени образовывались от кратких форм путем присоединения к кратким формам указательных местоимений и, ѿ, ꙗ: **ВЕЗОМЪ-и** > **ВЕЗОМЪи**

(м. р.); **везома-га** > **везомага** (ж. р.); **везомо-к** > **везомок** (с. р.).
Склонялись они так же, как полные прилагательные.

Таблица 61

Склонение полных страдательных причастий настоящего времени

Падеж	М. р.	Ж. р.	С. р.
вести — везж			
<i>Единственное число</i>			
И.-Зв.	везомъин	везомага	везомок
Р.	везомакго	везомъа	везомакго
Д.	везомоукмоу	везомъи	везомоукмоу
В.	везомъин	везомъа	везомок
Т.	везомъинь	везомоа	везомъинь
М.	везомъикъ	везомъи	везомъикъ
<i>Множественное число</i>			
И.-Зв.	везомин	везомъа	везомага
Р.	везомъинхъ	везомъинхъ	везомъинхъ
Д.	везомъинь	везомъинь	везомъинь
В.	везомъа	везомъа	везомага
Т.	везомъини	везомъини	везомъини
М.	везомъинхъ	везомъинхъ	везомъинхъ
<i>Двойственное число</i>			
И.-В.-Зв.	везомага	везомъи	везомъи
Р.-М.	везомою	везомою	везомою
Д.-Т.	везомъинма	везомъинма	везомъинма

Причастия страдательного залога прошедшего времени

Страдательные причастия прошедшего времени образовывались путем присоединения к основе инфинитива суффиксов причастий **-н-**, **-ен-**, **-т-**, за которыми следовало падежное окончание (в качестве образцовой формы страдательного причастия приводится форма И. ед. м.):

1) суффикс **-н-** присоединялся к основам на суффиксальный **-а-** и **-ѣ-**: **сѣдѣланъ**, **слышанъ**, **видѣнъ**;

Склонение кратких страдательных причастий прошедшего времени

Падеж	М. р.	Ж. р.	С. р.
вести — везѣ			
<i>Единственное число</i>			
И.-Зв.	везенъ	везена	везено
Р.	везена	везены	везена
Д.	везеноу	везенѣ	везеноу
В.	везенъ	везенѣ	везено
Т.	везеномь	везеномь	везеномь
М.	везенѣ	везенѣ	везенѣ
<i>Множественное число</i>			
И.-Зв.	везени	везены	везена
Р.	везенъ	везенъ	везенъ
Д.	везеномь	везенамь	везеномь
В.	везены	везены	везена
Т.	везены	везенами	везены
М.	везенѣхъ	везенахъ	везенѣхъ
<i>Двойственное число</i>			
И.-В.-Зв.	везена	везенѣ	везенѣ
Р.-М.	везеноу	везеноу	везеноу
Д.-Т.	везенома	везенама	везенома

2) суффикс **-ен-** присоединялся к основам на согласный (**несенъ**, **реченъ**, **двигновенъ/движенъ**, **овръѣтенъ**), на **-ы-** (**оумьти — оумьвенъ**), на **-оу-** (**обоути — обоувенъ**) и на **-и-** (**родити — рожденъ**, **носити — ношенъ**); если корень, входящий в основу инфинитива, оканчивался на заднеязычный согласный, то он подвергался палатализации: **пеци** (<*pek-tei) — **печ-ен-ъ**, **реци** (<*rek-tei) — **реч-ен-ъ**, **двигнѣти — движ-ен-ъ** (И. ед. м.);

3) при помощи суффикса **-т-** от основ инфинитива на корневые (в первую очередь восходившие к дифтонгам и дифтонгическим сочетаниям) гласные **-ѣ-**, **-ѣ-**, **-и-**: **начѣти — начѣтъ**, **пожрѣти — пожрѣтъ**, **пити — питъ**, **пѣти — пѣтъ**; возможно, по аналогии с этими формами появились страдательные причастия с суффиксом **-т-** от основ на согласный: **отврѣсти** 'открыть' (**отврѣж**) — **отврѣстъ**, **оувѣсти** 'обвязать' (**оувѣж**) — **оувѣстъ**.

Склонение полных страдательных причастий прошедшего времени

Падеж	М. р.	Ж. р.	С. р.
вести — везѣ			
<i>Единственное число</i>			
И.-Зв.	ВЕЗЕНЫИ	ВЕЗЕНАИ	ВЕЗЕНОК
Р.	ВЕЗЕНАКО	ВЕЗЕНЫѦ	ВЕЗЕНАКО
Д.	ВЕЗЕНОУКМОУ	ВЕЗЕНЪИ	ВЕЗЕНОУКМОУ
В.	ВЕЗЕНЫИ	ВЕЗЕНЪИ	ВЕЗЕНОК
Т.	ВЕЗЕНЫИМЪ	ВЕЗЕНОУЖ	ВЕЗЕНЫИМЪ
М.	ВЕЗЕНЪКМЪ	ВЕЗЕНЪИ	ВЕЗЕНЪКМЪ
<i>Множественное число</i>			
И.-Зв.	ВЕЗЕНИИ	ВЕЗЕНЫѦ	ВЕЗЕНАИ
Р.	ВЕЗЕНЫИХЪ	ВЕЗЕНЫИХЪ	ВЕЗЕНЫИХЪ
Д.	ВЕЗЕНЫИМЪ	ВЕЗЕНЫИМЪ	ВЕЗЕНЫИМЪ
В.	ВЕЗЕНЫѦ	ВЕЗЕНЫѦ	ВЕЗЕНАИ
Т.	ВЕЗЕНЫИМИ	ВЕЗЕНЫИМИ	ВЕЗЕНЫИМИ
М.	ВЕЗЕНЫИХЪ	ВЕЗЕНЫИХЪ	ВЕЗЕНЫИХЪ
<i>Двойственное число</i>			
И.-В.-Зв.	ВЕЗЕНАИ	ВЕЗЕНЪИ	ВЕЗЕНЪИ
Р.-М.	ВЕЗЕНОУЮ	ВЕЗЕНОУЮ	ВЕЗЕНОУЮ
Д.-Т.	ВЕЗЕНЫИМА	ВЕЗЕНЫИМА	ВЕЗЕНЫИМА

Старославянские суффиксы страдательных причастий настоящего времени **-н-**, **-ен-**, **-т-** (в праславянском соответственно ***-n-**, ***-en-**, ***-t-**) имели индоевропейское происхождение.

У глаголов 4-го класса с основой инфинитива на суффиксальный гласный **-и-** этот суффиксальный **-и-** (< ***-i-**) перед тематическим гласным суффикса причастия изменялся в ***j**, который фонетически взаимодействовал с предшествующим согласным корня, в результате чего возникало чередование: **коупити — коупакнѣ**, **носити — ношенѣ** и др.

Чередования гласных возникали и при образовании причастий от основ инфинитива на корневые гласные:

омѣти (*ob-mī-tei) — **омѣв-ен-ѣ**, где отразилось чередование **ѣ // ѣв** (восходящее к ***ū//u+u**);

бра-ти (*bor-tei) — **бор-ен-ѣ** (ср. **бореник** 'борьба'); **закла-ти** (*zā-kol-tei) — **закол-ен-ѣ** (ср. **заколеник** 'убийство'), где отрази-

лось чередование *ра // ор, ла // ол* (восходящее к [**or, *ol* + согласный] // [**or, *ol* + гласный]);

простръѣти (**pro-ster-tei*) — **прострътъ** (**pro-str-tu*).

В глаголах, имеющих основы инфинитива с суффиксом **-нж-** и относившихся к группе глаголов со значением *мгновенного действия*, при образовании страдательных причастий прошедшего времени имеется чередование в суффиксе **-нѣ-//-нов-**: **дръзнѣти** — **дръзновенъ** (**дръзновеникъ**), **поманѣти** — **помановенъ** (**помановеникъ**), **прикоснѣти** — **прикосновенъ** (**прикосновеникъ**). У этих глаголов суффикс **-нж-** восходит к и.-е. **-nou-*. У глаголов со значением *постепенного изменения состояния* суффикс **-нж-** восходит к и.-е. **-nān-*: **прозавнѣти** — **прозавенъ** (**прозавеникъ**), **въскрсьнѣти** — **въскрсьенъ** (**въскрсьеникъ / въскрсьновеникъ**).

В старославянских памятниках встречаются формы причастий одного глагола, образованные при помощи разных суффиксов: **оубитъ** — **оубивенъ**, **шитъ** — **шьвенъ**, **прострътъ** — **простръренъ** и т. п., а также с одним суффиксом от разных основ: **закланъ** — **заколкнъ**¹, **движенъ** — **двигновенъ**.

В целом суффикс **-т-** в старославянском языке был менее продуктивным, чем в русском. Ср. рус. *убит, скрыт, забыт, омыт, заколот, постигнут, отринут*, но ц.-сл. *убиен(ный), сокровен(ный), незабвен(ный), омолен(ие), заклан(ие), постигновен* (от *постигнуть*), *отриновен* (от *отринуть*).

Краткие страдательные причастия склонялись как краткие прилагательные соответствующего рода: м. и с. р. — по типу на **о*, ж. р. — по типу на **-а*.

Полные формы страдательного причастия прошедшего времени образуются от кратких по той же схеме, что и соответствующие полные прилагательные: **везенъ-и** > **везенъи** (м. р.); **везена-ѧ** (ж. р.); **везено-к** (с. р.). Склонение полных причастий аналогично склонению полных прилагательных.

Перфектное причастие с суффиксом **-л-**

Несклоняемые причастия действительного залога, или перфектные причастия на **-л-**, были унаследованы из праславянского языка. Они образовывались от основы инфинитива с помощью суффикса **-l-* и изменялись по родам и числам.

Показатели (окончания) рода и числа у них были такие же, как и у существительных типа склонения на **о* (м. и с. р.) и на **ā* (ж. р.).

пѣци (**pek-tei*): **пек-л-ъ**, **пек-л-а**, **пек-л-о**;

¹ Форма **закланъ** образована от основы инфинитива при помощи суффикса **n* (**zā-kol-en-* > **zaklan*), а **заколкнъ** — либо от основы инфинитива при помощи суффикса **en* (**zā-kol-en-* > **zakolenъ*), либо от основы наст. вр. посредством того же суффикса (***zā-kolj-en-* > **zakolenъ*).

НЕС-ТИ: **НЕС-Л-Ъ, НЕС-Л-А, НЕС-Л-О;**

ЗЪВА-ТИ: **ЗЪВА-Л-Ъ, ЗЪВА-Л-А, ЗЪВА-Л-О;**

ХОДИ-ТИ: **ХОДИ-Л-Ъ, ХОДИ-Л-А, ХОДИ-Л-О;**

ВИДѢ-ТИ: **ВИДѢ-Л-Ъ, ВИДѢ-Л-А, ВИДѢ-Л-О** и т. д.

Именные формы причастий на -л- употреблялись в составе сложных глагольных форм: сложных прошедших времен — перфекта и плюсквамперфекта, будущего второго сложного времени и сослагательного наклонения. В составе этих форм перфектное причастие функционировало как именная часть сказуемого, поэтому согласовывалось с подлежащим в роде и числе и имело только форму именительного падежа.

Образование причастий на -л- характеризуется рядом особенностей. При образовании причастий от глаголов с основой инфинитива на согласный -t, -d эти согласные утрачивались: **мѣсти** (*met-tei > metľ > meľ) — **мѣлъ**; **вѣсти** (*ved-tei > *vedľ > veľ) — **вѣлъ**. Причастия от глагола **ити** (*eitei) образовывались, как и действительные причастия прошедшего времени, от основы **шѣд-**; при этом согласный основы тоже утрачивался: *š'ьdlĭ > š'ьľ > **шѣлъ**. От глаголов с основой инфинитива на суффикс -нж- (-*nĭ-) причастия образовывались двойко:

1) присоединением суффикса -л- к основе инфинитива с сохранением суффикса основы инфинитива -нж- (у глаголов с корнем на гласный): **минжти** — **минжалъ**;

2) присоединением суффикса -л- к основе инфинитива с утратой суффикса основы инфинитива -нж- (у глаголов с корнем на согласный): **двигнжти** (< *dvĭg-non-tei) — **двиглъ**; **сѣхнжти** (*sux-non-tei) — **сѣхлъ**.

А. Мейе считал причастия на -л- предикативными¹, поскольку они в краткой форме превращались в часть аналитической глагольной формы (вместе со связкой в составе именного сказуемого).

Полные (членные) формы этих причастий в русском языке перешли в прилагательные (ср. совр.: *бывалый, горелый, лежалый, усталый* и т. д.). Утрата склонения краткими формами причастий на -л- началась еще в праславянский период и повлияла в дальнейшем на судьбу других причастий.

§ 80. Деепричастие

Дошедшие до нас старославянские памятники отражают начало утраты склонения краткими действительными причастиями настоящего и прошедшего времени, что определялось синтаксическими изменениями — переходом от подчиненности их подлежащему

¹ См. об этом: *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951. С. 210—213. Возможно, это в чем-то объясняет существование в праславянском языке двух форм действительных причастий прошедшего времени.

(согласование с ним) к подчиненности сказуемому (примыкание к нему). Эти процессы приводили сначала к возникновению несклоняемых причастий, различающих род и число, а затем и деепричастий. В современном русском языке деепричастие — это неспрягаемая форма глагола, обладающая категориями вида и залога и обозначающая второстепенное действие по отношению к глаголу в личной форме, которое характеризует главное действие или состояние.

Деепричастие традиционно рассматривается как относительно новая грамматическая категория, которой в старославянском языке еще не было. Однако иногда в качестве деепричастий рассматривают старославянские «застывшие формы на *-штѣ* и *-ше* действительных причастий», хотя отмечаются их редкость и вторичность в текстах¹:

...ѣко народу дивити сѧ • видаше нѣмъѣмъ глаголиштѧ (Мф. 15: 31 Зогр., Мар.) '[и Он исцелил их,] так что народ дивился, видя немых говорящими';

...неже двѣѣ ногѣ имѣше въврѣженоу быти въ гееннѣ (Мк. 9: 45 Мар.; в Зогр. — *имѣшу*) '[лучше тебе войти в жизнь хромого,] чем, имея две ноги, ввержену быть в геенну';

повели ми • дровѣ шѣдъше погрети оца моего (Лк. 9: 59 Зогр.; в Асс. — *шѣдъшу*) 'позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего';

подобѧ ми кѣтъ сѣдѣти мльчаштѣ (Супр. 205.14) 'подобает мне сидеть молча';

и третнй днь въставъ из мртвѣвнхъ • ѧѣ своимъ оученикомъ • рекше стѣымъ аполомъ (Супр. 11.21) 'и на третий день, восстав из мертвых, явился своим ученикам, то есть святым апостолам'.

В последнем случае форма *рекше* выступает в качестве пояснительного союза в значении 'то есть'.

§ 81. Залог

Категория залога характеризует отношение действия к предмету, обозначенному подлежащим.

Если подлежащее обозначает производителя действия (агенс), то глагол ставится в действительном (активном) залоге: **се азъ посылаю а҃г҃ла моего предъ лицемъ твоимъ** (Мк. 1: 2 Зогр.) 'вот я посылаю вестника моего перед тобою'.

Если подлежащее обозначает объект действия (пациенс), то используется форма страдательного (пассивного) залога: **посыланъ бы а҃г҃ла гавриилъ отъ б҃га въ градъ галилеискъ** (Лк. 1: 26 Зогр.) '[в шестой месяц] послан был ангел Гавриил богом в город галилейский'.

¹ Вайан А. Руководство по старославянскому языку. С. 279.

В принципе активная и пассивная конструкции описывают одну и ту же ситуацию, но по-разному распределяют синтаксические роли субъекта и объекта действия. Ср. не осуждайте да не осуждени будете (Мф. 7: 1 Зогр.) ‘не осуждайте [никого] и [тогда] не будете осуждены [сами]’ — да не осуждите сѧ (Сав.); осуждайте — действительный залог¹, осуждени будете и осуждите сѧ — страдательный залог².

Значение страдательного залога в старославянском языке могло быть выражено двояким образом:

1) сложной (описательной) формой, состоящей из страдательного причастия и вспомогательного глагола, в качестве которого выступали различные формы глаголов бѣти и бѣвати: азъ же поставленъ есмь црѣь отъ него (Син. 2, 6) ‘Я поставлен царем им (= он поставил меня царем)’; слышасте ꙗко речено бѣсть древниимъ не оубиеси (Мф. 5: 21 Зогр.) ‘вы слышали, что сказано было древним (Т. ед.): «не убивай...»’; вꙗско оубо дрѣво... постѣкаемо бѣваесть и въ огнь вѣмѣтаемо (Мф. 3: 10 Асс.) ‘всякое древо (не приносящее доброго плода) срубают и бросают в огонь’; гонимъ бѣвааше бѣсомъ (Лк. 8: 29 Зогр.) ‘(он) был гоним бесом’; тѣшта же симонѣ въ одръжима огнемъ вельемъ (Лк. 4: 38 Зогр.) ‘теща же Симона была одержима сильною горячкою’;

2) возвратной формой глагола, т. е. присоединением к глаголу постфикса сѧ, который по происхождению является возвратным местоимением В. п.: вса поднебесъскаѧ • просвѣтиша сѧ • апостольскомъ проповѣданикомъ (Супр. 185.30—186.1) ‘вся поднебесная [земля] осветилась апостольским проповеданием’, но да ты ми просвѣтиши оумъ (Евх. 79а 21—22) ‘ты мне осветишь разум’; всѣкъ възносѧ сѧ сѣмѣритъ сѧ (Лк. 14: 11 Зогр.) ‘всякий возносящий сам себя, унижен будет’, но сѣмѣрилъ ны еси на мѣстѣ озлобленъѣ (Син. 43.20) ‘сокрушил ты нас в земле страдания’; тлѣцѣте ꙗ отворзетъ сѧ вамъ (Мф. 7: 7 Зогр.) ‘стучите и откроется вам (= откроют вам)’; но по вѣрѣ ею отворзе очи овѣма (Евх. 336.16) ‘[он] по вере им открыл глаза обоим’; шарѣниѧ на единомъ дѣстѣ • и образы чрѣтаѣтъ и истинѧ пишѣтъ шаромъ (Супр. 418.2) ‘художники на одной доске и изображения рисуют, и (саму) действительность пишут красками’, но пишетъ во сѧ не чѣтѣи сѧ не чѣтетъ отѣца (Супр. 328. 16-17) ‘ибо пишется (= написано): не почитающий сына не почитает (и) отца’.

Однако эти средства выражения страдательности в старославянском языке еще не были грамматикализованы. Об этом, в част-

¹ Формы императива в принципе не имеют пассива: ср. необычность таких фраз, как ***будьте осуждены, **осуждайтесь*.

² Подробнее о категории залога в старославянском языке см.: *Гавранек Б.* Залог (genega verbi) в старославянском языке в сравнительном плане // Исследования по синтаксису старославянского языка: сб. статей. Прага, 1963. С. 15—120.

ности, говорит употребление разных вспомогательных глаголов в описательных пассивных конструкциях с причастиями, а также то, что страдательные причастия настоящего времени встречаются довольно редко и во многих контекстах выступают еще как отглагольные прилагательные. Кроме того, страдательное значение глаголов на **сѧ** было лишь одним из многих значений возвратных глаголов.

Наряду с выражением страдательного значения **сѧ** использовался и как словообразовательное средство (часто в комбинации с префиксом), с помощью которого образовывались возвратные глаголы (их называют также *рефлексивами*): ср. **клати** ‘проклинать’ → **клати сѧ** ‘клясться’, **молити** ‘просить, молить’ → **молитисѧ** ‘молиться, совершать молитву’, **сѣннати** ‘сойти, спуститься’ → **сѣннати сѧ** ‘собраться, сойтись (в бою), сразиться’, **ити** → **разити сѧ** ‘разойтись, рассеяться, исчезнуть’, **горѣти** → **възгорѣти сѧ** ‘загореться’.

Возвратный глагол может обозначать ситуацию, когда субъект действия одновременно является и объектом действия (т. е. действие возвращается к самому производителю и сосредоточивается на нем): **възвеселити** ‘порадовать’ → **възвеселити сѧ** ‘порадоваться’, **възвеличити** ‘увеличить, умножить’ → **възвеличити сѧ** ‘увеличиться, умножиться’.

В старославянском языке переходные глаголы, присоединяя возвратный постфикс **сѧ**, могли развивать значение взаимного действия. Ср. **сѣнати** → **сѣнати сѧ** ‘собраться, сойтись (в бою), совершить половой акт’; **цѣловати** ‘целовать (кого)’ → **цѣловати сѧ** ‘целоваться’: и **авне цѣлоуетъ по[о]пъ оба вратра • і сама сѧ цѣлоуете** (Евх. 11а 2—3) ‘и тотчас целует поп обоих братьев и они (оба) сами целуются’; **обловѣзати** ‘целовать (кого)’ → **обловѣзати сѧ** ‘целоваться’: **правѣда и міръ обовѣзасте** (sic!) **сѧ** (Син. 84.11) ‘правда и мир поцелуются’.

Некоторые глаголы всегда были возвратными (**дивити сѧ**, (**оу**) **вопати сѧ**, **надѣпати сѧ** и др.), так как не употреблялись без **сѧ**: **азъ дивлѣсѧ** (Супр. 151.7); **видѣвшѣ і оученици его по морюу ходѣща • оубоаша сѧ** (Мф. 14: 26 Сав.) ‘его ученики, увидев его идущего по морю, испугались’; **надѣваше сѧ знаменьє етеро видѣти** (Лк. 23: 8 Мар.) ‘(Ирод) надеялся чудо какое-нибудь увидеть (от Иисуса)’.

Некоторые рефлексивы, прежде всего такие, которые обозначали эмоциональные состояния, имели в качестве постфикса возвратности не **сѧ**, а **си**, который по происхождению был формой дательного падежа того же возвратного местоимения: **пожалити си** ‘опечалиться’, **сѣжалити си** ‘опечалиться’, **сѣтѣжити си** ‘ослабеть, впасть в уныние’, **сѣтѣжати си** ‘падать духом’, **печаловати си/сѧ** ‘печалиться’ (ср. **печалити сѧ** ‘расстраиваться, беспокоиться’): **сѣжалиша си сѣло** (Мф. 18: 31 Мар.) ‘(они) очень огорчились’; не **сѣтѣжи си вѣроу** (Супр. 427.6).

Обычно в старославянских текстах возвратный элемент **сѧ** стоит после глагола, к которому он относится. Изначально **сѧ** имел самостоятельное ударение (см. § 58, 103), однако в позднеславянский период эта форма перешла в разряд энклитик и в соответствии с правилами поведения энклитик **сѧ** должно было занимать (если не было других энклитик) место после первого знаменательного слова предложения, каковую тенденцию отражают некоторые старославянские памятники: **жено чьто сѧ плачєши** (Ин. 2: 15 Асс.) ‘Женщина! Что ты плачешь?’; **без оумѧ сѧ причѧштѧєши жрѣтвѣ** (Клоц. 9а 25) ‘безрассудно ты присоединяешься к жертве’.

§ 82. Служебные части речи: предлоги

Предлоги в старославянском языке можно разделить на *первичные* (непроизводные, первообразные) и *вторичные* (производные, непервообразные).

К *первичным* предлогам относились: **без**, **въ**, **въз**, **до**, **за**, **из**, **къ**, **на**, **надъ**, **о(в)**, **от(ъ)**, **по**, **подъ**, **при**, **прѣдъ**, **съ**, **оу**.

Первичные предлоги генетически имеют общее происхождение с приставками — значительная часть первообразных предлогов может выступать и в качестве приставок (*с*, *при*, *за*, *на* и т. д.). Исключения составляют **про-**, **раз-**, которые в старославянском не употреблялись в качестве предлогов. Кроме того, **въз** в роли предлога использовалось крайне редко, а **прѣ** при образовании предлога получал элемент **д** (отсюда появились предлог и префикс **прѣдъ**, аналогично образовались **надъ** и **подъ** из **на** и **по**). С другой стороны, **къ** был только предлогом.

Близкая связь между приставками и предлогами связана с тем, что они восходят к морфемам с адвербиальными значениями (прежде всего пространственными), существовавшим в праиндоевропейском языке; из этих морфем и сформировалась впоследствии система славянских приставок и первичных предлогов.

Предлоги **съ**, **къ** и **въ** первоначально оканчивались на носовой согласный (***сьп**, ***къп**, ***въп**), поэтому в формах местоимений после них появлялось **н** (**съ нимь**, **къ нѣмоу**, **въ нѣ**) ***сьп** *jimь* > **сьпимь** > **сьпимь** > **сьпимь**, * **къп** *jemu* > **къпѣму** > **къпѣму** > **къпѣму**, ***въп** *je* > **въпѣ** > **въпѣ** > **въпѣ**. После остальных предлогов формы на **н** появились по аналогии: **подъ нимь**, **без нѣго** (**без нѣго**) и др.

Предлоги на конечный звук **з** (**без**, **въз**, **из**) исконно не имели редуцированного на конце, и поэтому на стыке предлога и слова могло происходить изменение группы согласных (ассимиляция и др.), например: **без оумѧ**, но **вес тебе** (< **bez tebe*), **без нѣго** (<

*bez něgo), **вѣ страха** (< *bez straxa), **вѣштада** (< *bez čęda), **вѣз д разоума** (< *bez razuma).

Ко *вторичным* предлогам относились: **влизъ**, **врьхоу**, **вѣнъ**, **вѣслѣдъ**, **искръ** ‘близко от’, **кромѣ** ‘вне, без’, **между**, **окръсть** ‘вокруг’, **окръжъ** ‘вокруг’, **подлѣгъ** ‘вдоль’, **посрѣдѣ**, **прѣжде**, **развѣ** ‘без, помимо, кроме’, **противъ** ‘против, напротив, навстречу, по’, **прѣмо** ‘напротив, перед’, **сквозѣ**. Предлоги **дѣла**, **дѣльма** и **ради** ‘из-за, ради’ точнее было бы назвать *последлогами*, поскольку они употреблялись не перед, а *после* слова, к которому относились, и имели значение не только цели, как в современном русском языке, но и причины: **мене дѣла освятятъ имя мое** (Супр. 325. 18; ср. **мене ради** Клоц. 1а 11) ‘ради меня освятят имя мое’. Предлог **вѣ ... мѣсто** ‘вместо’ как бы обрамлял именную словоформу: **вѣ хлѣба мѣсто** ‘вместо хлеба’.

Производные предлоги возникали из наречий, застывших падежных (или предложно-падежных) форм.

Значительная часть предлогов могла употребляться только с одним определенным падежом. Однако некоторые, в первую очередь первообразные предлоги, могли употребляться в разных значениях с различными падежами.

Предлоги, употреблявшиеся с одним падежом

1. Предлоги с Р. п.:

вѣз — при обозначении отсутствия чего-либо ‘без’ (**сѣзъдавѣшоу храминѣ вѣзъ основанѣ** (Лк. 6: 49 Зогр.) ‘создавшему дом без фундамента’) и в значении несогласия ‘вопреки, против, не по’ (**не вѣхъ ли ти реклъ вѣ позъвати • то како вѣз мого повелѣннѣ три на десѣте кси позвалъ** (Супр. 121.16) ‘не я ли приказал тебе позвать двенадцать, а ты, вопреки моему приказанию, позвал тринадцать’);

до — с местным и временным значением ‘до, вплоть до’ (**до витѣлѣма** (Лк. 2: 15 Зогр.) ‘до Вифлеема’, **до сего дъне** (Мф. 27: 8 Зогр.) ‘до сегодняшнего дня’), при указании на лицо, против которого направлено действие, ‘против’ (**до главъы мѣ зъло сѣдѣа** (Клоц. 481) ‘содеял зло против меня’);

из — обозначает место, из которого начинается действие (**ишедъ исѣ ицѣкве** (Мф. 24: 1 Мар.) ‘вышел Иисус из храма’), обозначает исходный момент действия или состояния (**изъ оуности моеѣ** (Лк. 18: 21 Мар.) ‘с юности моей’), указывает на предка (**изъ неѣже родисѣ праведное слънѣце** (Евх. 856.1) ‘от которой родилось праведное солнце’), обозначает материал (**врътъпъ ис камене** (Супр. 451.22) ‘пещера из камня’) и некоторые другие;

отъ — один из самых многозначных предлогов в старославянском языке; древняя форма была без конечного ера (псл. *ot);

помимо местного и временного значения ‘от, из, с’ (**възиде отъ воды** (Мф. 3: 16 Зогр.) ‘вышел из воды’, **отъ того часа поятъ ѿ оученикъ въ своѣ си** (Ин. 19: 27 Зогр.) ‘и с того момента ученик взял ее к себе’), мог употребляться, в частности, при обозначении родительного разделительного ‘из’ (**ѿдинъ отъ васъ прѣдастъ ма** (Мф. 26: 21 Зогр.) ‘один из вас предаст меня’), а также при выражении субъекта в страдательном обороте (**поржганъ вѣистъ отъ влѣхвъ** (Мф. 2: 16 Асс.) ‘был осмеян волхвами’) и др.; во многих из этих и других значениях в современном русском языке ему соответствует предлог *из* (см. также § 94);

оу — указывает на близость (**стоѣше оу гроба** (Ин. 20: 11) ‘[Мария] стояла у гроба...’), на принадлежность (**оу господи** (Супр. 313.28) ‘у Господа’) и т. д.; в целом спектр его значений в старославянском совпадает с современным русским.

К числу вторичных предлогов, требовавших Р. п., относятся:

врѣхоу — ‘вверху, на’ — **врѣхоу горы стоѣа** (Мф. 5: 14 Асс.) ‘стоя на горе’;

кромѣ — ‘вне, без’ — **кромѣ грѣха** (Евх. 57а.12) ‘без греха’;

окръстъ — ‘вокруг’ — **окръстъ себе** (Мф. 8: 18 Зогр.) ‘вокруг себя’;

прѣжде — ‘перед, до’ — **прѣжде потопа** (Мф. 24: 38. Асс.) ‘до потопа’;

развѣ — ‘без, помимо, кроме’ — **пять тысячъ развѣ женъ і дѣтнѣи** (Мф. 14: 21 Зогр.) ‘пять тысяч, помимо женщин и детей’.

Также с Р. п. употреблялись предлоги: **по срѣдѣ** ‘посреди’, **влизъ** ‘вблизи’, **вѣнъ** ‘из’, **вѣнѣ** ‘вне’, **въ слѣдѣ** ‘за’, **въскран** ‘возле, около’.

С Р. п. употреблялись и послелогии **ради** и **дѣла**, **дѣльма**, имевшие в старославянском языке, как уже указывалось, причинное значение ‘из-за’ — **сѣбота чловѣкъ ради бысть • а не чловѣкъ сѣботы ради** (Мк. 2: 27 Асс.) (в Сав. — **дѣла**) ‘суббота для человека была, а не человек для субботы’.

2. Предлоги с Д. п.:

къ — кроме как при обозначении объекта, к которому направлено движение или действие (**къ тебѣ**), часто используется для выражения разного рода объектных отношений, для передачи которых в современном русском языке служит или Д. беспредложный, или другие падежи: **рече къ симонуу** (Лк. 7: 44 Сав.) (Зогр., Мар., Асс. — **рече симонуу**) ‘сказал Симону’, **вѣроваша къ богуу** (Супр. 6. 11) ‘веровали в Бога’; возможно значение ‘против’: **брань творатъ къ боу** (Клоц. 76. 9) ‘борются против Бога’;

противъ — ‘напротив’ (**противъ манастыроу** (Супр. 208. 25) ‘напротив монастыря’), ‘против’ (**противъ отцоу твоюмуу дьяволоу** (Супр. 99. 29) ‘против отца твоего — дьявола’), ‘навстречу’ (**противъ нисоусови** (Мф. 8: 34 Асс.) ‘навстречу Иисусу’), ‘по, в соответствии

с' кождо противъ силѣ свои (Мф. 25: 15 Зогр.) 'каждому по его силе');

прѣмо — 'напротив, перед' (и **сѣдаштю ємоу на горѣ елеонцѣ** • **прѣмо цѣкви** (Мк. 13: 3 Зогр.) 'и когда он сидел на горе Елеонской против храма...').

3. Предлоги с В. п.:

въз — встречался редко, имел значения 'вместо, взамен, за' (**въздаахъ ми зълаа въз добраа** (Пс. 34. 12 Син.) 'воздавали мне злом за добро'; **приняхомъ благодѣть въз благодѣть** (Ин. 1: 16 Зогр., Мар.) 'мы получили [еще большую] благодать вместо благодати'); видимо, у **въз** имелось и значение 'близ, у' (ср. употребившийся с Р. п. вторичный предлог **въскран** 'возле, около' < *въз + крајь); к местоименному сочетанию с предлогом **въз** восходит наречие **въскжж** 'почему, зачем' (<*въз+koјо, В. ед. ж. вопросительного местоимения **кѣи** 'какой');

сквозѣ — 'сквозь, через' — **вѣстѣ же ... іти ємоу сквозѣ сѣбанѣ** (Лк. 6.1 Зогр.) 'случилось же... ему идти через засеянные поля';

подлѣгъ — 'вдоль' — **тѣ ишедѣ на походж подлѣгъ рѣкж** (Супр. 146. 10) 'тот, выйдя на прогулку вдоль реки...'.
Предлоги **мимо** и **чрѣз** (**чрѣсъ**), также требовавшие винительного падежа, сохранились только в церковнославянских памятниках.

4. Предлоги с Т. п.:

между — **между нами и вами** • **пропасть вельѣ отверди са** (Лк. 16: 26 Зогр., Мар., Асс., Сав.) 'между нами и вами пропасть великая утвердилась'. По происхождению он представляет собой застывшую форму местного падежа двойственного числа существительного **межда** (русский вариант предлога 'меж' восходит к восточнославянской форме **межи** — М. ед.).

5. Предлоги с М. п.:

при — в пространственном значении: **сѣдѣаше при мори** (Мф. 13: 1) 'сидел у моря'; во временном значении: **облази съ нама ѣко при вечерѣ естъ** (Лк. 24: 29 Мар., Асс., Охр.) 'переночуй с нами, потому что дело идет к вечеру ('вечереет, наступил вечер)'), **при дѣкии цѣи** (Ен. 386. 18) 'при царе Декии'; переносно в значении 'в отношении, по поводу': **при одежди что са печете** (Мф. 6: 28 Сав.) (Зогр., Мар., Асс. — **о одежди**) 'и по поводу одежды зачем переживаете?'.
Предлоги, употреблявшиеся с несколькими падежами

1. Предлоги с В. и М. падежами:

въ — обычно с В. п. имел значения направления, а с М. п. — места (**ити въ градѣ**, **вѣйти въ градѣ**). Во временном значении употреблялся, как правило, В. п. (**въ часть** 'в момент', **въ снж ночь** 'в эту ночь'), но мог употребляться и М. п. (**въ днѣ** 'днем, в течение

дня', **въ недѣли** 'в неделю, в течение недели'). С В. п. **въ** мог обозначать способ и меру действия — **брѣтра своего въ гнѣвъ прокльнетъ** (Евх. 104б. 16) 'брата своего в гневе проклянет'; **въ ниже мѣрж мѣритѣ** (Мк. 4: 24, Зогр., Мар.) 'какой мерой мерите...'. С В. п. также было возможно употребление в значении 'предназначенности для чего-нибудь' — **въметѣте мрѣжа ваша въ ловитѣж** (Лк. 5: 4 Зогр., Мар., Асс.) 'закиньте сети свои для лова', что являлось калькой с греческого. Предлог **въ** встречался изредка и с Р. п. во временном значении — **дрѹжина выхомъ • въ маловрѣменьнааго сего житиѣ** (Супр. 72.8) 'мы были сотоварищами в кратковременной этой жизни';

на — как и предлог **въ**, в значении направления требовал В. п., а в значении места — М. п. В отличие от предлога **въ** обозначал нахождение на поверхности или на краю чего-то, а не внутри, поэтому, например, **придж на гробъ** (Лк. 24: 1) 'пришли на могилу'. С М. п. на употреблялся в значении 'по отношению к (кому-то или чему-то)' и 'за [по цене]': **потрѣпи на мьнѣ** (Мф. 18: 29 Мар., Асс.) 'прояви ко мне терпение'; **чесо ради хризма си не продана выстѣ • на трѣхъ сътѣхъ пѣназь**? (Ин. 12: 5 Зогр.) 'почему миро это не продано было за триста динариев?'. С В. п. **на** обозначал назначение — **да ничесоже въземлѣтъ на пѣтъ** (Мк. 6: 8 Зогр., Мар.) 'да ничего не возьмут в дорогу', имел значение 'для, к' — **благъ естѣ на невъзблагодѣтъныѣ** (Лк. 6: 35 Зогр., Асс.) 'он благ к неблагодарным', и значение 'против' — **иже на вы речетѣ** (Ин. 5: 45 Зогр.) 'который против вас говорит (= вас обвиняет)'. Во временном значении чаще употреблялся В. п. (**весела са на всѣкъ днь** (Лк. 16: 19 Зогр., Асс., Мар., Сав.) 'празднуй каждый день' и реже — М. п. (**на длъзѣ врѣмени** (Лк. 18: 4 Зогр., Мар., Асс., Сав.) 'долгое время');

о — в пространственном значении первоначально означал 'вокруг' (**видѣвъ же ісѣ многъ народъ о себѣ** (Мф. 8: 18 Сав.) 'Иисус же, увидев вокруг себя множество народа...' (ср. в Зогр., Мар., Асс. **окръстѣ себе**), но вытеснялся в этом значении предлогом **окръстѣ**. В старославянском языке, по точному замечанию А. Вайана, «конкретное значение **о** бледнеет, и он начинает передавать весьма неопределенные значения»¹. Среди этих значений — указание на лицо, предмет, рядом с которыми происходит действие, — 'у' (**видѣвъше же и иже вѣахъ о немъ • вѣваемое** (Лк. 22: 49 Мар.) 'увидели же те, кто были у него, то, что происходило'), обозначение обстоятельств состояния или действия — 'в, на' (**прѣвѣдѣте о вѣрѣ хѣвъ** (Супр. 16. 25) 'пребывайте в вере Христовой'), указание на предмет, лицо, ради которого совершается действие, — 'для, за' (**дѣло во добро съдѣла о мнѣ** (Мф. 26: 10 Зогр.) 'доброе дело сделала для меня'), обозначение причины — 'из-за' (**о семь вѣроуемъ • вѣко отъ ѣа еси**

¹ Вайан А. Руководство по старославянскому языку. С. 223.

ішець (Ин. 16: 30 Зоґр., Мар., Асс., Сав.) ‘потому (из-за этого) веруем, что ты от Бога вышел’) и др.

2. Предлоги с В. и Т. падежами. Эти предлоги требовали В. п. при указании на движение и употреблялись с Т. п., если речь шла о местонахождении, к ним относились:

надъ — **нап’сано надъ њимь** (Лк. 23: 38) ‘написано над ним’, **въсходящѣа и низъходящѣа надъ сына** (В. = Р.) **чловѣчьскааго** (Ин. 1: 51 Зоґр., Мар., Асс., Сав.) ‘[ангелов Божиих] восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому’;

подъ — **отъ землаа подъ земля • ёъ пріходитъ** (Клоц. 13а. 2, Супр. 449.6) ‘из земли, под землю Бог приходит’, **сжшта подъ смоковницеж...** (Ин. 1: 49 Зоґр., Мар., Асс., Сав.) ‘находящегося под смоковницей’;

прѣдъ — **кадило приносимъ прѣдъ тѣ ѓи** (Евх. 42а. 8) ‘тебе, Господи, возносим ладан’, **петръ же стоа прѣдъ враты** (Т. мн.) **вьнѣ** (Ин.18: 16 Сав.) ‘Петр же встал снаружи, перед воротами’.

3. Предлоги с Р., В. и Т. падежами:

за — с Р. п. употреблялся во временных сочетаниях (**за оутра**) и в значении ‘по причине’ (**разбѣгоша сѣ за страха иудейска** (Супр. 483. 11) ‘разбежались из-за страха иудейского’). В Т. п. обозначал ‘сзади, позади’ — **зади за всѣми стоа** (Супр. 99.9) ‘стоя позади всех’.

С В. п. означал ‘вслед за’ — **иди за ма** (Мф. 4: 10 Сав.) ‘иди вслед за мной’. Употреблялся в сочетаниях **ити за мѣжъ, око за око, зжѣъ за зжѣъ, ѣти за ржжъ** ‘взять за руку’, **вити за ланитж** ‘бить по щеке’. С В. п. также мог иметь значения ‘по причине’ и ‘в пользу’ — **не за твоѣж бесѣдъ вѣроуемъ** (Ин. 4: 42 Зоґр., Мар., Асс.) ‘не из-за твоей речи веруем’; **молите сѣ за твораштѣама вамъ обидж** (Лк. 6: 28 Зоґр., Мар.) ‘молитесь за обижающих вас’.

4. Предлоги с Д., В. и М. падежами:

по — имел много значений, установить которые так же, как и в случае с приставкой **по-**, достаточно сложно.

С В. п. указывал распределение чего-то в пространстве или во времени (при этом всегда употреблялся с формами мн. ч.): **по всѣа дни** ‘все дни (= каждый день)’, **по всѣа градъ** ‘во все города, по всем городам’. В. п. употреблялся при глаголах **сѣвѣзати, поржчати сѣ: сѣвѣзавъше и по ржцѣ и по нозѣ** (Евх. 106б.20) ‘связали его по рукам и по ногам’; **поржчаеши сѣ по доушаа людьскѣа** (Евх. 82а. 21) ‘ручаешься ты за души человеческие’. К предложным сочетаниям **по** с В. п. восходят наречие **по чѣто** ‘почему’ и союз **понеже** ‘потому что’ (см. § 100).

С Д. п. обозначал место, на поверхности которого совершается действие: **ходѣа по морю** (Мф. 14: 25) ‘идя по морю’. С Д. п. обозначал также ‘в соответствии, соразмерно’ — **по вѣрѣ ваю** (‘вы’ в Р. дв.) **вжди вама** (Мф. 9: 29) ‘по вере вашей (вас двоих) да будет вам (двоим)’.

С М.п. **по** означал, в частности, ‘вслед за’ — **по немь иде** (Мк. 3: 7) ‘пошел за ним’; во временном значении ‘после’ — **по томь** ‘после того, потом’, **по словесехъ сихъ** (Лк. 9: 28) ‘после этих слов’ (ср. совр. рус. *по приезде, по окончании*); также с М. п. употреблялся в значении ‘в пользу’ — **по господи борѣ** (Клоц. 681) ‘борясь ради Господа’ и с глаголами со значением ‘плакать, горевать’ — **плака по нихъ** (Супр. 38. 5) ‘заплакал по ним (= стал оплакивать их)’.

§ 83. Служебные части речи: союзы

В генетическом отношении союзы — вторичны: они возникали из слов других частей речи — из местоимений и наречий, с одной стороны, из частиц — с другой, а в отдельных случаях из слов и словосочетаний других частей речи.

Начало формирования союзных средств уходит своими корнями в праиндоевропейскую эпоху. Этот процесс продолжался в праславянский период и заключался, прежде всего, в семантической дифференциации и специализации уже существовавших средств, а также в образовании новых типов и подтипов слов, имеющих союзную функцию. Процесс образования и развития союзных средств в старославянском языке связан в первую очередь с формированием сложного предложения.

Очень большое влияние на формирование союзных средств старославянского языка оказал *греческий язык*. При этом греческий синтаксис был не столько источником прямых заимствований (ни один греческий союз не был заимствован славянскими языками), сколько играл роль образца, который в значительной степени определял принципы построения фразы и выработку средств союзного сочинения и подчинения. Греческое влияние проявлялось при формировании некоторых синтаксических моделей или при выборе той или иной конструкции в условиях наличия вариантов.

Старославянский язык в основном сохраняет возникшие ранее союзные средства. Так, старославянские сочинительные союзы **же, и, а** восходят к индоевропейским частицам с эмоциональным значением¹, другие древние союзы имели местоименное происхождение, например такие сочинительные союзы, как **да, та, ти, то** (все означали ‘и’), **как**². В праславянский период появляются союзы **во** ‘ибо’ (из усилительной частицы), **нъ** ‘но’ (из ограничительной частицы), **да (до)** ‘чтобы’, **даже** ‘пока, пока не’ (из желательной),

¹ Bauer J. Podíl citoslovcí na vzniku českých spojek // Syntactica slavica. Brno, 1972. См. с. 370—373.

² Večerka R. Souvětí se závislými větami relativními v staroslověnině // Slovo. 1983. Т. 32—33. С. 15—52.

любо 'либо', **аще** 'если' (из модальных), **ни**, **ниже** (из отрицательных), **ли**, **или** (из вопросительных)¹. Позднее появляются сложные сочинительные союзы типа **оубо** 'и, но...', **небонъ** 'ведь' и составные подчинительные союзы типа **аще и** 'если и', **не тькъмо... нъ и** 'не только..., но и'. К именному сочетанию восходит союз **сирѣчь** 'то есть', а **рекъше** (с тем же значением) представляет собой застывшую форму действительного причастия прошедшего времени.

Видимо, уже в старославянский период как калька с греческого (*καὶ γάρ*) появляется союз **нво**. В соответствии с греческой же моделью (с элементом *ἄν/ἐάν*) возникают составные союзы с модальными оттенками. Эти союзы с модальным значением имели в качестве второго элемента **аще** и **колиждо** (**ниже аще** 'что бы ни', **ѣкоже колиждо** 'как бы ни' и т. п.).

В результате этих изменений в старославянском языке сложилась довольно развитая система союзных средств, в которую входили **союзы** и **союзные слова**. В функции союзных слов выступали относительные местоимения и наречия, которые употреблялись как союзные средства сложноподчиненного предложения.

По количеству составляющих их компонентов и их месту в предложении союзы могли быть *простыми* (**да**, **же**, **во**, **рекъше**, **аще** и т. д.), *составными* (**аще и**, **сего ради**, **прѣжде даже** 'прежде чем' и т. п.) и *соотносительными* (**и... и**, **или... или**, **не тькъмо... нъ и** 'не только..., но и' и др.).

В зависимости от типа связи, для которой служили союзные средства, их можно разделить на *сочинительные* и *подчинительные*.

К *сочинительным* союзам относились:

соединительные — **и**, **ни... ни**, **ниже**, **же**, **да**, **та**, **ти**, **то**, **таже**, **тоже** и некоторые другие: **отъ бога вѣйти вѣрноуоубоу прѣданию • и чисти и примати • повелѣникъ же цѣсаремъ всъждоу по всен земли • та дрѣжати коупносштѣжъ вѣрж...** (Супр. 189.26) 'быть верными данному Богом учению и чистыми (= безгрешными) его (= Бога) принимать, и по повелению царя, всюду, по всей земле хранить единосущную веру';

противительные — **а**, **же**, **нъ**, **нъ обаче**, **а не нъ**, **тькъмо** и некоторые другие: **приходатъ къ вамъ въ одеждахъ овъчахъ • вънѣтрыждоу же сѣтъ вльци** (Мф. 7: 15 Зогр., Мар.) '(они) приходят к вам в овечьих одеждах, а внутри — волки';

сопоставительные — **не тькъмо... нъ и**, **не тьчиж... нъ и**, **не просто... нъ и**: **приде не йса ради тькъмо • нъ да і лазарѣ видатъ** (Ин. 12: 9 Зогр.) 'и пришел (народ) не только из-за Иисуса, но и чтобы увидеть Лазаря';

¹ *Bednarczuk L.* Uwagi o słowiańskich spójnikach alternatywnych// *Rocznik sławistyczny*. 1962. № 22, 1. С. 13—20.

разделительные — или, или... или, ли... ли, либо, либо... ли и некоторые другие: **не пѣцѣте сѧ дѣшеѡ своеѡ • чѣто ѣсте иди что пиете** (Мф. 6: 25 Зогр.) ‘не заботьтесь для души своей (для себя), что вам есть и что вам пить’;

пояснительные — **сирѣчь и рекѣше: моли кѡго попешти сѧ о пештерѣ • рекѣше о гробѣ** (Супр. 531.27) ‘попросил его позаботиться о пещере, т. е. о могиле’; **и видѣвѣше единѣы отѣ оученикѣ его • нечистама рѣкама • сирѣчь не оумьвенама ѣджштѧ хлѣбы зазѣрѣахѡ** (Мк. 7: 2 Мар.) ‘...и увидев, что некоторые из учеников его нечистыми, т. е. невымытыми, руками ели хлеб, укоряли’.

Подчинительные союзы можно классифицировать по типу придаточного, которое они вводили.

Придаточные *изяснительные* вводились союзами **іакоже / акоже** (нейтральный), **да, іако да** (имеют оттенок *предположительности*), **ѣда** (имеет оттенок *предостережения* ‘чтобы не’): **вѣдомо да вѣдетѣ тебѣ іако богомѣ твоимѣ не жѣрѡ** (Супр. 104.16) ‘да будет тебе известно, что я не приношу жертву твоим богам’; **добро естѣ да живеши • и свѣта сеѡ видѣти** (Супр. 129.29) ‘хорошо, что живешь и видишь свет’; **блюди оубо ѣда свѣтѣ иже естѣ въ тебѣ тѣма естѣ** ‘смотри [= остерегайся], чтобы свет, который в тебе, не был тьмою’ (Лк. 11: 35 Мар.).

Обстоятельственные союзы делятся на союзы: *времени, причины, цели, условия, уступки, следствия*.

Временное значение ‘когда’ передавали союзы **іако/ако**, например: **ако нача снопы вѣзати • оуслѣша гласѣ...** (Супр. 41.1) ‘когда начал вязать снопы, услышал голос’; значения ‘прежде чем, пока, пока не’ имели союзы **даже, прѣжде даже, прѣвѣк даже: стѣниди прѣжде даже не оумьретѣ отрочѧ мое** (Ин. 4: 49 Зогр.) ‘приди, пока не умер сын мой’.

Значение причины передавалось союзом **іако** и его дублетом **іакоже**, например: **вѣдите оубо іако не вѣсте дни ни часа** (Мф. 25: 13 Мар.) ‘будьте бдительны, потому что вы не знаете ни дня, ни часа...’.

Союзы цели могли быть нейтральны по значению (**іако/іакоже, да / до, іако да, іакоже да**) и с модальным оттенком предотвращения (‘*чтобы не*’), в этом значении использовался союз **ѣда** (**ѣда како, ѣда когда**) и реже **ѣгда**, например: **прослави сѧ своего до и сѣѣ твої прославитѣ тѧ** (Ин. 17: 1 Зогр.) ‘прославь сына своего, да и сын твой прославит тебя’, **помилуѣи мѧ рабе вѣни ѣда како звѣрьми изѣдена вѣдѡ прѣдѣ главоѡ твоѡ** (Супр. 515.19) ‘помилуй меня, раб божий, да не буду съедена зверями прямо перед тобой’.

Условные союзы могли иметь нейтральное значение ‘если’ (**аште** и некоторые его варианты **іаце, аци, ацишѧ, а** и **ли**), значение с модальными оттенками предположительности (**аце да** и **да**) и ограничительными ‘если только’ (**тѣчиѡ и а тѣчиѡ**): **хошѣши ли**

испълнити • иди продаждъ все имѣние свое (Мф. 19: 21 Сав.) ‘если хочешь быть совершенным, иди и продай все имущество свое’, **аште ли да вѣроукиши въ господъ нашъ ѿ хс̄ • то избѣдѣши болѣзни тоа лютыа** (Супр. 222.24) ‘если бы уверовал в Господа нашего Иисуса Христа, то избавился бы от этой жестокой [= страшной] болезни’; и старѣшинъскѣмоу санѣ вѣждъ ти ходатаи • **тѣниж аште бгы благодарьствиши** (Супр. 100.15) ‘буду ходатаем, чтобы тебе дали сан старейшины, но только если возблагодаришь богов’.

В уступительном значении, которое не вполне еще, видимо, вычленилось из условного, могли употребляться **аще и, и аще, а и, а, цѣ и, цѣ, ацѣ, и тоже, тако**, например: **зане никьтоже прѣдъ тобожъ чистъ вѣдетъ • ѿко единъ день живъ вѣдетъ** (Евх. 65в 18, цит. из Иов. 14.5; в Супр. та же цитата с **аще и**) ‘потому что никто не будет чист перед тобой, хоть (даже если) и один день проживет’; **не видѣаше тоу сжштя кгоже хотѣаше прѣдати • цѣ свѣштамъ сжштамъ и свѣтоу толикоу** (Супр. 412.16) ‘(он) не видел, там ли находился тот, кого он хотел предать, хотя горели свечи и было много света’.

Значение следствия имели союзы **тако, такоже/акоже, да: князи ксмъ • да кже хощѣж творѣж** (Супр. 137.10) ‘я князь; что захочу, то и делаю’.

Итак, старославянская система союзных средств обладала двумя особенностями, характерными для древнего синтаксиса в целом, — широко представленной *вариантностью* и многозначностью (*полисемантичностью*).

Первая особенность проявляется в наличии у одного союза разных вариантов (дублетов) (ср., например, у союза **тако** — **такоже, такосе, ако, акоже, такожесе** и т. д.). Варианты могут быть фонетическими (**когда** — **къгда**), словообразовательными (**неже** — **нежели, кики** — **кикоже, кгда** — **вънегда**), морфологическими (**иже** — **кже**), синтаксическими (в последнем случае имеется в виду вариативность порядка компонентов: **аще и** — **и аще**) и лексическими (**и** — **ти, сирѣчь** — **рѣкъше**)¹.

Под *многозначностью* (которая в некоторых случаях, возможно, доходит и до омонимии) понимают возможность употребления одного и того же союзного средства в разных значениях. Например, один из самых многозначных старославянских союзов — **тако** мог вводить следующие типы придаточных предложений: изъяснительное, причинное, временное, цели, следствия, образа действия, сравнения, уступки (см. примеры в § 101).

Поскольку функция союзов — служить средством связи в предложениях, им уделяется внимание и в разделе о синтаксисе, поэтому о союзных средствах, используемых в разных типах сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, см. § 99, 100.

¹ Грамматика на старобългарския език. София, 1991. С. 340—350.

§ 84. Служебные части речи: частицы

Функции частиц весьма разнообразны — от указательных, усилительных, выделительных до модальных (отрицательных, вопросительных и др.). Частицы бывают слово- и формообразующими. Во многих случаях тонкие оттенки, которые передают те или иные частицы, оказывается довольно трудно определить и классифицировать.

Для древнего грамматического строя индоевропейских языков было характерно отсутствие той четкой дифференциации между частицами, союзами и наречиями, которая наблюдается в современных индоевропейских языках: некоторые слова (или даже первоначально морфемы) могли выполнять все три функции. Подобный синкретизм у многих частиц наблюдается, в частности, и в старославянском языке (**аще**, **во**, **же** были и частицами, и союзами; а **ен** и **волк** — частицами и междометиями). По этой причине довольно сложно дать не только полную и бесспорную, но хотя бы непротиворечивую классификацию частиц.

В качестве указательной частицы, как правило с усилительным оттенком, в старославянском языке использовалось **се** ‘вот’: **се изиде сѣѡи сѣѡтъ** (Мк. 4: 3 Мар.) ‘вот вышел сеятель сеять’. По происхождению частица **се** была формой И. ед. с. р. указательного местоимения **сь**.

В значении усилительных частиц могли употребляться **во** (чаще всего при местоимениях), **же**, **оубо**. Например, **помози намъ • милосръдовавъ же о насъ** (Мк. 9: 22 Зогр.) ‘помоги же нам, сжался же над нами’; **ікемонъ рече имъ • что во** (Асс. **оубо**) **зъло сътвори** (Мф. 27: 23 Мар.) ‘правитель сказал им: «Какое же зло он сотворил?»’.

В качестве отрицательных частиц использовались **не** и **ни**. Частица **не** использовалась для выражения основного отрицания, **ни** употреблялась в трех случаях: для выражения дополнительного отрицания, в значении ‘нет’ и в случае особого подчеркивания отрицания (подробнее об особенностях выражения отрицания и о закономерностях употребления этих двух частиц см. § 95).

Утвердительной (в значении ‘да’, ‘конечно’) была частица **ен**: **бъди же слово ваше ен ен • і ни ни** (Мф. 5: 37 Зогр.) ‘да будет слово ваше «да, да» и «нет, нет»’.

В функции вопросительных частиц (в прямых и косвенных вопросах) употреблялись: **аще**, **волк**, **дѣѡши**, **ѣда**, **ли**, **оубо**. Частица **ли** вводила нейтральный вопрос, а остальные частицы вводили вопросы с разными модальными оттенками — сомнением, опасением (‘неужели’, ‘разве’, ‘разве не’): **оучитель вашъ не даеѣтъ ли дидрагма** (Мф. 17: 24 Мар.) ‘учитель ваш не даст ли дидрахмы?’; **волк же и рѣѣтъ сълагаѣши...** (Супр. 456. 28) ‘неужто ты опускаешь руки’ (см. также § 87).

К числу модальных частиц относились: **да** (со значением *побудительности*), **аще**, **къша**, **гароу** (со значением *желательно-*

сти — ‘о если бы! хоть бы!’), *ѡда коли* и *ѡда когда* ‘пусть не!’: *ѡко вѣрова • да вѣдетъ ти* (Мф. 8: 13 Сав.) ‘как ты веровал, да будет тебе’; *ѡша* и *не съврѡли съвора • ѡша* и *сице не бесѣдовали • ѡроу тоу грѣховнѣи зѡлови прѣсталъ коньць* (Супр. 7) ‘о если бы вы не собирали собрания, о если бы вы не встречались, о если бы тогда греховному злу настал конец’; *аште ви разоумѣлъ въ днь съ • і тты ѣже къ мироу твоемоу* (Лк. 19: 42 Зогр.) ‘о если бы хоть в этот день и ты увидел путь к миру’; *ѡда когѣда пораждѣтъ ми съ врази мои* (Син. 37.17) ‘да не посмеются надо мной враги мои’.

Словообразовательными можно считать частицы, использовавшиеся для образования местоимений и наречий (в первую очередь отрицательных и неопределенных и реже относительных):

нѣ-: *нѣкъто*, *нѣктын*, *нѣкоторын*, *нѣкогда*, *нѣкакъ* ‘какой-то’, *нѣкъде* ‘негде’...;

ни-: *никъто*, *никогда*, *никакъ* ‘никакой’, *никѣде*...;

любо (‘-либо’): *къто любо*, *къини любо* ‘какой-либо’, *какъ любо* ‘какой-либо’ и др.;

-жеде: *тѣжеде* ‘тот же’, *такѣжеде* ‘такой же’, *такжеде* ‘так же’ и т. д.;

-ждо: *къждо* ‘каждый’, *къинждо* ‘каждый’, *коинждо* ‘кто бы ни’.

В состав большого числа местоимений, наречий и союзов входит частица **же**: *даже* ‘прежде чем’, *неже(ли)*, *никътоже*, *инже* ‘который’, *идеже* ‘где’, *понеже* ‘потому что’ и многие другие.

Ряд частиц мог выполнять разные функции. Например, *ѡце* могла выступать в роли *неопределенной*, *вопросительной* и *желательной* частицы; *оубо* — в качестве *усилительной*, *побудительной* (в повелительных и желательных предложениях) и *неопределенной* частицы; *да* — *побудительной* и *усилительной*; *ѡда* — *вопросительной* и *желательной*.

Некоторые частицы при передаче определенных значений употреблялись не отдельно, а в устойчивых сочетаниях с другими частицами или союзами: например: *волк оубо* и даже *волк же оубо* (в значении ‘разве не, истинно ли’), *ѡда когда* ‘пусть бы!’ и т. п.

Частицы, которые представляли собой односложные слова, были клитиками (не имели самостоятельного ударения) и ставились или *перед* словом, к которому относились (*проклитики да, не, ни*), или *после* (*энклитики же, во, ли*) (см. также § 103).

§ 85. Междометия

Междометия представляют собой класс неизменяемых слов, служащих для выражения эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность (ср. в рус. *ах, ой, ну, ура*). Выражая эмоции, настроения, волевые побуждения, меж-

дометия не обозначают и не называют их, и, таким образом, они относятся к сфере *эмоционального* языка в отличие от языка интеллектуального. Все это противопоставляет междометия словам всех других частей речи.

В старославянском языке можно выделить около полутора десятков междометий, часть из которых — заимствования или калки с греческого. Они могли выражать *удивление* (**в**, **веле**), *скорбь* (**горк**, **оуѣвы**), *упрек* (**оуѣва**), *уверенность* в чем-либо (**аминь**, **благоже**, **ен**) и др.

В старославянских памятниках встречаются следующие междометия:

алелоуѣна с многочисленными графическими вариантами (**алелоуѣгна**, **алилоуѣ** и др.) — греч. ἀλληλύϊα (в греческом из еврейского) — ‘аллилуйя’;

аминь, **аминь** (и с другими орфографическими вариантами) — греч. ἀμήν (из еврейского) — ‘аминь, да будет так!, истинно!; в соответствии с этимологией еврейского *аминь* в церковнославянских текстах возможен перевод этого слова как *правь*;

благоже — калка греч. εὖγε ‘хорошо, так и надо’: **рѣша благоже благоже видѣсте очи наши** (Син. 34.21) ‘сказали: хорошо! хорошо! видели наши глаза’;

веле (или чаще **в веле**) — ‘ох! о как!’: **в веле медь капыжштин азъкъ дѣтти** (Супр. 327.1) ‘о, как мед капающий язык детей’;

волк — ‘итак, давайте’: **воле же оуѣво... памать на обьштж пользж... състроимъ** (Супр. 83.3) ‘давайте же память используем на общую пользу’; ‘и вот, а вот’: **воле же чьто сътворилъ тьгда владька ть** (Супр. 86.22) ‘а вот что сделал тогда тот владыка’;

горк — греч. οὐαι, οἴμοι — ‘увы! горе! беда!’: **горк же непраздънтымъ и доаштимъ въ тьы дни** (Мф. 24: 19 Мар., Асс., Сав.) ‘увы беременным и кормящим [матерям] в те дни’;

ен — греч. ναί — в утвердительном значении ‘да, же, конечно’: **гѣа имъ нѣъ • разоумѣете ли всѣ си • гѣаша емоу еі гѣи** (Мф. 13: 51 Зогр., Мар., Асс., Сав.) ‘сказал им Иисус: Поняли ли вы все это? Сказали ему: Конечно, Господи’;

осана, **осанна** (и с другими графическими вариантами) — греч. ὠσαννά (из еврейского) — ‘осанна’: **зъваахж гѣжште • ѡсанна • благословенъ градъи въ іма гѣе** (Ин. 12: 13 Зогр., Мар., Асс., Сав.) ‘звали, говоря: «Осанна! Благословен грядущий во имя Господне!»’;

сѣ — греч. δεῦρο, φέρε — ‘ну вот, ну-ка’: **сѣ оуѣво и мы възлюбькни... слышимъ чьто глаголетъ намъ гѣ** (Супр. 318.24) ‘ну вот и мы любимые [Господом] услышим, что говорит нам Господь’;

оуѣ — ‘о! увы! ах!’: **оуѣ горѣ мьнѣ • окаанѣи...** (Супр. 517.6) ‘о, горе мне, несчастной’;

оуѣва — очевидно, заимствование из греч. οὐά выражает *насмешку*, *недоверие* (‘э!'): **оуѣва • разарѣки цръковъ • і трьми дньми**

сѣзидать ѿ • сїи себе (Мф. 27: 40 Мар., Асс., Сав., Зогр.) ‘эй, разрушающий храм и в три дня создающий его! Спаси себя (самого)’;

оувѣты — греч. οἴμοι, οὐαί μοι — ‘о горе! увы!’ **оувѣты мьнѣ оувѣты мьнѣ • побѣжденъ бѣхъ мѣжи сими свѣтыми** (Супр. 78.27) ‘о горе мне! Увы мне! Я оказался побежден этими святыми мужами’;

ѡ — греч. ὦ, ὦ — ‘о!’ **ѡ жено велиѣ естѣ вѣра твоѣ** (Мф. 15: 28 Мар., Асс., Зогр.) ‘о женщина! Велика вера твоя’.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем различие между *именным* и *местоименным* склонением в старославянском языке?

2. Какие *типы склонения* имен существительных выделяются в старославянском языке? Как в старославянских памятниках отражается *унификация типов склонения*? В какой степени на этот процесс влияет *категория рода*?

3. Какой этап развития категории *одушевленности* отражает старославянский язык?

4. Что такое *звательный падеж* имен существительных?

5. Сравните систему личных и указательных местоимений старославянского и современного русского языка. Какими средствами в старославянском языке передавалось значение 3-го лица?

6. Почему краткие прилагательные в старославянском языке называются *именными*, а полные — *членными* и *местоименными*?

7. Каковы синтаксические функции *именных* и *членных* прилагательных в старославянском языке? В чем их отличие от современного русского языка?

8. Какие суффиксы использовались для образования *притяжательных* прилагательных? Существовали ли членные формы притяжательных прилагательных?

9. Каковы были морфологические и синтаксические особенности *числительных* в старославянском языке?

10. Чем морфологическая *категория числа* старославянского языка отличалась от одноименной категории современного русского языка?

11. Проиллюстрируйте примерами разнообразие *наречий* в старославянском языке и неоднородность их структуры.

12. Какие *классы глаголов* выделяются в старославянском языке и каковы принципы этой классификации?

13. Дайте общую характеристику *видо-временной* системы старославянского глагола. Каковы ее отличия от глагольной системы современного русского языка?

14. Как образовывались возвратные глаголы в старославянском языке?

15. Перечислите *прошедшие времена* старославянского глагола. Каковы особенности их функционирования?

16. Какие *типы аориста* были в старославянском языке и каковы особенности их образования?

17. Какие *типы причастий* существовали в старославянском языке? В каких синтаксических функциях они использовались?

18. Были ли в старославянском языке *деепричастия*?

19. Что такое *супин*? Чем супин отличается от инфинитива, какова его дальнейшая судьба в славянских языках?

Практические задания

Задание 1. Определите, к одному ли типу склонения относились в старославянском языке следующие существительные с окончанием -ь в И. ед.:

койь, дань, днь, клень, огонь, стоуднь, ремень, брань, сѣнь, грѣтань, стѣнь.

Задание 2. Определите тип склонения существительных:

дрьзость, братолюбыць, соухотадыць, приимтель, жгль, дьбрь, пѣснь, прь-
стенъ, лакъть, льстьць, людинъ, начатъкъ, жьзль, оугодникъ, дъци, медь,
прахъ, мышь.

Задание 3. Напишите праславянскую форму имен существительных с учетом их принадлежности к определенному типу склонения:

рабъ, братъ, домъ, вождь, пжть, зависть, море, вино, дрѣво, слово, вражда, жажда, земля, дъци, врѣма, плема, жрѣва, жрѣвни, црькы.

Задание 4. Определите разряд имен прилагательных:

іода іскаріотъскы, црю іудеіскъ, трьновъ вѣньць, сїѣ вѣжи, кѣнигами
єлнѣгъскы і римъскы і єврѣіскы, цри землїи, птицами небѣсньнымы, воурѣ
вѣтръна, страхомъ велнємъ, гладь крѣпкъ, мьни сынъ, врѣмена тажька,
вожди слѣпни, стоуденьць наковль, овьча кжпѣл.

Задание 5. Просклоняйте словосочетания:

пжть правьднь, стадо свиное, вьдовца оубога, хытра свекры, сїѣ
члч, правьднокъ слньце, домъ нѣковль.

Задание 6. Выберите из приведенных примеров местоимения и определите их разряд:

гїа имъ, чьто сътвори, они же вѣпнѣхъ, сего правьдника, вѣ оузырите,
вси люднє, крвь его на насъ, на чадѣхъ нашихъ, вѣбахъ і по ланнтама,
вьсѣкъ же противитъ сѧ кесареви, чѣтъ етеръ, чѣтъ сѧ, прѣси своя, ничто
же таїно, братъ твои, тоѧ страны, коупите севѣ, овомоу же дастъ тала-
нѣтъ, комоужѣдо противѣ силѣ свои, еже пьсахъ, с нимъ іна дѣва, дроугы
оставѣатъ сѧ, вѣ кжѣ странѣ, вѣ часъ вѣ ньже не вѣстъ, дроугаго о
лѣвѣжъ распаша, ни о комъже не зьриши, вѣзлювиши искрѣнѣаго своего ако
и самъ сѧ, волеж оца твоего прославльшааго тѧ, кы чѣтъ отъ васъ имъ съто
овьць, а иже кльнетъ сѧ даромъ, тацѣми притѣчамн.

Задание 7. Приведенные ниже наречия распределите по группам в зависимости от местоименного (1) и наречного (2) элементов в их структуре. Дайте их перевод на современный русский язык.

къгда, онамо, сждоу, съде, овамо, къде, тѣгда, овждоу, сѣмо, нѣкъде,
онѣгда, инждоу, тамо, инѣде, онждоу, вьсъде, тждоу.

Задание 8. Определите значение формы ти в следующих примерах:

сжштѣмъ имъ числомъ четъри десѧти • ти шесть • повелѣ къ сждинштоу
привести (Супр.), придѣ же слоугы къ архiereомъ и фарисѣомъ • і рѣша имъ
ти • почто не привѣсте его (Мар.), прьсти твои опосоушажтъ сѧ ти (Супр.),
сынъ ти живъ естъ (Мар., Асс.).

Задание 9. Образуйте от данных глаголов форму 3 ед. настоящего времени и объясните чередования согласных в корне:

вести, вости, красти, местн, пасти, плести, чистн.

Задание 10. Определите класс глаголов:
жити, ходити, крыти, быти, стоати, питати, пити, върати, забнѣти, оумрѣти, млѣти, ловѣзати, цѣловати, распати, жеци, насадити, дати, гре-ти, имѣти.

Задание 11. Найдите в следующих глагольных формах суффикс, определите его грамматическое значение:

плетѣхъ, пасѣаше, изнесѣше, исцѣлаохъ, стоиме, послоушааше.

Задание 12. Найдите в предложениях формы аориста и дайте их морфологическую характеристику:

и съниде дъждъ и придоша рѣкы • и възвѣшаша вѣтри и нападоша на храмниж тж • и не паде са во бѣ на камене; отъвѣшта їс і рече имъ, и възъпивъ припаде къ нему • и възвѣзе въ корабь їс • і съвалькше і хламидож чръвенож овлѣкоша.

Задание 13. Найдите в предложениях формы сослагательного наклонения и дайте их морфологическую характеристику:

молабаше же и единъ отъ фарисѣи да би ѣлъ съ ними (Мар.); і посѣлаша къ нему • етеры отъ фарисен • і иродиѣны • да і еж овлѣстили словомъ (Зогр.); и се весь градъ изидж противж їсви • и видѣвъше і молиша да би прѣшеле отъ прѣдѣлъ ихъ (Мар.).

Задание 14. Определите форму причастия:

крытъ, градѣще, въсаждена, рождышо, шьдъшамъ, избивъ, повивамъ, постѣланъ, въходан.

Задание 15. Найдите частицы в приведенных ниже предложениях и определите их значение:

і се приде мжж къ їсоу (Мар.); оуже нѣсмь достоинъ нарешти са снѣ твои (Остр.); да оузыреть ваша добра дѣла (Остр.); правдѣныи же слышавъ то • и въздѣвъ рѣцѣ на него • кротцѣ и тихо братоу рече (Супр.); аште ми са ключитъ і съ товож оумрѣти • не отъвергъ са тебе • такожде і вси оученици рѣша (Зогр.); не видѣти съмрѣти прѣжде даже видить хрѣста господнѣ (Мар.); достоино ли естъ дати кинъс кесареви или ни (Зогр.); и падъ же оубо работъ кланѣше са глаголь (Асс.); се овѣдъ мои оуготовахъ (Евх.); по неже оубо мнози начаша чинити повѣсть (Зогр.); ни почръпала имаши и стоуденець естъ глѣбокъ отъкждж оубо имаши водж живж (Мар.); се звѣзда ѡже видѣша на вѣстоцѣ идѣше прѣдъ ними (Сав.); о дни томъ и годинѣ той • никтоже не вѣсть ни агли небсци • тѣкмо оць единъ (Сав.).

Литература

Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974.

Бородич В. В. К вопросу о формировании совершенного и несовершенного вида в славянских языках // Вопросы языкознания. 1953. № 6. С. 68—86.

Бунина И. К. Система времен старославянского глагола. М., 1959.

Гавранек Б. Залог (gelega verbi) в старославянском языке в сравнительном плане // Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963. С. 15—120.

Гадолина М. А. История форм личных и возвратного местоимений в славянских языках. М., 1963.

Гаспаров Б. Наблюдения над употреблением перфекта в древнецерковнославянских текстах (К вопросу о природе грамматического значения) // Русский язык в научном освещении. 2003. № 1 (5). С. 215—242.

Историческая грамматика древнерусского языка / под ред. В. Б. Крыско. Т. 1—4—. М., 2000—2006—.

Кузнецов П. С. Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961.

Маслов Ю. С. Возникновение категории совершенного/несовершенного вида (1959 г.) // Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2001. С. 131—140.

Маслов Ю. С. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках // Вопросы славянского языкознания. М., 1954. Вып. 1. С. 68—138.

Откупщиков Ю. В. О старославянском сигматическом аористе // Учен. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. М., 1963. Т. 27. С. 153—172 (перепечатано в кн.: *Откупщиков Ю. В.* Opera philological minora (Античная литература. Языкознание). СПб., 2001. С. 372—393).

Супрун А. Е. Старославянские числительные. Минск, 1969.

Толстой Н. И. Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке (на материале евангельских кодексов) // Вопросы славянского языкознания. М., 1957. Вып. 2. С. 43—122 (перепечатано в кн.: *Толстой Н. И.* Избранные труды. Т. III: Очерки по славянскому языкознанию. М., 1999. С. 52—170).

Томсон А. И. Избранные работы по морфологии славянских языков. Развитие категории одушевленности. М., 2006.

Трубецкой Н. С. О притяжательных прилагательных (possessiva) старославянского языка (1937 г.) // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 219—222.

Фортунатов Ф. Ф. Сравнительная морфология индоевропейских языков // Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. М., 1957. Т. 2.

Фортунатов Ф. Ф. Старославянское -гъ в 3-м лице глаголов // Изв. II Отд. АН. 1908. Т. XIII. Кн. 2.

Фролова С. В. К вопросу о природе и генезисе притяжательных прилагательных русского языка // Учен. зап. Куйбышевского пед. ин-та. Куйбышев, 1960. Вып. 32. С. 323—340.

Хабургаев Г. А. Древнерусский и древнепольский глагол в сравнении со старославянским (К реконструкции праславянской системы претеритов) // Исследования по глаголу в славянских языках. История славянского глагола. М., 1991. С. 42—54.

Ходова К. И. Система падежей старославянского языка. М., 1963.

Эккерт Р. Основы на -й в праславянском языке // Учен. зап. Ин-та славяноведения. М., 1963. Т. 27. С. 87—110.

Якубинская-Лемберг Э. А. Употребление кратких и полных прилагательных в старославянском языке // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Сер. филол. наук. 1957. Вып. 23. № 197. С. 92—109.

Глава VI СИНТАКСИС

§ 86. Общие замечания

При обращении к старославянскому синтаксису необходимо учитывать не только характерные черты древнеславянского синтаксического строя, но и специфические особенности создания и оформления письменных текстов.

Текст писался без разделения не только на предложения и синтагмы, но и на слова (см. § 12). Не было и знаков препинания в современном понимании: в середине строки употреблялись точки • и отточия ∙, но они не всегда совпадали с реальными границами фразы и ее частей — синтагм, поэтому уже при членении старославянского текста — иногда не только на предложения, но и на слова — у современного читателя могут возникать сложности. Помимо этих особенностей древней «пунктуации» следует указать, что сам древний синтаксис в целом отличался от современного литературного меньшей расчлененностью: синтаксические границы могли быть не очень четкими, многие союзы служили для передачи широкого спектра значений. Все это составляет сложности уже на уровне **определения границ предложения** (иногда может вставать вопрос — сложное перед нами предложение или несколько простых, где именно проходит граница между частями и т. д.)¹.

Еще одной важной чертой старославянского синтаксиса, которую постоянно следует иметь в виду, является то, что старославянские тексты — это прежде всего *переводы* греческих богослужебных текстов. Характер древних переводов был в целом несколько иной, чем характер современных переводов. Современные литературные переводы стремятся не столько сохранить буквальную близость оригиналу, сколько передать стиль автора. Но даже современные технические переводы, которые вроде бы должны «строже» соответствовать оригиналу, не следуют за порядком слов в предложении оригинального текста. Что касается древних переводов,

¹ Сложности определения границ предложения в древних текстах объясняются не только «правилами» древней пунктуации, но и в целом большей спонтанностью письменной речи, чем это стало нормой в эпоху книгоиздательства.

то они зачастую носили *пословный* характер¹. Помимо этого, греческий язык — язык оригиналов старославянских текстов, с его многовековой историей и детально разработанной системой синтаксических средств, — служил образцом для старославянского языка, только возникающего и формирующегося как письменный, книжный язык, причем именно в процессе переводческой деятельности. Греческое влияние на старославянский проявляется на разных языковых уровнях, но наиболее ощутимо оно на уровне синтаксиса. Воздействие греческого синтаксиса может сказываться, в частности, как в механическом калькировании отдельных выражений, так и в возникновении определенных синтаксических моделей старославянского языка, а также в частотности употребления тех или иных оборотов².

И тем не менее, несмотря на все сказанное, старославянские тексты отражают определенные общие особенности древнеславянского синтаксиса, среди которых наиболее важными являются следующие:

1) преобладание сочинения (*паратаксиса*) над подчинением (*гипотаксисом*)³;

2) предпочтение, где это возможно, согласования управлению: **крѣпостиѣ дѣшнѣѣ повѣдите** (Супр. 108.22) ‘вы победите крепостью души’;

3) большее употребление беспредложного управления, чем в современных славянских языках: **члкъ нечистомъ дѣомъ** (Мк. 1: 23 Зогр.) ‘человек с нечистым духом’;

4) синкретизм союзов (например, один только союз **ѣако** мог употребляться в значениях ‘как’, ‘как будто’, ‘что’, ‘чтобы’, ‘потому что’, ‘если’ и некоторых других).

В то же время, характеризуя старославянские синтаксические единицы, принято прилагать к ним понятия современного синтаксиса: в старославянском языке выделяют те же структурные типы

¹ Перевод славянских богослужебных текстов, как правило, следует за порядком слов греческого оригинала. Господствующим правилом перевода является то, что одному слову оригинала соответствует одно слово в переводе. Хотя, говоря о буквализмичном характере средневековых, особенно библейских, переводов, не следует забывать, что мера буквализма в них не определена с достоверностью. Подробнее об особенностях древних переводов см.: *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 74—84.

² Подробнее о влиянии греческого синтаксиса на славянский см. § 104.

³ Следует, однако, отметить, что, хотя особенностью древнеславянского синтаксиса и является преобладание паратаксиса над гипотаксисом, старославянские тексты как тексты переводов с греческого, обладавшего высокоразвитыми гипотаксическими отношениями, проявляют его значительно меньше, чем *оригинальные* древнеславянские тексты, в частности тексты юридического характера. Подробнее о паратаксисе и гипотаксисе см. § 98.

предложений, что и в современных славянских языках. По цели высказывания предложения делят на повествовательные, вопросительные и побудительные, по наличию/отсутствию отрицания — на утвердительные и отрицательные, по количеству грамматических основ — на простые и сложные; выделяют также главные и второстепенные члены в предложении и т. д.

§ 87. Вопросительные, побудительные, восклицательные предложения

Вопросительные предложения в старославянском языке оформлялись посредством вопросительных местоимений и наречий **къѣто**, **къгда** и т. д. или, в случае общего вопроса, — с помощью частиц **ли**, **ѣда**, **аштѣ**, **дѣѣши** и некоторых других. Частица **ли** вводила нейтральный вопрос, частицы **ѣда**, **аштѣ**, **дѣѣши** вводили вопросы с разными модальными оттенками — сомнением в отношении положительного ответа ‘неужели’, опасением ‘разве, разве не’ и т. п. (в греческом им соответствуют $\mu\acute{\eta}$, $\mu\acute{\eta}\tau\iota$, $\tilde{\eta}$): **нѣси ли николиже плавалъ по морю** (Супр. 115.9—10) ‘ты никогда не плавал по морю?’, **ѣда и вы прѣльстѣни вѣстѣ** (Ин. 7: 47 Мар., Зогр., Асс. и др.) ‘неужели и вы прельстились?’, **дѣѣши законъ вѣ данъ** (Супр. 365.19) ‘разве не был дан закон?’.

В побудительных предложениях по преимуществу употреблялся императив глагола, разные оттенки побудительности могли также передаваться отдельными частицами. Наиболее частотной в побудительных предложениях была частица **да**: **да поклонатъ сѧ емоу вѣси ангели вжи** (Ен. 25а 7—8) ‘да поклонятся Ему все ангелы Божьи’, **да пристѣпаемъ оубо съ дръзновениемъ къ прѣстолау благодѣти** (Ен. 96.17—10а.1) ‘да подходим смело к престолу благодати’. Некоторые частицы, употреблявшиеся в побудительных предложениях, придавали ему разные модальные оттенки (вежливой просьбы, желания, мольбы и т. д.), среди них **кша**, **гароу**, **къда**, **да не**: **ѣша могъ вѣхъ азъ васъ оувѣштати крѣстианомъ вѣти** (Супр. 131.9—10) ‘если бы я мог убедить вас стать христианами!’, **гароу и того да вѣхъ не вѣдѣлъ** (Супр. 410.12—13) ‘если бы я этого не знал!’.

В восклицательных предложениях для передачи соответствующего эмоционального состояния употребляются междометия **о**, **оу**, **веле** ‘о!’, **оувѣ**, **горе** ‘увы!’: **о вѣиѣ вѣ истинѣ прѣмѣдрость** (Клоц. 10в.7—8) ‘о божия воистину премудрость!’, **горе же неправдѣнымъ и доыштимъ вѣ тѣ дни** (Мф. 24: 19 Асс.) ‘горе же беременным и кормящим [матерям] в те дни!’.

§ 88. Структура простого предложения: односоставные и двусоставные предложения

Односоставные предложения в старославянском языке были представлены следующими типами:

1) определенно-личные: **въ грѣсѣхъ вашемъ оумьрете** (Ин. 8: 21 Зогр.) ‘вы умрете в грехе вашем’;

2) неопределенно-личные: **і осждатъ і на съмръгъ • і прѣдадатъ і ѡзѣмъ** (Мк. 10: 33 Асс.) ‘и осудят его на смерть, и предадут его язычникам’;

3) обобщенно-личные: **възлюбихи искрънѣго своего і възненавидихи врага своего** (Мф. 5: 43 Мар.) ‘Возлюби ближнего твоего и возненавидь врага твоего’¹;

4) безличные: **не вѣ има мѣста въ обитѣли** (Лк. 2: 7 Мар., Асс., Сав.) ‘не было им [двоим] места в жилище’;

5) назывные: **заклинаніе сѣааго василѣ надъ дѣхъ нечисты** (Евх. 5бв.34) ‘Заклинаніе святого Василия на нечистых духов’².

Одним из важных отличий старославянского от современного русского языка является тот факт, что нормой было определенно-личное предложение, а не двусоставное предложение с подлежащим — личным местоимением, как в современном языке (ср. *Люблю... и Я люблю*).

Личные местоимения в старославянских текстах, как правило, не употребляются: их наличие было грамматически избыточным, поскольку личная форма глагола всегда показывала, кто является субъектом действия (в том числе в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения): **всѣ во въздалъ еси намъ** (Евх. 63а.8—9) ‘ибо Ты нам все воздал’; **придохомъ сквозѣ огонь и водѣ** (Супр. 94.18—19) ‘мы прошли сквозь огонь и воду’; **врагъ ихъ съмѣрилъ вѣмъ** (Син. 80.15) ‘я сокрушил бы врагов их’. Употребление же личного местоимения в предложении, вероятно, имело стилистическую функцию — на него падало логическое ударение: **не вѣ мене избрасте нъ азъ избѣрахъ вѣ** (Ин. 15: 16 Мар., Зогр.) ‘не *вы* Меня избрали, а *Я* избрал вас’.

В тех случаях, когда личное местоимение не опускается, при нем обычно есть приложение или обращение: **азъ самонѣ рабъ вѣи** (Надп. Сам. 993 г.) ‘я, *Самуил*, раб Божий’; **ѣко ты гѣ едіно на оупване вѣселѣ мѣ еси** (Син. 4.9) ‘ибо ты, Господи, один даешь мне жить в безопасности’.

Еще одной особенностью старославянских текстов является возможное отсутствие (или неповторение) подлежащего в том случае,

¹ Будущее время в значении императива — гебраизм, см. § 104.

² Строго говоря, названия-заголовки, формулы-приветствия и подобное не являются назывными (номинативными) предложениями, а представляют собой особые конструкции, возникшие на базе двусоставных.

когда субъект действия выявляется из контекста. При этом он может меняться, как, например, в данном фрагменте из евангельской притчи о блудном сыне: *чѣъ етеръ ѿмѣ дѣва сѣа • ѿ рече мьннѣ сѣъ ею оцю оче даждь ми • достоинѣжъ часть ѿмѣньѣ • ѿ раздѣли ѿма ѿмѣнье [...] ѿ тѣъ начатѣъ лишити сѣа • ѿ шьдѣъ прилѣпи сѣа единомъ отѣъ жительѣ тоѣа страны • ѿ посылѣа ѿ на села своѣѣ пастѣъ свининѣ • ѿ желаше насытити сѣа отѣъ рожьць ѿже ѣдѣахъ свининѣа • ѿ никѣтъже дааше емоу* (Лк. 15: 12—16 Зогр.) ‘Некий человек имел двоих сыновей. И сказал младший сын отцу их (обоих): «Отец, отдай мне причитающуюся часть имущества». И [тот (отец)] разделил между ними имущество. [...] И он [младший, он же блудный, сын] начал нуждаться. И пошел [он], пристал к одному из жителей той земли; а [тот (житель)] послал его на свои поля пасти свиней. И хотел [он (блудный сын)] насытиться от рожков, которые ели свиньи, но никто не давал ему’.

§ 89. Безличные и инфинитивные предложения

Безличные и инфинитивные конструкции в старославянском языке часто имели модальные оттенки долженствования, желательности и т. д. При этом субъект в данных конструкциях, как правило, употреблялся в дательном падеже.

Среди всего многообразия безличных и инфинитивных оборотов остановимся на тех, которые либо отсутствуют в современном языке, либо иначе оформляются.

В безличных конструкциях с отрицанием помимо закономерного родительного падежа отрицаемого субъекта возможно употребление и именительного падежа при отрицании, например: *нѣстѣъ вѣже тоу пришествикѣ* (Супр. 95.17) ‘нет здесь пришествия божия’; *како пасха нѣстѣъ жидовѣска* (Супр. 419.11) ‘как нет еврейской пасхи’.

Безлично могут употребляться глаголы с *сѣа* в страдательном значении в соответствии с греческим пассивом: *дастѣъ во сѣа вамѣ въ тѣъ часѣъ* (Мф. 10: 19 Мар.) ‘дано будет вам в тот час’; *тльцьѣте и отвръзетѣъ сѣа вамѣ* (Мф. 7: 7 Зогр.) ‘стучите и откроют вам’.

Сочетания глагола *бѣити* с глаголами чувственного восприятия имели значение возможности/невозможности осуществления действия: *гласа же кмоу не бѣаше слышати* (Супр. 116.26—27) ‘невозможно было ему услышать голос’; *и бѣаше видѣти чоудо прѣславно* (Супр. 66.29—30) ‘и возможно было увидеть чудо преславное’.

Также модальный оттенок имели сочетания глагола *бѣити* с глаголами мысли (*разоумѣти*, *оуказати*), говорения (*нарешти*, *проповѣдати*), чувства (*ненавидѣти*, *любити*, *радовати сѣа*). Модальный признак в этом случае мог представлять возможность, необходимость, предопределенность действия: *твѣѣ во естѣъ миловати*

(Евх. 25а.16) ‘тебе надлежит миловать’; **вѣ кстѣ ненавидѣти и любити** (Супр.) ‘вам предопределено ненавидеть и любить’.

Значение предопределенности действия могло иметь также сочетание глагола **бѣти** с глаголами определенных лексических групп, в частности с глаголами типа **оумрѣти, погыбнѣти, страдати**, с одной стороны, и с глаголами **творити, полоучити, дати**, с другой стороны. Например, **ижде по обѣчаю имѣ бѣаше творити съборъ** (Супр. 26.15—16) ‘ведь было предназначено им, по обычаю, собирать совет’; **поиже во всѣко оумрѣти кстѣ оумрѣмъ** (Супр. 91.20—21) ‘поскольку суждено умереть, пусть мы умрем’.

С формой аориста **бѣстѣ**, соответствующей греческому *ἐγένετο*, могли соседствовать глаголы движения **ити, вѣнити, приближити сѧ**; в данном случае форма **бѣстѣ** имела значение ‘случилось, произошло’: **бѣстѣ вѣнити иѣови въ домъ единого кѣназа фарисенска** (Лк. 14: 1 Сав.) ‘случилось Иисусу прийти в дом одного начальника фарисейского’.

Среди более частных особенностей можно отметить употребление в безличном значении ‘довольно, достаточно’ глаголов **довѣлѣти, достати**, невозможное в современном языке: **довѣлетѣ оученикоу да бѣдетѣ ꙗкоже оучитель его** (Мф. 10: 25 Мар.) ‘довольно для ученика, чтобы он был, как учитель его’.

Модальное значение ‘необходимо, следует, требуется’ имели односоставные инфинитивные предложения: **свѧтоумоу господоу пешти сѧ о томъ** (Супр. 131.21) ‘святому Господу надлежит позаботиться о том’.

Среди инфинитивных оборотов особого комментария заслуживает оборот *дательный с инфинитивом* с союзом **ѧко**: **и пристѣпиша къ нему... имѣште съ собою хромы • немѣы • слѣпы бѣсѣны... и приврѣгъ ѧ • къ ногама иѣовама • и ицѣли ѧ • ꙗко народоу дивити сѧ • видѣште немѣы глѣшѣ...** (Мф. 15: 30—31 Мар.) ‘и приступили к нему... имея с собой хромых, немых, слепых, одержимых бесами... и повергли их к ногам Иисуса; и исцелил их; так что народ дивился, видя немых говорящими...’ — ср. *ἔστε τὸν ὄχλον θαυμάσαι*. Сказуемое здесь выражено инфинитивом, а дополнение в Д. п. обозначает субъект действия. Фактически союзом **ѧко** вводится придаточное следствия. Эта конструкция помимо передачи греческого дательного с инфинитивом часто передавала греческий Accusativus cum Infinitivo (винительный с инфинитивом).

§ 90. Способы выражения подлежащего

Способы выражения подлежащего в старославянском языке в общем совпадают с таковыми в современном русском языке: в роли подлежащего могут выступать существительное, место-

имение-существительное, слова других частей речи (прилагательные, причастия, числительные и т. д.) в субстантивированном значении, а иногда целостные словосочетания (количественно-именные синтагмы, словосочетания со значением совместности и некоторые другие):

огнь възгорѣ съа (Син. 77.21) ‘огонь загорелся’;

кого ма глѣжтъ члѣвци быти • они же отвѣщаша • ови иоана крстителѣ • і нни илиж • а друзси единого отъ прѣкъ (Мк. 8: 28 Мар., Зогр., Асс.) ‘За кого меня принимают люди? Они же отвечали: одни — за Иоанна Крестителя, другие — за Илию, а иные — за одного из пророков’;

да съвѣдетъ са реченое пророкомъ ісанемь (Мф. 8: 17 Сав.) ‘да сбудется сказанное пророком Исаией’;

мънози вѣроваша въ іма его (Ин. 2: 23 Мар., Зогр.) ‘многие уверовали во имя Его’;

дѣвѣ на десѣте во вѣста кошници оукроухъ осталѣ (Супр. 428.29) ‘двенадцать корзин кусков осталось’;

молаше же и единъ отъ фарисѣи¹ (Лк. 7: 36 Мар.) ‘Один из фарисеев просил его...’;

ѣтери же отъ стоящихъ тоу слышавъше глѣхж (Мф. 27: 47 Зогр.) ‘некоторые из стоящих там, услышав это, говорили...’.

Как отмечалось выше, употребление личного местоимения 1—2 л. в качестве подлежащего является стилистически маркированным.

Для старославянского языка характерно употребление формы мн. ч. с. р. **вѣста** местоимения **всь** в обобщающем значении ‘всё’: **оуже оуготована сжтъ вѣса** (Лк. 14: 17 Остр.) ‘всё уже приготовлено’ (ср. в рус. *всё и вся*). Вероятно, это влияние греческого языка, так как аналогичная форма использовалась в древнегреческом языке.

§ 91. Способы выражения сказуемого

Сказуемое в старославянском языке, как и в современном русском, могло быть простым и составным (в случае с составным сказуемым — составным глагольным или составным именным): **тогда придоща оученици** (Супр. 415.17) ‘тогда пришли ученики’; **і желаше насытити чрѣво свое** (Лк. 15.16 Мар.) ‘и хотел насытить чрево свое’; **срце ихъ суетно естъ** (Син. 5.10) ‘сердце их суетно’.

¹ В качестве сочетания с выделительным значением типа ‘один из’, ‘многие из’, ‘пять из’ в старославянском языке употребляется сочетание местоимения (**ѣтеръ**, **единъ**, **мънози** и т. д.) или числительного с предложно-падежным сочетанием **отъ** + Р. п.

Одним из важных отличий старославянского синтаксиса от современного является возможность употребления причастия в функции простого глагольного сказуемого (подобное употребление возможно и в древнегреческом языке). В старославянском языке в качестве сказуемого употребляются формы кратких причастий действительного залога: **излѣзъ** (прич.) **же ис кораблѣ петръ • и хождаше** (имп.) **по водѣ и приде** (аор.) **къ їсѹ** (Мф.14: 29 Сав.) ‘Петр вышел из лодки и пошел по воде, и пришел к Иисусу’.

В таких случаях причастие употребляется одновременно с личной формой глагола, и последнюю принято называть *главным* сказуемым, в то время как причастие в роли сказуемого — *второстепенным* сказуемым, поскольку личная форма глагола называет основное действие, а причастие — сопутствующее ему, добавочное действие. То, что в данном случае причастие выполняет функцию сказуемого, доказывается возможностью его употребления в качестве однородного с личной формой глагола члена, в частности соединения с личной формой посредством сочинительного союза: **и призывавъ їс отроча и постави є посрѣдѣ ихъ** (Мф. 18: 2 Сав.) ‘и позвал Иисус дитя и поставил его среди них’; **видѣвъ їс многъ народъ • и милосрдовавъ • исцѣли недѣжнѣ имъ** (Мф. 14: 14 Сав.) ‘увидел Иисус много людей и, сжалившись, исцелил больных их’; **ї имъ за ржкж слѣпаго • ї изведе и вѣнъ їз вьси** (Мк. 8: 23, Зогр.) ‘и взял за руку слепого, и вывел его вон из деревни’. Подобного рода конструкции, в которых причастие в функции сказуемого соединено с личной формой глагола соединительным союзом *и*, называют «конструкции типа **вѣставъ и рече**» (где **вѣставъ** — это причастие, а **рече** — аорист, но на русский язык сочетание переводится как ‘встал и сказал’).

В структуре *составного глагольного сказуемого* в качестве связки могут употребляться фазовые глаголы **начати**, **вѣчати**, **кѣснѣти** ‘медлить’, **прѣстати** и другие или глаголы с модальным значением **имѣти**, **моци**, **нждити** ‘принуждать’, **хотѣти**, **чати** и т. д.): **кѣснитъ мон гїѣ прити** (Лк. 12: 45 Зогр.) ‘медлит прийти мой господин’; **хочете ли и отъ камька сего слышати** (Супр. 34.15—16) ‘хотите услышать это и от камня?’.

Особенностью употребления *составного именного сказуемого* в старославянском языке является необходимость употребления связки — глагола **быти** — в формах настоящего времени. В отличие от современного русского языка, в котором связка в настоящем времени не употребляется, в старославянском, напротив, является нормой ее наличие: **оуста его пълна сжтѣ и горести і лъсти** (Син. 9.28) ‘уста его полны и горечи, и лжи’; **юже нѣсмь [= не есмь] достоинъ нарешти сѧ сїѣ твої** (Лк. 15: 19 Зогр.) ‘уже я не достоин называться сыном твоим’; **і моѣ вѣсѣ твоѣ сжтѣ** (Ин. 17: 10 Мар.) ‘и все мое — твое’.

В свою очередь, отсутствие связки возможно только в особого типа конструкциях, в частности: в конструкциях с обстоятельством места, выраженным предложно-падежными сочетаниями или наречиями: **азъ въ нихъ и тѣи въ мнѣ** (Ин. 17: 23 Мар.) ‘я в них и ты во мне’; **никъ деже покоа никъ деже ослабѣнниа... вьсьжде печаль • вьсьжде плачь** (Супр. 57, 46) ‘нигде нет покоя, нигде нет послабления... везде печаль, везде плач’; в придаточных предложениях с относительным союзом **иже** ‘тот, который’: **ни отецъ вашъ иже въ небѣхъ отъпоуститъ прѣгрѣшени вашихъ** (Мк. 11: 26 Мар.) ‘и отец Ваш, который на небесах, не отпустит прегрешений ваших’¹; в конструкциях с нераспространенным одиночным именным сказуемым: **и слово твое истина** (Евх. 57а.13) ‘и слово твое истина’, **слово чловѣчьско • нъ дѣло божьско** (Супр. 345.11—12) ‘слово — человеческое, а дело — Божье’; и в некоторых других².

В составе *именной части сказуемого* в старославянском языке может употребляться причастие действительного залога, например: **вѣди оувѣштаа сѧ съ сѣпърьма своимъ скоро** (Мф. 5: 25 Мар., Зогр.) ‘миришься с соперником твоим скорее’; **и вѣ сѣда съ слоугами и грѣа сѧ при свѣшти** (Мк. 14: 54 Мар., Зогр.) ‘и сидел со служителями и грелся у огня’; **вьстъ иоанъ кръста въ поустыни и проповѣдаа** (Мк. 1: 4 Асс.) ‘крестил и проповедовал Иоанн в пустыне’; **и вѣдеш и ты очиштаа многы отъ азъ различньныхъ** (Супр. 236.1—3) ‘и ты будешь очищать многих от различных язв’; **и оба заматорѣвъша въ днѣхъ своіхъ вѣшете** (Лк. 1: 7 Мар., Зогр.) ‘и оба были уже в преклонных летах’. Использование действительного причастия в составе именного сказуемого связывают с необходимостью передать повторяющееся или длительное действие, а также обычное действие или состояние³.

§ 92. Согласование подлежащего и сказуемого

Если сказуемое употреблено в формах настоящего или будущего времени, аориста, имперфекта, императива, оно согласуется с подлежащим в лице и числе. Если в состав сказуемого входит аналитическая глагольная форма, частью которой является причастие, то происходит согласование не только в лице и числе, но и в роде. При составном именном сказуемом связка согласуется в лице и

¹ См.: *Večerka R. Souvětí se závislými větami relativními v staroslověnině // Slovo. 1983. T. 32—33. С. 38 и след.*

² См.: Граматика на старобългарския език. С. 422.

³ *Večerka R. Syntaxis aktivních participií v staroslověnině. Praha, 1961. С. 82, 86; Златанова Р. Структура на съставното сказуемо с причастен компонент в старобългарски // Известия на Института за български език. 1973. № 22. С. 90—92.*

числе, а именная часть — в роде и числе (если это прилагательное) и в числе (если это существительное): **дѹшти иночада вѣ ѿмоу... и та оумирааше** (Лк. 8: 42 Мар.) ‘была у него единственная дочь ... и она умирала’ (согласование в лице и числе); **братръ твоѣ съ • мрътвъ вѣ і оживе • изгывль вѣ і оврѣте сѧ** (Лк. 15: 32 Зогр.) ‘брат твой сей был мертв и ожил, был пропавшим и нашелся’ (прямое согласование в числе и роде, а поскольку подлежащее — существительное, а не личное местоимение, то личные формы глагола стоят в 3 л.); **вѣста** (3 дв. от **выти**) **во рывамъ ловьца** (И. дв.) (Мк. 1: 16 Сав.) ‘поскольку [они] были рыболовы’ (согласование в лице и числе в связке и в числе в именной части).

Отдельного комментария требуют следующие случаи согласования подлежащего со сказуемым:

1. С собирательными существительными, означающими множество живых существ (напр., **брат(р)ита, стражник, чадъ, дружина, племя, народъ, градъ, стадо**), возможно, а в некоторых случаях и преобладает *согласование по смыслу*, т. е. глагол при существительном, которое грамматически имеет единственное число, употребляется во множественном числе: **възидж** (простой аор. 3 мн.) **братигѣ** (Им. ед., **ѣ = та**) **его** (Ин. 7: 10 Мар.) ‘пришли братья его’; **многъ народъ въ оржніи придошѧ** (аор. 3 мн.) **на нь** (Супр. 50.28—29) ‘пришло против него много вооруженных людей’ (буквально: *народ... пришли*); **въпрашаахъ** (имперф. 3 мн.) **же кго дружина кмоу** (Супр. 218.24—25) ‘спрашивала же его дружина его’ (буквально: *спрашивали... дружина*).

2. Некоторые местоимения также допускают *согласование по смыслу*, среди них **кѣто, никѣто, всакъ, кѣждо**¹. Например: **начашѧ** (аор. 3 мн.) **глати кмоу • единъ кождо ихъ** (Мф. 26: 22 Зогр.) ‘и начал говорить каждый из них’ (буквально: *и начали говорить...*).

Устойчивое словосочетание **другъ друга**, функционирующее как местоимение, тоже могло употребляться как с единственным, так и со множественным числом: **і другъ друга прѣдастѣ** (простое будущее 3 ед.) **і възненавидитѣ** (простое будущее 3 ед.) **другъ друга** (Мф. 24: 10 Асс.) ‘и предадут друг друга, и возненавидят друг друга’, но и **глагохъ** (имперфект 3 мн.) **другъ къ другоу** (Мк. 4: 41 Мар.) ‘и сказали друг другу’.

3. При количественно-именных сочетаниях (числительное + Р. п.) употребляется сказуемое в единственном числе (**дѣва на десѧте ихъ кстѣ** (Супр. 121.20) ‘их двенадцать’, однако, если в качестве подлежащего употребляется отдельное числительное со значением больше пяти, сказуемое ставится во множественном числе: **і слышавъше десѧть начасѧ** (аор. 3 мн.) **негодовати** (Мк. 10: 41 Мар.) ‘и услышав, десять начали негодовать’.

¹ См.: *Ходова К. И.* Простое предложение в старославянском языке. М., 1980. С. 116—126.

§ 93. Второстепенные члены предложения

Определение

Определение в старославянском языке, как и в современном русском, могло быть *согласованным* и *несогласованным*.

Согласованное определение выражалось как полными, так и краткими формами имен прилагательных. Что касается позиции определения по отношению к определяемому слову, то оно могло находиться не только в препозиции, но и в постпозиции, последнее было нормой для старославянского языка и не было стилистически маркировано, как это имеет место в современном русском языке.

В роли согласованного определения в старославянском языке выступают:

- прилагательные: **при мори галилеісѣѣ** (Мф. 4: 18 Сав.) ‘близ моря Галилейского’;
- местоимения: **слова моѣ си** (Мф. 7: 24 Зогр.) ‘эти мои слова’;
- причастия: **трѣсти съкроушенѣ не прѣломитѣ** (Мф. 12: 20 Мар.) ‘трости надломленной не преломит’;
- слова с числовым значением: **видѣ дѣва брата** (Мф. 4: 18 Мар.) ‘увидел двух братьев’; **въ четвѣртѣжѣ же стражѣ ношти** (Мф. 14: 15 Зогр.) ‘в четвертую же стражу ночи’;
- существительные-приложения: **аѣлѣ гаврилѣ** (Лк. 1: 26 Мар.) ‘ангел Гавриил’.

Несогласованное определение выражалось преимущественно родительным или дательным падежом имени существительного или местоимения.

Употребление в качестве несогласованного определения дательного падежа имеет праславянские корни и является важным признаком собственно старославянского языка (в греческом в данной функции употребляется родительный падеж). В качестве несогласованного определения в дательном падеже могут выступать имена существительные и местоимения (в том числе и энклитические формы **ти, си** и т. д.): **скрѣжетѣ зѣвомѣ** (Мф. 8: 12 Мар.) ‘скрежет зубов’; **храмѣ молитѣѣ** (Мф. 21: 13 Мар.) ‘дом молитвы’; **оузырѣ... ѡвана брата емоу** (Мф. 4: 21 Мар.) ‘увидел... Иоанна, брата его’; **сынѣ ти живѣ естѣ** (Ин. 4: 51 Асс.) ‘Сын твой жив’; **възлюбѣши ближнаго си** (Мф. 5: 43 Сав.) ‘возлюби ближнего своего’.

В свою очередь, широкое употребление приименного родительного падежа в старославянских текстах вызвано, очевидно, влиянием греческого языка. Приведем примеры употребления несогласованного определения в родительном падеже: **лицѣ отѣца моего небскаго** (Мф. 18: 10 Мар.) ‘лицо Отца Моего небесного’; **и върѣваша во нь оученици его** (Ин. 2: 11 Мар.) ‘и уверовали в Него ученики Его’.

Дополнение

В старославянском языке, как и в современном русском, выделяют два типа дополнений — *прямое* и *косвенное*.

Прямое дополнение выражалось беспредложным винительным падежом (в значении прямого объекта): **посъли на нь милость твою** (Евх. 44а.10) ‘пошли на него свою милость’, родительным падежом прямого объекта при отрицании и при супине: **идж рыбѣ ловить** (Ин. 21: 3 Зогр., Мар., Асс.) ‘иду ловить рыбу’, **ни помѣтайте висерь вашихъ прѣдъ свиниѣми** (Мф. 7: 6 Зогр., Мар., Асс., Сав.) ‘не бросайте жемчуга вашего перед свиньями’, а также, реже, родительным части (genetivus partitivus): **егда же приять оцѣта исъ** (Ин. 19: 30 Мар.) ‘когда же Иисус вкусил уксуса...’.

В отдельных случаях при отрицании возможно колебание в употреблении родительного или винительного падежа, например: **не имать прияти сътворицѣж • нынѣ въ время се • домъ • братьюж • сестры • і оца і мрь • і члѣда і села** (Мк. 10: 30 Мар., Зогр.), но **домовъ и братрнѣ и сестръ • отца и матеръ и члѣдъ и селъ** (Мар.) ‘не получит ныне в сто крат больше домов и братьев, и сестер, отца и матерей, и детей, и земель’. Иногда подобная вариативность может быть объяснена определенными грамматическими особенностями отрицательной конструкции, например винительный падеж при отрицании возможен, когда, как в приведенном выше примере, отрицание относится к вспомогательному глаголу **имѣти**, а не к смысловому глаголу, непосредственно управляющему существительным. В случае невозможности объяснить наличие винительного падежа вместо родительного особенностями самой отрицательной конструкции ее трактуют как кальку с греческого языка, как, в частности, в следующем примере: **не съкрывайте себѣ съкровишта на земли** (Мф. 6: 19 Мар., Зогр.), ср. **съкровишть** (Асс., Сав.) ‘не прячьте своих сокровищ на земле’.

Косвенное дополнение могло быть выражено винительным падежом с предлогом, беспредложными и предложными конструкциями других падежей (подробнее об особенностях употребления падежей в разных значениях см. § 94).

Обстоятельство

Обстоятельство в старославянском языке могло быть выражено наречиями, а также именами существительными в косвенных падежах (с предлогом и без предлога).

В отличие от современного русского языка в старославянском местный падеж со значением места и времени может употребляться без предлога: **прѣбысть оусоровѣ вси** (Супр. 47.18) ‘пробыл в

селении Соров'; **і исцѣлѣ отрокъ томъ часѣ** (Мф. 17: 18 Мар.) 'и отрок исцелился в тот час'.

Другой особенностью старославянского синтаксиса является использование дательного падежа без предлога в значении цели и направления, например: **се цѣрѣ твои градѣтъ тебѣ** (Мф. 21: 5 Мар.) 'вот царь твой идет к тебе' (дательный направления).

Роль обстоятельства цели после глаголов движения изначально выполнял *супин*, который в славянских языках постепенно был вытеснен инфинитивом (примеры этого встречаются уже в старославянских памятниках): **приде жена... почрѣтътъ** (супин, управляет Р. п.) **водѣ** (Ин. 4: 7 Зогр.) 'пришла женщина... почерпнуть воды'; **изидите... ѡти** (инф., управляет В. п.) **ма** (Мф. 26: 55 Зогр., Мар., Асс.) 'выйдите... схватить меня'.

Обстоятельство причины могло быть выражено формой родительного падежа с послелогом **ради, дѣла: съврѣшилъ еси хвалѣ • врагѣ твоихъ ради** (Син. 8.3) 'ты устроил хвалу из-за врагов твоих [дабы сделать безмолвным врага...]'; **того дѣла • и противѣ изиде народъ** (Ин. 12: 18 Сав.) 'поэтому и вышел ему навстречу народ'.

Полный перечень конструкций, выражавших те или иные обстоятельственные значения в старославянском языке, можно найти в «Грамматике старославянского языка», изданной Болгарской академией наук¹.

§ 94. Значения падежей

Не пытаясь представить полный перечень значений падежей и предложно-падежных конструкций в старославянском языке, отметим в употреблении падежей главным образом те особенности, которые отличают старославянский от современного русского языка. При этом речь пойдет как о значениях определенных синтаксических конструкций, так и об управлении некоторых глаголов.

Именительный падеж

Особенностью старославянского языка является почти исключительное употребление в предикативной функции (в роли именной части составного именного сказуемого) именительного падежа: **блаженъи григорин • поставькнѣ быстъ патриархъ** (Супр. 119.17) 'блаженный Григорий был поставлен патриархом'; **юже**

¹ Грамматика на старобългарския език. С. 442—444.

нѣсмѣ достоинѣ нареци сѧ снѣ твои (Лк. 15: 19 Мар.) ‘уже я не достоин называться сыном твоим’. В современном русском языке в данном случае нормой является творительный предикативный, в старославянском также возможны случаи употребления творительного падежа в предикативной функции, но они крайне редки (см. § 94 творительный падеж): **дѣвоѣ во бѣ еѡа** (Супр. 489.9) ‘ведь девою была Ева’. Наличие двух именительных падежей в одном предложении называют конструкциями с *двойным именительным падежом*.

Родительный падеж

Среди отличий в употреблении родительного падежа в старославянском языке можно отметить следующие.

1. Родительный разделительный мог употребляться без предлога или с предлогом **отъ** (в современном русском языке в этом значении используется родительный падеж с предлогом *из*): **въ единѣ же сѡботѣ** (Лк. 24: 1 Зогр.) ‘в одну из суббот’; **къто же отъ васъ** (Лк. 12: 55 Мар.) ‘кто же из вас’.

В греческих оригиналах чаще встречается беспредложная конструкция (в соотношении 3 : 2), а в старославянских текстах преобладает конструкция с предлогом **отъ** (в соотношении 4 : 1). Очевидно, на развитие обеих конструкций в старославянском языке оказало влияние их наличие в греческих оригиналах. Предпочтение предложной конструкции беспредложной в старославянских переводах (в противоположность оригинальным текстам) объясняют влиянием разговорного древнеболгарского языка, в котором подобное употребление в дальнейшем получило активное развитие¹.

2. Родительный партитивный при глаголах также мог употребляться с предлогом **отъ**, в частности с глаголами **дати**, **принѣти**, **пастн**, **питн** (часто подобное употребление соответствует предложным конструкциям в греческом языке *ἐκ, ἀπο + Gen.*): **дадите намъ отъ оѡла вашего** (Мф. 25.8 Мар.) ‘дайте нам вашего масла’; **а иже пиетъ отъ воды ѡже азъ дамъ емоу** (Ин. 4.14 Мар.) ‘а кто будет пить воду, которую я дам ему...’.

3. Родительный падеж с предлогом **отъ** также употреблялся для передачи субъекта в страдательном обороте: **тогда иродъ видѣвъ ꙗко поржганъ бѣистъ отъ вѡхвѣ** (Мф. 2: 16 Асс.) ‘тогда Ирод увидел, что был осмеян волхвами’. Подобная передача субъекта в

¹ *Вечерка Р.* Синтаксис беспредложного родительного падежа в старославянском языке // Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963; *Седлачек Я.* Синтаксис старославянского языка в свете балканистики // *Slavia*. 1963. 32.

страдательной конструкции соответствует в греческом языке обороту ὄλο + Gen.

В то же время в старославянских текстах субъект в пассивной конструкции мог передаваться и творительным падежом (ср. современное употребление). Широкое распространение в старославянском оборота **отъ** + Р. п. связывают с влиянием греческого языка, хотя предполагают и его возможное праславянское происхождение. В последнем случае распространение конструкции на славянской почве связывают с воздействием балканской языковой среды, в которой конструкции с предлогом **отъ** (в паритивном значении и др.) получили широкое распространение¹.

4. Родительного падежа требовал супин: **изидѣ же народи из града • видѣтъ вѣвъшаго** (Лк. 8: 35 Сав.) ‘вышли же люди из города, чтобы увидеть случившееся’ (см. также примеры § 78).

5. Родительный падеж без предлога мог употребляться при глаголах, имеющих значение удаления в пространстве (так называемый *родительный отделительный*), в частности: **вѣгати, отъвѣгати, отити, отъстоати, излазити, отъстѣпити (остѣпити)**. Например: **ї не остѣпимъ тебе • живіші ны і їма твоє прізовемъ** (Син. 17.23) ‘и мы не отступим от тебя; оживи нас, и мы будем призывать имя твоё’.

6. Родительный беспредложный был возможен после глаголов со значением отстранения, лишения, освобождения, таких как: **оуклонити сѧ, свободити, лишити (сѧ), отати, исповѣдати сѧ**. Например: **остани сѧ вѣснованиа твоего** (Супр.) ‘освободись от беснования твоего’.

Такое же управление возможно и при прилагательных с подобным значением (**исповѣднѣ, лихѣ, скждѣ, тѣштѣ, чистѣ** и т. п.): **тебѣ вѣдѣ исповѣденѣ • вѣсѣхъ моихъ грѣхъ** (Евх. 72 а. 5—6) ‘Тебе исповедаюсь во всех моих грехах’.

7. Дополнение в родительном (а не в винительном) падеже, как правило, имели при себе следующие глаголы: **сѣмотрити, слоушати, имѣти, (вѣс)просити, трѣбовати, жѣдати, искати, вѣкоусити, чаати, ненавидѣти**. Например: **сѣмотрити цвѣтъ сельныхъ** (Р. мн.) **како растѣтъ • ни троуждаѣтъ сѧ ни прадѣтъ** (Мф. 6: 28 Зогр. Мар., Асс., Сав.) ‘посмотрите на полевые цветы, как они растут? Не трудятся, не прядут’; **слоушааи словесе моего... иматъ живота вѣчнаго** (Мар.) ‘слушающий слово мое... имеет жизнь вечную’; **всѣкъ во дѣлааи зѣла** (В. мн. кратк. прил.) **ненавидитъ свѣта** (Ин. 3: 20 Мар., Асс.) ‘ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет’.

¹ Bartula Cz. Składnia zdania pojedynczego w języku staro-cerkiewno-słowiańskim. Kraków, 1969. С. 81.

Дательный падеж

Дательный падеж обладал широким спектром значений и активно употреблялся не только как падеж глагольного управления, но и как приименной падеж. Среди наиболее существенных отличий в употреблении дательного падежа в старославянском языке по сравнению с современным русским языком можно назвать следующие:

1. Дательный принадлежности (Dativus Possessivus, или Dativus Sympatheticus). Дательный падеж в старославянском языке мог выражать принадлежность. В современном русском языке ему будет соответствовать притяжательное, притяжательное местоимение или родительный падеж имени существительного: **бѣди ми** (Д. ед. от **азъ**) **помощникъ** (Евх. 726.5—6) ‘будь моим (= мне) помощником’; **и не бѣ има** (Д. дв. от **и**) **чада** (Лк. 1: 7 Мар.) ‘у них не было детей’; **начатъ оумывати ногѣ оученикомъ** (Ин. 13: 5 Мар.) ‘и начал омыwać ноги учеников’; **тѣ естъ црѣ славѣ** (Син. 23.10) ‘он — царь славы’.

Как дательный принадлежности в широком понимании можно рассматривать и некоторые другие значения дательного падежа в роли несогласованного определения, всем им в современном русском языке будет соответствовать родительный падеж:

— дательный субъекта **движение водѣ** (Ин. 5: 3 Зогр., Мар., Асс.) ‘движение воды’, **желание грѣшнику** (Син. 111.10) ‘желание грешника’;

— дательный объекта **ловецъ рывамъ** (Мф. 4: 18 Сав.) ‘ловецъ рыб’, **ископаніе ровомъ** (Супр. 568.2) ‘копанье ровов’;

— дательный объяснительный **праздникъ пасцѣ** (Лк. 2: 41 Зогр., Мар., Асс.) ‘праздник Пасхи’, **врѣмя жатвѣ** (Мф. 13: 3.0) ‘время жатвы’;

— дательный отношения **краи ризѣ** (Лк. 8: 44 Сав.) ‘край одежды’.

Возможно также употребление дательного падежа в значении предназначения и цели: **азъ ж-е-смѣ** (= **же есмѣ**) **чрѣвъ и не члѣкъ** • **поношенье члѣкомъ** • **оуничъженье людемъ** (Син. 21.7) ‘я же червь, а не человек, поношение для людей, презрение в народе’; **храмъ молитвѣ** (Мф. 21: 13 Мар.) ‘дом молитвы (для молитвы)’.

2. В старославянском языке была возможна конструкция с двумя дательными падежами при одном глаголе, или *двойной дательный падеж*.

Два дополнения в дательном падеже могли употребляться при глаголе **быти**, при этом одно из них выполняло функцию косвенного объекта (адресата), а второе имело предикативную функцию (на современный русский язык оно переводится творительным падежом): **дастъ имъ** (адресат) **власть чадомъ бжиемъ** (Д. предикативный) **быти** (Ин. 1: 12 Зогр.) ‘дал им власть быть чадами Божьими’; **не добро**

кстѣ быти члѣвоу юдѣноу (Супр. 9.1—2) ‘не хорошо, чтобы человек был одиноким’; прѣжде же подобаѣтъ емоу мѣного пострадати • і искоушеноу быти отѣ рода сего (Лк. 17: 25 Мар.) ‘прежде надлежит Ему много пострадать и быть отверженным родом сим’.

3. Дательный падеж после глаголов движения в значении направления мог употребляться без предлога: се цѣрѣ твон градеѣтъ тѣбѣ кротокѣ (Мф. 21: 5 Мар.) ‘Царь твой грядет к тебе кроткий’; и възлюбіи клятвѣ и приде емоу (Син. 108.17) ‘и возлюбил проклятие, оно и придет на него’; послѣдоваша и сѣи народѣ мѣногѣ (Мк. 5: 24 Асс.) ‘последовало за Иисусом множество народа’.

4. Дательным падежом управляли глаголы възнимати, сѣдити, рѣгати сѣ, поносити, хотѣти, трѣпѣти, надѣяти сѣ (надѣти сѣ), оудолѣти: имѣже бо сѣдомѣ сѣдите • сѣдатѣ вамѣ (Мф. 7: 2 Зогр., Мар., Асс.) ‘каким судом судите, таким будут судить вас’; рѣгаахѣ сѣ емоу (Лк. 8: 53 Зогр.) ‘и глумились над ним’; надѣжцеи сѣ силѣ своеи (Син. 48.7) ‘надеющиеся на силы свои’.

5. При глаголах со значением говорения (*verba dicendi*) — рѣци, глаголати, благовѣстити, весѣдовати, отѣвѣщати — возможно употребление беспредложного дательного падежа и дательного падежа с предлогом кѣ: фарисѣи же рѣша кѣ себѣ (Ин. 12: 19 Зогр.) ‘фарисеи же говорили между собой’; глааше же і притѣж кѣ нимѣ (Лк. 5: 36 Зогр.) ‘рассказал им притчу’.

В греческом языке подобному употреблению часто соответствует конструкция *προς* + Асс. Относительно исконного или заимствованного характера данной конструкции существуют разные точки зрения: одни исследователи считают ее употребление в старославянском языке независимым от греческого влияния¹; другие, напротив, объясняют распространение данной конструкции влиянием греческого языка².

Винительный падеж

Одной из отличительных черт старославянского синтаксиса является употребление *двойного винительного падежа*. Эта конструкция состоит из двух винительных падежей, относящихся к одному переходному глаголу, первый из которых обозначает прямой объект, а второй имеет предикативное значение (переводится на современный язык творительным падежом): идѣта вѣ слѣдѣ мене • и створж ва ловьца (В. дв.) чловѣкомѣ (Мк. 1: 17 Сав.) ‘идите за мной, и я сле-

¹ Bartula Cz. Związki czasownika z dopełnieniem w najstarszych zabytkach języka staro-cerkiewno-słowiańskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1964. С. 87—89; Ходова К. И. Простое предложение в старославянском языке. М., 1980. С. 178—179.

² Мразек Р. Дательный падеж в старославянском языке // Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963. С. 239; Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. V. La syntaxe. Paris, 1977. P. 116.

лаю вас (обоих) ловцами людей»; кто ма постави сѣднѣ ли дѣлительѣ надъ вами (Лк. 12: 14 Мар.) ‘кто поставил меня судьей или тем, кто делит вас?’ После глаголов со значением восприятия предикативное значение обычно выражалось причастием: видѣ тыщѣ кого лежащѣ огоньмъ жегомъ (Мф. 8: 14 Остр.) ‘увидел тещу его лежащей в горячке (= увидел, что теща его лежит в горячке)’.

К числу более частных отличий употребления винительного падежа можно отнести, например, конструкцию с предлогом на после глаголов *реци*, *помыслити*, *(про)гнѣвати*, *свѣдѣтельствовати*, которая имеет значение ‘говорить (свидетельствовать и т. д.) против кого-то’: не слышиши ли колико на та свѣдѣтельствуютъ (Мф. 27: 13 Мар.) ‘не слышишь, сколько свидетельствуют против тебя?’.

В отдельных случаях возможно употребление винительного падежа при возвратном глаголе, например: о себѣ землѣ плодитъ сѧ • прѣжде трѣвѣж по томъ же класъ • по томъ же и пшеницѣ вѣ класѣ (Мк. 4: 28 Мар.) ‘ибо земля сама собой производит сперва зелень, потом колос, потом пшеницу в колосе’.

Творительный падеж

В старославянском языке творительный падеж мог выражать разнообразные обстоятельственные значения (время, место, орудие, образ действия и т. п.). В частности, творительный падеж мог употребляться для выражения причины (*творительный причины*): тѣмъ же нарече сѧ село то село крѣве (Мф. 27: 8 Зогр.) ‘поэтому называется земля та «землей крови»»; азъ же сѣде гладомъ гыблѣж (Лк. 15: 17, Зогр., Мар. и др.) ‘а я здесь умираю от голода»; аще кѣто вѣдож оукрадетъ • сънѣдно чыто • ѿ день да покаетъ сѧ (Евх. 1036.1) ‘если кто по необходимости украдет что-то съестное, да принесет покаяние 20 дней’.

Творительный падеж употребляется для выражения субъекта в страдательном обороте (наряду с оборотом *отъ* + Р. п.): повѣжденъ быхъ мѣжи сими свѣтѣми (Супр. 78.28) ‘я был побежден сими святыми мужами’.

Творительный предикативный в старославянских текстах встречается мало — есть несколько примеров в Супрасльской рукописи (и сиротож дѣтиштѣ не вѣдетъ (Супр. 237.16) ‘и не будет ребенок сиротой’) и два примера в Синайском евхологии.

Творительный падеж употреблялся при глаголах *женити*, *женити сѧ*, *оженити сѧ*, *пешти сѧ*, *(о)пѣвати*: свѣштаста сѧ женити ѿ дѣвицеж именемъ анна (Супр. 24.29) ‘решили женить его на девице по имени Анна»; чим бо пѣважште • хытростниж ли словесъниж (Супр. 442.8) ‘на что надеетесь, на словесное мастерство?’

Местный падеж

Самое существенное отличие в употреблении местного падежа в старославянском языке — это возможность его употребления без предлога (так называемый *местный беспредложный*), в частности в значении места (*яко сѣтъ съхранѣны кости наша семь мѣстѣ* (Супр. 81.3) ‘как сохранены мощи наши в этом месте?’) и времени (*полоу ношті въстахъ ѿповѣдати съ тебѣ* (Син.) ‘в полночь (в половине ночи) вставал славословить Тебя’).

Местный беспредложный употреблялся также после глаголов *касати съ* — *коснѣти съ*, *надѣвати съ*, *належати* ‘окружать’, *нападати*, *приближати съ*, *прилежати* ‘заботиться’, *прильнѣти* — *прильпѣти съ*, *приобъцити* и некоторых других, преимущественно с приставками *при* и *на*: *кто прикоснѣ съ ризахъ моихъ* (Мк. 5: 30 Мар., Асс., Сав.) ‘кто прикоснулся к одежде моей (= одеждам моим)?’; *приобъци ма пакы стадѣ твоємъ стѣхъ* (Евх. 78б.12) ‘приобщи меня к твоему стаду святых’.

Конструкции с двойными падежами

Как было показано выше, в старославянском языке были возможны конструкции с двумя одинаковыми падежами при одном глаголе. Вторая форма имела предикативное значение, на современный русский язык она переводится творительным падежом. Существовали три типа подобных конструкций:

— *двойной именительный*: *ти вамъ сѣдиа бѣдѣтъ по съпасовоу словеси* (Супр. 325.12—14) ‘они будут вам судьями, по слову Спасителя’;

— *двойной дательный*: *чаѣште кмоу живоу бѣти* (Супр. 80.14—15) ‘надеялись, что он был живым’;

— *двойной винительный*: *сего видѣвъ ѿ лежашта* (Ин. 5: 5—6 Зогр.) ‘его увидел Иисус лежащим (увидел Иисус, что он лежит)’.

§ 95. Выражение отрицания

Отрицание в старославянском языке выражалось посредством частиц *не* и *ни*.

Частица *не* ставилась непосредственно перед отрицаемым элементом фразы: если отрицание относилось к глаголу, оно находилось перед ним — *не знаѣ его жено* (Лк. 22: 57 Мар.) ‘я не знаю его, женщина’; если отрицание относилось к другому элементу фразы, частица *не* ставилась перед этим элементом — *не вы мене избѣрасте* (Ин. 15: 16 Мар.) ‘не вы Меня избрали [а Я избрал вас]’;

МЕНЕ НЕ ВЪСЕГДА ИМАТЕ (Ин. 12: 8 Мар.) '[ибо нищих всегда имеее с собою, а] Меня не всегда имеее'.

Отрицательная форма от глагола **ВЫТИ** в настоящем времени имела стяженный вид: **нѣсмь** (*ne-esmь > *nēsmy), **нѣси**, **нѣстгь** и т. д.

Значение 'еще не' выражалось сочетаниями **НЕ ОУ**, **НЕ Ю**, **НИ ОУ**, **НЕ ОУ ЛИ**. Например: **НЕ Ю ВО ВѢ ДХЪ СТЪ ДАНЪ ФКО ІС НЕ Ю ПРОСЛАВЛЕНЪ** (Ин. 7: 39 Зогр., Сав.) 'ибо не было еще дано духа святого, потому что Иисус еще не был прославлен'. Значение 'больше не' передавалось в старославянском сочетаниями **КЪ ТОМОУ НЕ**, **КЪ СЕМОУ НЕ**, **ОУЖЕ НЕ**: **І КЪ ТОМОУ НЕ ВИДИТЕ МЕНЕ** (Ин. 16: 10 Мар.) 'и больше вы не увидите Меня'. Значения 'совсем не, совершенно не' соответствуют в старославянском **ВЪХЪМА НЕ**, **ВЪХЪМЪ НЕ**, **ВЪШНИЖ НЕ**: **ВОДЫ ЖЕ ОУ НЕЮ ВЪХЪМА НЕ ВЪШАШЕ** (Супр. 547.29) 'воды же у них [двоих] совсем не было'.

Частица **НИ** употреблялась в следующих случаях:

— в качестве дополнительного отрицания при существительном, местоимении, наречии: **НЕ ХОТѢШАШЕ НИ ОЧИ ВЪЗВЕСТИ НА НЕБО** (Лк. 18: 13 Зогр.) 'не смел глаза поднять на небо'; **БЕЗ НЕГО НИЧТОЖЕ НЕ ВЪСТЪ** (Ин. 1: 3 Остр.) 'без него не было ничего'. Такие конструкции называются конструкциями с *двойным отрицанием*;

— в значении 'нет': **ВЪДИ ЖЕ СЛОВО ВАШЕ ЕИ ЕИ • І НИ НИ** (Мф. 5: 37 Зогр.) 'но да будет слово ваше «да», «да» и «нет», «нет»'; **ОНЪ ЖЕ РЕЧЕ • НИ** (Мф. 13: 29 Мар.) 'Он же сказал: «нет»';

— в случае особого подчеркивания отрицания: **НИ ВЪ ИЗЛИ ТОЛИКЪ ВѢРЪ НЕ ОБРѢТЪ** (Мф. 8: 10 Мар.) 'и в Израиле не нашел Я такой веры'; **НІ ПОСМѢЖТЪ МІ СЪ ВРАСИ МОІ** (Син. 24.12) 'да не посмеются надо мной враги мои'.

Существенной особенностью старославянского синтаксиса является наличие конструкций с *одиночным отрицанием*, в этом случае в предложении есть только один отрицательный компонент, например отрицательное местоимение, а отрицание при глаголе не ставится: **НИЧЬСОЖЕ ОТЪВѢШТАВАШАШЕ** (Мф. 27: 12 Мар., Зогр.) 'ничего не отвечали [буквально: ничего отвечали]'.

К числу возможных отрицательных компонентов относятся отрицательные местоимения **НИКЪТО(ЖЕ)**, **НИЧЬТО(ЖЕ)**, **НИКИН(ЖЕ)** и т. д., отрицательные наречия **НИКЪГДА(ЖЕ)**, **НИКАКО(ЖЕ)**, **НИКОЛИ(ЖЕ)** и т. п., сочетание **НИ КДИНЪ**.

Приведем примеры предложений с одиночным отрицанием: **НИКОТОРЫ ЖЕ ПРОРОКЪ ПРИНАТЕНЪ ЕСТЬ ВЪ ОТЕЧЕСТВИИ СВОЕМЪ** (Лк. 4: 24 Мар., Асс.) 'никакой пророк не принимается в своем отечестве'; **ТЫ ВІФЛЕЕМЕ ЗЕМЛЕ ИУДОВА • НИЧІМЪ ЖЕ МЕНШИ ЕСІ ВЪ ВѢДКАХЪ ИУДОВАХЪ** (Мф. 2: 6 Асс.) 'и ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше ты воеводств Иудиных'; **НИКОЛИЖЕ ТАКО ВИДѢХОМЪ** (Мк. 2: 12 Мар.) 'никогда такого мы не видели'; **ДА ОУЖЕ НИКЪДЕЖЕ ПОКОА**

• **никѣже ослабѣнѣнѣ** (Супр. 54.4—6) ‘уже нигде не будет покоя, нигде не будет послабления’; **ни единъ же отъ нихъ очисти сѧ** (Лк. 4: 27 Мар., Зогр.) ‘ни один из них не очистился’.

Одинокое отрицание было возможно только в том случае, если глагол стоял после отрицательного местоимения (как во всех приведенных выше примерах); если глагол был употреблен в предложении раньше местоимения, в этом случае всегда было двойное отрицание: **азъ не суждѣ никомоу же** (Ин. 8: 15 Мар.) ‘Я не сужу никого’; **вѣроуѣи въ мѧ не иматъ вѣждадати сѧ никогдаже** (Ин. 6: 35 Мар., Зогр.) ‘верующий в меня не будет жаждать никогда’; **намъ не достоинно кстѣ погубити ни кѣдногѣ же** (Супр. 433.9—10) ‘не позволительно нам погубить ни одного’.

Однако и в случае препозиции отрицательного местоимения или наречия возможно было повторение отрицания при глаголе: **николиже не отъвръгъ сѧ господѧ моего ꙗкоже ѿ хѣса** (Супр. 433.9—10) ‘никогда я не отрекусь от Господа моего Иисуса Христа’; **не въсхътитѣ ихъ никтоже отъ рѣкъ моиѧ** (Ин. 10: 28 Мар., Асс.) ‘и никто не похитит их из руки Моей’.

Более частотными в старославянских текстах были конструкции с повторением отрицания (*конструкции с двойным отрицанием*, или *полинегативные конструкции*).

Оборот с одиноким отрицанием, вероятно, свойственный еще праславянскому языку, был более древним по происхождению, чем полинегативные конструкции. Уже в старославянский период он подвергался вытеснению более продуктивными конструкциями с двойным отрицанием¹. Тем не менее, находясь на пути к исчезновению уже в старший период славянской письменности, оборот с одиноким отрицанием «удерживался и даже реставрировался в поздних памятниках как калька греческих оборотов»².

§ 96. Способы выражения принадлежности

Старославянский язык располагал тремя способами выражения принадлежности:

1) форма притяжательных прилагательных и местоимений: **домъ отъцевъ, братъ твои**;

2) родительный падеж: **домъ отъца**, который, в отличие от современного русского языка, не был наиболее частотной формой выражения принадлежности;

¹ Цакалиди Т. Г. Общеотрицательные конструкции в древнеболгарских текстах евангелия-тетра X—XI вв. // Старобългаристика. 1981. № 1. С. 54.

² Вайан А. Руководство по старославянскому языку. С. 392.

3) дательный падеж: *домъ отьцю, братъ тѣбѣ/ти* (форма *ти* — энклитическая).

Значение принадлежности является лишь одним из значений приименных падежей, которые выражают также значения субъекта, объекта, отношения и т. д. В современном русском языке основным приименным падежом, выражающим все эти значения, является родительный, в то время как в старославянском языке практически в любом из этих значений с родительным падежом конкурировал дательный падеж существительного (местоимения) или имя прилагательное¹. Например, в старославянских текстах можно встретить сочетания: *врѣма жатвѣ* (Р. п.), *врѣма жатвѣ* (Д. п.), *врѣма жатвѣнок* (прил.); *кран ризѣ* (Р. п.), *кран ризѣ* (Д. п.), *полѣ* [‘(обе) полы разные’, дв. ч.] *ризынѣ* (прил.).

§ 97. Дательный самостоятельный

В старославянском языке существовал особый абсолютный оборот — *дательный самостоятельный* (или *Dativus Absolutus*), в котором субъект действия, как правило, был отличен от субъекта в главной части предложения. Оборот называется самостоятельным (или по-латыни *absolutus*), поскольку он непосредственно не зависит ни от какого члена главной части предложения, а относится к ней в целом. Подобные обороты известны в других древних индоевропейских языках, в частности в латыни — *Ablativus Absolutus*, в древнегреческом — *Genetivus Absolutus*.

Дательный самостоятельный состоял из построенной на согласовании конструкции: причастия в дательном падеже и существительного (или местоимения) в дательном падеже. По значению этот оборот соответствует современному придаточному предложению. При переводе дательного самостоятельного необходимо форму дательного падежа существительного (местоимения) заменить на именительный падеж и сделать подлежащим предложения, а причастие заменить личной формой глагола, сделав сказуемым. Например: *съшѣдъшоу же емоу съ горы • въ слѣдъ его идъ народи мнози* (Мф. 8: 1 Зогр.): *съшѣдъшоу же емоу съ горы* — оборот дательный самостоятельный, где *съшѣдъшоу* — краткое действительное причастие прошедшего времени в дательном падеже (от глагола *съннѣти* ‘сойти, спуститься’) *емоу* — Д. п. местоимения *и[же]*; целиком предложение следует перевести так: ‘Когда он сошел с горы, за ним последовало множество народа’.

¹ *Вечерка Р.* Синтаксис беспредложного родительного падежа в старославянском языке. С. 193–201; *Минчева А.* Развой на дателния притежателен падеж в българския език. София, 1964. С. 21–76.

В качестве некоторой аналогии дательному самостоятельному можно привести абсолютное употребление деепричастного оборота в ненормативной русской речи (ср. классический чеховский пример: *Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа*). В современном русском литературном языке деепричастный оборот не может быть *самостоятельным* (абсолютным), т. е. иметь субъект действия, отличный от субъекта действия, обозначенного подлежащим. Согласно нормам русского литературного языка приведенное выше предложение должно быть построено следующим образом: *Когда я подъезжал к сией станции и глядел на природу в окно, у меня слетела шляпа*. А если использовать оборот дательный самостоятельный, то предложение выглядит следующим образом: ****Подъезжающу мне к сией станции и глядящу на природу в окно, у меня слетела шляпа*.

Дательный самостоятельный соответствует в современном русском языке придаточным предложениям, как правило обстоятельством. Чаще всего дательному самостоятельному соответствуют придаточные предложения со значениями времени и причины. Данный оборот со значением времени, в частности, составляет до 75—95% от общего числа дательных самостоятельных, встречающихся в старославянских текстах¹.

Приведем примеры дательного самостоятельного в разных обстоятельственных значениях:

— в значении времени: *слышаштѣмъ же въ сѣмъ людѣмъ • рече къ оученикомъ своимъ* (Лк. 20: 45 Зогр.) ‘и когда слушали [Его] все люди, сказал [Он] ученикам своим’;

— в значении причины: *не имѣштѣма* (Д. дв. действительное прич. наст.) *же има* (Д. дв.) *въздати • овѣма има отъда* (Лк. 7: 42 Зогр., Мар.) ‘поскольку оба не имели, чем заплатить, [Он] обоим им простил’;

— в значении условия: *можеш ли благодѣтиѣ хѣвоѣ • обржчити брата... и глѣ” игоуменъ • отвѣтѣтъ • могѣх поспѣѣжшю ми хѣоу* (Евх. 82a.9— 14) ‘можешь ли ты обручить брата благодатью Христовой?.. И сказал игумен в ответ: «Могу, если споспешествует мне Христос»’;

— в значении уступки: *толика же знамениѣ сътворишю прѣдъ ними • не въровахъ емоу* (Ин. 12: 37 Зогр., Мар., Асс.) ‘хотя [Он] сотворил столько знамений пред ними, они не веровали в Него’;

— в значении следствия: *и се рекъ • слышаштѣмъ въ сѣмъ* (Супр. 144.19) ‘и сказал следующее, чтобы все слышали’.

Следует отметить, что указанные обстоятельственные значения не всегда являются строго дифференцированными, иногда в дательном самостоятельном возможно сочетание разных значений, например временного и причинного или условного и временного. Так, в следующей фразе возможно условное и временное понимание

¹ Грамматика на старобългарския език. С. 449.

дательного самостоятельного: **отъшъдъшоу вѣдцѣ • вѣктъ клеветы своа** (Супр. 107.27—28) ‘если отошел хозяин, бьет своих сотоварищей’ или ‘когда отошел хозяин, бьет своих сотоварищей’.

Как правило, в составе дательного самостоятельного употребляются причастия действительного залога (как и во всех приведенных выше примерах), но встречаются и страдательные причастия (со связкой **вѣтити** и без нее): **оврженѣ вѣвивши матери его** (Мф. 1: 18 Зогр.) ‘когда была обручена мать его’; **изгънаноу вѣсоу проглагола нѣмъти** (Мф. 9: 33 Мар.) ‘когда бес был изгнан, немой заговорил’.

Существительное (или местоимение) в дательном самостоятельном может опускаться и подразумеваться из контекста: **сѣжштюмоу ова оубо падоша при пжти** (Мф. 13: 4 Зогр.) ‘когда [он] сеял, некоторые [зерна] упали при дороге’. В отдельных случаях субъект может совсем отсутствовать, в этом случае дательный самостоятельный соответствует безличному предложению, например: **поздѣ** (наречие ‘поздно’) **же вѣвѣшю въ четвѣртѣж же годинѣ ноци • приде къ нимъ нѣ** (Мф. 14: 25 Сав.) ‘когда уже было поздно, в четвертую часть ночи, пришел к ним Иисус’.

Иногда дательный самостоятельный может быть связан с главной частью союзом «и»: **вѣсивѣшю слънцю и глаголаохъ къ себѣ** (Мк. 16: 1—2 Остр.) ‘когда взошло солнце, они сказали друг другу’.

В греческом языке обороту дательный самостоятельный могут соответствовать разные конструкции, среди них: родительный самостоятельный, конструкция $\epsilon\nu\ \tau\hat{\omega}$ + инфинитив, конструкция с независимым причастием, конструкции с темпоральным значением с союзом $\delta\tau\epsilon$.

Относительно происхождения оборота не существует однозначного ответа. Уже тот факт, что данный славянский оборот не всегда соответствует греческому обороту Genetivus Absolutus, дает основание говорить, что он не является калькой греческого абсолютного оборота, а представляет собой самостоятельное синтаксическое средство в системе старославянского языка¹. Но и среди исследователей, принимающих исконно славянское (или балтославянское) происхождение данной конструкции, нет единства взглядов по отношению к распространенности данного оборота в разговорном языке, его органичности. Возможно, в случае с дательным самостоятельным мы имеем дело с синкретичным по характеру и происхождению явлением, сочетающим исконные славянские черты с влиянием языка-оригинала: корни данного оборота, быть может, лежат в специфике индоевропейских языков — их способности выражать обстоятельственные значения абсолютными причастными конструкциями; в живом древнеболгарском языке, очевидно, в таком значении была возможна,

¹ *Večerka R. Syntaxis aktivních participií v staroslověnině. Praha, 1961. С. 55—56.*

но не очень употребительна конструкция с дательным падежом; широкое распространение данного оборота в письменных текстах связано с переводческой деятельностью создателей старославянского языка, которые не только использовали уже существующие возможности живого языка, но и развивали их, часто под влиянием языка оригинальных текстов, и таким образом создавали необходимые синтаксические средства для только возникающего в качестве письменного старославянского языка¹.

§ 98. Сложное предложение: способы выражения отношений между его частями

Сложное предложение в праславянский период было еще слабо развито. Господствовали близкие к паратактическим конструкции *цепочечного нанизывания*. **Паратаксисом** (греч. *παράταξις* ‘расположение подряд, соположение’) называется такой способ выражения синтаксических отношений, когда соотносящиеся элементы следуют один за другим без использования выражения зависимости одного от другого с помощью формальных средств — союзов и союзных слов (ср. разг. рус. *Дай мне книгу, ты вчера купил. Висит груша — нельзя скушать*), а **гипотаксисом** (из греч. *ὑπό* ‘под’ и *τάξις* ‘устройство, расположение’) принято называть открытое выражение синтаксических отношений зависимости одного элемента от другого (ср. *Дай мне книгу, что ты вчера купил. Дай мне книгу, которую ты вчера купил. Висит груша, которую нельзя скушать*).

Для древнеславянского разговорного синтаксиса было характерно отсутствие «синтаксической перспективы» (по выражению А. А. Потебни), привычной для носителей современного литературного языка. Гипотаксис развивался в живых славянских языках постепенно, но в старославянском языке, как языке переводов с греческого (а греческий обладал высокоразвитым синтаксисом), предложения с паратаксисом представлены довольно слабо. Однако в древних славянских текстах, отражающих разговорный язык, черты древнего синтаксиса представлены широко, например в древнерусских памятниках: ср. *ажє тѣиуѣнѣ оуслышитѣ латинскыи гостѣ пришесть • послати кѣмоу люди • с колѣы • пьревѣсти товарѣы* (Смоленская грамота 1229 г.) ‘а [если/когда] тивун услышит, [что] иностранный купец пришел, [то] ему следует послать к нему людей с телегами, [чтобы] перевезти имущество’; *первое к ростову идохъ • сквозѣ вятичѣ • посла ма вѣць • а самъ иде курьскѣ* (Поучение Владимира Мономаха, нач. XII в. по списку Лаврентьевской летописи 1377 г.) ‘Сначала я на Ростов пошел, через вятичей, послал меня отец, а сам пошел в Курск’ или *ожениса мьстиславъ кѣевѣ • поа дмитровьноу*

¹ *Večerka R. Syntaxis aktivních participií v staroslověnině. С. 55—56.*

новѣгородѣ завидица (Новгородская первая летопись, под 1112 г.) ‘женился Мстислав в Киеве, взял (в жены) Дмитровну (дочь Дмитра), в Новгороде, (Дмитра) Завидича’. В старославянских текстах изредка также обнаруживается разговорный синтаксис: ср. дѣци иночада волѣше ємоу • тако двою на десѣте лѣтоу • гаже оумираше (Лк. 8: 42 Сав.) ‘дочь единственная болела у него; около 12 лет от роду; та умирала’ (греч. *ὅτι θυγάτηρ μονογενής ἦν αὐτῷ ὡς ἐτών δώδεκα καὶ αὐτὴ ἀπεθνήσκει*). Здесь **так**о и **га**же являются не столько союзами и союзными словами, сколько специальными служебными средствами членения текста на отдельные предикативные единицы.

Цепочное, или цепное, нанизывание представляло собой один из начальных этапов преодоления паратаксиса, но это было еще довольно свободное соединение простых (элементарных) предложений при помощи присоединительных союзов, прежде всего *и* (а также *а, же, ли, бо*). Цепочные конструкции позднего праславянского периода еще не были сложными предложениями в современном смысле, хотя порядок следования объединенных в такие конструкции простых предложений имел уже и грамматическое значение, а присоединительные союзы уже выступали то в соединительной, то в противительной, то в подчинительной функции. Например, чкъ етеръ імѣ дѣва сѣа • ї рече мѣни снѣ єю оцю оѣе даждь ми • достоїнжж часть імѣньѣ • ї раздѣли іма імѣнье • ї не по мнозѣхъ днєхъ • събѣравъ все мѣни снѣ • отиде на странѣ далече • ї тоу расточи імѣнье свое живты владѣно • їждивъшо же ємоу вьсѣ • вѣстѣтъ гладь крѣпкъкъ на странѣ тої • ї тѣ начатѣ лишити сѣ • ї шѣдъ прилѣпи сѣ єдиноу отъ жителѣ тоѣ странѣ • ї посѣла і на села своѣ пасть свинїи • ї желаше насытити сѣ отъ рожць ѣже ѣдѣхъ свинниѣ • ї никѣтоже дааше ємоу (Лк. 15: 12—16 Зогр.) ‘(1)Некий человек имел двоих сыновей; и сказал младший сын отцу их (обоих): «Отец, отдай мне причитающуюся часть имущества»; и тот разделил между ними имущество; и через несколько дней, собрав все, младший сын ушел в далекий край; и там он растратил все состояние, живя распутно. (2) Когда он все истратил, случился сильный голод в краю том; и он начал нуждаться; и пошел и пристал к одному из жителей той земли; и тот послал его на свои поля пасти свиней; и он рад был уже есть рожки ([а ведь] ими питались свиньи); и никто не давал ему’ (ср. с переводом этого отрывка в § 88).

Синтаксису старославянского языка были свойственны подобного рода цепочные конструкции, характерные для библейских текстов в целом. Подобное «нанизывание» однородных конструкций порой создает трудности при делении текста на самостоятельные синтаксические единицы. Наличие в старославянском конструкций цепочного нанизывания приводит к тому, что главное и придаточное предложения могут одновременно соединяться при помощи подчинительного и присоединительного союзов: **егда же снѣ твої**

ізѣды твое імѣнье • съ љубодѣицами • приде • і закла ємоу телець питомы (Лк. 15:30 Зоґр.) ‘когда сын твой, промотавший твое имущество, пришел, (и) ты заколол для него бычка откормленного’.

В старославянском языке выделяют союзную и бессоюзную формы соединения частей в составе сложного целого и таким образом говорят о бессоюзном и союзном сложном предложении; в свою очередь, союзные предложения, в зависимости от типа союзных средств, делятся на сложносочиненные и сложноподчиненные.

Союзные средства представляли собой союзы и союзные слова. В качестве **союзных слов** могли выступать: *относительные местоимения, относительные наречия и местоименно-именные сочетания*.

Относительные союзные средства можно разделить на *немодальные* (нейтральные) и *модальные*. Модальные имеют дополнительный элемент **аштѣ, колиждо, да** (например, нейтральный вариант — **иже**, модальные — **иже аштѣ, иже колиждо, иже да**).

Относительное местоимение **иже**, вводящее придаточное определительное в старославянском языке и имевшее значение ‘который’, ‘тот кто’, ‘то что’, представляло собой соединение указательного местоимения **и** и частицы **же**, при согласовании данного относительного местоимения с соответствующими словами главного и придаточного предложений менялась только первая часть (**иже, югоже, кмоуже** и т. д.): **хлѣбъ во іже азъ дамъ • плѣтъ моѣ естѣ • иже азъ дамъ за животъ всего мира** (Ин. 6: 51 Зоґр.) ‘хлеб, который я дам, — это плоть Моя, которую я отдаю за жизнь всего мира’; **что же видиши сжць • іже естѣ въ очесе брата твоего • а брѣвна еже естѣ въ очесе твоємъ не чюєши** (Лк. 6: 41 Зоґр.) ‘Что же ты смотришь на щепочку в глазу брата своего, а бревна, которое в твоём глазу, не замечаешь?’.

Относительные наречия, употреблявшиеся в качестве союзных средств с обстоятельственными придаточными, были следующие (приводим только нейтральные варианты; как указывалось ранее, модальные варианты образовывались посредством прибавления к нейтральным вариантам компонентов **аштѣ, колиждо, да**):

— в значении места: **идеже** (и его варианты **иде, ижде, иждеже, кѣде, кѣдеже**);

— в значении направления: **аможе** ‘куда’, **юдоуже, юдѣже, отъниждоу, отъниждоуже, отъниждѣже, отъкъдоуже** ‘откуда’;

— в значении времени: **югда, югдаже, вѣнегда, вѣнегдаже** ‘когда’. Иногда во временном значении могли употребляться и союзы места (**ижде, иждеже, кѣде, кѣдеже**). В значении ‘до тех пор пока’ встречались наречия: **донжде** (и варианты **донжде, донждеже, дожде, донжде, донждеже**), **донелиже (донелѣже)**; в значении ‘с тех пор как’ **отънели, отънелиже, отънелѣже**;

— в значении степени (количества) — в одинаковой степени: **кѣико, кѣикоже, кѣь, кѣьма, кѣьмаже, кѣьми, кѣьмиже**, в разной степени — **неже, нежелѣ, некѣли, негѣли**;

— в значении причины: **зане**, **занеже**, **поне**, **понеже**. В этом значении также могли использоваться некоторые количественные наречия (**кълма**, **кълмаже**, **кълми**), наречия места (**иде**, **ижде**, **иждеже**) и застывшая форма Т. п. местоимения **иже** — **имъже**;

— в значении условия — количественные наречия **къль** (**къли**) и **кълико**.

В предложениях с *косвенными вопросами* в качестве союзных слов выступают следующие местоимения и наречия: **къто**, **чьто**, **къни**, **каторъни**, **чини**, **какъ**, **каковъ**, **къде**, **отъкъждоу**, **камо** ‘куда’, **къгда**, **коли**, **доколѣ**, **како**, **коликъ**, **колико** ‘сколько’.

Бессоюзное сложное предложение встречается в старославянском языке довольно редко, в основном при перечислении однородных явлений, например в составе наставлений: **бoлaштъмь ѿцѣлнтѣ • мрътвътъмь въскрѣшантѣ • прокаженътъмь очиштантѣ • бѣсты ѿгоннтѣ** (Мф. 10: 8 Зогр.) ‘больных исцеляйте, прокаженных очишайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте’.

§ 99. Сложносочиненное предложение

Для сложносочиненного предложения в старославянском языке свойственны те же особенности, что и для сложного предложения в старославянском языке в целом, — неполная семантическая дифференцированность сочинительных союзов, их синкретизм, возможное сочетание сочинительного и подчинительного компонентов в значении. Например, союз **а** помимо сочинительных значений (противительного ‘но’ и соединительного ‘и’) мог иметь и значения подчинительные, как то: ‘если’, ‘хотя’.

В роли соединительных союзов в старославянском языке могли выступать следующие слова: **и**, **и... и**, **ни**, **ни... ни** (при отрицании), **да**, **же**, **ти**, **то**, **а**, **таже**, **толи**. Помимо собственно соединительного и присоединительного значения они могли иметь и дополнительные оттенки, в частности, **а** мог выполнять роль соединительного союза с оттенком сопоставления, **то** мог играть роль присоединительного союза с оттенком следствия, **таже** был соединительным союзом с обобщающим оттенком ‘затем, итак’.

Приведем примеры употребления в старославянских текстах предложений с некоторыми из этих союзов: **в’сѣкъты гадъты • штидѣтѣ отъ лозитѣ • штъ нивъ • штъ врьтоградъ • ти отиди въ горы поустьтъмь** (Евх. 59а.23) ‘все змеи, уйдите из лоз, с нив, из садов, и уйдите в пустынные горы’; **не послушаекте ли мене молаштоу ми сѧ вамъ • то ноудите ма повелѣнок отъ цѣсара сътворити** (Супр. 178.3) ‘не слушаете меня, когда я вас прошу, и [поэтому] заставляете меня выполнить повеленное цесарем’; **принесоша дрѣва и огнь • и ѿдегоша въ ровѣ • таже повелѣ въврѣштити паула и**

улианинѣ въ огнь (Супр. 5.14) ‘принесли дрова и огонь, и разожгли [костер] в яме, и повелел бросить Павла и Иулиану в огонь’.

В роли противительных союзов употреблялись **а, же, нъ, обаче, ли** (в составе сочетаний **аще ли, кгда ли** — ‘но если’, ‘но когда’) и некоторые др. Например: **имѣахъ во масло не обильно же** (Супр. 370.27) ‘у них было масло, но не в избытке’; **дъштери еѣмскы • не плачите са о мнѣ • обаче себе плачите са** (Лк. 23: 28 Зогр.) ‘дщери Иерусалимские! Не плачьте обо мне, но плачьте о себе’; **не оумрѣтъ во дѣвица нъ спитъ** (Зогр. Мф. 9: 24) ‘не умерла девица, но спит’; **аште оубо бждетъ око твое просто • все тѣло твое бждетъ свѣтло • аште ли око твое лжкво бждетъ • все тѣло твое тъмно бждетъ** (Мф. 6: 23 Зогр., Мар.) ‘если око твое будет чисто, все тело твое будет светло, но если око твое будет худо, все тело твое будет темно’.

В качестве сопоставительных союзов использовались **не тѣкъмо/ тѣкъма/ тѣниж/ просто... нъ и: сего ради не самъ тѣкъмо приде • нъ і ны творшѣ таковаа** (Клоц. 9а.31) ‘поэтому не только сам он пришел, но и другие это делают’; **тоже не просто словесы кыими • нъ и дѣлесеь винны сътворити своѣ оученикы • рѣшити и вазати** (Супр. 358.6) ‘не только словами разными, но и делом нужно обязать своих учеников «освобождать и связывать»’.

К числу разделительных союзов относились: **или, или... или, ли... ли, либо, либо... ли** — и некоторые другие: **исправи имъ пѣтъ • ли по земли • ли по морю • ли по влатомъ • ли по рѣкамъ** (Евх. 18б.5—7) ‘сделай прямым их путь по земле, или по морю, или по болотам, или по рекам’; **либо въ вторжж • либо въ третнж стражж придетъ** (Лк. 12: 38 Зогр.) ‘либо во вторую стражу придет, либо в третью’.

§ 100. Сложноподчиненное предложение

В зависимости от синтаксической функции придаточного предложения в старославянском языке, как и в современном русском, можно выделить следующие типы сложноподчиненных предложений: предложения с придаточным изъяснительным, с придаточным определительным и придаточным обстоятельственным (времени, причины, условия т. д.).

В качестве союзных средств в сложноподчиненном предложении могли употребляться подчинительные союзы **такъ, еда, аще** и др. и союзные слова — относительные местоимения и наречия **иже, идеже, дондеже** и др.

Сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными

Придаточные изъяснительные относятся к сказуемому главного предложения, при этом сказуемое может быть выражено как лич-

ной формой глагола, так и причастием, в его состав мог входить инфинитив или супин, оно могло быть также составным именным: **мы вѣмь** (личная форма) **ѣко чѣкъ съ грѣшенъ естѣ** (Ин. 9: 24 Мар.) ‘мы знаем, что этот человек грешен’; **видѣвъ** (прич.) **же и съ ѣко сѣриштетѣ съ народъ** (Мк. 9: 25 Мар.) ‘увидел же Иисус, что сбегается народ’, **поманж же семоу симонъ петръ въпросити** (инф.) **кто оубо естѣ о немже глетѣ** (Ин. 13: 24 Мар.) ‘Симон Петр сделал ему знак спросить, кто тот, о котором он говорит’; **и придж видѣтъ** (супин) **что естѣ вѣвъшее** (Мк. 5: 14 Мар.) ‘и пришли посмотреть, что случилось’; **нѣсмъ достоинъ** (прил.) **да въ домъ мои внидеси** (Мф. 8: 8 Мар.) ‘[я] не достоин, чтобы ты вошел в мой дом’.

В качестве союзных средств, используемых для введения придаточного изъяснительного предложения, используются подчинительные союзы, союзные слова и частицы, среди них: **іако**, **іакоже** ‘что’, **да** ‘чтобы’ (после глаголов с модальным значением), **иже** ‘то, что’, **ли**, **ѣда**, **къго**, **что**, **къи** ‘какой’, **какъ**, **коликъ** ‘сколько’, **чи** ‘чей’, **къде** ‘где’, **камо** ‘куда’, **когда** и ряд других¹.

Союзы **іако/ако** и **іакоже/акоже** употреблялись в немодальном значении ‘что’ после глаголов со значением речевой деятельности (**реци**, **глаголати**, **повѣдати**, **чисти**, **пѣсати** и др.), мысли (**вѣдѣти**, **знати**, **разоумѣти**, **оучити**...), чувств (**видѣти**, **слышати**, **чоутти**) и эмоционального состояния (**радовати сѧ**, **дивити сѧ**): **възвѣщж ѣко оуслыша гласъ мой** (Син. 54.18) ‘и возведу, что Он услышал голос мой’; **чоухъ іако ничѣгоже жтѣ** (Супр. 141.5) ‘я почувствовал, что они — ничто’; **не диви сѧ ѣко рѣхъ ти • подоваетѣ вамъ родити сѧ съвѣше** (Ин. 3: 7 Мар.) ‘не удивляйся тому, что Я сказал тебе: «должно вам родиться свыше»’.

В модальном значении употреблялись союзы **да**², **іако да** ‘чтобы’, **къда** (в отрицательном значении ‘дабы не’): **блуди сѧ оубо ѣда свѣтъ иже естѣ въ тебѣ тѣма естѣ** (Лк. 11: 35 Мар.) ‘блуди себя, дабы свет, который в тебе, не стал тьмой’; **и вратъникоу повелѣ да вѣдитѣ** (Мк. 13: 34 Мар.) ‘и приказал привратнику, чтобы бодрствовал’.

В качестве союзного слова со значением ‘то, что’ употреблялось относительное местоимение **иже** в соответствующей форме, а также местоимения **клико** / **кликоже**. По происхождению **иже** восходит к сочетанию **и** (указательное местоимение) + **же** (частица); поскольку в данном сочетании изменяемая часть стоит первой, то при склонении меняется только она, и к ней примыкает неизменяемое **же**, например: **егоже**, **емоуже**, **имъже** и т. д. Приведем примеры: **и еже** (И. ед. с. р.) **иматѣ отъимжтѣ отъ него** (Лк. 19: 26 Мар.) ‘и то,

¹ Полный список союзов, возможных в придаточном изъяснительном, см., в частности: Граматика на старобългарския език. С. 481.

² Союз **да**, как и многие союзы, происходит из частицы (так же как, например, **же**, **во**, **ли**).

что имеет, отнимут у него'; **помните кгоже** (Р. ед. ср. р.) **слышасте** (Супр. 136.7) 'помните то, что вы слышали'; **всѣ елико всхотѣ сътвори гь** (Син. 134.6) 'все, что захотел, сотворил Господь'.

С модальным оттенком ('что бы ни', 'кто бы ни' и т. д.) могут употребляться те же созные слова в сочетании с **аще** или **колиждо** (**иже аще**, **иже колиждо**, **кликко аще**, **кликко колиждо**): **егоже аште прошиши дамь ти** (Мк. 6: 23 Мар.) 'чего ни попросишь [чего бы ты ни попросила], дам тебе'; **и елико аште обрштите призовѣте на бракъ** (Мф. 22: 9 Мар.) 'и вы ни найдете, зовите на брачный пир'.

В изъяснительных предложениях, являющихся косвенными вопросами, в зависимости от характера косвенного вопроса в роли союзного слова могут выступать союзы (частицы) и разнообразные местоимения и наречия, среди них: в общем вопросе — **ли**, **аще**; в частных вопросах — **къто**, **что**, **къде**, **камо**, **когда**, **коли**, **колико** и др.: **пилатъ же слышавъ галилеѣж въпроси и аште чѣкъ галилѣискъ естѣ** (Лк. 23: 6 Мар.) 'Пилат, услышав о Галилее, спросил его, галилеянин ли Он'; **понеже не вѣмъ доколѣ живи вждемъ** (Евх. 70в.25) 'поскольку не знаем, как долго проживем'; **и не обрѣтаахъ что сътворатъ емоу** (Лк. 19: 48 Мар.) 'и не находили, что сделать с ним'; и **ѣможе азъ идж вѣсте** (Ин. 14: 4 Мар.) 'и куда Я иду, вы знаете'.

Сложноподчиненные предложения с придаточными определительными

В качестве основного союзного средства при придаточных определительных выступало относительное местоимение **иже** 'который'. Местоименная часть и согласовывалась в роде и числе с существительным, к которому относилось придаточное предложение, и ставилась в том падеже, которого требовал глагол в придаточной части (т. е. вела себя так же, как в современном русском языке местоимение *который*). Помимо местоимения **иже** в качестве союзных средств могли употребляться такие союзные слова, как **какъ**, **какъже**, **кликъ**, **каторъи**, **идеже**, **къдеже**, **вънегда**, **къто**, **что** и т. д.

В качестве главного слова, к которому относилось придаточное, мог выступать практически любой член предложения.

Когда местоимение **иже** употреблялось в значении современного 'тот, кто', 'то, что', придаточное предложение могло играть роль подлежащего: **иже вы приемлетъ ма приемлетъ** (Мф. 10: 40 Мар.) 'тот, кто принимает вас, принимает меня' или выступать дополнением к сказуемому: **они же не разоумѣша • что вѣша • ѣже** (И. мн. с. р.) **глаше имъ** (Ин. 10: 6 Мар.) 'они не поняли, что было то, что он им говорил'.

Когда союзное слово означало ‘который’, придаточное предложение могло относиться:

— к существительному: *і силы ѡже* (И. мн. ж. р.) *сѣтъ на нѣсхъ подвижатъ са* (Мк. 13: 25 Мар.) ‘и силы, которые на небесах, поколеблются’; *хлѣвъ во егоже азъ дамъ • плътъ моѣ естъ • ѡже азъ дамъ за животъ всего мира* (Ин. 6: 51 Асс.) ‘хлеб же, который я дам, есть плоть моя, которую я отдам за жизнь всего мира’;

— к местоимению: *и молитъ поустити нѣкоторыа • иже* (И. мн. м. р.) *то имъ съкажѣтъ* (Супр. 374.13) ‘и просит пустить некоторых, которые им это объяснят’;

— к субстантивированным формам числительного, причастия, цельного словосочетания: *і съвыстѣ са писаное еже* (И. ед. ср. р.) *гѣтъ* (Мк. 15: 28 Мар.) ‘и сбилось написанное, которое гласит’.

Приведем примеры с другими словами в функции союза при придаточном определительном предложении: *вждетъ во тогда скръь велиѣ • ѣкаже нѣстѣ была отъ начала въсего мира до селѣ • ни иматъ быти* (Мф. 24: 21 Мар.) ‘ибо тогда будет скорбь великая, какой не было от начала мира доньше и не будет’; *въпрашааше же часа отъ нихъ • въ которы соулѣ емоу въыстѣ* (Ин. 4: 52 Зогр.) — *въпраша же години отъ нихъ • въ кѣж соулѣ емоу въѣ* (Мар.) ‘он спросил у них, в котором часу тому стало легче [букв. он спросил у них час, в который тому стало легче]’; *възвратѣ са въ храмъ мой • отъниждоуже изидѣ* (Мф. 12: 44 Мар.) ‘возвращусь в дом мой, откуда [из которого] я вышел’; *единѣ же на десѣте оученикъ идѣ въ галилеѣ • въ горѣ ѣможе повелѣ имъ иѣтъ* (Мф. 28: 16 Мар.) ‘Одиннадцать учеников пошли в Галилею, в гору, куда [на которую] повелел им Господь’.

При наличии модальных оттенков в придаточном предложении в качестве союзного средства использовалась составная форма, как то *иже аще, иже колиждо, иже чѣто, кѣко аще, ѣкоже колиждо* и т. п.; *въѣ оубо елико аште рекѣтъ вамъ влюсти • съблюдаите и творите* (Мф. 23: 3 Мар.) ‘итак, все, что бы ни повелели вам соблюдать, соблюдайте и делайте’. Значение желательности, предопределенности могло выражаться с помощью союза *да*: *приде година да прославитѣ са сѣтъ члѣвскъ* (Ин. 12: 23 Мар.) ‘пришло время [в которое суждено] прославиться Сыну Человеческому’.

Сложноподчиненные предложения с придаточными обстоятельными

Сложноподчиненные предложения с придаточным обстоятельным имели значения места, времени, причины, цели, условия, следствия, уступки, образа действия, степени.

В качестве союзных элементов при придаточных места могли выступать многие относительные наречия и местоименные сочтения. Среди них: *идеже* ‘где’, *иждеже* ‘где’, *къде* ‘где’, *глагоже* ‘куда’, *ждоуже* ‘куда’, *ждѣже* ‘куда’, *отъниждоуже* ‘откуда’, *отъниждѣже* ‘откуда’, *отъкъждоуже*, *на немьже мѣстѣ*, *въ нъже домъ*, *въ нъже градъ*. Например: *жъижд идеже не сѣвѣхъ • і сѣбиражд ждоуже не расточихъ* (Мф. 25: 26 Зогр.) ‘я жну, где не сеял, и собираю, где [куда] не рассыпал’; *идѣвѣ въ црѣкѣвиште иждеже стоитъ богъ твои* (Супр. 227.22) ‘[мы оба] пойдем в храм, где стоит бог твой’; *і въ нъже градъ колнжда внидете • і приемлѣтѣ въ • ѣдите прѣдлагаемаѣ вамъ* (Лк. 10: 8 Зогр.) ‘В какой город вы ни войдете [куда бы вы ни пришли], и если примут вас, ешьте предлагаемое вам’.

Союзы придаточных предложений времени также довольно многочисленны: *кгда(же)* ‘когда’, *вънегда(же)* ‘когда’, *донде(же)* ‘до тех пор пока’, *донелиже* ‘пока’, *ижде* ‘когда’, *отънели* ‘с тех пор как’ и ряд других. Приведем примеры: *нъ по томъ егда воскрѣснжд варѣж въ въ галилеи* (Мк. 14: 28 Мар.) ‘но когда я воскресну, предварю вас в Галилеи’; *и въиѣ вънегда съконча нѣ всѣ словеса сѣи • дивлѣахъ сѣ народі • о оучении его* (Мф. 7: 28 Асс.) ‘и было, когда закончил Иисус все эти слова, удивились люди учению Его’; *сѣди о деснѣж мене • дондеже положѣ врагѣ твоѣ • подъножью ногама твоима* (Лк. 20: 43 Зогр.) ‘сиди одесную Мне, до тех пор пока не положу врагов Твоих в подножие ног Твоих’; *слоужитъ ми донелѣже гамъ и пнѣж* (Лк. 17: 8 Сав.) ‘служит мне, пока ем и пью’; *трети се дънь иматѣ • отънелиже си вѣшл* (Лк. 24: 21 Зогр.) ‘уже третий день с тех пор, как это произошло’.

Придаточные предложения со значением образа действия вводят союз *так* и его варианты *также*, *такосе*, *ако* и т. д.: *шедѣша же оученика и сѣтворша ѣкоже повелѣ имъ нѣ • привѣсте ослѣ и жрѣва* (Мф. 21: 6—7 Асс.) ‘Ученики (два ученика) пошли и поступили так, как повелел им Иисус. Привели (они двое) ослицу и осленка’; *ѣко таетѣ воскъ отъ лицѣ огнѣ • тако погвѣнѣтѣ грѣшнѣици отъ лица вѣжѣ* (Син. 67.3) ‘как тает воск от огня, так нечестивые погибнут от лица Господа’; *и възлюбѣши искрѣнѣаго своего ако и самъ сѣ* (Мф. 19: 19 Асс.) ‘люби ближнего своего, как самого себя’.

Сложноподчиненные предложения с придаточными причины имели разные союзные средства. В первую очередь причинное значение выражалось союзами *зане(же)*, *поне(же)* и несколько реже союзами *имьже*, *къма*: *і се вѣдѣши мльчѣ • до негоже дъне вѣдетѣ се • зане не вѣрова • словесемъ моимъ* (Лк. 1: 20 Зогр.) ‘ты будешь молчать (будешь молчащим) до того дня, как это сбудется, потому что ты не поверил словам моим’; *не достоино естѣ вѣложити*

его въ каръванж поѣже цѣна кръве естѣ (Мф. 27: 6 Зогр.) ‘нельзя положить его в сокровищницу церковную, потому что это цена крови’; **нѣтъ • не въдааше себе въ вѣрж ихъ • имъже самъ вѣдѣаше въсе** (Ин. 2: 24 Зогр.) ‘Иисус не был откровенным с ними, потому что он единственный знал все’; **къма же молитвы проси молитвъ дастъ** (Супр. 308.12) ‘поскольку ты просил молитву, молитву он дал [тебе]’.

Среди других союзов, которые могли вводить придаточное предложение причины, — союзы **пакѣ, кже: вѣдите оубо ѣко не вѣсте дньи ни часа** (Мф. 25: 13 Мар.) ‘Итак, бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа...’; **снѣ же плакааста сѣ и тѣжааста о томъ кже сътвориста зьло много** (Супр. 211.22) ‘они же [оба] плакали и сожалели об этом, потому что наделали много зла’.

Придаточные предложения цели вводятся союзами **да, пакѣ(же), пакѣ(же) да: се изиде сѣвѣи да сѣтѣтъ** (Мф. 13: 3 Мар.) ‘вот вышел сеятель, чтобы сеять’; **і съважатѣ и въ снопы • ѣко съжешти ѡ** (Мф. 13: 30 Мар.) ‘и свяжите в снопы, чтобы сжечь их’. В значении ‘чтобы не, как бы не, а не то’ употреблялся союз **ѣда**, который, как и союз **да**, находился при личной форме глагола: **онъ же рече ни • ѣда въстрѣгажште плѣвелъ въстрѣгнете коупно съ нимъ і пшеницѣ** (Мф. 13: 39 Зогр.) ‘он же сказал им: «нет», чтобы, выдергивая плевел, вы не выдернули вместе с ним и пшеницу [= а не то, выдергивая плевел, вы выдернете и пшеницу]’. В греческом языке в случае отрицания в предложении со значением цели мог использоваться союз $\mu\acute{\eta}\tau\omicron\tau\epsilon$, в состав которого входит местоименный элемент $\tau\omicron\tau\epsilon$. Следует отметить, что в старославянских текстах этому союзу, в зависимости от контекста, соответствовали составные союзы с разными местоименными компонентами — **ѣда кѣто, ѣда како, къда когда** и т. д.: **просвѣтѣ очі моі ѣда когда оусънѣ во съмрѣтѣ** (Син. 12.4) ‘просвети очи мои, да не [= а не то] усну [сном] смерти’; **ѣгда възъванъ вѣдѣши на бракъ • не сѣди на прѣдѣнѣмъ мѣстѣ • ѣда кѣто чьстѣнѣи тебе вѣдетъ • зъваныхъ** (Лк. 14: 8 Зогр.) ‘когда ты будешь позван на свадьбу, не садись на первое место, чтобы не случился [= а не то случится] кто из званых почетнее тебя’. В данном случае перед нами, с одной стороны, еще один пример влияния греческого синтаксиса на старославянский, а с другой — пример, демонстрирующий не механическое калькирование оригинала, а использование наиболее адекватных средств славянского языка для передачи соответствующей греческой модели.

Придаточные предложения условия вводятся союзом **аще** и его вариантами, в частности **аще да** или, с ограничительным оттенком, — **аще тѣчнѣж** ‘если бы только’. В редких случаях придаточные предложения условия могут вводиться некоторыми другими союзами, в частности союзами **а** и **къи**. Приведем примеры: **аштѣ азъ**

свѣдѣтельствовуѣх о мнѣ • свѣдѣтельство мое нѣстѣ истинно (Ин. 5: 31 Зогр.) ‘если я свидетельствую сам о себе, свидетельство мое неистинно’; аште ли да вѣроуѣши въ господъ нашъ їс хс • то избѣдѣши болѣзни тоа лютыа (Супр. 222.24) ‘если уверуешь в Господа Нашего Иисуса Христа, то избавишься от этой лютой болезни’; възвѣштѣх о тебѣ къ цѣсарю... тѣчѣх аште вѣты благодарственши (Супр. 100.16) ‘возвещу о тебе цесарю... если только ты возблагодаришь Бога’; їи а вѣты вѣмъ съде • не вѣты оумрѣтъ ми братѣ (Супр. 306.24) ‘Господи, если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой’.

Придаточные предложения следствия всегда стоят после главного предложения и присоединяются к нему союзами **іако**, **іакоже**, **да**. В евангельских текстах и Псалтыри употребляются союзы **іако** и **да**, в Супрасльской рукописи преобладает **іакоже**: **о нѣхъже сънѣмъшемъ сѣ тѣмамъ народа • ѣко прѣпираахъ дроугъ дроуга • начатъ глѣти къ оученикомъ своимъ • прѣвѣе** (Лк. 12: 1 Зогр.) ‘между тем, когда собрались тысячи народа, так что теснили друг друга, он начал говорить сперва своим ученикам’; **толикъ во дарѣ дастъ сѣ кмоу • іакоже кмоу словомъ вѣскорѣ прогонити нечистыхъ дѣхъ** (Супр. 531.23) ‘столь великий дар был дан ему [= ему было принесено столько даров], что вскоре прогнал словом нечистых духов’. В последнем предложении в придаточной части вместо личной формы глагола представлен инфинитив, подобное употребление довольно распространено в старославянских текстах и является калькой греческого оборота $\psi\sigma\tau\acute{\epsilon}/\acute{\omega}\varsigma$ с инфинитивом в значении следствия.

В придаточных предложениях уступки в качестве союзов употреблялись: **аще** (и варианты: **аще и**, **и аще**), реже **цѣ**, **тоже**: **аште і ба не боѣх сѣ • і чѣкъ не срамлѣхъ сѣ • за не творитъ ми троуда вѣдовца си да мыштѣх еа** (Лк. 18: 4 Зогр.) ‘хотя я и Бога не боюсь, и людей не стыжусь, но поскольку эта вдова доставляет мне беспокойство, защищу ее’; **и не въ годѣ проснѣа • цѣ и ничтоже онѣхъ дѣвицъ чловѣколюбивѣх** (Супр. 373.1) ‘и не вовремя попросили, хотя не было никого человеколюбивее тех девушек’.

В придаточных предложениях степени в зависимости от характера выражения степени (имеется в виду одинаковое или разное выражение степени в главном и придаточном предложениях) выделяются две группы союзных средств.

1. Для выражения одинаковой степени — наречия **іако(же)**, **іакоже**, местоимение **іако**: **аще кѣто гнѣваетъ сѣ на брата своего • іакоже денѣ гнѣвъ дрѣжитъ • толико да поститъ сѣ о хлѣбѣ о водѣ** (Евх. 104в.12) ‘если кто прогневается на брата своего, то сколько дней держит гнев, столько ему поститься на хлебе и воде’; **іако вѣма съ совоѣх имѣтъ жениха • не имѣтъ постити**

сѧ (Мк. 2: 19 Мар.) ‘сколько времени с ними жених, [столько] не могут поститься’.

2. Для выражения разной степени, т. е. при придаточных сравнения, — *неже, нежели, негъли (некъли): дѣврѣе ти естѣ маломоштинѣ въ животѣ вънити • нежели обѣ рѣцѣ имѣштю іти въ кеонѣ* (Мк. 9: 43 Зогр.) ‘лучше тебе вечному идти в жизнь, чем с обеими руками идти в геенну’; *оудобѣе естѣ вельвѣдѣ сквозѣ иглинѣ оуши проіти негъли богатоу въ црѣствие вѣне* (Мф. 19: 24 Сав.) ‘удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, чем богатому войти в Царство Божие’.

В главной части сложноподчиненного предложения возможно наличие соотносительных слов — указательных частиц *то, тѣ, местоимений тѣ, тожде* и др., наречий *тѣгда, тоу, толико, тако* и т. д. Например: *аште оубо свѣтѣ іже въ тебѣ тѣма естѣ • то* [Зогр., Мар. тѣ] *тѣма кольми* (Мф. 6: 23 Асс., Сав.) ‘если свет, который в тебе, тѣма, то какова же тѣма?’; *нѣ иже сътрѣпитѣ до коньца • тѣ спасетѣ сѧ* (Супр. 71.1) ‘но кто вытерпит до конца, тот будет спасен’; *еже сътворилѣ естѣ іночады снѣ вѣі • тожде і ты сътвори* (Клоц. 9а.34) ‘что сделал единочадый Сын Божий, то же и ты делай’; *егда же оуслыша ѣко болитѣ • тѣгда же прѣвѣстѣ на немъже вѣ мѣстѣ дѣва дъни* (Ин. 11: 6 Мар.) ‘когда же услышал, что тот болен, тогда пробыл на том месте, на котором находился, два дня’; *ідеже тѣло тоу орлы сънемажтѣ сѧ* (Лк. 17: 37 Мар.) ‘где труп, там соберутся и орлы’.

§ 101. Особенности употребления отдельных союзов

Как отмечалось выше, союзы в старославянском языке еще не всегда были вполне дифференцированы по своему значению. Иногда один и тот же союз мог не только иметь разные сочинительные значения (например, *нѣ*) или разные подчинительные значения (*ѣже*), но и совмещать сочинительное значение с подчинительным, в частности, это было характерно для таких сочинительных по преимуществу союзов, как *и, а, же*.

Например, у союза *и* в старославянском языке можно выделить следующие значения:

— соединительный союз: *і сънидѣ дѣжди і придѣ рѣкы • і възвѣаша вѣтри • і нападѣ на храмѣнѣ тѣ* (Мф. 7: 25 Зогр.) ‘и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и обрушились на дом этот’;

— соединительный с усилительным оттенком (‘как... так и’): *къто оубо съ естѣ • ѣко і вѣтри і море послушажтѣ его* (Мк. 4: 41 Зогр., Мар.) ‘кто же Он, если и ветер, и море повинуются ему?’;

— соединительный с противительным оттенком ('а', 'однако'): **бѣ во оучаѣ ꙗко власть имъы • і не ꙗко кънижници ихъ** (Мф. 7: 29 Зогр.) 'ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи';

— соединительный с разделительным оттенком ('или'): **бѣди же слово ваше • еи • еи • і ни ни** (Мф. 5: 37 Мар.) 'да будет слово ваше «да, да» или «нет, нет»';

— начинательный (вводит новое предложение): **і бѣ члкъ въ ілмѣ • емоуже нма сѣмьонъ** (Лк. 2: 25 Зогр.) 'и был в Иерусалиме человек именем Симеон';

— соотносительный, соединяет предложения, находящиеся в условно-следственной зависимости ('если'... то', '[когда]... тогда'): **градѣта въ слѣдъ мене і сътвориѣ въ чѣомъ ловца** (Мф. 4: 19 Зогр.) 'идите за мной, и [тогда] сделаю вас ловцами человеков';

— соотносительный, соединяет предложения, находящиеся в причинно-следственной зависимости ('[потому что]... поэтому'): **сѣбота естѣ і не достоитѣ тѣбѣ възати одра своего** (Ин. 5: 10 Зогр.) 'сегодня суббота, поэтому не должно тебе взять постели твоей';

— соотносительный, соединяет предложения, находящиеся в уступительно-следственной зависимости ('[хотя]... и все-таки'): **не ꙗкоже ꙗша оци ваши маннѣ і оумрѣша** (Ин. 6: 58 Зогр.) 'не так, как отцы ваши, ели манну и все-таки умерли';

— соотносительный, присоединяет предложение со значением цели ('чтобы'): **остави і изъмж сѣщець із очесе твоего** (Мф. 7: 4 Зогр.) 'позволь, чтобы я вынул сучок из глаза твоего'.

Союз **а**, в свою очередь, помимо противительного значения, свойственного ему в современном русском языке, выражал и ряд других значений. Он мог выступать, в частности, и как присоединительный союз, и как соединительный (с оттенком сопоставления), и как условный (только в Евх.), а в редких случаях — и как уступительный. Например, **аще кѣто оукрадетѣ • главъно чѣто... дѣ лѣта да покаетѣ сѣ • а ли мало чѣто оукрадетѣ • вѣ лѣта да покаетѣ сѣ** (Евх. 1026.7) 'если кто украдет что-то важное, пусть кается четыре года, если украдет что-то малое, пусть кается два года'; **землѣ мимондетѣ а словеса моѣ не мимондѣтѣ** (Лк. 21: 33 Зогр., Мар., Асс., Сав.) 'небо и земля пройдут (исчезнут), тогда как слова Мои не пройдут'.

Одним из самых многозначных подчинительных союзов был **яко**, который мог выступать в значении:

— изъяснительного союза 'что': **не мните ꙗко придеѣ разоритѣ закона** (Мф. 5: 17 Зогр., Асс.) 'не думайте, что Я пришел, чтобы нарушить закон';

— причинного союза 'потому что, так как': **величитѣ дѣла моѣ гдѣ... ꙗко призьрѣ на сѣмѣренъе рабъы своеѣ** (Лк. 1: 48 Зогр.) 'возра-

довалась душа моя о Господе... потому что Он призрел на смирение Рабы Своей’;

— временного союза ‘когда’: **да ако вѣстѣ посрѣдѣ рѣкы • пакы вѣскрича** (Супр. 154.18) ‘и когда был посреди реки, тогда закричал’;

— союза цели ‘чтобы’: **да испълнѣтъ съ оуста моѣ похвалы • ѣко да вѣспоѣж слава твоя** (Син. 70.8) ‘да наполнятся уста мои похвалою, чтобы воспеть славу Твою’;

— следственного союза ‘так что’: **сърѣтосте и дѣва вѣсна... люта зѣло • ѣко не можааше никътоже • минжти пжтемь тѣмь** (Мф. 2: 28 Зогр., Мар.) ‘встретили Его двое бесноватых... весьма свирепые, так что никто не мог пройти тем путем’;

— союза образа действия ‘как’: **прѣдѣ пакы народи къ ѣмоу • і ѣко имѣ обѣчани • пакы оучааше ѡ** (Мк. 10: 1 Зогр., Мар.) ‘снова собрались люди к нему, и он, по обыкновению, снова учил их’;

— сравнительных союзов ‘как’, ‘как будто’: **ї азъ оуничженъ і не разоумѣхъ • ѣко скотъ вѣхъ оу тебе** (Син. 72.22) ‘я был сокрушен и не понимал (ничего); как скот был я пред Тобою’;

— уступительного союза ‘хотя’: **зане никътоже прѣдѣ твоѣж чистъ вѣдетъ • ѣко єдинъ день живъ вѣдетъ** (Евх. 656.21) ‘ибо никто не чист перед Тобой, хоть и один день суждено жить ему’.

§ 102. Прямая и косвенная речь

Прямая речь может вводиться посредством союза **яко**, который в данном случае на русский язык не переводится: **глааше во • ѣко аште прикоснѣ съ понѣ ризѣ его • сїена вѣдѣж** (Мк. 5: 28 Зогр.) ‘ибо говорила: «Если хотя бы к одежде Его прикоснусь, то выздоровею»’; **наплъниша съ страхъмь глаголюще яко видѣхомъ прѣславна днь съ** (Лк. 5: 26 Остр.) ‘были исполнены страха, говорили: «Мы видели чудесное сегодня»’.

Прямая речь может также вводиться сочетанием *ответил..., говоря или сказал..., говоря*, которое является гебраизмом, проникшим в славянский язык через посредство греческого: **отгвѣща имъ иоанъ гла • азъ крѣщаѣ въ водѣ** (Ин. 1: 26 Мар.) ‘Иоанн ответил им, говоря: «Я крещу в воде»’.

При передаче косвенных вопросов в старославянском языке употреблялись соответствующие изъяснительные союзы и союзные слова (см. § 83). Фактически это конструкции прямой речи. В специальных вопросах использовались относительные местоимения и наречия **къто, чьто, къгда, къде** и т. д. (**оуслышѣ чьто речетъ о мнѣ ѣъ ѣтъ** (Пс. 84.9 Син.) ‘послушаю, что скажет обо мне Господь Бог’), а в случае общего вопроса — частица **ли**

(сѣсѣди же ... глаахъ • не съ ли естѣ... (Ин. 9: 8 Мар.) ‘соседи же... говорили, не тот ли это (человек)...’). Вместо частицы *ли* в косвенном вопросе может быть представлена частица *аще* в качестве кальки с греческого *εἰ*: *пилатъ же слышавъ галилеѣжъ въпроси и • аште чакъ галилѣискъ естѣ* (Лк. 23:6 Мар.) ‘Пилат, услышав о Галилее, спросил его, галилеянин ли он’; *въпрашааше и аште чѣто видитѣ* (Мк. 8: 23 Зогр.) ‘(он) спросил его, видит ли он что-нибудь’ (в греч. *εἴ τι βλέπει*).

§ 103. Порядок слов во фразе: проклитики, энклитики, полуэнклитики

Порядок слов в старославянском языке (для слов, имеющих самостоятельное ударение) был свободным. В свою очередь, слова, не имевшие самостоятельного ударения, могли либо примыкать к ударному слову спереди — в этом случае они называются *проклитики*, либо примыкать к ударному слову сзади, и тогда они называются *энклитики*. К числу проклитик относятся, в частности, отрицание *не* и предлоги. К числу энклитик — союзы и частицы *во*, *же*, *ли*, дательный падеж личных *ми*, *ти*, *си*, *ны*, *вы* (см. § 58) и винительный падеж указательных местоимений *и[же]*, *ѡ[же]*, *к[же]* — *и*, *ѡ*, *к*, *ѡ*, *ѡ*.

Энклитики никогда не выступают в начале фразы. Союзы *во*, *же*, например, находятся после первого ударяемого элемента фразы, им может быть первое ударяемое слово в предложении или целое неделимое сочетание. Местоположение этих союзов позволяет установить неделимые единицы в старославянском языке: *не въ мѣрѣжъ во* (Ин. 3: 34) ‘ибо не мерою’, *мимоходаштѣи же* (Мф. 27: 39) ‘проходящие же’ (*мимоходаштѣи*, а не *мимоходаштѣи*). Частица *ли* следует за словом, к которому ставится вопрос: *оучитель вашъ не дактѣ ли дидрагма* (Мф. 17: 24) ‘Учитель ваш не даст ли дидрахмы?’ При переводе славянские книжники стремились следовать порядку слов в греческом языке, однако разночтения, встречающиеся в славянских рукописях, свидетельствуют о том, что в разговорном славянском языке была тенденция ставить энклитику после первого полноударного слова во фразе (ср. Мф. 20: 12): *равъны намъ сътворилъ ѡ еси* (Мар.) — *равъны ѡ намъ сътворилъ еси* (Асс., Зогр.) ‘ты сделал их равными нам’. В случае употребления нескольких энклитик подряд первыми ставятся частицы *же* и *ли* (*дѣѣши ли во, сица же во трапеза*), *ли* обычно стоит перед *же* (*аште ли же идѣ*). Частицы находятся перед местоименными энклитиками, причем у местоимений сначала идет дательный падеж, а затем винительный: *въпросиша же и* (Ин. 5: 12) ‘спросили же его’, *оучѣ*

бо ти естъ (Мф. 5: 29) ‘ибо лучше для тебя’, *приведѣте ми и* (Мф. 17: 17) ‘приведите его ко мне’.

Некоторые слова были близки к энклитикам, однако иногда они могли иметь самостоятельное ударение. Их называют *полуэнклитики*. К ним, в частности, можно отнести формы винительного падежа личных местоимений *мѧ, тѧ, сѧ, нѣ, вѣ*. Употребляясь в качестве безударных вариантов, они находились либо после первого полноударного слова фразы, либо после глагола: *да не прѣдастѣ тебе сѧпрь сѧднѣ • ѿ сѧднѣ тѧ прѣдастѣ слоуѣѣ ѿ въ темницѣхъ вѣврѣжетѣ тѧ* (Мф. 5: 25 Зогр., Мар.) ‘и соперник не отдаст тебя судье, а судья не отдаст тебя слуге и не бросит тебя в темницу’.

§ 104. Влияние греческого языка на старославянский синтаксис

Влияние греческого языка на старославянский сказывается на разных уровнях, но наиболее ярко оно проявляется на уровне лексики и синтаксиса.

Говоря о воздействии греческого языка на славянский в области синтаксиса, важно помнить, что старославянский был *первым письменным* языком славян, а письменный язык всегда существенно отличается от разговорного. Во многих случаях было необходимо использовать определенные синтаксические средства для адекватной передачи переводимых текстов, и в этом смысле греческий язык как язык оригиналов оказал существенное влияние на сложение синтаксиса старославянского языка.

Греческое влияние было сложным и разнообразным, поэтому принято выделять разные типы синтаксических грецизмов. В частности, болгарские исследователи¹ выделяют четыре вида синтаксического воздействия греческого языка на старославянский:

— возникновение *механических калек* с греческих оборотов, не имеющих системного характера;

— существование так называемых *структурных грецизмов* — конструкций, присутствовавших в общеславянском языке, но получивших импульс в своем развитии под влиянием соответствующих греческих оборотов;

— влияние греческого языка на *частоту употребления* той или иной конструкции в старославянском языке. Так, в случае возможной синонимии синтаксических средств — существование двух или более способов для выражения определенного синтаксического

¹ Граматика на старобългарския език. С. 520—523.

значения — в старославянских текстах могла преобладать конструкция, больше соответствующая греческой;

— «*задерживающее*» воздействие греческого языка на активное употребление некоторых исконно славянских оборотов.

1. В качестве некоторых примеров *механических калек* с греческого языка можно, в частности, привести следующие:

1) оборот родительный самостоятельный, являющийся калькой греческого Genetivus Absolutus. Данный оборот встречается несколько раз в Супрасльской рукописи: **и никогоже сѣшита оучителя прѣмѣни сѧ** (Супр. 415.5) *καὶ μηδενὸς ὄντος διδασκάλου μετεβάλετο* 'и когда никого не было, он отвернулся от учителя'. Напомним, что в качестве абсолютивной причастной конструкции в старославянском языке использовался оборот дательный самостоятельный, имеющий, очевидно, славянские корни;

2) буквальный перевод греческой конструкции γενέσθαι εἰς τί — **быти въ что**, например: **вждете оба въ плѣтъ единѧ** (Мф. 19: 5 Мар., Зогр.) *ἔσονται οἱ δύο εἰς σάρκα μίαν* 'и будете оба одной плотью'. Народной речи была свойственна беспредложная конструкция **вждета оба плѣтъ одина**, которая, в частности, преобладает в Саввиной книге;

3) перевод греческого артикля славянским местоимением **нже** в конструкциях с инфинитивом, причастием и т. д., употребленных в функции подлежащего: **а еже не оумъвенами рѣжками • ѣсти не скврънитъ чѣка** (Мф. 15: 20 Мар.) — *τὸ δὲ ἀνίπτους χερσὶν φαγεῖν οὐ κοινὸν τὸν ἀνθρώπου* 'а есть неумытыми руками — не оскверняет человека'.

2. Под *структурными грецизмами* понимают такого рода конструкции, которые «латентно» существовали в рамках возможностей славянского синтаксиса, но получили окончательное оформление и дальнейший стимул в развитии только под влиянием греческого языка. К числу структурных грецизмов можно, в частности, отнести:

1) дательный самостоятельный (см. § 97);

2) складывание многих составных союзов и наречных оборотов.

Например:

на немъже мѣстѣ — ἐν ᾧ τόπω,

въ нже днь аште — ἐν ἧ ἡμέρᾳ,

въ нже мѣрѣ — ἐν ᾧ μέτρῳ и т. п.;

3) использование союза **ѣко**, подобно греческому ὅτι, для ввода прямой речи **гѣаше во • ѣко аште прикоснѧ сѧ понѣ ризѣ его • сѣна вдж** (Мк. 5: 28 Зогр.) — *ἔλεγεν γὰρ ὅτι 'Ἐὰν ἄψωμαι κἂν τῶν ἱματίων αὐτοῦ σωθήσομαι* — 'ибо говорила: «Если хотя бы к одежде Его прикоснусь, то выздоровею»'.

3. Если в старославянском языке существовали синонимичные конструкции для выражения тех или иных значений, влияние гре-

ческого языка могло сказываться в предпочтении конструкций, буквально соответствующих греческим:

1) в разделительном значении была возможна беспредложная и предложная конструкция (**кдинъ нхъ** и **кдинъ отъ нхъ**). Беспредложная конструкция, очевидно, была уже архаичной в разговорном древнеболгарском языке, в то время как предложная, напротив, была более свойственна живому языку. Тем не менее в текстах предпочтение может отдаваться беспредложной конструкции, если ей соответствует таковая в греческом языке;

2) последовательное употребление в обобщенном значении форм множественного числа среднего рода: **і моѣ всѣ твоѣ сжтъ** (Ин. 17: 10 Мар.) — *καὶ τὰ ἐμὰ πάντα σά ἐστιν* — ‘и все мое — твое’;

3) активное употребление в текстах конструкций **выти** + действительное причастие настоящего времени в значении длительного или обычного действия (считается, что эти обороты были редкими в живом языке): **вѣхѡмъ веселаште сѧ** (Син. 125.3) — *ἐγενήθημεν εὐφραινόμενοι* — ‘мы радовались’.

4. Примером «задерживающего» влияния греческого языка на славянский можно считать, в частности, сравнительно редкое употребление конструкции винительный падеж + причастие в винительном падеже (**кого глѣжтъ ма члѡци сжшта** (Мф. 16: 13 Мар.) — *τίνα με λέγουσιν δι' ἀνθρώποι ἔιναι ὁ μεῖς δε τίνα με λέγετε ἔιναι* — ‘за кого люди почитают Меня?'), которой предпочитается оборот с инфинитивом, буквально соответствующий греческому (ср.: **вы же кого ма глѣте выти** (Мф. 16: 15 Мар.) ‘а вы за кого Меня почитаете?’).

Говоря о влиянии греческого языка на старославянский, следует также помнить, что греческий язык богослужбных текстов отличается от классического древнегреческого языка. В частности, на новозаветный греческий язык оказал влияние древнееврейский язык (под влиянием Септуагинты — греческого перевода текстов Ветхого Завета). Семитические элементы, проникавшие в греческий язык, называются *гебраизмами*. Через посредство греческих текстов гебраизмы могли проникать и в славянские тексты. К числу гебраизмов относится, например, употребление форм простого будущего времени в значении императива: **възлюбиши искрънѣго своего і възненавидиши врага своего** (Мф. 5: 43 Мар.) — *ἀγαπήσεις τὸν πλησίον σου καὶ μισησεις τὸν ἐχθρόν σου* — ‘люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего’. Сочетания «пред лицом» [кого-то/чего-то] или «от лица» [кого-то/чего-то] тоже гебраизмы, буквально передающие еврейские составные предлоги с компонентом «лицо»: **отъврѣженъ есмъ • отъ лица очью твоєю** (Син. 30.23) ‘отвержен я от очей твоих’; **веселъ сѧ тако и прѣжде • прѣдъ лицемъ ковчѣга божиа** (Супр. 320.18) ‘радуясь, как и раньше, перед ковчегом Божиим’.

Таким образом, в синтаксисе старославянского языка непосредственно и опосредованно проявляются разные иноязычные влияния.

§ 105. Основные различия между старославянским и современным русским синтаксисом

В заключение перечислим рассмотренные ранее наиболее существенные особенности старославянского синтаксиса.

1. В старославянском языке как первом письменном языке славян нашли отражение общие *особенности древнеславянского синтаксиса*: преобладание паратаксиса (сочинения) над гипотаксисом (подчинением), внутри подчинения — предпочтение согласования управлению (*крѣпость доушная* — ‘крепость души’; *хлѣвъ животъный* — ‘хлеб жизни’), большее распространение беспредложного управления (*оступити кого* — ‘отступить от кого’, *женити дѣвицею* — ‘женить на девице’, *гывати гладомъ* — ‘гибнуть от голода’).

2. Нормой старославянского языка было *определенно-личное предложение*, в котором личное местоимение 1-го и 2-го лица отсутствует, а глагольная форма всегда показывает, кто является субъектом действия (*невѣмъ что глаголюши* — ‘я не знаю, что ты говоришь’). Если же в предложении употребляется личное местоимение, это означает, что на него падает логическое ударение (*азъ же съде гладомъ гываю* — ‘а я здесь от голода погибаю’).

3. Особенностью выражения сказуемого в старославянском языке является возможность употребления *причастия* в роли так называемого *второстепенного сказуемого*, которое могло быть связано со сказуемым — личной формой глагола соединительным союзом (конструкции типа *въставъ и рече*).

4. В сказуемом в формах настоящего времени наличествует связка *вѣтити* (в современном русском языке связка в настоящем времени не употребляется: *Он учитель*).

5. В состав составного именного сказуемого могло входить причастие действительного залога (*вѣститъ кръста, вѣди оуча*) для передачи длительного, повторяющегося или обычного действия.

6. Между подлежащим и сказуемым в отдельных случаях, в частности при словах с собирательным значением (*народъ, дружина, градъ* и т. п.), возможно *согласование по смыслу*, т. е. употребление формы множественного числа сказуемого: *дружина рекоша*.

7. Широкое распространение получил *дательный приименный*: *праздникъ пасце, скръжьтъ збюмъ* (основным приименным падежом современного русского языка является родительный).

8. *Местный падеж* мог употребляться *без предлога*.

9. В качестве предикативного падежа в составе составного именного сказуемого употреблялся *именительный* падеж (нормой современного языка будет творительный предикативный, ср. *Он будет учитель* и *Он будет учителем*).

10. В старославянском языке были возможны *конструкции с двойными падежами*, в частности *двойной дательный* и *двойной винительный*. Второй падеж в этих конструкциях имел предикативное значение, в современном русском языке ему соответствует творительный падеж: *постави мѧ сѣдижъ* ‘поставил меня судьей’.

11. Для выражения отрицания в старославянском языке, помимо являющегося нормой в современном языке *двойного отрицания* (я *ничего не* знаю), было возможно *одиночное отрицание*: *ничьсоже отъвѣштвааше* ‘ничего не отвечали’.

12. В старославянском языке существовали три способа *выражения принадлежности*: притяжательным местоимением или прилагательным (*отъчь домъ*), родительным падежом имени существительного (*домъ отъца*) и дательным падежом имени существительного (*домъ отъцю*).

13. В качестве *определения* могли выступать *краткие формы прилагательных*. Определение могло находиться в препозиции и в постпозиции по отношению к определяемому слову (*морѣ галилѣнско*).

14. В обобщенном значении употреблялось множественное число среднего рода, а не единственное, как в современном русском языке: *вѣста*, а не *вѣск* (рус. *всѣ*).

15. В старославянском языке существовал особый абсолютивный оборот — *дательный самостоятельный*. По своему значению он соответствовал современному придаточному предложению, чаще всего обстоятельственному времени или причины: *нѣоу рождѣшо сѧ въ виѣлеомѣ иудеѣсѣмѣ • въ дни ирода цѣра • се вѣсьви отъ вѣстокъ приѣжъ въ еѣрлмъ* (Мф. 2.1 Сав.) ‘когда родился Иисус в Вифлееме иудейском в царствование Ирода, пришли с востока в Иерусалим волхвы’.

16. Особенностью сложных предложений в старославянском языке являлось наличие *цепочечного нанизывания*, т. е. употребление подряд нескольких предикативных единиц, присоединенных союзом *и* (*он пришел..., и увидели его..., и сказал..., и ответили ему...*). При этом части сложного предложения могут одновременно соединяться посредством подчинительного союза и присоединительного союза *и* или *а*: *аште и вѣси съблазнѧтъ сѧ о тебѣ • а азъ николиже не съблажнѣхъ сѧ* (Мф. 26: 33 Асс.) ‘если и все соблазняются о тебе, (а) я никогда не соблазнусь’.

17. В старославянском языке союзных средств было меньше, чем в современном русском, и они были менее дифференцирова-

ны. Синкретизм некоторых союзов, например **ѣко**, проявлялся в их возможности вводить практически любое придаточное предложение.

18. Особенностью передачи прямой речи является ее введение союзом **ѣко** (**онъ же глѣаше ѣко азъ есмь** 'он же ответил: «Это Я»'), который в данной конструкции на современный язык не переводится. Конструкций косвенной речи, подобных тем, что есть в современном русском литературном языке, в старославянском языке не было.

19. Значительное влияние на формирование старославянского синтаксиса оказал греческий язык. Его воздействие проявлялось не только и не столько в механических кальках, сколько в формировании определенных моделей для выражения разных синтаксических значений.

Контрольные вопросы и задания

1. Прокомментируйте проблему установления границы между предложениями в старославянских текстах.
2. Каково было влияние греческого языка на старославянский синтаксис?
3. Отражается ли в старославянских текстах такая особенность древнего славянского синтаксиса, как *цепочечное нанизывание* предложений?
4. Перечислите наиболее существенные отличия старославянского синтаксиса от синтаксиса современного русского литературного языка.
5. Что представляет собой конструкция *дательный самостоятельный* в старославянском языке? В чем заключается его «самостоятельность»?
6. Какие конструкции с двойными падежами имелись в старославянском языке? Что им соответствует в современном русском синтаксисе?
7. Каким образом выражалось отрицание в старославянском языке?
8. Как в старославянских текстах передавалась прямая и косвенная речь?
9. Какие типы сложноподчиненных предложений существовали в старославянском языке?
10. Каковы были особенности порядка слов в старославянском предложении?

Практические задания

Задание 1. Прокомментируйте употребление определенно-личных и двусоставных предложений в следующих примерах:

сѣгрѣшихъ прѣдавъ кровь неповиннѣж (Зогр.), дрѣзѣите азъ есмь не боѣте сѧ (Зогр.), они же рѣша чьто естѣ намъ ты • оузрьши (Зогр.), глѣ емоу исъ вѣстани вѣзьми одръ твои • і иди въ домъ свои (Мар.), они же глѣша • не имамъ съде • тѣкмо ѣ хлѣбъ • и двѣ ригѣ (Сав.), мнози бо лѣжи съвѣдѣтельствовахъ на ны... ѣко мѣ слышахомъ глѣшше ѣко азъ разорѣхъ

црѣковъ снѣж... (Зогр.), гдѣ имѣ нѣ колико хлѣбѣ имате (Сав.), нѣ же рече имѣ • дадите въ ны имѣ части (Сав.), и гдѣ има • ндѣта въ слѣдѣ мене (Сав.).

Задание 2. Найдите главные члены предложения, укажите, словами каких частей речи они выражены. Прокомментируйте встречающиеся в данных примерах особенности в выражении сказуемого в старославянском языке.

ї пасжштен вѣжаша • ї шьдѣше въ градъ възвѣстиша всѣ о възноуѣ (Зогр.), тѣгда отъвѣшташа етерні • отъ кѣнижнникъ ї фарисѣи... (Зогр.), се їзиде сѣмѣ да сѣетъ (Зогр.), гряды къ мѣнѣ не иматъ възьалкати са (Асс.), милъ ми естъ народъ (Сав.), кѣто естъ мати моѣ • ї кѣто сжтъ братриѣ моѣ (Зогр.), блажени есте егда поносатъ вамъ (Асс.), нѣсмѣ достоинъ да въ домъ мои вѣидѣши (Асс.), [петръ] вѣ сѣда съ слоугами • ї грѣша са при свѣшти (Зогр.), [мжжъ единъ]... гонимъ вѣываше вѣсомъ (Сав.), и высѣмъ въ сьнмишти • очі вѣбашете зьрашти на нь (Асс.).

Задание 3. Укажите особенности согласования подлежащего со сказуемым в следующих примерах:

многъ народъ въ орѣжні придоша на нь (Супр.), вѣпрашаахъ же ко дроужина кмоу (Супр.), и дроугъ дроуга прѣдастъ • и възненавидѣтъ дроугъ дроуга (Асс.), їво и зьмѣа мимо идѣтъ • а словеса моа не мимо иджтъ (Сав.).

Задание 4. Какая особенность выражения сказуемого в старославянском языке встречается в следующих примерах?

ї имѣ за рѣкж слѣпаго • ї изведе и вѣнъ їз вьси (Зогр.), излѣзъ же ис кораблѣ петръ и хождаше по водѣ и приде къ їсѣ (Сав.), ї прѣломъ дастъ оученикомъ хлѣвы (Сав.), и призъвавъ їс отроча и постави є по срѣдѣ їхъ (Сав.), ї сьвѣзавъше и ведоша • ї прѣдаша пжнтъскоумоу пилатоу • ї ѣмоноу (Зогр.), видѣвъ їс многъ народъ • и милосрдовавъ • исцѣли неджжънѣа... (Сав.).

Задание 5. Прокомментируйте особенности выражения определения (согласованного и несогласованного):

ї пришьдъшюмоу на онъ полъ • въ странж ѣерѣсинѣскж (Зогр.), повели намѣ їти въ стадо свиное (Зогр.), исцѣли неджжънѣа имѣ (Сав.), и възаша изьытѣкы оукроухомъ (Сав.) — *ср.* и възаша изьытѣкы оукроухъ (Сав.), тоу вждѣтъ плачь и скръжытъ зьвомъ (Сав.), азъ есмѣ хлѣбъ животнѣныи (Асс.), ї при четвѣртѣи стражи ноштынѣи... (Зогр.) — *ср.* въ дѣ ѡднинж ноши (Сав.), ї приде въ сво грдѣ (Зогр.), всѣкъ їже слышитъ словеса црѣ (Зогр.).

Задание 6. Прокомментируйте особенности выражения обстоятельства (в частности, обратите внимание на выражение цели, причины и на значения предлогов):

пришелъ ли еси сѣмо • прѣжде врѣмене мжжитъ насъ (Зогр.), приде отъ конецъ зьмѣа • слышатъ прѣмждрости соломонѣа (Зогр.), възиде на горж единъ • помолитъ са (Сав.), изидж же народи из града • видѣтъ вѣвьшого (Сав.), да не възвратитъ са вспатъ • възатъ ризъ своихъ (Сав.), блажени и изгнаніи правдѣи раді (Асс.), дхъ гнѣ на мѣнѣ его же раді помаза ма • благовѣстїти ницинимъ посѣла ма ицѣлитъ съкроушенъхъ срѣемъ (Асс.), сего дѣла горьнии • зьмѣнокъ сьпасеникъ проповѣдажште поахъ (Супр.), ї се всь градъ їзиде противж їсѣи (Зогр.), архiereї же ї всь сьнмъ • їскаахъ на їса • сьвѣдѣтельства да ї оувѣжтѣ... ї етерні... лъжж сьвѣдѣтельствоваахъ на нь (Зогр.).

Задание 7. Прокомментируйте употребление отрицания в следующих примерах:

не оу ли чюете ни разоумѣете (Зогр.), ї посылѧ і въ домѣ его гѧл • ни въ весь вьниди • ни повѣждѣ никомоу же въ вси (Зогр.), о дни томѣ и години тої никто же не вѣстѣ ни агли нѣсци • тѣкмо оцѣ единѣ (Сав.), ни в единѣ же отъ ни хуѣ очисти са (Мар.), не прїдѣ праведьникѣ призватѣ • нѣ грѣшникѣ на покаание (Асс.), тѣко не можааше мнѣжтї нікто же пѣтемѣ тѣмѣ (Асс.), никоторѣ же пророкѣ прихтенѣ естѣ въ отечѣствни своемѣ (Мар.), нікогого же спсеньѣ • сімі можемѣ оврѣстї (Клоц.), никѣже ли тебе осжди (Зогр.), да оуже никѣдеже покоа (Супр.).

Задание 8. Объясните свойственные старославянскому языку особенности предложного и беспредложного употребления падежей:

ї трѣми дѣны • їно нержкотворенѣ съзидѣж (Зогр.), ї третнї днь въскрѣснѣжти (Зогр.), и рече градѣжним по немѣ (Асс.), испѣта отъ ни хуѣ врѣма гавльша са звѣзды (Сав.), и прїстѣпѣлѣ єдинѣ отъ • кѣнижнїкѣ рече ємоу • оучителю идѣ по тебѣ... (Асс.), прѣвѣыстѣ оусоровѣ [Соров, название деревни] вси (Супр.), се црѣ твон градѣтѣ тебѣ (Мар.), въ єдинѣ же сѣботѣ (Зогр.), ї искоушеноу вѣгити • отъ старѣ ї архїереї • ї кѣнижнїкѣ (Зогр.), азѣ же сѣде глადомѣ гыблѣж (Зогр.).

Задание 9. Объясните свойственные старославянскому языку особенности глагольного управления:

и прикоснѣ са рѣцѣ емѣ (Асс.), прїкоснѣ са въскрїліи рїзѣ его (Асс.), и дївалѣхѣ са о словесе хуѣ... (Асс.), и рѣга хуѣ са ємоу (Асс.), съвѣштѣста са женити ї дѣвице ж именемѣ анїна (Супр.), імѣ же во сѣдомѣ сѣдите • сѣдатѣ вамѣ (Зогр.), слоушаша словесе моего... иматѣ живота вѣчѣнаго (Мар.).

Задание 10. Укажите способ выражения принадлежности в следующих примерах:

прїзрї на сїа моего • тѣко иночѣдѣ ми естѣ (Асс.), прїстѣпѣше кѣ нѣмоу оученици его (Зогр.), начатѣ оумѣвати носѣ оученикомѣ (Мар.), съинѣ ти живѣ естѣ (Асс.), вѣзлюбїши ближнаго си (Сав.), прїде... слышатѣ прѣмѣдрости соломоѣнѣ (Зогр.).

Задание 11. Найдите и переведите конструкции с двойными падежами: они же видѣвѣше ї по морю хѣдашь (Зогр.), тѣко мѣ слышахомѣ ї глѣшѣтѣ... (Зогр.), чайшѣте кѣмоу живоу вѣгити (Супр.), прѣжде же подобатѣ ємоу мѣного пострадади • ї искоушеноу вѣгити отъ рода сего (Мар.), идѣта въ слѣдѣ мене • и створѣ ва ловыца чловѣкомѣ (Сав.), ти вамѣ сѣдиа вѣдѣтѣ по съпасовоу словеси (Супр.), юже нѣсмѣ достоинѣ нареци са сїѣ твон (Мар.).

Задание 12. Найдите оборот дательный самостоятельный, укажите, в каком значении он употреблен:

ешѣте ємоу глѣшѣтї кѣ народомѣ • се мати ї братрїѣ его стоѣхѣ внѣ їскѣшѣте глѣти ємоу... (Зогр.), слынѣцю вѣснѣвѣшо прїсѣдѣж зане не імѣхѣ кореннѣ (Зогр.), поздѣ же вѣвѣшо прїпадѣж оученици его... (Сав.), и вѣлѣзѣшо ємоу въ коравѣ оулеже вѣтрѣ (Сав.), съпѣшемѣ же чѣкомѣ • прїде врагѣ его и вѣсѣтѣ плѣвѣлѣ (Унд.), толѣка же знаменнѣ сътворѣшо прѣдѣ ними • не вѣровахѣ ємоу (Зогр.), изгѣнѣноу вѣсоу проглагола нѣмѣ (Мар.), сѣвѣштѣмоу ова оубо падоша при пѣтї (Зогр.).

Задание 13. Определите тип сложного предложения, укажите значение союзов:

егда же оузърните мръзость запоустѣнниа... тогда сжстѣи въ нюдеі • да бѣгажтѣ на горы (Сав.), мнози пророци • і праведници • възделѣша видѣти • бже видите (Зогр.), не достоіно естѣ възложити его въ карѣванж • понеже цѣна крѣве естѣ (Зогр.), сънидѣ съ нѣсе • да не творѣж вола моего • нѣ волюж постѣлавашааго ма (Асс.), молѣше же са емоу мжжѣ із негоже бѣси изидж... (Сав.), повѣдаі елико ти створи бѣ (Сав.), и се звѣзда ѡже видѣша на възстоцѣ • идѣше прѣдѣ ними • донѣдеже пришѣдѣши ста на врѣхоу • идеже бѣ отроча (Сав.), тѣкъмо рѣци словомѣ • и ицѣлѣетѣ отроча мои • ибо азѣ чѣкъ есмѣ подѣ владкѣож (Асс.).

Задание 14. Определите значения союза **ѡко** в следующих предложениях:

сърѣтосте и двѣа бѣсъна... люта сѣло • бко не можааше никѣтоже минжти пжтемѣ тѣмѣ (Зогр.), [ис] ... і бко възлѣзѣ въ корабы сѣде (Зогр.), блажени ниши дѣмѣ бко тѣхѣ естѣ црѣство нѣсное (Асс.), кѣде оу насѣ въ поустѣѣ мѣстѣ хлѣбѣ толико • ѡко насѣтити народѣ колики (Сав.), ...і даша на селѣ скждельничи • бко же сказа мнѣ гѣ (Зогр.), бко видѣсте ма и не вѣроуете (Асс.).

Задание 15. Охарактеризуйте особенности употребления прямой речи в старославянском языке на основании приведенных ниже примеров:

і се възъиписте глѣжшта • чѣто естѣ нама і тѣвѣ нсе снѣ вѣі и (Зогр.), бѣси же молѣвахж и глѣжште аште изгониши нѣы • повели намѣ іти въ стадо свиное (Зогр.), внѣ же отѣвѣштавѣ рече імѣ • родѣ лжжавѣ • і любовѣти • знаменитѣ іштѣтѣ • і знамение не дастѣ са емоу (Зогр.), і етерни възставѣше • лжжж съвѣдѣтельствоваахж на нѣ глѣжште • бко мѣы слышахомѣ і глѣжштѣ • бко азѣ разорѣж црѣковѣ снѣж ржкотворенжж... (Зогр.), а сжстѣи въ корави поклонѣша са емоу глѣжце • ѡко тѣы еси въ истинѣж вѣі и снѣ (Сав.), князь етерѣ възшедѣ къ нсоу кланѣаше са нсѣви глѣ бко дѣши моѣ оумрѣтѣ (Асс.), се възсѣви отѣ възстокѣ придѣж въ ерлмѣ глѣжце • кѣде естѣ рожды са црѣ нюдеіскѣ (Сав.).

Задание 16. Прокомментируйте примеры с косвенной речью.

[ис]... възложи ржцѣ на нѣ • възпрашааше и аште чѣто видитѣ (Зогр.), поманж же семоу симонѣ петрѣ възпросити кто оубо естѣ о немѣже глѣтѣ (Мар.), пилатѣ же слышавѣ галилеѣж възпроси и • аште чѣкъ галилѣискѣ естѣ (Мар.), повѣждѣ намѣ когда си вжджтѣ (Мар.).

Задание 17. Найдите гречизмы и гебраизмы в следующих примерах:

и възстѣ егда молѣаше са единѣ • съ нимѣ вѣвахж оученици его • і възпроси ѡ глѣ • кого ма непштѣоужтѣ народи възти (Зогр.), они же рѣша чѣто естѣ намѣ • тѣы оузърниши (Зогр.), глѣ іс разоумѣете ли вса си... іс же рече имѣ • сего ради всакѣ кѣнижникѣ наоучѣ са црѣствію нѣскоумѣ • подобитѣ са чѣкоу домовитоу • иже износитѣ отѣ сѣкровица своего • новата и ветхата • и възстѣ егда сѣконѣча іс притѣгж снѣж • прѣіде отѣтѣждоу (Сав.), подоваатѣ емоу... искоушеноу възти отѣ рода сего (Мар.), възстѣ ноанѣ крѣста въ поустѣнни и проповѣдаѣж (Асс.), не сѣкрыванте сѣѣѣ сѣкровишта (мн. ч.) на земни (Мар.).

Литература

Верещагин Е. М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. М., 1972.

- Грамматика на старобългарския език. София, 1991.
- Златанова Р.* Структура на съставното сказуемо с причастен компонент в старобългарски // Известия на Института за български език. 1973. № 22. С. 73—105.
- Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963.
- Мещерский Н. А.* О синтаксисе древнеславянских переводных произведений // Теория и практика перевода. Л., 1962. С. 83—103.
- Минчева А.* Развој на дателния притежателен падеж в българския език. София, 1964.
- Седлачек Я.* Синтаксис старославянского языка в свете балканистики // Slavia. 1963. № 32. С. 385—394.
- Скупский Б. И.* Лекции по старославянскому языку. Раздел V. Синтаксис. Махачкала, 1960.
- Ходова К. И.* Падежи с предлогами в старославянском языке (Опыт семантической системы). М., 1971.
- Ходова К. И.* Простое предложение в старославянском языке. М., 1980.
- Цакалиди Т. Г.* Общеотрицательные конструкции в древнеболгарских текстах евангелия-тетра X—XI вв. // Старобългаристика. 1981. № 1. С. 48—54.
- Bartula Cz.* Związki czasownika z dopełnieniem w najstarszych zabytkach języka staro-cerkiewno-słowiańskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1964.
- Bartula Cz.* Składnia zdania pojedynczego w języku staro-cerkiewno-słowiańskim. Kraków, 1969.
- Večerka R.* Souvětí se závislymi větami relativními v staroslověnině // Slovo. 1983. № 32—33. С. 15—52.
- Večerka R.* Syntaxis aktivních participií v staroslověnině. Praha, 1961.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО КУРСУ

Учебники и учебные пособия

- Горшков А. И.* Старославянский язык. М., 1963.
Грамматика на старобългарския език / гл. ред. И. Дуриданов. София, 1991.
- Жолобов О. Ф.* Старославянский язык. Задания, таблицы, понятийно-тематический словарь: учебное пособие. Ижевск, 2011.
- Иванова Т. А.* Старославянский язык. 4-е изд., испр. и доп. СПб., 2005.
- Никифоров С. Д.* Старославянский язык. М., 1952.
- Осипов Б. И.* Основы славянского языкознания. Омск, 2004.
- Ремнёва М. Л.* Старославянский язык. 2-е изд., испр. М., 2004. — Приложение: *Ремнёва М. Л., Дедова О. В.* Старославянский язык: Электронный курс. CD; 3-е изд., испр. и доп. М., 2012 (в этом издании книга дополнена гипертекстовым курсом, текстами и словарем).
- Хабургаев Г. А.* Старославянский язык. М., 1974; 2-е изд., перераб. и доп. М., 1986.
- Шевелева М. Н.* Старославянский язык: методические указания для студентов филологических факультетов государственных университетов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997.
- Lunt Horace G.* Old Church Slavonic Grammar. The Hague, 1955; 6th ed. The Hague, 1974.
- Schmalstieg William R.* An Introduction to Old Church Slavic. 2nd Edition Revised and Expanded. Slavica Publishers, Inc. Columbus, Ohio, 1983.

Словари

- Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков). М., 1994; 1999.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд. М., 1986—1987.
- Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974—2012. Вып. 1—38.
- Slovník jazyka staroslověnského. Т. I—IV. Praha, 1966—1997. Репринтное издание: Словарь старославянского языка. Т. I—IV. СПб., 2006.

Классические труды по старославянскому языку

- Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952 (Пер.: *Vailant A.* Manuel du vieux slave. Paris, 1948).
- Ван-Вейк Н.* История старославянского языка. М., 1957 (Пер.: *Van Wijk N.* Geschichte der altkirchenslavischen Sprache. Berlin; Leipzig, 1931).

Каринский Н. Хрестоматия по древне-церковно-славянскому и русскому языкам. Ч. 1: древнейшие памятники. 2-е изд. СПб., 1911.

Кульбакин С. М. Грамматика церковно-славянского языка по древнейшим памятникам. Пг., 1915.

Лескин А. Грамматика древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка. Казань, 1915 (Пер.: *Leskien A.* Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Heidelberg, 1909).

Селищев А. М. Старославянский язык. Ч. I: Введение. Фонетика. М., 1951; Ч. II: Тексты. Словарь. Очерк морфологии. М., 1952.

Фортунатов Ф. Ф. Лекции по фонетике старославянского (церковно-славянского) языка // *Фортунатов Ф. Ф.* Избранные труды. М., 1957. Т. 2.

Diels P. Altkirchenslavische Grammatik. Heidelberg, 1932; 2-е изд. Heidelberg, 1963.

Trubetzkoy N. S. Altkirchenslavische Grammatik. Wien, 1954; 2-е изд. Wien, 1968.

Литература по сравнительно-историческому языкознанию и праславянскому языку

Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков: Введение и фонетика. М., 1961.

Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974.

Бирнбаум Х. Праславянский язык. М., 1987.

Бошкович Р. Основы сравнительной грамматики славянских языков: Фонетика и словообразование. М., 1984.

Бурлак С. А., Старостин С. А. Сравнительно-историческое языкознание. М., 2005.

Гаспаров Б. М., Сигалов П. С. Сравнительная грамматика славянских языков. Тарту, 1974.

Горнунг Б. В. Из предыстории образования общеславянского языкового единства. М., 1963.

Гуйер О. Введение в историю чешского языка. М., 1953.

Лер-Сплавинский Т. Польский язык. М., 1954.

Мейе А. Введение в сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.

Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.

Нахтигал Р. Славянские языки. М., 1963.

Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964; 2-е изд. М., 2002.

Савченко А. Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М., 1974.

Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.

Графико-фонетические особенности славянских языков

Украинский язык

- и** — [ɪ] после твердых согласных: *мити* ‘мыть’, *син* ‘сын’, *сила* ‘сила’;
- і** — [i] после мягких согласных: *синій* ‘синий’, *стіл*, *кінь*, *вугіль* ‘уголь’, *він стоїть* ‘он стоит’;
- е** — [e] после твердых согласных: *море*, *земля*, *реве* ‘ревёт’;
- є** — [je] в начале слова и после гласных или [e] после мягких согласных: *мос*, *єдиний*, *синєс*;
- ї** — [ji]: *їда*, *моїх*, *ти стоїш* ‘ты стоишь’;
- г** — звонкий фрикативный гортанный [h]: *груша*, *година* ‘час’, *горіх* ‘орех’ (в некоторых заимствованиях [g]: *гуля* ‘шишка’, *гвинт* ‘винт’);
- ц** — мягкая аффриката [c’]: *кінець* — *кінця*, *молодиця*;
- ч** — твердая аффриката [č]: *ніч*;
- щ** — [šč]: *дощ*, *щезнути* ‘исчезнуть’;
- ждж** — [ždž]: *їжджу* ‘езжу’.

В отличие от русского отсутствуют буквы: **ъ** (вместо него в разделительной функции используется апостроф «’»: *м’ясо*, *п’ять*, *з’їзд*), **ы**, **э**, **ё** (ср. рус. *лєн*, *его*, *сегоднѧ*, *серьєзный* — укр. *льон*, *його*, *сьогодні*, *серйозний*). Наличие букв **і**, **ї**, **є**, а также апострофа отличает украинский алфавит от русского.

Характерные буквы, которые отличают украинский алфавит от других славянских: **ї**, **є**.

Белорусский язык

- і** — [i]: *сіні* ‘синий’, *ісці* ‘есть’;
- ў** — полугласный [w]: *воўк*, *пісаў*, *прыехалі ў горад* — *прыехаў у горад*;
- г** — звонкий фрикативный заднеязычный [ɣ]: *горад*, *голуб* (в некоторых заимствованиях и в исконных словах после [z]—[g]: *гузік* ‘пуговица’, *розга*, *мазгі*);
- ц**, **дз** — твердые аффрикаты [c], [dž]: *вуліца*, *дзынкаць*;
- ц(ь)**, **дз(ь)** — мягкие аффрикаты [c’], [dž’]: *дзєсяць*, *шыць*, *адзін*, *адзёжа*;
- ч** — твердая аффриката [č]: *чэрап*, *чытаць*;
- шч** — [šč]: *шчыт*, *шчасце*.

В отличие от русского отсутствуют буквы: **ъ** (вместо него используется апостроф «'»): *аб'ява* 'объявление'), **и** (вместо которого — **і**), **щ** (на его месте в соответствующих словах пишется **шч** [šč]).

Характерная буква: **ѷ**.

Болгарский язык

ъ — полужакрытый центральный гласный [ə]: *огън, рѣка, бѣлгарин*;

щ — обозначает сочетание согласных [št]: *щраф, свещ*.

Характерные буквы отсутствуют.

Сербохорватский язык

Два алфавита — кириллический сербский («вуковица», названный в честь Вука Караджича (1787—1864), основателя современного сербского литературного языка, положившего в основу сербского правописания фонетический принцип) и латинский хорватский («гаевица», названный по имени Людевита Гаея (1809—1872), одного из деятелей объединительного движения, приведшего к созданию единого литературного сербохорватского языка на базе штокавского диалекта).

ч = **ć** — твердая аффриката [tʃ]: *мучати* 'молчать', *ключ*;

ц = **dž** — сочетание твердых согласных [dʒ]: *џеп* 'карман';

ћ = **tj/é** — глухая палатальная аффриката [tʃ]: *свећа*;

ђ = **dj/đ** — звонкая палатальная аффриката [dʒ]: *међа*;

љ = **lj** — палатальный сонорный [lj]: *пље, љубав*;

њ = **nj** — палатальный сонорный [nj]: *коњ — коња*;

ћ = **h** — фрикативный заднеязычный [x]: *хћу*.

В отличие от русского отсутствуют буквы: **ъ, ь, ы, э, ё, я, ю, щ**.

Характерные буквы: **đ, ћ, љ**.

В сербохорватском различаются как долгие и краткие гласные, так и восходящая и нисходящая интонация (или восходящий и нисходящий тон). Эти тоны принято обозначать следующим образом:

Интонация	На долгом	На кратком
Восходящая	<i>рука, вино, хвалио</i>	<i>вода, говорити, отац</i>
Нисходящая	<i>град, руку, правда</i>	<i>воду, мислити, сѐб</i>

В литературных текстах ударение не отмечается за исключением случаев типа *пàс* 'собака' — *пàс* 'пояс'.

Македонский язык

Алфавит в целом на базе сербской кириллицы:

с — аффриката [dʒ]: *свезда, сенса* 'качать';

ќ, ђ (соответствуют с.-х. **ћ, љ**) — согласные, которые в произношении варьируют между палатальными [ќ], [ѓ] и аффрикатами [ć], [dʒ]: *свеќа, меѓа*;

ш, ж — [š], [ž] (несколько мягче, чем русские): *еш — ежови — ешко* 'ёжик';

ч — [č] (тверже русского), **ц** — [dž]: *чин* 'действие', *цин* 'великан, джин';

Характерные буквы: **s, k, í.**

Ударение постоянное на третьем слоге от конца.

Словенский язык

Используется хорватская латиница:

h — фрикативный заднеязычный [x]: *bogátih* 'богатых (Р. мн.)';

č, c — твердые аффрикаты [tʃ]: *příček, srcê, mēsec*;

š, ž — твердые [š], [ž]: *šumo* 'лес', *hvališ, žíví, móž*.

Характерные буквы отсутствуют.

Долгий гласный под восходящим ударением обозначается знаком ´, под нисходящим — ˆ, краткий гласный под ударением — `: ср. *sánja* 'мечта', *trǵ* 'базар', *dán* 'день', *kráľj* 'король', *jáz* 'я'.

Польский язык

c — твердая аффриката [c]: *noc* 'ночь';

cz — твердая аффриката [č]: *rzesz* 'вещь', *czytać*;

sz — [š]: *wszystko, napiszê* 'я напишу';

ż — [ž]: *mąż* 'муж', *wieża* 'башня';

rz — [ž]/[š]/[rʒ]: *rzeka, morze / przedmiot / marznąc*;

ł — [l] или неслоговое [w];

ś, ź, ć — мягкие шепелявые согласные [ś], [ź], [ć]: *gość*;

ń — палатальный [ɲ]: *koń*, кроме того, мягкость согласного может обозначаться буквой *i* между согласным и гласной: *biały, biedny, ziemió!* 'земля (Зв.)', *wiązać*;

ch — велярный фрикативный [x]: *mucha — musze* 'муха — мухе';

h — [x] или [ɣ] обычно в заимствованиях;

ą — носовое [ɔ̃]: *ząb, wiązać*;

ę — носовое [ɛ̃]: *wodę, mięso*;

ó — [u]: *dwór-dworu*;

y — [i]: *synów* 'сыновей (Р. мн.)'.

Характерные буквы: **ą, ę.**

Ударение постоянное, обычно на предпоследнем слоге.

Чешский язык

ě — мягкость [j], [ɛ], [d] перед [e]: *němý, tělo, děd*; [je] или чаще [jie] после [m], [je] после остальных губных: *město, pět, běhati*;

ů — [u̯]: *dům* 'дом'; **ó** — [o̯] встречается редко, так как исконное *ō > ū (û);

á, é, í — [ā], [ē], [ī]: *dráha* 'дорога' — *drahá* 'дорогая', *píji* 'я пью' — *píjí* 'они пьют';

h — [ɣ]; **ch** — [x]: *hoch* 'мальчик', *moucha* 'муха';

č, c — твердые аффрикаты [č], [c]: *v českém jazyce, oče!* *na bocích* 'на боках';

š, ž — [š], [ž]: *hoši* 'мальчики', *bože!*;

ř — [rʃ]/[rš]: *břeh / přítel* 'друг'; **ň** — [ɲ]: *kůň*;

ť, ď — [t̥], [d̥]: *šťastný* ‘счастливый’, *síť* ‘сеть’, *d’abel* ‘дьявол’, *sled’* ‘сельдь’.

Характерная буква ť.

Ударение постоянное на первом слоге.

Словацкий язык

Алфавит в целом на базе чешской латиницы:

ä — открытый гласный между [æ] и [ɛ]: *päť*;

i, y — [i]: *biť* ‘бить’ — *byť* ‘быть’; ô — дифтонг [ɔo]: *stól*, *vôľa*;

í — [i]: *vôľa*; ě — [t̥]: *smrť*, ň — [ñ]: *dľaň*;

t, d, n, l — перед e, i и перед дифтонгами ia, ie, iu всегда мягкие: *telo*, *list*, *dieľa*;

c, dz, dž — твердые аффрикаты [c], [d͡z], [d͡ʒ]: *cudzí* ‘чужой (одуш.)’, *džentry*;

č, ž, š — мягкие шипящие [č̣], [ẓ̌], [ṣ̌]: *reč*, *dlžen*, *odišiel* ‘отошел’;

ch — [x]: *chválim* ‘я хвалю’;

h — [h]: *hrozňú*, *noha*, *mohol* ‘мог’;

v — перед гласным и сонантом всегда губно-зубной [v]: *vdova*, *vrana*, в начале слова перед глухим согласным — [f]: *včera*, в середине слова перед согласным всегда и на конце слова — [ɥ]: *ovca* [oɥca], *dievča*;

’ — знак долготы гласного и слогового плавного: ср. *pas* ‘паспорт’ — *pás* ‘пояс’, *vlk* ‘волк’ — *vľča* ‘волчонок’, *mŕtvu* ‘мертвый’.

Характерная буква ä.

Ударение постоянное на первом слоге.

Верхнелужицкий язык

ě — [ê]: *město* ‘место’, ó — [ô]: *žónska* ‘женщина’, *hórka* (ср. *hora*);

w — [v]: *twjerdy*, *wón* ‘он’, l — полугласный [w/ɥ]: *plód*, *tolsty*;

g — [g], h — [ɣ], ch — [x]: *hlucheho* ‘глухого’, *chlěb*;

ŋ/nj — [ñ]: *dłoň*, *ř/rj* — [r̃]: *pisar* — *pisarja*, *mj* — [m̃]: *zemja*;

ž, š, ě/é — мягкие шипящие [ẓ̌], [ṣ̌], [č̣]: *činić* ‘делать’, *šić* ‘шить’, *žona*;

c — твердая аффриката, z — [z]: *chcyl* ‘хотел’, *ducy* ‘идя, идучи’, *ruce*, *noze* (дв.);

ř — также [ṣ̌]: *křidlo* ‘крыло’, *dž* — [d͡ẓ̌]: *njedžela* ‘воскресенье’, *džewjeć* ‘9’, *džeň*.

Ударение на начальном слоге слова.

Нижнелужицкий язык

ě — [ê]: *něto* ‘теперь’, ó — [ô]: *pón* ‘потом’;

ž, š, dž — твердые [ž], [š], [d͡ž]: *šwicaš* ‘свистать’;

ž, ś, é, dž — [ẓ̌], [ṣ̌], [č̣], [d͡ẓ̌]: *žeň* ‘день’, *slušaš* ‘принадлежать’;

c — [c] («цоканье»: č > c), z — [z]: *rucy*, *nozy*, *cyniš* ‘делать’;

ń, ř — [ñ], [r̃]: *wón* ‘аромат’, *řědnje* ‘хорошо’, *ńasu* ‘несут’;

j — обозначает мягкость предшествующего согласного перед гласными заднего ряда и после губных — [j]: *brjog*, *brjaza*, *mjod*, *goľubja* ‘берег, береза, мед, голубя’;

l — полугласный [w/u]: *slomjany* ‘соломенный’;
h — [ɣ]: *hoko* ‘глаз’, g — взрывной [g]: *gnaś* ‘гнать’.
В отличие от верхнелужицкого отсутствует r (вместо него после [p, t, k] — пишется ś: *pśijaśel*).
Ударение на начальном слоге слова.

Полабский язык

Полабский язык не имел собственной письменности. При записи текстов на языке полабских славян в конце XVII — начале XVIII в. пользовались немецкой графикой, которая не всегда подходила для передачи полабской речи: ср. *dahssd* = *dāzd*, *schneg* = *sneg*, *tshiurna* = *čornā* ‘черный’, *deusscha* = *daŷša*. В настоящее время используется специальная научная транскрипция на базе латинского алфавита. Перечислим некоторые специфические символы этой транскрипции:

â — лабиализованный [a]: *dâzd* ‘дождь’;
é — закрытый гласный [e]: *vépər* ‘вепрь’;
ø — закрытый носовой гласный [ø]: *gøś* ‘гусь’, *roko* ‘руку’;
ą — открытый носовой гласный [ã]: *disąt* ‘десять’, *plocą* ‘плачú’;
ö, ü — лабиализованные гласные переднего ряда: *püjü* ‘пою’, *vå vüde* ‘в воде’, *möst* ‘мост’, *slüvü* ‘слово’;
ä и ə — краткие (редуцированные) гласные: *störnä* ‘сторона’, *tamä* ‘тьма’, *mläkə* ‘молоко’;
z — [z]: *ženä* ‘жена’, *zlätə* ‘золото’;
c — твердая аффриката [c]: *crevü* ‘чрево’, *nüc* ‘ночь’;
x — фрикативный [x];
dz — твердая звонкая аффриката [d̥z]: *nüdze* ‘ноги’ И.-В. дв.;
t, d, ĩ, ś, é — мягкие палатальные согласные: *lotü* ‘лето’, *lāmä* ‘тьма’, *brólǎ* ‘братья’, *svécä* ‘свеча’, *desqto* ‘десятый’, *pās* ‘пёс’, *žornü* ‘зерно’, *móro* ‘мера’.

Ударение свободное.

Список иллюстраций

1. Св. Кирилл и Мефодий (фотография с иконы церкви Св. Кирилла и Мефодия в Праге) / Кирило-Методиевска енциклопедия: в 3 т. Т. 2 (И—О). София, 1995. С. 272.
2. Карта расселения славян в начале средневековья (V—VII вв.) / Семенов В. В. Этногенез ранних славян // Вестник Российской Академии Наук. Т. 73. № 7. С. 594—605 (2003).
3. Образец греческого устава. Евангелие 844 г. / Лавров П. А. Палеографическое обозрение кирилловского письма. Энциклопедия славянской филологии. Вып. 4. Пг., 1914. С. 17.
4. Зографское евангелие / Образцы глаголицы (25 автотипических снимков с рукописных и печатных памятников и транскрипция текстов кириллическими буквами) / Изд. Имп. Археолог. ин-та; под ред. Н. Каринского. СПб., 1908. № 1.
5. Ассеманиево евангелие / Образцы глаголицы (25 автотипических снимков с рукописных и печатных памятников и транскрипция текстов кириллическими буквами) / Изд. Имп. Археолог. ин-та; под ред. Н. Каринского. СПб., 1908. № 4.
6. Мариинское евангелие / Образцы глаголицы (25 автотипических снимков с рукописных и печатных памятников и транскрипция текстов кириллическими буквами) / Изд. Имп. Археолог. ин-та; под ред. Н. Каринского. СПб., 1908. № 11.
7. Саввина книга / Лавров П. А. Альбом снимков с юго-славянских рукописей болгарского и сербского письма. Энциклопедия славянской филологии. Приложение к вып. 4,1—4,2. Пг., 1916. № 1.
8. Остромирово евангелие / Образцы славянского древлеписания. Б. м. и г. Л. 2.
9. Супрасльская рукопись / Лавров П. А. Палеографическое обозрение кирилловского письма. Энциклопедия славянской филологии. Вып. 4. Пг., 1914. С. 40.
10. Болонская псалтырь / Лавров П. А. Альбом снимков с юго-славянских рукописей болгарского и сербского письма. Энциклопедия славянской филологии. Приложение к вып. 4,1—4,2. Пг., 1916. № 8.
11. Надпись царя Самуила 993 г. / Лавров П. А. Палеографическое обозрение кирилловского письма. Энциклопедия славянской филологии. Вып. 4. Пг., 1914. С. 24.
12. Изборник 1073 г. / Образцы славянского древлеписания. Б. м. и г. Л. 3.

1. Св. Кирилл и Мефодий
(фотография с иконы церкви Св. Кирилла и Мефодия в Праге)

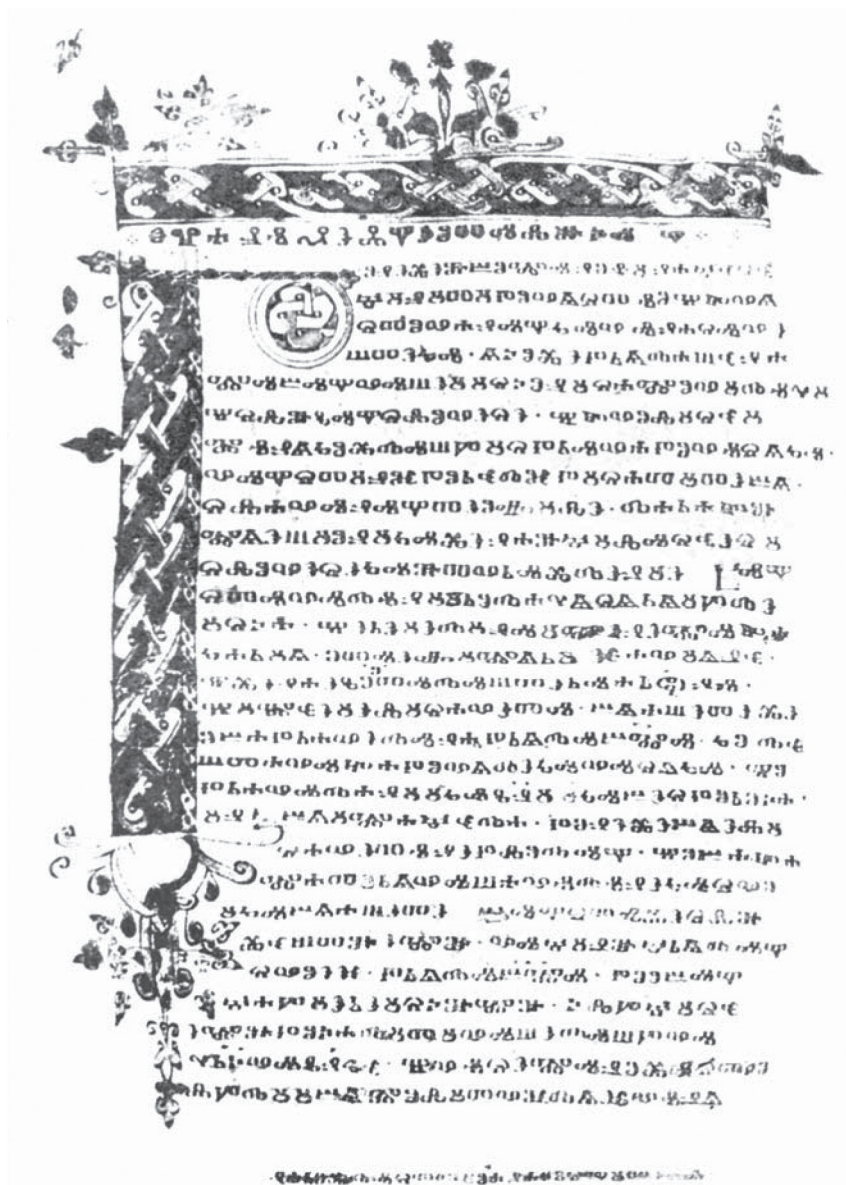
2. Карта расселения славян в начале средневековья (V–VII вв.)

Ο ΜΑΡΤΥΡΩΝ ΠΕΡΙ ΤΟΥΤΩΝ ΚΑΙ
 ΓΡΑΨΑΝΤΑ ΚΑΙ ΟΪΔΑΜΕΝ ΟΤΙ
 ΑΛΗΘΗΣ ΕΣΤΙΝ Η ΜΑΡΤΥΡΙΑ ΑΥ-
 ΤΟΥ· ΕΣΤΙΝ ΔΕ ΚΑΙ ΑΛΛΑ ΠΟΛΛΑ ὍΣΑ
 ΕΠΟΙΗΣΕΝ ΟΙΣ ΑΤΙΝΑ ΕΑΝ ΓΡΑΦΗ
 ΤΕ ΚΑΤ' ΕΝ ὍΝΔ' ΑΥΤΟΝ ΟΙΚΑΙΤΟ
 ΚΟΣΜΟΝ ΧΩΡΗΣΑΙ· ΤΑ ΓΡΑΦΟΜΕ-
 ΝΑ· ΒΙΒΛΙΑ· ΑΜΗΝ· + ----- +
 ΕΤΕΛΕΙΩΝ Η ΔΕ ΤΟΣΑΤΗ ΜΗΝΙ ΝΟΕΜΒΡΙΩ ΚΖ
 ΓΝ Η· Η ΜΕΡΑ· Ε· ὩΡΑ· Β· ----- ✠

3. Образец греческого устава. Евангелие 844 г.

4. Зографское евангелие

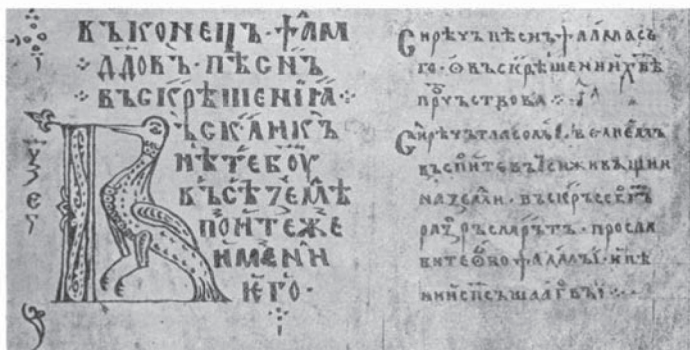
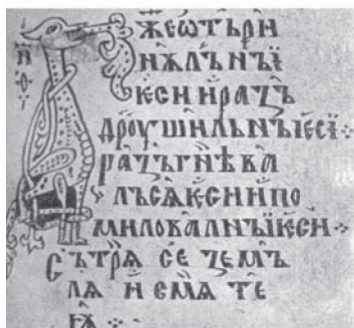
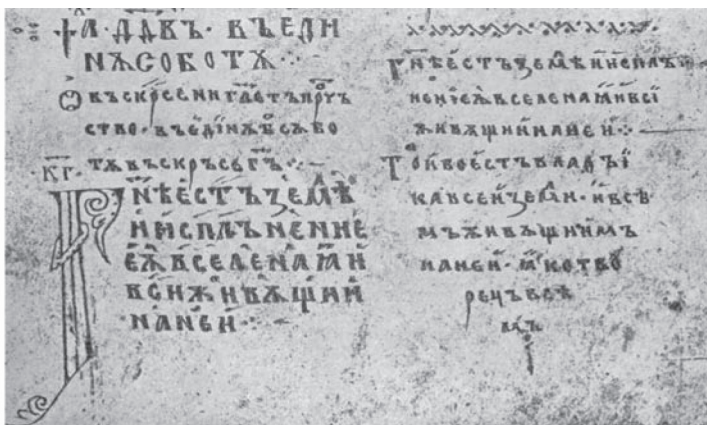
6. Маринское евангелие

РОУЖТЪ·НВЗУАСЪ·НАПАСТНОТЪ
 СТЯПАТЪ·АПАДЪШЕ·СЪВЪТРЬНИ
 СЕСХТЪ·СЛЪШЕ^{ШАВЪ}НІОТЪ·ПЕЧАЛНО
 ГАТЬ·СВОМЪ·НІ·СЛАСТЬ·МНЖИТНІ
 СІ·СЪМНПО·ТАПЛЪ·ЖТЪ·С·А·НЕ·ДО
 КОНЬ·У·А·ПЛОДА·ТВОРАТЪ·А·Ж·ЕНА
 ДО·ЕРЪ·З·ЕМН·СЕСХТЪ·ЖЕ·ДО·БРО·МЗ
 СРДЦЕМЪ·НІ·БЛГО·МЪ·СЛЪШАТЪ·СЛО
 ВО·Н·ХРАНАТЪ·Е·Н·ПЛОДЪ·ТВОРАТЪ
 ВЪ·ТРЕ·ЛЕННІ·С·СЛ·ВЪ·З·ГЛАСН·І·МЪ
 А·І·ОУ·Ш·Н·СЛЪ·ЩА·ТН·Д·А·СЛ·Ш·Н·ТЪ·
 ·С·Ж·Е·Е·Б·А·І·О·У·

ВЗОНО·ВЗННДЕ·І·С·В·З·І·КА·ПЕР·З·НА·ОУ·МЪ·
 СЪ·ТН·НІ·ГО·У·ЖЕ·Е·Д·Н·НО·МО·У·РА·ВЪ·БО
 Л·ДО·У·М·Н·РА·ШЕ·Н·ЖЕ·С·ВЪ·У·З·С·ТН·З·Е
 МО·У·СЛЪ·Ш·А·ВЪ·ЖЕ·І·СА·ПО·С·З·ЛА·Т·Г·З·НЕ
 МО·У·С·ТА·РЬ·Ц·ВІ·Ю·ДЕ·І·С·К·З·І·МО·Л·Д·СА
 Д·А·П·Р·И·Ш·З·ДЪ·С·П·Е·Т·Т·РА·БА·Е·ГО·О·М·Н
 ЖЕ·Ш·З·Д·З·ШЕ·І·С·ВІ·С·Р·Е·Н·МО·ЛЪ·У·Ж·І·ТЪ

7. Саввина книга

МНРЬСКО. ОНЪЖЕРЕУЕ. НЪНЕБЖДЕТЪПО
ЛЪЗДТВОИМЪКЮМНРЕМЪ. АШТЕТОУПРИ
ДЕМЪ. ПШЛЕМЪНЪРЕУЕОУВЪШТАНСАНА
ЛЪПНЪННН. ПННННРЕУЕ. ЕШАМОГАБЫХЪ
ЦЪВАСЪОУВЪШТАТНКСРЪТНННОМЪБЫТН. ОНЖЕВЕ
ЛМНБКСИНАВЪШЕСАРЪША. НЕНМАШНТОГОСТЪКОРН
ТНДАЖНВННЦГОРНМЪ. ПНОННРЕУЕ. ПОРЕЕСТЪЦЪЛ
ОУМЪРЪШОУНЦГОРЪТН. ОСКАВНВЪШНЖЕСАСАВНН
ПОЛЕМОНЫЕСЖШТНСЪННМЪРЪША. СМЪ. ЕШН
ЛНСА. ОНАЖЕРЕУЕ. ЕНАШТЕБЪХОШТЕРЪ. КРЪ
СТННАНЫННБОЕСМЪ. ЕЛНКОВОКЪХРЪСТОУКЪ
РОУЖЪТЪ. СМЪ. ЖЪТЪСАВЪРАДОСТНВЪУЪНЪН.
ПЛАШЕЕН. ТЫБОВЕМОУЖЕНЕХОШТЕШНБЖДЕ
ТЪТНПРНДТН. ИЖЕВОНЕЖЪРЪТЪЖЕНЫВЪБЛА
ДННТЪБСТВЪСТАГОНАЖЕРЕУЕ. СКАТРОУОУЛОУГО
СНОДОУНЕСШТНСАОПОМЪ. НАКЫЖЕПНОУРЕУЕ
ПОЛЕМОНЫ. ОУКЪШТАНСАНАМЪПНОННН. ПН
ОМНРЕУЕ. ПОВЕЛЪНОТНЕСТЪНАНОУВЪШТА
ТННАНМЪЖУНТНЖЕНЕМОЖЕШНОУВЪШТА
ТНПОМЖУН. ТОТДАПОВЫПРАШАВЪПОЛЕМО
НЪРАА. ПОЖЪРИПНОНН. ПНОННРЕУЕ. КАКОКРЪ
СТЪНАНЪЕСМЪ. ПОЛЕМОНЫРЕУЕ. КОЕСТОБЪУЪ
ПРЕШН. ПНОННРЕУЕ. БЪВЪСЕДРЪЖИТЕЛЪ. СВ
ТВОРЪШАДГОНЕБОИЗЕМЛЪЖНВЕСЪАЖЕБЪНН
ХЪ. НВЪЕЖЪХЪНАСЪНЖЕПОДАСТЪНАМАКЪВЪСЕБО

10. Болонская псалтырь

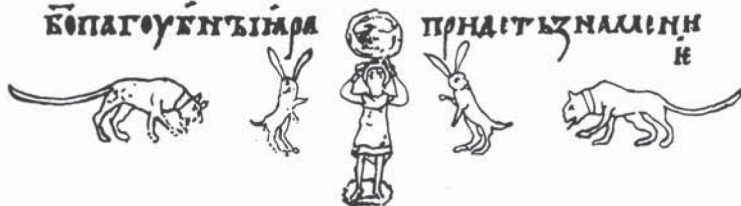
✝ ВЪ Н М А ѿ Т ѿ Ч А Н С ъ
Н Н А Н С Т А Г О А О У Х А А
З З С А М О Н Н Б Р А Б ъ Б *
П О Л А Г А Ж П А М А Т Е
Ѹ Н И А Т Е Р Н Н Б Р А Т
А І С Р ъ С Т Ѣ Х ъ С Н
Н М Е М А О У С Ѹ П Ѹ Ц
І С О Л А Р А Б ъ Б * Н
Ѣ А А В А Ѹ Н А П Н С А
Л Ѣ Т О О Т З С Ѹ Т В О
У Ѹ : Ф А Н Н З А Н

11. Надпись царя Самуила 993 г.

ВОГЖПОПУШТАИЖ
 ШТЖ ДѢИСТВОУ
 ІЖТНБѢСН ТАКС
 БОНФАРЛОПОВНВЛЪ
 СВНЖЪУЛНОІЕНРЪ
 ТЫНОИ НЖАКНОІ
 СЪТКОРИША ПОСЛА
 БНВЪШЖБОУ ВЛА
 ДОУШТААГОРАДНБЕ
 ЗОУЛНН ПРСТРѢ
 ТНКОМЪ ПОВЕЛѢ
 БОПАГОУЕНЪІМРА

НЪІ РАЗДРѢШНТИ
 ЖЕНХЪН ЕЛЖАХОУ
 НЖЕБОИЛЪПОПУ
 СТНБЪ ТОЛНКОЖЕ
 ТЪТУБЪЖСЪТВОРН
 ША СЕЖЕОУКОИСДЕО
 КАКНОЕКЪІН АШТЕ
 ВЪСТАПЕКЪТЕКПРО
 РОКЪ НАНБНДАНСЪ
 НЪІ НДАСТЪЗНАЛІ
 НИИНАУЖДО НА
 ПОНДІТЪЗНАЛІНИ
 ІЕ

В Ѡ-Ѡ-Ѡ-Ѡ

Энциклопедия Византизма

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Сокращения	6
Языки, диалекты, алфавиты	6
Лингвистические термины	7
Старославянские памятники	8
Глава I. Происхождение старославянского языка и славянской письменности	9
§ 1. «Старославянский язык» как историко-лингвистическая дисциплина	9
§ 2. Славянские языки	10
§ 3. Понятие праславянского языка	16
§ 4. Лексикостатистическое датирование	20
§ 5. Древнейшие сведения о славянах	23
§ 6. Основные предпосылки возникновения письменности у славян	24
§ 7. Создание старославянского языка	28
§ 8. Проблема диалектной основы старославянского языка	32
§ 9. Старославянские азбуки: глаголица и кириллица	36
§ 10. Корпус текстов старославянской письменности и важнейшие понятия текстологии	43
§ 11. Старославянские памятники	46
§ 12. Образцы древних славянских текстов	57
§ 13. Основные сведения по истории изучения старославянского языка	58
Контрольные вопросы и задания	75
Литература	75
Глава II. Фонетика	77
§ 14. Общие замечания	77
§ 15. Основы сравнительно-исторического языкознания	79
§ 16. Фонологический анализ глаголицы и кириллицы	87
§ 17. Фонетическая характеристика и происхождение гласных	95
§ 18. Система согласных	97
§ 19. Носовые гласные	100
§ 20. Редуцированные гласные	104

§ 21. Напряженные редуцированные	108
§ 22. Основные принципы строения слога	109
§ 23. Краткая предыстория старославянской системы гласных	115
§ 24. Аблаут	122
§ 25. Из предыстории старославянской системы согласных: раннепраславянские изменения и переход *s > *x	124
§ 26. Палатализации	126
1-я палатализация	126
2-я палатализация	128
3-я палатализация	129
Соотношение 2-й и 3-й палатализаций	131
Заднеязычные перед гласными переднего ряда после палатализаций	134
§ 27. Изменение сочетаний согласных с *j	135
§ 28. Изменения некоторых сочетаний согласных	138
Контрольные вопросы и задания	139
Практические задания	140
Литература	141
Глава III. Лексика	143
§ 29. Некоторые проблемы изучения лексики старославянского языка	145
§ 30. Состав лексики	148
§ 31. Лексика старославянского языка с точки зрения происхождения	152
§ 32. Лексика и этимологический анализ	157
§ 33. Системные отношения в лексике	160
§ 34. Синонимы и антонимы	162
§ 35. Экспрессивная лексика	168
§ 36. Устойчивые сочетания. Фразеология. Тропы и фигуры.	169
§ 37. Старославянская лексика и ее лексикографическая разработка	174
Контрольные вопросы и задания	177
Практические задания.	178
Литература	180
Глава IV. Словообразование	182
§ 38. Общие замечания о словообразовании	182
§ 39. Основные понятия словообразования	185
§ 40. Основные словообразовательные средства	186
§ 41. Основные способы словообразования	190
§ 42. Словообразование частей речи	195
§ 43. Структура слова	205
Контрольные вопросы и задания	208
Практические задания	208
Литература	209

Глава V. Морфология	211
§ 44. Грамматический строй старославянского языка по сравнению с современным русским: общая характеристика	211
§ 45. Имя существительное: категория рода	213
§ 46. Имя существительное: категория числа	214
§ 47. Категория падежа	216
§ 48. Типы склонения имен существительных	218
§ 49. Тип склонения на *a/*ja	222
§ 50. Тип склонения на *o/*jo	224
§ 51. Тип склонения на *u	227
§ 52. Тип склонения на *i	228
§ 53. Тип склонения на согласный (*en, *er, *es, *ent, *uv)	228
§ 54. Разносклоняемые существительные	231
§ 55. Изменения в системе склонения, отражаемые старославянскими памятниками	233
§ 56. Категория одушевленности	236
§ 57. Местоимение	240
§ 58. Склонение личных и возвратного местоимений	244
§ 59. Склонение неличных местоимений	247
§ 60. Имя прилагательное: общая характеристика	251
§ 61. Краткие и полные формы прилагательных	252
§ 62. Степени сравнения прилагательных	258
§ 63. Имя числительное	263
§ 64. Количественные числительные	264
§ 65. Происхождение и эволюция количественных числительных	270
§ 66. Порядковые числительные	272
§ 67. Собирательные числительные	273
§ 68. Наречие	274
§ 69. Глагол: грамматические категории и формы	277
§ 70. Формообразующие основы глагола	282
§ 71. Классификация глаголов	283
§ 72. Система глагольных времен: общая характеристика	289
§ 73. Настоящее время	292
§ 74. Будущее время	297
§ 75. Прошедшее время	302
Аорист	303
Имперфект	313
Сложные прошедшие времена: перфект и плюсквамперфект	319
§ 76. Сослагательное наклонение	323
§ 77. Повелительное наклонение	325
§ 78. Именные формы глагола: инфинитив и супин	330
Инфинитив	330
Супин	332

§ 79.	Именные формы глагола: причастие	333
	Причастия действительного залога настоящего времени	334
	Причастия действительного залога прошедшего времени	340
	Причастия страдательного залога настоящего времени	347
	Причастия страдательного залога прошедшего времени	349
	Перфектное причастие с суффиксом -л-	352
§ 80.	Деепричастие	353
§ 81.	Залог	354
§ 82.	Служебные части речи: предлоги	357
	Предлоги, употреблявшиеся с одним падежом	358
	Предлоги, употреблявшиеся с несколькими падежами	360
§ 83.	Служебные части речи: союзы	363
§ 84.	Служебные части речи: частицы	367
§ 85.	Междометия	368
	Контрольные вопросы и задания	370
	Практические задания	371
	Литература	372
Глава VI. Синтаксис		374
§ 86.	Общие замечания	374
§ 87.	Вопросительные, побудительные, восклицательные предложения	376
§ 88.	Структура простого предложения: односоставные и двусоставные предложения	377
§ 89.	Безличные и инфинитивные предложения	378
§ 90.	Способы выражения подлежащего	379
§ 91.	Способы выражения сказуемого	380
§ 92.	Согласование подлежащего и сказуемого	382
§ 93.	Второстепенные члены предложения	384
	Определение	384
	Дополнение	385
	Обстоятельство	385
§ 94.	Значения падежей	386
	Именительный падеж	386
	Родительный падеж	387
	Дательный падеж	389
	Винительный падеж	390
	Творительный падеж	391
	Местный падеж	392
	Конструкции с двойными падежами	392
§ 95.	Выражение отрицания	392
§ 96.	Способы выражения принадлежности	394
§ 97.	Дательный самостоятельный	395
§ 98.	Сложное предложение: способы выражения отношений между его частями	398

§ 99. Сложносочиненное предложение	401
§ 100. Сложноподчиненное предложение	402
Сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными	402
Сложноподчиненные предложения с придаточными определительными	404
Сложноподчиненные предложения с придаточными обстоятельственными	405
§ 101. Особенности употребления отдельных союзов	409
§ 102. Прямая и косвенная речь	411
§ 103. Порядок слов во фразе: проклитики, энклитики, полуэнклитики	412
§ 104. Влияние греческого языка на старославянский синтаксис . . .	413
§ 105. Основные различия между старославянским и современным русским синтаксисом	416
Контрольные вопросы и задания	418
Практические задания	418
Литература	421
Основная литература по курсу	423
<i>Приложение 1.</i> Графико-фонетические особенности славянских языков	425
<i>Приложение 2.</i> Список иллюстраций	430

Учебное издание

Аверина Светлана Андреевна, **Навтанович** Людмила Михайловна,
Попов Михаил Борисович и др.

СТАРΟΣЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

*Учебник для высших учебных заведений
Российской Федерации*

Редактор *В. С. Кизило*

Корректор *Л. А. Соловьева*

Компьютерная верстка *Л. В. Васильевой*

Художественное оформление *О. В. Рудневой*

Подписано в печать 08.05.2013.

Формат 60 × 90¹/₁₆. Усл. печ. л. 28. Тираж 1000 экз. Заказ № 66.

Филологический факультет

Санкт-Петербургского государственного университета
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.

Отпечатано по технологии СтР

в типографии ООО «ИПК БИОНТ».

199106, Санкт-Петербург, В. О., Средний пр., д. 86